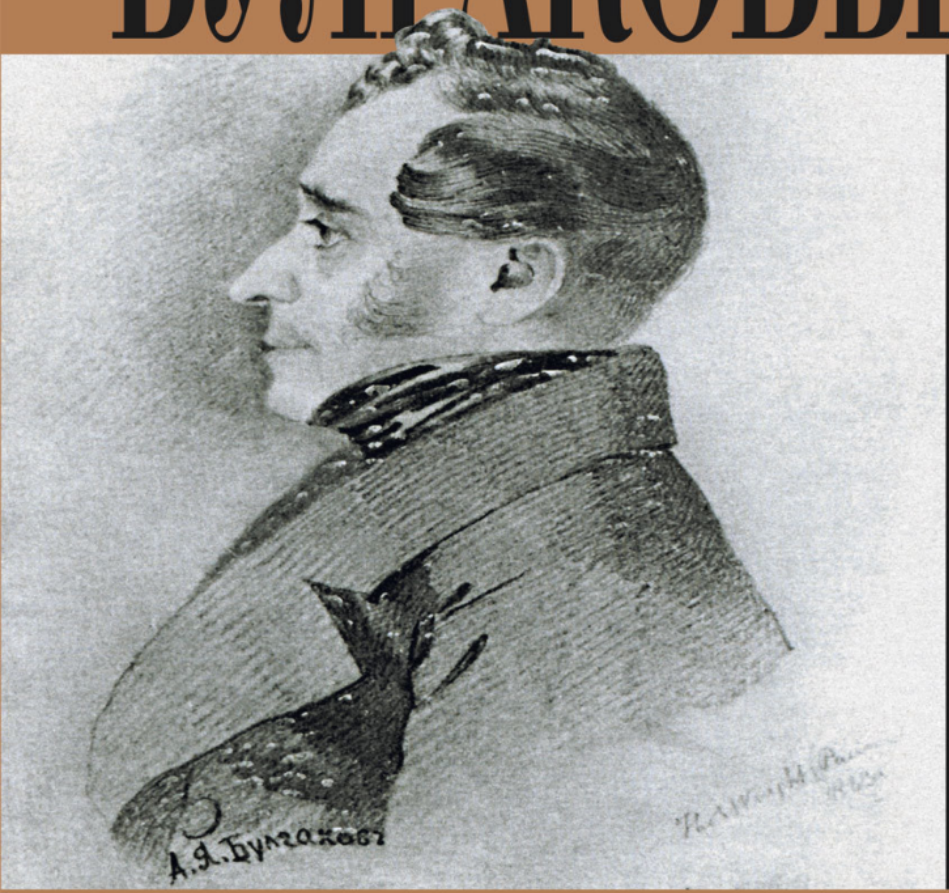
БРАТЬЯ БУЛГАКОВЫ



ПЕРЕПИСКА

ТОМ III

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Переписка Александра и Константина продолжалась в течение многих лет. Оба брата долго были почт-директорами, один – в Петербурге, другой – в Москве. Следовательно, могли они переписываться откровенно, не опасаясь нескромной зоркости постороннего глаза. Весь быт, все движение государственное и общежительное, события и слухи, дела и сплетни, учреждения и лица – все это, с верностью и живостью, должно было выразить себя в этих письмах, в этой стенографической и животрепещущей истории текущего дня. Князь П.Я. Вяземский

- Братья Булгаковы. Том 3
  - 1827 год
  - 1828 год
  - 1829 год
  - 1830 год
  - 1831 год
  - 1832 год
  - 1833 год
  - 1834 год
  - Иллюстрации
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19

- ○ 20
- ○ 21
- ○ 22
- ○ 23
- ○ 24
- ○ 25
- ○ 26
- ○ 27
- ○ 28
- ○ 29
- ○ 30
- ○ 31
- ○ 32
- ○ 33
- ○ 34
- ○ 35
- ○ 36
- ○ 37
- ○ 38
- ○ 39
- ○ 40
- ○ 41
- ○ 42
- ○ 43
- ○ 44
- ○ 45
- ○ 46
- ○ 47
- ○ 48
- ○ 49
- ○ 50
- ○ 51
- ○ 52
- ○ 53
- ○ 54
- ○ 55
- ○ 56
- ○ 57
- ○ 58
- ○ 59
- ○ 60
- ○ 61
- ○ 62
- ○ 63

- ○ 64
- ○ 65
- ○ 66
- ○ 67
- ○ 68
- ○ 69
- ○ 70
- ○ 71
- ○ 72
- ○ 73
- ○ 74
- ○ 75
- ○ 76
- ○ 77
- ○ 78
- ○ 79
- ○ 80

Братья Булгаковы. Том 3
Переписка. *Письма 1827—1834 гг.*

1827 год

Александр. Москва, 1 января 1827 года

Проснувшись ранее обыкновенного, начинаю тобою. Как стукнуло 12 часов, поцеловал я Наташу за нее, а также за тебя и всех твоих. Будьте, мои любезные, все здоровы. Детям посылаю игрушку парижскую, обманку, о коей и в журналах писано было.

Бедная Сарачинская (дочь Кутузова, бывшая Кудашева) с годом кончила и жизнь, оставя множество детей. Вчера также хоронили графиню М.А.Толстую; везли ее мимо Фавста в Донской монастырь, и он сказывал, что похороны были великолепны.

Губернатор оренбургский Нелидов умер и оставил, кроме имения, 600 тысяч деньгами, кои, пишет Эссен, завещал Кириллу Нарышкину. Нашел, кому отдать, тогда как родная его сестра, вдова княгиня Голицына, по бедности живет в монастыре.

Благодарю тебя за костюмы турецких войск регулярных. Очень глупы и смешны, и понимаю, как они должны быть ненавистны народу, столь суеверному и привязанному ко всему старому, не только в одежде, но даже и к предрассудкам.

Александр. Москва, 3 января 1827 года

Вчера княгиня Зинаида забавляла своего сыночка[1]. Много было смеху и фарсов. Я был в костюме капуцина и ужасно мучил приехавшего только что Петрушу Бутурлина. Вообрази, что в полночь въехали вдруг в залу (во втором этаже – NB) Дон Кихот и Санчо Панса, верхом на живых лошадях. И насмешили, и напугали всех. Никто еще не знает, кто это был. Сама княгиня прекрасно была одета Жанной д'Арк. Все были в масках, даже старухи.

Был я у графини Чернышевой. Она разрыдалась, увидев меня. Жаль несчастную эту мать! Муравьева[2] страшна, точно тень. Вчера должна была уехать в ссылку произвольную.

Александр. Москва, 8 января 1827 года

Вчера в «Семирамиде» пошел я в ложу к Юсупову. Старик тотчас начал поздравлением и прибавил, что никогда не бывал в Архиве, но теперь поедет непременно посмотреть, а между тем Малиновский всем рассказывает, что мне дали Шульцево место. При первой с ним встрече объясню ему, что ошибается, и вообще с этим поповичем поставлю себя на холодную ногу.

Не я один, вся Москва в восхищении от великой княгини Елены Павловны. Как мило то, что она изволила тебе сказать! Но как и справедливо! Очень для меня лестны слова государя. Дай

Бог, чтобы никогда мысли царские не переменились, а мое дело – никогда ничем не давать к тому повода.

Вот и Метакса в горе: его княжна Голицына (племянница графини Ростопчиной), коей имением он управляет, постригла себя в монахини. Увезла туда 60 тысяч рублей, кои надобно через 7 лет выплатить из доходов, а там имение отдаст братьям своим. Вся эта семья помешалась на католичестве.

Александр. Москва, 11 января 1827 года

Фавст явился вчера в большом смущении. Что такое сделалось? «Чего, братец, дом мой в Слободе сгорел, да не весь!» – «Так ты об этом жалеешь?» – «А почему нет? Ведь его нанимает Демидов: по контракту должен мне заплатить 35 тысяч. Я бы не стал делать глупости, строиться так далеко, а лучше долги бы этими деньгами заплатил». Вышло, что сгорел только мезонин Плетешковского дворца[3].

Демидов не хотел впустить полицию, говоря: «Пусть горит дом мой, а вы приехали только грабить». Частный пристав заметил ему, что не беда, ежели бы и все его дома сгорели, да зачем страдать соседям от его прихоти? Стало быть, отстояли дом против желания и Фавста, и Демидова. Однако же, ежели не исполнилось желание наемщика, то страх его оправдался, ибо у него украли в этот пожар богатый серебряный сервиз для завтрака. Фавст посылал своего архитектора освидетельствовать дом, а Демидов его прогнал, говоря: я исполню все по контракту, отделаю и сдам дом, как его принял. Уж подлинно, сошлись два чудака; только боюсь я, чтобы Демидов не попал наконец в Мамоновы. В прошлом году он своего управителя, молодого француза, изранил шпагою и убил было за то, что тот купил ему лошадей, кои понесли первый раз, что их заложили. Не всегда и богатство делает нас счастливыми.

Александр. Москва, 12 января 1827 года

Я тебе писал о странной бумаге Апраксина. Он просит у клуба 50 тысяч заимообразно, за кои дает себя порукою и берется выписать славную французскую труппу. Ему отвечали, что ежели она будет хороша, то между 600 членами, верно, многие охотно поедут слушать актеров; что же касается до 50 тысяч, то клуб на подобные издержки и спекуляции капиталов не имеет. Не может этот Апраксин жить без затей.

Александр. Москва, 17 января 1827 года

Ты пишешь об Уварове то, что мы знаем. Скажи, пожалуй, стоило ли труда заварить кашу, начать процесс, и от того только,

что велено ему дать законный ход, посягнуть на себя[4]. Своим гнусным концом он завершает мнение, которое должно иметь об его нравственности. Жил, поступал дурно, а умер еще хуже.

Княгиня Зинаида сказывала мне вчера, что Риччи просит «Танкреда» отложить на несколько дней, будто для этого траура 9, или 12, или 20 дней не равно. Да главное то, что нет удостоверения в смерти Уварова: он исчез; это так, но мог и дать тягу куда-нибудь, сесть на корабль в Кронштадте; после года или двух можно ручаться, что он умер, а не после недели; тело его не найдено; Аменаида вместо пятницы будет отличаться в понедельник. Здесь все заняты были этой историей, но теперь заговорили о Татищеве Алекс. Ивановиче, отданном будто под суд и который сознался в страшных взятках по комиссариату. Сказывают, что вчера в клубе только и говорили, что об этом. Вот и Щербинин попался. Спасибо государю; конечно, трудно все злоупотребления вдруг искоренить, но такие примеры заставят бояться виновных и удержат распространение зла.

Вчера я опять Малиновского не застал, а Анна Петровна приняла меня только что не в передней и провожала также, радовалась, что мужу ее дан такой товарищ, и проч., ругала немилосердно графа Шереметева. Я слышал, будто Малиновского опять туго считают по больнице, что очень ему не нравится. Ну, брат, какой дом у Малиновского! Это дворец, огромные комнаты, и убрано хорошо. Дешево купили, за 60 тысяч, да, я чаю, дорого стал[5].

Александр. Москва, 18 января 1827 года

У Шепелева на балу сели ужинать, а мы с Фавстом дали тягу домой, мой милый друг. Я закурил трубку и, покуда курится, стану тебе писать. Бал был славный, но я не раз вспоминал Девонширского и тебя. Как мы тут ходили, ели, пировали! На молодого Шереметева скалили зубы и пялили глаза наши мамзели; но он только показался и, не танцевавши, уехал. Наши кумушки выдумали уже, что Шепелев для того и бал давал, чтобы дочь за него выдать. Можно подумать, что для сего один бал и надобен.

Этот Закревский, право, бесценный человек! Ржевская эта[6] в нищете. Для нее этот пенсион, что он ей выходил, великое благодеяние.

Александр. Москва, 19 января 1827 года

Вчера был я в маскараде в Собрании, было весело и много разных масок. Одна между прочим меня мучила; должен быть мужчина, все говорил о тебе, что приехал из Петербурга, что

имеет письмо о тебе, которое сегодня хотел ко мне привезти, знает всех нас и общество твое хорошо. Много было также дам, но я узнать мог только княгиню Вяземскую и Зинаиду Волконскую. Я все сидел со стариком Юсуповым, который очень был весел и любезен. (Сегодня свадьба сына его.) Была пресмешная нянюшка старая, толстая такая, что насилу ходила, с нею ребеночек, в детском платье, ростом с графа Панина. Это очень было смешно.

Александр. Москва, 23 января 1827 года

Вы не только все здоровы, но и повеселились в Эрмитаже. Ежели даст Бог быть в Питере, то, я чаю, ключ отопрет и нам вход туда; а я не имею понятия, что такое эрмитажный спектакль, только желаю, чтобы дурно делалось актерам (ежели пьеса того требует), а не зрителям. Маркову [престарелому графу Аркадию Ивановичу] пора бы дома сидеть в шлафроке. А Уварова тела так и не нашли. Положение его жены странно: вдова и не вдова. Не приняли ли тело казначея за камергерское тело? Чего доброго, один другого стоит. Жаль, что не буду на свадьбе Кривошапкина[7]; скажи ему, что я заочно на ней пляшу и желаю ему всякого благополучия и сыночка. Надеюсь, что все обошлось хорошо, не как у Юсупова. Бореньку посадили, повезли к венцу, у почтамта вспомнили, что уехали, забыв благословение отцовское; для этого надобно было, по требованию барынь (и весьма, впрочем, справедливому), воротиться. В церкви, как стали разменивать кольца, то невеста свое уронила, и оно закатилось так далеко, что никому в голову не приходило, так что искать надобно было очень долго; уверяют, будто и не нашли, а подсунули другое, чтобы сделать конец остановке. Иные говорят, что это очень худо для невесты, другие – для жениха, а третьи – что не годится для обоих. У необыкновенного жениха должны быть необыкновенные происшествия. Все говорят, что она была очень весела, а Боренька задумчив и нахмурен.

Александр. Москва, 26 января 1827 года

Вчерашний спектакль у княгини Зинаиды продолжался очень долго, почти до двух часов. Все было великолепно. Я уехал, так и не угадав слово шарады, но в восхищении от «Танкреда». Можно иметь голос красивее княгининого, но трудно лучше выразить мысль музыканта: она произносит и декламирует чудесно. Вместо того чтобы заниматься зрителями, что обычно случается с женщиной, когда она играет комедию, княгиня была вся в своей роли. Барбьер и был очень забавен в «Фанатике». Костюм уморительный, вместо шиньона, подвязанного лентой, у него была сзади маленькая скрипочка, подвешенная к парику, а его

ночной колпак был барабаном. Акулова прекрасно спела, у нее красивый голос. Во второй пьесе Сталыии, очень смешной, Аллар был прелестен. Он представлял моряка, который только ругается да рассказывает о своих походах, а его все обманывают, чтобы принудить выдать дочь за молодого любовника, тогда как он обещал ее какому-то матросу. Мадам Дюмушель играла жену, Акулова – дочь, Мещерский – любовника, Ричша – субретку, а малютка Александр – слугу моряка. После была сценка из «Мещанина во дворянстве», где он берет урок, а после – второй акт из «Танкреда». О нем и говорить нечего, Риччи была прекрасна, так сильна, что ее и не сравнивали с Танкредом. Барбьери отменно сыграл Алжира. Молодой граф Михаил Бутурлин (только что приехавший из Флоренции, где, кажется, родился) исполнял маленькую роль Арбасана; у него красивый голос, и он прекрасно произносит по-итальянски. Все было отлично, но очень уж долго. Даже восхищению трудно длиться более шести часов кряду.

Меня восхищает милость государева и внимание его. Мог ли я льститься тем, что ему угодно будет вспомнить обо мне? Я постараюсь быть сколько можно полезным на этом месте. До сих пор я все наводняем визитами и поздравлениями архивских; не могу нахвалиться их ласкою, и будем жить, кажется, ладно. То самое не предвижу с Малиновским. Ох, дай Бог сил государю! Горячо за все принимается, были бы только хорошие сотрудники. Иные говорят: не искоренить зла! Почему нет? Уж то хорошо, что оно возрастать не будет.

Александр. Москва, 28 января 1827 года

Лунин уехал опять в Рязань к откупам; он очень согласен на мировую с Уваровой, но она должна утвердить завещание брата, тем более, что сим признает она, что он постановил и для нее самой. По поводу смерти. Вчера в большом новом театре был бенефис Синецкой, битком было набито; только вдруг в креслах повалился и умер некто Краснопольский. Сделался шум, полиция было унимать, но соседи покойника громко сказали: «Здесь умер человек!» Опустили среди пьесы занавес, пришли жандармы, потащили тело (что нелегко было сделать, ибо проход довольно тесен в креслах). После подняли занавес, и пьеса продолжалась, однако многие уехали, и Обресков долго возился с мертвым телом; не было ни человека, ни кареты – видно, отослал; не знали, где он живет. Умереть в театре – вещь незавидная, признаться.

Негри теперь от меня. Мамонов, катавшись, заехал вчера в его лавку, вышел, был там с полчаса, рассматривал все подробно,

изъявлял нетерпение, что не было дома Негри, все его спрашивал и велел ему быть к себе завтра до обеда; но я велел ему просить согласия Маркуса и опекунов. Граф взял одну табакерку, любовался ею и положил ее в карман, сказав сыну Негри: «Надеюсь, вы мне сделаете кредит на эти 300 рублей, ибо вы знаете, что в моем распоряжении нет ни копейки, меня содержат под надзором, как узника; но ежели я вам не заплачу, то верну табакерку. Скажите Негри, чтоб пришел ко мне сим вечером или завтра утром, и что мне хочется посмотреть гравюры». Иные входили в лавку; граф не дичился и не убегал их.

Александр. Москва, 2 февраля 1827 года

Получа доверенность графини, я первым долгом почел быть у опекунов, долго толковал с велеречивым Арсеньевым. Он все оставляет опеку и радуется, что мне все сдаст. Не знаю, почему думает, что без воли государевой нельзя ему отойти. «Да ведь вы не по высочайшей воле назначены, указ не на лицо ваше; а воля государева была учредить только опеку, а вы уже избраны были дворянской опекою, так ею и уволены быть можете». – «Не думаю», – отвечал. А ежели так, то тем лучше. Г-да эти сенаторы ужасно важничают; а между тем идут в правители канцелярии и даже в управители. Завтра предъявляю опеке свою доверенность. Немного же у них в приходе: ломбардными билетами 59 тысяч, да наличными тысячи три, а расход невелик, кажется. После все это подробнее исследую. А граф опять баламутит: написал Негри предлинное письмо на четырех страницах, в коем говорит о мятежном правительстве, которое нами управляет, что Голицын шалопай, а опекуны бездельники и проч. Не бывать проку от него; но все хорошо, что он тих и что бешенство миновало.

Слава Богу, что государь к тебе милостив; но такому государю как не благоволить к усердным своим подданным? Князю Павлу Голицыну бью челом, а не забуду никогда ласки его и милой его жены, когда были мы с Волковым в Дрездене. Спроси у Сашки, уж полно – не влюблен ли он был в княгиню; а князь также и Фавстов приятель.

Меня все еще тормошат, все приезжают архивские на поклон. Вчера был племянник твоего князя [Александра Николаевича Голицына] рекомендоваться; бедный, так говорит, что едва его поймешь: рот обезображен. Не мог застрелиться, а женился-таки. Теперь приезжал граф Валериан Зубов, только не Александрович с того света, а сын его брата Николая; и этот служит в Архиве.

Вчера объявлено банкротство князя Михаила Петровича Голицына, по прозвищу Губан, на три миллиона с лишком. Многих пустит по миру. Его князь Сергей Михайлович берет на

хлеба в дом к себе. Его не жалеют: дурак умел дойти до этого с 10 тысячами душ, из коих 7 продал. Жалеют о его трех побочных детях; сын уже майор, да две девицы; по несчастью, дано им было отличное воспитание; останутся на улице; странно, что эти Голицыны или скряги, или моты.

Александр. Москва, 7 февраля 1827 года

Все, что имеет нужду до опеки Мамонова, все ко мне хлынуло. Граф М.А. [Матвей Александрович Мамонов] вчера сочинил в стихах послание Богу; есть прекрасные строфы. Видно, читая оду «Бог» Державина, воспламенилось его воображение. Он спрашивал: кто опекуны? Сказал Зандрарт, что Арсеньев, Фонвизин и Булгаков. «Какой Булгаков? Тот ли, что был у меня не так давно?» – «Нет, это его брат, почт-директор». На что он расхохотался и прибавил: «Боже мой, как они глупы! Подопечный в Москве, а опекун в Петербурге». Он и прав. Пусть себе графиня переводит опеку к себе, ежели хочет, от чего, однако же, последует большая медленность во всем; но покуда, ежели хотят, чтобы все шло плавно, надобно и тебе дать мне доверенность действовать вместо тебя. Многое мелочное не кончено, потому что нет твоего разрешения и графининова. Последнее устроено теперь [то есть графиня Марья Александровна, сестра умоповрежденного, дала А.Я.Булгакову доверенность заниматься делами ее брата]; надобно бы и тебе развязать меня: это не помешает мне в случаях значащих отписываться и с тобою, и с нею, и требовать совета и разрешения.

Александр. Москва, 8 февраля 1827 года

Вчера проехал здесь Дибич. Он остановился в Москве только 8 часов и никого не видал, кроме князя И.А.Шаховского, коменданта и обер-полицеймейстера. Не знают, ни куда, а еще менее – зачем едет. Все полагают важную причину, да и кажется, что начальнику Главного штаба мудрено оставить столь важное место без важных причин.

Много делает шуму болезнь Степана Степановича Апраксина, который очень плох; и подлинно, в его лета не шутка нервическая горячка. Вчера он исповедовался и причащался и сам просил, чтобы его маслом соборовали, что он и исполнил ночью, нарочно, чтобы никто об этом не знал. У твоего петербургского соседа, Ланского, был вчера детский маскарад, на который мои, однако же, не попали, хотя и были званы; тут видел я С.А.Волкова. Он приехал от Апраксина, где он друг дома, а потому и сообщил мне достоверные подробности; он мне сказал, что Апраксин его не узнал и лежал как в забытьи в ужасном поту, что доктора

признавали хорошим признаком. Он недавно был на ногах. Душевное огорчение его сразило: есть у него побочная дочь, которую выдал он за какого-то генерала, ныне пожалованного в генерал-майоры. Надобно сдавать полк, а при сдаче оказалось 120 тысяч недоимки. Степан Степанович желал спасти зятя от беды, но не было средства, ибо сам весь в долгу; нашла тоска, скопилась желчь, и он слег, отказывая лекарства. Старик-князь Ю.В.Долгоруков всех удивил. Хотя насилу сидит и скуп до бесконечности, велел себя везти к Апраксину, начал его утешать, наконец ему выговаривает, что он, имея скорбь, оную от него скрыл; кончил тем, что положил ему на стол 120 тысяч.

Апраксину стало лучше тотчас, но так как было упущено несколько дней, то болезнь усилилась между тем. В консилиуме доктора иные отчаивались, а другие еще надеются. Не знаю, каков он сегодня утром. Пошлю спросить. Дочь Щербатову не пускают к нему, потому что она все плачет и расстраивает больного. Что более делает вреда больному, это видения; их было уже несколько у него, а последнее его поразило. Он не объясняется, но когда Волков ему заметил, что находит его лучше, то он отвечал таинственно: «Мне будет лучше, когда ты пришлешь спросить обо мне, и тебе скажут, что меня нет в доме». Впрочем, он очень тверд, дал разные отпускные и награждения людям, вчера велел себя перенести в другую комнату, говоря: «Не хочу тут умереть, а на постели». Послана эстафета к сыну в Петербург. Для жены его будет это большой удар. Она его любит чрезвычайно.

Другое приключение, занимающее Москву, есть следующее. Оно вроде того, что было с Зосимою, коего роль играет один известный скряга и богач, престрашный князь Гагарин, бывший в Коломне предводителем дворянским, а Севенисову роль взял на себя некто Ник. А. Норов, женатый на княжне Голицыной. Он подвернулся к этому Гагарину, начал рассказывать о старой истории, в то время замятой, то есть что этот старый хрыч засек мальчика. Норов начал его пугать, что дело это возобновляется будто и что один он, Норов, принадлежащий к тайной полиции, вновь учрежденной, может его спасти от беды. Стали торговаться; на первый случай кащей дал в 26 тысяч заемное письмо; только Норов опять явился просить денег, а между тем Гагарин так был напуган разными безымянными письмами, кои приносили ему почтальоны будто из Петербурга и кои все были составлены Норовым, что он согласился выдать ему в 250 тысяч ломбардный билет с надписью своею. Когда Норов явился за деньгами, то Кушников [сенатор Сергей Сергеевич], остерегаясь, велел узнать у Гагарина, точно ли он дал право на сии деньги Норову, на что

получа ответ утвердительный, велел деньги выдать. Все бы тем и кончилось, Норов был доволен, и скряга также радовался, что, по словам Норова, избегал Сибири, заплатя только, может быть, двадцатую часть своей фортуны. На беду, Обольянинов [губернский предводитель московского дворянства], узнав об этой истории глухо, захотел все объяснить, поехал к Гагарину и начал его допрашивать. Были две очные ставки. Не знаю, чем это кончится; только Гагарин все твердит, что он волен в своих деньгах, может их дать кому хочет, что они у него не украдены, а дал он их Норову по дружбе. «Какая же тут дружба к человеку, – спрашивает Обольянинов, – коего вы два раза в жизнь вашу видели?» Норова требовали к Шульгину, но и он то же отвечает, что и напуганный Гагарин.

Я тебя попотчевал банкротством князя Михаила Петровича, но ваша Лобанова-Безбородко перещеголяла нашего Губана. Можно ли с 500 тысячами дохода привести себя в такое положение?

Александр. Москва, 9 февраля 1827 года

Апраксин скончался вчера в пятом часу пополудни. Когда я печатал к тебе письмо, то читали над ним отходную. Гуляя пешком, я зашел проведать и нашел в передней всех людей плачущих; ему тогда было уже очень худо. Вчера только и разговора было, что о сей смерти. Доктора уверяют, что главная болезнь была моральная и пораженное воображение. Степан Степанович давно уже иначе не ездил со двора, как с кем-нибудь в карете. Он имел два видения в разные эпохи жизни; второй раз старик, который ему представился, сказал, что в третий раз явится объявить ему о кончине, и подлинно, старец дней десять тому назад явился Апраксину для сдержания слова своего, и это чрезмерно испугало и встревожило больного. Хозяин дома умер, а за стеною пели итальянцы оперу; это бы ничего, но театр был набит приятелями покойного, иные почитали себя обязанными делать печальную рожу. Апраксин был, конечно, самый пустой человек, но в столицах такого рода люди нужны. Москва лишилась большого дома, где всех принимали и часто забавляли. Нельзя не жалеть о бедной Катерине Владимировне, которая мужа очень любила и не приняла последнего его вздоха. Вчера послали эстафету с объявлением о кончине. Княгиня Зинаида должна была дать еще раз «Танкреда», но за сим печальным случаем спектакль отменен.

Александр. Москва, 11 февраля 1827 года

Ну, брат, настает прощание с Италией. Ох, жаль! А Кокошкин

едет в Петербург за лентою, то есть везет, сказывают, с лишком 200 тысяч накопленных экономией своею денег. Это значит, что везде отрезывал он самонужнейшего содержания бедных актеров. Г-да эти всю пользу службы обращают на одно свое лицо. Все это толковал мне вчера Юсупов. Норов не арестован, но Шульгин сказывал, что он обо всем донес государю прямо.

Долго сидел у меня воронцовский Вигель и рассказывал о крае том. Он малый умный.

Александр. Москва, 12 февраля 1827 года

Ну, запрягла и меня также Наташа! Почти целое утро рыскал, и теперь отправляет с разными комиссиями. Княгиня Зинаида изъявила желание быть на нашем маскараде и привезти сына; очень будем рады, только, право, не знаю, где это все поместится. С двух часов гонят меня со двора, чтобы не мешал приуготовлениям. Поеду обедать в Английский клуб.

Удивляет меня тщеславие графа Маркова. Может ли оно идти за пределы гроба? 75 тысяч назначает на свои похороны! Какая глупость, малодушие! Лучше бы ему душой своею заняться, а после смерти какая нужда до тела (по крайней мере тому, кто умер)? И без того съедят черви.

Александр. Москва, 14 февраля 1827 года

Вчера был я на двух вечерах, мой милый и любезнейший друг; но подобает начинать сначала. Увы, расстались мы с итальянцами. Мы слышали вчера в последний раз «Семирамиду». Пели нельзя лучше на прощание. После начали вызывать; сперва вышли Анти, Тегиль и Този. Хлопали, кричали «браво», «счастливого пути» и т.п. Вызвали Перуцци, он был уже во фраке; его заставляли в опере два раза спеть арию его во втором акте. Потом вызвали Замбони, не игравшего даже в «Семирамиде», а там мадам Перуцци; долго ее ждали, ибо ложилась уже спать. Она, так как не кокетка, то явилась в дурном капотце, растрепанная, с зеленым платочком. Ей очень кричали и аплодировали. Когда я уехал, то вызывали суфлера, коего и труппа, и публика очень любят: он нам всем списывает все арии и любимые пьесы. Такой суфлер клад, ибо не только суфлирует слова, но бьет каданс и даже поет сам иной раз хористам при двери своей. Имея почти всего Россини, стану теперь мучить жену, чтобы все мне проигрывала, а то перезабудешь все. Я купил жизнь Россини, стану писать на нее свои замечания, ибо англичанин этот (имя в книге этой выдуманное) часто и неправду говорит. Оттуда поехал я к Зинаиде Волконской, где нашел маленькие танцы, а от нее – к Марье Ивановне Корсаковой, где

нашел большие танцы. Бал был хоть куда. После ужина Софья Александровна [Волкова, супруга А.А.Волкова, дочь М.И.Корсаковой] и меня заставила танцевать. Сказывала, что получила от Сашки письмо, что он велит ей принять Попандопуло как можно получше и ласкать новую чету[8]. Скажи ты это эскулапу, о коем она и понятия не имеет. Я поехал с бала в три часа и оставил всех танцующими взапуски.

Ну, сударь, наш маскарадец очень удался. Было с 50 человек, а, право, не было ни жару, ни тесноты. Дети раза три переодевались. Зинаида мне сказывала, что давно и она, и сын ее так не веселились, ибо все было без претензии. Танцевать не переставали. Сначала дети были в розовых домино, как донна Фиорелли в «Турке в Италии», Клавдинька и немка наша турками, а я, как Замбони, с Гваренгиевым носом; после Лелька была в костюме Реро (Гаццы-Ладры), а там крестьянкою швейцарскою, а Катя жидовкою. Обе они были прелестны, и все на празднике ими восхищались. Были Саковнины, Брокеры, Обресковы, Волконские, Хрущовы, Фавстовы дети, дочь Алек. Ник. Бахметева и проч. Ужин был славный. Негри нас уморил, был в костюме старой дамы в фижмах. Дети по сю пору в восхищении от этого праздника. В городе о нем говорят как о порядочном празднике, а вчера мне приходилось только принимать комплименты красоте детей наших. Кавалеры были все архивские и славно отличались: мазурки, французские контрдансы, вальсы – всего было довольно. Честь и слава Наташе, она одна все сделала; я, право, не воображал, что так удастся.

Вяземский звал к себе ужо на вечер. После ужина княгиня с Зинаидой Волконской едут в Калугу к жене Михаила Орлова [Екатерине Николаевне, урожд. Раевской, правнучке великого Ломоносова]. Что за мысль? А за другою Зинаидою, то есть Юсуповой, волочился Вяземский. Муж очень косился; он, кажется, ревнив; а за ужином возле нее уселся наш слепой князь Фарфанон Аморозович. Вот все, что знаю. Пора в Архив, где надобно привести к присяге Бартенева и быть при торгах на перестройку каменного худого флигеля.

Александр. Москва, 15 февраля 1827 года

Сегодня хоронили Апраксина. Все было очень великолепно, но не так-то много было на похоронах, как бывало на балах покойного. Так-то всегда бывает на сем свете!

Александр. Москва, 16 февраля 1827 года

Сегодня не думал ехать в Архив, но князь Юсупов просил меня сделать некоторую выправку царствования царя Алексея

Михайловича. Нечего делать, надобно угодить старику, а в этот холод хотелось было просидеть дома.

Александр. Москва, 17 февраля 1827 года

Посылаю тебе бумагу, написанную намедни Мамоновым после спора, который он имел с Зандрартом. Этот ему доказывал, что он никогда не получит свободы, ежели не будет повиноваться власти, всеми признаваемой. «Ступайте, – сказал он ему, – граф, в церковь к обедне; вы увидите, что повсюду молят Бога за императора Николая; он признан не только его подданными, но и всеми земными державами. Ваши права только у вас в воображении. Кто их поддерживает, кто признает? Никто! Вы один упорно держитесь за химеру. Что вы можете мне возразить?» – «Я вам отвечу письменно», – отвечал граф, сел и в минуту написал галиматью, которую тебе посылаю[9]; я сам списал это с подлинника, выставив все его поправки, как они в оригинале. Этот документ очень важен: он заключает в себе эссенцию Мамонова сумасшествия и может сильно опровергнуть мнение тех, кои утверждают, что он не помешан. Меня только то удивляет, что столь сильное помешательство на одном пункте не имеет никакого влияния на его умственные способности в рассуждении всех других предметов. Замечания, кои делает он на книги, кои читает, очень умны и основательны, например, на книгу Мирабо о Пруссии. Он очень много читает и пишет. Бильярд бросил совсем.

Александр. Москва, 19 февраля 1827 года

Норов, коего знаешь и мой знакомый, – прекрасный малый; мы как сойдемся, все говорим об Сицилии; он написал, кажется, путешествие, которое намерен был напечатать, а тот Норов дядя его. Кстати сказать, о родственниках сего рода. Есть некто подполковник Протопопов, хорошо служивший в гренадерском корпусе. Шульгин, зная его там, переманил в полицию и сделал его частным приставом в Таганскую часть. У него молодая, прекрасная жена, дворянка, видно, щеголиха; только намедни в городе, в лавке одной, рассматривая да разговаривая, украла она кружев, материи и всякой всячины и все привешивала к поясу, который был для того нарочно устроен; большая шуба все это прикрывала. Не знаю как, только всю эту контрабанду обнаружили, и в минуту была она окружена ужасной толпою купцов и проходящих, кои начали плевать ей в глаза, ругать воровкою… Приехав домой, эта несчастная имела удар, язык отнялся, и теперь умирает; очень это весело для мужа! Экий срам!

Сегодня едет в свою Керчь Вигель, вчера вечером был у нас;

очень приятный малый, и этот тебя превозносит до небес[10].

Александр. Москва, 21 февраля 1827 года

Был у меня Зандрарт, долго сидел, толковал про Мамонова. Он опять свихнулся. Я писал тебе о пожаре, который так нас напугал. Поскольку Тверской совсем близко от забора (стены), ужас в доме графини[11] должен был быть, разумеется, куда большим. Зандрарт тотчас побежал вниз, находит графа в волнении. «Быстро сани!» – говорит он. «Зачем?» – «Хочу ехать на пожар». – «Но это далеко, за валом, г-н граф». – «Мне надобно туда ехать». – «Да зачем же?» – «А кто же будет командовать, ежели я не поеду, раз я главный фельдмаршал?» Тут начал ему Зандрарт выговаривать, что он выдает себя то за одно лицо, то за другое. Граф ему, наконец, сказал: «Вы сатана, надобно с этим покончить, берите саблю и будем биться; мы решим, кто я есть, ибо я Цезарь. Да, у меня все пороки Цезаря, но зато и все его добродетели». После чего принимается составлять портрет Цезаря, описывая все его беспутства и низости и прибавляя: «И я также…» Картина эта была столь грязна, что Зандрарт его оборвал, прибавив: «Раз так, то вы не поедете на пожар, ибо вы можете позволить себе там действия, кои я могу от вас претерпеть, но за кои на улице вас арестуют». Тот сдался на сии доводы, замолчал и спросил только дозволения спуститься на улицу, чтобы посмотреть на пожар, что ему и было дозволено.

Назавтра он был довольно покоен, но груб с Зандрартом. Этот дорого покупает хлеб свой. Он меня просит побывать сегодня у графа и умоляет сделать ему маленькое наставление. Никто, кроме Зандрарта, не говорит ему правды, поэтому граф может думать, что Зандрарт врет; надобно, чтобы другие еще подтвердили ему те же истины. Мои товарищи не хотят даже его видеть теперь, не только говорить с ним; поеду, попытаю, желая истинной его пользы и вывести его из его несчастного заблуждения. Завтра тебе напишу, что выйдет из этого. Литературные его занятия идут хорошо, много пишет и читает.

Александр. Москва, 22 февраля 1827 года

Учитель детей, чудак Лоди, вчера умер крепко уверенным, что его отравила одна петербургская барыня, которая была ему должна и которой он писал, что принужден будет жаловаться государю. Я его навещал, бедного, и не мог его разуверить; но он плакал и благодарил, что я его навестил. Он, говорят, сын побочный славного корсиканского Паоли. Фавст имел с ним странное условие. Он давал ему только половину платы за уроки детские, но заплатил ему за год (или еще два, кажется) вперед, с

тем условием также, что ежели Лоди не будет ездить аккуратно, то он, Фавст, вправе его бить. Долго Лоди не соглашался, но наконец решился.

Ну, сударь, вчера был я у Мамонова и весьма длинную имел конференцию, в продолжение коей были основательные суждения, но и много вздору. Сперва был я у Зандрарта, который меня анонсировал. «Желаете ли спуститься, ваше сиятельство?» – «Охотно». Хочу я из передней идти далее, мне люди говорят: граф здесь. Я удивился видеть его тут у окна, курившего сигару. Подошел к нему, поклонился. «Что вам угодно?» – был первый вопрос. «Ваше сиятельство мне объявили, что посещения мои не будут вам противны». Видя неприличие с ним говорить в передней между лакеями, я прибавил: «Не угодно ли вам идти в те комнаты?» – «Это все равно», – отвечал он, но Зандрарт сказал: «Это недостойно вас и его превосходительства г-на Булгакова – беседовать с вами здесь». Тогда пошел он в гостиную. Слова «его превосходительства» его поразили и как будто были ему неприятны. «В каком же вы состоите чине?» – «Я действительный статский советник и в коронацию получил камергерское звание». – «Все это вздор, вы не можете быть действительным статским советником». – «Когда я вам говорю это, то вы можете мне верить; я служу 25 лет, и неудивительно, что я мог дослужиться до этого чина. Вы меня гораздо моложе сами, а генерал-майор». – «Я все и ничего», – отвечал он. Стал спиною к стене и начал, положа руки назад, качаться. Заметь, что мы оба кашляем. Я начал говорить о медиках, стал ему хвалить Маркуса. «Я ни в чем не нуждаюсь, – сказал он, – ни в Маркусе, ни в медицине, ни в ком; я себя чувствую преотлично». Тогда Зандрарт прибавил: «Да, граф, ваше физическое состояние превосходно, но мы говорим об умственном». Тогда граф отвечал с улыбкою: «Ах так? А вы тот *мел*, та высшая субстанция, которой надлежит вернуть мне мои умственные способности!» – «Я этого не говорил, г-н граф». А граф тотчас с насмешкою спросил меня: «В какой вы приехали карете, в четырехместной или двухместной?» Я усмехнулся сам и спросил, не хочет ли он, может быть, ехать прогуливаться со мною? «Я узник, – отвечал он, – содержащийся под надзором, мне все запрещено». – «Вовсе нет, вы выходите на воздух и могли бы пользоваться всей вашей свободою, ежели нельзя было бы опасаться, что вы ею злоупотребите; есть вещи, в коих вы упорно держитесь противоречия со всеми, это нехорошо и только бессмысленно продлевает для вас меры, кои мы вынуждены принимать». – «Почему вы не хотите открыться его превосходительству? – спросил Зандрарт. – Говорите с ним откровенно». Тут отвернулся он и, пойдя в залу большую, начал

там ходить.

Я вошел туда также. Он опять поклонился, как будто не видел меня прежде, спросил, кто первый член в Архиве. «Малиновский, сенатор, а я второй». Тут вошел он в подробности о бумагах архивских, говоря: «Там должны храниться любопытные хартии», – а там опять, вспомнив, видно, мой чин, спросил цугом ли я езжу. «Это вывелось, – отвечал я, – даже и государь, и вся царская фамилия ездят в четыре лошади». Замолчал и вдруг прибавил: «Вы все утверждаете-таки, что вы генерал?» – «Я не генерал, ибо не служил в военной службе, а действительный статский советник. Зачем вас это удивляет? Мой младший брат – тайный советник; вы знаете, что он избран государем вашим опекуном. Я собираюсь ехать в Петербург, не угодно ли вам что-нибудь приказать?» – «Я, – отвечал он, – не хочу с вашим братом быть ни в письменных, ни в словесных, ни в каких сношениях». – «Послушайте, граф, с терпением: ежели уже решена необходимость опеки над вами и имением вашим, то не лучше ли, чтобы опекуном был человек честный, благородный и всем, даже государю, известный, как брат мой, нежели другой кто?»

Как я ни настоял, он все упорствовал в молчании и смотрел на меня пристально, а когда Зандрарт сказал: «Поговорите с его превосходительством, изложите ему ваши доводы откровенно», – то граф вдруг спросил: «Будете ли вы на дороге ночевать?» Меня это кольнуло, и я сказал ему: «Конечно, я ничего не сделал, чтобы заслужить вашу доверенность, но ежели бы вы знали меня короче, я смею ласкать себя мыслию, что вы иначе принимать стали бы мое предложение. Если вы меня судите слишком сурово, меня не зная, дайте мне, по крайней мере, какие-нибудь простые поручения в Петербурге. Разве у вас там нет знакомых? Так, значит, вы забыли, что у вас там сестра?» – «Говорят, будто у меня есть или была сестра». – «У вас есть сестра, графиня Марья, она, по правде, часто болеет, и отчасти это из-за вас; я, разумеется, собираюсь навестить ее в Петербурге». – «Ежели вы ее увидите, я прошу вас *поцеловать* ее от моего имени». Но в словах сих было такое отсутствие всякого выражения, что я не сумел разгадать, произнес ли он их из любви или в насмешку; ибо чужой человек не может получить позволения, особливо от него, целовать его сестру.

Когда увижу Маркуса, то спрошу у него, не хорошо ли было бы, ежели б графиня написала письмо брату с благодарностью за то, что он ее помнит. Словом, я был первым, кто решился напомнить ему о существовании у него сестры, ибо Арсеньев утверждал: «Ему не надобно и напоминать о сестре, а то он взбесится». В другой раз поговорю с ним подробнее, ибо в этот

раз он был в дурном настроении. Зандрарт говорит, что это оттого, что, когда обо мне объявили, он писал, и бросил перо, чтобы идти меня встречать, и, найдя меня в первой комнате, принялся болтать. Может быть, со временем он ко мне привыкнет. Было бы слишком долго пересказывать тебе всю нашу беседу, я сообщил только основные черты. Когда я у него спросил: «Не встревожил ли вас намедни пожар?» – «Меня ничто ни встревожить, ни испугать не может».

Я закончу одной особенностью, которая ничтожна сама по себе, но доставила мне случай вставить слово, которое, кажется, графа смутило. Окидывая взглядом залу, я сказал: «Сколько я веселился, видал танцев и пения слышал в этой зале! Здесь жил граф Чернышев». – «Какой Чернышев? Это что выдает себя за генерал-адъютанта?» – «Нет, не тот; но тот не выдает себя, а точно генерал-адъютант императора, а я говорю о графе Григории Ивановиче». – «Это обер-шенк, – отвечал граф, – а какой *присваивает* он себе чин?» – «Он не присваивает себе, а имеет точно чин действительного тайного советника». – «Где он теперь?» – «Он приехал из Петербурга». – «Зачем ездил туда?» – «Прощаться с сыном». – «Сын, верно, едет в Грузию?» – «Нет, он, по несчастью, осужден следственной комиссией за участие в некотором заговоре».

Граф стал часто посматривать на Зандрарта, а между тем спрашивать стал, какой имел чин Чернышев (и все его смешивал с генерал-адъютантом), против кого был заговор, на какое осужден наказание Чернышев, куда сослан, показывал довольный вид и вообще говорил с жаром, какого я не примечал в прежних разговорах. Ежели он подлинно был замешан серьезно в сем заговоре, как некоторые думают, то, верно, заметил бы я какое-нибудь смущение, а тут заметно было только любопытство знать все. Я, однако же, прервал разговор. «Оставим, – сказал я, – этих несчастных; надобно все это предать забвению, а буйным головам это уроком должно служить». Я говорил, что довольно хорошо играю в бильярд, предлагал сразиться когда-нибудь; граф отвечал: «Я не могу играть с вами, ибо только что в шар попадаю».

Надобно бы мне все это отписывать графине, но, право, недосуг сегодня. Прошу тебя, милый мой, прочитать все это графине и передать это прилагаемое при сем сообщение Зандрарта. Это подлинный козел отпущения, он дорого покупает свой хлеб, ибо граф обходится с ним либо презрительно, либо с крайней холодностью. Однако бывают минуты, когда он с ним мягок. Я же, милый мой, всегда буду говорить, что Маркус и Эвениус оказывают ему выдающиеся услуги; они привели

больного в спокойное состояние, безумие его сосредоточилось в единственном пункте безмерной гордыни, от чего он никогда в жизни не вылечится. Навещу его еще раз и, поскольку объявил ему о своем праве, буду говорить с ним еще тверже в будущем. Графа одевали во все новое и опрятно, но он сказал, что бретельки его стесняют, галстук тоже, а также и сапоги, и что, будучи у себя дома, он может одеваться, как хочет; на это нечего было возразить, так что он вернулся к своему прежнему наряду.

Александр. Москва, 28 февраля 1827 года

Какое же сомнение, что Мамонов помешан? Графине посылаю я его стихотворения, о коих она меня просит; тут нет признаков сумасшествия, все плавно и хорошо; зато тебе посылаю бумаги совсем в другом роде. Не знаю, ей приятно ли читать их; не думаю; впрочем, оставляю на твою волю, казать ей или нет. Я списал их с оригиналов. Первое. Ты помнишь пожар, о коем я тебе писал. Мамонов хотел непременно туда ехать, Зандрарт не позволил; граф, войдя в кабинет, написал протестацию. Полюбуйся титулами, кои себе присваивает; смешно, что ко всем сим почестям прибавляет он титул полицейского офицера. Второе. Разговор в Царстве Мертвых его доктора Маркуса с Марком-Аврелием, в кои жалует он себя. Это очень замечательно, ибо он тут сознается, что он безумный и что Маркус ему грозит холодной ванной и велит связать ему руки. Этот диалог совершенно уморительный. Третье. Это беседа между Ангелом и Ангелом-Императором (опять он будто); не давали ли ему это имя в какой-нибудь ложе масонской или другом обществе? Он что-то часто называет себя ангелом. Покуда пишу тебе о нем, приходили уже трое требовать деньги по счетам графским. Право, срам, что заставляют кричать и жаловаться, тогда как деньги эти признаны законными, а деньги у Арсеньева лежат. Я жду только указ свой из опеки, чтобы напасть на моих товарищей.

Александр. Москва, 5 марта 1827 года

Лодер был у меня более часу вчера, рассказывал мне предлинную рацею, как он покойному государю подносил какую-то славную книгу медицинскую, над которой работает 20 лет и коей одни доски стоят ему более 10 тысяч; как он эту книгу огромную хотел царствующему императору поднести, как государь велел ему через твоего князя [то есть Александра Николаевича Голицына] написать, что желает, чтобы посвящение оставалось покойному государю, хотя сам и приемлет книгу, и проч. и проч. Да полно, не рассказывает ли он сам тебе в письме своем, здесь прилагаемом, всю эту историю? Дело в том, чтобы

покончить с этим, что он просит тебя убедительно посылки сии (распечатав их, найдешь книзу надпись в Лондон, как следует) отправить надлежащим образом в Лондон; тут доски или оригинальные рисунки, кои должны быть выгравированы в Лондоне. Возьми на себя этот труд.

Александр. Москва, 7 марта 1827 года

Побранил я молодого Соболевского, который осмелился сюда [то есть в Архив, где Булгаков начальствовал вместе с Малиновским] приехать в сюртуке. «Архив не постоялый двор, сударь». – «Но я думал, что вы сегодня не приедете». – «Да ведь речь не обо мне, вы должны иметь более почтения к портрету императора, который здесь висит, чем к моей особе; я вас скорее простил бы за приезд ко мне домой в сюртуке, чем сюда». Извинялся и сам почувствовал свою ошибку. Ему товарищи прежде уже говорили, что это не годится, но он не послушался, и потому я его не поберег, а то сказал бы ему то же, но с глазу на глаз. Надобно молодчиков проучивать.

Александр. Москва, 10 марта 1827 года

Ты, я думаю, помнишь молодого Свербеева, бывшего при швейцарской миссии с Крюднером; он только что женился на молодой княжне Щербатовой. Он занемог горячкою, и говорят, что болезнь берет дурной оборот.

Я оканчиваю письмо это в Архиве, куда сегодня и Малиновский явился: есть бумаги от графа [то есть от графа Нессельроде] и Блудова, по коим надобно рыться и сделать исполнение. Сенатор очень меня благодарил за старание твое о Егорове и предлагал мне взамен свои услуги, в чем ему можно будет.

Вяземский пишет мне узнать через Маркуса о состоянии Свербеева и прибавляет: «Сделай одолжение, напиши брату, чтобы он мне прислал через тебя книги, ему для меня из Дрездена от Жуковского и Тургенева присланные. Мне эти книги нужны по моим журнальным занятиям» [князь Вяземский в то время сотрудничал с Н.А.Полевым в издании «Московского Телеграфа»].

Александр. Москва, 11 марта 1827 года

Зима наша хоть куда, то есть новая. Мороз, и снегу более теперь, нежели когда-либо, а были дни такие весенние, что я поэта Пушкина видал на бульваре в одном фраке; но правда и то, что пылкое воображение стоит шубы.

Александр. Москва, 12 марта 1827 года

Вчера было совещание по делам князя Михаила Петровича Голицына; миллион 400 тысяч долгу обозначены на залогах, это все уплатится, а миллион 800 тысяч без обеспечения, этим достанется по 15 или 20 копеек на рубль. Голицын имел бесстыдство показать, что разорен был французами; ему доказали, что он после 12-го года продал имение на два миллиона почти; он отвечал, что сделал это для заплаты долгов. Как же, без особенных несчастий, долги не только не истребились или уменьшились, но вдвое возросли? Никто не понимает этой загадки, и думают, что он перевел капиталы в чужие края. С нашим Бравурою нехорошо он поступил; он у него просил 6300 рублей по 40 на сто на 4 месяца, а Бравура отвечал, что он не жид, а очень рад, что может князя ссудить сею суммою, взяв с него 6 процентов, и дал; теперь он, бедный, за свою честность должен терять свои деньги.

Александр. Москва, 16 марта 1827 года

Здесь слух, что в Париже умер князь Тюфякин. И не верится, скажет Губан Голицын, ибо этот обанкротившийся князек – наследник тюфякинского материнского имения, а оно составляет 2000 душ. Между тем его согнали из дому, и он живет у князя Сергея Михайловича Голицына, который определил ему по 2000 рублей в месяц пенсии. Это прекрасная черта со стороны князя Сергея. Пусть и говорят, что он богат, да ведь мог иначе употребить сии деньги. Другой бы затаил зло на князя Михаила, коего князь Сергей наследник.

Александр. Москва, 17 марта 1827 года

Не знаю, писал ли я тебе о странной ссоре, бывшей в клубе? Некто Щукин подает мнение, чтобы члены имели право не платить за целый ужин, а требовать только одного такого-то блюда и платить за одну только порцию. Против сего восстало большинство, и возражение писано было профессором Давыдовым. Слушая оное, профессор Качеповский был поражен слогом, спросил, кто писал, и узнает, что это Давыдов, друг его, с коим в университете они всегда одного мнения. Тут начал он ему выговаривать, что таил от него мнение свое, стал убеждать, чтобы отступился от оного; но Давыдов не согласился, и теперь два профессора, бывшие друзьями, поссорились за порцию кушанья. Этот вздорный спор вооружает одну часть Английского клуба против другой, как важное какое-нибудь дело, и вчера еще был большой шум, а в субботу станут баллотировать вздор этот, и я тебя этим вздором потчую, не имея ничего лучшего писать.

Александр. Москва, 18 марта 1827 года

Вяземский писал биографию графа Аркадия Ивановича Маркова и просил меня достать ему некоторые справки из Архива; надобно было рыться почти целое утро, но наконец исполнил его комиссию[12]. Перебрал множество старых календарей и бумаг.

Александр. Москва, 23 марта 1827 года

Вчера был у нас Малиновский и сидел более часу. Очень и он, и все жалеют о преждевременной кончине бедного Веневитинова. Прекрасный был молодой человек. Мать, сказывают, в ужаснейшем положении. Княгиня Зинаида объявила ей о несчастий, ее постигшем. Незавидная комиссия! Все архивские товарищи, любившие очень покойника, плачут как о брате.

Александр. Москва, 29 марта 1827 года

Спор в клубе кончился, и не в твою пользу: ужин остался по-прежнему, порции одной требовать нельзя, кроме бутерброда, размазни и жаркого. Последнее, видно, тебе в угодность. Выбрали новых старшин, а именно: губернатора Безобразова, Ивана Ивановича Дмитриева, Масальского, Ивана Дмитриевича Нарышкина, князя Сергея Ал. Волконского, князя Павла Павловича Гагарина и Горяйнова. Были интриги для избрания некоего Гейера (бывшего любовника княгини Варвары Юрьевны Горчаковой), да не удалось.

Как скоро статья Вяземского о графе Маркове выйдет в «Телеграфе», я тебе сообщу. Желательно бы что-нибудь подробнее, но и это хорошо.

Видно, Дибич все дело сладил, что Паскевич едет оттуда, да и его самого сегодня ожидают в Москву. В Комиссариате и госпитале военном все приготовлено на показ ему.

И поэтому надобно полагать, что Долгоруков [князь Алексей Алексеевич, министр юстиции] у вас останется, что переводит сына из Архива в Коллегию. Все его товарищи сенатора крепко добиваются, что будет с ним; иные любят его, иные – нет, третьи, а может, и все – завидуют!

Скажи графине, что брат ее говеет, ездил к обедне в свой приход; все это хорошо, увидим, что будет, как дойдет до причастия. Духовник и прошлого года после исповеди объявил, что не может его допустить до причастия. Булгарин расписал в «Пчеле» своей концерт Шимановской довольно надуто. Вчера в клубе читал громко Вяземский, а Иван Иванович Дмитриев и Пушкин Александр смеялись, делая критические замечания.

Александр. Москва, 4 апреля 1827 года

Ну, брат, поездил я вчера с визитами; слушай и считай: у князя Дмитрия Владимировича, Филарета, Обольянинова, Корсакова, Чернышевых, Обресковых, Малиновского, Ростопчиной, Нарышкиной и Милашевичевой (которая не на шутку слегла), Курбатова, князя Сергея Михайловича Голицына, Юсупова, Арсеньева, Фонвизина, графа Мамонова (но не видал), Глебовой, Черткова, княгини Катерины Ал. Волконской, Л.А.Яковлева, тестя; кажется, все, да, кажется, и довольно.

Только в городе и разговору, что о Ермолове, с разными толками. Он имеет сильную партию, но ежели судить беспристрастно, не по прежней его репутации, то что же сделал он в 10 лет и страшными способами, которые были ему даны? А как было ему не предвидеть, не предупредить это дерзкое вторжение в наши пределы такого человека, каков Абас-Мирза? Я сужу, впрочем, как слепой. Всякий спрашивает, что с Ермоловым будет? Как не попал ни в Совет, ни в другие назначения, как не смягчено удаление его и проч.? Может быть, и было ему предложено; но он по нраву своему все отказал, предпочитая отставку. Иные говорят, что он здесь остается; другие – что купил уже дом где-то в Крыму. Слух здесь носится о войне с турками. Ты знаешь, что Москва не может жить без вестей и предположений.

Александр. Москва, 9 апреля 1827 года

Ну, брат, как обрадовал ты Волковых! Получив приказ, я тотчас к нему; нет дома ни его, ни славной женщины. Досадно! Сажусь, пишу записку и приказываю жандарму отыскать его, где бы ни был, а нельзя его, то Софью Александровну. Воротясь домой, Наташа говорит: «Иди на качели, они, разумеется, там». Я под Новинское, это недалеко. Первое лицо в толпе – Волков, в синем своем мундире. Я ну его целовать и поздравлять. «Милый мой, я не поверю, пока приказ не увижу». – «Да брат пишет». – «Брат пишет; да кабы было верно, то прислал бы приказ». – «Экий ты неугомонный, ну вот тебе и приказ». Взял меня за руку. «Ну, пойдем искать жену», – искать, искать, – наконец видим идущую, летящую к нам славную женщину с радостной улыбкой. Я спрятался. «Милый друг, я должен объявить вам хорошую новость». – «Что такое?» – «Пашка – офицер». – «Вздор!» – «Право, вот читай записку Булгакова, мне ее привез жандарм сию минуту». – «Да вздор! Сколько раз нас обманывали, ведь приказа нет? Нет!» Уж тут я не стерпел: «Вынимай, варвар, жандармская душа, приказ; дай прочесть офицерской матери патент родимого

сынка».

Оба, особливо Софья Александровна, были вне себя от радости. Тотчас схватили с улицы жандарма и отправили верхом к Марье Ивановне Корсаковой с приказом и поздравлениями, меня потащили насильно к себе обедать, и пили шампанское за здравие господина офицера.

У тестя был пир на весь мир, как и всякий год; ты знаешь, что в пятницу бывает гулянье на Пречистенке. Я тут обрадовал также княгиню Долгорукову, которая не знала ничего о ленте мужа ее. О боже мой! Видел я тут, что это – свет! Это женщина (простая и тихая), с которой прежде и говорить никто не хотел; теперь все вились около нее, а сенатор Кашкин сбил было другого сенатора, Каверина, с ног, промчась мимо него, чтобы идти дать руку и вести за стол княгиню Долгорукову, потому что Обольянинов объявил, что его знакомый читал рескрипт государя к князю А.А. о бытии его на место Лобанова. Князь Дмитрий Владимирович меня спрашивает, правда ли это; я отвечал, что это дело сбыточное, но что по последним письмам из Петербурга от 4-го этого еще не было, и что князь А.А. тебе сказал, что ждут просуху, чтобы ехать в Москву. «Я вас уверить смею, – сказал Обольянинов, – что Долгоруков министром и сюда не возвратится». – «А я думаю, – отвечал я ему, – что ежели князь и будет министром, то все-таки приедет в Москву, чтобы раз навсегда устроить свои дела». Весь этот вечер прошел в спорах за и против. Я желаю, чтобы это было для пользы службы, да и с князем А.А. был я всегда в хороших очень отношениях.

Александр. Москва, 12 апреля 1827 года

Кривцов и в Нижнем несдобровал. Его жена здесь и все не ехала. «Подожду, – сказала она Исленьевым, – того и гляди, что муж что-нибудь и тут напроказит, и его отставят»; так и вышло. Экий чудак! А все говорят, что человек честный и благонамеренный. Ты пишешь, что на его место вице-губернатор, но не говоришь, какой; видно, забыл ты прибавить слово *ваш*, ибо точно Храповицкий назначен в Нижний: ему пишет это генерал-адъютант и кузен Храповицкий. А наш бывший вице-губернатор взял дилижанс и скачет в Петербург отговариваться от губернаторства этого, желая быть в Орле или Смоленске.

Это, видно, Лиза Строганова выходит за Салтыкова; а я с другим его братом, что женат на княгини Горчаковой дочери, играл намедни в мушку у княгини Волконской. Какой он тщедушный! Зато она плотна и, вероятно, пойдет по матушке.

Александр. Москва, 13 апреля 1827 года

Волков[13] разворачивает обширную деятельность и беспрестанно занят комиссиями, кои все стремятся к искоренению злоупотреблений и воровства. Недавно обыграли молодого Полторацкого [Сергея Дмитриевича], что женат на Киндяковой, на 700 тысяч рублей; тут потрудились Американец Толстой и Исленьев, а теперь известный разбойник Нащокин обидел какого-то молодого человека, коего увез играть в Серпухов. Как накажут путем одного из сих мерзавцев, то перестанут играть.

Александр. Москва, 19 апреля 1827 года

Моя жена как ребенок радуется. Ты помнишь, что старичок Нечаев, недавно умерший, оставил завещание; но оно так бестолково и противозаконно, что нельзя оное исполнить. Об имении будут долго спориться разные претендаторы. Между тем, в завещании сказано также было: Наталье Васильевне, ее превосходительству Булгаковой, – перстень. Это было ясно выражено; итак, г-н Полуденский, душеприказчик, просил меня зайти этим утром в Воспитательный дом; он принес мне шкатулку покойного, в коей находились все драгоценности, кои тот оставил, и дал мне выбрать из шестнадцати перстней (всех полученных от щедрот императрицы-матери) тот, что мне более всего понравится. Как в таком случае всегда самым красивым станет тот, что будет самым богатым, то я выбрал монстра, лишенного изящества, но оцененного Кабинетом в 4000 рублей. Он по-прежнему стоит более 3000. В нем изумруд посредине, а вокруг довольно большие бриллианты. Наташе очень понравился даровой конь, а потому и в зубы ему не смотрела, а надела на палец; полруки закрыто от перстня, и она ходит, как павлин. Это хорошо, но что еще лучше перстня, это то, что ей лучше да лучше самой: показался славный аппетит и цвет в лице.

Я получил пренежную записку от нежного Малиновского, который спрашивает, каково здоровье ее превосходительства Натальи Васильевны, и когда я еду? Я нашел *«ее превосходительство»* очень смешным в его устах. Ответ – что ее превосходительству лучше, а я скоро еду и приеду с ним проститься[14].

Александр. Москва, 22 апреля 1827 года

Новосильцев сказывал мне, что есть указ Сенату судить Витберга, к которому приставлен часовой, а также и к Руничу, и трем другим, в комиссии сей заседающим. Никто о Витберге не жалеет; он был очень дерзок в обхождении своем со всеми. Сим теряет он право на участие и снисхождение.

На Кокошкина все косились. Он лишил публику удовольствия [то есть учреждения в Москве французского театра]. Вчера поутру был он у князя Дмитрия Владимировича; видно, оправдываться. Новосильцев доложил. «Скажите, что меня нет, скажите что хотите; не желаю видеть эту рожу», – отвечал князь. Новосильцев, выйдя из кабинета, пустил Кокошкину каламбур, сказав ему: «Князь видеть вас не может!»

Все на этом обеде наполнены были новостью, написанной Дегаю из Петербурга, что князь Дмитрий Иванович Лобанов болен и что наш Арсений правит его должность. Это было бы не секрет, и, верно, ты бы мне написал, тем более, что ты говоришь мне о Закревском в последнем письме твоем. Да и с какой стати Закревскому, который не переставал быть финляндским генерал-губернатором, занимать другое место? Все со мною спорили, я им позволял говорить. Тут нет ничего дурного для нашего общего приятеля.

Александр. Москва, 23 апреля 1827 года

Когда будешь писать доброму Каподистрии, ото всех нас поклон дружеский. Я отнял у Свербеева портрет его литографированный и довольно похожий, с простой надписью внизу: *«Каподистрия».* Не знаю, есть ли он у тебя. По этому портрету – он очень состарился и похудел.

Намедни как я удивился! Иду с Фавстом пешком к Николевой; вижу – вдали идет к нам навстречу женщина одна-одинешенька, в вуали, без человека, разряжена. Фавст говорит: «Посмотри-ка – верно, это девка?» – «Нет, это, должно быть, иностранка», – отвечал я. Только как поравнялись, вышло, что это княгиня Зинаида, с коей я остановился и говорил. Фавст отчего-то не одобрил этого. Как можно, говорит он, ходить так одной! Ну, как нападет собака? Кому до чего, а Фавсту все до собак, как будто собака не может укусить и гренадера; опаснее гораздо молодчики и хваты. Как схватит эдакий в объятья да станет целовать и к себе прижимать, так не прогневайся, Зинаида: у нее на лбу не написано, кто и что она.

Умер известный богач и скряга, князь П.И.Гагарин, тот, коего Норов обдул. Он оставил бездну денег и большое имение. Большая часть достанется князю И.А.Гагарину, что живет с Семеновой. Думают, что теперь он на ней женится и сим узаконит детей, коих от нее имеет. Теперь Гагарину придется возиться с Норовым. А старик умер, имея под головами ломбардные свои билеты. По уверениям иных, остается 3 миллиона денег, а другие говорят, что чистых только 750 тысяч, да на столько же векселей, из коих большая часть с залогами. Это годится, особливо

многодетному князю Ивану Александровичу.

Александр. Москва, 27 апреля 1827 года

Покража у Полетики довольно странна, и кажется, вор должен отыскаться. А меня у Зинаиды как душил Волконский-заика: поймал меня на лестнице, да все провожал и держал полчаса, рассказывая. «Какая со мной беда, ты не слышал?» – «Нет!» (Хотел сказать «да», чтобы избавиться от длинной, скучной реляции.) – «Вообрази (я стану чрезмерно сокращать), вообрази, что ложусь спать, по обыкновению, сплю, просыпаюсь, иду в кабинет – ничего, иду в сад, гуляю, возвращаюсь в кабинет – ничего, иду к жене, завтракаю – ничего, возвращаюсь в кабинет – опять ничего, одеваюсь – хвать! Что же? Вообрази себе – не нахожу своих часов и… двух полуимпериалов! Куда девались? Просто ук-ук-кккрали!» Насилу фатальное слово выговорил. Стоило труда так долго рассказывать? Я думал, что миллион пропал. Увидав тут Шульгина [московского обер-полицмейстера], я пожалел о нем, и подлинно, мой заика впился в него и не дал ему и «Танкреда» послушать. Ох, куда тяжел этот князек!

Вообрази, что старику-богачу Гагарину было 114 лет. Это видно по купчей, которую у него нашли. Какая-то тетка отказала ему имение, когда он был еще малолетний, шести лет, а акт написан в 1719 году. Каков же молодец! А на лицо глядя, нельзя было дать ему более 80. Нам, брат, до этого не дожить, но он целый век жил без забот.

Александр. Москва, 28 апреля 1827 года

Мамонову гораздо лучше: сам забрал Маркуса, который возвратил ему свободу, перья, бумагу и книги; очень желает скорее переехать на дачу. Вчера мы осматривали Васильевское с Фонвизиным, а сегодня он едет в Дубровицы, чтобы перевезти оттуда библиотеку; а то она совсем там сгниет, будучи в большой, холодной, сырой зале. Граф сам заговаривал о сестре своей, называя ее сестрою, а мне тогда говорил: «Говорят, будто у меня есть или была сестра». Совершенного излечения не надобно ожидать, это невозможно, но успехи очевидны: он все-таки в лучшем положении, нежели был. Арсеньев подал в отставку. Фонвизин без меня или другого опекуна порядочного оставаться не хочет. Я пересматривал все бумаги, касающиеся до управления имением, и могу тебя уверить, что хозяйственнее, порядочнее и полезнее для опекаемого управлять имением невозможно. Время, впрочем, все это покажет, и ежели графиня не возьмется сама за управление (и бог знает, лучше ли будет тогда), то очень умно сделает, оставя все, как оно есть.

Александр. Москва, 2 мая 1827 года

Такого 1 мая никто не запомнит. Точно лето! Я на своем термометре в тени после обеда видел 21 градус теплоты. Гулянье было прелестнейшее, только пыль ужасная. Я ездил один с детьми; нас затащил к себе в палатку Шепелев, у коего был весь бомонд. Он познакомил своих дочерей с моими. Потчевание было превеликолепное, только как мало хороших экипажей! То ли бывало в старину! Слова эти доказывают, что и я становлюсь стар, ибо молодые не в праве говорить о том, чего не видали. Заметил я также то, что много было безобразных костюмов, особенно мужских; также посмеялись мы и над щеголихами. Я так устал от зевания и пыли, что в одиннадцатом часу лег спать, прогнав Попандопуло с женой, а они было приехали на вечер, но в это воскресенье не было у нас ничего. И эскулап [то есть доктор Константин Анастасьевич Попандопуло] также катал свою чету в коляске.

Есть прекрасный молодой человек Бахметев, сын заводчика хрустального Николая Алексеевича, а он сам Алексей Николаевич [кончивший жизнь попечителем Московского учебного округа] и был адъютантом графа П.А.Толстого, едет лечиться в чужие края. Я хотел его ввести к тебе в дом, но боюсь, чтобы он не уехал, не дождавшись меня, а потому и пошлю ему рекомендательные письма: первое – к тебе, а второе – к приятелям моим в чужих краях. Он прекрасный молодой человек и один сын у богатого отца.

Александр. Москва, 3 мая 1827 года

Я получил твои несколько строк о назначении Долгорукова и отставке князя Якова Ивановича. О последнем сказал я его племяннику, бывшему губернатору рязанскому. Он обрадовался и прибавил: «Давно этого хотелось дядюшке, теперь он приедет в Москву и здесь поселится, а мы станем его обыгрывать в бильярд». Много было споров о Долгорукове, что будет и не будет. Волков мне сказывал, что князю Дмитрию Ивановичу не хотелось его иметь товарищем, а Долгорукову не хотелось быть на одном ряду с Блудовым и Дашковым; видно, все это согласилось. Здесь в Сенате много наделает это шуму.

В Клину, в деревне, мужики убили своего помещика, какого-то князя Сергея Михайловича Оболенского; предводитель, воротившийся со следствия, сказывал мне, что все мужики плачут, называя его отцом своим, а сделал все это бурмистр, и вышло все за какую-то девку, по ревности. Несчастный князь не скоро умер и мучился несколько времени.

Александр. Москва, 4 мая 1827 года

Юсупов возится все с комиссией, бывшей в руках у Витберга; только все его чиновники отказываются. Однако же Гедеонову вверено управление имениями, купленными в казну для храма, князю Цицианову – деньги и материалы, прочее еще не распределено. Немало будет тут работы.

Князя Андрея Петровича Оболенского дочь, что за Волковым Николаем Аполлоновичем, очень больна, так что послали за отцом в подмосковную. Она всегда была слабенькая и тщедушная.

Александр. Москва, 5 мая 1827 года

Ты мне не писал ничего о Костакиевой истории с Сушковым[15]. Куда как эта фамилия несчастлива, и как часто достаются ей оплеухи! Старик Варлам уже очень стар, а более хил, нежели стар. Сын его все еще при Воронцове или нет? Жаль, ежели лишится своей виною столь прекрасного начальника. Ты сделал для всех членов этой семьи все, что смертному только возможно.

Не имея, о чем тебе говорить, сообщу смешной анекдот, случившийся 1 мая на гулянье. Юсупов пошел в лесок, взяв с собою Савельича, наряженного в глазетовый кафтан и распудренного. Возвращаясь оттуда, встречают они какую-то женщину, мещанку или купчиху. Юсупов ей говорит: «Ударь его (Савельича) в щеку, я дам тебе целковый!» – «Ах, батюшка, как я смею, ваше превосходительство». – «Да ведь это шут Иван Савельич!» – «Ах, батюшка, да вы меня обманываете; целковый бы мне и годился, да это, я чаю, барин, как вы: вишь, у него золотой кафтан». А Савельич ей в ответ: «И, ма шер, что ты его слушаешь, он все врет; я – князь Юсупов, меня все знают, а ты лучше его (указывая на Юсупова) ударь, так я тебе дам три целковых». Видно, Савельича голос более ее убедил, потому что она чуть было не заехала старого татарского князя по шее.

Александр. Москва, 9 мая 1827 года

Я все вожусь со швейцарами. Приходил умирающий с голоду швейцар покойного графа Ростопчина: пятеро детей, жена четыре года больна, места лишился, просится хоть в дворники; жаль бедного! Графиня съехала с Лубянского дома, наняла дом Караса за Масальским в переулке, а тому дому станут делать опись, по коей Брокер должен за все ответствовать. Много она накутерьмила, и конец ее будет незавидный. Она попалась в руки к Крюкову, или, лучше, Крюковой, заявленной бестии (хотя она и теща Лонгинова), граф Федор Васильевич в дом ее не пускал.

Графине вбили в голову скупать векселя графа Сергея Федоровича. Я знаю, что одному моему знакомому отдавали в 60 тысяч вексель, данный Ростопчиным Сабурову, за 3000 рублей, а теперь графиню заставили купить этот вексель за 14 тысяч. Ей кажется, это находка, а это спекуляция только для советчиков ее. Мне сказывал предводитель Вырубов, что с тех пор, что существует опека, не выдано еще таких удовлетворительных отчетов, как те, что подал Брокер об управлении своем имением малолетнего. Такого порядка и соблюдения польз малолетнего не видали мы, говорит он, ни от одного отца или матерей, не только от неродственного опекуна.

Вчера подходит ко мне в клубе некто Хомяков, коего знаю только с виду, и говорит, что имеет долг благодарить меня за твою ласку, и что ты, зная его мало, способствовал его помещению, кажется, за обер-прокурорский стол. Человек, кажется, порядочный, и тесть мне его хвалил. В клубе нашел я также неожиданного хромого Кривцова. Я и не спросил, здесь ли он думает поселиться.

Александр. Москва, 16 мая 1827 года

Вчера купил я славный телескоп у Пристлея для Мамонова. Он ведет себя нельзя лучше, обрил усы, уменьшил бакенбарды, одевается опрятно, очень учтив. Одним словом,

Маркус так им доволен, что на днях будем у него обедать, и даже хочет, чтобы Наташа поехала туда с детьми; но я прежде желаю знать от графа самого, не будет ли это ему неприятно. Арсеньев отошел решительно, вчера сдал он мне все книги, счета и деньги, коих всего-навсего тысяч одиннадцать, семь ломбардными билетами, а остальное деньгами. Было до 60 тысяч, но уплатили все долги графские; теперь не должен он ни гроша. Арсеньев пустой человек, с Фонвизиным лучше можно ладить. Только, все-таки, признаюсь тебе, что неприятно мне брать хлопоты на себя, без малейшей пользы для себя. Делаю это, любя графиню, а буду ее просить меня уволить. Жаль, если не будет кто-нибудь серьезно заниматься особою брата ее. Я все одного мнения, что вылечить его нельзя, но можно очень облегчить участь его. Перевод опеки в Петербург для меня непонятен; граф здесь, имения около Москвы, сама графиня сюда же собирается и на житье. Все это объяснится, когда буду с вами.

Александр. Москва, 19 мая 1827 года

Волков возвратился из Вязьмы, очень доволен, весел и здоров. В субботу имел он счастие обедать у государя. Император очень был доволен войсками, а они все в восхищении от царя

своего. Великий князь все Москву хвалит. «Сделай мне одолжение, – сказал он Волкову, – упроси князя Голицына, чтобы он взял меня к себе в частные приставы». – «Потише, – отвечал Волков, – извольте-ка, ваше высочество, прежде послужить хожалым или, по крайней мере, квартальным надзирателем». Михаил Павлович очень этому смеялся. Ничего особенного не было в Вязьме. Дибич вступает в свою старую должность, а граф П. А. Тол стой собирается завернуть в Москву. Бедный Сухозанет упал с лошади и вывихнул себе спину, ужасно мучился, но было лучше, как Волков уезжал. В Вязьму поехала бездна народу из окружностей и много очень дам. Волков сказывал мне под секретом, что государь изволил писать Аракчееву, что воля его величества есть, чтобы он взял свои меры не находиться никогда там, где изволит быть государь, и избегать с ним всякую встречу. Надобно думать, что это последствие какого-нибудь письма или домогательства Аракчеева видеть государя.

Александр. Москва, 20 мая 1827 года

Зандрарт вчера у меня был. Кажется, что у графа начало горячки; вчера был жар сильный, и он из комнаты не выходил. Его отец духовный был очень доволен беседою с ним. И ему граф говорил, что чувствует в себе перемену, что ему кажется, что у него была белая горячка, что он желал бы видеть людей, опять войти в общество, а когда священник стал его к этому ободрять, то он сделал следующий достопамятный ответ: «Как мне быть опять с людьми? Я их от себя отвратил холодным своим обращением и чрезмерною гордостью». Удивителен этот переход от прежних его понятий и мечтаний к такому признанию. Теперь он говорит даже об опеке, находя, что она была необходима и что он не мог ничем заниматься; Зандрарта ласкает, часто его спрашивает, говорил ему обо мне, и Зандрарт воспользовался случаем, чтобы ему сказать, что я заступил место Арсеньева. Граф спросил: «Почему же г-н Булгаков не приходит ко мне обедать?»

Что-то скажет ужо Маркус? Да надобно теперь спросить у него, не хорошо ли бы было графине написать брату письмо ласковое. И это может иметь хорошее влияние на возникающую его чувствительность.

Александр. Москва, 24 мая 1827 года

Наконец явился наш любезный сенатор-ревизор-вояжер. Очень я обрадовался Полетике, мой милый друг. Вчера прихожу вечером к Волкову, к коему привезли его. Софья Александровна, увидев меня, взяла за руку и тащит в спальную: посмотри-ка, кого я вам представлю! Гляжу – сидит мой малютка, а он было ко мне

собирался оттуда. Сели мы и проболтали до часу. Все такой же оригинал.

Александр. Москва, 25 мая 1827 года

Полетика мне вскружил голову, отнял меня от своих здесь и от тебя, мой милый и любезный друг: все вожусь с ним и именно тебя любя. Конечно, приятно мне к тебе писать, но еще приятнее было и говорить о тебе с человеком, который тебя всякий день видал и пользовался твоей дружбою. Право, не наговорюсь с ним. Вчера были мы с ним целый день: ходили пешком, были с визитами у Потоцкого, Дмитриева, Зинаиды [Волконской], князя Дмитрия Владимировича, Рушковского (этот показывал ему все экспедиции, так что в почтамте приняли сенатора нашего почти за ревизора), ездили по лавкам, лазили на Ивана Великого. Обедали у меня добрые все люди: Волков, Фавст, Новосильцев, тесть. Метакса готовил ризи [итальянское кушанье], в беседке курили трубки, говорили, спорили, к вечеру ходили по бульвару. Он захотел рано лечь спать. Сегодня смотрим Оружейную и все в Кремле, обедаем в клубе, ввечеру в Большом театре, покажем ему «Ричарда» и балеты, завтра покажу ему свою команду, Архив, а там у Фавста обед. Вот как мы нашего дорогого гостя тормошим, и он очень рад. Полетикин приезд доставил мне большую отраду и утешил меня несколько от отсрочки поездки к вам.

Ну, брат, большую весть тебе сообщаю; вчера явился вдруг Мамонов к нам. Наташа храбро и ласково его приняла; меня не было дома. Он был очень мил, хорошо обошелся с Наташей и детьми, особенно с Ольгой, которая около него ухаживала. Я уверен, что он будет к нам ездить, ибо ему не показали ни малейшего страха, а обошлись с ним просто, как бы со всяким другим. Говорено о многом, он любовался очень Фавстовой Богородицей Брогелевой и о многом говорил; сказал, что будет опять, и звал жену и детей к себе в Васильевское. Я описываю все подробнее графине; чтобы не повторяться, прочти мое письмо к ней, запечатай и отдай ей. Как ни было все хорошо, но все-таки видно сумасшедшего человека (этого не пишу я сестре его): как подали завтракать, то Мамонов взял руками кусок телятины, рвал его пальцами, обмакивал в горчичницу и ел также руками; жена говорит, что тут было что-то не человеческое, а львиное. Сестры чему-то постороннему засмеялись между собой, он на них посмотрел злобно (не подумал ли, что над ним смеются?), они нимало не сконфузились, продолжали смеяться и громче заговорили, тогда и он стал улыбаться. Нет сомнения, что он лучше, нежели был, гораздо; но на совершенное его излечение я нисколько не рассчитываю.

Александр. Москва, 13 июня 1827 года

Вчера был я все утро у Мамонова и, право, очень был доволен им. Мне кажется, что он начинает ко мне привыкать. Все эти дни спрашивал обо мне Зандрарта и говорил, что я давно у него не был; вчера хотел, чтобы я непременно остался с ним обедать, я извинился, что меня будут дома ждать, он предложил послать человека верхом сказать Наташе; но я поблагодарил и обещал завтра у него обедать, если время будет хорошо. Я не знаю, о чем не было у нас речи; даже были рассуждения о *сумасшедших*. Он заговорил о Бернадоте, а там о шведском короле, полковнике Густавсоне. Я ему рассказал об его образе жизни в Лейпциге, и что он проедает по шесть грошей в день. «На это, – сказал Зандрарт, – нельзя и крестьянина прокормить». Граф улыбнулся и возразил: «Ваше рассуждение неверно; крестьянину надобно гораздо более, нежели королю». – «Не понимаю, граф, почему?» – «Почему! Как почему? – отвечал граф, улыбаясь. – Потому что у крестьянина, который трудится в поте лица своего полдня на свежем воздухе, аппетит всегда больше, чем у короля-бездельника!» Это хоть и не сумасшедшему сказать. Потом требовал у меня истолкования весьма подробного, почему я почитал Густава не совсем в уме своем, и признаюсь, что часто делал мне возражения, которые приводили меня в затруднение. Говорили о шарах аэростатических, о Жуковском, о Наполеоне, о 1812 годе, о Риме, папах, о египетской кампании англичан и французов, о чуме и проч. и проч. Я тебя уверяю, что я провел приятно три часа и не еду к нему, как прежде, с отвращением.

Александр. Москва, 22 июня 1827 года

Волков в мае просил у меня коротенькую записку о болезни графа, его действиях, упражнениях и проч. Я ему составил маленькую заметку. Бенкендорф ее показывал государю, который изволил ее взять к себе, приказав от времени до времени извещать его подобными записками, что с Мамоновым происходит. При хороших переменах, последовавших в здоровье его с переезда его в Васильевское, я счел нужным сделать теперь новую такую заметку. Она Волкову очень понравилась, и он отправляет ее в Петербург. И подлинно, любопытно было видеть, как обошелся во дворце, в Оружейной, видя царские украшения, корону, трон и проч., человек, мечтавший, что он император, уступающий одной силе беззаконного правительства, человек, приговаривавший письменно князя Дмитрия Владимировича и коменданта то к виселице, то к палочным побоям. Все это обошлось нельзя лучше, и ежели обошелся он неучтиво с

Юсуповым, то этот сам виноват: зачем было ему приходить со всей своей свитою в Оружейную? Когда я стал графу выговаривать после в коляске, что он не обласкал Юсупова, то он отвечал: «Он пришел поглазеть на меня как на диковинку». Последний раз Мамонов, говоря со мною о Мавре Ивановне, которую знавал, спрашивал даже о дочери ее Елизавете Васильевне и князе Сергее Ивановиче, где он служит, и проч. Он начинал говорить о графине, но переменил разговор. Теперь напишу ему и пошлю книги, потому что он не раз говорил Зандрарту: «Почему это Булгаков пишет все только вам, и никогда – мне?»

Александр. Семердино, 12 июля 1827 года

Благодарю тебя за сообщение касательно Каподистрии. Я не щеголяю болтливостью, ты это сам знаешь, и тайну верно сохраню, ежели бы и в городе был, а здесь с кем говорить, кому делать доверенность? Развязку эту можно было предвидеть. Что меня радует, это то, что все делается с одобрения императора, который может только отдать справедливость чувствам, кои направляют нашего добрейшего друга. Он выйдет из сего ложного, неприятного положения, в коем пребывал на протяжении стольких лет. Он не был свободен от России и не принадлежал своей родине. Не говоря уж о его уме и талантах, одно его имя придаст другой оборот греческим делам. Он может обессмертить свое имя в истории. Да сохранит его Бог и да защитит превосходное дело, к коему он примкнет! Я вижу впереди только доброе; но жена моя, не найдя, что сказать, опасается, как бы какой-нибудь недоброжелатель или подкупленный негодяй его не отравил[16]. Эта мысль преследовала ее все утро. Ожидать буду указа с нетерпением. Право, будь я холостой, я бы последовал за добрым этим человеком и стал бы ему помогать по силам моим. Я чувствую, что меня гречанка выкормила – не по ненависти к туркам, но по любви к грекам.

Александр. Троиц-Сергиев Посад, 22 июля 1827 года

Меня поразило известие о жалкой кончине Костаки; вишь, судьба его какова была: один раз разлучили с соперником, а дуэли таки не избежал. Жаль несчастного, слепого отца! Дико[17] так весел, доволен, что я не могу решиться его огорчить. Я ему только намекнул, что Сушков поехал в Тирасполь искать его брата, чтобы драться на пистолетах, что говорят даже, что и дрались, но неизвестны последствия. «Этот каналья Сушков, – отвечал Дико, – верно, все это время учился стрелять», на что я

сказал: «Боже сохрани, а долго ли до несчастия!» Дико был целое утро задумчив, теперь опять весел по-прежнему. Я ему скажу о несчастий на Петербургской дороге; более будет тут рассеянности для него.

Александр. Москва, 28 июля 1827 года

Вчера так я затормошился, что тебе не писал вовсе, милый и любезный друг, да и был я очень не в духе и опять было занемог, по милости Мамоновой и ее братца. Вот тебе ее письмо и мой ответ; прочитай, запечатай и тотчас ей доставь. По его приглашению ко мне и Фонвизину, поехали мы к сумасшедшему, где были более трех часов; принял славно, ласково, особенно меня, только когда я назвал слово «государь», то он взбесился, говоря: «При мне не называйте никогда и не упоминайте о государе». Я не оставил это без возражения, и пошла потеха; но только я вижу, что, скаля зубы Мамонову, можно его и угомонить. Он успокоился, потом изложил многие жалобы, более вздорные и неосновательные, нежели важные, говорил о делах преосновательно, желал иметь отчеты, очень был доволен тем, что могли мы ему сказать в общих чертах. Он меня почитал поверенным твоим, а не сестры, ее не ругал, но сухо говорил о ней и сказал: «Она не наследница после меня, потому что я могу еще иметь детей». Я тебе все это подробно расскажу. Не мог я равнодушно говорить с ним и, будучи уже слаб, домой приехал изнурен, с маленькой лихорадкою; сегодня мне обметало губы, стало быть, проходит.

1828 год

Александр. Померанъе, 12 марта 1828 года

Не знаю, где наткнусь на почту, но начинаю письмо это в Померанье, любезнейший брат. Костя [старший сын А.Я.Булгакова, обучавшийся в Царскосельском лицее] вызвался тебе писать из Царского Села. Вот две горестные для меня разлуки, особенно же петербургская. Я было привык жить с тобой и видеть тебя целый день, но не ропщу, а желаю только, чтобы чаще это повторялось. Жалею о тех, кои не в такой легкой повозке, как я: на дороге навоз, а где и земля голая, и снега почти нет; еду, однако же, хорошо. Выехав из Царского в шесть часов, я в полночь сюда прибыл. Кибитка очень покойна; я в ней и сидеть могу хорошо, и спать. Россини все спит; это бы ничего, да на моем плече, а как разбужу и стану урезонивать, то уверяет: вам это кажется. Ох, досадно!

Я встретил графа Кутайсова, к вам возвращающегося, и какую-то княгиню Вяземскую. Уж не Вера ли это? Дорогою воображал я себе, что с вами у Киарини; слышу смех детей и радость их.

Ну, брат, что волков на дороге! Так стадами и ходят, да около самой дороги, и пребольшие. Ружьем могли бы себе настрелять целую шубу. До Царского все шел дождь, теперь дорога хороша, месячные ночи, подмораживает, лучшее время для езды.

Александр. Хорошилово,
14 марта 1828 года, 8 часов утра

Начались ухабы, и к Москве, говорят, их столько, сколько звезд на небе. Я еду благополучно и довольно скоро, [18]

как видишь. Ночью встретил я фельдъегеря от Паскевича; с ним едет какой-то князь, генерал-майор, занемогший дорогой. Вот почему и опоздало известие о мире.

Ежели можно, сделай благодеяние здешнему смотрителю: он служит 25 лет, из почтальонских детей, имеет пять малюток и слепую мать в Кашине. Определи его туда в экспедиторы; там умер экспедитор. Этот, кажется, исправен и трезв.

Александр. Торжок,
14 марта 1828 года, 9 часов вечера

Два только было приключения. 1-е: на Валдайских горах вывалили коляску какого-то полковника-немца из Риги, едущего к месту в Шую, и поднялся вопль, крики, посыпались из кибитки дети грудные и всяких лет, штук пять; мы подъехали им помогать.

Слава Богу, никто не ушибся, а одному малютке лет четырех так понравилось кувыркание, что он все твердил: «Мама, еще!» 2-е: едем мимо деревни, вижу – прибита медвежья шкура на фасаде одной избы и всю почти занимает средину. «Что такое?» – спрашиваю ямщика. «Так, батюшка, вот мужик, знаешь, балагурит, лес недалеко, так вчера к нему медведь и приди, да почти на двор. Коровы – реветь, лошади также, а мужик резал хлеб да говорит: «Дай-ка посмотрю, что такое». Да и пошел, и нож-то взял с собою, словно будто знал, да медведю-то и распорол брюхо, да шкуру-то вот и прибил к избе, чтобы ребят забавлять». Расскажи-ка это Матушевичу. Вот нехвастливый герой. Ломоносова я еще не встречал, а с Бенкендорфом [это брат шефа жандармов] и Грибоедовым разъехался.

Александр. Завидово, 15 марта 1828 года

Что это за скверная дорога! Вообрази себе море, волнуемое бурей и которое бы вдруг окаменело: вот большая дорога. В Медном нашел я графиню Ростопчину, едущую в Петербург. Она ехала 58 часов из Москвы, до Черной Грязи тащилась почти сутки и там ночевала, но зато не карета у нее, а дом. Как ее сто раз не вывалили, – не понимаю. Она сказывала, что Ираклию Маркову сделался удар, а княгиня Трубецкая, урожденная Прозоровская, что недавно замужем, умерла, бедная, в родах от оплошности, говорят, докторов. Здесь, то есть в Завидове, встретил я графиню Чернышеву, удивился. Одна умерла. Неужели это Анна Родионовна [вдова екатерининского графа Захара Григорьевича; она прожила еще лет восемь]? Вышло, что жена генерал-адъютанта.

Александр. Москва, 16 марта 1828 года

Я еще как в чаду. Приехал вчера поздно в Москву, промешкав часов восемь на двух последних станциях. Дали мне мерзких лошадей, а ямщик один бросил меня на дороге и бежал. Я шел пешком до села Чашникова, где нанял тройку крестьянских. Все находят, что я поправился, и подлинно – по старому сюртуку и жилету, кои здесь надел, я стал толще. Как быть иначе, блаженствовав с тобой семь месяцев! Я, право, восхищен ласками князя Петра Михайловича [Волконского], твоего князя [А.Н.Голицына] и вообще всех больших господ.

Александр. Москва, 17 марта 1828 года

Поутру рано забрались архивские ко мне, один после другого; не хотел их обидеть при первой встрече, всех должен был принимать. Как ни торопился, прежде одиннадцати часов выехать

не мог. Пустился прямо к Малиновскому. Сперва при жене его начался разговор поверхностный, а там отвел он меня в свой кабинет; там была исповедь, продолжавшаяся два часа. Я счел, что всего лучше быть откровенным; что знал о штатах, ему сказал, прибавя, что он, верно, доверенность мою во зло не употребит и меня не скомпрометирует. Очень было ему не по душе, что звание управляющего съезжает на директора. «Меня гонят вон, почему это? Как же сенатора делать директором Архива?» – «Да разве Обресков М.А. не был также директором департамента и вместе сенатором?» – «Все сделали, меня не спросясь; как с вами говорили о новых штатах, так и со мной могли бы посоветоваться». – «Да со мной говорили потому, что я случился в Петербурге, а вы были в Москве. Да насчет штатов меня не спрашивали ни слова, а только, кого я полагал способным ко всякому месту». – «Меня граф Нессельроде давно гонит, по милости этого шельмы Шульца». – «Помилуйте, А.Ф.Шульца черви съели. Да чем мог он вам вредить у графа? Один в Москве был, другой – в Петербурге. Вы напрасно на графа жалуетесь; во-первых, он вам доставил в коронацию Владимирскую звезду; ежели бы он вас гнал, то не назначил бы директору более жалованья, нежели имеете теперь яко управляющий». – «Мне ждать нечего, я старею, глаза мои плохи; я оставлю Архив и очищу вам место». – «Ежели здоровье гонит вас прочь, это другое дело». – «Да и вам будет это неприятно: все скажут, что вы ездили в Петербург, чтобы меня лишить места». – «Я не боюсь этого нарекания; я имею честное имя, сколько всегда мог, угождал всякому, а никому не вредил; интриговать – не мое дело, совесть моя чиста перед вами; ежели вы отойдете, я все имею право вас заместить по старшинству; ежели вы останетесь, мне очень будет это приятно».

Долго он горячился, жаловался на Нессельроде, хвастал, что государь его знает, кланяется ему всегда, когда его встречает, и что не попустит его обидеть. – «Верю этому, однако же государь штаты утвердил». – «Архив придет в упадок без меня». – «Почему же? Н.Н.Каменский умер, а Архив все-таки процветает. Я был бы дурак, ежели бы стал себя равнять с вами; но вы такой завели порядок, что управление делается весьма легкой работой». Смягчаясь и горячась попеременно, он наконец стал у меня просить совета, то есть это была западня, в которую он меня, однако же, не уловил. «На вашем месте, – отвечал я, – я бы остался в Архиве директором». – «Что же – ждать мне, чтобы меня выгнали?» – «Помилуйте, да кто думает вас выгонять? И что это за клад, Московский архив, и как выгнать того, кто 48 лет служил?» – «К чему меня служба архивская поведет?» – «Ну,

конечно, ни чина действительного тайного советника, ни Александровской вы не получите». – «Так лучше отойти, как скоро штаты выйдут?» – «Тогда вы покажете, что недовольны; а останьтесь лучше после штатов несколько времени, и ежели подлинно здоровье ваше плохо, попросите увольнения». – «Я бы сделал так, но желал бы отойти с некоторой выгодой; например, кабы мне сохранили мой оклад теперешний, тогда оставил бы я место свое без неудовольствия». – «Я почти уверен, что граф Нессельроде не отказал бы вам исходатайствовать это; вы все имеете права за 48-летнюю службу; впрочем, все это предположения одни, ибо и штаты еще не существуют», – и проч.

Он сказал, что будет со мной еще говорить, что обдумает хорошенько, благодарил очень за откровенность, с коей я ему говорил. Мы расстались очень хорошо, но в душе у него заноза против меня. Судя о других по себе, он должен полагать во мне скрытного злодея. Я тебе передаю эссенцию моего разговора с ним, скажи мне свои мысли. Я тебе признаюсь, что начальство над Архивом только для того меня льстит, что ежели Малиновский отойдет, то тогда, как говорили Поленов и граф Нессельроде, мое место уничтожится теперешнее, и оклад присутствующего сольется с окладом директора, что составит тысяч семь, с надеждою, что со столовыми со временем возрастет он до 10 тысяч. Я буду счастлив; мне не надобно ничего, а в том ручаюсь, что пользу принесу и службе, и истории [то есть историографии].

Я живо вспоминаю счастливое время, которое провел с тобой. Для меня было бы блаженство – разделять с тобой все твои радости, утехи и заботы. Я не без пользы был бы для тебя по многим отношениям, но как быть! Так Богу угодно. Ангельская душа, наследованная Сашкою [сыном Константина Яковлевича Булгакова] у тебя, очень мне известна, и, прощаясь с ним, я сам с трудом мог удержать слезы; но после, посмотрев назад и видя вас обоих, стоящих у шлагбаума, я дал волю слезам, и это меня облегчило, хотя и было немного стыдно Россини.

У Бенкендорфа осталась моя статья о театре. Я не имею копии; он сказал, что в тот же вечер мне возвратит, но, видно, забыл. Вот для него статейка моя о журналах. Чтобы он знал, что я не одними глупостями занимаюсь, доставь ему.

Александр. Москва, 19 марта 1828 года

Занимательно очень дело графа Кочубея, которое будет судиться. Граф В.П. купил имение, которое нельзя было продать, и владеть им принадлежало мещанину. По закону должно отобрать имение и возвратить деньги графу; но имение из худого

положения приведено в цветущее пожертвованиями. Кто же за это вознаградит покупщика? Дело это много занимает публику.

Был у меня Мамоновский дядька Зандрарт. По истечении срока он отходит; а я в том поручусь всем на свете, что другого, как он, не найдут не только здесь, но нигде. Твой отход очень их всех огорчает. Фонвизин и Маркус иначе не хотят оставаться, как ежели согласятся на некоторые их распоряжения. Граф все в том же положении, но тих, пишет все мемуары; много очень хорошего и много вздору. Удивительно, как он помнит наизусть все обстоятельства, самые мелкие, и эпохи, числа, своей молодости даже. Опять говеет, говел уже на первой неделе, все шло прекрасно; но как дойдет до исповеди, то тут священник должен отказаться: он исповедывается как император, говоря о царских своих обязанностях.

Александр. Москва, 20 марта 1828 года

Мне, право, надоела уже Москва своими визитами, расспросами, вестями и пр. Ежели бы мог я приехать прямо в Семердино, очень был бы доволен; знал бы только свою семью, а то с ними-то и не дают мне быть: надобно все или рыскать, или принимать гостей; а, кажется, протрубил я, что говею. Хоть бы говельщика оставили в покое.

Я здесь занялся разбором одного из присланных из Петербурга ящиков, гляжу – польские дела 1769 года; развертываю книгу – и первая бумага батюшкиной руки: черновая реляция к императрице; тогда был он секретарем при Репнине, кажется. Разбор бумаг сих будет доставлять мне великое удовольствие. С Малиновским все толковали о Калайдовиче, который точно сумасшедший, но как скоро перо берет в руки, пишет хорошо, умно, основательно, а действует все вопреки. Как удосужусь, поеду его навестить. Скажи Вяземскому, чтобы дал мне адрес к княгине, а то не знаю, куда писать к ней [княгиня Вера Федоровна жила в это время у матери своей П.Ю.Кологривовой в Пензенской губернии].

Александр. Москва, 21 марта 1828 года

Тесть был у меня вчера, как я получил почту. Я сказал о графстве и деньгах Паскевичу, о мире и пр. Только гляжу: папахен, покуда я сходил в кабинет, скрылся; спрашиваю: где? Уехал – верно, барабанить! Только через два часа опять является. «Знаешь, откуда я?» – «Не знаю, скажите». – «А был я у новой графини Эриванской. Вообрази, что не было более часу, что она это знала; почта пришла так же скоро, как эстафета, которую отправил к ней с сим известием Сухозанет. Она в восхищении, и

пропасть валит к ней народу; она им сказывала, что муж ее очень любит Константина Яковлевича, а я отвечал, что все сей болезнью страдают. О Грибоедове она не знала ничего, я ей первый сказал, а ведь он ей кузен; она просила, что и впредь узнаю, ей сообщать», – и проч. и проч. Где мне пересказать тебе все, что тесть мне тут наговорил! Также сказывал, что Ермолов очень обрадовался миру, прибавя: счастлив Паскевич, в год получил то, что другие приобретают в полвека; только ежели не выговорили соляные руды (не помнил тесть, какие), то приобретенный край не так будет полезен для России. Известие о мире и выгодах его большую произвело здесь радость, особенно между купцами, а награждения царские всех восхищают; есть уже ода, в коей уподобляют государя для флота – Петру, для щедрости – Екатерине и для ума – Александру. Дай Бог государю так же кончить с турками;, я желаю это для моих любезных греков и для славы России; тогда загремит и имя Каподистрии. Ну и Мордвинов нашел также своего шаха, от которого нешуточную получит контрибуцию. Меня спрашивают, хороша ли невеста его Яковлева; я отвечаю, что без приданого своего была бы недурна, а по миллионам своим она красавица[19]. Здесь говорили, что Бенкендорф в ссоре с Паскевичем; видно, вздор, но вздор не новое для Москвы: добрая старушка, но часто врет.

Экая собралась у тебя компания! Я, перечитывая имена со вниманием, переселялся мысленно в петербургский почтамт и всякому назначал квартиру, кому в угольной, кому в маленькой гостиной за вистом, других сажал за круглым столом, других еще – на диване, других еще – в бильярдную, кого с трубками, а Виельгорского с сигарами, за которыми Сашка бегает курьером в кабинет. Такое взяло раздумье, что даже грустно стало. Вижу голландца Обрескова, являющегося поздно. Качай-валяй в Москву, как бы не остался до Ламсдорфа или Балына и не спустил бы все субсидии, кои ты ему достал. То-то будет рассказывать, приехав сюда. Завтра, вероятно, явится к нам.

Лестное же получил награждение Грибоедов. Фельдмаршалу Кутузову пожаловано было за Бородино 100 тысяч[20], а тут коллежский советник получает почти 50 тысяч, кроме чина и креста. Вот так-то Екатерина награждала, что можно было оставлять что-нибудь детям. Ох, думал я, кабы шепнул кто-нибудь государю, что Булгаков учредил скорое, порядочное сообщение между Тифлисом и Петербургом, чем тоже способствовал к пользе дел персидских: щедрый Николай подмахнул бы охотно ему полсотни тысяч. Будь я в Петербурге, я бы, право, поехал к князю твоему; хуже учтивого отказа не было бы ничего, а ты был бы в стороне. Сказали бы: Булгаков забыл, что недавно простили

им 150 тысяч, но должно его извинить: он слушал одну только свою любовь к брату.

Александр. Москва, 23 марта 1828 года

Вечером вчера были у нас тесть, Брокер и Афросимов; только и слышал я, что про Сенат, Ростопчину и Кокошкина. Этот начал путаться в показаниях своих и сам себе противоречит, а Ростопчина, то есть поверенный ее Крюков, подала преябедническую бумагу на Брокера и доказывает нелепо дурное управление Брокера, а он, при всех издержках, накопил уже в два года 180 тысяч капитала! На место уволенного Митюши [то есть Дмитрия Васильевича Нарышкина] графиня, которая сама от опеки Комитетом министров устранена, требует, чтобы назначили князя Масальского, известного дурака. У Брокера была конференция очень серьезная с князем Дмитрием Владимировичем. Этот говорил Брокеру, что покойный граф Федор Васильевич умер в безбожии, беспамятстве и пил беспрестанно шампанское. Брокер отвечал, что граф пил сельтерскую воду, в которую наливали палец шампанского, что он 27 декабря соборовался маслом, исповедовался, причащался, прощался со всеми, давал наставления всем, а умер 18 января; что безбожие его было таково, что Брокер желает ему, князю, и себе подобного конца христианского. Князь прибавил на это с удивлением: «Мне это сказывал старик, действительный тайный советник князь Масальский, тут бывший». – «Извольте же, – отвечал Брокер, – попросить Александра Яковлевича Булгакова к себе: граф умер на наших руках, Александр Яковлевич 22 ночи спал возле больного; он вам скажет, что князя Масальского нога не была у графа, который, несмотря на домогательства графини, не велел князя пускать к себе с ноября месяца, зная его страх к больным и умирающим». Вот, брат, какие гнусные каверзы выдумывают на покойного графа, – и кто же? Жена, им облагодетельствованная! Ибо все идет от нее. Я жалею о Лонгинове; но Крюков[21] мерзкую играет роль, в чем и дворянская опека сама сознается. Крюков горланит, что его не допускали к больному; а я знал, что граф и здоровый его принимал неохотно, а жену его в дом к себе не пускал. Твердость, честность и примерная, бескорыстная преданность Брокера к покойному достойны, право, почтения. Кончится это дурно для графини, ибо ложь, как ни окутывай ее, наконец оголится. Ежели меня спросят, я готов правду сказать под присягою. Так вот чему учит вера католическая! Где же тут смирение, милосердие, терпение, благодарность, почтение к праху умерших? Мне, право, больно и говорить об этом.

Александр. Москва, 26 марта 1828 года

Ох, устал я. В половине двенадцатого началась служба в нашем приходе безотходная с обеднею, продолжалась битых 5 часов и 10 минут, по милости певчих княгини

Катерины Алекс. Волконской, проповедей священника, крестных ходов и проч. Насилу мы все устояли; домой приехали, разговелись наскоро и кинулись спать, а в 10 часов меня уже будил тесть одеваться, и поехали вместе к князю Дмитрию Владимировичу, Обольянинову и другим матадорам. Разгавливались у тестя; после обеда я поспал, а там опять отправил визитов нужных с десяток.

Ввечеру были у нас гости. Дети, жена и молодежь складывали картинку сражения греков с турками у Тенедоса и насилу сладили до ужина. После ужина меня посадили за клавикорды вместо оркестра и ну вальсировать. Вот как весь день провелся.

Странное было происшествие вчера. Есть одна старая княгиня Оболенская, живущая в Страстном монастыре. Она была долго больна. В последнее время имела она видение или сон, что умрет в ту минуту, как запоют «Христос Воскресе». Чем ее испугать, это предвещание ее обрадовало; она стала говеть, исповедовалась, причастилась, велела себя везти к заутренней в приход, где находился дом ее отца, тут распростилась со всеми знакомыми. К началу службы стала ослабевать, а как запели «Христос Воскресе», то она села на стул, с коего привстала было, чтобы перекреститься, и умерла. Теперь нет иного разговора, как о странной этой смерти. Конечно, пораженное воображение, действуя над ослабевшим телом, могло произвести эту кончину, которая многим кажется чудесною.

Посмотрел бы, как поднимали первую колонну Исаакиевского собора. Экая махина, и в час поставить ее на ноги! Будь одна колонна среди какой-нибудь площади, со статуей, например, Суворова вверху, все бы ей удивлялись, а теперь, что будет их 30, то всем будет это казаться вещью обыкновенною. Разве одни знатоки да мастера дела будут смотреть с удивлением на этих великанов нового Египта.

Александр. Москва, 28 марта 1828 года

Благодарю доброго Вейса за память обо мне. Я отыскал много монет чужестранных, кои хранились у Фавста в деревне; я бы охотно отдал их Вейсу, в его собрании играли бы они некоторую роль. Пришлю тебе, а ты дай ему; пусть отберет, что ему покажется.

Мамонов пишет теперь свои мемуары; нельзя не удивиться

его памяти, ибо он говорит о всех обстоятельствах молодости своей. Прежде нежели приняться за труд этот, начертал он краткую о себе биографию. Я просил Зандрарта дать мне копию, списанную с оригинала; вот она. Право, любопытно; смотри, какая смесь ума и сумасбродства. Экая гордость!

Александр. Москва, 29 марта 1828 года

Мне сказывали давеча, что Гагарин много посылает сюда денег и платит старые свои долги; видно, он нашел дорогу к шкатулке скупой Мамоновой. У нее нет гроша никогда; она ему, видно, отдает бриллианты братнины, кои мы отдали ей на сохранение и кои она, видно, славно сохраняет. Я на Гагарине много видал всегда колец и разных булавочек бриллиантовых. Управит она своего братца!

Александр. Москва, 30 марта 1828 года

Я замечал, бывши еще в Петербурге, что ты не так-то был по себе; авось-либо пиявки сделают тебе добро. Почему же ты был изъемлен от милостей? Почему? Потому что Нессельроде думает только о себе и о своих. Буду ему завтра писать и поздравлять его. Вот ты так помнишь свои обещания: Долгоруков – камер-юнкер. Ну и Родофиникин не промах; кажется, недавно получил 25 тысяч. Кому хочет, так Нессельроде делает, вооружается необыкновенной храбростью и смелостью. Больно мне, что я не в Петербурге был. Я уверен, что если намекнуть, он бы охотно сказал слово за тебя. А все тебе надобно благодарить государя, столь щедрого и милостивого. Мы все были тронуты вестями о государе. Как не быть благословению Божиему над ним? Глядя на него, станешь и мать уважать, и жену любить, и бедным помогать! Жалею о бедном Ламсдорфе, но он давно угрожаем несчастием, его постигшим.

Александр. Москва. 31 марта 1828 года

Я получил очень ласковое письмо. Оно все рукою Бенкендорфа, который благодарит меня за брошюру мою, что ты ему доставил. Вчера был пребольшой обед у богачей Хрущовых. Ты мне доставил случай сделать приятное князю Якову Ивановичу Лобанову; он тут обедал тоже. Как дошло до шампанского, то я, адресуясь к нему, стал пить за здоровье нового генерал-майора, сына его, и в доказательство представил ему и приказ. Тут и пошло всеобщее поздравление ото всех. Кстати сказать, был тут и Ермолов; вечером подошел ко мне, поцеловал, отвел в сторонку, и мы с час болтали вместе. Не нахожу в нем большой перемены, только потолстел. Тотчас спросил о

Закревском и тебе весьма подробно. Он так же все любезен, умен, разговора преприятного и как будто и сегодня главнокомандующим в Грузии, без всякой аффектации и принуждения. О делах не говорил; просил пустить его ко мне и быть к нему (что исполню; тогда, верно, дойдет и до всего, хотя, верно, я начинать не стану эту деликатную статью), и только сказал: «Человек может жить во всех климатах и во всех положениях; я думал, что без службы я с ума сойду или умру со скуки; признаться, сначала было трудно, а теперь, имея много свободного времени, читаю много и вижу, что я был большой невежда». Просил очень тебе, Закревскому и Воронцову кланяться. Он хочет основаться или у Воронцова, где имеет какой-то клочок земли, или в Орловской губернии, где ищет купить крошечную деревеньку[22].

Я слышал от домашнего доктора, тестя моего, что вчера умер скоропостижно доктор Гааз[23]; жаль, добрый и добродетельный был человек.

Александр. Москва, 2 апреля 1828 года

О Гаазе проврались: он живехонек, но представь себе его удивление и людей. Вся Москва присылала к нему в течение целого утра спрашивать, как и в котором часу он умер, а человек П.А.Рахманова, заставший его, садящегося в карету, сказал ему наивно: «Павел Александрович приказал доложить, что очень вся семья огорчена, что вы изволили скончаться, и приказал проведать, как это было, а моей больной, слава Богу, получше и что пожалуйте, дескать, к нам хоть вечером». Гааз думал, что весь город рехнулся, и уже после только узнал, отчего вся эта каша произошла.

Александр. Москва, 4 апреля 1828 года

Смотри, брат, чтобы тебе и Фонвизину не отвечать за шкатулку графа с бриллиантами, что сестра его увезла отсюда; вещи поименованы, это правда, но не оценены. Оставляя эту обузу, не худо бы тебе подкрепить настояния Фонвизина, в опеку сделанные, чтобы вещи, хранящиеся в шкатулке, были приведены в известность или оценены, или, по крайней мере, чтобы одна графиня отвечала за них, а не опекуны. Сергей Павлович [Фонвизин, родственник больного графа Мамонова] не хочет оставаться, да и подлинно смешно, что ему или тебе, назначенным государем, придется отчет давать кому? Графине, как делают это управители.

Александр. Москва, 5 апреля 1828 года

Дай Бог князю Петру Михайловичу столько звезд, сколько их (сказать «на тебе» – было бы чересчур увеличено), но столько, сколько их в Большой Медведице, – разумеется бриллиантовых; их, кажется, семь. Ты пишешь, что звезда, пожалованная ему государем, стоит 45 тысяч. 45 тысяч х 7 = 315 тысяч. Годится нашему покровителю! Дай Бог ему получать от Николая, что он заслужил уже от Александра. Мне очень приятны его воспоминания обо мне, ибо знаю, что он не любит комплименты и пустые слова.

Меншиков был здесь и уехал уже сегодня далее. Вчера был на минуту в клубе, но не остался обедать, наскучив невидальщиною москвичей, кои бегали за ним, как за маской в маскараде. Большие мы тунеядцы, надобно признаться. Жалею, что его не видал. Шимановской бью челом. Все собирался быть у нее, попросить полюбоваться ее славящимся альбомом, а написать в него что-нибудь не почитаю себя достойным. «Телеграф» сообщил, что вписано там Гете, Байроном, Россини и проч. Графа Ростопчина шуточка очень смешна.

Объявляют мне: «Чиновник из театральной дирекции желает с вами говорить». Давай его сюда! Я думал, уж не по делу ли это Афросимова с Кокошкиным. Входит старичок. «Я вас не знаю и вы меня, но все знают душу вашего братца и его любовь к вам». – «Что вам угодно?» – «Будьте оба благодетелями моего родственника. Он экспедитором в Красном. Отдал одному лицу 1200 рублей денег вместо другого, попал под взыскание; у него пятеро детей». – «Понимаю, но как же спасти его? Он виноват. Это дирекция Рушковского, я с ним поговорю». – «Ему говорили, он отвечал: “Покуда не взыщутся деньги для удовлетворения настоящего их владельца, ничего не могу делать”». – «Да это, кажется, и дельно», – отвечал я. – «Мой родственник внес сперва 800 рублей, а теперь, продав, что мог, и всю сумму внес. Одной милости прошу, чтобы Константин Яковлевич защитил его в Петербурге; он довольно наказан, для него 1200 рублей – страшная сумма, ему это наука на всю жизнь; можно ли неосмотрительность наказывать как плутовство умышленное? Отец его был тут же 30 лет экспедитором, спасите сына. Ежели Константин Яковлевич скажет слово, то Краснобаева оставят на его месте», – и проч. Он так плакал и жалок был, что я обещал к тебе писать сегодня же и просить, и прошу: сделай это доброе дело, буде обстоятельства сии не ложны. Скажи мне слово в ответ, чтобы я мог старика обрадовать.

Александр. Москва, 6 апреля 1828 года

Обед был очень приятный у князя Дмитрия Владимировича;

жаль, что не приехал Меншиков, для коего это делалось; зато был здесь Сухтелен, коего также приятно послушать, а ему есть что рассказывать. Я с ним нечаянно познакомился в Велиже, на балу у одного тамошнего помещика Богдановича. Мы очень обрадовались друг другу. Обедали тут человек с двадцать. Среди них князь Яков Иванович Лобанов, Юсупов, Кайсаров, Шепелев, Скарятин, Тучков, да сахарный Малиновский, да Небольсин, который ужасно потолстел.

У меня есть приятель Кобылинский, служащий в Воспитательном доме в Петербурге. Хлопотал я о чине ему у доброго Новосильцева. Бедняк, только играя, ужасно счастлив: в карты тысяч до восьми и даже пятнадцати в год приобретал. Знакомится он с одним Стрекаловым, богатым пьяницей. Кобылинский своими убеждениями отвратил его от вина, исторг из дурной и ввел в хорошую компанию, расстроенные дела привел в порядок. Этот Стрекалов, из благодарности и не любя родных, отдал Кобылинскому с лишком 1000 душ заживо, так что этот, ходивший почти пешком, вдруг очутился с пятьюдесятью тысячами дохода годового. Прекрасно! Да что же? Радость ли неожиданная, перемена образа жизни, только приятель наш с того времени все болен, хотя и выезжает, сохнет, чахнет, а предобрый малый. Мы хотим его женить. Ежели бы Лизонька[24] была благоразумнее, то вот бы жених; но он непригож, хотя и молод, нелюбезен, не знает по-французски.

Александр. Москва, 9 апреля 1828 года

Меня вчера затащили смотреть гнусную эту пьесу «30 лет, или Жизнь игрока». Я бы запретил такие представления. Тут три эпохи игрока. В первой половине старый отец, после всех тщетных усилий усовестить и исправить сына, который только что женился, произнеся над ним проклятие, падает и умирает. Сын предает себя всем преступлениям. Жена его ангел: она следует всюду за ним, видя его всеми брошенным и осужденным на эшафот. Есть сцены, кои душу раздирают и в ужас приводят. Я, право, не мог дослушать и уехал, не дождавшись последней эпохи игрока. Волков также дал себе слово никогда не бывать. Но как ведь любят великие чувства! Вообрази, что огромный театр был весь полон, особенно дамами. Я нашел одну в коридоре, которой давали капли и воду пить; везде слышны были слезы. Кокошкин сказывал Волкову, что он сказал одному игроку: «Конечно, я тебя не сравниваю с графом Жермени, но все-таки это ужасный урок, которым ты воспользуешься». Знаешь ли, что тот ему отвечал? «Какой вздор! Почему не играть! Жермени дурак, он все понтирует, а я банк мечу…» Хорош сахар! Из любопытства

посылаю тебе афишу.

Здесь слышно, что поэт Пушкин принят в службу в собственную канцелярию государя [это могло быть после истории с «Гаврилиадою»]. Кабы да исправился этот шалун! Август и Людовик XIV имели великих поэтов. Пушкин достоин воспевать Николая.

Приехал Фонвизин и продержал меня часа полтора. Все просит убедительно быть опекуном, говоря, что и князь Дмитрий Владимирович меня атакует. Правда и то, что теперь до имения дела нет, а только наблюдение за персоной графа. Ежели это составит мне опекунских процентов тысяч пять, то, может быть, и соглашусь. Пять тысяч для меня сумма весьма значащая. Ежели графиня будет так бесстыдна и захочет брать себе часть опекунских процентов, то тогда, разделяя на три доли, выйдет менее, и не стоит мне труда озабочивать себя; кажется бы, довольно ей и 100 или 120 тысяч, коими (за исключением полагаемых на содержание брата 60 тысяч в год) будет ворочать как хочет безотчетно. Она определила своему управляющему из братниных доходов по 6000 рублей в год, за управление будто конторой.

Пришли мне список Воронцовской коллекции портретов с отметками его и графа Семена Романовича, чтобы приискивать, чего у него нет, а здесь много можно купить портретов, и очень дешево. Меня просил Воронцов, я все забывал взять у тебя реестр, когда был в Петербурге. Я, сделав выписку, тебе возвращу.

Александр. Москва, 11 апреля 1828 года

Почты все еще нет. Удивительно! Видно, все еще копается приятель наш. И я здесь сегодня копался; хочется мне сделать записку о происхождении канцлерского, следовательно, и вице-канцлерского титула и о всем, касающемся до этого, наконец, и список их по старшинству, и сделать это приношение графу К.В. [Карлу Васильевичу Нессельроде], да ничего еще не нашел. Вчера Паскевичева получила от мужа письмо, что он с лошади упал и очень ушибся, лежит, однако сам пишет; на что же было ее тревожить?

Я встретил вчера, шедши из Архива пешком домой, Шульгина А.С., который велел тебя обнять и превозносит тебя до небес. «Я к Константину Яковлевичу пойду в денщики, ежели ему нужна могла быть прислуга». Вот как! Я уверен, что не один он тебя так любит, да и не лицемерно, а истинно.

Александр. Москва, 14 апреля 1828 года

Дай Бог, чтобы подобные награждения продолжались и

заслуживались. Славно подсыпали Дибичу! Как ни говори, он один в России в звании своем, и дела у него много. Это мнение всех здесь, и государя благословляют за его щедрость. Благодарю тебя, что отдал своему князю мою статейку; желаю, чтобы ему была угодна, а тебе доставлю другой экземпляр. Теперь хочется мне заняться изысканием о канцлерстве и вице-канцлерстве. Сегодня суббота, но я приехал в Архив (откуда тебе и пишу), чтобы порыться в бумагах. Никого нет, нас только четверо; тем лучше: никто мешать не будет.

Видно, Закревскому не миновать министерства; только это, мне кажется, будет хлопотливее юстиции, которую он отказал. Этот человек везде хорош, куда его ни посади; только жалею, что он лишается 50-тысячного своего оклада, который имел в Финляндии. Слышно, что Лонгинов также отправляется в путь, а потому и пишу я ему, чтобы напомнить о деле бедного Аристова, коего вся просьба в том только состоит, чтобы прошение его было препровождено к министру юстиции, для рассмотрения сходственно с законами, а не к Мещерскому[25], ибо дело у него с попами, а свой своему поневоле друг.

Александр. Москва, 16 апреля 1828 года

Читал я статью Улыбышева[26]; довольно вздорная и ничего не доказывающая, да и время ли теперь говорить о том, что давно было? Ежели бы подлинно дурна была Каталани, не стали бы церемониться после эрмитажных представлений и сказали бы ей тогда, что дурно; а я имею письменную похвалу об ней Виельгорского. Он один делает ей только упрек, в котором, однако же, сам не убедился, но говорит: «Сказывают, что мадам Каталани подвержена горловому расслаблению, кое заставляет ее фальшивить в течение некоторого времени, но это относится к строению гортани, а вовсе не к слуху; без сего она была бы певицею первого класса», – и проч. Да кто поверит Улыбышеву? Разве в Париже нет у всякого своих ушей?

За дурной погодою Святой недели качели и гуляние новинское отложили до 1-го мая. Вчера возил я туда детей. Пашка очень радовался на паяца, но как этот ушел с балкона, то он закричал, желая его возвращения: «Папа, я хоту (хочу), чтобы паяц еще раз был дурак». С Катенькой гулял я пешком; спустили шар, который, летев мимо всей Москвы, очень величественно упал на Полянке прямо на извозчика, закрыв его всего с дрожками, и задушил было остававшимся в шару дымом соломенным. Тот ехал шагом, дремал на козлах, как вдруг очутился в шаре бумажном.

Надобно мне еще писать к князю Петру Михайловичу и

просить его, чтобы он дал хлеба кусок бедному Кампорези. Екатерина его выписала в 1781 году, и с тех пор он все работает; теперь стал дряхл, можно за 47 лет службы дать пенсию под старость. Он подавал государю письмо, которое препровождено, по отзыву Лонгинова, к князю Петру Михайловичу на рассмотрение.

Александр. Москва, 17 апреля 1828 года

Я думал было уехать от Ланских[27], вместо того Юсупов меня за полу. «Ну-ка, не делайте ничего наполовину. Садитесь-ка сюда, и будем ужинать». Тут подсели еще князь Дмитрий Владимирович и прекрасная Потемкина; я и остался, и приятно провел вечер, но воздержался и не ужинал, чему очень радуюсь. Говорили все о театрах и разных пустяках. Я исполнил комиссию Воронцова, от которого получил сегодня письмо; он желает, чтобы в Одессе делались искусственные воды, учреждаемые здесь Лодером.

«Я расскажу вам анекдот, – сказал Юсупов, – об одном из наших друзей, большом пьянице. Говорили ему о сих искусственных водах, о том, что будут всякие вообразимые воды, и он тотчас спросил, будет ли “вода жизни” (водка)». Князь очень хвалит воды, то есть князь Дмитрий Владимирович. Подписки простираются до 60 тысяч рублей, и этого достаточно было для начатия предприятия; с 1 июня все пойдет. Можно будет иметь всевозможные европейские воды, весь курс будет стоить около 300 рублей. Князь сам пить будет эгерские. Только воля его, а я спорил и всегда буду спорить, что это не то же, что пить всякую воду на месте. Перемена лиц, мест, воздуха, беспрестанное рассеяние, регулярная жизнь, рано ложишься спать, рано встаешь, ходишь, а главное – что лишаешься всех возможных забот и хлопот, огорчений, коих у всякого есть более или менее. Тут был Новосильцев, который очень основательно заметил, что Петербург не Карлсбад, что он там воды не пьет, но всякий раз, что там бывает, набирается здоровья. «Да спросите-ка, – прибавил он, – у Александра Яковлевича, не то ли же скажет он о себе; да спросите у графини Строгановой, не то ли скажет она о князе Дмитрии Владимировиче?» А Юсупов все свое толковал: «Скажите мне, прошу вас, и оставим в стороне красивые чувства, будет ли для здешних вод хорошая ресторация?» Князь Дмитрий Владимирович ну хохотать: «Вот что прелестно: мы толкуем об укреплении здоровья, а вы – о средствах заработать несварение». У нас такое пошло веселие и смех, что все с других столов к нам сошлись. После Ланская начала говорить о твоих племянницах, превознося их красоту. Риччи, которая всегда в восторгах ото всего, начала их расхваливать. Это отчасти и правда; но

признаюсь, что я не люблю эти похвалы чрезвычайные: они вредят более, нежели приносят пользы молодым девушкам. Накричат так, что всякий ожидает более, нежели есть в самом деле. Хорошо, что у Катеньки такой нрав и отсутствие всякого кокетства, что ее не избалуют речи чужие. Лёльке скорее может это голову вскружить, но эта еще долго дома посидит.

Да благословит Бог путешествие государя! Известно ли, когда и куда изволит он отправиться? Князь сказывал, что государь едет в трех только повозках, с одним Бенкендорфом, доктором и камердинером, и что князь Петр Михайлович сопровождать будет, вероятно, императрицу. Спроси у Делинсгаузена, будет ли выпуск подпрапорщиков и попадет ли Хрущов, о коем я его просил; а я даю ему слово, что это, право, останется между нами.

Я нашел в Архиве многое, до почт в России касающееся; сделаю тебе списочек, – буде найдешь что любопытным, то для тебя спишу. Ты забыл мне сказать, а я читаю в «Инвалиде», что Татищеву – 1-го Владимира, чему не очень он обрадуется. Я помню, что лет пять назад говорили, что ему дадут, а он меня уверял, что ежели получит, то назад отошлет.

Александр. Москва, 19 апреля 1828 года

Очень тебя благодарю за манифест турецкий. Будь Божие благословение над государем, а писан акт этот премудро, основательно, твердо, убедительно. Тут есть очень умная загвоздка. Государь говорит, что цель войны сей – установить всем европейским флагам свободное плавание Босфором; теперь все делаются участниками дела нашего, ежели не явным союзом, то обетами в нашу пользу. Чем завидовать и мешать, как то было при Екатерине, Европа будет в душе нашей союзницей. Я раза три перечитывал манифест. Поехал в клуб, коему пожертвовал один экземпляр. Как меня благодарили все за атенцию эту! Как читали! Какой сделался шум, восторг! Иной и сам не знает, зачем радуется войне этой; всякий предвещает успехи, да и дело правое.

Александр. Москва, 20 апреля 1828 года

В нынешнюю ночь скончался сенатор, князь Кирилл Александрович Багратион, после 7-летней болезни. Спор о его летах и теперь еще не решен. Князь Юрий Владимирович Долгоруков, который себе дает только 90 лет, уверяет, что Багратион годом его старее был всегда. Тесть мой (на коего сестре Багратион был женат первым браком) говорит, что когда он посватался, то все удивлялись, что княжна Хованская предпочла молодому Ростопчину (графу Федору Васильевичу) старика Багратиона; это было в 1788 году, и тогда был ему 51 год.

По этому расчету – князь Юрий Владимирович прав. Как бы то ни было, он умер, и теперь все равно, сколько жил, мало или много. Злоязычные полагают, что княгиня только ждала этого, чтобы выйти за Ивана Ивановича Демидова (и этому гусю лет под 80), с коим очень давно в интриге, а другие говорят, что княгиня наводняет дом свой слезами. Да полно, у дам часто одно другому не мешает. Тесть очень поражен этой смертью, хотя и давно ее ожидал; он духом и телом упадает.

Вот и приглашение князя Дмитрия Владимировича завтра на большой обед. Не хотелось бы, а надобно выпить шампанское за здравие императрицы и наследника царского. Мне дали расписание всем экипажам, отправляющимся в свите государевой; но по оному не видно еще, когда изволит отправиться сам государь.

Александр. Москва, 21 апреля 1828 года

Вчера обедали мы у Фавста большой компанией; он, по обыкновению своему, не отпустил уже никого, и надобно было остаться у него на целый день, что немного тяжело. Я тотчас после ужина отретировался и нашел дома письмо твое № 31 от 16-го. Не один раз, мой милый и любезный друг, перечитывал я письмо это. Оно для меня новым доказательством нежных твоих чувств ко мне. Лишнее тебе говорить, сколько оно меня тронуло. Иначе я тебе никогда говорить не умел, как чистосердечно, и теперь то же буду делать. Я один знаю, сколько трудов, огорчений стоил мне несчастный наш процесс; ты был в чужих краях. Бог помог! Конечно, тень батюшкина и друзья его более сделали, нежели я, но процесс был выигран. Что же досталось? Около 3000 душ, а долгов? 215 тысяч рублей, кои с процентами в 7 лет составили 361 тысячу, нами признанную, да 90 тысяч в банке. Опека в управление свое во время тяжбы ничего не уплачивала, а нам имение сдала с 11 000 рублей наличных, да на 30 тысяч претензий тяжебных. Вот с какими трудностями надо бороться. Когда имение состояло и из 4000 душ, батюшка никогда 10 тысяч не имел дохода. За продажею Азанчевскому, за умершими от заразы в 12-м году, за уступленными Щербатову, оставшиеся у нас 1700 душ дают нам от 40 до 50 тысяч дохода; стало быть, ресурсы умножены, имение не разорено. Пусть любой хозяин поедет и посмотрит, не в цветущем ли положении деревни? Я завел вновь пять скотных дворов и фольварков, на заводах котлы все медные, и их берут в залоги, когда мы ставим вино в казну. Мы начинали исправляться после опеки, что же вышло? Ты помнишь Кикина? Надобно было делать мировую, то есть разоряться, отдать Щербатову дом, нижегородскую деревню и

чуриловские 600 душ, дававшие 20 тысяч дохода, и все это отдать чистое, освобожденное от всякого долга, который пал на нас. Три голодные года и пожар, истребивший почти в глазах моих на 40 тысяч хлеба, довершили. Тут выдали нам 150 тысяч из Кабинета, без коих мы все бы потеряли. Вот в двух словах история имения нашего.

Сделал ли бы другой лучше меня – не знаю. Я не оправдываюсь, да и ты меня не обвиняешь. Я сделал все, что мог и умел, но сознаюсь, что сам я последствиями недоволен, хотя и утешаюсь в совести моей. Доходы я не проматывал, ибо не имею никаких разорительных вкусов; живем мы скромно, половину года в подмосковной, дом нанимаю крошечный по 2500 рублей, держу 5 лошадей, имею 2 кареты, 22 человека людей; но нас 6 человек в семье, дети не маленькие, тут не об одной одежде речь, но и о воспитании их. Жалованья получаю я 3000 рублей, вот все мои доходы и ресурсы. Бог еще спасал нас тем, что ты все лишнее предоставлял мне, не пользуясь грошом из доходов с деревень. Все это так, но я все-таки совершенно с тобой согласен, что надобно взять какие-нибудь меры.

Александр. Москва, 23 апреля 1828 года

Вот и Ульяновский явился прощаться со мною. Тихий, добрый малый; он привез нам екатерининские бумаги. Малиновский все добивается, когда будет граф: хочет просить его быть в Архив. Я говорю, что граф Архив знает, что в нем ничего у нас не переменилось и что графу и без этого довольно будет дела в Москве, где, вероятно, остановится очень мало. Главное, видно, у него – атаковать графа насчет штатов. Я уверен, что ежели граф сухо ему скажет, что на все это была воля государя, тот жалобы свои оставит. А Малиновский мне говорил именно, что они не думают, чтобы государь одобрил, что сенатора с управляющих делают простым директором, что государь его лично знает, и прочие глупости. Ему очень было неприятно, что на большом обеде, в субботу, князь Дмитрий Владимирович, говоря о мире, как-то сказал, оборотись ко мне: «Вы дипломат и начальник Архива». Малиновский покраснел, а я прибавил: «Вы хотите сказать: один из начальников».

Александр. Москва, 25 апреля 1828 года

Бедная моя приятельница Николева очень плоха; ее поддерживало магнетизирование, а делала это известная Турчанинова, о коей не только праздные, но и сами доктора (и это многое говорит) такие рассказывают чудеса: например, что воду из груди обратила в ноги, что горбатому уменьшила горб, от

чего начал мальчик расти, и проч. Все это обратило внимание полиции, Ровинский [московский полицмейстер] ездил к ней узнавать правду; она объявила, что внутрь ничего не дает, а второе, что не берет гроша за лечение, делая это по одной страсти. Николевой сказали, что Турчанинову высылают из Москвы, это ее испугало, встревожило; прислала за мной, просила съездить к князю Дмитрию Владимировичу – узнать правду и сказать ему, что она двух дней не проживет, ежели лишат ее помощи Турчаниновой. Все эти глупости отняли у меня целое утро, так что я и в Архив не попал, но успокоил хоть бедную мою больную.

Вчера бегал скороход в Кремлевском саду, бездна была народу; только в 7 часов побежал не он, а все от хлынувшего вдруг дождя. Порядочно вымочило тех, кои не забрались заблаговременно в галереи, где ужасная была духота; у многих дам сильно исковеркало шляпы и капоты. Он бегал от большой решетки до арки, где начинается второй сад, и, повторив это путешествие бегом 30 раз в 40 минут, говорят, собрал 4000 рублей, и вероятно; но много было и издержек, ибо вся эта галерея была завешана холстинной кулисою, да и кресла, канапе, взятые напрокат, были испорчены дождем. Вид был прекрасный: Арсенал был, равно как и стены кремлевские, усеян народом, смотревшим бесплатно; на всех домах, даже отдаленных, видны были люди на крышах. Экое любопытство! Я слышал у князя, что мещанин один вызвался бегаться с этим мусье, требуя только 100 рублей, ежели прежде его перебежит условленное пространство.

Александр. Москва, 26 апреля 1828 года

И мы не придумали новую штате-даму, то есть не угадали и полагали все, что княгиня Софья Григорьевна [Волконская, супруга министра двора]. А всех лучше, мне кажется, Перовскому: 10 тысяч жалованья не безделица. Посмотрим штаты коллегии нашей и на что решится Малиновский. Ежели не понравится ему титул директора, то понравятся 4000 рублей жалованья вместо 2200 рублей, кои теперь получает.

Вчера приезжал к нам прощаться Алексей Петрович Ермолов и часа два просидел и проболтал. Любезный и приятный человек, очень тебе велел кланяться. Сегодня едет к отцу в Орел на житье, а к будущему году хочет основаться здесь, в Москве. Я ему давал читать указ о Закревском; он его любит душою и рад, что дали ему место, где много может наделать добра.

Ты помнишь останкиновского учителя Иванова? Он служит у князя Дмитрия Владимировича, который имел очень счастливую мысль заставить издавать в Москве ежедневную газету. Стыдно,

что не было это доныне в столице, какова Москва. Редакторов человек шесть, всякий по своей части. Князь предоставляет все барыши Иванову, предлагая помогать ему во всех издержках; есть уже более 500 подписчиков. Вот записка Иванова. Скажи слово Блудову, ежели увидишь его. Иванов боится, чтобы это не пошло в длинный ящик. Россия будет знать, что делается в Москве по крайней мере; только не надобно во всем перенимать у «Северной пчелы», коей и формат будет иметь новая эта газета. Можно ее сделать очень занимательной.

Малиновский не был сегодня. Надобно будет браниться с ним. Он сделал из двух хороших комнат кладовую для книг, напечатанных Румянцевым, то есть собрание грамот; они не продаются вовсе, а только место занимают хорошее, а дела екатерининские некуда положить, а в подвале, где лежат теперь покуда, все это сгниет. Он не жалует эти бумаги, потому что не он их выпросил, а кажется, сохранение их поважнее, нежели печатные экземпляры грамот. Довольно бы и одного экземпляра. Малиновский говорил мне о необходимости сделать повестку, чтобы ездили в Архив всякий день. «Ведь вы управляющий, зачем же не прикажете?» – «Да я вас ожидал все, чтобы нам обоим это приказать, а молодые люди не подумали бы, что это мой каприз». В этих случаях он ничего без меня не хочет приказывать, а в других делает все один. Шульц хорошо делал, что всегда с ним огрызался, а ласкою ничего не возьмешь. Беспрестанно присылает спрашивать, когда будет граф Нессельроде.

Александр. Москва, 28 апреля 1828 года

Итак, граф Нессельроде едет не через Москву! Жаль, что не увижу его. Пожелай ему счастливый путь, а я было ему хотел сделать подарок. Есть у нас переводчик Мамигонов, славный малый, знающий хорошо русский, арабский, турецкий, персидский языки. Граф мог бы его с большой пользою употребить в теперешних делах; видно, нет ему счастливой звезды.

Пфеллеру не скажу ни слова, а желаю, чтобы уладилось дело сына его; я давно старика не видел.

Вообрази, что делае мая здесь сельтерская вода лучше настоящей и стоит 80 копеек кувшин; так крепка, что один остающийся стакан от початой бутылки вышибает пробку.

Александр. Москва, 30 апреля 1828 года

Я было намылил себе бороду брить, – является почтальон с письмом твоим №39, отданным ему на руки; это не бывало. С большим нетерпением распечатываю, прочтя слово «нужное»

твоей рукою на пакете. Я подумал – что-нибудь радостное для тебя или для нас; читаю, что Рушковскому генерал-лейтенантство. Однако же смыл мыло, оделся наскоро, взял извозчика и пустился на почту. Минут десять не мог добиться сахара: говорят, не выходил еще из спальной, а так как он запирается вкруг, то с трудом я достучался; нахожу его только что в рубашке. – «Неужто я первый вам объявляю?» – «Что? Что?» – «Обнимите же меня и знайте, что вы тайный советник». – «А сенатор?» – прибавил он с замешательством. «Нет, но почт-директор, как и прежде». Тогда кинулся он мне на шею, пробежал твое письмо и начал оное целовать. Я потребовал истолкования его вопроса, и вот что он мне сказал: «Я получил еще в пятницу письмо от г-жи Лонгиновой, которым она объявляла мне о моем продвижении, поздравляя меня от имени своего мужа, коего тоже повысили. Константин Яковлевич мне и слова не говорил, и, однако же, я имел письмо от него; то было на другой день после письма вашего добрейшего братца; посудите же о моем состоянии. Зная жадность Константина Яковлевича к объявлению приятных известий, я полагал по его молчанию, что меня отставили в моем звании. В герольдии делают сенатором за старостью. Теперь вы вернули мне спокойствие». И ну меня целовать опять, меня и письмо твое. Он был вне себя и, брав меня за руку, беспрестанно таскал из спальной в турецкую комнату и даже в залу и обратно, не находя места, где усесться, и повторяя: «Потому что, вот видите, Лонгинова пишет вот ефто-то и поздравляет, Константин Яковлевич молчит об ефтом. В субботу совсем не пишет, а сегодня писем, или письма, лучше сказать, от него нет, то пожалуйте, письма нет, а Марья Александровна Лонгинова, вот ефто, поздравляет, то как же мне не полагать, что вместе с чином-то я и к герольдии?»

Эта фраза, верно, 20 раз была повторена, и выходит, что ежели Лонгинова тебя и предупредила, то все-таки истинная радость была от тебя. Ты Богом поставлен для утешения Рушковского; по крайней мере он благодарен, то есть наружно, ибо кто же войдет в душу человеческую? Весь город уверен, что это *ты* выпросил, повторяя, что князь едва его знает в лицо, а ежели и знает, то, верно, расчухал в минуту, чего он стоит; и тут все ошибаются, ибо для места Рушковского не нужны ловкость, ум, связи, способности, а просто прилежание и молчаливость, – это раз; а второе, жаль то, что не имеет он друзей (но и это не нужно, а может, и вредно его месту). Никто не радуется, а всякий бранит, плюет, спрашивая, за что такое счастие этому человеку? Второй вопрос у всех: «А братец ваш что получил?» И ответ: «Он и так осыпан милостями государя», – никого не удовлетворяет. Я в

душе моей разделяю общее мнение. Однако же, ежели забыли, что недавно Рушковский получил Владимира, то можно забыть и деньги, кои не дали, а простили. Куй железо, пока горячо. Я бы на твоем месте не переставал повторять, что, конечно, покуда ты, как колодник, работаешь, то место имеешь хорошее, лишить тебя оного было бы и несправедливость, и утрата для службы самой. Но силы твои истощатся же когда-нибудь, тогда останешься с долгами. Бездну назову тебе людей, кои менее тебя трудятся, а получали и получают много очень. Голицын, когда хотел, то, преодолевая всякие трудности, просил же за Рунича и ему подобных, а тут истощил он кредит свой. А тебя назвать достаточно государю: ты, кроме чести князю и пользы службе, ничего не доставлял. Право, брат, разговаривая с князем, не упускай случаев: пусть знает он положение твое; дитя не плачет, мать не разумеет. В службе надобно соблюдать равновесие, а ты отстал далеко от Рушковского.

Весть твоя принесла пользу одну. Я Рушковскому говорю: «Послушайте, такое известие стоило бы подарка. Я оного не приму от вас, но есть у моей жены одна старая дворянка Каменская, пять лет лежит в постели, милостыни не просит, но ей одною живет; дайте ей 100 рублей, и вы сделаете дело, Богу угодное». Тайный советник тотчас вынес деньги, а для жены и Катеньки был день отрады. Вчера они отнесли бедной эти деньги. Вообрази, какая это фортуна для женщины, платящей по 3 рубля в месяц за квартиру; да и тут помещает она еще у себя другую несчастную, которая еще беднее ее! «Без моей бедной, – говорит Наташа, – я бы негодовала на повышение Рушковского». Скажу тебе по секрету, что на почте никто не доволен и что, напротив, они огорчены, что ты ничего не получил. Эк, я тебе нагородил на досуге, но сии подробности о товарище твоем должны тебя интересовать. Теперь остается ему только жить лет сто и накопить миллион; вот и пожалеешь, что такой человек не женат.

Здесь большая вышла каша по французскому театру. Юсупов торжествует, что князь Петр Михайлович написал князю Дмитрию Владимировичу, что не хочет входить ни во что, что пусть князь делает как хочет, сам выписывает труппу, которая должна быть на ноге бывшей итальянской, то есть частной, а не императорской; что государь для удовольствия здешней публики давать будет по 30 тысяч в год; стало, лишаются театра, декораций, костюмов и проч. Юсупов предлагал Карцеву (которая, может быть, и сама была актриса), которая за 15 тысяч ехала с сим задатком в Париж и бралась набрать славную труппу в короткое время. Князь Дмитрий Владимирович не согласился тогда, а теперь она не хочет. Это дело премного занимает нашу публику, ибо имеется

изрядное количество подписавшихся, заплативших вперед более 40 тысяч рублей. Давайте-ка нам итальянцев, когда вам немного надоедят.

Александр. Москва, 2 мая 1828 года

Дай Бог путешествию государеву совершиться хорошо, и чтобы это хорошее начало предзнаменовало славные успехи. Все Бога молят о том. Устраивай отъезды царские, а там и наши дела трактовать станем. Вот тебе и преемник Шишкову. Теперь у нас четыре министра не нашей веры: морской, финансов, просвещения и иностранный[28]. Чтобы попы совсем с ума не свели Блудова! Здесь ни у кого не выбьешь из головы, что государь едет на Москву, заедет к Троице и проч., а Нессельроде так кто-то встретил на улице едущего в дорожной коляске. Вот как у нас видят и как у нас врут!

Гулянье давеча было очень хорошо. Шедший до обеда дождь прибил пыль, и воздух в лесу был прекрасный. Множество было народу и экипажей, пускали пребольшой шар, дети натешились, навеселились, а я, глядя на них, также. Коляска бригадира Исленьева, в 6 лошадей, обратила на себя всеобщее внимание. Это большая невидальщина: все забыли, как ездят в 6 лошадей, а ямское шестиконие давно перевелось у нас. Среди гулянья слышали мы крики дамские, суматоху, лошади били, но какой-то молодой офицер прыг из дрожек, кинулся и остановил подручную, можно сказать, с опасностью жизни собственной. Гляжу, а это нашего Лазарева сестра, вся испуганная глядит из кареты и кричит: «Батюшки, помогите!» Я не мог, потому что все дело было уже сделано. Охота же ездить на гулянье на молодых бешеных лошадях! Долго ли до беды? Юсупов также обращал на себя внимание: он ехал в старинной карете, принадлежавшей князю Безбородко. Старо, а хорошо.

Только выхожу садиться в дрожки – от графа Мамонова записка, коей просит меня к себе. Я заезжал и пробыл с час у него. Странно, какие бывают у него отступления от сумасшествия. Он, право, меня тронул, говоря о своем положении, одиночестве, что брошен всеми и проч. – «Да я первый бываю у вас». – «Вы бываете редко, я не могу требовать, чтобы вы ездили всякий день: какое вам удовольствие быть со мною? Зачем я один всегда? Зачем под властью докторов?» – «Вы жалуетесь, что всегда одни; да разве не доброй волей заключили вы себя в Дубровицах шесть лет сряду? Стало, вы людей бегаете, а не они вас». Касательно докторов я ему откровенно сказал, что болезненное его состояние заставило государя назначить опеку и его отдать на руки докторам. – «Да я не болен, я ем, сплю хорошо, никому не делаю

вреда; чем же мне выйти из положения, в коем нахожусь?» – «Повинуйтесь слепо всему, что от вас требуют, сделайте это усилие над собой, не давайте повода к жалобам; когда убедятся в том, что вы пришли опять в первобытное ваше положение, весь этот надзор, опека, все исчезнет». Долго рассуждал он, удерживал меня обедать, и я жалею, что не мог его потешить. Он меня сегодня тронул: несколько раз были у него слезы на глазах, проводил меня до передней и жал руку два раза, прося его не оставлять. Теперь я и власти уже не имею, но Фонвизину передам этот разговор.

Александр. Москва, 3 мая 1828 года

Чумага прислал мне сказать, что Дашков приехал[29]. Тотчас к нему поехал, но не тут-то было; Титов, у коего он живет, сказал что Дмитрий Васильевич выехал к Ивану Ивановичу Дмитриеву и что, вероятно, и ко мне заедет; поскорее домой, но он не был. Ежели не увижусь до обеда, то после обеда опять к нему пущусь. Так все и валит из Петербурга.

Александр. Москва, 4 мая 1828 года

Дашкова я вчера видел, был у него часа два. Очень, кажется, здоров. Совестно было звать к себе на вечер, хотя бы рады были ему и в сюртуке, несмотря на гостей, кои у нас были: он вечером же и пустился в дальний путь. «Благодаря вашему брату, – сказал он, – мы не решаемся останавливаться более чем на полдня в Москве». Это и дело, а то как бы такому множеству народа ехать без остановки в лошадях? У Дашкова бездна перебывала народу, так что ему надоело, и я не мог порядочно с ним поболтать. Чумага, как водится, был тут на бессменных ординарцах и сообщал письмо из Кишинева, по коему турки сделали нашествие на Бухарест, сожгли его и опять тягу дали. Это было, видно, последнее их нежное прощание с княжеством сим. Может быть, это и не правда еще. Из Царьграда есть известия: там все спокойно, но великое царствует уныние, и ничего так не боятся, как высадки прямо в столицу, а потому и наблюдается строгое крейси-рование около Босфора.

Александр. Москва, 5 мая 1828 года

Был я сейчас у Волкова, с коим говорил о положении несчастного Алексеева [это зять Ф.Ф.Вигеля]. Государю, верно, было бы больно узнать, что генерал-лейтенант, служивший 50 лет, получивший девять ран, находится на смертном одре в такой нищете, что не на что лекарств покупать. Довести это до сведения государя, столь милостивого, как наш, – это, мне кажется, сделать

ему приятное. Не много стоило мне труда убедить Волкова, и он на меня возложил сочинить письмо, что тотчас по отправлении почты и исполню. Дай Бог успеха! Ежели милость не найдет Алексеева в живых, то обратится на вдову и детей.

Вчера князь Дмитрий Владимирович сказывал (не мне, однако же, а Ланскому, мне пересказавшему), что проехал фельдъегерь от Паскевича к государю с известием, что турки начали против нас в той стороне военные действия, но где? Сказывают – около Анапы, а другие – на эриванской границе. Удивительно, что даже фельдъегерю надо понапрасну ехать в Петербург, когда знают, что государя там нет; по крайней мере можно бы отправить с таким известием эстафету к государю. Турки сделали набег и перерезали наш аванпост, состоявший из двухсот человек. Не горские ли то были народы, турками подстрекаемые? А ежели турки, то и на суше так же их накажут, как были на море в Наварине наказаны за дерзость свою.

Александр. Москва, 11 мая 1828 года

Есть некто молодой человек, служащий у нас в коллегии, Николай Михайлович Смирнов[30]. Он недавно вышел из опеки, богат, был во Флоренции с сыном приятеля моего графа Девиера. Этот Девиер, увидев один раз Катеньку в моем кабинете, начал хвалить ее красоту, прибавляя: вот бы ей жених Смирнов, молод, порядочен, добр и богат. Я засмеялся и отвечал, что она слишком молода. – Да кто же вас торопит? Вы же его и не знаете еще; дайте ему приехать сюда, узнайте его покороче, и ежели будет вам угоден, то можно со временем и дело сделать. Я благодарил за добрую волю, и так и осталось. Этот Смирнов едет сюда, но не хочет оставить Петербурга, не быв введен в твой дом и не познакомясь с тобою. Здесь все меня атакуют и просят о письме для него. Вчера должен был я оным снабдить родственницу его, княжну Волконскую, что за Наумовым Алексеем Александровичем, о чем тебя и предупреждаю, любезный друг. Ты мне скажешь, каков он; хотя и полагаю я предположения графа Девиера воздушными замками, но зачем не завести знакомства с порядочным молодым человеком? Все это будет между нами, а то попадись кумушкам под язычок, так бог знает, какие сплетут басенки.

Вчера был я у Рушковского, говоря, что ты пишешь о его чине и что ты совсем не того мнения, что ему достался оный за ничто, как многие утверждают. Я сказал ему, что ты разделяешь мое желание – быть ему еще полвека почт-директором и накопить миллион. «Очень благодарю, – отвечал он, – но на что мне? Я привык к бедности». – «Ежели так, то почему вам не употреблять

то, что почитаете лишним, на делание добра? Брат шутит в своем письме и говорит: пусть Иван Александрович сделает нас своими наследниками». Он засмеялся и прибавил: «Очень хорошо! Так братец вам это пишет?» – «Да, жаль, что нет письма со мною, а то бы вам прочитал; что мне с вами секретничать, да кто же может быть ближе к вам брата?» – «О! Константин Яковлевич мой благодетель, я всем ему обязан. Скажите мне, пожалуйста, каким образом сделалось мое пожалование в тайные советники, не знаете ли вы? Не пишет ли вам Константин Яковлевич?» – «Не знаю, но думаю, что, верно, князь просил государя». Напиши мне, ежели знаешь, а не то сам уведомь Ивана Александровича; он раза два этого добивался. Так как шел дождь, а я был в дрожках, то я пробыл у него с час, калякая о всякой всячине. Большой чудак, а только добрый человек.

Все удивляются твердости князя Юрия Владимировича: он закрыл сам глаза дочери и распоряжения делает для ее похорон. В эти лета чувствительность уже иступляется. Говорит, что покойница умерла в больших мучениях и что, кроме всех горячек, был у нее еще рак на спине. Вчера также умерла сестра П.Х.Обольянинова, Симонова, кажется; вдова. Наш бедный Калайдович впал в раж, так что четверо его едва могут удержать. Жаль! А очень способный человек и один из лучших наших чиновников.

Александр. Москва, 12 мая 1828 года

Экая гора свалилась, Демидов. Я предполагаю, что это как если бы великий герцог Тосканский умер. И богатство не спасло от общей участи. Сделал ли Николай Никитич завещание какое-нибудь?

Мне хотелось было обедать в клубе, где будет ужасная баталия: четверо будут говорить речи, а кашу заварил опять Иван Иванович Дмитриев. Ты помнишь, что прошлого года клуб не уважил мнения его, кое было забаллотировано; он не только отказался от звания старшины, но и члена; ему послали билет при просьбе принять его, но он не захотел. Теперь, скучая по вечерам, не зная куда деваться, он, видно, кое-кому шепнул постараться его опять ввести в клуб. По этому случаю готовится большое прение между двумя сильными партиями. Двое старшин сказались больными; Четвертинский, Садыков и Кошелев за Дмитриева, прочие против. Чем-то вся эта комедия кончится? Только я боюсь, чтобы все это не приуготовило падение клуба[31].

Александр. Москва, 17 мая 1828 года

Не стало моей Николевой! Она скончалась в 10 часов утра.

Вчера говорила она мне о многих устройствах своих, просила вернее доставить пакет к брату ее Алексею Николаевичу Бахметеву (вероятно, с завещанием), не более обыкновенного жаловалась на страдание свое, сегодня рано захотела исполнить долг христианский, после хотела… . Надобно думать, что усилия заставили воду подняться, чем и была она задушена.

Надобно было осмотреть все бумаги и ларчики, где нашлось тысяч до восьми денег; кажется, это все ее достояние. Я должен был с Хрущовым заняться всем этим. Племянницу ее, дочь Алек. Ник., что от Шоазелыпи, тотчас перевезли к Хрущовым; она не знает еще о кончине тетки. Николева только что переехала в прекрасный домик Муравьевой, Лизонькиной приятельницы. Хрущовы мне предлагают оный, но жену, верно, не уговоришь: ей все будет казаться везде тень покойницы. Жаль мне очень, добрую потерял я приятельницу; женщина была умная, твердая и имела много мужских добродетелей. Как я ни ожидал этого несчастия давно, оно меня поразило, ибо только что не в моих глазах испустила дух. Ее жизнь была роман. Это довольно странно, что она прослыла женщиной ветреною, что была замужем, и притом признанной любовницей покойного Николая Васильевича Обрескова, и, однако же, умерла она девственной. Эта фраза, которую тебе переписываю, была мне не раз повторена ей самою. Когда-нибудь тебе расскажу тайну, вверенную мне ею: это точно роман. Мне смешно было слушать слова одной ее родственницы, которая, плакавши тут, говорила: «Все-таки она была великая грешница, но жестоко расплатилась за свои грехи!» Я думал сам себе: вот как трудно судить о других по наружности.

Нового ничего не слыхать у нас. Завтра пять первых докторов должны экзаменовать Турчанинову и при себе заставить магнетизировать, на что и она очень согласна. Теперь будут говорить, что она Николеву уморила.

Александр. Москва, 17 мая 1828 года

Я очень рад прибытию великой княгини Марии Павловны: она будет служить утешением матери. А тебе все хлопоты. Да как не служить царям нашим усердно? Кроме того, что это долг наш, они так признательны за исполнение оного. Урусова пишет к матери: «Наше путешествие похоже на увеселительную прогулку. Императрица чувствует себя прекрасно, и у нее очаровательное настроение». Архивские птички все разлетаются.

Александр. Москва, 23 мая 1828 года

Мои архивские так и налетают, как саранча, проситься в отпуск. На 28 дней бы ничего; а вот беда, как на месяцы просятся,

надобно коллегии спрашиваться. Завтра призываем мы в Архив молодца Соболевского – объявить, чтобы подавал в отставку: рапортуется больным, а бывает на всех гуляньях и только что не живет на улице.

Александр. Москва, 28 мая 1828 года

Право, сердце содрогается, видя, что государь, для дрянного этого Браилова, которому не миновать участи своей, так себя подвергает. Об этом только и говорят, и я спорил со многими высшими. Они говорят: как молодому государю, не бывшему никогда в огне, не показать себя молодцом перед войском в первом деле? – «Да помилуйте, разве не показал он себя молодцом 14 декабря? Что за достоинство – быть храбрым? В нашей 800-тысячной армии, верно, 500 трусов не отыщешь; но сколько найдешь ты между храбрейшими из генералов и офицеров, кои показали бы твердость, хладнокровие, присутствие духа государя в этот роковой день?» Право, страшно подумать. Я вспомнил смерть Моро. Ядро, глупо пущенное в кучу генералов, оно не разбирает, кто необходим и кто бесполезен России. Дай Бог, чтобы таковые происшествия не случались более. Жена ахнула, как я читал. «Ох, вы трусихи», – сказал я было ей, да как прочел еще раз, то с ней согласился.

Я получил от Воронцова «Одесский журнал» для первых двадцати шести подписчиков; по оному узнали мы о прибытии в Одессу государя и императрицы, из первых рук; это приголубит подписчиков, коих у меня теперь уже более сорока. Сегодня посылаю Воронцову деньги, прося новых присылок журнала.

Александр. Москва, 29 мая 1828 года

Вчера сказывал мне Владимир Голицын (который, помнишь, выпел у тебя один раз открытый лист с каким-то романсом, не «Черная шаль» ли?), что ему привалило имение: тетка Шепелева отдает ему все, что имеет, и часть, приходящую ей после брата Энгельгардта, который умер. Кстати это, его дела были плохи; авось-либо хватится за ум и перестанет играть.

Сию минуту приносят почту и твой № 64; прибавления печатные взяты из «Одесского вестника», по коему мы уже третьего дня знали, что государь прибыл в Одессу. Эта поспешность приохотит подписчиков; да вообще журнал хорош, и я Воронцову писал: «Я всем повторяю, что не надобно путать «Одесский журнал» с одесским вином, которое отвратительно, тогда как первый очень хорош». То-то, я чаю, Воронцовы хлопочут оба! Дай Бог только, чтобы были здоровы.

Александр. Москва, 1 июня 1828 года

Есть некто капитан Кардацы, грек, оказавший некогда услуги России, но имел разные несчастия, и труд его оставлен без награды. Он теперь очень беден, был у меня, рассказывал все свои приключения, кажется, большой востряк, но добрый человек и уже в летах. Писарев ему советовал составить брошюрку. Вот она. Теперь бы ему быть в Греции, но нечем собраться, а хочет он ехать в Варшаву. Цесаревич его знает лично, а Курута протежирует. Я буду стараться ему что-нибудь собрать. Не даст ли кто-нибудь в Петербурге? Всякое даяние благо. Я дал ему 25 рублей; больше где взять? Он очень был доволен.

Александр. Москва, 7 июня 1828 года

Мне надобно ехать и в Архив, и в собор, где молебствие по случаю перехода авангарда нашего через Дунай. Известие это получено князем Дмитрием Владимировичем от графа Толстого по эстафете. Надобно помолиться за наших.

Письмо запечатываю в Архиве. В соборе было очень много народу, и все усердно молились. После молебствия я заходил к Филарету в алтарь, показывал ему медаль; он очень благодарил, любовался и сказал: «Вот и чужестранцы русских на русском же языке восхваляют; а кто знает, не будет ли когда-нибудь русский язык в таком же употреблении, как бывал испанский, латинский, а ныне французский?»

Александр. Москва, 9 июня 1828 года

Давно обещал я Лодеру, да и самому хотелось, посмотреть заведение искусственных вод. Встал сегодня в 6 часов и отправился, позавтракав, туда. Там нашел я Лодера, который в меня впился и все мне прекрасно показал, но продержал все почти утро. Надобно сознаться, что все устроено прекрасно, по-моему – лучше, нежели в Карлсбаде; есть комнаты в доме, галерея с защитою от солнца и дождя, род террасы, и, кроме того, обширный сад. Я нашел множество дам и кавалеров, более 130 человек. Я уверен, что заведение это процветет, как дилижансы. Тут видел я всю семью без изъятия Киндяковых, Высоцких, графиню Кутайсову, Васильеву, Бехтеевых, Хрущова, Абазу, Ржевского, Вейтбрехта, Вареньку Трубецкую, которая ужасно худа и переменилась, Нечаева, Жихарева; этот собирается пить тоже.

Александр. Москва, 12 июня 1828 года

Я сию минуту из собора, любезнейший друг. Куда как все усердно молились, а Филарет со слезами благословлял крестом, когда провозглашали многолетие государю. Князя Дмитрия

Владимировича не было, однако же, на молебствии. Видно, нездоров. Тут был князь Яков Иванович Лобанов, коему пересказывал я подробности, тобою сообщенные; они неизвестны здесь. Звал к себе на битву бильярдную и обедать сегодня. Пущусь; я люблю этого старика: всегда весел и шутит. С каким удовольствием перечитывал я подробности наших успехов. Ай да шах! Другие государи позавидуют уважению, которое умел государь наш вселить в непросвещенного шаха.

Говорят много о каком-то чудовище-медведе, имеющем 4 аршина вышины, когда становится на дыбки. Иван В. Чертков зовет с собою на травлю завтра, но я, признаться, не охотник до этих зрелищ.

Александр. Москва, 13 июня 1828 года

Славно идут дела наши с турками! У меня, брат, одно только опасение, что султана свои удавят; тогда-то может завариться каша, и союзники как бы не перессорились при разделе пирога. Надобно полагать, что Махмуд одумается и согласится на наши умеренные и справедливые требования.

В целом городе не могу найти карты турецкой. Сделай одолжение, пришли мне театр войны нашей. Единственная, которую имею, – это тобою подаренная, но это токмо почтовая, а в городе такая дрянь, что даже и Анапа не означена. Как глупы наши книгопродавцы, что не запасутся картами хорошими! Какая это карта делается по подписке? Я бы желал подписаться для Архива, а ежели хороша, то и для себя также. Побегу к Киселевой – поздравить ее с генерал-лейтенантством Павла Дмитриевича: то-то обрадуется!

Александр. Москва, 14 июня 1828 года

Киселева семья в восхищении от чина Павла Дмитриевича; без этой войны долго бы ему дожидаться производства по старшинству. Отличие, сделанное Витгенштейну, также велико, но и дела войск наших славны. Сообщай-ка почаще такие успехи, мой милый и любезный друг. Я уверен, что Грейг и Меншиков не ударят лицом в грязь, и полагаю даже, что Анапа будет взята прежде Браилова.

Фавст уехал на три дня в Петелино, где копает пруд; жалуется, что болен и нога одна распухла, надел башмаки прошлого столетия и преуморительные панталоны летние. Этот не будет никогда щеголем. Нелегкая догадала его купить орган с музыкой; когда к нему ни придешь, дети немилосердно по очереди играют, так что голову расстукивают. Я ему стал выговаривать, так он отвечал: «Молчи лучше; отец твой, право,

умнейший был в мире человек, а уж верно умнее меня с тобою, да и у того были, помнишь, органы?» – «Был, да не целый же день в них бренчали, как у тебя теперь». – «Пусть, душечка, дети забавляются: это сделает ухо их музыкальным». – «Держи карман! Выбрал все такую дрянь, а еще по заказу: «Реченька», да «Камаринский», «Веселая голова» и проч.»

Александр. Москва, 16 июня 1828 года

Обедал я у князя Якова Ивановича [Лобанова-Ростовского]; играли в бильярд. Я приобрел 100 рублей, потащил он меня на пруды гулять; было немного. Откуда явился вдруг Савельич, в каком-то женском капоте, на голове род скуфейки бархатной, украшенной левкоями и розанами, начал петь, любезничать и собрал около себя человек 100. Только старым становится; поплясал немного и так запыхался, что насилу отдохнул.

Вечером заехал на минуту в Английский клуб, где нашел Вяземского, с коим более часу проболтал.

Когда увидишь Закревского, за меня поцелуй. Здесь распустили глупый слух, будто он прислал сюда чиновника запечатать заведение вод искусственных яко вредное для пьющих оные. С этого я полагаю начать бы; а позволив раз, как же запечатать? Это все выдумки противной партии, то есть тех докторов, кои завидуют успехам заведения и барышам Лодера и компании.

Александр. Москва, 18 июня 1828 года

Навеселился я, любезный друг, у Хрущовых. Время было бесподобное, и туда ехали так весело, что не видали, как проехали 22 версты. Сидело нас четверо в 4-местной карете: Жихарев, князь Иван Ал. Лобанов, Афросимов и я. Почти подъезжая к Усову, Жихарев приметил, что кучер (извозчик наемный) качается. Что такое? Вышло, что он мертво пьян. – «Помилуйте! Я? Как-с, какой я пьян? Меня закачало от дороги…» Только на ухабе вдруг сбросило его под колесо с козел. Лошади, к счастью, остановились, да и форейтор, племянник его, всю дорогу, бедняжка, все ехал, оглядываясь, и, увидев, что почтенный его дяденька упал с козел, тотчас остановил свою пару, отчего и те четыре также остановились. Мог бы убиться до смерти. Таки силою влез опять на козлы и благополучно нас довез. Как эти люди живы! Вообрази себе, что пьяный, просидев два часа на козлах в зной такой, в поту, как был, кинулся в Москву-реку, пьяный купался, плавал, вышел из воды и голый лег на траву под деревом спать как ни в чем не бывало. Стали ему выговаривать, так он отвечает: «Да ведь наше дело мужицкое, у

меня не барская кровь; слава Богу только, что кто-нибудь не сшалил, да платья у меня не украл». Заставили нас там есть, пить, гулять, играть в мушку. Надобно было и поужинать, и мы в Москву возвратились в три часа пополуночи.

Число пьющих воды видимо прибавляется. Три недели тому назад было 120, а намедни Лод ер говорил, что 170 с лишком. Вот более 15 тысяч, ежели и по 90 рублей полагать; а теплые воды по 100 рублей, а холодные по 80 рублей в месяц, не считая ванн, кои по 10 рублей каждая. Многие чувствуют великое облегчение. Хрущов сказывал мне, что, по приказанию Алексея Петровича Ермолова, он купил для него подмосковную в 22 верстах от Москвы, по Можайке, и заплатил 40 тысяч; очень хвалит. Ермолов хочет основаться здесь. Это славное приобретение для нашего общества.

Ох, звал больной Василий Львович к себе обедать сегодня с Вяземским; не знаю, решусь ли ехать. Далеко в Слободу, да и устал я от поездки загородной; хотелось бы отдохнуть. Увижу, как отделаюсь в Архиве. Я вчера сделал глупость. Хрущов дарил мне славную лошадь для завода, у них тут тоже завод в подмосковной, я поцеремонился; но дело можно еще поправить.

Александр. Москва, 19 июня 1828 года

Пфеллер явился; приступает все, чтобы я воды пил. Ежели делать, то уж порядочно, теперь не могу никак. Старик хочет тебе жаловаться. В будущем месяце можно будет подумать об этом. Большая на них мода теперь, князь Дмитрий Владимирович и княгиня его тоже начали пить. Не помню, сообщал ли я тебе остроту Посникова. Сидит он в Сенате, видит Дурасова, возвращающегося с вод. «Ба! – говорит Посников. – Должно быть, поздно». – «А что?» – «Да вот и скотина возвращается уже из водопойла». – С будущей недели будет там и музыка, как в Карлсбаде.

Пфеллер мне сказывал, что племянник его, адъютант графа Чернышева, был отправлен на какой-то завод; он послал оттуда эстафету к своему генералу, эта эстафета была около Торжка ограблена. Скажи это Чернышеву, ежели его увидишь, чтобы он Пфеллера не считал неисправным или умершим. Может быть, пишет тебе и Рушковский об этом.

Александр. Москва, 21 июня 1828 года

Поздравляю тебя с победами; но желательно, чтобы славный мир избавил бы нас на будущие времена от нужды брать штурмами проклятые эти турецкие крепости, которые много уже стоили русской крови. Также прислал мне Воронцов письмо рейс-эфенди к французскому послу в Корфе, с коим задирают турки негоциации. Это хорошо, лишь бы не мешало продолжению военных действий.

Вигель приехал из Одессы, долго у меня сидел и много рассказывал. Воронцов царски угощает императрицу, которая изволит жить в его доме[32]. Сервизы, серебро, фарфор, хрусталь, столовое белье, все хозяйское, и все новое, с иголочки, – все обдумано для покоя и удовольствия государыни. Император чрезвычайно ласкает Воронцова. С маленьким сынком его был спор у государя. «Ты не любишь папеньку!» – «Люблю». – «Нет, не любишь, я знаю». – «Нет, ты врешь, я тебя прибью, я люблю папу». Только государь стал продолжать шутку, а мальчишка так рассердился, что схватил песку горсть (спор был в саду) и бросил государю в лицо, а государь ну смеяться, повторяя: «Я виноват, защищал неправое дело»; а Воронцов испугался, не попало ли песку в глаза императорские.

Кажется, что Митюша Н. [Нарышкин] не останется на своем месте и что Вигель будет губернатором; он малый умный и сведущий.

Александр. Москва, 22 июня 1828 года

Браилов взят, не без жертв; но как же быть? Очень тебя благодарю, что не поленился ты выписать слова великого князя. Мы читали это с восхищением. Такие подробности тем приятнее и любопытнее, что они не помещаются в официальных реляциях. В короткое время государь мог изучить всю военную науку, одну только ему неизвестную на практике. Он был на сражениях сухопутных и морском, видел осаду, сдачу важной крепости, переход через большую реку целой армии. Порядочный курс, можно всему научиться.

Насилу уехал Чумага. Я ему читал известия из армии, письмо рейс-эфенди к Вильемино, присланное мне Воронцовым, с коим

он задирает негоциацию, приглашает обратно в Царьград; но это манера этих плутов: все делают уверения и пакости. Ежели подлинно хотят мира, то на что им французы и англичане? Дорога к миру им указана в нашем манифесте. Пусть пошлют уполномоченных в главную нашу квартиру. Чумага посылает тебе почтение свое, а нас всех зовет к себе завтра в Останкино обедать. Добро! Вспомню твое, наше там житье.

Александр. Москва, 23 июня 1828 года

Третьего дня случилось здесь трагическое происшествие: две сестры, обе замужем, мужья в отлучке, одна здесь, другая в подмосковной. Здешняя занемогает, посылает за тою; та приезжает, находит сестру уже умершею, кидается на тело, лобызает его и на нем тут же дух испускает. Обеих кладут на один стол, в одно время хоронят и в ту же могилу кладут. Одна из них – Гурьева какая-то, а другая – не знаю, за кем. Но столь трогательная, нежная черта любви стоит того, чтобы подробнее разведать. Расспрошу, правда ли? Может быть, и прикрашена история.

Александр. Москва, 25 июня 1828 года

Поздравляю тебя с радостным для России днем сегодняшним [день рождения Николая I; ему пошел тогда 33-й год], мой милый и любезный друг. Уж верно, усердно все помолятся в соборе за государя, пожелают ему всех благ и благополучного окончания войны. Надобно быть в церкви, в Архиве на минуточку, а там обедать у князя Дмитрия Владимировича. Вчера Иванов день, праздник на Трех Горах и на прудах; но последние вздумалось Юсупову теперь чистить, спустили воду, отчего сделалась ужасная вонь, а потому и пустились все на Закревского дачу, где была бездна народу. Граф Федор Андреевич [Толстой, тесть Закревского] показывал мне дом; славно отделан, то есть расписан, ибо мебелей еще нет, только книги в кабинете Арсения Андреевича, откуда прекраснейший вид. Такой дом хорошо бы иметь и среди столицы. Расположен он хорошо и обширен, все любовались чистотою. Я заметил вещь странную: нет ни солдат, ни караульщиков, а никто не смеет ходить по дорожкам или топтать траву, как бывает во всех садах, для публики открытых. Я видел в этом какое-то особенное уважение к хозяину. Одно не одобрял я: плотиков много, и они нужны, ибо много островков, но они так легки, что тонут, а это очень неприятно для дам: мочат себе ноги, у иной и башмаков не видать, как только чуть лишняя тягость.

Я и не знал, что Алексей Орлов там. Ежели тонуть ему, то

разве в Неве или на Мойке, полагал я; а вместо того ему сдается Мачин. Бибиков славный сделал прыжок, будет помнить Браилов; авось-либо и Анненкову достанется курьерство такого же рода. Ай да мусье Серж! Я, право, душевно порадовался записке князя Сергея Ивановича [Голицына, мужа двоюродной сестры Булгаковых], только тыканье с тобою на французском диалекте показалось мне смешно. То-то, я чаю, вся семья радуется и рассказывает о чудесах ихнего Сергея Чудотворца! Правду сказать, Бог Чижика нашего наградил славными ребятами.

Ты слышал ли, что князь Егор Алек. Грузинский скрылся, как Уваров [женатый на сестре декабриста Лунина]; иные говорят, что он утопился, удавился, а другие – что бежал в главную квартиру, чтобы броситься в ноги к государю. Его судят за какие-то проказы и преступления. Давно тучи висят над ним.

Александр. Москва, 27 июня 1828 года

По причине засухи и жары, были молебствия с коленопреклонением; намолила же себе Москва дождя! Возвращаясь из Архива, заехал только на минуту к Обресковым, торопился домой. Москва была окружена черными облаками; сидя в Архиве, видел я уже вдали тучу, подвигающуюся тихо из-за Поклонной горы. Хотим вставать из-за стола, вдруг ветром открыло окна в зале; только что успели закрыть, пошел дождь, и не каплями падал, а точно лило как из ушатов, так что в 20 минут против нашего дома не видать было мостовой, а текла речка выше гораздо тротуарных столбов. Ворота не вздумали, да и не успели закрыть; двор ниже улицы, вдруг хлынула туда вода и вошла в погреба, подвалы и кухню; из последней кучер князя П.А.Хованского и два пильщика, пришедшие из деревни за деньгами, не могли уже выйти, и их вытащили в окно. Ветер дул с ужасной силой, молния сверкала, и гром часто падал; долго шел и град, только некрупный. Дети плакали, Наташа увела всех в свою спальню, зажгла свечи перед образами и давай Богу молиться, между тем как люди наши, идучи по колена в воде, старались спасать что можно. Лошадь, которая в коровьем хлеву, подмытом водою, тонула, они вытащили и спасли. Ворота с ужасными усилиями успели они затворить и рогожами запрудили все щели, так что вода на дворе немного уже прибавлялась. Забор против нас повалился. У Митькова и Карцева снесло крышу, наша уцелела, а только ставни оторвало. Беда та, что вода, не имея стоку, все одинаково у нас стояла. Что делать в таком положении? Я велел прорубить забор, несмотря на крики Карцева управителя, и спустил воду к нему, советуя ему так же поступить с его соседом. Тут Божие наказание, надобно же что-нибудь

делать и себя спасать. У Салтыкова против нас весь двор преобразился в большое озеро, а по мостовой мимо нас, или, лучше сказать, по реке этой, несло бревна, дрова, бочки, сальные свечи (видно, разбило завод где-нибудь или лавочку), собак и проч. Ужас! Точно было маленькое изображение вашего ужасного наводнения. Этой картины долго не забуду. Дождь этот продолжался часа полтора, от четырех часов до половины шестого.

Когда прояснилось, я взял извозчика и поехал по городу. Не видать было почти дома без повреждения. Из пяти домов, верно, четыре с открытыми крышами, с поваленными трубами, заборами, воротами и проч. Древние орлы кремлевских башен или снесены, или погнуты. Гром, ударя в Ивана Великого, отбил угол вверху и убил звонаря, который собирался благовестить к вечерне. Большая часть крестов на церквах снесены, погнуты или повреждены, как то: в Успенском соборе, Косьмы и Дамиана, Спаса в Песках, а у Симеона Столпника снесло среднюю большую главу, и при мне подняли крест на улице. У тестя моего снесло ворота, и их нашли у Пречистенских ворот. В Оружейной палате купола среднего как бы не бывало, в Большом театре, в экзерциргаузе сорваны железные крыши, а в Арсенале почти вся крыша унесена ветром. Александровский сад представлял озеро, из коего торчали деревья. Верх одной из башен кремлевских (угольная к Каменному мосту) сорван. Вот что я сам видел, а мало ли еще было бед в таком обширном городе, как Москва. Обер-полицмейстер ездил по городу, чтобы узнавать, что в каждом месте происходит. Нам убытку по крайней мере было ста на три; где тонко, тут и рвется! Слава Богу, что мы все живы и здоровы. Всех храбрее был Пашка [младший сын А.Я.Булгакова]: ни грома, ни дождя не боялся. Бедные мои люди все перемокли. Я им дал 25 рублей, послал их в баню и велел чаю напиться. Их усердие спасло нас от больших бед.

Оставим-ка эту материю, а поговорим о твоих славных вестях. Ай да Орлов! Ай да Ридигер! Ай да Мадатов! Вот тебе и Ктостенджи, где хотели упорно защищаться. Я думаю, что, прежде Шумлы, мы нигде не найдем сопротивления.

Я и князя попотчевал хорошими вестями. Граф Ф.А. удивляется, что не присланы к нему известия сии, уверяя, что зять обо всем его уведомляет исправно всякий день. Сомневаюсь! До того ли Закревскому! Да у кого на свете есть такой корреспондент, как у меня?

Только что я встал, явился комиссар с рапортом, с коим и поехал я в Архив. Надобно думать, что две бури слились вместе, ибо часть нашей крыши очутилась на дворе Межевого казенного

дома, а их крыша – у нас в Архиве. Не мог это произвести один и тот же ветер. Говорят о многих убиенных: у Богоявления убило солдата полицейского на улице, а на Самотеке – женщину: странно, что грудной ее ребенок найден живым и спящим возле матери. Как его не потопило? Видно, положено ему умереть от старости. Много гром наделал бед. Одно меня удивляет: отчего столько погнуло крестов, кои не могут представлять сопротивления действию ветра. Крест церкви Троицы на Хохловке, что против Архива, стоит набок, на множестве других церквей то же видно. Молния зажгла было флигель в доме заики князя Д.П.Волконского, но пожар утушили тотчас. Киреевский, наш архивский, сказывал теперь, что мезонин их дома снесло и сбросило на чужой двор, разбив вдребезги. Сегодня, несмотря на солнце, воздух очень свеж, и я надел опять свою фланель.

Александр. Москва, 28 июня 1828 года

Сию минуту с молебствия, бывшего в соборе в честь взятия Мачина, Ктостенджи и Гирсова, мой милый и любезный друг. Всех удивляет, что не празднуют взятие Браилова, полагая, что неполучение еще ключей сей крепости не есть резон откладывать молебствие.

Князь не знал ничего о взятии Анапы. Мне пишет Щербинин, что Грейг занял эту крепость 12-го и что гарнизон военнопленный отправлен уже в Керчь, и молодой Толстой везет ключи к государю. Это славная весточка. Теперь Грейг и Меншиков могут направиться к Варне.

Ну, брат, только и речи у нас, что о буре, бывшей во вторник. Полагают, что убыток, причиненный целому городу, должен простираться до миллиона рублей: нет дома, в коем не было бы хоть на 100 рублей повреждения.

Вот тебе изображение церкви Николы в Гнездниках, что в Леонтьевском переулке, я Ванюшке велел это с натуры срисовать. Вся эта глава висит на каком-то железном пруте; хорошо, что не на улицу, а то, упав, убить бы могла проходящих или проезжающих. Убито в целом городе только три человека, благодарение Богу!

Марья Павловна и прежде кончины тестя своего, верно, царствовала уже над всеми веймарцами, по крайней мере над сердцами их. Это совершенный ангел. Я никогда не забуду, что она мне сказала о тебе, когда я имел счастье быть ей представленным в Петербурге.

Хочется мне отвезти своих послезавтра, а то они без меня никогда не сберутся. Надобно и им, бедным, поглотать чистый воздух, а я по возвращении Малиновского отправлюсь отдохнуть

в Семердино. Говорят, что граф Аракчеев гостит у Малиновского в деревне.

Александр. Москва, 29 июня 1828 года

Филипп Вигель точно несколько странен: оставил Керчь, но Воронцова оставить никак не хочет. Князь Дмитрий Владимирович прислал звать на маленький бал в воскресенье в доме Головкина[33], где он живет для соседства вод, но вряд ли буду: хочется своих отвезти в Семердино. Здесь и душно, и скучно, и убыточно.

Александр. Москва, 2 июля 1828 года

Алексей Федорович приехал, говорят, вчера вечером; но я будто не знаю, да и разведывать не стану. У него гостил приятель Закревского Аракчеев, они вместе ездили в Царицыно и Коломенское.

Ездил я на частную вечеринку во фраках к князю Дмитрию Владимировичу, где довольно было скучно. Он живет, для соседства вод, в доме Головкина на Остоженке, и в 12 часов все было уже кончено; играли только в два стола. Сад был иллюминован, и в нем играла музыка. Видел я тут графа Ф.А.Толстого, который обыграл всех в муху. Ничто не доказывает так безденежье теперешнего, как дом этот. Он продается за 80 тысяч, а, верно, на 200 тысяч не сделать все то, что теперь есть. Это дворец, а не дом; одних ковров, живописи на плафонах, зеркал, мебелей тут на 80 тысяч, а дом даром.

Слышал ли ты, что горцы сделали набег на всех; ехавших от теплых вод на кислые? Тут попалась и Марья Ивановна Корсакова, которая была ограблена до рубашки, а какого-то полковника убили. У Корсаковой ни минуты без авантюр.

Я сюда думаю возвратиться 6-го или 7-го, надобно петь панихиду на батюшкиной могиле, а 8-го опять возвратиться в Семердино праздновать Казанскую, именины нашей деревни. Всякий год стечение народа более и более умножается. Менее 1000 посетителей никогда не бывает.

Александр. Семердино, 4 июля 1828 года

Ну слава Богу, мы все здесь! Вчера вечером прибыли мы сюда благополучно, мой милый и любезный друг. От заставы до места провожал нас все дождь. Это маленькое беспокойство было вознаграждено радостью крестьян, которые молили о дожде и уверены, что мы привезли им изобилие. Хлеба и травы прекрасны. Наташа наготовила мне множество самых приятных сюрпризов. Кабинет мой отделан с большим вкусом на китайский манер, все

очень хорошо придумано для моего покоя. Я очень был бы доволен иметь такую комнату в Москве. Для белья, письма, трубок, бумаг – одним словом, для всего все придумано. Передо мной портреты: твои, детей твоих, семердинского помещика и жены его. Это все мастерила она сама с Ванюшкою. Кроме этого, нашел я дом, на каменном фундаменте поставленный, новую прекрасную баню, конюшни и сараи каретные, новый людской флигель, – все это крыто тесом, в роще новый мостик. Все это очень меня и обрадовало, и удивило, и все это мастерилось, покуда я был у тебя в гостях.

Александр. Москва, 7 июля 1828 года

Известия из армии очень хороши. Неужели султан не попросит мира? Никогда турки не находились в столь критическом положении, ибо Россия давит их всеми своими силами, нигде не развлеченными, как бывало то при Екатерине. Этого мало: Англия и Франция связаны с нами трактатом, против такого союза Австрия не пикнет, а шведам что делать одним? Их один Закревский и остальная часть гвардии урезонить смогут. Стало быть, все России благоприятствуют. Такой гибельной минуты не было никогда для турок.

Александр. Семердино, 9 июля 1828 года

Я опять здесь, мой милый и любезный друг. Плохо было ехать, дождь не переставал лить, так что я должен был ночевать в Талицах и сюда попал только рано поутру к самому празднику деревенскому, Казанской. Тесть сказывал мне, что многие собирались было ко мне, но за дурной погодою отложили. Однако же двое таки были: Кобылинский, молодой человек, служащий в Воспитательном доме, и Алексей Иванович Нарышкин, сын Ивана Александровича, что женат на Хрущовой. Уж это подлинно жертва – приехать в такую погоду, и мы не знали, как благодарить и получше угостить. Вчера то разгуляется, то опять пойдет дождь, но праздник все-таки шел своим порядком, много было народу: бабы орали, мужики пели, а ребятишки дрались за пряники. Я гостей надувал, привез славные фрукты из Москвы, а их уверял, что это из своих оранжерей. Не стоит труда их иметь: фрукты ужасно дешевы. Я купил 25 слив, 25 персиков, 25 абрикосов, 500 шпанских вишен и дыню (да все это отборные) и за все заплатил только 20 рублей. Вечером стало тихо, и мы сожгли фейерверк, а шутихи своим порядком летали в кучках народных; они так приучились, что не боятся их уже. Гости у нас переночевали, а теперь отправляются домой. Вот и коляска запряжена, дан им проводник до Троицы. Мы собирались все туда

пешком послезавтра. Помолимся и за тебя, и всех твоих.

Александр. Семердино, 18 июля 1828 года

Ай да праздник задали Воронцовы императрице! Какая новая и прекрасная мысль – представить высадку Танкредовой флотилии; это уже не театральное представление, а сама натура; на это надобно было море, примадонны, а более всего – догадка Воронцовых. Счастливая мысль, а хорошая погода увенчала праздник. Мне также это описывает Щербинин, по приказанию графа, который слишком занят, чтобы писать ко всем. Благодарю очень за письмо князя Петра Михайловича и возвращаю при сем, а в Москве распустили слух, что князь послан в Бухарест сражаться с чумою. Жаль, что не был я в Москве, а то сообщил бы тебе свежее известие, полученное Кушниковым от зятя его Сипягина, о покорении крепости Карса; видно, пробираемся к Ерзеруму, то есть душим Махмуда с обоих концов. Пора бы ему взяться за ум и заключить мир поскорее, а признаюсь, все желаю, чтобы *прекрасная* София[34] в *святой* Софии помолилась на коленях и поблагодарила Бога за успехи наши. Я это все твердил маменьке ее, княгине Урусовой. Беда, чтобы султан не узнал об нашей красавице; а то велит ее увезти, или при замирении отдаст за нее одну полцарства своего. Неправда, что горцы увезли Корсакову-дочь.

Александр. Семердино, 28 июля 1828 года

Ох, пообедал бы я с тобою у Кутузова, послушал бы их рассказы о Екатерининском царствовании! Это страсть моя, я же люблю, что замечательно и записывать, а твой князь куда какой мастер рассказывать. Пожалуй, при случае обоим екатерининским камер-пажам[35] и обожателям, как я, скажи мое почтение. Воронцов, который напечатал в «Одесском вестнике» письмо мое к нему о бывшей в Москве 26 июня буре и проказах ее, пишет ко мне редко; да и глупо было бы мне требовать от него частого писания, при теперешних его заботах, но зато спасибо Щербинину: очень аккуратно пишет и сообщает все вести тамошние. Мне Воронцов рассказывал о своих неприятностях с Потье, манычаровским генералом, строившим в Одессе карантин, но теперь вижу по сенатским газетам, что Потье и его товарищи сильно наказаны, по приказанию государя. Есть же люди, кои и с Воронцовым ужиться не могут! Должны быть уроды. Воронцов должен сожалеть, что губернаторствует, а не турок колотит: это лучше, нежели трактовать с ними о делах.

Я читаю теперь «Историю» Карамзина. Храбрый Святослав воевал в тех же местах, где войска наши теперь. Силистрия тогда

Доростолом называлась, и наши так же колотили печенегов, болгар и греков, как мы теперь турок. Нашел я также предсказание, которое чуть ли не сбывается, выпишу тебе это на особенной бумаге. Слог Карамзина очень приятен, видно перо и чувство человека добромыслящего.

Александр. Семердино, 31 июля 1828 года

Наташа и дети давно меня упрашивают идти вместе пешком к Троице. Вчера мы, встав в пять часов, позавтракав, вооружась посохами, пустились с большей частью дворни в путь. День был серый, тихий. Мы полагали, что и хорошо, что солнца нет, не так будет жарко идти, а карете велели себя догонять с Пашкою, когда он проснется. Три версты шли хорошо, только в лесу к деревне Алексеевской настиг нас дождь; мы долго укрывались под большим дубом, но дождь шел все сильнее, начали мы промокать.

До деревни была верста. Собрали военный совет; я объявил, что последний скажу мое мнение, чтобы всякий свое свободнее излагал. Уж пошли, так идти вперед, – сказали дети. Наташа была мнения идти в Алексеевскую укрыться от дождя, а там подумать, что делать. Россини* объявил, что он идет прямо к Троице, несмотря ни на что; он был в красных легких сапожках, которые от грязи и воды все вымокли и почернели. Старушка одна монахинь-ка и Поля-девушка просили идти с Россини. Тут я объявил, что все бредят, что не было обещания, ни клятвы в такой-то день идти непременно к Троице, что все занемочь могут, а что надобно воротиться и идти навстречу карете, а богомолье отложить до хорошей погоды. Россини отправили мы в поход, а сами вернулись; дождь все увеличивался. Наконец слышим колокольчик, является карета. Всех нельзя было посадить в нее. Катя захотела непременно идти со мною пешком домой, уверяя, что движенье лучше и что, промокнув до рубашки, более будет зябнуть в карете. Ну хороши были мы, воротясь домой!

Хотя Катя вся переменилась и вымылась вином простым, но простудилась: заболела щека, шея, жар, и она два дня лежала в постели. Теперь, слава Богу, лучше, и завтра выйдет из комнаты. Хорошо, что я не послушался дур этих: все бы слегли не на шутку, и теперь иначе не пойдем опять, как в самую прекрасную погоду. Россини воротился вчера с лихорадкою, которую я вылечил стаканом, то есть бокалом пуншу и банею. Я стал смеяться его сапожкам сафьяновым, а он мне в ответ: «Ничего-с! Ведь со мною были еще башмаки». Мы ну пуще хохотать, а он очень серьезно: «Да ведь башмаки-то на толстой, двойной подошве. Это как бы пистолеты для взятия Браилова, да пистолеты не дюжинные, а кухенрейтерские». Каков чудак! Если бы не болезнь Катеньки, это

паломничество сильно бы нас позабавило.

Я видел из приказов, что Андреевский просто отставлен; по этому догадывался, что ему худо, а Монтрезору хорошо. Точно говорят, что очень нечисто дело это. Вот, как всегда, правда таки торжествует. А Андреевский все напускал на себя в Москве важный вид, будто не хочет быть сенатором, предпочитая оставить службу.

Дела турецкие идут хорошо; видно, предвидятся успехи и славные дела, что Дибич и Бенкендорф Александр вступили в ряды сражающихся. Шумлу, кажется, обошли. Я вижу, что наши заняли Цареградскую дорогу. Лишь бы зависть не вооружилась против нас, боюсь англичан и Меттерниха. Первые, кажется, дома озабочены довольно, а австрийцев можно урезонить. Меня удивляет беспечность султана. Куда девалась его деятельность? С прискорбием вижу, что был заговор против Каподистрии; да чего ожидать от этих разбойников? Они должны очень досадовать, что Каподистрия истребляет их грабежи на море.

Александр. Семердино, 15 августа 1828 года

Благодарю за армейские вести. Вот государь и в Одессе, и на некоторое время. Мне все чудится, не сладят ли там конгресс, и Воронцова посадят первым уполномоченным, чего я, однако же, не желаю, это было бы в пользу султана, а не нашу. Да наш государь молодец: конгресс бы не мешал нам идти вперед. Я видел с удовольствием, что в «Журналь де деба» есть статьи против нас, кои другой государь, как наш, верно бы, не пустил в публику; но Николай I имеет что-то великое, действует и храбро, и великодушно, презирая толки, догадки. Славно идут дела Каподистрии, а как были плохи. Бог моих греков выручает. Как хорошо письмо Каподистрии патриарху, в ответ на его предложение покориться султану! Веллингтон и Меттерних играют какую-то двуличную роль. Смерть Каннинга положила начало падению Англии; влияние ее заметно упадает. Английский новый посол – мой приятель; мы были вместе в Неаполе секретарями посольств. Тогда он назывался S.William a Court. Он был очень язвительным, но не обещал больших способностей. Я боюсь за старика Варлама: в Бухаресте зараза не прекратилась. Отчего мы не посылаем агента в Грецию, как французы? Кажется, хорош бы был на это место Булгари или Катакази.

Вчера прогуливаюсь я верхом возле деревни Кресты, у пашни, вижу ребенка, четырех или пяти лет, бегущего ко мне, крича: «Ай, батюшки», – да во все горло. Я к нему подъехал и вижу, что с одной стороны бежит за ним мать, а с другой – престрашный

волк. Я ребенка тотчас поднял к себе на лошадь, он дрожал и всего меня, с позволения сказать, от страха обделал. Волк бежал тихо, не ду мая его трогать. Такого большого я не видывал; я его проводил до опушки леса, куда он и скрылся. Много этих злодеев гуляет что-то. Сегодня мать принесла мне на поклон из благодарности полотенце. Я его взял и буду хранить, как почетное знамя.

Александр. Москва, 22 августа 1828 года

Поздравляю тебя, любезный друг, с радостным днем, который празднует сегодня Россия. Я вспоминаю коронацию. Тогда были мы вместе, и я к самому этому дню выздоровел после своей горячки. Всякий год Россия все усерднее молится за своего государя, потому что всякий год делается он ей драгоценнее и более заслуживает любви ее.

Я восхищался ласкою доброй императрицы. Славно она сшутила насчет султана, коему жутко приходится. Я все боюсь, чтобы его не убили; тогда последует безначалие, коего последствия будут гибельны для всех, и сами союзники могут перессориться. Бог все устроит к лучшему и к славе нашего государя. Молебствиям нет конца, беспрестанно наряды от полиции – являться в собор для благодарственных молебнов. Голицыны звали сегодня обедать, но я велел сказать, что я в деревне. Благодарю за сообщение известия от графини Воронцовой. Ай да Алексей Самуилович [Грейг]! Сказано – сделано. Теперь Варна должна одними сухопутными своими средствами действовать. Я понимаю, что эта война должна вдохновить душу наших солдат и моряков: беспрестанные успехи везде. А какая скромность! Сделай все это французы, уж как бы себя хвалить стали!

Вчера я от скучных каких-то гостей, обедавших у Фавста, уехал к Мамоновой; нашел ее в рубашке. Не моя вина: двери все были отперты, и ни одного человека. Вот, небось, эдак Завадовскую не удастся застать! Могу тебе засвидетельствовать, что она еще хуже меня. Накинула на себя салоп, и я посидел у нее. Тащила с собой в театр, но я не поехал: времени мало, а дела у меня много, но должен был обещать сегодня обедать у нее. Собиралась к нам к 26-му, но не очень здорова. Да коли ждать ей здоровья, то придется никуда не ездить целый век. 15 сентября собирается к Троице и в Ростов, тогда и к нам заедет на двое суток. Смотрит все дома, то есть дворцы, для брата, и все не может найти ни одного достойного его вмещать. Все так же рисует себя и петушится с двумя своими красивыми лакеями; жалуется, что все в доме ее спились.

Здесь умер, а иные говорят – отравил себя начальник жандармов Дезопис, истратя 38 тысяч казенных денег. Волкову хлопоты, тем более, что Бенкендорф хотел Дезописа отставить давно, и Волков, по доброте своей, отстаивал. У того гроша не осталось. Как бы на Сашку нашего не пала эта беда.

Александр. Семердино, 27 августа 1828 года

Натальин день мы славно вчера пропраздновали. Была вся семья Брокеров, Демидов, священник фряновский и Фавст в довершение дела. Сегодня едем мы с ним к Брокеру на целый день, а оттуда отправится он в Москву. Народу бездна нашло из окрестностей, всех потчевали вином, обед был славный; а там пошли разные забавы, которые кончились маскарадом и маленькой пьескою, в которой особенно отличился Ванюшка, игравший роль мусье Сэту, прыгуна на канате, сделавшегося учителем у одного глупенького помещика. Как водится, на конце куплеты. Я тоже играл роль управляющего. И Пашка играл также, а Ольга и прекрасно. Наташа очень была довольна. Вообрази, что все это составили мы в сутки. Все мы играли в масках. Одним словом, очень было весело. Сегодня 19 лет, что я женат: надобно бы праздновать и этот день, и поохмелиться, но не можно отказать Брокеру, у которого вчера была именинница также, но он сюда ее привез, зато сегодня ее будем праздновать.

Александр. Семердино, 29 августа 1828 года

Князя твоего начинаю я очень любить, потому что вижу, что он тебя любит истинно, да и грешно бы ему не любить: служишь ему надежным помощником, а что имел он от фаворитов своих – Рунича, Магницкого, Попова, кроме досад и неприятностей? И заочные приятели одесские тебя не забывают. Князь Петр Михайлович, Воронцов, Нессельроде пишут тебе часто. Возвращение императрицы в Петербург доказывает, кажется, что война не будет продолжительна, или не будет кампании зимней. Вся развязка в Шумле. Я не знаю этого Ридигера, но, должно быть, молодец; впрочем, и Грейг, и Меншиков, Рудзевич – все отличаются.

Теперь опишу тебе праздник наш 26-го числа. С утра уже начали сходиться крестьяне со всех окрестностей. Время было летнее, и бездна нашла народу. Наташа поехала с Фавстом к обедне, чему очень были мы рады, ибо могли делать себе покойно репетиции. Там приехало 9 штук Брокеров, Демидов, священник фряновский, человек умный, весельчак, хотя и шестидесяти лет, Попандопуло с женой. Прочие московские приятели изменили. Сели мы обедать. Ванюшка бесподобно устроил стол наверху;

в середине стояли деревья, на коих искусно приделаны были всякие фрукты; всякий во время десерта имел для себя, что хотел. Опростали три бутылки шампанского. Вниз сошли кофей пить и курить на балконе. Стали давать вино мужикам, пиво бабам, и я начал свою обыкновенную забаву – кидать пряники и мячики разных разборов; кто поймает и принесет, – тому давались, ежели баба или девочка, сережки, запонка, ленточка и проч., а мужикам и мальчикам – пятаки, гроши и пряники. Там пили чай. Я усадил гостей в вист, и пошли мы делать генеральную репетицию, а в 8 часов было и представление, которое очень удалось. Все много смеялись. Наташа догадывалась, что есть что-нибудь, но не знала – что, и никак не воображала, что я играю также. Я являлся только в конце пьески, а потому и сел я возле нее также зрителем и ушел только в ту минуту, как мне появляться на сцену. Костюм же мой не требовал много времени. Куплеты ее очень тронули. Это первый мой опыт; сроду ни одного стиха я не написал, да и не люблю стихов вообще. После начался маскарад. Я навез разные костюмы и маски из Москвы, в кои наряжали мы всю дворню. Песни на дворе продолжались до полуночи.

Бабы качались и визжали до ужина нашего. После был бостон, а там ужин, да болтали так, что разъехались в три часа утра. Попандопуло, Фавст и Демидов ночевали у нас, а прочие поехали домой, но ночь была светлая. Славно день провели; да, забыл я сказать, что был фейерверк. Шумишками прожег я платок у бабы, на что подарил ей новый. Только вышло, что бабы начали нарочно опаливать свои платки, требуя новых. Меня эдак три поддели, и я притворился, будто верю.

Александр. Семердино, 2 сентября 1828 года

Наташу и без приказания твоего поцеловал я лишний раз за тебя 26-го числа, и это день памятный по Бородинскому и Батинскому сражениям. Ох уж эти сражения! Как больно, что ранили бедного Меншикова! Воронцов, я чаю, радехонек еще послушать свиста пуль и ядер. Хотя ноги не оторвало, но, видно, рана серьезная. Лишь бы скорее вылечился и мог бы ходить без костылей, а то не останется без работы и Меншиков. Жаль, жаль очень! Дай Бог Воронцову скорее, успешнее и без вреда кончить начатое Меншиковым. Варна и Силистрия – два важные пункта, а Шумла, ежели и эту возьмем, решит участь войны. То-то и я не имел от Щербинина писем: верно, Воронцов взял его с собою. Я мало знал младшего Бенкендорфа[36], но он, мне кажется, был всегда слабого здоровья. Бог все устраивает по-своему: иной среди мира умирает от пули (как молодой Новосильцев), а другой – в сражении от болезни.

Александр. Семердино, 21 сентября 1828 года

К нам приехали в гости фряновские наши соседи, братья Рогожины, коих мы удержали ужинать. Старший из них, Николай, был недавно в Петербурге и по данным тобою парижским образцам сделал здесь на фабрике прекрасные ленты, коими одарил детей. Катеньке, слава Богу, лучше, так что вчера целый день была на ногах и сегодня сходила вниз и играла в мушку с Рогожиными и фряновским священником, человеком очень веселым и обходительным. Поутру навестила ее Брокерова дочь с двумя тетками, дочерями бывшего почт-директора тамбовского Треборга, предобрые немолодые девушки. Я просил у Фавста каких-нибудь комедий, чтобы Катеньку развеселять; он прислал нам «Бригадира», который показался нам очень глуп. В 40 лет многое изменяется.

Брокер сказывал, что в Москве умер скоропостижно обер-прокурор Абаза, сев после обеда за бумаги; человек за чем-то вошел в кабинет и видит, что перед барином все бумаги в крови, а он, мертвый, усидел, однако же, на стуле. Надобно было переписывать множество бумаг, подписанных уже сенаторами, и кои залиты были кровью. Вот человек! Здрав и весел, да вдруг и отдаст Богу душу. Я его мало знал, видал в клубе и раза два играл в вист с ним.

Говорят, что клуб отделали с ужасной роскошью. Вся мебель новая и щегольская, комнаты расписаны, и сделаны многие перемены. Старшины убухали, говорят, тысяч 30. Был обед, на коем пили за здоровье Шульгина, экс-оберполицмейстера, который всем этим заведовал.

Александр. Москва, 28 сентября 1828 года

Я приехал в Москву вчера вечером. В Тарасовке вижу две кареты, спрашиваю – чьи? Княгини Меншиковой, возвращающейся из Троицы с богомолья. Я к ней пошел, и очень кстати, ибо мог ее успокоить насчет мужа, о коем не знала она ничего с отъезда его из Варны. Дети ее слушали меня с большим вниманием и плакали. Она была в мучительном недоумении, и долго. Муж кое-как написал ей пять строк после раны своей, отправил письмо к Воронцову для доставления в Москву. Между тем Воронцов назначен в Варну, и письмо княгине из Одессы опять возвратилось в Варну и оттуда уже отправлено в Москву, путешествовав месяц. Княгиня, не видев ничего руки мужниной, полагала его или убитым, или очень опасно раненным. Она думает, что ему костылей не избежать; но я уверил ее, что он будет ходить, как князь Яшвиль, только без костылей. Она меня

напоила чаем. Я очень ее знаю по дому покойного графа Ростопчина[37]. Тут наехал я нечаянно на ехавшего ко мне с письмами Андрея и, прочтя армейские бюллетени, кои мне присылаешь, отдал их все княгине без возврата. Она сказывала мне, что не нахвалится Воронцовым и тобою. Почему тобою? Это ты должен знать.

Здесь все уверены, что императрица беременна. Дай Бог еще сынка, и чтобы все были в отца. Ты знаешь ли, что, когда пришло в Одессу известие о ране Меншикова, которую почитали сначала неизлечимою, государь заплакал. Два дня после того был славный спектакль в Одессе. Государыня пришла к нему уговаривать его ехать туда, но император отвечал: «Могу ли я развлекаться, когда Меншиков так ранен и когда я вижу, как проливается кровь моих подданных за нас и за отечество!» Императрица была столь тронута сими божественными словами, что тотчас разделась и сама не поехала в театр. Жаль, что такие изречения не всем русским известны; но государь действует и говорит по побуждению души, а не напоказ. Продли Бог век его для блаженства нас всех!

Сомневаюсь, чтобы ты сладил с Безбородко, который большой скряга, говорят; а хорошо бы тебе [то есть Почтовому департаменту] владеть тремя углами улицы.

Александр. Москва, 29 сентября 1828 года

Здесь есть некоторые дураки, повторяющие, что некоторые злонамеренные разглашают, что Варну мы оставили, что от Шумлы отбиты, что султан идет сам с миллионом, войска, и тому подобные бредни. Рассудительные люди, судя по происшествиям, смеются этому, но не худо бы полиции более иметь бдительности и шалунов унимать.

Нессельроде будет великолепно жить; не так я сказал: он будет в великолепной казенной квартире, но великолепно жить не станет. Воля твоя, ни ухваток, ни фигуры, ни привычек нет у него вице-канцлерских, как говаривал Деболи, между нами будь сказано. Тут бы жить покойному князю Александру Борисовичу [Куракину]. Коллегию заставят франтить, а мы не можем добиться несколько Рублев на шкапы для бумаг екатерининских!

Александр. Москва, 1 октября 1828 года

Все здесь удивляются, что я могу так долго оставаться в деревне: «Да вы должны умирать от скуки». А я, право, там счастливее, нежели здесь. Но не всякий понимает семейственное счастие; да правду сказать, не у всех такие жена и дети, как у меня. Не увидишь, как день пройдет: гуляешь, читаешь, пишешь,

а тут письма от тебя, славное угощенье, газеты, вести хорошие. Много я наблюдал детей своих, и трудно решить, которой дать предпочтение – Кате или Ольге; но старшая, мне кажется, еще добрее: отдает все, что имеет, и судит очень здраво.

Вот и князя Николая Васильевича правнучка замуж идет [то есть дочь князя Петра Михайловича Волконского]. Я желаю, чтобы княгиня Софья Григорьевна попала в бабушки скорее, и как вспомнишь Воронцово, то и ее вспомнишь – свежую, прекрасную, как розан, в 14 лет.

Точно, что нет счастия совершенного на земле. Кажется, чего не достает нашему милому Воронцову? Сколько у него есть завистников? Но ежели справедлива история, которую на ухо здесь рассказывают, – о поступке глупом молодого Раевского[38] с графинею, то не должно ли это отравить спокойствие этого бесценного человека? Даже по тому, как мне Волков рассказывал, я ему доказал, что графиня совершенно невинна. Вот так-то один бешеный негодяй может нарушить спокойствие такого примерного семейства. Меня очень это опечалило.

Александр. Москва, 3 октября 1828 года

Третьего дня какое было ужасное происшествие. Есть некто Сафонов Иван Сергеевич. Приходит к нему жена прощаться. «Что?» – «Еду с визитами». – «Погоди, матушка: вот пришел дантист; дай мне только при тебе зуб вырвать, первый раз от роду это делаю». Садится Сафонов. Дантист принимается за дело. Сафонов вдруг от боли закричал и встал со стула, а жена его хлоп в обморок. «Ничего, – говорит дантист, – это пройдет»; но, видя, что уксус не действует, он тотчас в карман за ланцетом, одну руку отворяет, другую – кровь не идет. Бедная Сафонова уже умерла! Она называлась Марья Дмитриевна и была красавица в свое время. Это была молниеносная апоплексия, которую, по видимости, испуг поторопил, но которая приготавливалась уже накануне. Она жаловалась на головокружение; надобно было пустить ей кровь ранее. Экое создание человек! Она оделась ехать с визитами, а вместо того поехала на тот свет.

Александр. Москва, 6 октября 1828 года

Явился проезжий Николай Александрович Лунин, едущий в Петербург. Ему дается комиссия отправиться в Англию для покупки лошадей для государевых заводов; это продолжится, может быть, года два. Меншиков, с коим он очень дружен, вероятно устроил это, ибо Лунин большой охотник, знаток и заводчик лошадиный, знает по-английски. Его выписал Васильчиков Ларион Васильевич. Ежели этого увидишь, скажи

ему, пожалуй, что Лунин здесь, что опоздал за скверною дорогой; прежде середы нет свободного дилижанса, потому прежде и выехать не может отсюда, несмотря на желание свое. Мне не нужно рекомендовать тебе Лунина, ты его знаешь. Он на все хорош: и в бильярд, и в вист, и покушать, и поболтать.

Александр. Москва, 9 октября 1828 года

Я ожидаю с большим нетерпением почту, мой милый и любезнейший друг. Весь город наполнен взятием Варны; прибавляют, что Семеновский полк, с командиром своим, почти весь лег, и что первый вошел в крепость, и что Воронцов ранен. Как же это знать? Сюда, верно, не послали же курьера прямо из Варны. Уверяют, что князю Дмитрию Владимировичу пишет это граф П.А.Толстой уже вчера. Зачем же он это не обнародует?

Александр. Москва, 15 октября 1828 года

Славное дело! Ай да Воронцов! Все восхищаются лестным рескриптом государя. Многие жалеют, что не дана ему Андреевская; я нахожу, что шпага лестнее. Голубая лента не уйдет, он может ее получить и за гражданскую службу, а взять крепость, как Варна, есть счастие особенное, славный подвиг. Мало ли Андреевских лент? Но я представляю себе, что какой-нибудь сибиряк или иностранец видит генерала со шпагою, на коей: «За взятие Варны»; «Это Воронцов», – скажет он! А не всякая голубая лента – вывеска славного дела. Все те, кои спорили со мною, должны были согласиться, что я прав. Я полагаю, что и Воронцов одного со мною мнения.

Ты не можешь поверить, какое движение в городе, какая радость! Завтра (я пишу тебе с вечера) молебствие, все хотят иллюминовать дома, а Фавст заказал транспарант с словами: «Ура! Варна сдалась!» Я очень рад третьей звезде Алексея Самуиловича [Грейга] и пожалел, что она ускользнула у Меншикова. Все Бога молят, чтобы государь поехал через Москву. Ну, брат, ежели и возьмут зимние квартиры, то всё – кампания заключилась блистательным подвигом. Не поколотит ли Бистром разбойника Омера-Врионе? Я уверен, что Силистрия сдастся скоро. Письмо твое меня оживило, а то я очень был пасмурен. Завтра после присутствия поскачу в подмосковную. Дай Бог там все найти хорошо. Мы были с Фавстом на большом именинном обеде у Хругцовых. Тут были комендант и обер-полицмейстер, которые ничего не знали. За столом пили и за здравие Лобанова, отец его обедал тут же. К вечеру бал у князя Дмитрия Владимировича, но я не поехал.

В Архиве собрал я всех в кружок и прочитал им донесение о

взятии Варны и рескрипт к Воронцову. В городе ужасная радость и тревога. Меня очень насмешил один из наших инвалидов. «Поздравляю вас, ребята, со взятием славной крепости!» Один из них отвечал: «Благодарим, ваше превосходительство, граф Воронцов Петра Великого перещеголял!» – «Почему же?» – «Да как же, ваше превосходительство, ведь Петр Великий был под Нарвою разбит, а граф Воронцов Нарву взял». Товарищи его после осмеяли, а он сказал: «Ах я старый пёс, неправильно донес его превосходительству».

Александр. Москва, 23 октября 1828 года

Мамонова мне говорила, что дождется моего возвращения, имея нужду говорить со мною; только вышло, что она не дождалась меня и уехала к вам в субботу. Это на нее похоже. Фонвизин отказался, она просила князя Дмитрия Владимировича Голицына уговорить Кушникова, запете-манданта[39] Волкова, но они оба отказались от опекунства, а склонили Цицианова, князя М.Д., который более года не хочет оставаться. Я ей не заикался о себе, ибо не намерен напрашиваться; а ежели захочет, чтобы я тебя заменил, когда выйдешь, то не иначе, чтобы заведовать несчастным братом ее, но ни в имение, ни в деньги никакие не вмешиваться. Пусть она и куролесит, и отвечает.

Александр. Москва, 25 октября 1828 года

Вчера вечером заехал за мной тесть, уговорил меня ехать на вечер к княгине Катерине Алексеевне Волконской. Видел я тут дурака этого Масальского. Со стула вспрыгнул, узнав, что Потоцкому пожалована Александровская, а он обер-шенк и в Аннинской. Вскрикнул: «Как, и Потоцкому тоже Св. Александра?» – да потом, одумавшись, прибавил: «Но у кого его нет? У кого его нет?» – «Да у вас, и у меня, князь». – «Да посмотрите на Ушакова; он и не родился еще, когда я имел уже ленту Св. Анны». – «Но, князь, эти господа теряют там руки и ноги, а вы тут спокойно играете в вист». – «Но ведь сражаться – это не дело обер-шенка». – «Отлично, князь, но его дело должно быть при дворе, а вы вечно в отлучке в Москве». Все стали смеяться, а Масальский потом сказал тестю: «Ваш зять прав. Надобно мне все же прогуляться в Петербург, отсутствующие всегда неправы, там же теперь князь Сергей Михайлович; он же мне поможет». Экий дурачина! Мудрено ли, что Ростопчина делает глупости, имея такого советника?

Тут был наш родня Лев Николаевич Энгельгардт. Он просил меня побывать у него, имея нужду со мной поговорить. Что же выходит? «Я хочу, – сказал он, – написать воспоминания о моей

жизни; хочу показать вам мои материалы, кои богаты и любопытны, мне хочется сделать это вроде «Записок» Сегюра». Хорошо!

Поеду копаться в свой Архив, боюсь заразиться болезнью Каменского. Польские бумаги очень меня интересуют. Все тут почти батюшкина рука; видно, что он все делал при Репнине, Сальдерне, князе Волконском, а там и сам был тем же, что они.

Александр. Москва, 26 октября 1828 года

Вчера слышал я весьма печальную весть. Пишет Ренкевичу сын из Тифлиса, что Сипягин[40], у коего он адъютантом, умер после кратковременной болезни. Это потеря для службы и для края, где много успел он сделать добра. Вообрази, что жена его, приехавшая сюда к отцу родить, после весьма трудных родов оглохла совершенно. В ее жизни так отчаиваются, что и не скажут ей о кончине мужа, коего недолго она переживет. Какие удары для бедного С.С.Кушникова! К счастью, приехал другой его зять – Бибиков. Все легче будет старику, коего здоровье тоже плохо.

Александр. Москва, 27 октября 1828 года

Вчера явилась к Волкову с Кавказа Марья Ивановна Корсакова и поселилась у него со всей своей свитою. Станет его, как саранча, объедать. Она мало переменилась, а дочь, нахожу, подурнела. Говорила она, что, истощив все свои каналы и писав бесполезно Реману, жене твоей и другим, решилась наконец к тебе прямо адресоваться и что ты, повсемирно восхваляемый твоей готовностью всем угождать, ей тотчас отвечал и прислал какие-то капли, от которых она сама воскресла и множество других больных поставлены были на ноги. Стало, тебя, мой милый друг, и на Кавказе прославляли! Спасибо хоть, что признательна. Волков, который, как ты знаешь, любит всех хвалить и все хвалит, рассказывал, как магометанский какой-то князек с Каспийского моря покупал Корсакову дочь, а потом хотел увезти, потом сватался, с тем что она может сохранить свою веру; но с турками негоциации редко удаются. Гриша Корсаков, также приехавший с матерью, представляет совершенного Fra Diavolo, коего голова была в мое время в Неаполе оценена в 800 червонных; усы отпущены на Божию волю, а эспаньолка такая, что бороды не видать. Я понимаю, что на Кавказе он слыл Адонисом и даже Бельведерским красавчиком, но здесь Москва, и Волков советует ему обрить все это.

О Сипягине тем более все жалеют, что он заразился, осматривая госпитали, в коих много было гнилых, прилипчивых горячек. Он было хорошо за дело свое принялся, и трудно будет

его заменить.

Зайду к Брокеру – сказать ему, что дело с Ростопчиной кончено в его пользу в Сенате вчера. Тесть мне это сказал под секретом. Говорят, что губернатор подал в отставку; не будут плакать по нему. Вздорный, пьяный человек. Надобно Закревскому приискать сюда хорошего человека, чтобы Москва похвалила его выбор. Князь Дмитрий Владимирович сказал приятелю одному, что собирается в Петербург и что оттуда воротится партикулярной особою.

Александр. Москва, 29 октября 1828 года

Меня как будто громом ударило. Развернув письмо твое от 24-го числа, я прежде всего увидел записку руки князя Петра Михайловича, ее первую прочитал и сказал себе: ну слава Богу, вовремя пустили кровь императрице. Фавст вошел. – «На-ка прочти, посмотри, в какой была опасности императрица», – а между тем принялся я за письмо твое, да как ахну, так что Фавст испугался. «Что такое?» – «Не стало императрицы!» Бедный Фавст так и залился слезами, хотя почти и не знал покойную государыню. Шли к столу, Настасья Ивановна [теща Ф.П.Макеровского] именинница, мы положили молчать и не портить праздника, потому что Настасья Ивановна пользовалась некогда особенными милостями покойной императрицы. Только, как мы ни притворялись, а старуха раза три все добивалась: «Что с вами с обоими? Вы опечалены». Мы отговаривались, что угорели в кабинете, куда и ушли после обеда разделить скорбь нашу.

Какая потеря! Я не говорю уже о благодетельных заведениях, но какой удар для царской фамилии! Государыня, по летам своим, по добродетелям, по званию матери императора, была как бы главный судья, к коему все прибегали. Боже упаси царскую фамилию от всяких раздоров; но случись такое несчастие, кто будет это все примирять? Государь сам еще молод, младший брат на престоле. У меня мысли свои, может быть странные, слишком феодальные, но я оплакиваю даже и золотую карету, и 8 лошадей, и гусаров покойницы. Это нужно было для народа. Не люблю я и эту имперскую буржуазность, введенную Александром Павловичем: государь не такой имеет дом, как мы, так надобно, чтобы и все прочее соответствовало огромному дворцу, в котором он обитает. Теперь исчезнет последний этикет при дворе, а им держится почтение народное к престолу. Запанибратство, простота в жизни и обхождении погубили королеву Французскую, а с ней и Францию.

Философы говори себе что хотят, да и я согласен, что мы все черви, все равны перед Богом; но народ не должен в государе

видеть ничего общего со всеми.

Ох, жаль, брат, Марию Федоровну! Только, воля твоя, ее, как и покойного государя, уходили палачи – невежды-доктора. Срам, что не пожертвуют 200 тысяч жалованья в год, чтобы иметь Гуфланда, Франка, знаменитых таких врачей. Разве здоровье царей наших не стоит того? Как после такого *лучше* дать опять болезни усилиться? Скоты не умели предупредить удара; он неделю готовился, они не умели попасть на болезнь. Вся наша царская фамилия полнокровна.

Как бы ни было, общей матери не стало, а какая была здоровая, и при трезвой, деятельной ее жизни надобно было надеяться на весьма глубокую старость. Сердце государево как будто предчувствовало: недаром так спешил в Петербург. При горести его все ж отрада, что принял благословение столь нежной матери. Этого счастия братья его не имели. Манифест очень нас тронул. Я поехал к Черткову; он, стоя перед портретом Павла I, что у него в гостиной, плакал, говоря: «И он, и она были мои благодетели». Я ожидаю с нетерпением подробностей от тебя и известия о состоянии нашего ангела Николая. Был я после у Волкова, и тот ничего не знал; был тоже как громом поражен. Государыня по Плещеевым его любила всегда. У Волкова случились две монастырки, им сделался обморок и припадки нервические от горестного сего известия. Все в унынии; я представляю себе, что должно быть в Воспитательном доме.

Но представь себе глупость или ветреность нашей полиции. Известие пришло поутру, по почте, все имели письма от своих, многие и манифест печатный получили, а между тем и Киарини [акробатическое общество], и все театры были открыты. Это непристойно. Ежели князь Дмитрий Владимирович отказал свои воскресные вечеринки, так, стало же, знал о несчастий; как же не закрыть театры? Да ежели бы известие пришло и не поутру, а в самое представление, то следовало оное прервать. Говорят, что Закревский не сообщил официально. Да разве для таких случаев надобно ожидать приказаний? Хорош и Шульгин наш новый: старый был мужик, но не сделал бы такой глупости. Покуда я был у Волкова, отовсюду присылались к нему записки с горестной вестью, но манифеста никто еще не имел. Еду в Архив, заеду к Рушковскому; он, верно, горюет, как мы. Мне кажется, я вижу перед собой покойницу, слышу ее милостивые слова: «Премного благодарю вас за все ваши труды для меня». Кто это говорит? Императрица своему подданному, дежурному камергеришке.

Александр. Москва, 30 октября 1828 года

Сегодня панихида в соборе по покойной императрице;

надобно ехать в собор, но прежде отправлю письмо мое к тебе, любезнейший, ибо из Кремля проеду в Архив. Вчера получил я твой № 193. И у вас, и у нас только одна речь, одно всеобщее горе. Вчера я был у Волкова. Он был так же ошеломлен, как и я и как все, тем, что в день, когда явилась несчастная новость, был театр, да и вчера разносили афишки: назначена была Капнистова пьеса «Ябеда», но догадались, видно, и не было представления.

У Волкова видел я доктора Гааза, он рассказывал очень удивительное дело. Бедная Сипягина, лежащая в забытьи третий день и никого не узнающая, вчера вдруг сказала своей девушке: «Ты знаешь, что муж мой умер?» – «Откуда вы взяли это, сударыня? Как бы нам не знать об этом». Больная опять впала в бесчувствие. Только вчера вечером, придя в себя, она очень внятно повторила: «Боже мой, как жаль бедную императрицу!» Батюшка будет в сокрушении от ее кончины. Товарищи Гааза приписывают это сомнамбулизму, он сам не знает, как растолковать; но мне кажется, просто, что девушки и все, больную окружающие, видя ее в забытьи и бреду, говорили, не стесняясь, о том и другом, и больная, имея на эту минуту память, вслушалась, верно, в разговор. «Я бы тоже так объяснил, как вы только что, – заметил Гааз, – но подумайте о том, что больная так глуха после родов своих, что не услышала бы и пушечного выстрела». Это подлинно очень странно и истолковано быть не может.

Забыл я тебе сказать вчера, что приходил к нам в Архив один армянин, просивший перевести ему какой-то армянский документ. Разговаривая с ним, слышал я от него, что он и многие его товарищи получили известие о последовавшем в Арзруме бунте, что янычары послали в Топхан-Кале к нашим сказать, чтобы они шли занять Арзрум, что все готово для принятия их, что генерал наш, подозревая измену, не уважил этого, но что тогда янычары прислали аманатов, объявив, что преданные султану войска все вышли, что остальные не хотят принадлежать Порте, а русским, и что ежели сии не придут, то янычары сожгут весь город; что после сего 1200 нашего войска вошли в Арзрум. Кажется, это невероятно; увидим, что скажет тифлисская почта.

Александр. Москва, 30 октября 1828 года

Мое письмо к тебе было уже отправлено, мой милый друг, как я получил почту в Архиве и был поражен роковым известием о бедном Урусове[41]. Моим первым движением было пойти к князю, он был в Сенате, я нашел только княгиню. Не хватило у меня духу объявить ей новость, коей она еще не знала. Ее сын Павел счел нужным подождать несколько дней, но затем, когда

княгиня мне сказала: «Вы что-то не в своей тарелке, скажите-ка мне правду, не случилось ли какого несчастия?» – я взял на себя объявить ей сию печальную весть. Она сильно плакала и имела нервические припадки. Вскоре после приехал князь; сей добрейший отец также плакал горько, затем обнял меня со словами: «Ты меня избавил от несчастья объявить горе это жене моей; буди воля Божия, государь и не это потерял!» Княгиня, несколько поуспокоившись, спросила, знает ли о несчастий ее дочь Софья. Я сказал, что да, и тогда стал заклинать ее взять себя в руки и написать несколько слов по крайней мере ее дочери, чтобы ее успокоить, что она и сделала, а отец надписал адрес. Вот письмо, доставь его поскорее княжне Софье, это будет бальзам на ее сердце. Пусть она бережет себя, родители ее смирились. Граф Иван[42] совершил большую неосторожность – он написал своей матери, что Александр безнадежен, а знает, однако же, что жена его читает все письма старой графине; графиня Марья лишилась чувств, читая эту столь неожиданную новость. Князь Ал. Михайлович поехал к дочери теперь, ей объявлять несчастие. Я нехотя все это исполнил.

Александр. Москва, 31 октября 1828 года

Какая, говорят, картина в Воспитательном доме, так это ужас. Вой повсеместный! Шульгин, видно, думал поправить свою глупость в рассуждении театров: приехал в понедельник в Английский клуб и просил старшин на два дня закрыть его. Натурально, согласились; но почему же на два дня, а не на 7 или 15, и ежели все трактиры открыты, то почему закрыться Английскому клубу, который не что иное, как благородный, собственный для 600 членов трактир? О Шульгиных хорошо сказал кто-то: Алекс. Сергеевич Шульгин был *дурак*, а Дмитрий Иванович – *дура.* Первый все-таки был лучше. Многие его любили, особенно дворянство, а этого никто.

Александр. Москва, 2 ноября 1828 года

Бедная Сипягина умерла наконец, промучась довольно долго. Бюллетень о покойной государыне утверждает меня во мнении, что Рюль [Иван Федорович, лейб-медик, доктор медицины и хирургии] с другими скотами не знали своего дела. Как не предупредить удар, который готовился более 10 дней? Я все-таки одно твержу: старый, расслабленный австрийский император, истощенный подагрою и развратной жизнью Георг Английский живут, покойник Людовик XVII1 последние 7 лет жил одним искусством и усердием докторов, а наши морят наших царей, как мух, и покойный государь и матушка его – жертвы их незнания.

Говорят, стара была, да иной в 70 лет здоровее и лучше сбережен, нежели другой в 25! Жаль очень добрую императрицу.

Волков получил известие из Тулы, что тамошний оружейный завод сгорел; это большое несчастье, особенно в теперешнее военное время. Прошлого году там прорвало плотину, остановка была временная, и то очень чувствительна, а эта очень будет ощутительна. Подробностей еще нет, но никто из людей не погиб.

Александр. Москва, 3 ноября 1828 года

Итак, управление покойной государыни переходит к самому государю; да и точно, неловко было подчинить князя С.М.Голицына, Кушникова, Вилламова и проч. частному лицу, тогда как имели они начальницей императрицу. Институты, вероятно и Смольный монастырь, поступят к царствующей императрице. Лобанова комиссия очень приятная. Яко самовидцу, будет ему что рассказывать в Берлине. Старик, кажется, доволен, что сын его избран был для Берлина. В разговоре о намерении князя Дмитрия Владимировича оставить Москву[43] он мне намекал, что князь Дмитрий Иванович, брат его, сюда будет назначен. И мы здесь очень жалели о Сипягине. Хорошему всякий отдаст справедливость; жену его вчера хоронили. Бедному Кушникову удар за ударом, в государыне он также лишился милостивой и сильной покровительницы.

Хрущовы прислали звать ехать с собою смотреть вход персидских пушек, сводного отряда. Не стоило же труда ездить, и смотреть нечего было. Солдаты как солдаты, а пушки как пушки. Народу была бездна, вся Москва, так что не одни мы были мистифицированы. Завтра будет в экзерциргаузе обед и угощение для войск. Хрущовы дают всякому солдату по две чарки вина. Не грешно откупщикам сделать это пожертвование. Волков тут парадировал верхом.

Александр. Москва, 5 ноября 1828 года

Вчера было трактование, сделанное городом сводному полку. В экзерциргаузе накрыты были столы, солдатушки явились, сели, пили и ели. Перед всяким было вино простое, белое, красное; сии два мало обращали внимание их, а занимались они ерофеичем, русским вином и пивом. Когда предложено было князем Дмитрием Владимировичем здоровье императора, то солдаты закричали так громко «ура»! что казалось, будто здание это обширное обрушится. В тот же день все офицеры полка и все генералы, в Москве пребывающие, были угощены обедом в зале Благородного собрания. Поутру возили персидские трофеи по городу. Волков (между нами) получил предписание разведать

подробно о состоянии Воспитательного дома и, собрав все сведения, касающиеся до управлений, вверенных покойной императрице, приехать в Петербург. Он сказал мне, что отрадно было бы для него остановиться у тебя. Я ручался, что ты будешь рад, но он все-таки хочет твое согласие на это и просит тебя, нимало не церемонясь, сказать «да» или «нет». Он будет у вас недолго; сестрины комнаты пусты, к ним особенная лестница, экипаж и все прочее будет у Волкова свое, а за обедом эдакий гость всегда кстати; к Бенкендорфу ездить ему близко.

Александр. Москва, 8 ноября 1828 года

Графа поздравляю с приездом, а между тем и прошу его, чтобы велел Коллегии выдать 1500 рублей, кои просим мы на шкафы для помещения бумаг екатерининских: они лежат покуда в сыром подвале, ежели не разместить их в шкафы, то пропадут; отвечая за целость их, надобно дать нам и средства уберечь их. Мы назначили одну из трактатных комнат, там можем мы поставить 23 больших шкафа, и все будет ладно. Многим не нравится повестка – бывать всякий день в Архиве, и идут в отставку; но как это не мучение, то и желаем им счастливый путь. Когда увидишь графа, попроси его скорее разрешить нам и велеть выдать нам 1500 рублей. Может быть, и менее будет стоить.

Александр. Москва, 9 ноября 1828 года

Сию минуту выходит от меня знакомый твой, останкинский учитель Иванов, который продержал меня часа полтора, рассказывая свою беду, только что не плачет. Бедный человек, а должен нести убытку тысяч на восемь. Постараюсь сократить историю, елико возможно. Ты помнишь, что он должен был издавать здесь ежедневный журнал или газету. Князь Дмитрий Владимирович это одобрил, пошла большая переписка с Университетом и Министерством просвещения, все было слажено, подписки набраны, накоплены материалы на целый год; думал делать объявление, как вдруг получает князь письмо от графа П.А.Толстого, который ему внушает остановить издание, потому что Иванов токмо подставное лицо, а истинный издатель – князь Вяземский, – присовокупляя разные оскорбительные для него качества. Князь Дмитрий Владимирович взялся за это горячо и адресовался к Бенкендорфу, говоря, что Иванов даже незнаком с Вяземским, что все обряды, коим законы подвергают журналистов, были соблюдены, что по неосновательному подозрению нельзя разорять человека. Защищая Вяземского, в коего поведении, в девятилетнее управление свое Москвою, князь ничего не заметил дурного, он прибавляет, что ежели бы

Вяземский и был таким, каким его подозревают, то перо его не может подавать никакого опасения, ибо оно подвержено пересмотру цензуры; что никто не может ему помешать давать свои статьи печатать в других журналах, ежели Иванова и не состоится, и проч. На это письмо получил князь ответ от Бенкендорфа, который я читал. Тут ни слова о Вяземском, а сказано, что лицо Иванова не довольно известно, чтобы служить ручательством, что число издаваемых в России политических газет (а эта не политическая) весьма уже велико (а в Москве и есть только одни «Московские ведомости»), а потому государь не соизволяет на издание «Ежедневного вестника», прежде названного было «Утренней газетою».

Вяземский написал преславное письмо, оправдывая честь свою; князь Дмитрий Владимирович послал оное в оригинале к государю. Хотел писать опять Бенкендорфу, но мой совет Иванову был не настаивать в этом: переписка ничего не произведет, Бенкендорф захочет, конечно, поставить на своем, а так как князь Дмитрий Владимирович едет в Петербург, то лучше объясниться словесно о деле сем, а между тем советовал я Иванову адресоваться к Волкову, который его знает сам за хорошего человека. Какая нужда журналисту быть известным? Иванов член шести обществ ученых, этого довольно; а ежели журнал будет дурен, тем хуже издателю: не будет иметь подписчиков и лопнет. Мне кажется, что тут есть какая-нибудь изнанка. Не интрига ли Булгарина, неприятеля Вяземского и всех журналистов? Время все это покажет, но Иванов очень меня просил все это тебе сообщить, чтобы при случае ты знал ход всего дела и мог его защитить. Он, бедный, точно невиноват и лишается несправедливо последнего хлеба. И для князя Дмитрия Владимировича все это неприятно, ибо журнал составлялся под его руководством. Нет сомнения, что при благонамеренном редакторе и хорошем надзоре журнал этот был бы полезен правительству самому, давая хорошее направление мнению всеобщему.

Александр. Москва, 10 ноября 1828 года

Ай да Гейсмар, достоин золотых аксельбантов! Тесть его опять порадуется, прочтя это в газетах немецких. Все журналы наполнены Варною, но видна зависть всех; да и подлинно: дерутся и другие хорошо, но кто противу русских берет крепости? Сам Наполеон, славно воевавший, ничего не штурмовал, а брал стратегией, этот же Наполеон должен был с носом отойти от Сен-Жан д' Акры. Турки в укреплениях ужасны! А мы сколько можем насчитать славных штурмов: Измаил, Очаков, Браилов, две Анапы, Варна, Прага, Ахалцых и проч. и проч. Чубук Юсуф-паши

подлинно историческая деталь. Я все жалею, что не удержали капитана-пашу военнопленным. Это великодушие государя не так-то будет растолковано завистниками нашими, а между сими и французы сами, хотя нас и любят, и заодно с нами. Мне так смешно читать их рассказы надутые о действиях своих в Морее, которые почти игрушки детские в сравнении наших исполинских успехов за Дунаем.

Вчера зашел я до обеда к князю Якову Ивановичу. Князь Алексей его здоров, он сам получил от него письмо. Стало, Мамонова в девах и в графинях, а не в княгинях.

Александр. Москва, 12 ноября 1828 года

Вчера был у меня очень долго Фонвизин, толковал о графе Мамонове. Оставляя эту опеку, он был у Цицианова, описал ему все как есть, про графиню, брата ее и Захара, полагая долгом честного человека его предостеречь; потом говорил он с князем Дмитрием Владимировичем, коего просил из сострадания к несчастному вступиться за него. Цицианов не знает по-французски, а тот не знает по-русски, он не может даже говорить с Зандрартом, коему вверен надзор над графом. Этот Зандрарт человек золотой, честный, умеющий обходиться с больными, именно как должно. Графиня будет стараться его удалить; она хочет прислать какого-то доктора из Петербурга, а Маркуса также трудно заменить: мы видим успехи его в лечении графа. Одним словом, план Захара разорит имение, а графа оставит вечно в этом положении. Он сказал князю, что единственный человек, способный хорошо повести дело, – это я, что я сумел добиться расположения графа, который спрашивает обо мне и свыкся со мною, что я обходился с ним с твердостью и в то же время с деликатностью. Князь отвечал Фонвизину, что не сомневается в этом, но не знает, как дело устроить. Другой ему заметил, что это очень легко, поскольку граф находится в городе, вверенном его попечению; человечность требовала, чтобы он взял его под свое покровительство, ибо идти к такой безумице, какова его сестра, было бы гораздо более подозрительно, что она до сих пор ничего не сделала для его пользы, что известно, что она даже была в тяжбе с ним до того, как он лишился рассудка, что, поговорив обо всем этом с императором, он совершит христианский поступок милосердия, и проч. И князь ему сказал: «Надобно сперва мне переговорить с Булгаковым, захочет ли он взвалить на себя эту каторгу; если он здесь, пришлите его, прошу вас, чтобы поговорить обо всем этом».

Князь едет в Петербург послезавтра. Я к нему завтра заеду и увижу, что он мне скажет; а между тем все это тебе пишу, чтобы

ты знал в случае, если зайдет речь. Я все-таки одно твержу: делай она с имениями что хочет, в это никогда не соглашусь мешаться, а иметь наблюдение за бедным графом, смотреть, чтобы не было ничего упущено к его успокоению и выздоровлению, я готов охотно. Знаю я, что все это будет также объявлено Бенкендорфу и доведено до сведения его. Государь требовал уже один раз сведения о Мамонове, и я, по просьбе Волкова, сделал записку, которую Бенкендорф отдал государю, но в записке этой я не касался Мамоновой. Не мое дело ее ревизовать.

Александр. Семердино, 14 ноября 1828 года

Славно мы ехали до Тарасовки, то есть менее двух часов, но на подъезде к нам от бывших ужасных вьюг так занесло дороги снегом, что способу не было ехать, лошади пристали. Нечего делать, не ночевать же на дороге! Вышли мы из возка; я, как учтивый кавалер, дал руку Наташе, и мы протанцевали польский от села Иевлева до Семердина. Очень устали; пили чай, и я не хочу лечь, не написав тебе и Катеньке хоть несколько строк с ямщиком, отправляющимся обратно. Всех мы нашли здесь здоровых. Пашка в таком восхищении, что глаз с меня не спускает; долго не говорил, но зато теперь не умолкает. Возок явился только час после, ибо надобно было посылать за ним лошадей отсюда. Тарасовку нашли мы сгоревшею. Бедный смотритель, старый, раненный в ногу офицер, спас все казенное: повозки, лошадей, книги, но зато своего всего лишился, а у бедного четверо детей. Больно мне было, что не мог ему дать более 10 рублей, но он и эти принял с благодарностью; напишу Рушковскому, не найдет ли он средства ему помочь. Бедный ямщик, нас привезший сюда, также всего имущества лишился; он ожидал побоев от меня, вместо того дал я ему прогоны двойные, лошадям сена и овса, а его накормили, напоили и спать положат. Везде-то несчастные!

Кстати сказать, о несчастных. Тесть сказывал, что Кушников получил премилостивый, утешительный рескрипт и что плачет как ребенок, повторяя: «Государь лишился матери, сам в горе и в такую минуту вспомнил меня и хотел меня утешить бесценными строками своими». И подлинно, надобно иметь сердце, каковым Бог государя наградил, чтобы так поступать. Кушников подтвердил тестю о точности показаний дочери его Сипягиной, и его так они поразили, что он требовал истолкования у Филарета. Этот ему сказал: «Нет сомнения, что в ту минуту, когда душа разлучается с телом, человек одарен бывает способностями необыкновенными, и много есть примеров, что умирающие предсказывали будущее или говорили о происшествиях, в ту

минуту случавшихся, и кои никому не могут быть известны».

Александр. Москва, 19 ноября 1828 года

Намедни был трагический случай. Умерла старуха Фаминцына. Священник Николы на Грязи, который должен был ее отпевать, был ею облагодетельствован. Он так был поражен горестью видеть ее в гробу, что в церкви тут же пал и умер. Говорила Обрескова, что ужасно было видеть жену его и девять человек детей, кои рыдали и кричали от горести, да и все были поражены вместо одного покойника видеть двух.

Александр. Москва, 20 ноября 1828 года

Я с большим удовольствием читал Жуковского стихи в «Пчеле». Он ленив и редко пишет, потому что не может писать без вдохновения, а это бывает, когда душа его сильно поражена и тронута чем-нибудь. «С тобой часть жизни погребаем», – прекрасное выражение! Жаль мне, что и этой императрице не мог я воздать, как покойной Елизавете Алексеевне, последний долг. Ежели для одной съездил в Белев, то, верно, поехал бы для другой в Петербург. Но мало ли, что хочешь, что должно, – да нельзя!

Александр. Москва, 22 ноября 1828 года

Итак, Мамонова, все еще Мамонова и именем, и проказами. Князь Дмитрий Владимирович рассказывал мне всю процедуру с нею. «Я не могу простить себе, – сказал он, – что не подумал о вас в то время; впрочем, это ей надлежало о вас спрашивать, тем более, что она вас уже выбирала один раз, чтобы ее заместить, и вы очень хорошо поладили с ее братом. Опека была переведена, не вполне понимаю почему, в Петербург; я не могу всем этим очень похвалиться, если только не увижу какое-нибудь злоупотребление, кое не потерплю как начальник города, где находится несчастный», – и проч. Много меня расспрашивал о графе, о коем очень жалеет по-человечеству. Я все одно твержу, что Маркус уже много сделал тем, что лютого, оборванного человека преобразил и сделал из него тихого, послушного, который моется, одевается чисто, бреется всякий день сам; а пруссак этот Зандрарт, который надзирателем над графом, таков, что надобно радоваться, что он не просит 20 тысяч в год: их нельзя бы отказать, ибо такого не найдешь другого в целой Европе. Он добр, человеколюбив, старателен, не отходит из дому ни на шаг и вместе с тем очень тверд, неустрашим с больным. По должности своей переча часто графу, не может он быть ему приятен, но, конечно, делает все на свете, что только можно, к

удовольствию и успокоению его. Цицианов добрый человек, но я не знаю, решится ли он бывать у графа и иметь с ним частые сношения, как я и Фонвизин.

Я имею множество записок графа, кои доказывают некоторую доверенность ко мне. Он часто писал мне: «любезный друг Александр Яковлевич». Все это делалось не вдруг, и много пройдет времени, прежде нежели Цицианов поставит себя на эту ногу; а главная беда, что Цицианов не может сообщаться с Зандрартом: тот не знает французского, а этот русского языка. Зандрарт, с первого дня вступления своего, завел журнал подробнейший, по коему можно видеть все, что граф делал и говорил или писал (ибо он беспрестанно пишет) всякий день. Одним словом, надобны ум, терпение, твердость, сноровка Зандрарта (которые он приобрел, смотрев три года за другим сумасшедшим, графом Разумовским) [Кириллом Алексеевичем], чтобы взять на себя эту обузу. Не раз он мне говорил со слезами: «Клянусь вашему превосходительству, что без необходимости собрать что-нибудь для моей бедной жены и моих детей я не взялся бы за этакий труд и за 50 тысяч в год; ответственность моя огромна; те два или три раза в год, что я в церковь хожу, я себя чувствую как на иголках: мне все кажется, что случается что-то в доме». А это каково, что он рискует быть убитым, ибо как ручаться за сумасшедшего? Вдруг может взбеситься, а Мамонова во время оно насилу пять человек могли связать.

Я тебе на досуге все это рассказал, чтобы ты при случае знал истинное положение вещей. Боже меня сохрани подозревать графиню; но всем известно, что она видит, слышит и действует по воле Захара, который и пьяница, и бездельник. Когда я и был опекуном, я не мешался до имения, но особа Мамонова меня интересовала, и он верно ни в чем не терпел нужды. Впрочем, я готов биться об заклад, что брат переживет и сестру, и, может быть, других, моложе ее; у него сложение прекрепкое, и с хорошим присмотром он должен дожить до старости глубокой.

Александр. Москва, 23 ноября 1828 года

Так и валят гости с поздравлениями. Весь Архив перебывал, много твоих бывших почтовых, и бездна знакомых. Задарили меня всякой всячиной; но ничто не тронуло меня столь, как учтивость архивных солдат. Заказали кулич, имеющий вид орла Иностранной коллегии с гербом моим. Я всех солдат перецеловал.

Сию минуту выходит Сашка Волков. Вечером будем у него, а обед дает Фавст, мы все к нему едем, он назвал человек с 40, что мне неприятно; но он так радуется сам, что и я должен скрыть

свое неудовольствие. Это станет ему рублей в двести, а лишних и у него нет. Все мои, даже и родные: сестра Любинька, тесть и пр., все там обедают. То-то был бы праздник, ежели бы ты находился с нами!

Александр. Москва, 26 ноября 1828 года

Вчера были у меня сперва Зандрарт, а потом доктор Маркус. Оба о том же просят, о чем просил Фонвизин, – чтобы я вступил в опеку Мамонову. Их резоны очень хороши, и я уверен, что никто лучше не повел бы все это в пользу несчастного, но не могу же я сам на это напрашиваться: это было бы смешно. Они толкуют равнодушие графини в этом случае как доказательство, что она брата нимало не любит. Все так, но и мне делать нечего. Я тебе писал очень подробно насчет всего этого и переговорю еще с Волковым, до отъезда его в Петербург, а там можете вы сделать совещание.

Как я сказал вчера князю Я.И.Лобанову, что П.А.Шепелев умер, то он отвечал: «Что это мы, старики, живем, да еще и в бильярд всех обыгрываем, а молодежь умирает?» По словам князя, Шепелев 59 лет, как в генеральском чине.

Ты спрашиваешь, где Вяземский? Все еще здесь. Он было поехал, да со второй станции воротился за дурной дорогою и погодою, а теперь, я чаю, уже дождется здесь развязки дела, о коем я тебе писал. Я его вижу очень редко, не езжу никуда, даже в клуб, где мы, бывало, встречались, а у нас он не бывает. Жена его не очень любит, а он ее называет Мадам Ультра. Он добрый и честный малый и благонамеренный, а то не миновал бы быть замешанным в истории ссылочных; я даже удивляюсь, что не попал (не по делам своим, а по вранью). Люблю его, но между тем я очень осторожен и переписку с ним давно прекратил, теперь еще более, видя, что ты одного со мною мнения на этот счет. Слышал я, что в «Московском вестнике» отбоярили Муравьева, но не читал я еще, ибо этого журнала не получаю, а читаю только в клубе, где не был с полгода.

Фавст задал славную пирушку мне. Я поехал от него в 11 часов, он принимался за банк, сделал Посникову и Лобанову, князю Ивану Алексеевичу, банк в 200 рублей, но, как всегда бывает, пошла потеха до рассвета. На другой день он мне рассказывал, что написал на них тысячи три; но ты знаешь его нрав: стала его мучить мысль, как в именины друга своего зазвал гостей веселиться, а вместо того их обыграл! До тех пор дометал, что дал им отыграться, удовольствуясь 180 рублями чистогану, выигранного у них. «Не поверишь, – говорил он мне, – как я сладко заснул, вспомнив, что гости мои уехали без проигрыша и

нарекания на меня». Какой добрый малый! Ну такой ли душе играть в банк? Всегда будет в дураках.

Александр. Москва, 27 ноября 1828 года

Я вчера перед Архивом заезжал к Вяземскому, отдал ему письмо, он обещался прислать ответ; когда пришлет, доставлю его к тебе. Скажи все это Жуковскому, мой милый и любезный друг. Вяземский очень долго со мной разговаривал о положении своем. Он чрезвычайно тронут и огорчен тем, что с ним происходит. Говорит, что он давно очень осторожен в своих разговорах, избегая всяких политических суждений; что прежде, может быть, предавался пылкому своему воображению, но то, что могло быть извинительно в молодости, теперь было бы преступление, ибо имеет детей, коих ни любовь, ни уважение терять не хочет, а еще более – вовлечь их в несчастие с собою. Он откровенно говорит, что, ежели бы ему именно без обиняков объявили, какая его вина, он бы в ней раскаялся, сознался бы или оправдался, что он довольно пожил, и это бы его поправило совершенно навсегда; но действуют все глухо. Он был последний раз в Петербурге, кажется, пять месяцев; перед отъездом оттуда (ибо работали, чтоб дать ему место при Киселеве) получил он письмо от Бенкендорфа очень лестное, в коем именно сказано, что определить его нельзя теперь, потому что многим отказано, но что государь, ценя его дарования и способности, употребит его при первом случае.

Вяземский уехал очень доволен сюда. Вышла история этого журнала, о коей писал я тебе подробно и в коей, чтобы наказать Вяземского, разоряют бедного Иванова. По долгой переписке, наконец, пишет граф Толстой к князю Голицыну и упрекает Вяземского в безнравственном его житье в Петербурге. Зачем же не написать ему это? А Бенкендорфу, которому более других должны были быть известны поступки Вяземского, зачем же было церемониться и писать ему похвалы именем государя? Вяземский писал к князю Дмитрию Владимировичу и просил суда, наказания в случае вины, но и торжественного оправдания, ежели невиноват. Голицын сказал: «Это втянет меня в полемику, у коей не будет ни конца, ни счастливого для вас результата; но я обещаю вам, что, приехав в Петербург, поговорю о сем с самим императором и все это выясню, ибо должна здесь быть какая-то изнанка». Но вместо того князь Голицын занемог и не поехал в Петербург. Вяземский объяснил все Волкову. Жуковский советует ему писать прямо к государю, и Вяземский готов бы, но коротко нельзя объяснить всего, а может ли он льститься, чтобы длинное письмо обратило на себя внимание государя, столь занятого

другими важнейшими делами? Всего бы лучше, я думаю, ехать ему в Петербург и исповедь свою сделать Бенкендорфу, и все подробно объяснить. Бенкендорф сам отец, да и добрый, справедливый человек. Вяземский, впрочем, не требует ни малейшего снисхождения, но просто объяснения откровенного. Я думаю, нет ли тут авторской зависти, и не интриги ли это Булгарина, коего перо хорошо, но душа, говорят, скверная. Мне больно было смотреть на Вяземского, он убит, да и тяжело безвинно нести пятно.

Александр. Москва, 28 ноября 1828 года

Я не знаю, слышал ли ты, что Лукьян Яковлевич Яковлев оставляет свет. Разрешение из Синода уже получено, и он постригается в Симонов монастырь. Уверяют, что тому надобно множество грехов искупить, но все-таки похвально хоть кончить жизнь хорошо, ежели нельзя было сделать лучше. Всю семью пристроил, стар, слеп. Самый лучший избрал конец.

Александр. Москва, 7 декабря 1828 года

Жена была вчера у Щербининой [Настасьи Михайловны], которая сказывала Наташе, что Воронцов убит известной тебе историей графини, что он все хранит в себе ради отца и старухи Браницкой, но что счастие его семейственное потеряно. Меня это чрезмерно огорчает. Кто более Воронцова достоин быть счастливым? Я не хочу еще верить этому; мало ли что врут бабы? Щербинина говорит, что это пишет Нарышкина жена [Наталья Федоровна] сюда. Полагаю, что и так-то не похвально Н. писать такие вещи. Кто на сем мире как-нибудь да не терпит? Но эта заноза для души чувствительной, какова Воронцова, ужасна!

Александр. Москва, 14 декабря 1828 года

Я тебе, кажется, писал, что бедного Кушникова, во время его несчастия, обокрали; тяпнули серебра тысяч на тридцать. На сих днях все отыскалось, – где же? В селе Черкизове, пять верст от Москвы, по Стромынке: свой домашний портной указал, а воры вытаскали сундуки, да и спровадили в Черкизово. 22 человека, участвовавшие в этой краже, схвачены. Это, вероятно, много откроет. Кушникову доставили много серебра, ему даже не принадлежащего, а украденного, видно, в другом месте.

1829 год

Александр. Москва, 4 января 1829 года

Вечером сидели мы покойно дома, вдруг две кареты на двор, – с кем? С шестью маскированными персонами, которые болтали, танцевали, пели; с тем и уехали, что мы никак их не узнали. Были разные догадки, но я все думаю, что они нам вовсе не знакомы, а потому и ловко им было проказничать. Ольга утверждала, что Окуловы, Катя – что Щербинины, а Наташа думает, что Сашки Волкова семья, куда все мои собираются на днях в масках. Это ужасно детей веселит, а они не очень часто веселятся, признаться. Гагарина день вчера, а я после к нему поехал. Немного было, вдруг поднялась маленькая тревога: «Что такое? Пожар, что ли?» – «Нет!» Бартенева [Феодосия Ивановна] собирается в другой комнате родить – вот тебе на! Минуту прежде с нами сидела как ни в чем не бывало. Однако же вышла одна пустая тревога: боли унялись. Я всегда удивлялся, как Бартенева или, вернее говоря, Фишетка, ни одного ребенка не родила в театре, в церкви, в гостях, на улице. Она вечно брюхата и вечно рыскает. Князь Николай [Гагарин] вовсе не казался восхищенным этой проделкою.

Александр. Москва, 5 января 1829 года

Удивительный человек этот Александр Михайлович Тургенев. Где он только не служил, и нигде не держался. Этот так часто менял службу, что вряд ли получит и пряжку. Многие его хвалят; но все говорят, что он сам не знает, чего хочет. Кстати, об этом. Скажи Закревскому (писать ему не хочу для этого одного), что очень всех занимает выбор будущего губернатора сюда, в Москву. Пора дать хорошего человека с весом по рождению, способностям или общему мнению. Говорят, что Голицын везет с собой Тургенева здешнего для этой цели. Это будет смешно: он недавно был здесь шалопаем асессорского чину, и это место не для него ни в каком отношении. Называют много подобных кандидатов; но в публике говорят, что министр внутренних дел верно сделает хороший выбор для Москвы. Также охотится сюда и имеет партизанов, потому что богат, Храповицкий, нижегородский губернатор. Многие называют Небольсина, нашего вице-губернатора. Способности его, может быть, и не отличны, но он человек честный, добрый, благородный, и никто теперешнюю его службу не опорочивает. Ты можешь это все передать Арсению Андреевичу для его извещения. Тесть, зная мою дружбу с Закревским, все меня мучает добиваться; но он знает, что я это

место отказал еще при Тормасове, а теперь еще менее оное желаю.

Я читал у Софьи Александровны [Волковой] с восхищением письмо Сашки [А.А.Волкова] к ней с твоей припискою о приеме, сделанном ему царем. Это производит в городе большое впечатление; хлыщ Шульгин [московский обер-полицмейстер] вытаращит глаза. Говорят, будто после отъезда Волкова он сказал: «Ну вот и начальник жандармов уехал, но Москва не погибла из-за этого, все в ней благополучно!» Вот уж дурацкая ирония! Насколько отношение к нему Волкова справедливее, откровеннее, благороднее!

Александр. Москва, 16 января 1829 года

Благодарю тебя за старания твои, верю и благорасположению графа [Нессельроде]. За что, кажется, ему меня не любить? Ежели и не за меня, то за то, что я брат тебе, а тебя довольно имел он случаев испытать. Из двух предложений графа (несмотря на Полетикино мнение, которое, однако же, ценю, зная и ум его, и любовь к нам) одно вовсе не уместно. Нет, брат, в эти края пусть посылают плутов. Я не говорю уже о климате, который уничтожил бы последнее здоровье моей жены, не говорю о недостатке в образовании детей, о подъеме и проч., чем же это вознаграждается? Консульством! Званием, на которое Пфеллер претендует. Я до приезда Татищева и в болезнь Карпова был поверенным в делах и получал одобрительные письма от канцлера графа Воронцова; когда Полетика отошел к Лассию, то я один все делал у Татищева, который не дурак. Это все было в 1804 году, то есть 25 лет назад. Ужели я ничему не научился с тех пор? Впрочем, это все равно, ибо по обстоятельствам я бы отказал место и графа Стакельберга не в Яссах, а в земном раю, в том же Неаполе.

Граф говорит о 30 тысячах оклада, да что пользы? Их должно проживать или погребсти себя в Яссах на 20 лет, чтобы накопить что-нибудь честно. Точно так же проживал бы я 7 тысяч, большой императорский оклад в Неаполе, да еще бы и мало было этого. Мне лучше этого предлагали, ты сам знаешь. «Поедемте, любезный друг, – говорил мне Воронцов, – поедемте со мною, возьмитесь за Бессарабию; я на все пойду, чтобы добиться для вас 20, даже 30 тысяч рублей оклада; только поедемте, сделайте эту жертву, попробуйте годик, и ежели вам будет хорошо, выпишете все семейство, попробуйте…» Так лучше было бы мне принять тогда, и я почти раскаиваюсь, что не решился. Служа с ревностью, преданностью, чего бы не получил я с таким редким начальником, каков Воронцов!

Теперь приступим к другой статье. Граф предлагает мне сенаторство. Кого бы это не польстило? Из двадцати человек восемнадцать тотчас бы приняли с благодарностью, восхищением. Сколько есть таких, которые из кожи лезут, чтобы достигнуть такой чести? Я видел, как лицо моей жены, лицо Фавста расцветали при мысли о красной мантии. Солгу, если не признаюсь, что и моя первая мысль была та же; но рассудок, опыт, потребность в зрелом размышлении, занявшем ночь целую, заставили меня переменить мнение. Я уже не в возрасте иллюзий, никогда не был честолюбив, а любовь моя к семейству помешает мне постоянно предпочитать дым жаркому. Так что друзья мои Полетика и Волков ошиблись оба, рассчитывая на мое согласие. Мой истинный друг, мой друг сердечный, ты, мой милый, даже ты меня осудил! Поговорим же об этом.

Быть тем, что я есть, с 3000 рублей или сенатором с теми же 2000 рублей – есть ли тут что взвешивать? Я независим, почти начальник, я устраиваю летом свои отлучки, пребывание в деревне, поскольку это мне нравится; я предаюсь занятиям, сообразным моему вкусу, почти не облечен ответственностью, еще менее – беспокойствами; что мне до того, отношусь ли я к 4-му или к 3-му классу, ношу ли или не ношу ленты? И разве не имел бы я всего того же и в Архиве, поскольку какой-то Охлопков награжден тем же? Мало ли сенаторов без ленты, кои без оной и умрут. Теперь, положим, я сенатор: много наделает это шуму, меня задушат поздравлениями, многие порадуются, а еще больше позавидуют. Только и речи будет в Москве, что обо мне. Каков шаг! «Зять молодой стал наряду со стариком-тестем», – скажет один. Другой: «Ну, это хорошо! Булгаков – малый добрый, честный, способный, захочет заниматься, не испортит и в Сенате». Третий: «Хорошо тому жить, у кого бабушка ворожит! Думал ли Булгаков быть сенатором когда-нибудь?» – «Да почему же нет?» – «Да не его дело; ну пошли его куда-нибудь министром, вот так, а сенатором быть – совсем другое дело», – и проч.

Начнется тем, что весь оклад первого года (ибо мне все-таки приходится ныне рубль всякий считать) пойдет на простой и богатый мундиры, на покупку нужных законодательных сочинений; всякое утро должен я работать, как на цепи, а остаток дня читать записки в четверть аршина толщины, принимать посетителей, ссориться, спорить с товарищами; а тут вдруг тебя пошлют ревизовать, то есть делать несчастных и заслуживать нарекания, а между тем проживать в поездке деньги. Есть ли должность несчастнее сенаторской? В пословицу вошло их хулить. Нагляделся я на них и у вас, и здесь. Доброго называют простяком, дураком, твердого – упрямым, справедливого –

строгим и так далее, и в итоге сенаторство – почетный гроб, не что иное. Тогда прощай для меня, отрадное мое житье в Семердине, которое и здоровье мое, и карман поправляет. Я очень благодарен графу Нессельроде, но все-таки не понимаю, чтобы легче было для него выпросить мне чин, сенаторство, сохранение архивского оклада и ожидание места Малиновского, нежели выпросить просто 3000 рублей столовых. Это не имеет никакой связи со штатами, это милость особенная, как крест, перстень и проч.; ведь дали же Чижику [князю Сергею Ивановичу Голицыну] столовые за несколько лет службы. Граф говорит, что теперь военное время и велено беречь деньги; но почему же его устройство сберегает больше, нежели мое? Ежели дадут мне архивский оклад и сенаторский, это составит 6000 рублей и чуть ли не 7000; ибо не знаю, четыре ли или три тысячи рублей имеют сенаторы жалованья; дав мне 3000 рублей столовых, казна то же самое выдаст, да еще и тысячью рублями менее, это раз; кроме того, что надобно же в Архив водовозную лошадь вместо меня. Ежели выбуду, некому будет подписывать и рапорты в Коллегию, и исходящие бумаги: секретари скрепляют только, а Малиновский, яко сенатор, ничего не хотел никогда подписывать. Вот и лишний еще расход для Коллегии, то есть назначение другого на мое место.

Вот сколько неудобств и расходов. Помилуйте! Да за 32 года службы даются при отставке пенсионы; так как отказать столовые, то есть харчи тому, кто не в отставку идет, а желает еще служить и быть полезным? Я уверен, что ежели бы приличие позволяло и уважение к графу не воспрещало, то письмо от меня на высочайшее имя прямо имело бы полный успех. Граф никого в Коллегии не обидит и не обойдет много. Пример, что лета не препятствие для получения пенсиона и без отставки: ты получил пенсию за Венский конгресс; конечно, это казус чрезвычайный, но и 32 года службы не столь обыкновенная вещь. Мы, я чаю, были с самим графом Нессельроде в одно время секретарями посольства: он – в Париже, а я – в Неаполе. Пенсии подвержены спорам, изменениям, как и с тобой было; а потому лучше столовые.

Ежели граф не может этого сделать то я ничего не хочу и буду ждать, чтобы Малиновского сделали членом совета. Граф его не любит – верю. А кто ему выпросил Владимирскую звезду? Он! Меня граф очень любит, и этому верю, а не хочет быть справедлив ко мне. Нет, брат, кого любит, для тех делает: Родофиникин, Сверчков, Гурьев шагали и шагают. Я посмотрю еще год, не выйдут ли штаты? Как примет это Малиновский, который ясно мне сказал: «я вам место очищу, я вижу, что меня теснят», и проч., и тогда лучше убраться совсем. Если остаюсь в Архиве, все

думают, что я тут как бы на карауле, ожидая какое-нибудь вицеройство; а как буду свободен, то я уверен, что множество получу предложений. Первый Бенкендорф взял с меня слово, что извещу его, ежели буду свободен: «Будьте уверены, что получите место весьма почетное, выдающееся и с большим окладом». Признаюсь, что сердце мое все лежит к Коллегии: батюшка всю жизнь, да и я, как себя помню, все тут служу. Честолюбие – не мой порок: быть начальником Архива с хорошим окладом – вот все, чего желаю. Как не выкурить этого… ежели бы граф серьезно захотел? На все определение, на все Бог; буди Его воля! Я тебе сказал все, что имел на душе. Устал даже, писавши: перо валится из рук. Ты можешь из моих слов не делать никакого употребления, ибо без твоего совета я ни на что не решусь. Время терпит, ты можешь обдумывать и написать мне, что думаешь о моих возражениях. О тайне нечего и говорить. Только мне жаль, что ты сказал Волкову; он молчать не большой мастер, напишет жене своей, та станет шутить или рассказывать; так я невиноват буду в случае разглашения. Фавст во многом со мной согласен и хотел тебе сам писать, рекомендовал осторожность, уверяя, что Рушковский читает все письма, особенно твои и мои. А мне какое дело? Мои письма к тебе и ко всем, пожалуй, хоть печатай в газетах. Я не запрусь от них. Интриг не люблю и ими никогда ничего не добывал.

Александр. Москва, 28 января 1829 года

Вчера много сговорилось приятелей меня навестить, так что играли в два стола: бостон для князя Якова Ивановича [Лобанова], да мушка. Это в нашем доме происшествие редкое. Были Лобановы, дядя и племянник, двое Хрущовых, Фавст, Нарышкин с женой, Раевский (некогда известный под именем Зефира, а теперь старый сморчок сделался), тесть, Кобылинский, Попандопулы, он и она, да Обрескова. Вечер провели очень приятно; за ужином пили все по движению души за здоровье Волкова. Ведь и это весело, что никто ему не завидует, а все только благословляют государя, прибавляя: ведь у Волкова куча детей! Только и разговору было вчера, что о Сашке. Я знаю, что милость эта была обещана еще покойным государем при князе Дмитрии Владимировиче Голицыне; ежели этот тут поспособствовал со своей стороны, то честь и слава ему.

Александр. Москва, 2 февраля 1829 года

Привезли тело Николая Никитича Демидова, которое везут с большой помпой. Покойный хотел, чтобы его положили с женой [Елизаветой Александровной, урожд. баронессой Строгановой

(ум. 1818)] в Париже, а ежели нельзя, то завещал положить себя в Сибири. Видно, и мертвый хотел лежать между золотыми рудами. Нарышкины, кои ему родня по Строгановым, были у панихиды здесь и тело повезли уже далее. Везут же это тело в ужасной четырехместной карете, сделанной для этого нарочно во Флоренции, ибо гроб свинцовый, и весу в нем сто пудов. На всякой станции служат панихиду, а где есть церковь, так дают вклад за упокой. Любопытство москвитян так велико, что иные ездили за заставу догонять Николая Никитича, чтобы видеть страшную и огромную эту карету. Сына Павла ожидают также сюда на днях.

Итак, Дибич будет командовать? Давно уже это говорили здесь. Бог хочет, чтобы с его ростом [Иван Иванович Дибич был малого роста] он и делать умел то же, что и маленький капрал. Киселев избавится от весьма хлопотливой должности, и ему, верно, приятнее будет служить в поле.

Нарышкин рассказывал, что тело Демидова встретили архимандрит и более сорока попов; 60 дней будет оно ехать до места.

Александр. Москва, 6 февраля 1829 года

Спасибо доброму Энгельгардту, часто меня навещает. Завтра хотел приехать читать мне свои «Записки» и узнать мнение мое. Он долго служил при князе Потемкине и многое видел, а я люблю смертельно рассказы екатерининских старичков.

Александр. Москва, 8 февраля 1829 года

Нового только, что старуха Глебова Елизавета Петровна, штатс-дама, умирает. Женщина богомольная, церковь в доме, а не могут ее склонить приобщиться; ездили уговаривать и викарный, и князь Сергей Михайлович Голицын: не хочет, да и только. Объелась и теперь все в засыплении, духовной не делает; а умрет без оной, так внучки ее любимые останутся при ста душах. Ох, эти старики упрямые!

Александр. Москва, 16 февраля 1829 года

Я устал, и от чего? Дети заставили меня часа полтора играть на клавикордах русскую, а сами плясали и репетировали. Славно идет! Ох, жаль, что ты это не видишь, мой милый и любезный друг. Наташа писала особенно к Юсупову, послала ему билет и звала его на маскарад. Старик – опытный судия в таких вещах! Только как здесь бесстыдны! Вот тебе доказательство: записка от человека, который не ездит к нам, а прочит кучу билетов.

В Калуге, после 20-летнего паралича, скончался Юрий

Александрович Нелединский. Умер, говорят, как сущий монах, исполняя долг христианина, в памяти и радуясь: «Иду соединиться с благодетельницей моей Марией Федоровною!» Сии были его последние слова. Дочь его, умиравшая от молочницы, вне опасности; это та, что замужем за Оболенским, калужским губернатором.

Александр. Москва, 18 февраля 1829 года

Вообрази, что бедная Аграфена Юрьевна Оболенская таки умерла вскоре после отца. Это скрывают от князя Якова Ивановича Лобанова, который очень был дружен с покойным Юрием Александровичем, и сын его князь Алексей, отъезжающий завтра, просит, чтобы отцу это объявить после его отъезда.

Юсупов сказывал тестю, что в отчаянии, что из-за траура по Литте [графине Екатерине Васильевне] не может быть к нам. Еще рассказывал он, что намедни княгиня Щербатова, урожденная Апраксина, чуть было не родила, бывши в гостях у Ланского, где всегда множество по понедельникам и четвергам.

Александр. Москва, 19 февраля 1829 года

С каким душевным удовольствием обнял я милого Волкова! Как приятно мне было с ним говорить о тебе, Косте и твоих, милый и любезный друг. Ночевав один раз, приехал он в трое суток: очень скоро! Я нашел его похудевшим и даже состарившимся; но это, верно, следствие болезни.

Всякий имеет критические, горькие эпохи. Это видел я над этим же Волковым, но он все перенес терпеливо, службу даже оставил, укрылся в деревне (а я не дошел до этого); там вдруг все переменилось, и так повезло, что только держись. Узнали ему цену. Знаю я холодный, трусливый нрав Нессельроде; это не Каподистрия: тот скорее кончит освобождение Греции, нежели наш граф выпросит должное награждение.

Александр. Москва, 21 февраля 1829 года

Мы – как армия или, вернее сказать, как главнокомандующий накануне сражения. Бедная моя жена так захлопоталась, что, право, боюсь, чтобы не слегла; я ее вчера положил спать насильно в 10 часов, а сам, хотя и нездоровый, поехал на всемирный бал, который Мотель [московский танцмейстер] дает всякий год для своих учениц. Он столько трудился и такие сделал, можно сказать, чудеса, что не мог я ему отказать повезти хотя Катеньку. Он же разбарабанил везде, что будет у него Булгакова, для первого своего выезда, прибавляя, что и красавица, и мастерица танцевать, и проч. Там была бездна, 500 человек, и хотя дом

Кологривова на бульваре велик, с двумя залами, было тесно и жарко. Спасибо доброй княгине Меншиковой: она тотчас взяла Катю к себе и ухаживала за нею точно как мать, чем очень облегчила мои заботы. Признаться, порадовался я: Катенька, очень просто одетая, обращала глаза всех на себя, так что, право, было непристойно. Ты знаешь нашу публику. Многие дамы водили мимо Кати своих знакомых, крича и толкая их в бок: «Вот, вот она, в белом платье!» – а иные просто останавливались, смотрели в глаза. Я позволил Катеньке протанцевать только мазурку (в сем танце она особенно хороша), а то было кинулись ее ангажировать на целый вечер. Мы тотчас потихоньку уехали, а то Мотель бы не пустил. Билеты были по 5 рублей, сбор был для него изрядный. Меншикова сын просил его звать на наш маскарад. Мы очень рады этому милому гостю: преумница и преживой. Княгиня Кате сказала, что желает ездить к нам, что мужья дружны, надобно и женам познакомиться.

Очень радуюсь императорскому посещению в Горном корпусе. Для Карнеева должно быть очень лестно, что государь приехал неожиданно и, застав все врасплох, был всем так доволен. Я думаю об одном, мой милый друг: как бы не пожаловал государь вот так в почтамт! Наблюдайте! Конечно, нельзя требовать от вас той чистоты и исправности, как в других местах, ибо беспрестанно входит и выходит пеший народ, оставляющий следы нечистоты, но надобно наблюдать хотя за прочими частьми. Все это лишние слова при твоей заботливости и попечении, но у меня это на сердце, надобно сдать тебе.

Александр. Москва, 22 февраля 1829 года

В городе очень ропщут на то, что полиция вывела намедни из французского театра русского купца за то только, что он с бородою. Неужели надобно ее выбрить, и ежели французский купец может быть в русском театре в своем костюме, отчего русскому купцу нельзя также в своем костюме быть во французском театре, да еще и у себя в России? Купцы самому государю своему представляются в бороде. Графиня Потемкина прекрасно сказала полицмейстеру: «В другой раз посажу с собой в ложе купца в бороде и посмотрю, как полиция его прогонит». Шульгин, говорят, недоволен 3-м Владимиром.

Александр. Москва, 1 марта 1829 года

Обер-прокурор Лобанов вчера был у нас и сказывал, что Каменского (тобольского губернатора) таскают в Сенат на допросы. Лобанов говорит, что ежели и виноват Каменский [Дмитрий Николаевич], то самовластие его основывалось точно

на усердии к службе и на рвении к пользам казны, а потому терпит он несоразмерно по вине своей.

Александр. Москва, 6 марта 1829 года

Приходил ко мне Сергей Николаевич Глинка, принес книгу своего сочинения: «Картина историческая и политическая Малой Греции с двенадцатью портретами». Она помещена при прекрасном письме графу Каподистрии, коего и портрет находится в заглавном листе. Это тот, что писал, помнишь, Соколов и с коего имел и я копию. Я поскорее дочитаю и к тебе доставлю, для пересылки к графу с верной оказией. И атенция эта, и само сочинение будут ему приятны, и, верно, переведена будет книга по-гречески. И я графу напишу.

Глинка сказывал, что он цензуровал последний номер Шаликова журнала, в коем есть препышное описание маскарада нашего и который он чрезвычайно расхвалил, особливо русскую пляску. Когда получу, доставлю тебе.

Александр. Москва, 7 марта 1829 года

Был у меня опять Глинка, который более часу болтал и рассеял меня. Принес сочиненные им для Катеньки слова: романс воина, отъезжающего за Дунай и там умирающего. Попрошу Глинку сделать музыку, и выучим Катеньку петь, а там Наташа хочет сочинить живой романс. Это будет прелестно. Обе сестры получат роли.

Меня уверяли, что пансион лицейский уничтожается. Каково же будет тому отцу, который, привезя детей из Сибири и отдав туда, рассчитывал, что он шесть лет может об них забыть, был покоен на их счет; а тут вдруг поезжай, возьми их да найди, куда девать?! И захочет ли государь без всякой причины уничтожить создание покойного государя?

Александр. Москва, 8 марта 1829 года

Участь пансиона лицейского решена: это заведение с 1 июля уничтожается. В первый раз Федор Андреевич Толстой не соврал, и надобно, чтоб было в столь для меня важном случае! Что будет с Костей, не знаю. Предаю судьбу его Богу и тебе. Говорят, заведение не имело счастия понравиться государю; но когда большие рекруты, даже преступники, исправляются, неужели нельзя было то же сделать с детьми? Все, что могло быть дурного, не от детей же, а от тех, кому они были вверены. Это-то и цель всякого учебного заведения – исправлять юношество. Прощай, надежда этой молодежи, надежда, спокойствие их родителей! Не одна мать здесь зарыдает. Можно было хоть довершить

воспитание и образовать карьеру тех, кои тут, и постепенно уничтожить заведение. Но что мне тут умствовать? Видно, все это было нужно. Такой государь, как наш, знает, что делает.

Сию минуту был у меня Лев Алексеевич Яковлев, заехал из общего собрания своего, велел тебе кланяться, видя, что к тебе пишу; недолго посидел и уехал. И не хотелось, а рассмеялся я, видя страх моего тестя. Ему сказали, что хотели подорвать порохом Сенат. Я уверял, что вздор. – «Это точно, я вам говорю». – «Но ради Бога, вы можете быть полезны государству, господа сенаторы, но какая выгода этим злодеям в том, чтобы поджарить два десятка старичков?» Вышло, что перепутали в городе Москву с Петербургом: там была какая-то шалость с намерением в смятении этом украсть шубы сенаторские; так до шуб добирались сенаторских, а не до сенаторов. Но мой дорогой тесть точно перепугался и уже считал себя государственной жертвой.

Дома довершить воспитание Костино не имею я средств, ибо сам Бог один знает, как живу: бьюсь как рыба об лед. Последнее отдал бы для его счастия, но где здесь заведения путные для молодежи? Нет их. Вспомнил я милостивые предложения великого князя Михаила Павловича. Но тогда надобно Костю посвятить военной службе. Право, не знаю сам, что делать. Ежели быть ему в гражданской службе (и чуть ли не лучше всего это), то, конечно, лучше всего в Иностранную коллегию, чем ему открывается путь в Архив; но долго ли отец его останется тут, – и это Бог знает. Божусь тебе, что есть минуты, в кои совершенная отставка мне кажется благополучием. Другому, честолюбивому, завистливому, было бы это гробом, а для меня – совершенным спокойствием. Мне не определены судьбою никакие успехи. Бог меня наградил другими дарами, так стану же ими наслаждаться. Общество была моя отрада; я чувствую, что оно меня не веселит, нрав мой переменился. Жена говорит: «Это следствие твоей болезни». Быть может, но с летами и жизнию и мы переменяемся. Странно, что Фавст, который часто мне докучал своими оханиями, теперь для меня приятнейшее общество. Это истинный друг наш, все та же чистая, добрая душа. Не знаю, чего бы он для нас не сделал.

Скажи Полетике, что я очень рад, что мог так скоро выполнить комиссию его. В особенной посылке препровождаю к тебе для него недостающие номера «Телеграфа». Спасибо Глинке, и он мне помог. Он очень старался, узнав, что это для его товарища школьного. «Не думал я тогда, – говорит Глинка, – что из этого тупого, упрямого кадета выйдет со временем человек государственный».

Александр. Москва, 11 марта 1829 года

Приехал добрый старик князь Урусов, поговорили мы о делах нашего Благородного собрания. Мы так оскудели, что не можем более 500 рублей откладывать на всякий концерт; однако же надобно будет Меласшу иметь. Мы сделали всеподданнейший доклад государю, прося помощи и описывая нужды Собрания. Ежели государь пожалует хоть тысяч по десять в год за свой и императрицын билеты, то заведение это славное хоть не рушится, а, право бы, жаль! Покойный император пожаловал 150 тысяч, но это после пожара 1812 года. Мысль прибегнуть к государю дана была Волконским; много баллотировали, но после все согласились. Положим, что Собрание упадет, то есть закроется навсегда, тогда скажут: да зачем же вы в этой крайности не прибегли к монаршим щедротам?

Урусов рассказывал милый сюрприз, сделанный государем его дочери Софье. Может, ты и не знаешь? Она одевалась ехать фигурировать с сестрою в живых картинах у Сенявина молодого. Императрица велела ей сказать: «Когда будешь одета, приди ко мне показаться», – что княжна и исполнила. Государыня стала надевать на нее свои жемчуга; приносят записку от императора. Императрица прочла, засмеялась, не говоря ничего. Княжна говорит, что начало в 8 часов, а в половину девятого просит позволения ехать. «Подождите минуту». Вдруг отворяются двери, входит император, а с его величеством – молодой Михайло Урусов, адъютант Киселева, только что приехавший курьером из армии с известием о взятии Тырнова. Вообрази себе радость, удивление княжны; она остолбенела, а государь сказал, смеясь: «Признайтесь, княжна, что сия живая картина лучше той, к коей вы готовились!» Старик-отец рассказывал нам это со слезами на глазах; да кого не тронут подобные черты, да и от кого? От государя своего! Это доказывает душу его: кто любит радовать других, у того сердце доброе, ангельское.

Спроси у себя в газетной № 11 Шаликова «Дамского журнала»; там найдешь ты описание нашего маскарада, только я не нахожу его удовлетворительным: он не входил в подробности кадрили и бегло все описал; видно, не имел всех сведений, а спросить у нас посовестился, ибо полагал статьей своею сделать нам приятный сюрприз. Волкову он забыл включить, а вместо нее написал Ланскую, которая и не была совсем в кадрили. Говорят, что будет и в «Телеграфе» описание. Увидим!

Ты знаешь Вигеля Филиппа Филипповича, бывшего бессарабского вице-губернатора, керченского градоначальника; он и губернаторскую должность правил долго в Бессарабии. Устроив здесь свои дела, он желает опять служить. Он малый

умный, образованный. Он говорит, что ежели назначат его не в отдаленную губернию, а где-нибудь около Москвы, то пойдет в губернаторы. Мне кажется, что это бы хорошее приобретение для службы. Намекни Закревскому, – что он тебе скажет? Я было хотел писать прямо ему, но ты говоришь, что он, бедный, сидит в шпанской мухе по-нашему, так теперь не время ему письмами докучать. Я уверен, что и Воронцов не откажется также быть ходатаем у Закревского за своего бывшего подчиненного.

Александр. Москва, 12 марта 1829 года

У меня просидел очень долго Энгельгардт Лев Николаевич и читал мне свои «Записки», в коих есть любопытные анекдоты о Екатерине, Потемкине и многих других важных лицах ее царствования. Так заслушался, что не догадался, что два часа; да и старик, видя, что слушаю охотно, не устал от чтения.

Александр. Москва, 14 марта 1829 года

Был у меня Зандрарт. Мамонов говел и допущен был до причастия; но я признаюсь тебе, что не одобряю, что в столь важном святом обряде оказали ему неуместное снисхождение. Он всегда настаивал на царской церемонии, и ежели духовник согласился на это, то очень дурно сделал, что не поступил, как в прочие прошедшие годы. Князь Цицианов бывает у графа, этот ладит с ним покуда. Князь уверен, что больной выздоровеет, в чем очень ошибается. Однако же Мамонов не называет и не признает его князем, обходится с ним хорошо, но все-таки как с управляющим. Цицианов скоро мнение свое переменит. Жаль, что не может он объясняться ни с обоими докторами, ни с Зандрартом; впрочем, кажется, он не намерен графине потворствовать. Она писала ему, что Зандрарт не останется, что она приискала другого на его место. Цицианов ей отвечал, что ничего не переменит, покуда видит, что все идет как должно и порядочно. Я все одно твержу, что Зандрарта другого не найдут нигде и что не только 5000 рублей, но 20 000 рублей можно бы давать в год, чтобы сохранить такого бдительного, честного, человеколюбивого надсмотрщика.

Александр. Москва, 15 марта 1829 года

Глинка был опять, рассказывал подробно о победе своей над своими университетскими гонителями и врагами, особенно над Каченовским, который хотел погубить Глинку, предав его уголовному суду за выпущение из цензуры в «Телеграфе» пасквиля на Каченовского, уличая его в подкуплении и проч. Блудов и Ливен потребовали все бумаги к себе и совершенно

оправдали Глинку и обвинили Кавеновского с братией. «Что мне делать, – спрашивает Глинка, – как поступить с Кавеновским? Дайте совет». – «А вот мой совет: поезжайте к Кавеновскому, скажите ему: вы хотели меня погубить и не могли, я могу вас погубить и не хочу». – «Славно! Именно так и сделаю». Большой чудак!

Александр. Москва, 21 марта 1829 года

Нет иного разговора в Москве, как о тегеранском происшествии [речь идет об убийстве в Тегеране А.С.Грибоедова и почти всего состава русского посольства], которое возвещает уже и «Санкт-Петербургская газета». Что-то Нессельроде? То-то, я думаю, перепугался. На что иметь министров у таких скотов, как персияне или турки, не знающие ни прав народных, ни привилегий? Консула бы достаточно или и вице–а еще лучше проконсула. Такие происшествия должно ожидать всегда от таких народов. Государь наш премудр, знает, что делать. А право, русская честь требовала бы, чтобы Аббас их явился в Царское Село, как некогда дож генуэзский явился в Версалию с повинной головою. Иные видят тут измену в самом шахе. Глупо это думать, но все ему надобно поплатиться, и пусть Европа узнает, что жизнь русского министра значит что-нибудь. Не поверишь, какой составили из этого роман, с какими нелепыми подробностями. Волков приезжал у меня спрашивать, что знаю, и очень удивился, что ты не пишешь об этом. Я ему сказал: «Ты знаешь брата, он любит давать положительные сведения, а таковых, видно, нет еще, но вот что говорит “Санкт-Петербургская газета”». У многих не выбьешь из головы, что должна быть война с шахом. Всякий судит по-своему, но все очень поражены происшествием сим трагическим.

Вчера провели мы очень приятно вечер дома. Давно к нам просится поэт Пушкин в дом; я болезнию отговаривался, теперь он напал на Вигеля, чтобы непременно его в дом ввести. Я видал его всегда очень угрюмым у Вяземского, где он как дома, а вчера был очень любезен, ужинал и пробыл до двух часов. Восхищался детьми и пением Кати, которая пела ему два его стихотворения, положенные на музыку Геништою и Титовым. Он едет в армию Паскевича, чтобы узнать ужасы войны, послужить волонтером, может, и воспеть все это. «Ах! Не ездите, – сказала ему Катя, – там убили Грибоедова». – «Будьте покойны, сударыня: неужели в одном году убьют двух Александров Сергеевичей? Будет и одного!» Но Лелька ему сделала комплимент хоть куда: «Байрон поехал в Грецию и там умер. Не ездите в Персию, довольно вам и одного сходства с Байроном». Какова курноска! Пушкина

поразило это рассуждение. Ему очень понравилось, что дети, да и мы вообще все, говорили более по-русски, то есть как всегда. Были тут еще Вигель и наш архивный князь Платон Мещерский. Наташа все твердила ему, чтобы избрал большой героический отечественный сюжет и написал бы что-нибудь достойное его пера; но Пушкин уверял, что никогда не напишет эпической поэмы. Может быть, это случится со временем. Вигель сегодня едет в Петербург, я дал ему письмо к Закревскому.

Александр. Москва, 22 марта 1829 года

Приехал добрый, умный старик, князь Ханджери, живет в Немецкой слободе; совестно не принять. Советовался об сыне, у нас служащем. Насмешил меня: говоря о турецкой войне, спрашивал, не едет ли туда опять государь. «Кажется нет, князь! Надобно его величеству воротиться туда с мечом в одной руке и с оливковою ветвью в другой», – сказал я, прервав речь. «С палкою, ваше превосходительство, с палкою, с палкою, – повторил старик раз десять. – Знаю я этот народ, ему надобна палка, палка! Других европейских аргументов он не понимает. Ваш батюшка знавал турок; палка надобна, палка, ваше превосходительство!» Мы совсем распростились, и последнее его слово, войдя в переднюю, до коей я его проводил, было: «Турок – палкою!» А я думаю, что это не худо и с персиянами.

Александр. Москва, 25 марта 1829 года

Не успел заехать к Брокеру, который вдруг занемог. Говорит Метакса, что он очень слаб. Это ростопчинское дело много ему огорчения доставляет. Спасибо Волкову: он через Бенкендорфа заставил объяснить дело министру юстиции, который оное препоручил особенно обер-прокурору князю Лобанову, а этот взял сторону Брокера против решения 7-го департамента. Теперь противная сторона ищет мировой, на которую и Брокер очень согласен.

Александр. Москва, 27 марта 1829 года

Государь едет короноваться в Варшаву. Как же покойный император не короновался? Кто же будет короновать – католический или греческий митрополит? Не верю что-то, однако же отсюда требуются все императорские регалии из Оружейной палаты[44].

Москва, 30 марта 1829 года Я очень с тобой согласен насчет Пушкина: кто не ужился с Воронцовым, тот, конечно, нехороший человек. К нам его привез Вигель. Пушкин едет на Кавказ.

Александр. Москва, 1 апреля 1829 года

Савельич живехонек и здоровехонек! Что с ним делается? Ежели морят его у вас, то, видно, долго ему жить, а знаешь ли, кто умер, и очень трагически? Останкинский учитель П.И.Иванов, служивший казначеем в канцелярии князя Дмитрия Владимировича. Между Москвой и Всесвятским нашли тело его, простреленное двумя пулями в самое сердце. Рука его от слишком большого заряда была раздроблена, равно как и курок. Попал в мерзкое общество, споили его, заставили играть и проиграть казенные деньги, иные говорят – 40 тысяч, другие – тысяч 10. Не находя средства выпутаться, он застрелился, оставляя в отчаянии и нищете жену и шестеро детей.

Александр. Москва, 3 апреля 1829 года

Жаль Байкова. Я не был знаком с ним, но знал его только по сходству его с Потоцким и по рассказам покойного умницы Мартынова; они оба были в китайском посольстве Головкина. Говорили, что он большой интриган. У Острой Брамы не один русский смерть нашел во время виленского бунта. Помню моего тезку Александра Яковлевича Княжнина; бывало, все видались мы у Закревского. Этот давно уже ближе был к тому свету, нежели к здешнему.

Видно, наш Нессельроде расшибся: рауты дает нынче. Видно, совестно ему кажется такие чертоги держать под ключом.

Теперь беда отъезжающим: не знают, на чем, как ехать?

Был у меня и долго сидел Маркус. Он и Эвениус отказались от лечения Мамонова. Он меня просил именно тебе сообщить об их поступке и сказать тебе, что им пришлось просить уволить их от лечения, чтобы не отвечать за графа, что они могли отвечать за его здоровье, когда всем их предписаниям следовали, а когда князь Цицианов переменил многие порядки, ими заведенные, не токмо с ними не посоветовавшись, но даже и не предупредив о сем, они не могли более оставаться при таком положении. Цицианов утверждает, что Мамонов не сумасшедший, а Маркус ему доказывает противное, и напрасно. Я бы на его месте просил бы 100 тысяч награжденья, ибо, стало быть, его стараниями пришел опять в ум человек, коего за три года надобно было связывать и который любимца своего Негри хотел убить обломком стула. Что граф вообще очень тих, что имеет обыкновенно спокойные промежутки, в кои разговаривает основательно, – это достоверно; но он помешан, как Бог свят. В это положение поставил его Маркус своей твердостью, хладнокровием и лекарствами, а Зандрарт – попечительным своим надзором. Освободи графа от сих уз, дай ему немного

волю, – и увидят, чем кончится. Зандрарт тоже отходит. Дай Бог, чтобы я ошибся, но я ничего хорошего не предвижу.

Цицианов его тешит, теперь покупает дом графа Головкина. Давно ли купили ему дом Дурасова? Мамонов чертит, какие делать прибавления: «С одной стороны я хочу часовню, с другой – другую, чтоб поместить там мою библиотеку», – и проч. На что ему одному, сумасшедшему, дворец в 250 или 300 тысяч? Зандрарт должен быть уже ко мне; увидим, что этот скажет. Как бы ни было, ежели в графине есть родственнические кишки, то она много обязана медикам и Зандрарту за старания их около брата и за положение, в которое он ими поставлен. Впрочем, как они себе хотят; жаль мне только, что ты тут должен быть вмешан.

Александр. Москва, 4 апреля 1829 года

Волков не очень здоров, я вчера обедал у него. На досуге много мы с ним говорили, и я советовался с ним как с истинным моим и нашим другом, любезнейший брат. Во всем мы согласны оба, то есть, что я только теряю лучшие годы жизни моей, служа под начальником, каков граф. Люди, право, меня не стоящие, делают лет в десять целую карьеру, а я одиннадцатый год в своем чине, 12 лет, как имею 3-го Владимира; последнее награждение мое было Шульцево место с прибавкою милостыни 200 рублей к его окладам. Вот милости графские! Много ли найдет он в Коллегии чиновников, кои, начав в оной службу, продолжали оную 31 год беспрерывно, все по Коллегии и с 1000 рублей оклада? Кажется, не был я в тягость казне. По пристрастию к мундиру нашему я отказывал все лестные предложения Тормасова, Воронцова, Бенкендорфа, князя Дмитрия Владимировича Голицына; этот, в восемь лет, более полудюжины вывел людей в мой чин из асессоров и надворных советников. Что же я выиграл? Ничего! Я всегда молчу и всегда доволен; в 1812 году, попавшись в руки французам (оттого, что долг службы предпочел своей безопасности), избавился я чудом от смерти, но хвастал ли я этим, требовал ли что-нибудь? Нет, ничего и не получил. Мудрено ли, что забыли меня, а кричать и жаловаться – не в моем нраве. Дожидаться штатов, кои третий год выходят, было бы тоже глупо; по проекту, Поленовым мне вверенному из уважения ко мне, место присутствующего только что не уничтожается. Малиновского – из управляющего тоже директором, а ему какое дело, когда, по новому штату, директору полагают 4000 рублей жалованья, тогда как управляющий имел только 2000 рублей? Волков говорит, что головой своей обещает мне место в 6000 рублей по крайней мере, ежели уйду из Коллегии. Я не хочу ничего торопить, мой любезный друг, а тебя

предупреждаю, что не хочу более служить под начальством графа. Меня постоянно все окликают, упрекают в моем ничтожестве, и я начинаю краснеть за него. Давеча Лобанов мне также говорил: «Бога ради, что вы делаете в вашем Архиве, вы ведь можете претендовать на что-нибудь более блестящее».

Скажи мне, уместно ли будет мне написать к графу прямо, откровенно, что ежели находит он малейшее затруднение исходатайствовать мне столовые деньги, то чтобы позволил мне выйти в отставку для приискания другого места. Кто знает, меня ожидает, может быть, счастие не там, где я искал его 30 лет напрасно, но совсем в другом месте. А ежели граф, при отпуске, хочет сделать мне милость, то пусть отдаст мое место Лашкареву, – он добрый малый и желает поселиться в Москве, – тогда архивским не так будет больно со мной разлучиться, ибо я уверен, что им будет очень прискорбно остаться с Малиновским, коего никто не любит, и так все бегут вон.

Я совершенно без гроша; что буду делать, право, не знаю: бездна расходов к празднику, рублей 400 одним учителям, квартиры старая и новая, мелкие долги по дому.

Князь Дмитрий Владимирович приехал ночью. Иванов упек его 18 тысяч, да 14 тысяч казенных. Для князя это и неприятно, и убыточно. Ездил всякий день к Юрьеву и к Алябьеву, а потому запечатали их бумаги. Не знаю, основательно ли тут поступлено, да что узнаешь из бумаг? Иванов бывал и у меня несколько раз по делу своего журнала; дает ли это право меня стеснять так? Не так открываются вещи такие, но наша полиция молодец на такие случаи.

Александр. Москва, 6 апреля 1829 года

Боятся, что Иванов упек и деньги, кои присылались сюда для монумента на Куликовском поле; тогда было бы тысяч 70 всех. Я боялся за Шафонского [Шафонский управлял канцелярией генерал-губернатора князя Д.В.Голицына], но выходит, что князь Дмитрий Владимирович прямо мимо Шафонского давал ордеры Иванову, коего знал, говорят, по кулисам. Иванов тоже содержал какую-то актрису.

Александр. Москва, 8 апреля 1829 года

Вчера у Бобринской князь Дмитрий Владимирович и все спрашивали о графе Кочубее, и я очень рад, что мог дать добрые вести о его здоровье; то же самое желаю и бедной Малиновской. Что бы ни было, больно! Одна дочь у них только, и все свое счастие и утешение в ней полагали.

Я знал поверхностно о государевом путешествии, благодарю

тебя за подробности. Желаю душевно, чтобы в Варшаве какой-нибудь миллионный польский граф влюбился в нашу Урусову [она и вышла за князя Радзивилла] и женился на ней, но еще одно условие, чтобы сделал ее счастливою.

Ты говоришь о Филимонове как об издателе «Пчелы»; тут Выжигин-Булгарин. Я догадываюсь поэтому, что ты ошибся и что, верно, Ф. издатель «Бабочки», которая, верно, отлетит с ним в Архангельск.

Я был в субботу в акте Университетского пансиона. Вот тебе две брошюрки. Очень было хорошо. Я обходил после с Курбатовым все заведение, видел постели, больницу, видел их обед, отведывал: все очень хорошо, сколько мог я заметить. Курбатов вызвался уже особенное иметь о Косте попечение. Речи говорили хорошо, каждая речь была сочинения ее оратора. Князь Дмитрий Владимирович, Иван Иванович Дмитриев и множество было посетителей.

Александр. Москва, 10 апреля 1829 года

По несчастью, история Иванова не была апрельской рыбою. Игравшие с ним открыты и взяты странным случаем. Они замечали, что Иванов пасмурен, и, видя его отчаяние от беспрестанных проигрышей и зная, что князь Дмитрий Владимирович ожидается всякую минуту в Москву, боялись, чтобы Иванов не решился открыть ему душу и во всем покаяться; дабы это предупредить и сделать как-нибудь с Ивановым, один из игроков, Квашнин, ездил к Иванову раза четыре; но жена, зная его за негодного человека, все высылала сына говорить: «папеньки нет дома, не знаю, куда уехал, не знаю, когда воротится». Иванов тоже избегал Квашнина, думая, что он являлся требовать денег. Только на другой день свершается самоубийство. Квашнин, узнав об этом, в первую минуту жара или мучимый совестью, скачет ко вдове несчастной, находит ее в слезах, возле нее сын ее. Увидев его, Квашнин говорит: «Вот кто погубил вашего мужа, говоря все, что нет его дома; я был у вас четыре раза, мы хотели спасти вашего мужа». Слова сии были как лучом для вдовы; она их перенесла полиции; взялись за Квашнина; он объявил, что Иванов обыгран был каким-то Заворыгиным (это плац-адъютант, коего Веревкин заставил за игру выйти в отставку) и еще другими. Может быть, и отыщутся деньги, но уж Иванова не воскресят. Он оставил письмо к детям своим, в коем их умоляет избегать дурное общество и особенно игру, иметь всегда перед глазами несчастный пример отца их и проч.

Александр. Москва, 12 апреля 1829 года

Заезжал я вчера к Волкову и нашел его невеселым. Царь жалует, да псарь не жалует: дело его аренды стало в пень по милости Чернышева, тогда как Волков благодарил государя, сказав: «Теперь, государь, у меня будет большое подспорье для семьи, а мне ведь кормить 11 человек». Государь изволил засмеяться, а Волков только что не плачет. Молодой Долгоруков, сын вашего неминистра юстиции, женится на внучке графа Владимира Григорьевича Орлова, дочери Петра Львовича Давыдова. Ее очень хвалят во всех отношениях, она несколько горбата, но имеет 2000 негорбатых душ – кроме приданого, бриллиантов и всего того, что дадут дедушка и родные, а мы с батюшкой любим эти коклюшки.

Александр. Москва, 15 апреля 1829 года

Мы с Фавстом вчера пускались на некоторые необходимые визиты. Начали с военного генерал-губернатора.

Рушковский был у меня в 10 часов в большом параде; сказал, что от князя, который спит и велел просить всех в двенадцать часов. Мы так и сделали, нашли его очень веселого. Много он со мной говорил, даже и о политике, но не о сенаторе, однако же. «Так что же, послы едут в Константинополь, это приведет к миру?» – «Напротив, князь, ясно, что турки стараются только выиграть время. Вот увидите, как только послы прибудут в Константинополь, у рейс-эфенди будет один ответ: “Я послал курьера к султану и ожидаю приказаний его величества”». Новосильцев объяснил мне причину Князева удовольствия: он получил рескрипт, по коему велено ему прямо относиться к государю мимо министров, как он того желал. Понимаю, что такое изъятие из общего правила льстит Князеву самолюбию, но я заметил Новосильцеву, что это одно и то же: министры должны согласиться на полезное, а неуместное государь также откажет. Государю нельзя самому все дела разрешать и обрабатывать, следовательно, получив, станет отсылать по принадлежности. Теперь, когда не будет государя, надобно же относиться к министрам или к комитету их. Положим, что министры князю не доброжелательствовали (почему, впрочем?), теперь они натурально более озлобятся; что же выиграет князь и что выиграет служба? Много было толков у нас об этом, но где же все это писать!

Александр. Москва, 17 апреля 1829 года

Вчера пришла к нам мадам Алексеева. Отводит она нас с женой в сторону и дает читать письмо, кое получила от брата своего Вигеля, который у вас. Поступил он, между нами будь

сказано, довольно безрассудно. Дашкову, с коим, кажется, он дружен, взбрело в голову жениться на Софье Соковниной[45]. Он поручил сестре своей просить нас о поддержке. Какая же тогда нужда писать к сестре и доверять ей все эти сведения? Надобно было писать прямо к нам.

Ни молодая особа, ни дядя Дашкова не знают. Вигель говорит: «Ежели дело устроится, Дашков через две недели будет в Москву»; но мне кажется, что начинать надобно со знакомства, а уж после говорить о браке. Как я понимаю дело и знаю характеры обоих, Софья пойдет замуж только по любви и никогда не пойдет из расчета. Дядя – чудаковат, упрям, странен, иначе, верно, не сомневался бы отдать племянницу свою за такого славного человека, как Дашков. Несмотря на это, не компрометируя Дашкова, я почву исследую, поговорю с дядей. Посмотрим сначала, есть ли у него мысли, и какие, насчет Дашкова, ибо он одного себя превозносит в этом свете. Долгоруков, кажется, и хорош был жених, да и довольно нравился Софье Прокофьевне, да не состоялось, а все от дяди. Жаль мне будет, ежели Алексеева выболтает это. Ежели, паче чаяния, Дашков стал бы тебе говорить, то будешь знать, что отвечать. Ну и достаточно сего покамест.

Иван Петрович Носов, наш годовой часовщик, человек тихий, добрый, скромный и преискусный, едет в Петербург; я дал ему письмо к тебе. Он совершенная красная девушка, а едет он вот по какому случаю. Вызывают всех работавших в каком-нибудь роде для большой экспозиции в Петербурге по примеру, видно, экспозиции парижской; эта новость заводится Закревским. Носов изобрел славнейший хронометр, который желает также экспонировать; все часовщики признают это славностью, делающей честь русскому имени, но без протекции мудрено обойтись. Он просит, чтобы его только не оттерли, чтобы обратили внимание на труд его; пусть судят его строго, он этого не боится. Трудить не хочу я Закревского особым письмом.

Александр. Москва, 20 апреля 1829 года

Только что собрался я было ехать к Фавсту, является Похвиснев. «Поздравляю вас с милостью монаршею!» – «Что такое?» – «Вот вам письмо от братца». Я ушел к жене в спальню, и тут мы покойно поплакали, читая письмо твое от 16-го. Ох, воскресил ты нас, бесценнейший брат! Ибо кому же, ежели не твоим неусыпным попечениям, обязаны мы милостью, которую получаем? Десять тысяч, кажется, небольшая сумма, но для нас это в теперешнее время великая подмога. Когда получу прибавку, графом обещанную, то буду истинно доволен, и граф увидит,

стану ли когда-нибудь о себе просить. Мы в такой радости, что описать тебе не могу. Нашу нужду терпели и люди наши, нам преданные. Весь дом в волнении, а Наташа не перестает плакать и от радости, и от слабости. Бог тебе воздаст за радостный этот для нас день! Я не соображу ни одной мысли.

Александр. Москва, 21 апреля 1829 года

Ты отдашь справедливость моей рассудительности: пожалование красного кафтана наделало бы много шуму по Москве, пожалование десяти тысяч единовременно покажется весьма маловажной наградою для чиновника 4-го класса. Это так, но кто взглянет в мою шкуру, кто знает нужду мою, и кому захочу я ее открыть? Всякую малейшую пользу для моей семьи предпочту наружному вздорному блеску. Я сенатор в моих собственных глазах, ежели государю угодно было найти, что я достоин сего звания. Это внимание государя дороже мне всего. Я думаю, как Волков, что государь точно так же и 25 тысяч изволил бы пожаловать мне, как и 10 тысяч; но тут надо другого начальника, как граф Нессельроде, говори ты там что хочешь! Благодарнее души моей нет, я ценю то, что вымучил ты у вице-канцлера, благодарю его, но грешен: не лежит сердце к нему. Так ли делают добро? Десять тысяч будут для меня передышкой великою. Никогда государь не давал еще так кстати нуждающему, как этот раз. Поверь мне, что всякая сотня рублей станет ребром. У меня столько мелких долгов, что стыжусь их. Бедная моя жена (теперь можно тебе сказать) продала маленькие свои жемчуга и фермуар, подаренный ей покойной императрицей Елизаветой Алексеевной, чтобы купить четырехместную карету, без коей нельзя было никак обходиться; было ехать куда с детьми, так делалось все в два каравана: четверых не посадишь в двухместную карету. Десять тысяч не заваляются у нас, но это откроет нам кредит наперед.

Александр. Москва, 29 апреля 1829 года

Не удалось мне попасть на вчерашний славный спектакль, а только афишку достал. Из оной видел я, что Семенову именуют княгиней Гагариной и что «Ненависть к людям», комедию Коцебу, перевел Малиновский, не знающий ни слова по-немецки. Это ташеншпилерская штучка!

Бедная Софья Александровна Волкова вдруг занемогла. Очень она мучилась, и Сашка всю ночь был на ногах. Вчера ввели меня к ней; узнать ее нельзя, хотя и лучше. Она хотела меня видеть и просила написать ей письмо к Дибичу, только что в силах будет подписать: просит, чтобы отпустил Акинфиева к жене, которая

лежит в Яссах отчаянно больна. Везу к ней сейчас письмо, а она тебя просит доставить оное как можно скорее к Дибичу, который, бывало, живал почти на хлебах у Волкова и называет Софью Александровну своей капитаншею и поднесь. Ежели, Боже сохрани, умрет Наталья Александровна, то останется дочь семи лет совершенно на Божью волю без отца и матери.

Понимаю, что тебе много хлопот теперь. Пусть благодать Божия сопровождает всюду государя и всю свиту! [Николай Павлович ехал тогда короноваться в Варшаву, с государыней и наследником. Вот и Энгельгардт пригодился, да не все ли репнинские были и теперь еще полезны государю? Сколько хороших слуг доставил князь Николай Васильевич государству!

Желаю, чтобы сладилось дело Дашкова, но сомневаюсь, зная Софью; ее претензии очень велики, и она не пойдет замуж по расчету, но я прощупаю тихонько почву и тебе о сем напишу.

У меня была подписка на праздник, который готовится для Гумбольдта[46]; нечего делать, подписал и я. Человек сорок уже есть и до 3000 рублей собрано.

Александр. Москва, 30 апреля 1829 года

Я тебе говорил в свое время о бумаге, которую Волков просил меня написать; да не было ему все досугу прочитать ее вместе со мною. Сегодня велел сказать, что имеет утро свободное, чтобы я приехал, что будем одни. Ему очень понравилось, исправлю некоторые замечания его и перепишу набело, а там и тебе сделаю копию. Волков посылает это Бенкендорфу, который государю покажет. «Надобно ли вас назвать?» – спрашивает Волков. «Да почему же нет? Я не откажусь ни от чего, что написал, мои мнения и чувства не таковы, чтобы я их прятал». Я уже с Лобановым много толковал о необходимости опровергать то, что иностранные журналы врут насчет России. «Напишите о сем небольшую записку и передайте ее мне»; я начал было писать, но мысль родилась за мыслию, записка вышла поогромнее, Лобанов скоро уехал, и я не успел ее обработать. Странно, что Волков после мне начал говорить о том же точно и просил отдать ему мою записку, прибавляя: «Ежели и не состоится мысль, которую ты предлагаешь, то все-таки государь увидит, что ты человек благонамеренный и что умеешь хорошо обдумать и написать бумагу». Чтобы не подумал Нессельроде, что я хотел мимо него что-нибудь представить государю, то Волков напишет, что имел со мной разговор о вздорных слухах, разглашаемых по Москве, и, найдя многие мои мысли основательными, он меня убедил составить письменную заметку, получив которую, долгом считает сообщить Бенкендорфу, и проч.

Конечно, брат, 10 тысяч не суть важны, но меня это очень оживило: легче будет дышать нам теперь. Мы наняли шагах в ста от прежнего дому дом Киреевского на Арбате за 2000 рублей в год, дом застрахован; это также выгода для нас.

Александр. Москва, 3 мая 1829 года

Вчера была драка во французском театре. Все съехались; разумеется, многие отпустили кареты домой, пьеса долго не начиналась. Выходит актер и объявляет, что по причине внезапного недомогания мадам Вальмон спектакля не будет; а вместо того узнали, что Монье – вероятно, пьяный, – расквасил рожу и подбил глаз бедной Вальмон и поколотил еще мадам Виржини. Полицмейстер Миллер и Иван Александрович Нарышкин ходили на сцену мирить, но нечего было делать: как же женщине с подбитым глазом явиться на публике, да еще такой красивой женщине, как мадам Вальмон! Хороши господа французы.

Благодарю тебя за вести ваши. Вот и Вигель с местом [директора Департамента иностранных исповеданий]. Я очень рад.

Александр. Москва, 8 мая 1829 года

Долго болтал я с Волковым. Меня теперь взяло раздумье. Он говорит, что велено одни самонужнейшие бумаги посылать в Варшаву и далее, а что прочие должны ожидать возвращения Бенкендорфа в Петербург; потом рассудил я, что во всяком случае записка моя не минует Нессельроде, который может подумать, что я хотел что-нибудь поднести государю мимо него, чего не было у меня в мыслях. Я сказал Волкову, что коли так, то уж я лучше перепишу и тебе пошлю прочесть и требовать твоего мнения. Он очень одобрил это, и я сам теперь уже рад этой остановке, ибо самый благонамеренный поступок может быть инако истолкован начальником мнительным, каков граф наш. Я занялся этим вместо забавы. Нимало не дорожу трудом своим; ежели найдешь его достойным внимания, то можешь и графу послать, а не то оставь у себя сувениром.

Александр. Москва, 9 мая 1829 года

Вчера видел я приехавшего Лунина, который сказывал, что главная его отрада в Петербурге был твой дом. Он предлагал весьма полезную вещь, но, кажется, она не состоялась, и один только князь Петр Михайлович тотчас за нее взялся, уничтожив придворные конные заводы. Какая же тут могла быть выгода казне, ежели всякая лошадь для экипажей обходилась в 4000

рублей? Это ужасно! Что же армия должна стоить казне? Когда-нибудь да согласятся же с Луниным, как Васильчиков и Левашев согласились.

Благодарю за сведения о Гумбольдте. Вот и Лодера благодарность. И я, брат, довольно спорил об обеде этом. Почему же будет приятно Гумбольдту, который, может быть, и не объедало и не пьяница, сидеть три часа за скучным обедом с шестьюдесятью незнакомыми? Человек шесть будут около него, прочие его увидят только издали, а большая часть займется более обжорством, нежели самим Гумбольдтом. Не лучше ли бы на обратном его пути, ежели труды его увенчаются успехом, поднести ему медаль или маленький кабинет российских минералов?

Александр. Москва, 10 мая 1829 года

Тесть сказал мне, что дело Брокера хорошо повернуло в общем собрании, что все к нему пристали. Хочу тотчас ехать к Адаму Фомичу, его утешить и успокоить. Как! Человек трудится, устраивает все к пользе малолетнего, копит ему капиталы, а тут вдруг, вместо спасибо, велят Брокеру отвечать собственным имением за то, что эта полоумная Ростопчина говорит без всякого доказательства, что Брокер хлеб продал и присвоил себе деньги, тогда как Брокер представляет собственноручную расписку покойного графа в получении с него денег за проданный хлеб! Право, бесчеловечно. Князь Дмитрий Владимирович также поверил этому и теснил Брокера. Тесть имел с ним вчера большую схватку, спросив у него на вечере у Небольсина: «Что вы думаете о Булгакове, Александре Яковлевиче?» – «Что он добрый, умный, честный малый». – «Так спросите же его о делах сих: они ему известны». – «Да мне сказывал верный человек». – «Нет, вам сказывал мерзавец, лгун князь Масальский». Обер-полицмейстер стал тестя остерегать, что Масальский тут играет в другой комнате; но князь Василий Алексеевич прибавил: «Позовите его сюда, я ему скажу в глаза при вас, что он лжец и клеветник. Дай Бог вам, князь, самим управлять вашим имением так, как Брокер управляет имением малолетнего; а вы, не рассмотрев хорошенько, да гоните честного человека». Князь замялся и, видя, что, продолжая разговор, доведет его до неприятностей, переменил речь. Я был в другой комнате и слышал только шум. Жихарев пришел и пересказал мне, что было. Князь Дмитрий Владимирович подлинно поступил здесь очень легко; я рад, что правда взяла верх, и спешу ехать успокоить Брокера. Тесть мой любит кричать, но тут он поступил как истинный сенатор; только два, Озеров и Яковлев, не согласились, все прочие единогласно

были за мнение тестя, то есть за Брокера.

Александр. Москва, 13 мая 1829 года

Какая у нас погода, Боже упаси! Северный ветер, дождь, холод, сырость. Мы весь дом сегодня топим, и только что в пору. Я получил письмо твое №114 и тотчас сообщил Чумаге о гильдейских повинностях, а Додеру – о выезде Гумбольдта. Верно, оба явятся благодарить, а последний ужасно засуетится; только теперь не успеть ему дать праздник, ежели Гумбольдт останется здесь дня два, но, вероятно, дурная погода долее его удержит в Москве. Какая темнота! Теперь полдень – и хоть свечей просить, дурно вижу, что пишу. Я все труню над женою, что будет землетрясение. Рано ты, брат, свой балкон открыл. Батюшка говаривал, что прежде 10 июня не надобно выставлять окон. Я держусь сего правила. Отчего у нас весною всегда много больных? Покажутся два ясных дня – ну выставлять рамы, ну одеваться по-летнему, ну есть мороженое, ну жить по-летнему, и пойдут простуды, а я вчера встретил Фильда, так этот ехал в шубе медвежьей и персидской шапке. Мне это и смешно даже не показалось.

Александр. Москва, 14 мая 1829 года

Гумбольдт приехал сюда в воскресенье, и Фавст, по предписанию Егора Васильевича [Карнеева, который был директором Горного департамента], был у него в тот же день и нашел в нем весьма приятного, говорливого скорее француза, нежели немца. Он вчера обедал у Фишера. Сегодня хотел его звать к себе обедать, оно бы и кстати, ибо Гумбольдт в час смотрит Кремль, Оружейную, соборы и проч., тут бы и близко к Фавсту обедать. Завтра большой обед в Собрании для него же по подписке, а говорят, что послезавтра он отправляется уже в путь. Ежели буду сегодня с ним обедать, то завтра не пущусь на большой этот обед, который будет скучен и для Гумбольдта, и для гостей.

Александр. Москва, 15 мая 1829 года

Вчера Гумбольдт не мог обедать у Фавста. Ввечеру возили его в Большой театр смотреть балет новый. Я сегодня поеду на обед этот, а то иначе и не увижу Гумбольдта, который едет завтра. Наташа хотела было позвать его на вечер к нам, но, видно, придется отложить это до возвратного его пути из Сибири.

Много говорят о «Выжигине». Все читают, хвалят, бранят, критикуют, а автор между тем собирает денежки и печатает второе издание. Называют это русским Жильблазом, но

каламбурист один на это сказал: «Лесаж всегда мудр [«мудрец» по-французски – «ле саж»], а Булгарин никогда мудр не будет».

Александр. Москва, 16 мая 1829 года

Вчерашний обед для Гумбольдта очень удался, было человек около шестидесяти. Я нарочно поехал пораньше, чтобы видеть всю процедуру, и, явясь в Собрание, нашел Лодера, ходящего в сильной задумчивости по маленькой зале. «Здравствуйте, господин Лодер!» – видя, что меня не узнает. «Ах, милый мой и почтеннейший господин Булгаков, – отвечает он мне, – умоляю вас, оставьте меня одного; я репетирую речь, с которой должен буду обратиться к г-ну Гумбольдту; она еще не вполне устроилась у меня в голове». Я оставил оратора и пошел кое с кем болтать. После трех часов приехал гость. У нас все любят пересолить: начали толковать, что надобно послать депутацию к Гумбольдту, чтобы препроводить его в Собрание. «Да вот уже имеется депутат», – говорю я Лод еру. «Кто же?» – «Да кучер г-на Гумбольдта, который, конечно же, сумеет препроводить его сюда». Все стали смеяться и говорить, что могли бы то же сделать и для прусского короля, ежели б оказал он честь принять приглашение на обед, и дело оставили.

По приезде Гумбольдта Лодер выступил ему навстречу и приветствовал его по-французски, очень славно, и, к нашему великому удивлению, кратко. Барон отвечал также очень славно, прибавив в конце: «Вдвойне счастлив за себя, ибо рупор столь для меня лестных чувств есть не кто иной, как мой старинный друг и первый мой наставник», – и проч. После сего все, следуя моему примеру, просили быть ему представлены. Он тотчас спросил о тебе. Потом водили его по всем залам, показывали монумент Екатерины II. После сел он возле Юсупова, и сделался кружок; он рассказывал об Америке, о Франции, Бразилии и проч. За столом сидел я почти против Гумбольдта, а потому и мог насладиться приятным его и разнообразным разговором. Он сидел между Юсуповым и князем Гагариным, ибо Обольянинов и Дмитриев не приехали по нездоровью. Обед был хорош, но мог бы за эту цену быть лучше. В свое время все встали и, по провозглашению Лодера, пили за здоровье императора и все дома царского, потом прусского короля. Тут подошел Маркус и говорил прекрасную речь на немецком языке (он обещал мне копию, и я тебе доставлю, а между тем вот латинская, которая была всем раздаваема во время обеда), на которую Гумбольдт тотчас отвечал также по-немецки. Потом встал Лодер и предложил: «Господа, пьем за здоровье его превосходительства господина Гумбольдта!» Все закричали: «виват» и «ура!». Лодер просил,

чтобы умолкли, и прибавил: «Да сумеет он нам разыскать на Урале то, что его гений сумел открыть на Чимборазо». Как выпили, то немного погодя Гумбольдт налил себе шампанского, встал и приветствовал всех прекрасной благодарной речью, в коей говорил о государе, о России, о путешествии своем, об усердии, которое употребит в разысканиях своих, делал похвалу Москве и нас всех благодарил, окончив примерно так: «Разве смогу я позабыть этот день, когда меня окружили столь нежными и редкими заботами и когда иностранцы обращались со мною так, как могли со мною обращаться только мои соотечественники или старинные и любящие друзья!» – и проч. Жаль, что не все эти речи писаны или печатаны, быв импровизированными. После обеда и кофея профессор Мудров произнес ему маленькую русскую речь или приветствие, Маркус приблизительно перевел ее наскоро, и Гумбольдт также отвечал и ему. Тут я, поговорив с ним еще с четверть часа и получив обещание, что на возвратном пути посетит мое семейство, уехал и полагаю, что более и не было ничего.

Рушковский подошел и спрашивал у Гумбольдта: «В котором часу надобно завтра прислать за вами лошадей?» – «Как, сударь, – сказал я нашему приятелю, – вместо того, чтобы стараться удержать здесь г-на Гумбольдта, вы хотите ускорить его отъезд?» Но Гумбольдт отвечал за Рушковского: «Вы очень любезны, говоря так, но коль скоро решено ехать, ничто так не мучительно, как встречать к тому препятствия, и ваш брат поступил со мною точно так же, как его коллега поступает здесь; лето в России столь коротко, надобно успеть им попользоваться; в сентябре месяце я должен быть уже здесь, в октябре – в Берлине, а в феврале – в Париже».

Мне очень полюбился Гумбольдт. Я ожидал видеть в нем немца-педанта, вместо того нашел любезного француза. Он сегодня в 9 часов отправился в путь.

Александр. Москва, 21 мая 1829 года

С радостным, счастливым для всего семейства нашего днем поздравляю тебя, мой милый и любезный брат! Точно как будто ты в Москве: беспрестанно приезжают лица тебя поздравлять, а кто не был сам, присылает поздравить или пишет записки. Когда чужие так принимают 21 мая, то поймешь ты, что происходит у нас в семье. Все мы тебя целуем и желаем тебе всех благ. Волков празднует тебя и нас зазвал обедать.

Очень будем мы рады Северину Потоцкому. Этот гораздо милее нашего Северина [отца известного посланника нашего в Мюнхене Дмитрия Петровича Северина] без Потоцкого, сенатора,

у коего была недавно история в Английском клубе с князем Петром Михайловичем Долгоруковым, прозванным блудным сыном, который пана сенатора разругал только что не сквернымисловами; а этот поехал жаловаться князю Дмитрию Владимировичу, который советовал лучше замять историю. Чем Северину жаловаться, как школьнику, ему бы лучше опереться на законы клуба и требовать исключения Долгорукова, точно так же, как был прогнан князь Касаткин за грубости к старшине Щербачеву.

Приезжал ко мне прощаться Зандрарт, бывшая стража графа Мамонова. Он едет в Берлин, свое отечество; может быть, и захочешь у него кое-что порасспросить. Он добрый, честный человек. Не понимаю я Мамонову. Почему скрывает она свой брак, ежели он в самом деле состоялся? Разве не хозяйка она своей воле, стыдно ли ей признаться в этом браке, но разве здесь мезальянс? Она не маленькая дочь Генриха IV, да и Гагарин ее стоит.

Александр. Москва, 22 мая 1829 года

Ты ничего не говоришь об оной бумаге, что я тебе отправил: видно, некогда было прочесть, да у тебя не одно дело в голове; это хорошо читать от безделья, коим ты не можешь похвастаться. Лобанову очень понравилось, он очень меня дружески расспрашивал обо всем, меня касающемся, и с участием, которого не мог я ожидать от него. Между прочим, предлагал мне показать это Нессельроде, коему имел он случай оказать одолжение очень недавно. Я его благодарил и отвечал, что знаю нрав нашего графа, что ему покажется это дело государственным, что найдет множество затруднений и проч., что и ты был мнения не посылать записку мою. «Тогда, – сказал Лобанов, – прошу вас в знак вашей дружбы дать мне эту бумагу. Император прочтет ее, он в ней увидит и усердие ваше, и ваши способности, и я вам отвечаю, что сие чтение не будет для вас бесполезным. Я понимаю ваше отношение к Нессельроде, будьте же уверены, что я вас не скомпрометирую, ибо скажу, что вы дали мне это почитать; впрочем, если надобно будет, я вас даже и не назову; доверьтесь моим дружеским чувствам и моему благоразумию». Я не мог ему отказать, ибо он меня успокоил и все мои недоумения опроверг. Жаль, что ты ничего мне не пишешь, мне бы послужило это правилом; но Лобанов пробудет еще дня три, может быть, ты и напишешь. Во всяком случае очень я рад, что Волкову не отдал, и Лобанов тоже говорит: «Волков превосходный мальчик, но легкомысленный, и при всей своей доброй воле мог бы вам устроить пат». Лобанов находит мысль мою полезною, но думает,

что она не состоится, что должно вероятнее ожидать мира, что работу эту, верно бы, мне же препоручили, а для этого надобно бы быть теперь в главной квартире, а после в Петербурге, а меня обстоятельства держат в Москве. Он кончил словами: «Император в высшей степени ценит вашего брата; а поскольку между вами единение известное, то его величество со всем основанием и вас помещает в ту же категорию; однако же мое желание в том, чтобы император приобрел понятие о ваших мыслях и способностях; само собою, встанет вопрос о Москве, я буду говорить о вас, и все произойдет натуральным образом».

Умерла сегодня или вчера графиня Орлова-Денисова, урожденная Васильева [Марья Васильевна (р. 1784)], следствием родов; все жалеют об ней, много осталось детей, и муж в великом огорчении.

Александр. Москва, 24 мая 1829 года

Воронцов возложил на меня комиссию доставить ему сведения о здешних водах, мой милый и любезный друг. Я все бомбардировал Лодера. Сперва ему Гумбольдт голову вскружил, а там разные дела. Сегодня, несмотря на ужасную погоду, я решился ехать туда на место, там залучил

Лодера в комнату особую, химика Германа, и там от обоих отобрал сведения, кои могли прийти мне в голову; ибо Воронцов не объясняет, что именно хочет знать, дабы по оному руководствоваться для своих одесских вод.

Мы совершенно ничего не знаем из Варшавы, а вот лаконическая афишка, коей Шульгин извещает о последовавшей коронации:

«Сего 1829 года, в 12-й день мая, в столичном городе Царства Польского Варшаве последовало высочайшее коронование его императорского величества государя императора Николая Павловича царем Польским, о каковом торжественном и всерадостном событии московские жители чрез сие и извещаются. Мая 23-го дня 1829 года. Московский обер-полицмейстер Шульгин 2-й».

Александр. Москва, 25 мая 1829 года

Все здесь напуганы беспрестанными смертями; так случается, что все знакомые, а потому и более поражает нас. У типографщика Семена умерла молодая жена в несколько дней. Странно, что он в шесть лет был женат на двух женах, обеих лишился и сохранил от них шестерых детей; у Рамиха, доктора и школьного нашего товарища, умерла дочь девятнадцати лет, а вчера умерла несчастная графиня Свечина [Марья Павловна,

урожд. Лофазо, вдова графа Павла Сергеевича Свечина-Галлиани]; стало, в течение шестнадцати дней умерли две дочери и мать.

Ну, мой милый друг, вчера обедал я у Василия Львовича [Пушкина], славно нас накормил, и очень мы приятно время провели, велел тебе очень кланяться. Тут был приезжий Владимир Степанович Апраксин, коего жена намерена воды пить. Старый стал Василий Львович: ходит, опираясь все на чью-нибудь руку, говорит еще неслышнее, зубов мало, а все весел, любезен, а добр, разумеется, по-прежнему. Племянник его, поэт, уехал в Тифлис.

Заезжал я к Рушковскому. Он под секретом сообщил мне варшавскую газету, в коей описание коронации; газету он эту не выпустил, желая, чтобы публика узнала все это прежде от наших официальных объявлений из Петербурга. В городе все удивляются, что ничего не слышно; а другие дураки, увидев, что государь был в Свято-Янском костеле, а не в нашей церкви, станут толковать всякие пустяки.

Александр. Москва, 27 мая 1829 года

Уф, милый друг, был я у Кащея [так звал Булгаков богача Самарина]. Приезжаю – дома нет. Досадно! Такая даль, у самого дома его прорвало землю, мост снесло, чуть меня не вывалили. Другой раз приезжать тяжело, да и приезжать не на радость. Я решился его дожидаться, а между тем пошел смотреть развалины его и опустошения. Едет Кащей на жалких дрожках, клячею чахоточной запряженных, в шинелишке, и черная ермолочка на голове, ну точно Гарпагон. По следам его вошел я в комнату.

«Батюшки, как вы похудели, Александр Яковлевич!» – «Да похудеешь, как в болезни, да имеешь еще дела с людьми, кои хотят вашего разорения; но прежде всего вот вам письмо от брата, которого вы и обидели, и разогорчили вашим письмом». Встал, испугался, начал ходить по комнате. «Как это? Как это?» – «Да вы грозите представить князю Голицыну заемное ваше письмо». – «Помилуйте, это не то; меня принуждают дом отделывать, денег у меня нет…» – «Да вам князь скажет: “Ведайтесь судом, а дом отделывайте-таки”. Ужели вы думаете такую громаду отделать с тем, что мы вам должны?» – «Помилуйте, вы меня не понимаете, Александр Яковлевич. Я советовался с вашим братцем как с приятелем и нимало не грозил; вы сами знаете, что это долг старый, что я ничего не получал так давно, что терплю нужду, разорение». – «Долг этот, конечно, старый; что брат был вам должен, он вам заплатит. Какое же терпите вы разорение? Разве мы просим вас, чтобы вы претензию уничтожили? Разве мы не

платим или не приписываем 10 процентов? Одолжают, когда дают деньги без или с малыми процентами, как делают это, например, Миллерша, Попов и другие кредиторы наши». – «Да помилуйте, намедни был у меня Иван Алексеевич Яковлев; он мне говорит, что ваше заемное письмо, по 10-летней давности, выходит белая бумага». – «Иван Алексеевич не я и не брат мой; говори он, что хочет; плут и по векселю не отдаст, а заведет тяжбу, а честный человек и без виду заплатит, что должен. Теперь не в этом дело. Брат мне дал комиссию у вас быть, сделать расчет, дать вам новое заемное письмо и что-нибудь устроить для будущего платежа». Тут взял он аспидную доску, час марал; исписав одну доску всю, принялся за другую, считая рекамбии; ну, одним словом, жидовский счет. «Извольте же это сокращенно написать на бумагу». Он написал. «Ну позвольте же вам заметить, П.И., что всякая претензия, даже после 10-летнего срока, может только удвоить, а вы в 8 лет из двух капиталов 12 000 и 4500 рублей, то есть из 16 500 рублей сделали с лишком 37 тысяч рублей! Быть так, дайте вашу записку; я пошлю ее брату. Я вижу, что делать нечего: он не поверит, чтобы такой расчет мог быть сделан приятелем, коему он всегда старался угождать; увидев же вашу руку, я уверен, что он согласится со мною, то есть продать часть имения, чтобы вас только скорее совершенно удовлетворить». – «Помилуйте (опять вскочив со стула), вы хотите меня перессорить с вашим братцем». – «Нимало, пожалуйте мне вашу записку, расчет».

Уж подумал ли он, что я донести хочу на него как на ростовщика, – не знаю; только он не дал мне свое маранье и просил, чтобы я сделал свой расчет, по коему выходило около 30 тысяч; ну пошли тут споры, коим конца не было, все жаловался, что мы хоть бы немного денег, да ему давали. «Ну могут ли вам 1000 или 2000 рублей делать разницу при вашем состоянии?» – «Ах, батюшка, да поверишь ли ты Богу, что иной раз ста рублей нет у меня». – «Ну, этого мы не полагали, а то бы вам уделяли, как другим, хоть понемногу. Правда, что брат мне один раз писал вам дать 2300 рублей, но я предпочел отдать их старушке Батацовой, которая процентами нашими живет». – «Вот, мой голубчик Константин Яковлевич знает мои нужды, а когда это было?» – «Прошлого года!» – «А я в прошлом-то году бился как рыба об лед, мне бы клад были 2300 рублей!»

Нечего делать, переменил я тон, начал жалеть об его расстройстве и нуждах, и тут он сделался как барашек. Я обещался, что ты вышлешь ему проценты, лишь бы только сделал расчет. «Да нельзя ли хоть несколько тысяч капитала?» – «Это невозможно: у нас имение, в одном месте, и не родилось ничего,

у вас деревни в девяти губерниях». – «Ах, батюшка, да что пользы? Нигде не родилось ничего, а ремонт Гиполитушкин меня разорил вконец», – и проч. Я тебе дал только эссенцию конференции, продолжавшейся три часа с половиною и окончившейся гораздо успешнее, нежели я ожидал. Часто я увлекался его скряжничеством и горячо говорил, и тронут, право, был; но после я его уже ласкал и только что не плакал о его *крайних нуждах*. Это его очень утешило, ибо скупому говорить о его богатстве – это раздражать его. Положено, что мы еще съедемся; он хотел ко мне быть и еще потолковать. Я надеюсь, что все будет улажено по моему желанию. Наконец-то лед тронулся с этой свиньей.

Александр. Москва, 28 мая 1829 года

Знаешь, кто у меня теперь был? Прянишников [Федор Иванович; чиновник почтового ведомства]. Он очень мне полюбился, человек приятный и образованный. Просидел у меня часа два, я просил его обедать; так как сегодня и завтра он отозван, то согласился. Я его остаться просил еще день лишний в Москве и обедать у нас послезавтра. Лишнее говорить, как он тебя любит и ценит, любезнейший брат. Просит тебя извинить его, что не пишет к тебе, будучи на отъезде; он же сам тебе лично сообщит все сведения, здесь собранные. Желательно, чтобы более было таких чиновников во всех департаментах.

Вчера вечером был я зван к графине Бобринской. Тут были князь Долгоруков, Толстой, который беспрестанно разъезжает по заводам конским; они говорили об опере вашей и прибавили: «Вот рьяные любители, неизбежные, и они всегда вместе: Нессельроде, Завадовский, ваш брат, Манычар, Сперанский». Я не знал последнего таким усердным меломаном. Вот записка Фавстова. Он умно отвечал Филарету, у коего вчера долго сидел, и Филарет прав. И подлинно, как говорит он: открывается вакансия, 10 просителей; для одного сделаешь, а девять ропщут и жалуются; но это то же здесь.

Александр. Москва, 29 мая 1829 года

Брошюрку твою на двух языках, французском и польском, о коронации отдал я в Архив; пусть сохраняется там; может быть, через 500 лет один этот и сохранится только экземпляр для справок. Вот какое предрекаю я долголетие Архиву своему!

Александр. Москва, 1 июня 1829 года

У нас все проказы да беды в Москве. Иду я мимо старушки Улыбышевой, матери Хрущовой, нахожу ее под окошком. Она

пьет воды и очень встревожена; ночью забрались к ней три вора, дом низок, ставень нет, одно окно дурно запиралось, вентилятор изломан, вор просунул туда руку, отворил задвижку, вошел, взял вазу серебряную и другие вещи, да хотел пяльцы вытащить; девка, тут спавшая, проснулась, кинулась отнимать пяльцы и кричать; воры бежали, уронили пяльцы, шум этот разбудил старушку, которая очень перепугалась. Не так дешево отделался молодой Татищев, женатый на Полевой (также сосед наш): у этого, покуда он обедал, вытащил камердинер 800 рублей денег, бриллианты, жемчуги барыни, табакерки барина, да и дал тягу. Верно, не отыщут, хотя Татищев и хватился тотчас.

Чтобы все наши вести тебе передать, то вот и третье трагическое происшествие. Вчера Елена Григорьевна Пушкина, вдова Алексея Михайловича, покойного пострела, обедала у Рябининой; вдруг удар сваливает ее со стула, посылают за Иенихеном, который разными средствами приводит ее в память; она идет домой, но ночью последовали еще три удара один за другим, и она теперь без языка, без ног и рук; женщина еще не старая, и много дочерей; конечно, очень была она нужна. Сын ее, который был женат на Рынкевичевой дочери, тоже, по несчастью, недавно овдовел. Вот такие-то бывают беды на сем свете!

Александр. Москва, 3 июня 1829 года

Какую радость произведет в Берлине государево присутствие, и какая будет отрада для императрицы увидеть свою родину и отца! Посмотри, коли она не освободится тотчас от лихорадки. Такое свидание радостное лучше всякого лекарства.

Киселева мать беспокоилась о сыне; я рад, что мог ей сказать, что он здоров, у тебя был и отправляется на пароходе.

Сказывал Волков, что умер, кажется, в Суздале, Шаховской, замешанный в заговоре и лишившийся ума. В болезни все призывал жену, повторяя: «Получив ее прощение за все огорчения, умру спокойно»; умер как христианин, пришел в ум и в великое раскаяние. Только что испустил дух, и жена приехала. Возвратилась сюда в большом отчаянии, что не застала его в живых. Мне кажется, что для всех этих господ смерть – величайшее благо.

Вчера вечером был я у Бобринской. После ужина, для шутки, молодой Бобринский-вдовец сделал банк Дмитриевой в 100 рублей. Подошел князь Василий Васильевич Долгоруков: «Можно поставить 25 рублей?» – «Можно!» – «Отвечаете ли?» – «Отвечаю», – и пошла потеха; только Долгоруков от 25 рублей загнул на 2800 рублей, три раза убил, а в четвертый взял 1400 рублей.

Александр. Москва, 5 июня 1829 года

Тебя, верно, уведомил Воронцов о славном подвиге лейтенанта Казарского, который с 18-пушечным своим бригом дрался против 100-пушечного капитан-пашинского и другого 74-пушечного турецкого корабля в одно время и не только не сдался, но обоих разбил и прогнал. Я тотчас послал в оригинале письмо к Меншикову, и он, благодаря меня за извещение, прибавляет: «Казарский мог бы в самом деле дать генерал-аншефу Ротту полезные уроки в том, как следует биться с турками». Славное дело, коему и сами англичане, верно, позавидуют. Русским одним предоставлено делать такие чудеса.

Ну, брат, у нас в доме революция, беганье, прыганье, радованье. Костя с нами! Я не ждал его так скоро. Ночью будит меня Машенька. «Что такое?» – «Приехал Константин Александрович». – «Где он?» – «В зале!» Чуть было не побежал я к нему в рубашке. Он вырос, но мало; подурнел. Я думал, что задушит меня, целовавши. Загорел. Хотел я скрыть от Наташи его приезд, чтобы дать ей выспаться, было три часа утра; но она встала и тоже выбежала к нему. Долго мы не знали, что говорить; как много надобно расспрашивать, так не знаешь, с чего начать. Все начиналось и оканчивалось словами: «Ну, Костя», – и целованьями – да и баста. Ехали они и скоро, и хорошо. Преспасибо тебе и Серапину. Костю и Волчат [то есть сыновей Александра Александровича Волкова] дилижансы доставили до самых их жилищ. Я не знаю, что надобно будет заплатить еще; писал к Рубину, прося его прислать к нам кондуктора, коему жена хочет подарить за старания его около Кости.

Я брился, – входит со мною здороваться Лелька, которой не велел я сказать о приезде брата; только, увидев его неожиданно, она так изумилась, что стала в пень; это было вроде твоего сюрприза, помнишь, в Вене, как я с Гришею Гагариным вдруг тебя подхватил на улице, а ты и не знал, что я приехал. Надобно было дать ей воды, и она уже после начала его обнимать и плакать. Катя просто обрадовалась, ибо знала о его приезде; а Пашка, вообрази себе, ревнует Костю и давеча расплакался, что меньше им занимаются, нежели приезжим.

Александр. Москва, 8 июня 1829 года

Кажется, и рано отправился я сегодня к доброму Закревскому [тогдашнему министру внутренних дел], но не рано возвратился домой. На дачу явился в восемь с половиной часов; сказали, что почивает. Я пошел бродить по прекрасному саду: совершенная Венеция в садах; все осмотрел и рад, что после декокта своего

много походил. Бежит человек: пожалуйте к генералу. Очень мы обрадовались друг другу и нашли взаимно кое-какие перемены в себе. Заставил меня еще попить чаю с собой, и мы успели хорошенько наболтаться, а то после явились губернатор и бездна народу. Закревский все мне сам показал, даже таскал на кухню и в винный погреб; после пошли в сад опять, он на Лидином острове в честь дочки посадил при мне каштан, выкопал сам яму и проч. Кажется, Закревский не хочет пить воды (впрочем, это не решено еще), а только ванны принимать. Пробудет он здесь до 10 июля, а там поедет ко времени ярмарки в Макарьев, где наводнениями много наделано бед; после опять будет сюда. Просил меня в среду обедать со всеми своими по-семейному, никого не будет, кроме нас; он выберет день, чтобы также у нас поесть венецианского рису Метаксова стряпанья.

Ну же дом, вид, чистота, расположение, вкус, прелесть! После подъехал и Сашка, который меня продержал еще лишний час. Явясь домой, нашел я человека Софьи Александровны Волковой: пожалуйте, дескать, ко мне, сию минуту будет ко мне Курбатов [директор университетского благородного пансиона]. Я тотчас Костю в дрожки да марш к Волкову. Много я тут болтал со старым товарищем, от коего много ожидаю добра, ибо, правду говорить,

Костя весьма малому научился в хваленом лицейском пансионе: сестры гораздо больше его знают. Положено, что в понедельник повезу Костю к Курбатову для маленького экзамена. Курбатов решит, в какой он попадет класс примерно, и по тому купим нужные книги. Курбатов дает мне человека из Университета, с коим Костя будет готовиться ко вторничному серьезному экзамену.

Александр. Москва, 12 июня 1829 года

Бедного Закревского очень душат визитами, и как он ни отделывается словами – дела нет! Должен принимать тех, кои силой вламываются. Вчера Юсупов приехал, вошел в переднюю. – «Дома нет генерала». – «Ну, я его буду дожидаться», – пошел в гостиную да и сел в кресла. Что тут делать? Принужден был Закревский оставить прогулку свою в саду и воротиться в дом, где, кроме Юсупова, ожидал хозяина и тесть мой со многими другими. Вообрази, что этот дурак, князь Щербатов, тоже вломился и час пробыл. Закревский не знал, как его сбыть, тем более что, не зная, кто он таков, не знал, о чем и заговорить с ним. Экий народ! Я на месте Закревского просто запер бы ворота. Какую же пользу принесет ему отпуск этот, ежели он в Москве найдет тот же петербургский ад, беспокойства, досады, хлопоты? Чем поправить здоровье, он более расстроит оное. С семи часов

его уже тревожат. Ездить же самому положил он только к самым близким знакомым.

Александр. Москва, 13 июня 1829 года

Малиновский, верно, у вас будет, ибо намеревается гостить у Аракчеева в Грузине. Мне – бог с ним, делай он себе, что хочет, оставайся в Архиве или нет. Я ничего желать не хочу; что будет, то пусть и будет, а только желаю получить обещанное прибавление оклада при новых штатах. Командовать не имею претензии, к почестям нежаден. Как ему не быть у тебя? Верно, явится со своей приятной улыбкой.

Завидую вашему путешествию в Кронштадт с Чертковым, люблю поездки по воде, да и какая компания еще! Вы Ивана Васильевича обворожили; он у вас – как Ганнибал в Капуе. Вчера сидел я рядом с Волковым в театре, все говорили о тебе, Иване Васильевиче и Петербурге. Давали новую пьесу «Посол»; довольно неприлично видеть, что посла графа Аранду дурачит лакей, и все тем и кончится, что его превосходительство не велит поколотить лакея палкою, чтобы не наделать шуму об этом деле.

Александр. Москва, 15 июня 1829 года

Возле нас дом некоего Сергеева, который умер, вот почти четыре дня, и его все не хоронят и в церковь не выносят; не понимаю, чего смотрит полиция: у нас такая вонь, что нельзя выйти во двор. Пошлю за комиссаром жаловаться.

Сегодня был Закревский у вод, только не пил, а так, из любопытства, хотел видеть место и заведение. Я собираюсь к нему с Костей обедать. Хрутцов сказывал, что у вод только и речи было, что о победе нашей. Тесть мой списал письмо твое и, выпив только *один* стакан, уехал благовестить по городу. Экая слабость!

Победа должна быть несомненно. Княгиня Трубецкая сказывала, что с оною отправлен сын ее Дибичем к государю. Стало быть, Дибич дрался. Кого же оставил он перед Силистрией? Говорят, что наши на плечах вошли в Шумлу, пустою найденную[47].

Александр. Москва, 16 июня 1829 года

Стало быть, писанное из Житомира было справедливо, а Закревский в том сомневался. Вечером поехал я к нему, он был один в саду, я ему прочел, что ты пишешь. Скоро после явился Меншиков – также с письмом житомирским, также узнать, правда ли это. Оба порадовались поражению визиря, но оба говорили: дай Бог мира! «Надобно, – сказал Меншиков, – хватать удачу за волосы». – «Это славно, – отвечал я ему, – но, к несчастью, мы не

располагаем прямыми средствами; надобно говорить через посредников, а кто же эти посредники? Англичане, австрийцы, которые сами стоят турок». Оба они, не любя очень

Дибича, отдают ему, однако же, справедливость. Мне кажется, что, пользуясь отдалением визиря и изумлением турок, можно бы Шумлу, которая, сказывают, оставлена пуста, занять; но Меншиков думает, что визирь туда-таки ушел, особливо освободясь от всех тяжестей, с одной отборною кавалерией. Теперь известия будут очень важны. Между тем просил я и Меншикова, и Закревского меня не называть.

В списке, прибитом на Трех Горах [то есть на даче графини Закревской], 17 человек, коих всегда впускать без докладу, и в коем первый стоит Булгаков, также и Иван Васильевич Чертков, хотя его не было еще и в Москве. Теперь, верно, будет часто пользоваться отличием сим.

Александр. Москва, 17 июня 1829 года

Вчера вечером был я у Закревского. Он, мне кажется, поправляется в здравии; был он у вод наших, пить их не будет, а только отведывал некоторые. Многое он одобрил, но многое в заведении заставит переменить или улучшить, например, галерею надобно увеличить, более приставить людей за наблюдением одинаковой теплоты в водах, истребить дурной запах в нужных местах и проч. Закревский начал какое-то лечение, состоящее в том: ложиться на теплые березовые листья, обкладывать себя оными и сидеть так несколько времени; по утрам пьет он просто воду der drey Berge, сиречь Трехгорную воду, и это много ему приносит пользы; а по-моему, более всего ему полезен покой, коим наслаждается, и движение: он почти целый день в саду. Вчера мы ловили рыбу и тебя вспоминали. «Это по Константиновой части», – сказал Закревский обыкновенным своим тоном. На днях ожидает он сюда Алексея Петровича Ермолова.

Александр. Москва, 18 июня 1829 года

Письмо от Норова отдал я лично брату его, но со всем тем, по предписанию твоему, взял с него и расписку, которую прилагаю при сем. Брат был грустен и сказывал мне, что Абрам прислал к нему свое завещание; что, отправляясь в море, боится умереть и своих уже не видать, а потому и изъявляет последнюю свою волю. Что это за ипохондрия? Впрочем, почему же и не сделать завещания?

Свечины были и помоложе, да вдруг обе сестры в одну неделю умерли. Наши больные не переводятся здесь, и корь,

бывшая на маленьких, теперь пошла по большим; ею больны граф Панин и двое братьев князья Салтыковы. Тесть трусит, чтобы к нему не пришла.

Не поверишь, какая радость, какое торжество в Кремле, как все усердно молились, как славно пушки палили! Пора было покончить турок. Лето проходило, а только слышно было, что осаждают Силистрию, а и взятие Силистрии мало подвигало дело.

Александр. Москва, 19 июня 1829 года

Весь вчерашний день провел я у Закревского. Обедало человек с тридцать, как то: Чертков, Волков, комендант, Озеров, Небольсин, Волховской, Апушкин и все близкие. Пили за здоровье Лидиньки, поиграли кто во что горазд. К семи часам стали съезжаться новые лица, Софья Александровна приехала со своими мамзелями. Наташа долго не являлась, так Закревский отправил к ней верхом курьера; не ехали еще тесть, князь Николай Николаевич длинный, Обресков наш и граф Апраксин, Шишков Александр. Семенович, Киселев, Муромцев, Ренкевич и проч. Пили чай на Лидином острове, потом пошли в дом, и начался бал; две мои да две Волковы только и были, а танцы не переставали. Ездили на иллюминированных лодках, объехали все иллюминации, ужинали. Время было так хорошо, что мы из дому пошли пешком до заставы. Славно повеселились, хозяин был очень мил и весел, за всеми ухаживал. Костя отличался за фруктами и еще больше за танцами. Сегодня только и разговора у детей, что о вчерашнем веселии.

Закревский читал Черткову письмо твое к нему, которое отправил также на прочтение к Меншикову, чтобы отплатить ему за сообщение наград «Меркурий». Ежели ты не знаешь их, то изволь-ка слушать. Адлерберг извещает Грейга, что государь, отдавая должную похвалу подвигу геройскому брига «Меркурий», жалует Георгиевский флаг; всем офицерам чины; удвоенное их жалованье обращается им всем в пенсион; всем Владимира 4-й с бантом, а Прокофьеву, первому подавшему голос взорваться на воздух, – 4-го Георгия; в гербы всех офицеров внести пистолет, в память, что они оружием хотели купить славную себе смерть. Сладко слышать о таких наградах. Каково же награжден Казарский! Первое – чин капитана 2-го ранга; второе – в флигель-адъютанты к его императорскому величеству; третье – Георгиевский крест 4-го класса; четвертое – двойной оклад, обращенный в пенсион; пятое – пистолет в гербе.

Забыл я сказать, что пенсион распространен на весь экипаж, и матросам всем также Георгиевские кресты 5-го класса. Стало быть, вот как увековечена слава Казарского и собратий его. Не

так-то поступил фрегат «Рафаил», сдавшийся туркам без сопротивлений. Государь приказал, чтобы фрегат сей, когда возвратится в Россию, был *предан огню*, а с сим и память его посрамлению, а экипаж судить военным судом.

Александр. Москва, 21 июня 1829 года

Премилый старик этот Потоцкий! Я у него часа с два просидел и не видал, как время прошло. Он велел тебе кланяться премного. Этот такой же обожатель твоей особы, как и Новосильцев, коего видел я вчера во французском спектакле; он только что возвратился от вас. В театре подошел ко мне молодой человек незнакомый и стал себя рекомендовать, говоря, что ездил к тебе. Это Кривцов, что при миссии в Риме [Павел Иванович, позднее – попечитель русских художников в Италии].

Закревского не видал я вчера, теперь поеду к нему. К нему приехал в гости Алексей Петрович Ермолов, однако же живет не на Трех Горах, а в городе у Воейкова. Я его еще не видал. Льву Алексеевичу [Перовскому] скажи мое почтение. Я имею письмо от Щербинина от 10-го; говорит, что Силистрия чуть держится и, верно, уже в руках теперь Красовского.

Вчерашняя пьеса «Смерть Калас» была очень трогательна и хорошо играна, все плакали; только старик-князь Алексей Борисович Куракин, сидевший в ложе другого старичка – Юсупова, и сам Юсупов спали, всякий на своей половине. Сегодня тешу деток своих: везу их смотреть «Обриеву собаку».

Александр. Москва, 24 июня 1829 года

Вот тебе на! Вчера получаю я письмо от Родофиникина [директора Азиатского департамента], коим извещает он меня, что я по высочайшей воле назначен для содействия князю Дмитрию Владимировичу в приличном приеме и угощении едущего через Москву в Петербург персидского посла Хозрев-Мирзы, при коем мне и находиться в бытность его здесь, и проч. О сем писано к Малиновскому для объявления мне; но Родофиникин (спасибо ему), узнав, что нет Малиновского налицо, извещая меня о сем, посылает мне копию с того, что писано Малиновскому; стало быть, и нет мне нужды распечатывать пакет, который я в целости и отправлю к господину сенатору. Я тотчас поехал к князю Дмитрию Владимировичу. Он еще спал (в 10 часов!), я дождался, зато и впустили меня прежде обер-полицмейстера, и продержал он меня час, отдал мне на дом на прочтение всю экспедицию, полученную им от графа Нессельроде, и мы условились, что делать. Надобно думать о квартире, столе, экипаже, церемониале въезда, чем и как его

занять. Мы отправим кого-нибудь к генералу Ренненкампфу, сопровождающему принца, и будем просить разных пояснений. Князь просил меня сделать проект, который мы вместе прочтем. Он очень просил меня заняться этим делом. Я сделаю все, что в моих силах, да надобно поторопиться: я чаю, принц уже около Воронежа. Не жду от шаха Солнца и Льва [ордена Льва и Солнца] *тысяч во сто*, – лишь бы начальству своему угодить. Вот тебе теперь и воды, и подмосковная!

Мы сегодня праздновали Аграфену Федоровну у Закревского. Он непременно требовал, чтобы я привез Катеньку, – не смел ослушаться; танцевали пар в восемь, и очень было весело.

Ермолов едет завтра. Ты знаешь, что Закревский сделал на даче прекрасные монументы князю Волконскому, покойному графу Каменскому и Ермолову. Когда он привел этого к месту монумента, то Алексей Петрович, поцеловав его, сказал: «Арсений Андреевич, вы это себе поставили монумент, а не мне!» – «Как это? Почему?» – «Потому, – отвечал Ермолов, – что министр, который делает монумент человеку, в немилость впавшему, сооружает тем монумент себе самому, а не ему».

Дай-то Бог, чтобы Силистрия сдалась. Ермолов очень хвалит марш и действия Дибича. Я не военный, да мне и не судить лучше этих господ; но мне кажется, что ежели бы Дибич, отделив мало войска Ротту, даже бы пожертвовал им визирю, а сам бы вдруг со всеми силами кинулся на Шумлу, почти пустой оставленную, и ей бы завладел, то последствия были бы важнее, решительнее. Кажется, занятие Шумлы должно было предпочесть разбитию визиря; впрочем, нам мудрено судить. Дибича не учить, что ему делать!

Вот при сем ответы мои на официальные и партикулярные письма Родофиникина. Посылаю для твоего сведения под открытой печатью; прочитав, запечатай и доставь к нему, а когда увидишь его, попроси, чтобы не оставил меня своими наставлениями. От князя Дмитрия Владимировича нечего мне ждать; он мне сказал: «Я полагаюсь в этом целиком и полностью на вас. Вы обладаете возможностью сообщаться с Нессельроде и с Коллегией иностранных дел». Прошу и тебя, что узнаешь нужного для меня по сему предмету – мне сообщать. Есть предписание секретное задержать подолее здесь этого принца; это очень легко можно сделать, а там, устроив его в доме, мы, пожалуй, год его продержим. Поеду к Меншикову; он в тех местах бывал, может дать добрый совет, как лучше и приличнее дело сделать. Граф Нессельроде пишет о Петровском дворце; во-первых, это за городом, да и сырая тюрьма, а не дом. Графа Льва Кирилловича Разумовского очень будет хорош.

Александр. Москва, 25 июня 1829 года

Этот принц персидский мне как снег на голову; ежели долго здесь пробудет, то нельзя мне будет и в деревню съездить, а хочется. Малиновский и здесь странно поступил: мне сдал письменно и официально Архив, а между тем велел все пакеты, в Архив поступающие, отправлять к нему в подмосковную, откуда не знаю когда к вам отправится. Вчера видел я у Закревского Волконского маленького, приехавшего из Суханова, и коего, по милости его усов, не узнал; зовет 29-го к тетке князя Петра Михайловича на праздник. Может быть, и попаду туда.

Александр. Москва, 26 июня 1829 года

Князь Дмитрий Владимирович одобрил все бумаги и отправляет навстречу к принцу Хозреву Новосильцева, от коего надеемся получить сведения разные. Не знаем мы совершенно, где путешествующий принц находится. Вчера множество обедало у князя, Закревский был, граф Строганов.

Нет, Малиновский к вам еще не пустился, а в подмосковной. Сенаторы на него бесятся: они прикованы, а он себе гуляет между Сенатом и Архивом и получает звезды. Довольно странно, что он не просился у графа Нессельроде в отпуск; он, видно, почитает это слишком низким для своего сенаторства; но товарищи его рассуждают, что ежели он отпущен Сенатом, то пусть в нем и не присутствует, а в Архиве быть должен: служащие в Опекунском совете сенаторы, когда Сенатом токмо отпущены, ездят в Воспитательный дом или отпрашиваются; и тут так же. Но Бог с ним совсем!

Вчера на обеде Арсеньев рассказывал мне славный ответ, сделанный княгиней Е.П.Урусовой … жене. Эта была в Грузине и приехала этим хвастаться, говоря княгине: «Вот иные подличали Аракчееву, когда он был в силе, а теперь его заплевали, а мы теперь-то и стали навещать графа!» – «Да, – отвечала княгиня, – правда; всякого есть разбора люди, иные и прежде подличали Аракчееву, и теперь продолжают ему подличать, а другие ни прежде не подличали, ни теперь ему не подличают».

Александр. Москва, 27 июня 1829 года

Сегодня надобно мне будет рыскать почти все утро по милости принца персидского, быть в доме Разумовского, где у меня свидание Сафонову для устроения сада и многих работников, потом быть у Четвертинского для экипажей, потом у коменданта да у Юсупова, потом ворочусь к князю для окончания отправления Новосильцева по Тульскому тракту навстречу

принцу. Хорошо, что этого посылают; он нам, по крайней мере, порасскажет, ибо до сих пор мы совершенно ничего не знаем, даже – где теперь находится персидская свита. Как было не взяться Нессельроде за это ранее? Обещаемого им церемониала мы, верно, не дождемся, а потому и прочил меня князь составить церемониал, основываясь на прежних приемах с переменами, подобающими шахову внуку. По приказанию Князеву пишу Родофиникину о деньгах; ничего не ассигновано, откуда получить их?

Вчера князь в записке своей, говоря кое о чем, что нужно для отправления Новосильцева, прибавляет: «Было бы лучше, если бы вы смогли прийти провести вечер у меня, будут дамы, а после мы побеседуем». Так и сделалось. Я нашел там много людей: все Строгановы, Нарышкины, Мятлевы, твоя Апраксина, что за толстым Голицыным (с ней, с Риччи, Обресковой, графиней Шереметевой досталось мне в вист играть), Фавст, Апраксина, Ланская, Юсупов, Васильчиков, Хованский (который взял с меня слово ехать с ним 29-го в Суханово), милый Потоцкий и много других. Пели тут цыганки, коих я ненавижу; но этот хор – вещь особенная, нет визгу, крику, а они подделали все как-то на род итальянского пения хором с выходками соло. Есть тут одна малютка, у коей голос удивительный, небольшой, но нежный, приятный, точно пеночка поет, а не человек. Как все разъехались, князь взял меня и Новосильцева в кабинет, и тут потолковали мы еще с полчаса о Персии. Большая часть гостей были водопийцы, а потому все было кончено прежде одиннадцати часов.

Александр. Москва, 28 июня 1829 года

С завтрашнего дня станем уже устраивать дом Разумовского, 150 нагоним работников. Я полагаю, что не нужно царское великолепие. Все дом этот покажется принцу дворцом в сравнении с тем, что видал на дороге и даже у себя. Касательно денег будут писать завтра Родофиникину; я думаю, что не худо бы ему написать мне и сказать, что вот столько-то назначается на издержки все, а то князь Дмитрий Владимирович очень транжирит. Видел я у него Меншикова, который тебе кланяется. Счастье наше, что принц едет тихо, в иной день 40 верст, а никогда более шестидесяти и семидесяти. По моему счету, прежде 10 июля сюда не будет. По этой суете не вижу два дня Закревского; хотел обедать сегодня, но не успею. Завтра не могу ехать в Суханово: поутру у нас свидание с князем Дмитрием Владимировичем в доме Разумовского.

Александр. Москва, 29 июня 1829 года

Вчера возился я, как угорелая кошка, целый день, зато вечером приятно отдохнул у Закревского. Явясь к нему в 7 часов, нашел его одного и очень не в духе. «Что такое?» – «Пойдем, брат Александр, ходить по саду, разогнать досаду». Гуляя вдвоем, рассказывал о Медикохирургической академии, где был поутру и нашел величайшие беспорядки. Подзывал меня Закревский с собой в Суханово (ибо Хованский раздумал туда ехать, зван будучи здесь на какой-то обед), но увы, не могу: сегодня в 12 часов должен я быть в доме Разумовского, куда явится и князь Дмитрий Владимирович, и губернатор, и Поливанов, и Сафонов, и Гедеонов для общего обозрения, что сделать нужно в доме; тотчас нагоним 200 работников. Закревский сегодня ночует в Суханове, 30-го он будет у Писарева поблизости в деревне, 1 июля – в своей подмосковной под Подольском, 2-го вечером – здесь, а 3-го – у меня обедает запросто в нашей семье.

Меня очень позабавило письмо Малиновского, который меня *благодарит* за то, что я, не теряя времени, по *письму его* (его? А я прежде знал уже о том прямо от Родофиникина) тотчас вошел в сношение с князем по данному мне высочайшему препоручению. Напрасно трудился господин сенатор; благоволение его мне не нужно.

Александр. Москва, 1 июля 1829 года

В соборе было молебствие по случаю занятия Гейсмаром Рахова; день красный, стало быть, и приуготовленная на Тверском бульваре иллюминация, и гулянье удадутся. Вчера был я в Суханове, туда меня возил и оттуда привез князь Николай Николаевич Хованский. Я вспомнил наше туда путешествие неудачное, узнал даже место, с коего вернулись мы обратно в Москву. Суханово прелестно! Все сады на пригорке, внизу много воды. Князь Петр Михайлович поставил два прекрасных монумента, один – покойному императору, другой – императрице Елизавете Алексеевне; дом обширен, хорошо расположен, убран со вкусом. Накануне множество было гостей из Москвы; большая часть разъехалась, однако же мы нашли там еще Закревского, Волховского, княгиню Черкасскую и много других, так что за столом было нас человек 25.

Княгиня очень велела тебе кланяться и звать в Суханове. Я вспомнил, что ты и ближе был, туда ехал, но не доехал. Есть там три комнаты, расписанные Барбьером очень хорошо: одна Египетская, другая Турецкая, а третья Рыцарская, в коей на потолке нарисованы все ордена, ленты и знаки, звезды, коих князь Петр Михайлович кавалер. Мне Суханово очень полюбилось: место такое, что можно тут убухать, не увидишь как,

полмиллиона. Я люблю, что на покате перед домом зеленый луг. Я мучил княгиню, чтобы велела срубить деревьев с дюжину, кои маскируют вид; тогда бы видна была с дому вода внизу, но она не смела решиться: жаль деревьев! Да помилуйте, это не кедры, не тополи, даже не дубы.

Дом Разумовского кипит; штукатуры, столяры, драпировщики, живописцы, садовники, плотники – все это работает там. Я часа по два в день там бываю; время коротко, надобно спешить. Есть здесь у менялы славный, большой портрет шаха; мне хочется взять оный напрокат и сделать приятность принцу, повесить у него в спальной дедушкин портрет.

Александр. Москва, 2 июля 1829 года

Насилу попал я в Архив. Вот пять дней, что вожусь все в доме персидском, где, однако же, все идет скоро и хорошо. Меня, как мячиком, кидает то к Голицыну, то к Долгорукову, то к Четвертинскому, то к Юсупову. Беда! Не поверишь, сколько хлопот. Князевы чиновники, кремлевские и Комиссии строения не поддаются ни на что; им все кажется, что они будут работать, а нас наградят. Народ жадный, завистливый. На беду, князь Дмитрий Владимирович ездил в деревню, а Юсупов – в Архангельское. Экипажей нет придворных. Долгоруков говорит, что и в Варшаву должно было посылать на время коронации из Петербурга все это.

Александр. Москва, 5 июля 1829 года

Ты видишь, каково мне жить и сколько хлопот; надобно еще, чтобы я же писал князю все бумаги. Он одобрил сочиненный мною церемониал, однако же посылает прежде к Нессельроде на утверждение, чтобы не сделать ни слишком много, ни слишком мало. Умно делает. А между тем мы еще напишем Родофиникину, чтобы ехали тише, и ежели уж очень приспичит, то заставим его жить в Коломенском дворце до получения ответа от вице-канцлера и устроения здесь всего как надобно. Мы получили очень обстоятельные и полезные для нас сведения о принце.

Александр. Москва, 6 июля 1829 года

Вот тебе на! Кто бы думал, что Ольга Строганова такая плутовка? Князя Дмитрия Владимировича это удивило, и он тотчас сказал: «Бьюсь об заклад, что это Ферзен[48] виноват. Дело можно было бы устроить, не доводя до таких средств, каковы неизвестны в нашем семействе; ладно уж мы все, но вот матушку это очень огорчит, да ведь дело сделано».

Александр. Москва, 8 июля 1829 года

Новосильцев возвратился вчера, и через него много мы узнали, что знать было нужно; а писать было бы неловко, да и невозможно. Принц очень ему понравился, его обласкал; он миловиден, жив чрезвычайно, имеет большую образованность и остроту, хотя и не говорит никаким языком, кроме персидского. Спросил тотчас, где государь, скоро ли будет в Петербурге, очень нетерпелив быть в Москве, а мы этому-то и не рады; а нечего делать, придется взять на себя учреждение приема его здесь. Сам удивляюсь, как все это так скоро мы устроили, а осталось еще много делать. И у нас завелся Персидский комитет, собираться будем всякий день у князя Дмитрия Владимировича; тут Юсупов, комендант, обер-полицмейстер, губернатор, Новосильцев и я. Толкуем, устраиваем, как бы его позабавить в течение целого месяца.

У нас давеча была пальба, молебствие в соборе за взятие Силистрии. Знай наших и нашего Красовского! Бездна была народу, и все было совершенно по-праздничному.

Много здесь говорят о вашем происшествии, а нельзя не прикрасить; уверяют, что графиня Строганова, жалея о любовниках и зная упрямство матери, отказавшей Ферзену, поддалась будто на увезение дочери своей. Экая ахинея! Что ей было делать, как не простить? Дело конченное, почему же Строгановой не быть за Ферзеном? Тут нет неравенства большого, а больно, что благовоспитанная девочка столь мало показала доверенности и почтения к такой матери, какова графиня Софья Владимировна. Здесь много бродируют историю: увезде ее и не Ферзен, а его приятель Бреверн, а Ферзен ждал их где-то за Царским Селом, где все было готово, поп подкуплен за 5000 рублей, ему показали будто позволение от начальства, а ей – от родных письменное, на свадебном ужине было 20 офицеров, и она одна дама, и проч. А все дело непохвальное. Моя Ольга умно рассудила. Княгиня Наталья Николаевна Голицына рассказывала при ней, что ее тетка Ольга Строганова часто говорила: «Или Ферзен, или монастырь». – «Но тогда, – сказала наша Ольга, – почему она не выбрала монастырь раньше?»

Я сегодня был на кладбище в Покровском монастыре, пели панихиду по батюшке. Строитель отец Иона стар и хил становится, уже не служит. Монумент цел, и в порядке все. Поплакал и как будто утешился, вспомня, что всеми силами старался отца утешить и на женитьбу свою, не по-строгановски, имел его и благословение, и согласие. Обедали мы в Останкине у Чумаги в том самом доме, что ты занимал.

Был я у княгини Катерины Алексеевны Долгоруковой. Смерть

мужа приняла она, как должно, с прискорбием, но без всяких женских фиглярств; признавалась, что не может не жалеть о нем, но что, не живши вместе 17 лет, натурально отвыкла от него, и что более ее поразила смерть сестры (Орловой-Денисовой), нежели мужнина; благодарит тебя за участие и просит не оставить сына ее, и проч. Я прочел ей все, что ты пишешь о покойном князе. Она мне сказала, что здесь его выдадут за богача, который оставил полтора миллиона капитала, нажитого на спекуляциях с рентами. Дело несбыточное.

Ну, брат, задали же мне комиссию! Сегодня Казанская, праздник в Семердине, а нас нет там, и бог знает, буду ли в деревне этот год; хоть бы отправить своих туда, а то разорение жить в городе.

Александр. Москва, 12 июля 1829 года

Я своих видел только во время обеда, а то целый день не было меня дома. Теперь, отделавшись на Тверской, ехал домой отдыхать, вдруг записка от обер-полицмейстера, что приехал в Москву принц Муханид-Мустафа; а так как я имею к приставу его пакет от Родофиникина, то нечего делать, поехал к нему исполнять комиссию Константина Константиновича. Как ты делаешь, – не понимаю, ибо моя теперешняя жизнь есть твоя всегдашняя; бывало, любил я спать до десяти часов, а теперь меня что-то так и пихает вон из постели в шесть часов. Ох, рад буду, когда все кончится; жена уверяет, что я похудел, как бы после болезни; да, беспокойство стоит болезни! Я исправно о всем уведомляю Родофиникина для передачи вице-канцлеру. Когда тебе буду писать завтра – право не знаю. У князя Дмитрия Владимировича репетиция нашего кортежа поутру, да и подлинно все порядочно и хорошо. Теперь может себе приезжать принц. Можешь уверить Константина Константиновича, что, право, мы не сыпем деньгами, а бережем, напротив, их; но что ныне 10 тысяч рублей? Дом один, то есть наем, стоит 2000 рублей в месяц, все экипажи – около 7000 рублей, вот уже 9000 рублей. Так как десятью тысячами увернуться? Это можно только в шутку сказать. Дай бог отделаться тридцатью тысячами; увидят в Петербурге, что им станет это посольство, а у вас еще готов Таврический дворец, а здесь все надобно было убирать. Счеты покажут, что цены были всему умеренные. Я тебе признаюсь, что очень для меня эта комиссия неприятна; нашлись бы без меня охотники и сделали бы хуже, а награждение все-таки бы схватили. Вот Сафонов толстый недоволен, что из ничего в 8 лет выведен в действительные статские советники князем Дмитрием Владимировичем, а за что? За то, что устроил бульвары. Посмотри, как теперь не станет требовать ленты, и дадут: ведь он жертвует всеми своими цветами и фруктами для принца и славно все это разместил в роде оранжереи, которая возле комнаты, для принцева кабинета назначенной.

Князь просил 50 тысяч, но я внушаю ассигновать 30 тысяч и сказать, чтобы сумму сию не превышали. Праздников царских не будет, да и на что? Такого молодого азиатца всем можно занять и позабавить.

N. нельзя без подлости. Ну зачем ему, старику, тасканье в Коломенское на встречу? Ведь он пятое, я чаю, лицо в Империи.

Александр. Москва, 13 июля 1829 года

Спасибо, право, этому милому Родофиникину, который прискакал к нам сам курьером из Подольска; меня ночью

разбудили, и я ночью поехал в трактир Шора, где длинную имел с ним конференцию, а потом были мы вместе очень долго у князя Дмитрия Владимировича. Он все наши меры здесь одобрил, видел дом (распределил, кому где жить), купил конфет у Гуа и зеркальце у Котельникова для принца, да для себя сигар, табаку, трубку дорожную; и пустился в путь обратный. Мы очень с ним сдружились; он, кажется, прекрасный малый.

Александр 14 июля 1829 года

Что, верно, не угадаешь, откуда тебе пишу теперь? Так лучше же тебе сказать: из Коломенского, где я в первый раз в жизнь мою. Что за прелестное местоположение! Деды наши умели лучше нас выбирать, где быть увеселительным домам. В виду, под горою, – Москва-река, которая нигде так широка, как здесь, престрашная равнина зеленая; вдали – деревни, церкви, вправо – сад с большими кедрами, а налево – огромная Москва. Прекрасно! Я приехал сюда в 5 часов утра и завалился спать. В 7 часов будит меня Яшка. Я, испугавшись, встаю; думаю, что принц приехал, – принц, да не принц, а принц Юсупов; побранил Яшку за лишнее усердие, а с другой стороны – хорошо, что разбудил, ибо вскоре после того прибыл фельдъегерь от Ренненкампфа, который меня известил, что все устроено с принцем по условию нашему. Я написал об этом тотчас князю Дмитрию Владимировичу и пошел к Юсупову, с коим болтать должен, а лучше было бы к тебе пописать: уж нельзя будет и подумать брать перо в руки.

Около двенадцати часов явился и принц, которого принял я у выхода из коляски и сказал ему краткое, при сем прилагаемое, приветствие. Он очень терпеливо выслушал и речь, и перевод Шаумбурга. Я вручил принцу перевод оной на персидском языке, он взял и благодарил меня; поговорив минут с пять, вошел на лестницу, идучи по ней, спрашивал о государе и графе Нессельроде и изъявил большую благодарность за все отличия, ему оказываемые в России; с Юсуповым был очень мил, выговаривал ему, что он беспокоился приехать в Коломенское. Потом подали обед, к коему пригласил князя, Ренненкампфа и меня. Я сидел у него по правую, и мы ели взапуски пилав; только, брат, не руками: он очень опрятно ест, да и все делает по-европейски; вообще видно по словам его, что ему очень хочется быть образованным. Стали подавать мороженое; я отказался, он мне дал свое, я стал есть; поблагодарив потом, велел ему доложить, что прошу позволения ехать наперед, чтобы приготовить все у заставы; он отвечал: «Я жалею, что это лишит меня вашего общества, но извольте ехать». Это хоть бы французу сказать.

Ты прочтешь все подробности в донесениях моих к графу и Константину Константиновичу; посылаю их к тебе открытые, отошли, запечатав. Ну, слава Богу, все славно устроено, мы довольны принцем, а он нами, а все-таки буду истинно рад, когда он уедет. Хотел было продолжать, но мочи нет, был у него до девяти часов вечера, после сел писать к графу и к Константину Константиновичу. Князь Дмитрий Владимирович своего письма не прислал; ежели завтра рано не получу, то отправлю обратно эстафету без его пакета, чтобы граф на меня не рассердился; надобно бы сделать статейку для «Петербургского журнала» французского, но некогда.

Александр. Москва, 16 июля 1829 года

Письменную часть князь Дмитрий Владимирович всю на меня навалил. От многих избавил я его хлопот; как поспевал везде, сам не знаю; Бог помог. Я поднес принчику шахматы, коими он очень был доволен. Он очень мил, и я тебе ручаюсь, ежели будет когда-нибудь царствовать, то будет персидским Петром Великим. У него удивительное стремление к просвещению и охота все знать.

Вообрази, вчера не поехал в театр, а остался дома учиться по-французски. «Скажите князю Голицыну, который мне все советует учиться по-французски, что вы нашли меня с учителем и грамматикой французскою в руках», – вот его слова, как взошел я к нему, чтобы сказать, что пора одеваться. «Куда мы поедем завтра?» – «В Университет, ваше высочество». Не поверишь, как он этому обрадовался. Я имел с ним длинный разговор через Шаумбурга, который опишу в другой раз графу Нессельроде. У него на душе эти манускрипты, взятые в Эрдебиле, и принц мне сказал: «Ежели ваш государь изволит мне испросить милость у него, то я буду его величество неотступно просить возвратить нам эту библиотеку». Прочти мое донесение графу; ежели он меня двумя словами одобрит, то буду продолжать писать; я делаю это от усердия, не имея приказания; мог избавить себя от труда этого: пишут Голицын и Ренненкампф, так мне можно бы и не трудиться.

Александр. Москва, 17 июля 1829 года

Скажу своему Хозревушке о прибытии государевом, он все спрашивает. И так довольно письма, а еще из Собрания принесли 20 билетов на бал субботний для подписания. Заставлю-ка Костю подписывать под свою руку. Кажется, можно простить обман в этом случае. Я, слава Богу, здоров, хотя почти не сплю. Я принцу сказал: «Имшен-хун-хобедит (как вы почивали)?» Он так удивился моей учености, но как сказал мне в ответ, что благодарит меня, я

и встал в тупик. Я положил всякий день выучивать одну фразу персидскую.

Александр. Москва, 18 июля 1829 года

Утром принц при мне учился по-французски, читал очень изрядно и просил меня его поправлять, когда не так произносил. Вздыхает по грамматике хорошей. Здесь не мог я найти; сделай милость, вели в Петербурге поискать грамматику французскую с персидским переводом; ежели не найдешь, то напиши тотчас в Париж, чтобы скорее прислали, а также словарь французский с персидским переводом. Ежели не застанет это все принца здесь, то хотя ты ему поднесешь в Петербурге и сделаешь ему этим бесценный подарок.

Александр. Москва, 19 июля 1829 года

Письмо твое от 15 июля № 172 принесли мне к принцу в то время, как поправлял я его французское чтение. Я возвестил ему прибытие императрицыно в Петербург, чему очень он радовался как знаку и его скорого отъезда в Петербург. Он очень меня благодарил за труды мои. Я сказал, что это мой долг, но принц отвечал: «Нимало! Я уверен, что государь не приказывал вам быть моим французским учителем». Он отпустил меня и пожал мне руку, сказав очень хорошо по-французски: «Увидимся этим вечером!» Давеча принимал он князя Алексея Григорьевича Щербатова, депутацию нас трех старших, звавших его завтра на бал в Собрание. Ужо едем на пруды и смотрим пожарную команду. Князь Дмитрий Владимирович посылал меня к Лазареву, но ни души нет, а хотят показать принцу армянское училище завтра, но нельзя: принц не очень здоров и завтра примет слабительное, то до вечера уже не выйдет.

Я не понимаю, как придворные могут всю жизнь так хлопотать, как я теперь. Не взял бы миллиона. Принц вчера в театре видел детей в ложе и сказал князю Дмитрию Владимировичу (откровенно это, но и справедливо): «Я вижу двух красивых девушек, дочерей вашего генерала», – просил видеть их поближе. Я ему их представил при выходе из ложи, он Катю обласкал. Актеру, коего был бенефис, дал он 50 рублей. Я было сказал, что двадцати с лишком достаточно, но, узнав, что у него большая семья, принц дал ему 50; тот был без ума от радости.

Александр. Москва, 20 июля 1829 года

Досталось нам всем вчера. Принц смотрел верхом вчера пожарную команду на Девичьем поле, все мы были также верхами; пошел дождь небольшой, но потом очень усилился,

однако же принц не обращал на это нимало внимания, остался на коне до конца. Я, по близости, прискакал к тестю и тут переменился, ибо и рубашка была мокра; мундир, шляпу с плюмажем хоть брось. Дам была бездна; я чаю, тысяч на 10 перепортило одних шляпок. Сегодня рано ездил я узнать о здоровье его высочества. Мирза-Массуд сказывал мне, что принц смеялся приключению вчерашнему, долго болтал, не раздеваясь, пил чай; что (видно, от движения) горло, которое болело, прошло и что он, вероятно, не примет, как думали, лекарства сегодня. Когда я был, он еще почивал. Теперь опять съезжу, чтобы видеть его лично.

Давеча сидел я долго у главнокомандующего персидскими регулярными войсками эмира Низама; он очень принцем и всеми уважаем. Добрый старик и держится русского союза; мирза Масуд также хороший человек; мы пили кофий и курили. Мирза Сале, который большой плут, просил очень меня кланяться Родофиникину от него. Доктор Мирза-Баба предан совершенно англичанам и все отмалчивается; прочие все большая дрянь. Капитан Семино может быть изъят яко человек образованный и также России преданный.

Александр. Москва, 21 июля 1829 года

Вчера я опять давал принцу урок французский; ему очень это нравится, ибо я ему не повторяю, как его учитель, который все говорит: хорошо-хорошо! Я прочел ему на одобрение распределение недели будущей (в коей не забыли, как увидишь, и Архив); он на все согласился, просил, чтобы я перевел ему это тут же при нем по-французски; он читал довольно хорошо мою руку и продержал меня у себя до четырех часов. К вечеру был он в Собрании и открыл бал сам польским с княгиней Татьяной Васильевной. Наши дамы все бросились на хоры, однако же и внизу было 1500 человек; кабы приехали все вниз, еще было бы душнее, а то были наказаны, ибо вверху такой был жар, что двух дам вывели оттуда без чувства. Принц любовался зале, но давал преимущество экзерциргаузу. Не могли мы (хотя и 12 старшин) отбивать толпу, которая все лезла на принца.

Вчера принц вдруг потребовал карету (довольно было рано, я еще не был у него) и поехал сам собою к матери несчастного Грибоедова, у коей посидел с полчаса и оставил ее очень утешенной визитом и всем, что ей говорил. Этот поступок очень мудр и делает ему честь. В понедельник сказал мне, что поедет с визитами к Юсупову, Потоцкому, графу Строганову, князю Сергею Михайловичу Голицыну и к Ртищеву [Николаю Федоровичу, бывшему главнокомандующему на Кавказе].

Князь Дмитрий Владимирович – прекрасный человек, я не могу им нахвалиться; но, сказано между нами, надобно ему все намекать, и вся эта негоциация встречи и церемониала лежала на мне, хотя в донесении моем к графу Нессельроде, которое я тебе сообщил, и отношу я все князю самому.

Александр. Москва, 22 июля 1829 года

Получил Ренненкампф повеление отправить тотчас в Петербург персидское посольство. Итак, валится с меня обуза эта. Все находят, что я ужасно похудел, авось-либо теперь поправлюсь. Принцу не очень хочется ехать; но князь Дмитрий Владимирович ему растолковал, что надобно торопиться, что он этим докажет свое нетерпение видеть скорее государя и желание исполнить скорее волю его императорского величества. Он все поджидал было известий, денег, вещей от отца и деда своего, и кажется, ему больно, что не может здесь отдарить всех, как бы желал.

Вчера у Юсупова был праздник вроде того, что давал он прусскому королю; в театре переменились только декорации, обед был скучный, длинный и нехороший. Звал он одних матадоров первых классов, всех было гостей с 40 человек, дамы ни одной.

Ура! Ура! Ура! Поздравляю тебя с взятием Эрзерума. Я приезжаю к своему принчику, в эту самую минуту нахожу у Ренненкампфа гвардии капитана Фелькерзама, прибывшего сюда курьером. Он едет в Петербург к государю с известием о занятии графом Паскевичем 26 июня Эрзерума по капитуляции. Славная весть! Фелькерзам был недолго у Ренненкампфа и спешит далее. Желаю быть первым, возвещающим тебе эту великую новость. От Воронцова также имею приятные известия: султан хочет мира, переменил тон; но, верно, Воронцов пишет и тебе это.

Александр. Москва, 23 июля 1829 года

Ай да Паскевич! Знаешь ли, что сказал мой принчик, как услышал об этом? «Паскевич так часто возвещает победы, что ему надобно иметь целую роту курьеров около себя, чтобы их отправлять к государю!» Это очень и остро, и справедливо. Принц наш едет. Так как Небольсин сделал большие приготовления для завтрашнего бала, то князь Дмитрий Владимирович удерживает принца до пятницы, а то было положили ехать завтра. Вот и конец моих хлопот! Вчера были мы на травле, но не удалась: медведи слепые, хромые, измученные, олени, волки, кабан, бык – все, что было возвещено, – не хотели как-то драться между собою, а только бегали около амфитеатра, избегая друг друга. Тут сели мы на коней и поехали к Перовой роще. На возвышении была

палатка, где лакомились, а после пили чай, гоняли зайцев. У меня, право, душа была не на месте. Принц, увлекаемый охотою, скакал по лугу, наполненному кустарником и пригорками, во весь дух, опустив совершенно повода и стреляя с лошади в бегущего зайца. Долго ли тут до беды? Верно, было тут (хотя и за городом) тысяч 20 зрителей. Все любовались на него, но все также боялись. Спасибо Четвертинскому [князь Борис Антонович Святополк-Четвертинский заведовал московским дворцовым конюшенным двором], что лошадь славную дал и горячую, и вместе с тем смирную. Принц и в зайцев, и в птиц после стрелял пулями. День был бесподобный, и картина эта полуевропейская-полуазиатская хоть куда!

Александр. Москва, 24 июля 1829 года

Известия из обеих армий хороши: в одной мы на Балканах верхом, а в другой заняли Эрзерум. Управляйся, Махмуд! Со всеми сими хлопотами и умнее тебя потеряли бы голову. Мой Хозрев Аббасович (как ты его первый назвал) сегодня на прощальном балу у Небольсина, а рано поутру отправляется к вам. Праздник этот будет стоить губернатору 7000 рублей. Я думаю, что поеду принца провожать до первой станции. Вчера ехал он мимо нашего дома, перекланивался с детьми, а вечером мне сказал: «Я не знал, что вы тут живете, а то бы заехал к вашей семье и попросил бы чашку чаю; я думал, что вы в гостях были у кого-нибудь, и спросить было не у кого». Честь предложена, а от убытку мы избавлены. Во французском театре спросил он меня: «Где ваши дети?» Но я сказал, что дома, старшая дочь будучи (дуто) нездорова. Московские дамы отличаются: захотелось ему покурить в антрактах, отвели его в маленькую особую комнату; вообрази, что туда силою ворвались дамы, да еще и мамзели, между прочими и дочери князя Александра … Ужасные халды!

Я сию минуту из Черной Грязи, где опередил принца; но увы! его высочество так крепко започивал, что крики ямщиков его не разбудили. Я подходил два раза к коляске, трогал его за колено, но он спал как убитый, и понятно, ибо почти с бала Небольсина пустился в путь. Вечером он ласково со мною прощался и, даря мне шаль белую прекрасную, тысячи в три или четыре, сказал мне, что жена и дети могут носить ее в память благодарности его за все мои старания около него. Принц подарил также две шали князю Дмитрию Владимировичу и князю Юсупову одну. В доме всех прислужников задарил, кому один, кому два, кому по три червонца, также и солдатам.

Александр. Москва, 25 июля 1829 года

На балу было принцу, кажется, весело; он танцевал с Ал. Ал. Небольсиною и графиней Строгановою (графа Александра женою).

Два живописца вчера писали с принца портрет, один – знакомый тебе глухонемой Натров, и потрафили, хотя его высочество и не смирно сидел. Ему велели смотреть все на одну точку, так он меня поставил против себя, да надоело ему, так взял бумажку и карандаш и начал делать мой портрет. Я сказал, что ежели будет схож, то выпрошу, чтобы тебе или жене подарить; но принц показал свою работу только князю Дмитрию Владимировичу, сидевшему возле него, и после изорвал. Князь мне сказал, что не мастер же принц рисовать. Я нахожу, что принц – живая княгиня Софья Григорьевна Волконская, только с черными азиатскими глазами и густыми бровями. Ежели будут литографировать, как князю Дмитрию Владимировичу хочется, то пришлю тебе.

Александр. Москва, 26 июля 1829 года

Хозрев Аббасович уехал и оставил в городе ужасную пустоту, а мне – пребольшой простор. Я его выпроводил в Черную Грязь, и там кончились мои похождения с Персией. Не дали мне писать: князь Дмитрий Владимирович прислал за мною говорить кое о чем. Я нашел его в толпе просителей, эта процессия продолжалась часа полтора, прежде нежели мог я к нему перебраться в кабинет. Ну, слава Богу, граф доволен, а у князя Дмитрия Владимировича видел я всё лица недовольные. Сафонов требует награждения за свои труды, говоря, что Гедеонову Юсупов за менее, нежели это, выпросил большую Анну; жалуется, что принц ничего ему не подарил, тогда как он устроил оранжерею, и проч. О народ!

Спасибо за арабскую грамматику, то есть лексикон, но это, кажется, не то, а достань, пожалуй, из Парижа французско-персидскую грамматику и французско-персидский словарь, и то и другое для употребления персиянами, желающими изучить французский язык.

Александр. Москва, 29 июля 1829 года

И не верится: неужели могу спать, сколько хочу! Сегодня проспал я до одиннадцати часов, встал бодр и, чтобы еще быть бодрее, принимаюсь к тебе писать. Моя корреспонденция не так идет, как бы должно, но все придет в прежний порядок. Письмо графа Нессельроде очень меня утешило и успокоило; стало, труды мои не потеряны. Но так как многие твои письма еще без ответа до сих пор, то надобно это очистить прежде всего.

Вот каково военное ремесло! Ну быть ли бы без того Паскевичевой статс-дамою? Конечно, она многих обошла; например, и княгиню Софью Григорьевну. Записка графа Нессельроде к тебе была мне очень по душе, после грянуло тотчас и письмо его. Ужо отправляю к жене; пусть и она порадуется с детьми, что хоть не побранили. Я имел случай дать загвоздку Гедеонову, который, не знаю, в насмешку ли или от зависти и досады, сказал мне: «Вот вам от принца будет орден большой Солнца, а из Петербурга – Анна», – на что я ему сказал: «Когда послужу столько, сколько вы, а теперь еще рано!» А Гедеонов в 9 лет вышел из майоров в действительные статские советники, получил ключ и ленту, кроме перстней и проч. Как-то у вас примут принчика, а я все думаю, что он будет вспоминать Москву: здесь он царствовал, все относилось к нему, а в Петербурге будет он пятое или десятое лицо.

Я не Кутузову [одному из чиновников при Закревском], а самому Закревскому писал о падении его жены и именно, как ты говоришь, скрывая точную правду; сегодня же обрадую его известием, что она уже прокатывается. Ты, видно, не потерял свою страсть к ловлям рыбным. Смотри, не вытащи какого-нибудь кита! У меня слюнки текут от твоих рассказов о гулянье, то-то бы потешился с вами! Ты говоришь: продолжай писать, что будет интересного (то есть Нессельроде); только *не все*, – прибавляешь ты; я не понимаю, что это должно значить. После 17-го я не писал графу, нечего было, а послал я ему журнал принцевых занятий и поездок. В деревне составлю полное описание и тебе. В расписании моем и здесь было назначено смотреть шар, на коем должна была лететь некая госпожа Ильинская, но было отложено, и принц уехал, а конечно, потешило бы это его. Здесь давно говорят об отставке Долгорукова Алексея Алексеевича [министра юстиции]. Я читал устройство новое; мудрено, чтобы были охотники на его место. Министр юстиции – око государево, а ежели на око надобно очки, потому что оно худо видит, так лучше новое око взять; впрочем, я сужу не как близорукий, а аки слепой. Дай Бог, чтобы было правдой, что твоему князю и Кутузову [Павлу Васильевичу, петербургскому генерал-губернатору] по 100 тысяч; оба хорошо употребят деньги, а у этого еще и семья большая. Принца моего князь Дмитрий Владимирович хотел удержать еще одну неделю, но Ренненкампф настоял выехать скорее.

Не помню, писал ли я тебе, что Бобринский-вдовец сватался за Соковнину Софью. Это сделалось вдруг и накануне выезда их в деревню, а потому Сергей Федорович вдруг не решился, а сказал, что желает, чтобы молодые люди долее ознакомились; так и

уехали. Бобринский и мать его бывают у тестя, ласкают всю семью. Иные говорят, что он видел Софью один раз и поражен был сходством ее с покойной его женою, другие – что прельстился на богатство ее; это, кажется, вздор: он сам имеет 13 тысяч душ, то есть 70-80 тысяч дохода не могут его соблазнить. Он странен, то есть, между нами, просто глуп; вдруг надумал, – как бы вдруг и не раздумал, ежели Соковнин станет мешкать.

Вчера была обвенчана дочь графа Петра Александровича Толстого с Бахметевым, коему давал я письма в чужие края, а ты его знаешь, я чаю: малый обстоятельный и очень порядочный. Свадьба была в подмосковной у графа. Вчера уехал граф Строганов, с коим я очень сблизился здесь, а равно и с графинею, да князь Николай Николаевич Хованский пустился восвояси через Калугу и Смоленск.

Александр. Москва, 30 июля 1829 года

Юсупов дуется, что не ему, а князю Дмитрию Владимировичу препоручено было угощение принца; сомневаюсь, чтобы он лучше все устроил нашего, а главное, что не имеет повода представить к чему-нибудь Гедеонова и других своих угодников.

Александр. Москва, 6 августа 1829 года

Занимает всех отставка министра Долгорукова, ибо отпуск этот почитаю я прикрытой отставкою. Дашков большое берет на себя бремя и шаг страшный! Князь Алексей Алексеевич имел товарища, а теперь выходит, что Дашков заключает в себе оба лица, министра и товарища.

Славны дела забалканские, одна фраза меня только поразила: сказано где-то о возможности иметь хорошие зимние квартиры. Разве Дибич не думает кончить войну теперь? Но не наше дело разбирать это: кто умел шагнуть через Дунай, а там через Балканы, тот будет умен, смотря по надобности, остановиться в Адрианополе или идти на Царьград. Говорили же: зачем Наполеон пошел на Москву и не остановился в Смоленске? Наше дело вот ехать в собор да молиться за армию; дай Бог ей все совершить благополучно! Экое событие, ежели будем в Царьграде! Я желаю это для славы царствования Николая I. В любопытном живем мы времени. Возьми все, что было со времени революции.

Я было забыл важное обстоятельство касательно библиотеки, взятой у персиян; вчера написал я к графу. Принцу очень хочется иметь ее обратно, он говорил мне об этом с жаром, быть может, что и не посмеет сказать государю, но все-таки хорошо предупредить его императорское величество, приготовить, какой

ему угодно, ответ. Мне казалось, что принц был даже сердит на Сухтелена за взятие этого сокровища без особенного приказа. За грамматику тебя очень благодарю заблаговременно и, верно, ею очень угожу принцу. Ученье его страсть. Он имеет какую-то важность, по которой никогда не изъявляет удивления своего, но Петербург, двор и все это его, верно, внутренно поразят. Понимаю, что ты предпочел Ламсдорфа Лавалеву балу, и я так же бы поступил.

Александр. Москва, 8 августа 1829 года

Ежели я не пророк, то по крайней мере угадчик. В одном из моих предыдущих писем я, говоря о действиях Дибича, называю его Забалканским, а теперь ты извещаешь меня, что государь пожаловал ему сие лестное громкое название; оно еще лестнее Задунайского. Кто Дунай не переходил? А перейти Балканы не партизански, но чтобы держаться с целою армией, – это подвиг славный. Все любуются здесь медалью, выбитой для Забалканского в Берлине, особенно по ужасному сходству государева изображения. Куда любопытны будут теперь известия! Только одесское письмо меня огорчило: Щербинин пишет мне, что в самом городе умерло двое от чумы и что Воронцов взял самые строгие меры; иначе и нельзя.

Здесь случилось трагическое происшествие. Какой-то Иевлев, офицер, кажется, играл с купцами и игроками и их обыграл. Как стали расходиться (а дело было на постоялом дворе), то двое оставшихся купцов, дабы отнять деньги, убили Иевлева, положили его на постель, заперли комнату внутри и выскочили в открытое окошко, хотя и довольно было высоко. Чтобы дать подумать, что Иевлев сгорел во сне, они положили ему книгу в руки, свечку уронили, так она зажгла постель; оставя все в пламени, ушли. Поутру слышен смрад, соседи жалуются, хотят отворить комнату, – заперта снутри. Нечего делать, как дверь ломать; видят пожар, несчастный тлел в огне, но раны доказывали, что он был убит. Злодейство столь глупо было обдумано, что Яковлев, сыщик, тотчас по горячим следам пустился рыскать и нашел убийцу в Марьиной роще, пьющего чай; вся эта компания была взята под караул.

Проезжая мимо дома Бекетова на Тверской, который ломают и строят вновь, вижу много зрителей – что такое? Копая фундамент, множество выкапывают гробов с телами, а также и одни скелеты, черепа и проч. без гробов, вероятно, уже сгнивших от времени; но удивительно то, что одно тело нашлось, как будто вчера только похороненное, – волосы, борода, целы даже части одежды. Это тотчас прибрали, а то с нашим народом беда; один

бы сказал: это, знать, святой! Так и не уняли бы толпу. Надобно думать, что тут было некогда кладбище.

Я был теперь у князя Дмитрия Владимировича; он показывал мне письмо, которое получил от принца Хозрева из Новограда, – самое милое, называет князя своим другом. Как-то у вас все это обойдется?

Паскевич взял еще две крепости по дороге к Трапезунду; говорят, это уже в прибавлении к «Тифлисским ведомостям». Меж ним и графом Забалканским соперничество.

Александр. Москва, 10 августа 1829 года

Родофиникин пишет мне о встрече, сделанной принцу. Ну, вы чуть не перещеголяли и нас. Также извещает меня Константин Константинович, что его высочество пробудет месяц у вас и что дом Разумовского здесь надобно оставить в неизменном виде. Что-то в целости ли дошли портреты персидские, кои я тебе послал? Здесь их ужасно раскупают. Я советовал глухонемому послать к вам экземпляров сто, верно, все разберут; но он чурается, а это надобно делать по горячим следам.

Александр. Москва, 12 августа 1829 года

Надобно ехать на Колымажный двор. Ямщики меня было поддели на 1300 рублей, ссылаясь на Четвертинского, который в деревне, но я это вывел наружу. Никто верить не хочет, что мы извернулись тридцатью тысячами: 8 карет, 7 дрожек, дом нанят, убран, отделали сад, оранжерею комнатную, освещение; одних ламп, кроме свечей восковых, горело по 127 в день, и проч. Все полагали, что станет тысяч полтораста. Я было думал поквитаться всем после отъезда принца, а и теперь покоя нет, и я здесь прикован; но я, право, не жалуюсь и не хвастаю; все мне отдают справедливость здесь, и я доволен.

Александр. Москва, 13 августа 1829 года

Закревский уехал. Он едет к Троице 15-го и будет у нас сутки гостить в Семердине. Очень рады будем этому гостю. Вчера много собралось вечером у Закревского (а я там и обедал): Потоцкий, губернатор, Путята, комендант и проч. Сказывал Закревский, что Алексей Орлов отправился в Одессу, а оттуда поедет в Бургас с ультиматумом государя. Кажется, как султану не одуматься!

Александр. Москва, 15 августа 1829 года

Вчера я просидел вечером один с Закревским, погуляли очень-таки много по прекрасному его саду, пили чай и болтали. Он едет в свое Царево, оттуда ко мне в Семердино, где пробудет 21-го и 22-го числа, а там сюда, обратно. Я очень рад этому гостю,

но у меня не найдет он Трехгорного великолепия и затей. Рассказывал он мне, как приняли его крестьяне его пензенские и нижегородские, хотели отпрячь лошадей и везти на себе две версты, – вот бы одолжили! Поднесли ему серебряное блюдо с надписью, сделанное здесь на заказ; он и за это их пожурил, но отказать не мог. При управлении графа Федора Андреевича или жены его покойной именье до того доходило, что в опеку взять хотели, а теперь и мужики счастливы, и казна, и помещики недоимок не знают.

Перемена министерства во Франции очень мне не нравится. Что могло дать повод к тому? Министры составили бюджет, все шло, кажется, хорошо; а Полиньяк, верно, наклонит дела на английскую сторону и не будет нации приятен, а потому увидишь, что недолго подержится.

Александр. Москва, 17 августа 1829 года

Такая красавица, как Завадовская, и дикому может внушать комплименты, не токмо такому умнице, каков мой принчик; только мне обидно, что ты с ним еще не познакомился короче. Он меня спрашивал: похож ли ты на меня? Я сказал, что нет. Он, видно, хотел тотчас тебя узнать в толпе. Речь его государю очень хороша. Принц всегда и здесь зевал в театрах, скучал по кальяну; это время самое курить, а в театре нельзя.

Читал мне Закревский приказ о Ферзене, который я сегодня получил от тебя. Он – в Свеаборгский гарнизон; как будет весело графине Ольге, после Строгановского дворца, жить в конурке! Я думаю, скоро покажется у обоих разочарование и следствие оного – раскаяние!

Александр. Москва, 19 августа 1829 года

Итак, Завадовская поразила принца! Немудрено. Я не помню, сообщил ли я тебе то, что он сказал графине Потемкиной, нашей здешней красавице, на балу у Небольсина.

Как князь Дмитрий Владимирович представил ее принцу, то она ему сказала таким чистым персидским языком: «Я рада видеть здесь ваше высочество в добром здравии и в хорошем расположении духа», – что он остолбенел (а она нарочно вытвердила эту фразу для этого случая). Князь Дмитрий Владимирович сказал: «Ну что ж, принц, вот вы и удивились!» Его высочество, посмотрев на графиню, отвечал тотчас: «То, что я вижу, изумляет меня гораздо более того, что я только что слышал». Это хоть бы не персидскому принцу, а французскому.

Александр. Москва, 23 августа 1829 года

Вчера возвратился я сюда. Славно мы провели время. Ежели бы я звал Закревского к себе, конечно бы, он не отказал по дружбе своей быть к нам; но нам было то еще приятнее, что он, без всякого зова, сам к нам приехал. Я 25-го явился к Троице рано, отслушал обедню, скоро после того приехал и Закревский; надобно было идти с ним опять в собор и отслушать молебен, потом сел я с ним в его коляску, а Кутузов в мою, и мы отправились в Семердино. Как узнал исправник, – не понимаю; но дело в том, что дорогу сделали гладкую, как пол. Наташа с детьми встретила нас у ворот, мы вышли из коляски и тотчас сели обедать, ибо был час пятый. После обеда повел я Закревского в рощу, показывал братнин мост и все наши мнимые достопамятности, но он хвалил очень и местоположение, и гулянье наше. Когда пришли домой, доложили его высокопревосходительству, что мужики и бабы желают поднести ему хлеб-соль. Ну, пожалуй, зовите их! Он сел на балконе. Являются жена, все дети в крестьянском платье. Закревский насилу их узнал, они пели ему куплеты на голоса: «Ах, по мосту, мосту», – сочинение Кости, и очень изрядно. Пришлю тебе, теперь не имею копии под рукою. Пашка вошел, поклонился Закревскому в пояс и подал ему стихи сии. Очень было ему это приятно; пили после чай, дети поплясали, поужинали, легли спать. На другой день после завтрака отправились мы опять через Троицу в Москву. Две версты от Пушкина, в деревне Небольсиной, обедали мы у нее, а в 8 часов вечера были здесь. Славно провели мы время и не раз о тебе вспоминали.

Александр. Москва, 31 августа 1829 года

Мое предчувствие меня не обмануло. Поздравляю тебя с табакеркою, с бесценным для русских именем; взглянул бы на нее, а там обнял бы тебя. Стало, труды твои одобрены, а их было немало. Нет сомнений, что комитет, в коем князь почти главное действующее лицо, одобрит все ваши предположения. Мы все очень порадовались царской милости, тебе оказанной; жена и дети, даже и люди все тебя поздравляют, а Пашка, видя, что так горячо о тебе говорят, сказал мне также: «Папа! Папа! *Кланятисъ* дяденьке от меня!».

Из армии известия хороши, но давно что-то нет ничего; все ожидают занятия Адрианополя. Дай Бог мира, конечно; но я в душе моей желаю, чтобы мы заняли Царьград, хоть на самое короткое время. Пусть скажет история: Александр занял Париж, а Николай – Царьград. Это будет важнейшее событие. Иные говорят: а англичане? Да как корабли могут помешать сухопутному войску занять эту столицу? Они могут сжечь флот

наш, да и то Бог знает. Русские воспалены таким геройством, что военные эти торговцы во всяком матросе нашем найдут Казарского. Да и к чему повел бы такой алжирский поступок против нас? Время так коротко, и все так быстро идет, что англичанам некогда решиться на что-нибудь, инструкций ожидать из Лондона долго, а нет у них другого Нельсона, который взял бы на себя страшную ответственность. Я думаю, что никто и ничто нам не помешает быть в Царьграде, ежели подлинно Махмуд горячится, то есть дурачится и не поддается ни на какие условия. Так 22-го [22 августа – день коронования Николая Павловича] не было почти ничего, но для нас было все, что мы бы желать могли; разве только зачем твоя табакерка не такой цены, как имел Ростопчин покойный от австрийского императора, оцененная в 75 тысяч рублей?! [Во время суворовского итальянского похода.]

Как я был поражен! Приезжаю к Потоцкому [граф Северин Осипович Потоцкий, член Государственного совета, попечитель Харьковского учебного округа], нахожу вместо него доктора Иенихена и камердинера графского в слезах. Что такое? Два дня, как граф не говорит. Пошел я за ширмы, лежит точно мертвец, глаза кое-как открывает, но меня не узнал. Третьего дня еще был он у Луниной, но недолго, невесел воротился домой, лег, и камердинер говорит, что после того не слыхал он уже его голоса; не вздыхает, не жалуется, иной раз кашляет, отворачивается, когда предлагают ему лекарство. Надобно бы взять какие-нибудь меры. За Шульгиным я послал. В ожидании его беру перо и здесь же, чтобы не терять напрасно время, пишу к тебе за столом бедного больного. Надобно бы подумать и о священнике, и о вещах и деньгах, ежели есть. Иенихен говорит, что кризиса никакого ждать нельзя: «Он угаснет, как свеча, но даже ежели ему суждено прожить еще некоторое время, его существование будет только маразмом». Жаль его очень. Я боюсь, что будущее мое письмо тебе возвестит, что его не стало уже. Я опять к нему вошел, и он кивнул мне головою, как бы говоря *здравствуй*, но ничего не сказал мне, а видно, что узнал меня. Он так слаб, что не может согнать мух, кои садятся ему на лицо, глаза тусклы, рот полуоткрыт всегда. Мне кажется, что надобно бы предупредить его сына. На столе нахожу зачатый им проект мемуара для графа Нессельроде о турецких делах и особенно о Валахии и Молдавии. Он мне об этом говорил раза два, и что хочет написать мемуар для графа; это последние строки его пера. Я взял это и посылаю тебе, ибо уверен, что продолжения не будет.

Шульгин приехал; я разобрал при нем бумаги и книжки, в коих нашел билеты ломбардные и Коммерческого банка, суммою

на 50 или 60 тысяч, кроме наличных денег, коих немного было, и мешок с новыми целковыми рублями; все это и письма, и бумаги я запер и запечатал. Полиции (между нами) это не очень было приятно: она бы тут могла поживиться. Больно видеть этого богача, старика, знатного человека, умирающего в трактире на чужих руках! Его камердинер плачет; кажется, предан ему, 15 лет ему служит, немудрено. Нашел я портреты графские гравированные, я себе один присвоил и надеюсь, что сын не посетует на меня за это; зато сохранил я ему в целости всю часть наследства, которая была здесь. За духовником послал я, но его не дождался, боясь опоздать на почту; опять туда еду сию минуту. В случае несчастья – полагаю, что надобно бальзамировать тело, поставить, отпев, в церковный погреб, а там сын решит, где его похоронить, как знает; может быть, граф желал быть положенным в Севериновке или другом месте. Все это меня очень перевернуло, но я рад, что вовремя сюда приехал, чтобы устроить все.

Александр. Москва, 2 сентября 1829 года

Бедный Потоцкий еще дышит, – это все, что можно о нем сказать; но между тем мы не упускаем ничего: всякий день три консилиума, и делается все, что можно: но тщетно. Глаза у него всегда заперты со вчерашнего вечера. Вчера, видя, что он открыл глаза и всматривался в нас, я велел его камердинеру сказать: «Пан Лев пришел». Он на меня посмотрел, но без всякой радости, и впал опять в прежнее положение. Католический священник, поляк, совершил над ним соборование. Это большое несчастье, что сей мозговой паралич разбил его так внезапно; он мог бы, несмотря на агонию, сохранить рассудок и речь, а вот уже три дня, как существует без всякой умственной деятельности и живет только потому, что дышит. Я не могу видеть его без крайнего страдания и прихожу к нему три-четыре раза в день. От него я и пишу тебе в эту минуту, чтобы не терять времени. Врачи должны прибыть с минуты на минуту.

Вчера уехал Закревский в 12 часов, а не в одиннадцать, как было положено; он поджидал все мое письмо от тебя, чтобы узнать, нет ли чего нового, особенно из армии, как будто предчувствовал хорошие вести. Так как Рушковский всегда мешкает, то я написал ему записку, что жду у Закревского твоего письма и прошу скорее прислать, но плут почт-директор сделал то, что я сам бы сделал, то есть сам явился на Три Горы с лицом торжествующим. «Что такое?» – «Вы не знаете?» – «Нет! Да что такое, Иван Александрович?» – «А!!! Я вам не скажу, вот ефто-то, где Арсений Андреевич?» – «Сейчас придет, да что такое?» – «Нет, дайте ему прийти». Я побежал за Арсением Андреевичем, он был

наверху, притащил его, и тогда Рушковский возвестил нам взятие Андрианополя и подал прибавление к «Инвалиду», которое Закревский прочел нам вслух. «Давайте шампанское!» – закричал хозяин. «А где же мои письма?» – «А! Да я послал их к вам!» – Надобно было за ними посылать.

Ай да наши! Один берет второстольный город Эрзерум в Азии, а другой – такой же в Европе. Славная весть. Что будет делать визирь в Шумле, да и пан султан в Стамбуле? У Закревского был Чертков, просил отдать ему печатную реляцию. Ну как отдать? Отдал, а тесть будет бранить, что не ему.

Благодарю за доставление Рушковскому письма и литографии, желая, чтобы угодна была наследнику и чтобы Зандрарту дали что-нибудь; а Рушковскому *двугривенный* на водку будет по обещанию.

Здесь есть письмо от Дибичева адъютанта князя Трубецкого от 10 августа; пишет, что наши в лагере около Андрианополя, что Дибич объявил, что султану дается 8 дней сроку, чтобы *подписать* мир, что после сего пойдут войска на Царьград, а между тем посланы приказания сосредоточивать все войска около Андрианополя. Есть еще известия от греков из Царьграда прямо, что султан увезен на английском корабле; полагают, что он станет на якоре перед сералем, боясь бунта и буйства черни.

Александр. Москва, 3 сентября 1829 года

Не стало бедного Потоцкого. Он скончался сегодня в шесть часов с половиною утра. Меня не разбудили, хотя камердинер его и присылал за мною. Машенька боялась Наташу испугать, и хорошо сделала: не все ли равно, я бы нашел того же мертвеца, только что дышащего. Я приехал в 7 часов, он был еще тепел. Менее нежели в полчаса нашло человек с 20: обер-полицмейстер, полицмейстер Ровинский, квартальные, медики, добросовестные, стряпчие и проч. Больно мне было видеть эту картину, но нельзя было избежать форм сих. Просил меня Шульгин взять на себя похороны, но я этого дела не мастер, кроме того, комиссия сама по себе прискорбная; а упросил я Бранденбурга, тоже приятеля покойного, взять на себя этот труд. Я настоял, чтобы тело было набальзамировано, только отпето и положено в погреб, а сын пусть решит, куда везти тело и где предать земле; может быть, захочет он и видеть, и поцеловать останки отцовские, так найдет тело сбереженное, а здесь есть этого дела мастер, по словам Лодера. Похороны, натурально, будут, какие должно. Все описано и запечатано и сохранится до прибытия или приказания графа Льва Севериновича. Старик часто мне говорил, что дорожит своим брегетом; потому, боясь, чтобы не испортился, я взял его к

себе, сделав в журнале отметку. Я перешлю тебе для доставления молодому графу. Белье и платье, которое также хотели запечатать, я советовал отдать камердинеру на сбережение; карета и коляска также поставлены в особенный сарай.

Удивительно, что у столь богатого человека нашлась наличными ассигнациями и целковыми новыми едва тысяча рублей; но правда и то, что он здесь со всеми расплатился и сегодня именно собирался ехать в Петербург. Богу угодно было, чтобы он отправился гораздо далее… Конечно, при его умеренных расходах 1000 рублей достаточно бы было для поездки в Петербург. Бранденбург ссудит деньги, кои понадобятся для похорон, бальзамирования и проч. Надобно предупредить обо всем этом графа Льва. Я нашел на столе покойного два письма начатых: одно, верно, к графу Нессельроде, а другое – к Воронцову. Вот первое, другое же пошлю в Одессу. Видно, что до последней минуты граф занимался делами своими и государственными. Я не знаю, был ли он религиозен и каковы были его мнения, но скажу тебе по секрету, что, когда священник пришел к нему и поднес ему крест для целования, он оттолкнул его рукою, сказав: «К черту!»

Я в большой досаде от того, что Сологуб (который приходил навещать больного) был свидетелем этой сцены: он может оказаться не так скромен, как я, и это станет вечным пятном на памяти покойного. Позже, когда ему стало хуже, я снова позвал священника, и умирающий выражал отказ свой движениями головы без слов. Святотатственные слова, кои он сказал священнику, к несчастью, были последними словами, кои он произнес. Я сам приложил распятие к его рту, прося его поцеловать его, он отказался это сделать; но тогда, кажется, он уже совсем обессилел, и голова его была затуманена. Удивительно, что, когда ему подносили лекарство, он закрывал рот, качал головою и отворачивался, в то время как глаза его оставались всегда закрытыми; а когда ему наливали бульону в рот, он допускал: следовательно, он отличал одно от другого! В одиннадцать часов вечера я еще видел, как он поднял руку и поднес ее к голове своей; движение могло быть конвульсивным, но оно доказывало, что корень болезни в мозге: больному всегда хочется потрогать больную часть тела. Врачи объявили, что при регулярном образе жизни он прожил бы более ста лет. Нельзя не соболезновать душевно о конце сего человека. Одно – видеть людей в обществе, а другое – когда они умирают. Боже сохрани всякого от такого конца!

Для публики все соблюдено, священник был, маслом пособоровали, а в прочем, о совести своей пусть сам Богу отчет

отдаст; он теперь там. Я говорил с камердинером; он сказывал, что покойник соблюдал обязанности христианина; ежели делал это и без внутреннего убеждения, то зачем переменить поведение при конце в столь важную минуту? Я, право, уже думаю, что ум его помрачился; сие очень возможно при мозговом параличе. Жаль, что он не пожил еще неделю. Воронцов дает мне к нему разные приятные комиссии, да и взятие Адрианополя его бы порадовало; он все добивался: «Будем ли мы в Адрианополе, пойдет ли туда Дибич?»

Костю отдал я вчера в пансион, удержал слезы свои, чтобы его не растрогать, а жаль было смотреть на него: из отцовского дома вдруг окружен всё чужими, да и незнакомыми вовсе. Первые дни будет тяжело, после привыкнет; пусть утешается мыслию, что все-таки в одном городе с нами.

Александр. Москва, 4 сентября 1829 года

Хотя я и отказался от устройства похорон Потоцкого, но меня все-таки тормошат и спрашивают о всякой безделице. Надобно было заехать в дом Разумовской, время идет к топке; как велел попробовать истопить, вышло, что печи худы, дымят, надобно тотчас приступить к починке, это может взять много времени. Вчера проехал на шестнадцати тройках обоз из Персии, везущий подарки нашему Двору. Пристав сказывал, что шах в восхищении от приема, сделанного внуку его в Москве; говорят также, что шлет 80 орденских знаков для русских.

Александр. Москва, 6 сентября 1829 года

Потоцкого отпевание будет во вторник только. Все эти дни будут возиться с телом его, которое вчера было разрезано. Ты поймешь, что я долго не мог присутствовать при этой операции, а Фавст тотчас выбежал вон и не мог справиться целый день. У покойного нашли воду в голове, а в пузыре два небольшие камня, сердце сохранено в особенную урну хрустальную. Я настоял, чтобы приглашения на печальную церемонию были (за отсутствием близких родственников) от князя Дмитрия Владимировича и чтобы все особы первых пяти классов, знакомые или нет, были приглашены. Сим окажется уважение к памяти покойника, и кто не поедет для умершего, тот поедет для приглашающего. Воронцов пишет мне и дает разные комиссии к Потоцкому, кои были бы ему приятны. Жаль, что старик не пожил еще. Армейские известия также были бы ему очень приятны. На все власть Божия!

Вчера был я в нашем персидском дворце; все там исправно, принялись теперь за печи. Пристав, провожавший подарки шаха к

нашему государю, был в доме и дивился его великолепию и вкусу. Соврали: не шестнадцать, а пять подвод везутся в Петербург; подарки очень богаты; оных, сказывают, на миллион 300 тысяч и 80 орденов, кои Хозрев должен раздать с согласия нашего государя. Хоть бы принчик дал мне звезду миллиона в два, не худо бы было, впрочем, можно и на половине помириться; однако же шутки в сторону, обидно будет, ежели даст маленький крест, который на его докторе и на многих поручиках.

Греки здесь ужасно раззадорились. В кофейных домах пируют, целуются с проходящими, уверяя, что Царьград занят нашими и что Дибич послал отряд взять Иерусалим, буде султан не подпишет тотчас мир и не обратит Св. Софию в православный храм. Вот у нас как! Знай наших греков!

Письмо от Жуковского; спасибо ему, что комиссию мою исполнил; требует от меня, что прислать Линдроту [литографу], перстень или часы; всего лучше – узнать от самого литографа это, к коему теперь я еду. То-то мой немец обрадуется! Может быть, и принчик подарит ему что-нибудь, но Ренненкампф не так любезен, как певец во стане…

В «Инвалиде» нашел я свежие известия из армии. Вообрази, что греки даже третьего дня знали о взятии Бургаса, и вышло – правда. Как бы не подтвердилось и взятие Царьграда; но быть не может, и отправлением от султана чиновников к графу Дибичу для мира остановится стремление армии к общей нашей с тобою родине. Султану только и остается спасать, что Царырад. Ох жаль, жаль, ежели не будут наши в Стамбуле. Меня это даже огорчает! Что бы султану еще неделю поупрямиться?

Александр. Москва, 7 сентября 1829 года

Каков же мой Хозрев, славные дает обеды, а все это мое воспитание. Я пишу это и Жуковскому шутя и говорю, чтобы берегся, чтобы слава обо мне не провела меня на места Жуковского и Мердера.

Александр. Москва, 9 сентября 1829 года

Костя у нас погостил субботу и воскресенье, а сегодня отвез я его сам в пансион; плохо еще привыкает, здесь потяжелее Царского Села: там было семь часов ученья и пять отдыха, а здесь – 10 часов ученья и два отдыха. Вообще здесь больше строгости, нежели там, и надзор лучше.

У нас сломали полы, и вообрази, что под гостиною нашли мертвую собаку; понять нельзя, как она туда зайти могла: ни ходу, ни окон, отдушин нет. Удивительно, как не было запаху, но это верно бы показалось со временем. Как бы скучно было зимою

ломать полы. Твой флигелек хоть куда. Право, приезжайте сюда праздновать мир. Я имею от Щербинина известия очень свежие о Царьграде. Махмуд не так-то глуп полагаться на великодушие нашего государя, он отомщает над своими подданными за победы русских, начались опять казни в Царьграде. Как бы не дошло до христиан?

Всеволожский Никита, что женат на Хованской, пресмешной и приятный для общества, славно играет комедию. Он подарил Наташе свой портрет, сделанный глухонемым и очень похожий.

Александр. Москва, 10 сентября 1829 года

С Потоцкого церемонии возвращаюсь сию минуту. Почти три часа. Спасибо почтальону, что дождался меня с письмом твоим от 6-го. Ему вручаю сии строки, авось-либо Рушковский почты не отправил еще. Хорошо, что послушал меня князь Дмитрий Владимирович и звал сам; на его зов явилось много сенаторов, генералов; комендант, обер-полицмейстер и проч. были тут. Князь Дмитрий Владимирович не только приехал, но и провожал тело, посадил меня с собою в карету свою, и мы все болтали, разумеется, о турецкой войне. Катафалк был нарядный, подушки с орденами несли сенатские чиновники, за колесницею с гробом ехала карета покойного цугом и обитая черным сукном, на улицах и у окон было множество народу. Я возвратился оттуда с Фавстом. После заупокойной обедни тело положили в другой гроб, свинцовый, и поместили в погреб, где оно и останется до решения графа Льва. Все было очень славно для такой бедной церкви. Графу Льву надобно будет сделать что-нибудь для сего бедного прихода. Это станет вечным воспоминанием, коим он почтит память отца своего.

Александр. Москва, 11 сентября 1829 года

Движение к Родосту иной цели иметь не могло, как занятие Дарданелл; это было бы великое дело, ключ Турции: тогда Махмуд был бы точно как камергер без ключа. У меня такая мысль: ежели бы положено было, например, 200 тысяч миллионов взять с султана, я бы 50 миллионов ему уступил с тем, что ты построй себе мечеть, пожалуй, великолепнее Софийского собора, а этот обрати в православный собор по-прежнему; пусть сии два собора остаются памятником этой войны, пусть напоминают, что надобно жить в ладу и сохранять вечный мир. Султан прогуливается с Магометовым знаменем, но турки, кажется, равнодушны к прогулкам его. Война эта не будет никогда национальною, как у нас или в Испании. Бог всегда за правое дело.

О флигель-адъютанте Урусове слышал я вчера от отца самого на похоронах Потоцкого. Он, кажется, очень рад этому.

Да, конечно! Меншиково выздоровление есть вещь весьма удивительная: быть раненным ядром и не умереть! Рушковский что-то нездоров. Хотел ванну взять сегодня. Мне кажется, что свадьба Бобринского с Соковниной что-то холодает; как полужених, он странно себя ведет, еще намедни замешался в какую-то историю в театре; говорят (ибо меня не было в театре), что он и Потемкин приехали в театр пьяные, сидели на шляпах, кидали яблоки в разные стороны, даже на сцену. Странную ведет он вообще жизнь, всякий день обедает в трактире у Яра, а вечером в клубе или театре; нигде более его не видать.

Александр. Семердино, 15 сентября 1829 года

Жаль, что султан дурачится и казнит немилосердно, – во-первых, по человечеству, а потом, ежели будет так продолжать, так чтобы не озлобил народ до того, что и его самого удавят. Страшно подумать, какая бы вышла тогда каша между европейскими державами, не могли бы ни в чем согласиться; и для того, как русский, желаю, чтобы мы заняли скорее Царьград и особенно Дарданеллы, тогда наш голос будет первый. Но Дибич столько показал решимости, осторожности и ума, что и тут устроит все к лучшему.

Александр. Семердино, 20 сентября 1829 года

Ехал я обедать к Брокеру вчера на беговых дрожках; на дороге встречаю дворника Сергея, едущего с письмом из Москвы. Стой! Давай письмо. Одолело нетерпение: распечатываю пакеты, первый, разумеется, Рушковского. «Было предначертано свыше, – говорит он, – чтобы именно мне надлежало возвестить вам о мире, Одесса его уже отпраздновала», – и проч. Умеря свое нетерпение радостными сими строками и продолжая свое путешествие, спросил у Сергея, что нового в Москве. «Да что, батюшка, – мир с туркою!» – «Врешь?» – «Право-с, все так говорят, в Москве такая радость! На почтовом дворе так сказывали, что нашим достанется 1000 кораблей золота, да 1000 кораблей серебра». Ни больше ни меньше. Ну, брат, славное известие! Миру какому быть, ежели не такому славному, как и сама кампания. Мир на барабане и где – в Адрианополе! Заметь число *2 сентября*, день памятный для москвичей, особенно для меня, бывшего в полону: 2 сентября вступили французы в Москву, и странно то, что и теперь, после 17 лет, 2 сентября выпадает опять на понедельник, как в 12-м году; тогда нашу брали столицу древнюю, а теперь мы в древней столице турецкой славный

заключаем мир. Ура!

Зачем не видят это Екатерина II, Потемкин, батюшка? А может быть, и глядят, и радуются.

Кондиции можно предугадывать. Вот мой мир: греки независимы, Босфор – свободный для всех флотов (Европа, падай к ногам Николая!), Анапа, Поти, Ахалцых наши, в Европе граница – течение Дуная с островами, 200 миллионов вознаграждения за убытки войны, Варна наша до исполнения трактата; после этого можем гарантировать целость турецких владений. Все хорошо! Но зачем мы не в Царьграде? Я бы, знаешь ли, что на месте Дибича? Пошел бы туда с 30 тысячами, будто чтобы защитить христиан от лютости черни, а чернь – от лютости султана. Ну смерть этого хочу; но Дибич доказал, что умница; ежели надобно, пойдет и в Стамбул.

Закревский справедливо заметил некоторую бедность в Москве. Основав славу свою и могущество твердо в Европе и Азии, теперь остается государю помочь своим дворянам, кои с 12-го года все в большую приходят скудность и разорение; остается устроить благоденствие внутреннее.

Жутко будет теперь султану и тяжело царствовать, не станет храбриться и против своих; вот тебе и герой, так прославленный, вот тебе Петр Великий! Смели его сравнивать с нашим бессмертным Петром. Тот сам царствовал, сам дрался, сам корабли строил, сам законы писал, а этот не видал в глаза русского, не слышал русского выстрела, а только прогуливался со знаменем Магометовым.

Александр. Москва, 23 сентября 1829 года

Я в Москве. Со мною всё приключения. В деревне Мельгунова, где фабрика на воде, на земле Закревского, нет моста нового, старый унесло; поехали мы в объезд и увязли в болоте, где бились часа два и чуть не утонули в болоте. Вот была бы новость.

Так и жарят! В Кремле пушечная пальба и молебствие; так говорит Рушковский, ибо я не слышу выстрелов сглуха. Возвращаюсь к моему приключению; послал Яшку верхом в деревню; он привел 5 геркулесов, кои вытащили и коляску, и увязших несчастных лошадей. Повозку тащили на себе шагов с 500, я в первую минуту соскочил из коляски, да и увяз по колено в болото. Слава Богу, что, вымочив ноги, не простудился; приехав поздно в город, напился чаю у Фавста, и все хорошо обошлось. Здесь говорят, что умер шах персидский; я что-то не верю, увидим, что скажет тифлисская почта. Это бы подвинуло Хозрева к престолу.

Александр. Москва, 24 сентября 1829 года

У нас вчера была пушечная пальба для мира. По сему случаю странность случилась, о коей сам князь Дмитрий Владимирович мне сказывал. В рескрипте к нему государя сказано: «нашему генерал-адъютанту князю Голицыну», а он не есть оным. Не знают, как это толковать; не сюрприз ли от государя? Сомневаюсь очень, а просто это ошибка писца. Государь прочел смысл рескрипта, а на заглавие не обратил внимания своего, а тут-то и наврали. Обер-полицмейстер взял копию с оригинала для всеобщего сведения, на оной повторил ошибку (чего бы я не сделал) и подписал: «с подлинным верно». Мог бы генерал-адъютантство и выпустить. А князю написать бы приватно к Чернышеву и объяснить дело, не доводя оного до огласки; писарю будет напрягай, а Голицын останется при том, что был. Скажи это Закревскому. Вчера был у тестя предводитель Бахметев с тою же копией; приезжал советоваться, какой сделать подарок Строганову, кубок ли, деньги? Он что за пьяница? Да не идут и деньги. Чего лучше табакерка с надписью, которая всего будет драгоценнее для Строганова? Да что написать? – «Как что? – “От обрадованной Москвы вестнику мира, графу Сергею Григорьевичу Строганову, …-го сентября 1829 г.”» Так и положено сделать; табакерка будет в 5000 рублей, четыре урода по углам, а в середине означенная надпись из мелких бриллиантов. И тут этот дурак Бахметев вместо «мира» написал было «мф» – одолжил бы!

Поверьте мне, что Хозринька мой нездоров от невской воды; да и что мудреного – из знойной Персии переселиться вдруг на север и в непостоянный ваш климат. И он, я чаю, выпучил глаза на мир наш. Здесь поговаривают о многих отставках. Греки, кои, как в сумасшествии, ходят по бульвару и саду Кремлевскому, всех целуют и потчуют; приуныли, узнав, что им дают в короли будто немца принца

Кассельского, не их веры; им это больно, да и ему невесело будет. Лучше бы род господаря, как в Молдавии. Греки также желают, чтобы господари в княжествах были наследственные; но что толковать прежде времени? Узнаем, увидим; государь все премудро устроит.

Александр. Москва, 25 сентября 1829 года

Я так и загадывал, что будут два фельдмаршала; но из голубых [то есть из получивших голубую (Андреевскую) ленту] угадал только графа нашего и другого нашего графа, милого Воронцова; но прочие, казалось, могли бы подождать. Орлова труды в этом мире, даже в войне этой, были не весьма значащи. Озеров, который вчера только обедал у Волкова, пересказывал

мирные статьи, кои рассказывал князь Дмитрий Владимирович, слышавший это от Строганова. Кстати сказать, о Строганове: умницы-таки не сделали по мыслям моим, а послушали Лухманова, который им продал какой-то кубок, а чтобы придать ему цены, прицепили к нему бриллиантик. Это довольно глупо. То, что бы сделать дворянину, делают купцы, кои подносят Строганову табакерку. Вчера много толковали об этом у тестя и находили, что я прав.

Был у меня сейчас Семен Аникеевич Селивановский [известный типографщик], мой и Волкова приятель, человек умный и играющий роль между купцами; он едет в Петербург, я тебе его рекомендую и, вероятно, дам ему письмо к тебе. Когда будет к тебе, обласкай. Он очень хорошо судит о делах и вообще человек сведущий; сын его служит у Фавста очень хорошо.

Александр. Москва, 26 сентября 1829 года

Хорошо, что я случился в городе. Я получил вчера письмо от Родофиникина, который дает мне комиссию разведать о приехавшем сюда генерале, шамхале Тарковском, иметь список его свиты и стараться его здесь задержать. Просит о скором ответе, и я очень рад, что все это мог уже исполнить в одно утро, о чем пишу Константину Константиновичу. Вот и письмо мое к нему, доставь тотчас. Это тот самый, который, помнишь, когда Марья Ивановна Корсакова была на Кавказе, сватался за дочь ее Александрину, предлагая тотчас 300 тысяч задатку. Он человек уже старый, говорят. Чтобы лучше исполнить и дать ответ о нем вице-канцлеру, я сам к нему теперь ехать хочу под видом визита.

Очень тебя благодарю за манифест, это памятник премудрости, твердости и великодушия государя нашего. Как сладко читать русскому: Дарданеллы открыты навсегда для торговли *всех народов без изъятия.* Ну сделали бы это эгоисты англичане? А мы дрались одни, а хотим пользы всем. Как везде сбережено самолюбие покоренного султана и уничтоженного царства его! Султан простер длани (сказано в манифесте) для принятия мира; можно было сказать: султан кинулся к ногам просить пощады. Карантинная линия на Дунае – вещь премудрая; жаль, что ее не подвинули еще ближе к источнику чумному, тогда бы и княжества были предостережены от заразы. Не забыли мы наших единоверцев всех. Все прекрасно; не вышло бы только раздору за Грецию. Зачем давать им короля и главу самодержавную не нашего вероисповедания; почему бы Каподистрии не быть каким-нибудь президентом? А что будет с Дарданеллами? Тут могут, когда захотят, вероломничать. Как Воронцове царство теперь станет процветать. Ай да мир!

В Английском клубе хотят дать пир, обед на 300 человек, чтобы праздновать славу государя и войска нашего. Я получил третье письмо от графа и графини Воронцовых, благодарят за попечение мое о Потоцком; да разве не всякий бы это сделал для милого этого старика? Михаил Семенович боится, что Лев не поддержит все, что отец его заводил в том краю. Стыдно бы было; кажется, и польза, то есть интерес наследника, требует сего. С первою оказией пришлю тебе часы покойного для доставления сыну его. Подожду, не явится ли он сам.

Ну рад я, что все хорошо кончил, сходно с желанием Родофиникина. Этот толстый хан знавал батюшку; ему, говорят, под девяносто, а на вид более шестидесяти дать нельзя. Здесь сватали за него какую-то красоту-армянку, но разошлось: она обиделась тем, что он послал прежде конфидента понюхать, не воняет ли изо рта у нее. Ты бы предписал в Новгороде, чтобы тебя уведомили, когда он там проедет, и дал бы знать Константину Константиновичу.

Александр. Москва, 27 сентября 1829 года

Хочется опять к своим; время очень хорошо, а не знаю, завтра выеду ли. Меня так и щиплют здесь, опять возня с этим домом Разумовской, в коем четыре года не жил никто, а дело идет к зиме. То исправь, другое почини, все требуют вещей своих, видя, что принц в Петербурге заживается; за вещи, взятые напрокат, платим теперь даром. Никто не входит ни во что, а князь Дмитрий Владимирович отсылает всех к Булгакову. Жаль, что сегодня не успею писать к Воронцову и поздравить его с голубою лентою; жаль, что в рескрипте не упомянута чума: это весьма важная заслуга, оказанная им отечеству. Понимаю, что картина на Марсовом поле была единственная и трогательная. Итак, Канкрин получил столь желанное им графство. Уменьшение набора – великая милость; мы, мелкие помещики, более всех это чувствуем. Счастлив Дибич со славою, с богатством, и никто не может упрекнуть, что не заслужил.

Александр. Москва, 28 сентября 1829 года

Фавст ко мне: да, пора, брат, завтракать. Пошли завтракать, да, болтая о милостях, нашли мы, что должно ему поздравить Канкрина; нашли мы, что теперь бы самое время просить у Канкрина чин для Фавста, все его обошли, 12 лет в этом чине высокородном. Превосходительство его бы свело с ума от радости, не менее графства Канкрина; что этому стоит на радости его произвести? Я написал два письма, вот они: прочти оба, и которое одобришь, то отдай или доставь, запечатав какой-нибудь

печатью. Во всяком, то есть в обоих случаях, постарайся за нашего друга неизменно. Надобно пользоваться случаем. Канкрин должен быть весел, за письмо не рассердится. Фавст был с ним на такой ноге и часто смело ему говорил, что тому нравилось. Я уверен, что настроишь все струны к успеху.

В Москве большую радость произвело убавление рекрута. Все крестятся. Я себе думаю: ну что, ежели бы государь сделал бы для дворянства что-нибудь, – сбавить процента два в Воспитательном доме и тому подобное; все надеются. Быв, можно сказать, благодетелем турок, откажет ли государь сделать добро своему дворянству?

Александр. Москва, 8 октября 1829 года

Жаль бедного Мадатова! Ну, что после этого счастье, почести? Все минуло в одну минуту. Экая дрянь, червяк человек! А хлопочем ужасно, чтобы Тургенев не влюбился опять во вдову [то есть во вдову Мадатова].

Ментиков много получил почестей, и поделом; но я очень рад аренде его. Случилось мне говорить с князем Ник. Гагариным о его делах и слышать, что Меншикову очищается на прожитье 45 тысяч в год; жена богата, но очень расстроилась: при 5000 душ имеет миллион триста тысяч долгу, а мужу не отдает управление; он все бы это поправил. Дашков идет быстрыми шагами. И этому аренда, и это хорошо. Я все тех мыслей, что министр должен быть обеспечен на собственный свой счет. Голова его должна быть вся отдана государству, а чтобы та действовала свободно, надобно ему забыть о своих делах и не терпеть нужды. Награждать на 50 лет вперед я бы не стал, как сделали то с Канкриным. Такая перспектива может сделать министра нерадивым. Дай министру 100 тысяч жалованья, покуда он министр, – это будет справедливо, ибо он несет бремя великое, но, лишаясь места, пусть лишится и окладов; а ежели долго место занимал и с отличием, тогда уже можно не только его, но и детей его наградить. Посмотри-ка, в какую заехал я мораль, сам не зная как.

Не забудь от меня поздравить и Меншикова, и Дашкова. Из двух одно: я полагаю, что Родофиникину лучше бы деньги, нежели снятие желтой каймы и ленты, которую уже имеет, а кажется – все равно, что на правой стороне звезда, что на левой. Пусть Хозрев и ему даст богатую табакерку, а орден-таки сам собою. Зачем таким случаем не воспользоваться. Все-таки это приятные напоминания. Посмотрим, будет ли он великолепен здесь; но я видел по многим его чертам, что он щедр. В расписаниях военных видел я, что Киселева корпус отдан

Ридигеру, а о нем ни слова. Место президента над княжествами не очень-то приятно; Яссы и Бухарест – не Париж и не Вена, но в первые годы нужен там человек с головою. Я вспомнил, что граф Нессельроде при замирении предлагал мне место консульское в княжествах, теперь будет это совершенное проконсульство. Ни этого, ни красного кафтана мне не хотелось, это правда; но когда же выйдут наши несчастные штаты? Правда и то, что не до них было начальству.

Александр. Москва, 10 октября 1829 года

Меня тронуло, что в Шумле, на похоронах Мадатова, был визирь. Уж правду сказать, великую славу приобрели себе русские в эту войну и неустрашимостью своею, и дисциплиною, и человеколюбием. Лестно будет двум армиям нашим носить знаки, государем установленные. Скажи мне, ежели знаешь, что будет с Каподистрией, останется ли он президентом и главою Греции? Я это желаю знать собственно для меня только. Воля ваша, а не идет грекам иметь короля. Это может быть со временем, но этому народу надобно лет 20 образоваться под управлением мудрого, добродетельного Каподистрии.

Комиссию Родофиникина я исполнил, как он желал, и шамхала Тарковского продержал не только несколько дней, но целых десять; он выехал из Москвы только 7-го числа, и повезут его тихо.

Александр. Семердино, 12 октября 1829 года

В «Журналь де деба» от 29 сентября есть прекрасная статья о Турции, сообщенная известным Эйнаром; я подозреваю, что это произведение пера Каподистрии. Все, что тут сказано, совершенная истина.

Основав славу России в чужих землях, дай Бог, чтобы государь поправил состояние дворянства, которое совершенно онищало и с самого 12-го года не может оправиться. В Москве говорят, что князь Сергей Михайлович Голицын для этого призван в Петербург; но этот гусь слишком богат сам, и не знаю, довольно ли умен, чтобы придумать что-нибудь хорошенькое. Лучший соратник у государя – его прекрасная душа. Бутеневу будет славно в Царьграде. Прошло то время, что Махмуд бурлил; настали времена Якова Ивановича Булгакова, коего слова были законом для неверных.

Вообрази себе, что эта сумасбродная гага, сестра Гриши Гагарина, вдова пятидесяти лет с лишком, с сорока или пятьюдесятью тысячами дохода, вышла замуж за мальчишку двадцати пяти лет, какого-то учителя русского, именем

Доброклонский. Охота лишаться своей свободы; тот взял хотя б шкатулку, или надежду ее кинуть, обобрав прежде старушку-женушку.

Александр. Москва, 21 октября 1829 года

В субботу увидел я вдруг французского друга, – кого же? Ланжерона! Все тот же, не переменился, только лицо стало покраснее. Дистракции те же; встретив меня в партере, первое слово было: «А что поделывает Константин?» После, увидев меня у тестя на вечере, подошел здороваться, как будто видит в первый раз: «Здравствуй, здравствуй!» А после того как пожал мне руку, добавил, смеясь: «Поздравляю тебя от всего сердца, ты прикоснулся к зачумленному, теперь и у тебя чума, иди передать ее семейству твоему; это не мешает отправляться в рай». Князь Дмитрий Владимирович рассказывал мне, что он и с ним сделал ту же фарсу. Сегодня собирался к вам отправиться. Он с женою, но я ее не видал.

Александр. Москва, 25 октября 1829 года

Принц Хозрев-Мирза прибыл сюда благополучно вчера в шесть часов вечера. Я обедал у княгини Бобринской. Только что принялись было за устрицы (сегодня первые привезли), входит человек: пожалуйте в дом, принц приехал! Это было невозможно, однако же надобно было вскочить со стола и уехать. Скачу в недоумении. Вышло, что это приехал Ренненкампф, к коему я побежал. Он одевался ехать к Голицыну и к коменданту, порассказал, что понужнее, хвалил ужасно Цицкина, коего увозят они до Тифлиса. Узнав от него, что принц спал в Подсолнечной и намеревался обедать в Черной Грязи, я поехал (благо близко) опять к Бобринской и кончил весело обед. Тут были Вяземский, Ломоносов, графиня с двумя сыновьями и невесткою.

После обеда пьем кофей, – опять за мною! Не опять ли вздор? Это была эстафета, которую я ожидал из Черной Грязи, и подлинно, с полчаса после явился и принц; я только что успел одеться в мундир. Я встретил его у лестницы. На лице его было видно непритворное удовольствие меня видеть, он пожал мне руку и, держа ее, вошел на лестницу. Вверху ожидали его губернатор, обер-полицмейстер, дивизионный начальник с рапортами. Вошли в гостиную. Принц принимал ординарцев и вестовых, потом всем откланялся и вошел в кабинет, сделал мне знак следовать за ним. Говорил во все время, что пил чай, как доволен, что опять в Москве, как ему этот дом нравится, что видел тебя, о жене и детях спрашивал, благодарил за литографию въезда его торжественного, спрашивал, получил ли я его ответ,

который я не получал (надобно будет узнать, куда он девался). Свита его стала расходиться, а он начал распечатывать письма, полученные из Персии; я хотел тоже выйти, он сказал: останьтесь!

Скоро явился князь Дмитрий Владимирович, коему вышел он навстречу в другую комнату, повел его, держа за руку, в кабинет, посадил его на диване по правую сторону, меня – по левую. Шаумбург стоял перед ним, более не было никого, и начался разговор, продолжавшийся часа полтора. Хозрев рассказывал о Петербурге, говорил о государе с восхищением, о всей царской фамилии, о всех придворных, о впечатлениях, произведенных всяким над ним, с большою все откровенностью, о дамах: *Алина очень любезна, Заеадовская очень красива.* Удивился я, что *Урусова добра, не красива, Потоцкий толст, вежлив, забавен (то есть весел), Голицын* (твой) *лукав, добр, Кочубей лучше*, и проч., разбирал дипломатический корпус, хвалил Фикельмона и Мортимера, а английского не любит; кончил все опять похвалами о государе и прибавил, положа руку на сердце: «Не от того, что говорю вам, но по совести государь ваш всех превосходит своими редкими качествами и добротою». Говорил он также о красоте Петербурга, о том, что видел там, что очень его пленила маленькая великая княжна, которая все сама говорила и не дала ему ничего сказать, и наконец, очень мило сняв перчаточку свою, подала ему целовать ручку. Изъявлял радость свою, что случился в Петербурге во время получения известия радостного о мире. На вопрос князя Дмитрия Владимировича, долго ли пробудет в Москве, отвечал: «Ежели бы от меня зависело, я бы остался долго – навсегда», – и засмеялся.

Князь сказал, что надобно ему отдохнуть и здоровье свое поправить; на это он очень мило отвечал: «Чтобы оставаться здесь, я всегда буду здоров, а когда ехать, я всегда буду болен». Как князь поехал, он опять его проводил до гостиной, воротился в кабинет, пожал мне руку и сказал: «Спокойной ночи». Сим кончился этот день. Я не могу нахвалиться ласкою принца.

Меня просил тесть, и я сказал его высочеству, что тесть мой желает быть ему представлен; он отвечал, что желает короче узнать всю мою семью. Я нашел его несколько бледным и похудевшим.

Александр. Москва, 26 октября 1829 года

Обед был вчера препродолжительный у князя Дмитрия Владимировича и довольно скучный. Чтобы пользоваться хорошенько обществом Гумбольдта, надобно бы только человек 10-12, а тут было 60. Князь звал весь университет, всех профессоров; но они его не видали, а паче он их в этой толпе. Я

сидел возле Мирзы-Массуда, и все говорили о Петербурге. Был тут также англичанин какой-то, очень странный, обросший бородою и бакенбардами, рекомендованный князю Дмитрию Владимировичу Смирновым из Лондона. Только англичанам позволено быть такими свиньями: все мы были наряжены в параде, хотя и не в мундире, а этот чудак явился в сюртуке, застегнутый до бороды, как будто холодно в комнате. Он исходил пешком все святые места, жилища древних патриархов и, кажется, теперь отправляется пешком по России; их двое, и они служат друг другу камердинерами. В Лондоне выйти на улицу в мундире – закидают грязью, а сами они вот что себе позволяют. Не люблю я вообще этих Джон-Булев.

Сегодня обед для Гумбольдта у Юсупова, а ввечеру Лодеровское подписное угощение для него же; но я не попаду, вероятно, ибо принц собирался во французский театр. Завтра представление тех, кои его еще не видали; тут будет и Фавст наш, а ввечеру у князя Дмитрия Владимировича Хозрев будет слушать Фильда. Бобринскую убедил я дать вечер в пятницу, а к тестю – в ту субботу; он в восхищении и пишет Наташе, чтобы она явилась непременно с детьми, да и мне хочется, чтобы они были. Родофиникин дал мне еще комиссию: дело идет о пересылке вещей персидского посольства через Астрахань за Каспийское море. Здесь, конечно, лучше это устроить можно, нежели в Петербурге. Постараюсь исполнить как можно лучше волю министрову и буду писать Родофиникину в понедельник.

Александр. Москва, 28 октября 1829 года

Не знаю, как мне сегодня разделиться. Надобно ехать с принцем слушать славные часы у Лухманова, а надобно также быть в Архиве, где будет Гумбольдт, и почти в одно время. В Архиве только покажусь и уеду. Жаль, что расстояния так велики между сими местами и что погода прескверная. Вчера был вечер очень приятный у князя Дмитрия Владимировича. Принц мой был во всем своем блеске: государева пожалованья перо на шапке, только так высоко, что, едучи в карете, он должен был сидеть все нагнувшись, орден Андреевский, браслеты шаха, кинжал Аббаса-Мирзы, все это бриллиантовое. Фильд играл, потом пела Бартенева дочь, у которой прекрасный голос, очень принцу понравившийся, играла Озерова молодая на фортепиано, и эта мастерица. Вообрази, что Лазарев до того сам мучил свиту персидскую, что заставили его жену, а твою красавицу, также петь. Только она своим романсом «Солдат и полководец» не отличилась; ее дело, видно, и не петь, и не говорить. Принц ужинал тут, потом в боковой комнате курил и уехал очень

доволен во втором часу домой.

Гумбольдт вчера расхваливал мне тебя и спрашивал о твоем здоровье; я сказал, что ты уже начал выезжать прогуливаться. Он сегодня к вам отправляется. Жаль и Желтухина, и Булгари; всякий в своем роде были полезны. Гумбольдт говорил мне о болезни Полье [Адольфа Антоновича, графа, церемониймейстера Высочайшего двора; в 1829 году Полье сопровождал Гумбольдта при обозрении им Урала], о коем также очень хорошо отзывается. Ломоносова вчера у Голицына Гумбольдт замучил вопросами о Париже.

Помолвка нашей Соковниной будет 5 ноября. Сергей Федорович сообщает Наташе письменно, что дело это кончено. И для этого надобно бы жене быть сюда; но боюсь, что заленится и испугается дурной погоды. Ежели бы свадьба – верно бы не приехала, ибо тут будут расходы, накладные нашему тощему карману, но помолвка – пустая церемония.

Александр. Москва, 30 октября 1829 года

Так все учредилось у нас с начала, что как спросят что-нибудь у принца, он отвечает: «Булгаков!» Надобно тут быть. А как у Голицына спросят о чем-то, и этот ту же поет песню: надобно спросить у Александра Яковлевича. Вчера Юсупов спросил у принца: едет ли он в театр? Он на меня взглянул, кивая головою и добиваясь: да или нет! Вчера было множество народу в театре, балет очень понравился принцу, были тут черти, воздушные плаванья, сражение на конях и проч. Дирекция все распускает слух, что принц будет в театре, и он всегда полон от этого. Узнав вчера от меня, что князя Дмитрия Владимировича рождение, Хозрев попросил карету и поехал со мною к нему поздравить его; застали князя врасплох в кабинете, тот только успел выбежать, чтобы надеть мундир. Оттуда заехали смотреть восковой кабинет; большая дрянь, но ему так показалось, что он два раза обошел комнаты. Сегодня смотрит он школу архитекторскую, при Кремлевской экспедиции устроенную.

Александр. Москва, 2 ноября 1829 года

Вчера вечер графини Бобринской очень удался. Принц был весел, играл понемногу, тузил дам жгутом и меня поколотил очень порядочно, а потом обнял. Ехавши туда, рассматривал он бирюзы, купили две; показывал которые лучше, а ту, что я похвалил более, снял с пальца и мне подарил. Он так заспался после вечера Дмитриевой, что не мог ехать в Архив, а хочет быть там до отъезда непременно. Обед князя Сергея Михайловича Голицына был самый великолепный. Сегодня принц дает у себя и

на свои деньги, хотел иметь только 6 дам. Ренненкампф вчера приезжал звать и мою жену, которая (нечего делать) должна ехать, а теперь напросилось уже 14, и беспрестанные есть интриги для новых зовов. Я в обед этот сначала не мешался, пусть себе делают, как хотят; но многое очень не так делается. Рахманова, отставного сенатора, который и не представлялся принцу, звали обедать с женою его, а служащих сенаторов, старее его, не звали. Иван Иванович Нарышкин, также отставной, зван, не знаю почему. Гедеонов втер свою жену, а комендантшу не звали, а муж – второе лицо в Москве. Принц хотел звать знакомых ему коротко и которые его принимали у себя, а вышло 60 человек. Сегодня верно проспит, так же как проспал вчера Архив, а собирался на пивоварню Дениельсона и к Рогожиным на фабрику. Не тут-то было. К трем часам станут к нему съезжаться гости.

Вчера очень мы смеялись с Вяземским Хомутовой Анне Григорьевне, которая влюбилась в Хозрева. Он сочинил на нее, будто она сказала принцу: «У каждого здесь есть пара. Вы солнце, а я луна!» А Волков сочинил на нее же: «И сердцем, и душою я предана Хозрою!» Я ему сказал, он захотел ее видеть; но она запряталась так, что не могли отыскать.

Александр. Москва, 4 ноября 1829 года

Встав очень поздно, его высочество токмо в два часа был одет; чтобы его поторопить, надобно было прибегнуть к эмирунизаму, которого он слушает и почитает. Растолковали ему, что в Архиве уже ожидали его один раз напрасно целое утро, неловко повторить эту неучтивость. Поехали. Я поскакал наперед. Князь Дмитрий Владимирович был уже у нас, а Малиновский на иголках. «Как вы долго собирались!» – «Благодарите меня, а то принц вовсе бы не приехал». Через 10 минут явилась и Персия. Я советовал показывать все слегка, зная, что он наляжет на персидские грамоты, – и подлинно, пересматривал он их с таким вниманием, что ему надобно бы дня три на это. Приходило дело к свечам. Я сказал Малиновскому, почему бы не свезти бумаги к принцу на дом? – «Как можно!» – «Да ведь Карамзину давали же бумаги на дом, года на два». – «Да это историограф».

Все это был умысел: Малиновский, на балу у Голицына вчера, подъехал тихонько к принцу и вызвался ему привезти на дом бумаги недосмотренные; он думал это утаить от меня. Когда я принца проводил домой с бала, откуда он уехал рано из-за головной боли, то он просил меня привезти и те бумаги, кои уже читал. Я сказал Малиновскому, и он удивился, что я знал об этом. «Кто вам сказал?» – «Как кто? Сам принц; да кто же вас введет к его высочеству, ежели не я?» Хозрев и свита вписали свои имена в

книгу нашу архивскую. Он хотел ехать домой, но безотвязный Лазарев кого не мучил, чтобы привезти к ним принца в училище? Ренненкампф сказал, что неловко, что дамы с полудня ожидают там принца. Он решился ехать в училище, где его замучили речьми турецкою, армянскою, французскою. Сего мало: надобно тебе знать, что намедни во французском театре принц много говорил о красоте племянницы Лазаревых мамзель Аннет Абамелек [Анна Давыдовна, позднее жена Ираклия Абрамовича Баратынского] и все на нее смотрел, – и подлинно, у нее прекрасные азиатские глаза и брови. Вот ее и подучили подойти и звать принца; к ней присоединилась и толстая красавица, Ивана Л. жена. Принц не мог отказать ехать к Лазаревым в дом чай пить, но этот чай вышел бесконечный обед, продолжавшийся часа два. Кормили, поили – мочи нет. Принц сидел между ними двумя, но, кажется, был более задумчив, нежели доволен.

Я узнал после, что эмир-низам, коего он и почитает и боится, как я тебе говорил, имел к нему поговорку горячую, зачем был у Лазаревых: они армян, и особенно Лазаревых, не любят. От этого принц и к князю Дмитрию Владимировичу приехал невесел, был недолго и уехал. Ты увидишь в моем рапорте графу Нессельроде распорядок принца Хозрева, но об этой подробности, которую тебе сообщаю, я умолчал; ежели сочтешь необходимым, то скажи о сем и графу. Я всегда боюсь оказаться назойливым или бестактным.

Вечер у тестя моего был очень славный. Принц нашел Катеньку очень красивой, он повторил несколько раз «Хейли! Хейли!» (Очаровательна!) Ему много наговорили о ее пенье, но не было клавикордов; хотел, чтобы принесли, но что ей петь при ста человеках? Я замял это, но принц сказал ей через Мирзу-Массуда, что застанет ее дома за клавикордами и принудит петь и плясать по-русски с Ольгою, что любит очень эту пляску и наслышался, какие они мастерицы. Мы промолчали. Должно бы звать принца, но… нет, не хлопоты, а более издержки. Захочет подлинно, пусть приедет невзначай; рады будем, и никого звать не надобно: не будут претензии. Вчера Катенька была подлинно прелестна на балу Голицына, отличалась всем перед всеми, даже простой своей одеждою, тогда как все были с ужасными претензиями. Весело было, признаться, слышать всеобщую, уж точно непритворную, похвалу ее красоте, изяществу и скромности.

Уж 12 часов: должен в час быть у принца, явится рябой мой Малиновский. Вчера бедная его дочь была всеобщим посмешищем: вообрази, что ее нарядили в штофное красное платье с широкой бахромою двух цветов, – ну точно кровать молодых новобрачных.

Александр. Москва, 5 ноября 1829 года

Как бы не грянул к нам ужо принц; а уж воля его, ничего не сделаем лишнего. Катя попоет, пожалуй, и попляшут обе; чашку чаю – чем богат, тем и рад. Ужо сговор Соковниной. Говорят, что Софья дает своему дяде доверенность на управление своим имением; это покажется мужу не только странно, но даже обидно. Начало уже нехорошее и показывающее недоверчивость к Бобринскому.

Александр. Москва, 7 ноября 1829 года

Принц должен был вчера уехать, все было готово, и лошади заказаны; хотя князь Дмитрий Владимирович и уговаривал его остаться к театру, на коем должен был быть балет славный, «Обриева собака» и другие две пьески, но Ренненкампф брюзжал: надобно было ехать. Поутру был я у принца; явился Юсупов прощаться, заговорил об общем сожалении, что едет гость наш. Он спросил о моих; я отвечал, что Катя разве что не плачет: делала работу, шитье в подарок его высочеству, все готово, а переплетчик говорит, что его работа прежде вечера не поспеет, а принц едет…

Он начал со своими говорить, наконец велел мне сказать, что он решается остаться, что в 6 часов будет ко мне чай пить, после поедет в театр, а там ночью, как сделали то в Петербурге, пустится в дорогу, и чтобы я пошел к Ренненкампфу устроить это. Барон начал опять сердиться; я ему доказал, что разницы нет никакой, ехать в 3 часа, чтобы ночевать в Подольске, или в 11 часов, чтобы также там ночевать; что дорога преславная, санная. Ренненкампф одобрил, что я и донес принцу; тут же позвал я к себе всю свиту. Князю Дмитрию Владимировичу и Юсупову объявил, что по тесноте дома не могу звать никого, кроме персидской свиты и моих ближайших родных. Все устроилось к чаю в 6 часов; вдруг в 5 часов получаю от Мирзы-Массу-да записку: «Ежели ваше превосходительство желает, чтобы вечер у вас был принцу еще приятнее, соблаговолите пригласить некоторых знакомых принцу дам, как то: мадам Бобринскую, Дмитриеву с дочерью и кого сами захотите», – и проч.

Вообрази наше удивление! Чашка чаю – одно, но вечер – совсем другое; когда его готовить, где взять ужин? Я поскакал объяснять дело и не наврал ли Массуд. Спрашиваю принца, который спрашивает, когда хочу я его иметь. – «Как вам угодно». Тогда он велит мне сказать, что, идя ко мне сначала, сможет пробыть недолго либо опоздает в театр, а потому пойдет сначала в театр, чтобы после провести вечер у меня. Я поблагодарил и

сделал вид, будто я в восхищении от сей перемены, о коей предупредил жену мою через курьера, а сам помчался к княгине Голицыной, Бобринской, Дмитриевой, Соковниной, к Фавсту и к Носковой, заклиная их прийти и разъясняя, как все это сделалось. Тестю только что не в ноги: выкупите нас, несчастных, займитесь ужином. Забрал его самолюбие, и он тотчас собрал совет поваров. Наташа тотчас принялась за работу также, а я поехал с принцем в театр, откуда два раза летал домой, где все к десяти часам было уже бесподобно устроено, и поставлен в угловой комнате (которую заперли) театрик. Принцу подали чаю в антракте, но он сказал: «Нет, я у Булгакова напьюсь хорошего», – а покурил; в нетерпении к нам ехать не захотел видеть балета и, обернувшись ко мне, сказал: «Поедем!»

Я, как молния, кинулся в сани, поскакал домой, нашел Софью Александровну Волкову с двумя дочерьми, Дмитриеву со своими и молодою Еропкиной, Фавста с птенцами, ну, мои две; Хрущов и Бобринская не приехали, да мудрено было дамам вдруг и собраться на такой вечер. Княгиня Татьяна Васильевна просила меня ее извинить: она мучилась своими мигренями. Принц очень удивился, найдя меня уже дома. Наташа извинилась, что дом тесен, нехорош; принц отвечал: «Я дома не замечу, я займусь только хозяевами». В первой комнате нашел принц свой портрет в золотой раме, украшенной гирляндой цветов и короною из розанов, сел пить чай, а дети покуда пошли одеваться в свое славное маскарадное платье русское, которое, к счастью, сбережено. Наташа спросила принца, не хочет ли он видеть портрет фамильный детей наших, писанный во весь рост. – «Очень хорошо».

Повели его в ту комнату; по сигналу открылась дверь, и в темной комнате в большой рамке увидели застывших Катю и Ольгу, а в средине – Костю в крестьянском костюме с балалайкою. Они минут с пять были точно окаменелые. Принц был в восхищении и потребовал повторения, а там опять повторили для Юсупова. Принц сел в гостиной на свое место. Приходит Костя и говорит принцу выученную по-персидски фразу: угодно ли его высочеству позволить сестрам поплясать при нем по-русски, – что очень его поразило и обрадовало. Принц сказал Косте через Массуда, что, ежели бы мог это предвидеть или знать заранее, он бы приготовил ответ по-русски. Спросил, как по-русски «очень хорошо», и сказал, кланяясь: «Очень хорошо».

Повели всех в залу, посадили. Наташа села за клавикорды, Костя взял гитару, Всеволожский – скрипку, и заиграли «Во саду ли в огороде»; отворяется дверь и являются дети в том же русском костюме. Славно проплясали, и принц был в восхищении, сказал

мне: «Твои дети хороши были неподвижными, но одушевленные еще лучше». Князь Дмитрий Владимирович был также в восхищении и сказал, что и в театре не видал таких танцоров. После принц играл в шахматы с князем Дмитрием Владимировичем, а молодежь принялась за танцы под клавикорды, и мы, постарее, поплясали: Ренненкампф, Обресков и я. Как кончились шахматы, Катенька стала петь русские и французские романсы, итальянского Пескатори и Трио, «Пустынника» Майера, слова Жуковского. Хотя и не в голосе была от страха и усталости, но очень всем понравились и голос ее, и вкус. Принц смеялся, что я вальсировал с женою, а там с обеими дочерьми. После сел опять в шахматы, но, слыша, что играют в зале в веревочку, пришел и играл с нами; надобно было видеть удовольствие всех, особенно детей Фавстовых. Накрыли на столики маленькие. За принцевым сидели, кроме него, князь Дмитрий Владимирович, жена, Волкова, Дмитриева и Мирза-Массуд для перевода. Ты видишь, что всякий этикет был уничтожен. К счастью, многие уехали, и осталось ровно столько, сколько можно было накормить, а именно, кроме упомянутых: Дмитриевы с Еропкиной, две Волковы, Ренненкампф, комендант, обер-полицмейстер, Новосильцев, Всеволожские и свита персидская. До ужина и после принц курил кальян. При отъезде Катя поднесла ему большой портфель, оправленный в сафьян; на нем с одной стороны вышит прекрасный Лев, а с другой – надпись золотыми буквами: «Его высочеству принцу Хозреву-Мирзе дарено Екатериной Булгаковой в Москве. 1829».

Ольга дала ему на дорогу теплые башмаки своей работы, сделанные на персидский вкус. Он все это принял очень благосклонно, благодарил очень всех нас, меня брал за плечо, уверяя, что никогда так не веселился, как в этот вечер. Поехал почти в три часа с видимым удовольствием. Я поскакал наперед, и он не мог понять, как, войдя в свою гостиную, нашел меня уже тут, идущего к нему навстречу; тут обнял меня, опять благодарил и сказал через Массуда: «Я вижу в тебе непринужденное усердие и привязанность ко мне; когда возвращусь в Персию, докажу, что я тебя помню и заочно». Я догадываюсь, что это должно касаться до ордена персидского. Булат, который он мне подарил, ценит Ренненкампф в 80 червонных; это и подаренный мне с пальца бирюзовый перстень не могут быть достаточным, кажется, подарком от него; но я, право, доволен, ибо был примерно им обласкан все это время и не жалею трудов своих. Положено было, что принц выедет, выспавшись и позавтракав; это, верно, протянется до двух часов.

Ну, брат, не понимаю, как можно было все это устроить в три

часа времени; но дело в том, что все было бесподобно, и принц не имел ни минуты скуки. Тестю спасибо, ужин и вино его, а это пахнет сотнями; мог он сделать это для дочери, которая прискакала сюда для его вечера именно, а то была бы себе в деревне. Я должен был занять у Фавста 300 рублей; нечего делать, избежать нельзя было, я не напрашивался на этот расход; будут, верно, и претензии на меня, но бог с ними; дом мой мал, средства мои еще меньше, да и время так коротко, что надобно быть волшебницею или Наташею, чтобы так хорошо все устроить. Прекрасно все удалось. Вот и конец моим хлопотам, чему я рад как нельзя более.

Право, измучился, но имею удовольствие видеть, что принц и вся свита предовольны мною и своим пребыванием в Москве. Ежели не заслужу воззрения графа Нессельроде, то останется мне сожалеть, что ему одному не умел угодить. Я уверен, что без всякой моей просьбы князь Дмитрий Владимирович засвидетельствует перед государем о трудах моих и сбережении казенного интереса. Государь слишком справедлив и милосерден, чтобы отказать какой-нибудь знак своей милости: не все же мне быть в поваренках с асессорским окладом, с 33-летнею пряжкою, десятью годами в одном чине и 3-м Владимиром. Все ищу, кто бы от меня отстал, и никого не нахожу ни в Коллегии, ни в других местах, кроме Боголюбова.

Александр. Москва, 9 ноября 1829 года

Я проводил своего Хозрева до Подольска. Я не мог дождаться минуты его отъезда, а теперь мне уже и жаль его. Я к нему привык, и он привязал меня к себе своей ласкою; особенно в эти последние два дня он не отпускал меня от себя и очень дружески со мною обходился. Я ничего не сказал, а потому и удивился он, войдя в Подольске в дом Лазовского, меня первого увидеть в гостиной. Весь вечер не отпускал от себя, очень много со мною говорил, заставлял с хозяйкою играть на клавикордах, на другой день, то есть вчера, подзывал меня ехать до Серпухова; но я отвечал, что стараюсь от него отвыкать и что прощание в Серпухове было бы для меня еще тягостнее. Он согласился, что я прав. Долго тебе все рассказывать, но при последнем прощании он взял обе мои руки в свои и, держа их таким образом, говорил минут с десять, сколько меня любит, сколько ему приятно видеть, что у меня жена добрая и прекрасные дети, что я счастлив в семье своей, что он не в силах ничем доказать мне и князю Голицыну свою благодарность за наше попечение о нем, что это будет долгом его отца и шаха – нам воздать по заслугам, что это будет его первая обязанность по приезде в Персию – представить деду и

отцу, что пребывание его в Москве никогда не изгладится из сердца его, что он русских ставит выше всех народов, что оружию нашему нельзя противиться никому, но что великодушие и доброта нашего государя еще более их всех победили; просил меня писать к нему и считать его между моими друзьями, и проч. Наконец сел в карету, и когда затворил дверь, то слышу стук и голос его, чтобы отворили; когда отворили дверцы, то он закричал: «Булгаков!» Я подошел, и он опять протянул руку из кареты и жал мою, повторяя: «Прощай! Прощай!» Право, тронул меня.

Эмир-низам и вся свита прощались со мной как бы с родным. Его высочество послал через меня шаль Катеньке, – конечно, неважную; булат, им мне подаренный, и бирюза, которую надел он с своего пальца на мой, – все это, может, стоит червонных сто или сто двадцать; но я предоволен милостями принца и отличиями, мне оказанными, во всех случаях. Его высочество объявил мне, что от шаха будут даны ордена князю Дмитрию Владимировичу, Юсупову и мне, и прибавил: ежели князь Дмитрий Владимирович хочет еще наградить кого-нибудь, то чтобы ему написал, что он исполнит. Ренненкампф, который под конец был со мною удивительно ласков, тоже мне сказал, что мне назначен орден, но что это не прежде доставится, как через год. Некоторые бедные люди приходили просить милостыни, а последний день приносили рисуночки, стихи в честь его высочества. Я ему взял смелость напомнить о них, он дал им 30 рублей, чтобы им раздать по моему усмотрению, да два платка и шаль неважную, также для подарения от него бедным девушкам. Мне известно, что казна его очень тоща, а то верно бы щедрее наградил всех; ему пришлось 6000 рублей занять у министерства нашего.

Возвращаясь из Подольска, узнал я в деревне одной, что мост в Серпухове сломало льдом; ежели бы знал я это в Подольске, я бы поехал непременно далее; теперь меня беспокоит, как персияне переедут Оку: паромы наши всегда дурны. Князь Дмитрий Владимирович отправил адъютанта своего до Серпухова провожать; но я все-таки был бы покойнее, поехав туда сам. Есть и другая причина, заставляющая меня жалеть теперь, что я не поехал далее; во-первых, и принц сего желал, а потом Рушковский удружил мне: представь себе, что он две почты с твоими письмами и газетами отправил ко мне в Серпухов. Такого рода любезность надобно делать, как ты, умеючи; а ему вышло это невпопад, а вместо удовольствия – мне досада. Уж ежели послал (вероятно, с нарочным), то надобно было рекомендовать почтальону меня ловить на дороге, и это очень было легко, ибо

мы полсуток провели в Подольске, весь город загроможден был повозками дорожными; немудрено догадаться, что тут персидская свита, следовательно, и я, а курьер меня ищет в Серпухове, куда я и ехать не думал, отправляясь отсюда. И смешно, и досадно!

Александр. Москва, 11 ноября 1829 года

Беглецы-письма твои воротились из Серпухова. Рушковский велел мне сказать, что накажет почтальона; но я ему писал, что ежели хочет загладить свою невольную вину передо мною, то чтобы *дал слово* этого не делать, а то два раза меня огорчит. Все к лучшему! Почтальон, промчавшись до Серпухова, успокоить мог меня насчет переправы через Оку. Я узнал, что принц реку сию перешел благополучно пешком 8-го числа и что все экипажи и свита также по ту сторону реки, чему я очень рад и сожалел после, что не проводил принца до Серпухова по приглашению его. Лед был ненадежен, но клали сутки целые солому, поливая оную водою, и потом опять слой соломы, чем составили твердую массу.

Признаюсь, что нездоровье государя нас тревожит; самое уже появление бюллетеней доказывает, что было начало болезни не бездельной. Бог услышит молитвы не России одной, но всей Европы. Последнее твое письмо нас успокоило, ожидаю с нетерпением почту. В Москве узнали это только вчера, а большую наделало тревогу.

Александр. Москва, 12 ноября 1829 года

Я кинулся на почту, чтобы узнать что-нибудь о государе, и, благодарение Богу, бюллетень, а еще более слова Лонгинова нас успокоили. Я узнал от приезжего из Петербурга точную причину болезни императора; ежели бы не был государь столь важный отец, то и болезнь бы не усилилась.

Вообрази, что свадьба Соковниной разошлась. Ломоносов это слышал сейчас от самого жениха: вышло какое-то неудовольствие между графом и чудаком этим Соковниным. Это очень неприятно для обоих, особенно для Софьи, которая целовалась с женихом; кумушки станут бог знает что рассказывать. Бобринский едет в Париж, он назначил встречу Ломоносову.

Александр. Москва, 13 ноября 1829 года

Вчера много говорил я с графиней Бобринскою [то есть с матерью жениха, графиней Анной Владимировной]. Чуть точно не разошлось от упрямства Соковнина: стал на том, чтобы свадьба была в мае месяце, а Бобринский не хотел ждать, однако же графиня дело устроила и уговорила чудака этого сделать свадьбу в январе. Все это не так что-то идет, и гармонию нельзя

предвидеть между этими господами; женившись, Бобринский отомстит за все это Соковнину. В Москве много будет, верно, комеражей по этому случаю.

Молодая графиня Бобринская, урожденная Самойлова, просит меня доставить Юсупову письмо сие и посылку; это какие-то комиссии, данные ей императрицею. Доставь и извести меня о получении, чтобы я мог ее успокоить.

Александр. Москва, 14 ноября 1829 года

У нас нет никаких новостей, кроме свадьбы Бобринского с нашей Соковниной; а потом племянник князя Сергея женится на старой девице Нарышкиной, дочери Михаила Петровича, который был женат на одной из сестер графини Пушкиной Катерины Алексеевны. Она целый день только Богу молилась и поговаривала о монастыре, да вместо того замуж идет за карапузика, племянника Чижикова. Кривцова свадьба разошлась; родные не захотели отпустить тотчас молодую в Рим.

Александр. Москва, 18 ноября 1829 года

Графиня Катерина Алексеевна Пушкина скончалась вчера вечером. Царство ей небесное! Пожила довольно для женщины, была любима, уважаема в семье; несмотря на удар, бывший за несколько дней, могла говорить, была покойна, и сказывают, что последние ее слова были, когда лили ей лекарство в рот: «Меня кормят, как галчонка молодого!» Стало, дух ее был спокоен, ежели шутила. Это одна из старинных наших знакомых; она пережила всех своих сверстников.

Я не понимаю, как эта скотина Кокошкин обещает на завтра спектакль. Кто пойдет в театр веселиться 19 ноября? Я скажу Голицыну, чтобы это остановили; он меня поблагодарит за предостережение. Чего смотрит полиция!

Александр. Москва, 19 ноября 1829 года

Я слышал вчера обстоятельство, которое очень меня тронуло; старуха Пушкина, как я тебе писал, умерла; за несколько часов до кончины ее приходит священник в спальню ее. «Что такое?» – «Молебен, графиня, для вашего выздоровления». Старуха сказала умирающим голосом следующие трогательные слова: «Нет, мои друзья, помолимся прежде о выздоровлении государя нашего, а там уже обо мне; я довольно пожила, теперь уже всем в тягость, а он нужен всем, молитесь за него, и мне будет легче!» Так и сделали.

Как тепло ни оделся, а прозяб в соборе. Народу простого было много: а нас, вообрази, только комендант Веревкин, генерал

дивизионный Набоков и я. Удивляюсь, что князь Дмитрий Владимирович не был; должен быть болен, ибо знаю, как он душевно предан покойному императору. Сегодня только узнал, что Павел Иванович Кутузов, сенатор, умер в Твери, предсказав свою кончину за два месяца прежде, и точно умер так. Был здоров, велел себя соборовать, отпевать, лег в постель и умер. Приехал из деревни в Тверь, стал в трактире, потом сказал, что неприлично умирать в трактире, нанял домик, где точно и умер через два дня, по предчувствию своему – ровно через два месяца.

Александр. Москва, 20 ноября 1829 года

То, что ты пишешь мне, переменяет мои намерения, и я князя Дмитрия Владимировича буду просить засвидетельствовать перед государем о трудах моих около персиян, ибо от графа нашего ждать нечего: моя персона слишком мало его интересует. Он не сделал даже чести отвечать ни на одно мое письмо. Бывало, старик-канцлер граф Воронцов, когда я еще щенком, во время болезни Карпова, посылал ему донесения из Неаполя, конечно пустячные, старик Воронцов делал учтивость и сам подписывал письма, коими в двух словах говорил: «ваши донесения получены», а иной прибавлял: «и я ими доволен». Кто не жаден к наградам, для того и это поощрение[49].

Вообрази, что Пушкина старуха умерла, не сделав распоряжений, о коих говорила, в пользу дочери Оболенской, которая беднее всех их и имеет много детей; она ей всегда помогала, давая от 15 до 20 тысяч в год. Кто велит Ване это продолжать?

Александр. Москва, 22 ноября 1829 года

Вот и черный билет принесли. Граф Девиер объявляет о кончине старушки-тещи своей Елены Петровны Херасковой, бывшей приятельницы батюшкиной; только ежели такой холод завтра, то в даль такую за Сухареву башню не поеду.

Был у меня сейчас Каменский Дмитрий Николаевич; порядочный молольщик, начал мною, продолжал с женою и, отстряпав эту, кончил Лелькою. Сказывал, что писал тебе два раза; я отвечал, что ты был болен, а потом, когда нечего тебе говорить, то ты пустых писем не пишешь, а молчишь. Был у меня и Вяземский, скоро собирается к вам. Кажется, хочет приняться за службу; умно сделает, а друзей и покровителей значащих у него довольно, способности – также, так чего же лучше!

Александр. Москва, 25 ноября 1829 года

Вяземский случился у меня, как принесли письмо твое, и он

отнял у меня речь Уварова. Хороша, красноречива; видно, что сочинение поэта. Вели себе дать «Дамский журнал» Шаликова № 48 (это последний); там найдешь ты под статьею «Принц Хозрев-Мирза» описание нашего вечера; писано несколько надуто (это манера Шаликова), но все очень справедливо и, может быть, слишком уж подробно. Как не сказал он, что Юсупов играл с нами в веревочку по убеждению принца! Много теперь говорят о статье сей. Ты знаешь Москву! Многие кумушки приезжают, повторяя: «Покажи, матушка, шаль, что принц прислал через капитана!» Шаль очень дрянная, а потому, для чести принца, и не показываем.

Потоцкого управляющий и камердинер Барбасевич едет завтра в Одессу, везет тело покойного и все его имущество. Я выпросил ему аттестат от князя Дмитрия Владимировича и письмо к Воронцову и сам пишу к графу Льву. Вся эта история продолжалась бы еще год, но князь Дмитрий Владимирович разрешил в судах все затруднения, взяв ответственность на себя одного, а то надобно бы еще делать публикации целый год и вызывать в России и чужих краях наследников.

Умно ты делаешь, что никого не рекомендуешь; это дело деликатное. Я все бранюсь с Волковым, коего страсть – всякого рекомендовать как отличного человека, так же делает свадьбы; а доказано, что из десяти едва три удаются. Кланяйся Дашкову от меня, когда увидишь; я не в претензии, что он не отвечал на мое письмо. Знаю, что он был болен; тогда пусть только смягчит участь несчастного сенатского обер-секретаря, который в запальчивости ударил чиновника сенатского. Весело слушать, как Дашкова все прославляют в здешнем Сенате. Я думал, что он множество будет иметь завистников и неприятелей, а вместо того все его хвалят и любят, особенно обер-прокуроры.

Александр. Москва, 26 ноября 1829 года

Я возвратился с печальной церемонии. Устал – мочи нет и прозяб. Тело из дома до Богоявления несли мы на себе: Ваня, оба зятя покойницы, двое Волконских, Кобылин, Андрей Афросимов, генерал Набоков и я. Шли же мы в одних мундирах с открытой головою; правда, что тепло, но все-таки есть какая-то сырость в воздухе. Как бы ни было, я исполнил священный долг противу доброй старухи; она нас любила как близких своих. Давно не видал я таких похорон. Во-первых, весь город, начиная от князя Дмитрия Владимировича до последнего из знакомых, – все тут были, и на лице всякого изображалась грусть непритворная; да и ежели правду говорить, так в чем можно упрекнуть покойницу [графиню Екатерину Алексеевну Мусину-Пушкину, урожд.

княжну Волконскую, родную племянницу бывшего при Екатерине московского генерал-губернатора князя Михаила Никитича Волконского]? В одной скупости, но и эта не мешала ей принимать весь город, жить домом и делать добро.

Проповедь всех нас тронула, а как стали прощаться, то не одни дамы расплакались, а Софью Алексеевну [дочь покойницы княгиню Шаховскую. Другая дочь, Екатерина, – княгиня Оболенская] насилу оттащили от тела; она вдруг упала навзничь без чувств, и ее в этом положении привезли домой. Не будь тут Четвертинский и я, она бы могла убиться до смерти: насилу шесть человек могли ее поднять. Катерину Алексеевну не пустили на похороны ради ее нервов расстроенных. Софья хочет непременно ехать провожать тело в Ярославль; это уже напрасно, но не могут ее отговорить. Я в последнюю болезнь графини Катерины Алексеевны был перед нею виноват, не посетил ее, но теперь как будто загладил вину свою. Это одна из первейших наших знакомых молодости, скончалась семидесяти семи лет.

Александр. Москва, 29 ноября 1829 года

Я получил письмо из Воронежа от Ренненкампфа, оно меня встревожило: у Хозрева возобновилась там петербургская болезнь, и доктора для спасения его должны были прибегнуть к сильнейшим средствам: полтора фунта крови выпустили и поставили 40 пиявок к животу. 21-го числа миновала опасность, и 26-го полагал Ренненкампф вывезти принца в дальний путь. Он, по его словам, ужасно похудал и в большой слабости, все говорит о Москве, вспоминал несколько раз о нашем вечере и велел всем нам много кланяться. Ренненкампф не знает, как переберется он через горы Кавказские верхом.

Александр. Москва, 1 декабря 1829 года

Здесь только и разговоров, что о живых картинах, что будут у княгини Татьяны Васильевны, все на оные напрашиваются, а я очень бы дорого дал, чтобы Катенька была исключена, а княгиня, напротив того, просила вчера Наташу сделать особенную картину для Кати, и Ольгу просить непременно. Проекты их, по-моему, все нехороши: всё то же да то же, святая Цецилия, возлюбленная Тициана, и Сивилла. Мы хотим что-нибудь свое выкинуть; ужо будут к нам князь Михаил Голицын, что женат на Вяземской, и Всеволожский; мы потолкуем выдумать что-нибудь национальное, взятое из Жуковского или Пушкина сочинений, а нам хорошо то, что сарафаны у детей есть с нашего маскарада прошлогоднего. Не все еще решено, но кажется, что твоя красавица Лазарева будет в «Возлюбленной Тициана», Хвощинская – в «Святой Цецилии», в

картине известной, генеральша Ушакова [Мария Антоновна, муж ее был директором Кадетского корпуса] будет Дидоною, Бобринский – Энеем и проч. Странно, что с того времени, что княгиня Татьяна Васильевна обеих дочерей выдала замуж, она еще более дает веселий дома. Она добрая, милая женщина, и мы рады все для нее делать.

Александр. Москва, 17 декабря 1829 года

Ну, переселился я теперь из Персии в Турцию. Только что отправил я вчера почту, получил от графа Нессельроде письмо с большими комплиментами насчет моих трудов около Хозрева и надежду его, что я и теперь тоже покажу благоразумие, и проч. Это всегда лучше, чем ничего. Вот мой ответ, прочти, запечатай и доставь. Ты увидишь, что я долгом счел намекнуть графу о страхах здешних, чтобы Галиль-паша не привез нам чумы сюда. Многие и основательные люди не без страха; вчера и Волков мне то же говорил. Все напуганы происходящим в соседстве. Разные ходят слухи вздорные, будто в Киеве точно чума, что Толь, наруша карантины, приехал к вам, что двое его людей умерли у вас чумою, а его самого заперли в крепость (и было бы за что); все это вздор, но действует на умы. Рассказывают (не без доброжелателей везде), что и тогда чума привезена была в Москву в турецкой шали. Не было ль худо отобрать у них все, да хорошенько обкурить? Мы все ищем дом для этих свиней; трудно в одном всех поместить, а розно – неудобно. Дай Бог только им здесь не заживаться; впрочем, я того делать не буду, что делал для Хозрева, да и то не приказано.

Жаль бедного Ласунского, был хлебосол, но, может, еще и выздоровеет. Его жена [это знаменитая впоследствии игуменья Спасо-Бородинского монастыря Мария (в миру Маргарита Михайловна Нарышкина, в первом браке Ласунская, во втором – Тучкова)] от двух живых мужей не будет иметь ни одного. Этот немолод, но графиня Завадовская должна бы иметь здоровье, подобное личику ее. Я очень рад, что она опять брюхата, хотя это и прибавляет годы нашему приятелю старому. Давно не слышу ничего о нем.

Ну, брат, не шутка это падение карниза в зале Георгиевской. Как же Бога не благодарить, что так все обошлось и досталось только чернильнице покойной Екатерины II? Ужасно подумать, кабы падение это случилось 1 января [то есть в день всесословного маскарада, какие тогда давались в Зимнем дворце на Новый год]; только тут, воля твоя, оплошность придворных архитекторов или смотрителей – верно, была какая-нибудь большая трещина. Разве всякую неделю не обходят, не

осматривают весь дворец?

Александр. Москва, 20 декабря 1829 года

Сколько ни объездил я домов, не мог найти я удобнейшего, как дом князя Салтыкова на Мясницкой; кажется, можем поместить там всю турецкую шайку; ужо поеду еще подробнее осмотреть и князя туда повезу. Трудно найти дом на две недели; всякий хочет отдать в годы, а не то слупить миллионы, ежели бы можно. У вас вот наняли дом за 30 тысяч для турки, а мы за дворец здесь заплатили только 8000 за все время, и все было по этому масштабу; а все удивлялись великолепию нашему, ездили дом смотреть, как диковинку. Но бог с ними! Нессельроде не только добро делать, но и бездельную приятность не умеет сделать подчиненным своим. Из нашего Архива разбегаются все. Веневитинова, малого отличного, завербовал Закревский к себе, вот и другая такая же жемчужина, князь Мещерский, тоже выходит; останутся бесподобный Малиновский с фискалом своим Азанчевским.

Александр. Москва, 24 декабря 1829 года

У меня одна просьба идет за другою: одолжи меня и выкопай в Петербурге жизнеописание графа Никиты Ивановича Панина, составленное Денисом Ивановичем Фонвизиным, батюшкиным приятелем. Оно было напечатано в Сенатской типографии, но книга сия очень редка; кажется, Денисом Ивановичем не была пущена в публику и продажу, а им только раздаваема приятелям. Нет ли у кого этого хоть в рукописи? Не найдешь ли какого-нибудь старожила, помнящего Фонвизина? Его современники и приятели были батюшка, Шарапов Василий Алекс., Бакунин; давно всех их не стало. Всякое сведение о Денисе Ивановиче было бы очень мне полезно.

Александр. Москва, 26 декабря 1829 года

Вчера был у меня Рушковский; похудел. В Москве глупые слухи возобновляются: ты – вторым управляющим почт, Рушковский – на твое место, а я – на его. Мне очень не трудно доказывать всем нелепость сих слухов [последний слух скоро оправдался, и А.Я.Булгаков заменил Рушковского в московском почт-директорстве].

Здесь заговорили, что князь Дмитрий Владимирович едет к вам, чтобы не возвращаться. Все жалеют о нем, даже и те, кои, бывало, ругали его. Всегда так бывает. Называют сюда Паскевича, а другие – Балашова, вчера сюда приехавшего; от этого Боже избави Москву.

Александр. Москва, 30 декабря 1829 года

Великий день сражения прошел! Мы трубим победу, нет ни мертвых, ни павших, лишь толпы покоренных. Все в восхищении от живых картин. Их заставляли повторять по нескольку раз под клики воодушевления. Ежели верить тому, что говорят, наши картины были всех прекраснее. Я нахожу, что картина с Дидоною также была восхитительна. Лазарева была великолепна, но ее длинные волнистые волосы давали скорее впечатление прекрасной Магдалины. Но совершенно прелестны были маленькая Алябьева [Александра Васильевна, вышедшая потом замуж за Киреева. Это была красота ослепительная, но холодная], настоящая красавица, и маленькая Гончарова [семнадцатилетняя Наталья Николаевна. Пушкин, вероятно, был на этих живых картинах: «И блеск Алябьевой, и прелесть Гончаровой»], в виде сестры Дидоны; эта была восхитительна. Картина Тициана с сыном также была замечательна, да и все было прелестно.

Наш сюрприз славно удался: когда княгиня привела все общество в большую залу и все уселись, а занавесь по сигналу подняли, она ожидала, по программе, увидеть картину маленького Ланского, а вот и нет – открылась большая рама посредине, которая представляла комнату, стало видно Всеволожского и меня, мы изображали картину; она ничего не понимала, что происходит. Наконец через полминуты я начинаю зевать. Удивленный Всеволожский говорит мне: «Ну вот! Да разве так позируют? Вы зеваете, хороший же пример мы даем другим, они скажут: ежели начальники зевают, что же нам помешает спать? Я постарался *позировать по натуре*, и глядите, как я *натурально позирую* (он вновь принимает свою позу)», – и тогда начинается маленькая пьеса, полная намеков на картины и которую я пошлю тебе завтра. Ей очень горячо рукоплескали. Было почти 400 человек; я оробел перед началом, но Всеволожский, который прирожденный актер, тотчас помог мне освоиться. После сего начались картины по программе.

Поскольку это было сделано наспех, за десяток часов, то не успели прибавить еще две картины, сходные с нашим русским маскарадом и которые мы устроили, как сумели, за несколько часов до представления. Не поверишь восхищение всех; как открыли нашу картину, княгиня Татьяна Васильевна закричала: «Прелестно! Прелестно, мой друг; смотрите, Рождествено, как чудно сделано!» [Рождествено – подмосковная князя Дмитрия Владимировича Голицына.]

Мы три раза должны были повторить. Катеньку осыпали похвалами. Княгиня ее целовала несколько раз, а нас с женою при

всякой встрече благодарили и княгиня, и князь Дмитрий Владимирович. Тут можно было видеть, как они оба любимы, ибо все с восхищением исполнили желание его, не жалея ни трудов, ни издержек.

Множество охотников пускаются на описания. Тут был князь Шаликов, Арапов пишет для «Северной пчелы». Я просил Вяземского взяться за это. Мне времени нет, а надобно бы за это тотчас приняться. Ну уж подлинно праздник! Только надобно было и такой дом, чтобы устроить это так хорошо: все мы и дамы имели особенные комнаты, чтобы одеваться; зал для приготовления, зал для табло, зал для концерта и пения, бывшего в антрактах, гостиная для карточных столов, после танцевали и ужинали. Право, стоило бы хорошенько это слитографировать с рисунками всякого табло.

Князь и княгиня вчера поговаривали повторить все это еще раз дня через три, и право, стоило бы того. Я дамам шепнул на ухо платьев своих не расшивать и не портить, все очень обрадовались этому и готовы опять позировать. Я очень рад, что все кончилось покуда. Вот тебе наскоро и в двух словах наш праздник. Передай Афросимову и москвичам нашим. Я видел вчера Ломоносова сестру, которая также была в восхищении от табло.

Спасибо за новую монету, это диковинка здесь, и тесть отнял у меня на день – верно, показывать всем. Пусть тешится старик, а вчера он плакал, как женщина, глядя на своих внучек. Уж подлинно может ими гордиться во всех отношениях.

1830 год

Александр. Москва, 1 января 1830 года

Поздравляю тебя, мой любезный друг, с наступающим годом. Что говорить о желаниях моих? Кто себе добра не желает, а тебе желаю я то же, что себе. Я объездил теперь матадоров, был у князя Дмитрия Владимировича, Юсупова, Обольянинова, Муханова, Кутайсова, губернатора, Ивана Николаевича Корсакова и Костиных командиров [то есть у чинов университета: старший сын Булгакова Константин учился тогда в Университетском благородном пансионе]. У князя Чумага[50] (который большой сплетник и с кем избегаю сих разговоров) рассказывал как вещь официальную, что Кобургский сделан королем греческим и проч. Можно ли грекам, которые такие сделали чудеса из одной любви к вере своей, грекам дать лютеранина царем? Будто государь положился на выбор Франции, а эта назначила Кобургского[51] по желанию Англии.

Очень я рад, что государь пожаловал Поленову [Василий Алексеевич Поленов заведовал Государственным архивом] 10 тысяч; за такие милости всякий благословлять должен императора. Поленов беден и давно служит.

Здесь слухи носятся о новой ревизии, после коей будто крестьяне будут объявлены вольными[52]. Что не выдумают и чему не поверят!

Александр. Москва, 3 января 1830 года

Ну уж праздник дал князь Дмитрий Владимирович вчера, мой милый и любезный друг. Таким маскарадом можно бы было блеснуть и во время коронации и Венского конгресса. Званых было 700 человек. Одни больные и хилые не были. Даже Волков потащился. Несмотря на это, не было тесноты, и веселение не прерывалось. Что за костюмы! Какой вкус! Какое богатство! Какая веселость непринужденная! Изобилие конфет, мороженого, фруктов, ужин. Началось маленькой пьескою, устроенной Всеволожским; он представлял Фигаро, слугу строителя испанских замков господина Буасье, который и сам был как Фигаро, и все закончилось хорошенькими куплетами. Играли все восхитительно. Фигаро вызывали и аплодировали ему очень. Масок смешных, красивых, кадрилей была бездна, много танцевали, и великим событием, которое некоторые и покритиковали, но большинство, и я в их числе, одобрили, стало то, что котильон танцевали *стоя и без стульев*. Очень я желаю, чтобы этому прекрасному примеру, заданному княгиней

Гагариной, стали все подражать: стулья стыдны молодым. Получается все наизнанку: танцоры сидят, зрители стоят. Князь с княгинею были в чудном настроении, словом, бал был лучше всех, что я видел. Я не маскировался, один только раз надел ливрею Виктора, Александр Всеволожский – ливрею Ле Бранша, между нами был Фигаро, да так и ходили втроем. Катенька была бесподобна, ее сравнивали с Жоржею; диадема к ней славно идет, и платье старинное также. Ольга была в простом розовом домино очень мила; много об них жужжали тут. Мы в четвертом часу воротились домой, все натешились, а особенно Костя.

Вчера объявили свадьбу прелестной Веневитиновой с графом Комаровским.

Александр. Москва, 6 января 1830 года

Что я предсказывал князю Дмитрию Владимировичу, сбылось: по приему, сделанному Орлову султаном, граф Нессельроде и Закревский пишут князю, чтобы и Галиль-паше оказаны были особые почести. Я рад, что дом у нас порядочно убран. Хотел я его украсить батюшкиною коллекцией турок, но она, по несчастью, в подмосковной; поздно хватился, а посылать уже некогда. Портреты чиновников турецких их бы повеселили, но многое у них теперь изменилось, особенно в костюмах. Здесь пробудут они только четыре дня; велено ускорять их путешествие, ибо приближается пост, во время коего нельзя будет давать послу пиров в Петербурге. Я очень рад, что скоро от них избавлюсь. В одно время с князем Дмитрием Владимировичем едет в Петербург и любимец его Борис Карлович Данзас, коего отца мы всегда видали у графини Строгановой. Этот женат на побочной дочери князя Сергея Михайловича Голицына, очень приятный и добрый малый. Он очень тобою хвалится за какое-то сделанное ему тобою одолжение; я ему сам предложил знакомство дома твоего и письмо рекомендательное. Петр Петрович Новосильцев его привезет к тебе.

Александр. Москва, 7 января 1830 года

Я полагал, что князь Алексей Борисович в Петербурге, а потому не известил тебя о кончине его, а выходит, что он умер скоропостижно в Орле ударом. Граф Зотов, будучи у Всеволожского, получил эстафету с этим известием. Странно, что покойник писал за день до кончины к митрополиту, прося у него позволения возобновить в Чудовом монастыре какие-то надгробные памятники древние предков его, князей Куракиных, а вместе с ним и место тут же и для себя.

Вот и вакансия для канцлера орденов российских. Верно,

будет граф Кочубей.

Александр. Москва, 16 января 1830 года

Муханов [тогдашний московский обер-полицмейстер] занемог в Орле, ему приставляли пиявки, а с турками продолжает путь князь Херхеулидзев, адъютант графа Воронцова. Они ночуют сегодня в Подольске, а завтра имеют въезд или, лучше говоря, прибудут в Москву, ибо не будет никакой церемонии, а просто, чтобы сделать им учтивость, пошлют к заставе городовые их кареты, в коих и привезут главнейших в дом, для них приуготовленный, а прочие пусть следуют в дорожных их экипажах. Многое переменили мы против письма Муханова, который полагал, что князь здесь, а его нет; так как Небольсин правит его должность, то и неприлично было бы ему дожидаться турок в доме, а приедет он после, погодя. Хлопот прибавилось: о столе не было мне ничего сказано, а теперь пишет Муханов, чтоб были хорошие повара, готовили бы на европейский вкус, чтобы был пилаф [плов] всегда (не так глупо), мороженое, варенье и стол на 30 персон. Все это узнаю я вчера, то есть почти накануне их приезда; поди, успевай все делать! Прежде имели мы только список, какую нужно приготовить провизию; ежедневно надобно 200 бутылок меду хорошего, а это делается только на заказ, и надобно две недели времени. Хорошо, что в клубе у меня приятели и я мог оттуда забрать весь мед. Множество эдаких глупых забот, отнимающих у меня время; а оно нужно мне для собственных моих дел и приуготовления к отъезду.

Щербатов (везде мы эту гадину встречаем), посланный навстречу к туркам от князя Дмитрия Владимировича, вздумал привезти их сюда ночью сегодня, не понимаю – зачем? Разве, чтобы более было тревоги и беспокойства и им, и нам. Вчера был я у Небольсина, и для предотвращения сего отправили мы эстафету к Херхеулидзеву, чтобы остались они ночевать в Подольске, а въехали бы днем завтра в Москву: увидят город, и все лучше расположится к покойному для них ночлегу. Радуюсь я, вспомнив, что в Петербурге избавлен буду от всяких хлопот и займусь единственно С.-Петербургским почтамтом.

В Москве ужасная тревога:
Умы дамские вскружились,
По модисткам все пустились,
Как узнали, что на бал
Будет турский генерал!

Вот что затеял бы покойный Семичев с балалайкою. В городе

любопытство, удивление; уже и чумы перестали бояться. Народ стоит перед домом и смотрит на него, хотя он и пуст. Что же будет, как приедут?

Я беспрестанно все встаю: то один, то другой. Ты помнишь высокого Якова, служившего казначеем у старика Варлама? Он в бедности, и я, желая ему сделать добро, взял его к туркам для стола; хотел ему поручить кое-какие покупки, а он вчера напился пьян в доме тут же и расквасил себе всю рожу. Хорошо, что сделал это заблаговременно.

Хорош был у меня комиссионер! У нас опять 23 градуса мороза; это не стамбульский холодок.

Александр. Москва, 17 января 1830 года

Турки приехали сегодня в полдень; я насилу оттуда вырвался, чтобы отправить наскоро почту. Все, слава Богу, идет очень хорошо; и турки, и Муханов довольны. Неджиб-эфенди тотчас спросил меня, сын ли я министра и брат Булгаковых, которых он знал; старик превеселый, а Галиль-паша красавец, и совсем не турецкое лицо.

Как я рад, что остался здесь; большая б была каша без князя и меня. Все хотят приказывать, а никто не хочет потрудиться. Слава Богу, что все хорошо. Галиль ужасно меня обласкал; все мне о батюшке говорят.

Александр. Москва, 18 января 1830 года

Поутру надобно будет представлять многих Галиль-паше, а там будет он у развода в экзерциргаузе, потом в Оружейной, Грановитой, хочет лезть на Ивана Великого (но я не ходок туда в эту стужу), после едет на санях осмотреть лучшие улицы московские. Вечером в 8 часов назвался ко мне чай пить, а потом поедет в Собрание: вот и весь день.

Сегодня был он в восхищении от балетов Ришара и Гюллень-Сор, удивлялся огромности здания, часто аплодировал; бездна была народу. Только сделалось ему дурно от жара, который не любит, предпочитает ему трескучий мороз; выходил в сени и мылся холодной водою. Он, кажется, полнокровен. Мы очень поладили; он меня ласкает и отличает, говорит откровенно о делах, например, что у султана все одна люби мая мысль: видеть нашего государя. За столом он точно европеец, ест опрятно и говорлив; я велел сделать пилаф, и как подавать стали, то он сказал, что будто требовал пилаф, чтобы меня, цареградского уроженца, лучше угостить, дал грушу, прося отвезти ее Пашке моему, и прибавил: «Скажите ему, что турки вам головы не отрубили, а напротив того, вас полюбили». Я ему рассказал, что

Пашка было расплакался, узнав, что я к туркам еду в мундире; а это все глупые разговоры няни его, святоши, которая видит в турках злодеев христиан, ребенка и напугала. Галиль-паше захотелось Пашку видеть, равно как и семью мою, и он назвался поэтому к нам на чай.

Очень я рад канцлерству князя Голицына. Какой я дурак: не догадался, что ему быть оным, а я было прочил графа Кочубея.

Александр. Москва, 20 января 1830 года

Бал Небольсина был прекраснейший. Галиль-паша открыл оный польским со старухою Авдотьей Селиверстовной; после танцевал еще со штате-дамой Глебовой, с княгиней Горчаковой, племянницей хозяйки, с Наташей, Катенькою, потом, несмотря на танцы, пошел играть в шахматы и уехал до ужина: боялся дурноты от жара. Очень весел и любезен со всеми. Увидав, что полковник его взял Катеньку, он подошел, отхлопнул у него и сам стал танцевать с нею. После взял он семилетнюю дочь Небольсина, танцевал с нею польский и целовал ее несколько раз.

Несколько месяцев 1830 года А.Я.Булгаков со своей семьей провел в Петербурге у брата, и дальнейшие письма его написаны на обратном пути оттуда и по возвращении в Москву.

Александр Новгород, 4 июня 1830 года

Можешь себе представить, как мы грустны, несмотря на беспрестанную рассеянность дороги. Подъезжая только к заставе, уняли слезы, а тут, на беду, явился добрый Норов и опять нас растрогал. До Царского, где не останавливались, Катенька все плакала, притворяясь, что спит. В Спасской Полести выходит вдруг фигура ехать: две кареты и коляска, одет в халат на меху, колпак и зеленые очки. Что за фигура? Узнаем Кушелева-Безбородко, едущего с женою в Москву, а на следующей станции встретились мы со славным Казарским; смотритель пришел доложить: «Не угодно ли вашему превосходительству посмотреть на адмирала, что турку сжег?» Пошел было, но тот уже уехал.

Александр. Москва, 2 июля 1830 года

Меня беспрестанно перебивают. Вот и архив явился с поздравлениями о ленте. Все просят посмотреть Станислава, о коем понятия здесь не имеют.

Рассказали мне анекдот про поэта Пушкина. Кто-то, увидав его после долгого отсутствия, спрашивает у него: «Как же, милый мой, говорят, будто собираетесь вы жениться?» – «Точно так, – отвечал тот, – и не думайте, что это будет последняя глупость,

какую я еще в жизни совершу». Каков молодец! Приятно должно это быть для невесты. Охота идти за него!

В Нескучном какие-то театры воздушные, весь город там бывает. Вчера дирекция собрала, сказывают, 3000 рублей; уверяют, что мысль эту дал князь Петр Михайлович [Волконский, министр Двора], ибо летом никто не бывает в театрах в городе.

Александр. Москва, 5 июля 1830 года

Вчера была у нас Зонтаг, мой милый друг. Наташи не было дома, но дети просили ее принять, и обе от нее в восхищении, а она от них. Много говорили о музыке, и так прошел час очень приятным образом. Показывал я ей портрет. После ездил я к князю Дмитрию Владимировичу, к Кокошкину и опять был у нее. Она дает концерт в четверг, 10-го. Кокошкин, против обыкновения своего, был очень мил и отдал театр безусловно; потом толковали: что петь? Начнет арией, сочиненной для нее нарочно Меркаданте, я просил рондо последнее из «Ченерентолы»; потом сольную арию из «Цирюльника севильского» и, наконец, Родовы вариации, что певала Каталани. Она сказала князю Дмитрию Владимировичу: «Я не угожу господину Булгакову, но везде любят этот кусок». Это правда, что я ей сказал, что не люблю для голоса скрипичные вариации. Это заставляет меня думать, что у нее более искусства, нежели души. Увидим. Кроме нее, не будет ничего, и хочет она петь без хоров, кои, говорит она, только мешают и портят, когда не отменно хороши. Теперь статья – цены за места. Хочет ложу по 100 рублей. Поручусь, что театр будет набит один раз; но она намеревается дать четыре концерта. Я первый более одного раза ехать не могу, а пусти она по обыкновенной цене, то всякий раз будет полон театр. Я ей сказал, что на третьем концерте Каталани не было никого.

Как обрадовался я 5000 рублей, пожалованным Александру [молодому живописцу Мартынову, двоюродному брату Булгаковых, коего сестра, Любовь Андреевна, была замужем за московским врачом Попандопуло]! Приятно должно ему быть видеть, что трудами его существуют мать и вся семья. Награда точно царская, но и рисунок отличный. Запечатав, поеду к Малиновскому и к Любеньке заеду, обрадовать ее.

Александр. Москва, 7 июля 1830 года

Был я у Малиновского. Худо стал слышать; глухим может быть, но Каменским Николаем Николаевичем – никогда.

Вчера был я в Нескучном. Множество народу, погода прекрасная, местоположение прелестное, театр этот воздушный

очень хорош: сцена обширна, сделана из натуральной зелени и деревьев, один ряд лож, партер, а над ложами раек; битком было набито. Давали «Бобыля»; наконец удалось мне видеть любимую пьесу покойной императрицы Екатерины; хорошо писана и в русском духе, а после был балет и пение русское. Две вещи показались мне довольно странными: Филис пела вариации что любо, а после гуляла в саду в черном с плерезами (видно, по материной кончине); почему же бы не ехать домой? А потом Кокошкин в модной белой шляпе гулял, ведя под руку свою любовницу, актрису Потанчикову.

Жалуются все, что Зонтаг дорого назначила цены. Я и сам того мнения. Вся ложа имеет пять купонов, а шестая особа должна уже платить особо. Ну где это усмотреть! Видно, окружающие ее наблюдают строго спекуляции свои. Лод ер, говорят, вне себя, не слыхав ее еще. Спросил у какого-то немца: «Когда у нас будет Зонтаг?» – «В четверг!» – «Значит, в четверг будет воскресенье!» [Имя певицы и «воскресенье» по-немецки звучат одинаково.] Каков немецкий каламбур?

Александр. Москва, 11 июля 1830 года

Как я ходил на сцену, нашел у Зонтаг князя Дмитрия Владимировича, Башилова, Кокошкина, князя Сергея Михайловича. Она что-то грустна. Мне сказала, что нездорова; другие говорят, что письма имела неприятные; третьи – что ей было больно, что не повел ее на сцену кто-нибудь из нас, а капельмейстер Шольц. Напрасно не сказала, я бы дал ей руку. Дело было бы Кокошкина. Ведь граф Василий Валентинович Пушкин вел же Каталани? Ну уж хлопали! Такого шуму я не слыхал никогда, а все поехали было сердитые, что дорого назначила цены. Наташа в восхищении, ходила после концерта на сцену хвалить певицу; я нахожу у нее сходство с Фодор, тот же манер, и голоса схожи. Пение ее превосходное, но не совсем итальянское, хотя произносит хорошо. Голос ее не очень силен, но чрезмерно нежен, приятен и гибок до бесконечности, метода вовсе новая, пассажи необыкновенны и чисто выделаны; скажу тебе только: для души мало, хотя и видно, что у самой много души и чувства. Надобно еще послушать, в комнате должна быть еще лучше. Ноты ее все верны, за нее никогда не боишься. Она точно замужем. Теперь делает жертву для мужа или, лучше, родных его. Он был замешан в революции пьемонтской, страшные с него взыскания, и она оплачивает их своим талантом. Из Петербурга поедет еще в последний раз в Берлин, а там объявлена будет графинею Росси и поселится в Брюсселе, где муж ее министром.

Иные говорят, что сбор был в 16 000 рублей; мне в театре сказывали, что 13 400 рублей, но не все еще заплачено; стало, будет более. Князь Дмитрий Владимирович сказывал мне, что для второго концерта будут ждать прибытия великого князя, и хорошо! Многие поедут, чтобы увидать и его императорское высочество[53].

Александр. Москва, 24 июля 1830 года

Вот что слышал я о великом князе. Вчера был он уже на водах, но только чтобы посмотреть, а начинает пить сегодня. Видя военных, одетых в полный мундир и в шляпах, спросил: зачем? «Да мы слышали, что ваше высочество изволите воды пить». – «Какое дело до меня? Служба службою, а здоровье здоровьем; жертвуйте им на войне, а здесь лечитесь, ездите в сюртуках и фуражках, я вас прошу о том и требую даже это». Отведывал воду карлсбадскую и сказал Лодеру, что находит эту горячее той; кажется, всего бы легче дать одинаковую степень теплоты. Прибавляют, что Лодер успел уже ему надоесть. Он велел Лодеру, ежели хочет, всякое утро бывать у него и сказать, что имеет, но чтобы тут, у вод, оставлял его высочество в покое, а то он как тень за ним бегает все. Я полагаю, что великий князь будет завтра в концерте. Даст ли-то она еще концерт в свою пользу? Завтра хочется мне съездить к ней с Катенькой; дамы мои ей не отплатили еще ее визитов, а она, говорят, очень дорожит сими атенциями.

Александр. Москва, 26 июля 1830 года

Вчера поехал я с Фавстом к Зонтаг. Я нашел у нее большое общество: Иван Алекс. Нарышкин, граф Потемкин, Петр Петрович Новосильцев, Кутузов (сын Павла Васильевича), и еще некоторые из ее обожателей таланта.

Покуда был я тут, явился Чертков, его высочества адъютант. Великий князь прислал его к Зонтаг – благодарить за удовольствие, которое она ему доставила в концерте накануне, и спросить о здоровье ее. Она хотела ехать завтра, но князь Дмитрий Владимирович дает для нее вечер в понедельник и просит ее остаться. Кажется, неловко ей отказать. Она мне сказывала, что второй ее концерт принес 15 600 рублей. Это, право, невероятно в это время года. Хочется мне доставить тебе еще статью для «Хорька» [выходившая тогда в Петербурге газета]; ежели не возьмет лень, то примусь теперь же писать: время есть. Не знаю, попаду ли на репетицию, а хотелось бы, да хотелось бы детей потешить, повезти их хоть в третий этаж; так и быть, 50 рублей пожертвую. Ольга предлагает половину из денег, кои

княгиня подарила ей в именины. Видно, что очень хочется послушать прощальное пение. Повезу, ежели князь не очень плох.

Я получил записку от Анненкова; он извещает меня, что великий князь примет меня *с удовольствием* сегодня в час пополудни. Это тем более для меня лестно, что я сей милости не испрашивал, а когда был у нас Анненков, я ему сказал: «Не пойду свидетельствовать свое почтение его высочеству, ибо знаю, что он приехал сюда здоровье поправлять, а не принимать докучливых посетителей». Видно, он сказал это его высочеству. А сенаторы просили все быть допущенными; ответ был, что дадут знать. Вчера представлялись члены Опекунского совета, некоторые генералы, и Рушковский туда сунулся. Узнав это, и Иван Александрович Нарышкин, который везде нужен; но сказали, что нельзя. То-то и был он так хорош у Зонтаг: мундир, лента через плечо, а панталоны белые матросские, широкие, сверх сапог.

Я сию минуту от великого князя, который меня чрезмерно обласкал, принял в кабинете своем и много расспрашивал; начал со здоровья тестя, не забыл и Ольгу Александровну. На досуге тебе все опишу. Говорил о Полетике: «Знаешь ли, Булгаков, что Полетика влюблен в мою жену? Бог знает, что из этого выйдет?» – «Да разве дуэль, ваше высочество!» – «Вовсе нет: я не дерусь с друзьями, и потом, я рассчитываю на добродетель жены своей», – и проч. Очень весел, доволен Москвою и отпустил, говоря: «Надеюсь, мы будем видеться так же часто, как в Петербурге».

Александр. Москва, 27 июля 1830 года

Я тебе давеча сказал вкратце, что был у великого князя. Представлялись Шульгин Александр. Сергеевич, князь Андрей Голицын, Иван Иванович Дмитриев и Обресков. Его высочество изволил позвать меня в кабинет и продержал по крайней мере $^3/_4$ часа; начал с тестя, входил в подробности и сожалел о несчастий, которое нам готовится; потом пенял, что не остались мы для петергофского праздника, хвалил оный, рассказывал о лечении своем, образе жизни здесь, в каких перед сим был беспрестанных хлопотах, балах, разъездах, учениях, маневрах в течение месяца; о Варшаве рассказывал, об Оскаре; спрашивал, здорова ли Ольга Александровна; говоря о Зонтаг, хвалил талант, а еще более нрав ее и доброту. Говоря о водах, зашла речь о Лодере. «Мне кажется, – сказал его высочество, – что он, помимо того, что стар, еще и болен; у него вид страдающего водяною!» На это я ему отвечал: «Да, и это совершенно естественно». – «Как естественно? Почему так?» – «Да как же вы хотите, чтобы не было воды *в Лодере*?» [«в Лодере» звучит по-французски так же, как «в Одере»]. Великий князь очень засмеялся и прибавил: «Недурно для

начинающего». – «Что вы называете начинающим, ваше высочество? Уже долго я и брат мой этим балуемся».

Потом долго говорил великий князь об Алжире. «Славное, братец, дело!» – «Помилуйте, ваше высочество; король для дея алжирского употребил силу, коей Бонапарт покорил весь Египет и Сирию. Король Карл X взял дубину, чтобы убить муху, но что сделается с Алжиром?» – «Ну, это дело Полетики и вас всех, дипломатов». Тут речь зашла о турецкой войне, Варне и Браилове. После очень хвалил его высочество здешний кадетский корпус: «Был ли ты там?» – «Нет-с!» – «Напрасно». – «Я должен был везти туда Хозрева, да он занемог тогда и не был». – «Отличное во всех отношениях заведение, я поеду еще туда и возьму тебя с собою; это стоит того – посмотреть, дети здоровы, веселы, благонравны, учены, сыты, мило смотреть».

Я благодарил за предложение и охотно поеду туда, особенно же с его высочеством. Бог знает, о чем не было речи. О покойном государе, о наводнении 1824 года и проч. и проч. Отпуская меня, сказал: «Надеюсь видеть тебя так же часто, как в Петербурге». Я думаю, я очень надоел Ивану Ивановичу Дмитриеву, который ждал, чтобы я вышел. Между тем собрались тут Юсупов, комендант, Ланжерон, кои приглашены были кушать у его высочества. Не поверишь, как он меня обласкал. Оттуда, как был я – в параде, в ленте, заехал я к князю Василию Алексеевичу [тестю Булгакова, князю Хованскому]. Белов его разбудил, говоря: «Вот и Александр Яковлевич приехал от великого князя вам показаться и вас навестить». Бедный больной, увидев меня, обрадовался и удивился, глядел на меня, как ребенок на игрушку, улыбался, указал мне сесть возле себя, рассматривал звезды мои и взял в руку ленту Станиславскую, похваливая жестами. Эта минута была, кажется, приятна ему столько же, как и мне. Может быть, она и последняя будет между нами. Я все боюсь, что он вдруг потеряет память, да и жизнь: очень слаб.

Прежде нежели лечь спать и выкурить трубку, поговорю о концерте прощальном. Было немного. Этот театр кажется пуст, когда не весь набит: так обширен. Однако же эта пустота произвела почти 7000 рублей, и Зонтаг никогда так хорошо не пела и не старалась. Прием ей был удивительный. Я, право, и не знаю, что она лучше всего пела.

Ария эта Меркаданте – ее триумф, но как пела она божественно арию из «Семирамиды», коей аллегро очень нехорош; она его украсила прекраснейшими пассажами. В репетиции я восхищался изобилием ее пассажей; раз пять начинали, оркестр шел нехорошо, и всякий раз делала она шутя различные пассажи. Швейцарскую песню славно пропела, –

говорили все знатоки; я не очень слышал вот почему. Оставя детей в ложе с Марьей Егоровной, я пошел вниз в кресла, чтобы лучше слышать и видеть: тут оба надобно! Великий князь, увидев меня, поклонился и сделал знак головой, чтобы я к нему пришел. Нашел я его перед ложею в комнатке, отдыхающего от жары. Тут были князь Дмитрий Владимирович, который скоро ушел, комендант, Башилов и свита Князева. Разговор был все о Зонтаг. Его высочество цитировал фразу из «Хорька» (не зная, что говорил с сочинителем оной), о коротком платье и прекрасной ножке.

Как кончилась симфония Спонтини и должна была начинаться швейцарская песня, я хотел уйти; но великий князь пригласил меня в ложу и посадил на второе место против себя и всех зрителей, ибо ложа его на сцене под императорскою. Я из учтивости уступал место коменданту, но он не принял и сел возле меня. Так как великий князь часто разговаривал, то и не очень слышал я Зонтаг; зато по окончании арии я дал тихонько тягу, как пришел князь Дмитрий Владимирович, который занял обыкновенное свое место, то есть то, где я сидел. Мне очень было это лестно, ибо вся публика видела ласку его высочества ко мне. «Соловья» бесподобно пела, да и как соловью было нехорошо петь «Соловья»? Все хором закричали «фора», и она пропела еще раз; так произносила, что слова не было потеряно, и прекрасно произносила, точно русская.

Вот что посылаю Булгарину для «Пчелы» в прилагаемом при сем письме. «27 июля, к сожалению не токмо родных его и друзей, но и всех жителей древней столицы, скончался в Москве, на 73-м году жизни своей, тайный советник, сенатор, князь Василий Алексеевич Хованский. Покойный князь был усердный, преданный слуга государев; сердце его было украшено прекраснейшими качествами, а дом его с давнего времени служил съездом отборнейшему в городе обществу. Все посетители, особенно знаменитые иностранцы и путешественники, находили в покойном князе ласку, хлебосольство, вежливость, любезность и все вообще качества, украшающие коренного русского барина».

Не стало доброго князя Василия Алексеевича! Он скончался в 7 часов без десяти минут утра. Я закрыл ему глаза, мой милый и любезнейший друг. Я сказал княгине [второй жене покойного и мачехе жены А.Я.Булгакова Елене Васильевне, урожденной Толстой], что не время уже ее обманывать, что у князя руки уже холодеют, не советовал ей входить к умирающему: что ужасная хрипота в горле, и смотреть на него мучительно. Сказала, что не пойдет, много плакала, просила жить в согласии с нею. «Ежели с вашей стороны, – отвечал я, – та же готовность, что с нашей, то

верно останемся друзьями». Обнимала меня и просила более думать о Наташе, нежели о бедном умирающем. Мы расстались очень нежно.

Как я пришел к князю, то хрипота унялась, он стал дышать реже. Без четверти семь, ощупав пульс, вижу, что перестал бить и рука здоровая (левая) – как лед. «Кончено», – сказал я людям. Все мы заплакали, и я закрыл ему глаза. Несколько секунд после сего князь вдруг опять вздохнул тяжело и стал открывать глаза. Ощупав правую (разбитую) руку, мы очень удивились, найдя ее теплою еще. Тот вздох был точно последний; но непонятно, что, тогда, как князь не дышал и мы опять закрывать стали ему глаза, в большом пальце правой, разбитой, руки продолжалась с минуту сильная конвульсия. Тут, видно, сперлась вся кровь. Объявив княгине несчастие, я пошел к покойнику, поцеловал у него руку и поскакал домой.

Известный литератор и профессор Мерзляков скончался вчера: это потеря для университета.

Александр. Москва, 29 июля 1830 года

Зонтаг за мною прислала, поеду проститься, она едет сейчас, вчера была у нас прощаться, нас не было, жена не могла ее принять. Карета дорожная готова, и лошади приведены у госпожи Генриетты, а она сама изволит еще почивать. Вчера завеселилась у князя Дмитрия Владимировича, где пела она и другие и танцевали. Великий князь был очень весел, по словам неотвязного Лодера, которого я нашел у Зонтаг. Секретарь ее меня уверил, что могу ехать домой, воротиться через два часа и верно застану ее еще здесь. Я так и сделал, а зала там набита прощальщиками; одна труппа немецкая составляет человек 30.

Я сию минуту от Зонтаг, посадил ее в карету; множество было тут народу. Она заранее просит тебя извинить ее, ежели пошлет тебе письмо с человеком; я сказал, что тем лучше, ибо ты на даче, а Марица нездорова. Вчера князь Дмитрий Владимирович с нею открыл бал, много пели, и она также. Вот письмо от князя Владимира Голицына толстого. Он ей отдал дом Лобанова, что в Морской, бывший Александра Львовича, который он нанимает; он теперь пустой, поэтому Зонтаг в нем жить будет. Доставь это письмо тотчас, вели взять расписку и мне пришли.

Александр. Москва, 31 июля 1830 года

Сюда приехал Алексей Петрович Ермолов. Великий князь велел сказать ему, что узнал, что он здесь, и сожалеет, что его не видит. Ермолов отвечал, что, едучи сюда, никак не думал найти его высочество в Москве, что не может засвидетельствовать ему

свое почтение, не имея ничего, кроме фрака и сюртука. На это великий князь приказал Бибикову написать ему, что увидит его у себя с удовольствием и во фраке. Вчера Алексей Петрович был у его высочества, и теперь бог знает что ни говорят: что Ермолов в армии на место Дибича, и даже сюда на место Голицына.

Александр. Москва, 1 августа 1830 года

Сию минуту был у меня издатель «Телеграфа» Полевой, человек очень приятный и сведущий. «Весь город наполнен талантом Зонтаг, – говорит он, – я сказал об ней два слова токмо слегка в журнале моем; желал бы посвятить ей большую статью; не поможете ли мне в этом, ваше превосходительство?» К счастью, остались у меня брульоны [черновики] того, что я тебе посылал, я обещал Полевому дать переводы с оных. Только что он уехал, приехал Ланжерон, велел тебе много кланяться, называя тебя перлом создания Божия. Он строил куры Ольге. Долго мы политиковали с Ланжероном, и он боится, что будут проказы, междоусобная война во Франции. Чего хочется этому королю? Отложа уже другие все резоны, он показывает неблагодарность и презрение к памяти короля, который был, по-моему, французским Соломоном. Беда та, что пожар от Франции пойдет в другие государства: надобно будет вступиться всем державам, с тою разницей, что прежде унимали народ французский, а теперь надобно будет короля ввести в разум.

Александр. Москва, 4 августа 1830 года

Конечно, можно было предвидеть кутерьму в Париже. Вообрази, что здесь в субботу ввечеру уже говорили о возмущении в Париже. Еще до получения мною почты был у меня И.А.Нарышкин и сказывал, что король бежал и что корона предложена герцогу Орлеанскому, который отказал, прибавив, что может только согласиться быть регентом до совершеннолетия дюка Бордоского, и то с согласия короля Карла. Ответ умный, ежели правда. Беда! Ежели державы вмешаются опять в зарейнские дела, то вещь будет деликатная, ибо теперь вина на стороне не народа, а короля или правительства, по крайней мере. Первые известия будут очень любопытны. Сообщай мне, что узнаешь, а на мою осмотрительность положись. Я и теперь говорю: «Удивляюсь, что брат мне этого не пишет».

Великому князю приставляли пиявку сегодня к fonda-mento [заднепроходному отверстию]. Не знаю, есть ли большая нужда, но знаю, что Лодерова страсть – пачкать. Между тем вербуют народ на пикник, который будет в среду в Останкине и который удостоит своим присутствием великий князь. Есть уже 100

человек, с лишком по 25 рублей. Многие напрашиваются, коих не хотят. Башилов этим заведует, а дамами командует Мария Ивановна Корсакова. Я благодарил за приглашение и в этот день надеюсь быть на Троицкой дороге [то есть на дороге в Семердино] уже.

Александр. Москва, 6 августа 1830 года

Эту ночь ужасно я промучился зубами и всей левой стороною лица; не знал, что делать. Наташа положила мне камфары в ухо с корпией и велела сделать подушку также на камфаре, боль помалу утихла, и к утру я мог часа три поспать. Нечего делать, надобно будет послать за Жоли, и ежели велит – вырвать зуб. Я напрасно выехал вчера, да нельзя было дома остаться: только что я запечатал вчера почту к тебе, мой любезнейший друг, явился верхом лакей от великого князя звать меня к его высочеству обедать в два часа. Немного оставалось времени. Не знал, как ехать, послал верхом к Анненкову узнать: как быть на обеде? Отвечал Анненков, что его высочество просит меня быть во фраке. Я нашел там губернатора, который уехал скоро; остались трое: его высочество, Григорий Иванович Виламов ия. «Я бы тебе предложил, – сказал мне великий князь, – партию в бильярд, да я не смыслю ничего; а ты, я слышал, великий мастер».

Стали болтать о Франции. Его высочество рассказывал, что герцогиня Ангулемская была у ног короля, прося со слезами оставить те 6 ордонансов без исполнения, но король отверг, сказав: «Перед мной пример моего несчастного брата; Людовик XVI погиб оттого, что не имел довольно твердости!» Спрашивал, есть ли что-нибудь официальное. Я отвечал, что нет, а что в Петербурге много слухов разных, но что все они очень смутны.

После приехал еще князь Сергей Михайлович Голицын, нас семеро и обедало с Бибиковым и двумя адъютантами его высочества. За столом много смеялись. После обеда вышли мы на площадку к саду. Великий князь сел и нас посадил около себя. «Скажи мне, Булгаков, выучил ли тебя брат курить?» – «Я всегда курил, но брат приучил меня к сигарам». – «Бесподобно! Эй! Принеси нам сигар». Одну взял сам, другую дал Виламову, а третью – мне. Славные сигары. Я вспомнил тебя и Петербург. Одну выкурили, а там и по другой, и по третьей. Бедного князя Сергея Михайловича мы так закурили, что он отправился в сад погулять. «Надобно приучить его к курению, – сказал великий князь. – А почему бы и нет? Мой брат выучил князя Александра Голицына курить сигары, отчего бы и князю Сергею Голицыну не полюбить их? Вот государя, – прибавил великий князь, – я никак не мог выучить курить: возьмет сигару в рот, пойдут слюни, и

прощай!»

Бог знает, о чем ни была речь, ибо мы просидели тут от двух часов до шести. Я, право, не знаю, чем мог я заслужить такие милости. За столом, видя, что не беру фруктов, его высочество велел отвезти гостинцы детям, персики и сливы, изъявляя сожаление, что не будут они на пикнике сегодня. Когда стал я откланиваться, жал руку, прибавя: «Доставь мне удовольствие, милый, как узнаешь что о Франции; сообщи мне; это лично для моего токмо любопытства и сведения, и я тебя о сем прошу». Я уже уходил, великий князь воротился. «Кстати: послезавтра еду я в Московский кадетский корпус; приходи ко мне к шести часам вечера, поедем вместе». Буду стараться заслуживать милости сии. Его высочество жаловался очень на геморроиды, пиявки сделали пользу, но небольшую; прикладывал великий князь руку мою к своему затылку, – так и горит, как печь, – а отпустив нас, садился в коляску – ехать смотреть два егерских полка. Не дает себе покою. 1 сентября будет в Петербурге. Спрашивал про Полетику.

Александр. Москва, 7 августа 1830 года

Сию минуту были у меня Анненков и Долгоруков [князь Илья Андреевич, любимец великого князя Михаила Павловича]. Последний еще здесь и теперь рассказывает про вчерашний пикник. Великий князь был невесел, уехал в 11 часов, однако же танцевал несколько польских. Было довольно весело, только ужин скверный; нельзя было добиться пить, а в жар такой стакан холодной воды лучше фейерверка, стоившего 600 рублей. Множество было простого народа, пришедшего нарочно из Москвы погулять в саду и посмотреть на иллюминацию.

Александр. Москва, 8 августа 1830 года

Вчера был я с его высочеством в Кадетском корпусе, также был и граф Петр Александрович Толстой, а там нашли мы многих других, а именно Озерова, князя Сергея Михайловича Голицына, дивизионного генерала Савоини, Кайсарова. Великий князь входил в величайшие подробности, все обходил, ужинал с кадетами и даже велел им при себе раздеться и лечь спать. Великий князь прекрасно с детьми обходится, учил их, муштровал, но после сам резвился с маленькими и смешил их.

Приехав домой, я ног не чувствовал, а надобно было прежде заехать еще на минуту к Долгоруковым, где пели цыганки и было маленькое собрание: Урусов, Киндяков, граф Васильев и проч., и много кавалеров. Извинясь перед княгинею, я уехал домой и скоро завалился спать.

Александр. Москва, 9 августа 1830 года

Очень ты меня обрадовал графством Закревского. Верно и великий князь обрадуется, ибо очень любит Арсения Андреевича. Буду к нему писать и поздравлю новое сиятельство. Что-то графиня, остепенится ли хоть немного?..

Бартенева, которая, по старой привычке, всякий месяц родит, была намедни на пикнике; только, видно, много суетилась, притащилась к Чумаге просить комнатку, собиралась у него родить (видно, царя для Греции), но, к великой радости Чумаги, боли утихли, и она могла возвратиться в Москву, куда прибыв, тотчас и родила. Желаю Марице так же благополучно родить, только дома и даже не на даче.

Странно, что ничего нет из Франции. Это молчание не предвещает ничего хорошего. Здесь говорят, что кровопролитие продолжалось три дня.

Александр. Москва, 11 августа 1830 года

Вчера, возвратясь домой, узнал я, что великий князь присылал звать меня обедать. Было уже два часа, а он в два часа изволит кушать; следовательно, нельзя было уже ехать. Отобедав дома, я оделся и пустился к его высочеству извиняться. Нашел его на террасе в саду; были тут князь Иван Леонтьевич Шаховской, Каблуков, Башилов и Бибиков. «Ты пришел очень кстати, – сказал великий князь, не дав мне времени объяснить, почему не явился я обедать, и, ударив по софе, на коей сидел, рукою, прибавил: – Садись-ка, милый мой, рядом со мною, да дайте Булгакову сигару! Что скажешь о Париже?» – «Но, ваше высочество, я не знаю ничего положительного». Принесли сигары. – «Затвори, братец, двери. В таком случае, – продолжал великий князь, – я вам почитаю; у меня есть газеты до 2 августа». После чего великий князь изволил прочесть громко четыре пребольшие номера «Вестника» и «Газеты прений». Как не устал, и притом всегда была сигара во рту! Только иной раз останавливался, делая замечания или восклицания удивления, гнева.

Теперь я по милости его высочества все дело понимаю; все неофициально тут, конечно, но главные происшествия мне известны теперь. По мере, что очищал листы, великий князь посылал их к Ланжерону, живущему почти рядом, называя это слабительными и рвотными. При последнем листе, и колонке даже, позвали великого князя. «На, брат Булгаков, – сказал он, – дочитывай-ка сам и мне скажешь, что найдешь любопытного». Ланжерон не утерпел, сам явился, вскоре и великий князь. Тут пошли политиковать, и всё разные мнения. Башилов предсказывал опять террор и ужасы революции, Ланжерон – что

Орлеанский будет король, и проч. «За отсутствием хитроумного петербургского дипломата (Полетики), что скажет нам московский?» – спросил у меня великий князь. «Я не вижу короля, ваше высочество. Орлеанский только заместитель. Они хотят знать, что скажут державы, и выгадывают время. Для короля и дофина все кончено, малютка Бордо станет Людовиком XV, а Орлеанский – регентом, как его дед. Это все примирит: ребенка можно воспитать каким нужно; ультра увидят для себя залог в будущем, а либералы – гарантию в регенте». Ланжерон крепко спорил: «Нет, любезный, Бурбонов больше не хотят, для них все кончено. Сын Эгалите станет королем», – и проч. Ужасные прения, как будто от нас зависела судьба Франции!

Как я хотел ехать, то великий князь отнял шляпу, говоря: «Нет, оставайся с нами; сию минуту явятся дети мои намеднишные (кадеты корпуса), станем сами шалить и их забавлять». Скоро явился Ушаков и штук 40 кадетов; их потчевали чаем, фруктами, мороженым. Великий князь точно обходился с ними как отец с детьми. После пошли в сад, и его высочество всех нас заставил и сам бегал с ними взапуски.

Как их отправили домой и как я хотел отретироваться, – «Пойдемте в мой кабинет», – сказал его высочество Ланжерону, Башилову и мне. Стали напоминать его высочеству, что пора к Ивану Александровичу Нарышкину, куда звали его на вечер. «Ланжерон с Булгаковым, ступайте вперед, будьте нашим авангардом, объявите о нас у госпожи Нарышкиной». Нечего делать, я и зван не был, по трауру нашему, поехал и объяснил Ивану Александровичу, как дело было. Он очень был рад, само собою, Грипсолейлю[54] из компании великого князя, и точно не звал оттого, что не видал меня и на пикнике, думая, что никуда еще не езжу. Скоро прибыл и великий князь.

Было человек с 60. Вдруг повели всех в залу, где Альбини представил сцены из «Нищего дворянина» и «Прежнего молодого человека». Все это старое, известное и не слишком позабавило зрителей, а еще менее великого князя. Он велел мне сесть возле себя. Во время второй пьесы вдруг спросил: «Где твой сын?» – «Здесь, ваше высочество, теперь у нас на вакансиях». – «Как же тебе не стыдно, не привезешь его ко мне?» – «Не смел!» – «Покажи мне его, который год?» – «16!» – «Как время летит! Давно ли я его видел ребенком; преуморительный, как он нас смешил!» – «Теперь стал степеннее, ваше высочество». – «Привози непременно!» – «Слушаюсь, ваше высочество». Ужо надобно везти, ибо завтра хочется отвезти своих в Семердино.

Право, брат, не знаю, чем заслужить все милости и ласки великого князя? Он готовит праздник для кадетов, велел мне

быть на оном и помогать ему их позабавить; день не взят еще, надобно будет устроить это и воротиться для этого из деревни. Как посадили его высочество в мушку [в карточную игру] с дамами, так мы с Долгоруковым улизнули к нам, и он просидел у нас до часу почти. Поутру возил он Костю в Симонов к обедне, там славятся монахи пением необыкновенным, точно гармоника; не мог Кате отказать, и я поехал туда с нею, а Лелька, еще покашливая, осталась дома. Под Симоновым вспомнил я молодость нашу, счастливые, беззаботные времена, в кои езжали мы туда с Фавстом, Приклонским, Гришей Гагариным верхом на каретных лошадях гулять! Пение монахов точно имеет что-то унылое, трогательное. Я стоял у самого клироса, и казалось, что поют далеко. После ходили мы по гробницам, читали надписи. Какой это часто вздор, ложь!

Александр. Москва, 12 августа 1830 года

Не могу выразить тебе, любезнейший брат, сколь много я тронут всеми милостями великого князя. Я тебе писал, кажется, что он сам изволил вспомнить о Косте и пенял мне, что я не привезу его к нему. Вчера, по уведомлению Анненкова, явились мы к его высочеству в 8 часов вечера. Камердинер, видя, что мы скучаем одни ждать, засветил бильярд, и мы сыграли три партии в бильярд. Его высочество нашел, что Костя очень вырос: немудрено – в шесть лет, что он его не видал.

Великий князь позвал меня в кабинет и Анненкова. Костя остался в зале. «А где же мой гость? – сказал великий князь. – Константин Александрович, пожалуй сюда, положи шляпу, садись и рассказывай мне», – и начались разные расспросы и воспоминания о Царском Селе.

Подали чай. Начать хотели с его высочества, но он чашки не взял, указал камердинеру на меня, после сего сам изволил подать мне сигарку. Разговор продолжался до одиннадцати часов; была речь о Наполеоне, о войнах с ним, о последней турецкой, о Браилове, Варне, о Пажеском корпусе и шалостях, кои там были, о воспитании вообще, о французских делах; вычислял его высочество хороших офицеров, кои в гвардии, и проч. Увидев, что время подходит для великого князя почивать, я сам встал, чтобы ехать. Откланиваясь, пожал руку мне, говоря: «Спасибо, что разделил мое уединение». Потом звал нас на воскресенье к себе.

Костя по сие время вне себя от радости. Одно твердит: «Я, мальчишка, сидел в кабинете у великого князя, пил чай с его высочеством, зван к нему еще раз! Мне кажется, я бы скорее умер, чем ослушаться или провиниться против такого начальника». Как он милостив и добр! Великий князь спрашивал у Кости, где он

желает служить. «Где велят родители», – отвечал он. «Это так, – отвечал великий князь, – но куда у тебя желание?» – «В военную службу!» Великий князь ничего не сказал тут, но после мне говорил одному: «К чему мешать его склонностям? Поверь мне, милый, пускай делается военным; ведь всегда есть возможность вернуться и к статской службе. Доверь его мне, через два-три года он сможет служить». Великий князь меня поколебал многими резонами. Не скажу Косте, но между тем надобно будет подумать об этом.

Надобно было видеть, с каким восхищением Костя рассказывал матери и сестрам свои похождения. Сегодня вошел рано. Что такое? «У меня просьба, папенька, до вас». – «Что такое?» – «Не пишите ничего дяденьке о визите нашем». – «Зачем?» – «Я пойду писать и все ему подробно опишу; пусть от меня первого узнает». Несмотря на обещание, пишу тебе, как было все, не полагаясь слишком на терпение Костино. Я, право, не знаю, как заслужить все милости великого князя; стараюсь держать себя в должном отдалении, но он своими ласками все более меня сближает к себе. Прощаясь, жал руку и сказал: «Благодарю тебя, милый, что разделил мое уединение, приходи завтра смотреть на экзерсисы гусаров, это будет красиво; да и дамы твои не захотят ли прийти? А после приходи ко мне, у меня будут, верно, известия из Парижа». Поэтому остаюсь я здесь еще сегодня, а завтра отвезу своих в Семердино, в пятницу ворочусь сюда с Костею, чтобы в воскресенье быть на празднике у его высочества.

Александр. Москва, 13 августа 1830 года

Вчера Долгоруков приготовил нам славных верховых лошадей, мы поехали втроем с Костею в карете. У Петровского дворца ждали нас лошади, и мы сели верхом смотреть на гусарские маневры. Великий князь, увидев меня, велел к себе подъехать, спрашивал, тут ли Костя, я указал. Множество было народу и дам.

Александр. Москва, 18 августа 1830 года

Теперь надобно мне тебе рассказать, как было все у великого князя. Точно был дождь, и Долгорукова карета очень была кстати. Приехав туда в шесть часов, мы нашли там только коменданта с сынком и Николая Ивановича Демидова; там наехали: Сергей Ильич Муханов, князь Дмитрий Владимирович и князь Сергей Михайлович Голицыны, генерал-адъютант Чичерин, Башилов, полковник Лаптев с сыном, Шереметев с двумя пажиками, Ланжерон, Иван Алекс. Нарышкин; там в 22 каретах

четырехместных привезли кадетов, поставили в залу. Великий князь занят был бумагами и долго не выходил. Костю потрепал по плечу, спрашивал о деревне, о сестрах. Потчевали чаем, мороженым, фруктами. В десятом часу зажгли прекрасный фейерверк; да виноват! Прежде резвились в саду, бегали взапуски; но дело не шло на лад, и великий князь сказал Косте: «Ты, верно, брат, мастер этого дела; вступись, выучи кадетов, они плохо знают эту игру; шляпа тебе мешает, вели дать себе фуражку». И подлинно, Костя славно все устроил, и пошло беганье. После фейерверка распустили кадетов, на коих не может нарадоваться великий князь. Мне говорил он не уезжать, но я Косте велел откланяться, благодарить его высочество. Ему дан был рожок с фруктами, и я отправил его к княгине Е.В. рассказывать похождения свои.

Великий князь всем откланялся, а следующим, то есть князьям Голицыным, Ланжерону, Чичерину, Башилову и мне, приказал идти за собою в кабинет. Сам зажигал и подавал сигары тем, кои курят, то есть князю Дмитрию Владимировичу, Чичерину, Башилову и мне. Пили чай, после чаю прибавил: «Слушайте, господа, и особенно вы, господин дипломат (я), слушайте, что говорится и делается в Париже: это ужас, глупость и безумие. Но есть и люди, кои сумели говорить». Нечего мне тебе рассказывать: ты все это должен знать. Но когда стал его высочество читать речь Шатобриана, то невольно я его прерывал восклицаниями, а когда я стал просить один раз прощения, то великий князь отвечал: «Я отлично тебя понимаю, милый; ибо, когда я ныне в первый раз читал сию речь, и у меня были слезы на глазах. Ланжерон плакал от умиления, это я тебе говорю. Так вот, милый, мне особенно лестно, что сия превосходная речь, столь политичная, ловкая и трогательная, заключает в себе мою мысль, кою изложил я вам намедни: что спасение Франции – в отречении короля, вступлении на трон малютки Бордо и регентстве Орлеанского. Этот показал мало ума и дальновидности; он мог играть роль бесподобную, ослепился престолом, поцарствовал бы 6-7 лет прекрасно, всеми признанный, а может быть, и умер бы стар и королем. Теперь же кто может предвидеть участь его? Как ты находишь речь сию, милый мой Булгаков?» – «Превосходною, ваше высочество, но слишком ловкою; и заметьте, что Шатобриан никого не задел. Как он сумел пощадить Филиппа, посвящая себя Генриху! Его чувства прекрасны, тут и сказать нечего, но он сказал себе: если герцог Бордоский восторжествует, я стану у власти и сам буду царствовать. После Шатобриан исчерпал свое красноречие, ибо почувствовал, что в жизни у него не будет более такого случая

расточать свое красноречие и защищать благое дело в речи, кою все будут читать и коя сделается страницею в истории Франции. Как хорошо, энергически завершается речь!»

Великий князь, видя мое восхищение, обещал прислать мне завтра газету на дом, прибавив: «Такого рода вещи надобно читать со вниманием и по нескольку раз». – «Позволите ли вы мне, ваше высочество, сделать копию сей речи?» – «С удовольствием!» – «И при условии, – добавил Ланжерон, – что Булгаков снимет копию и для меня». – «Охотно, господин граф».

Читал великий князь речи Невиля, Мартиньяка, Коньи, все прекрасные; видно, что писали люди честные, государственные, но не поэты, как Шатобриан. Читал также великий князь гнусную речь какого-то Поденаса, не устыдившегося назвать Карла X извергом свирепым и хуже Людовика XI. Потом продолжал чтение Ланжерон. Мы с Ланжероном и великим князем поддерживали разговор, в который князь Дмитрий Владимирович вмешивался лишь изредка; другие же молчали и слушали.

Долго мы очень политиковали. Два раза Ланжерон говорил: «Ваше высочество, вам пора уже почивать», – но он все отвечал: «Еще сигарку», – или: «Еще четверть часа», – и мы разошлись в 12 часов. Великий князь, прощаясь, пожал мне руку и сказал: «Итак, долой Орлеанского!» – «Долой сына Эгалите», – отвечал я. «Когда ты собираешься в деревню?» – «На днях, ваше высочество». – «Так надобно чаще видаться; я тоже недолго здесь пробуду, приезжай завтра обедать ко мне». – «Слушаю, ваше высочество». – «Вот тебе сигарка на дорогу».

Право, не знаю, чем все эти милости заслужить; он меня так к себе привязал, что я с ним обходился свободно и смело, как бы с тобою. Великий князь желал слышать пение цыган. Башилов звал его высочество к себе ужо на вечер, чтобы их послушать. «С тем, чтобы не было никого», – сказал великий князь. «Да кого сами изволите назначить». Великий князь назвал человек с двенадцать, тут же и меня. Башилов показал мне список. Стало быть, я сегодня весь день проведу с его высочеством.

Александр. Москва, 19 августа 1830 года

Вчера имел я честь обедать у великого князя. Были тут Муханов Сергей Ильич, князь Сергей Михайлович Голицын, Чичерин и Шеншин, генерал-адъютант. «Что нового?» – спросил меня великий князь за столом. – «Ничего, ваше высочество, а только по вашему представлению благодарность здешнему кадетскому корпусу». – «Как ты это знаешь?» – «По приказам». – «С тобою они?» – «Со мною, ваше высочество», – и подал их. Вообрази, что он еще не знал! «Позволь мне послать это?» –

«Извольте взять и делать что угодно». Фельдъегерь был призван, и его высочество послал его к Николаю Ивановичу Демидову, а потом велел проехать в корпус и там дать прочесть Ушакову и обоих с милостию поздравить. Я мог приказами другую сделать радость Хрущовым, коих дети наконец попали в офицеры. Я тотчас послал верхом курьера к ним в подмосковную.

После обеда, по обыкновению, курили у его высочества и разговаривали о всякой всячине. Даже речь была о Рушковском, о коем рассказывал я, имитируя его голос. Великий князь очень смеялся и, кажется, старичка нашего жалует. Как стал раскланиваться, то сказал мне: «До свидания у Башилова», – куда я и явился в 8 часов. Крошечный дом, мало было, но все-таки жарко. Великий князь был очень весел, и Башилов очень мил. Были тут: двое Голицыных – Дмитрий Владимирович и Сергей Михайлович, Ланжерон, комендант, Чичерин, Лодер, Арапов, обер-полицмейстер Муханов, Шереметев молодой и я. Началось тем, что актер Щепкин, стоя тут как будто гость, просто во фраке, вдруг выступил и продекламировал пресмешную сцену. «Не угодно ли вам чаю, ваше высочество?» – «Почему нет?» Башилов вышел приказать; через минуту является толстый немец Карл Карлович в шитом кафтане, в большом напудренном парике, с подносом и чаем; вообрази себе удивление и смех великого князя, узнавшего в немце Башилова самого. Ну уж посмеялись мы. После этого пели и плясали цыганки. Кажется, что они не очень пленили его высочество. После того пел Булахов «Черную шаль», пел романсы Верстовский, играл на арфе Витт, а на виолончели – Марку, были фрукты, мороженое и проч. В 11 часов разъехались, вечер был очень веселый.

В городе нет ничего нового. Слава Богу, что воды помогли великому князю; он и вчера мне еще говорил, что не чувствует уже в правом боку обыкновенную свою боль и недомогание это, когда и боли нет. Лодер ходит как павлин.

Александр. Москва, 20 августа 1830 года

Часто что-то меняется министерство во Франции. Это худой знак. Будут так хлопоты, и нешуточные. Права малютки Бордоского священны, неоспоримы. У Орлеанского все будет блоха эта за ухом. Вчера долго я не засыпал, читал все журналы, кои имею по милости великого князя. Заседания камер очень любопытны. Какие тут подлецы и фанатики! Но есть и прекрасные чувства, и черты благородные. Шатобриан – великий плутяга: и республиканцев, и народ, и молодежь, и Орлеанского – всех по головке, а между тем смело защищал права герцога Бордоского.

Я читал у великого князя журналы свежие, но нет ничего,

кроме довольно смелых статей насчет законных прав маленького Бордо. Увидим, будут ли точно держаться этой свободы книгопечатания, для коей резались три дня на улице. Я не предвижу причины царствованию д'Орлеана. Престол должен окружен быть почтением, величием. Я не могу проглотить, что Лафайет, подойдя к королю и взяв его, как бы я тебя, за руку, сказал, сжав оную: «Вот король, какого мне надобно, это лучше, чем какая-то республика». Ну что ждать хорошего?

Александр. Москва, 21 августа 1830 года

Пожалей о бедном Василии Львовиче Пушкине. Он скончался вчера у Вяземского и племянника-поэта на руках, после двухдневной болезни: паралич в мозгу. Однако же он Вяземского узнал и подал ему руку. Добрый был человек! Что говорил о пеночках, горлицах и ручейках, умрет с ним; но его сосед Буянов останется памятником дарований его стихотворных. Оставил он детей побочных; только не знаю, успел ли он что сделать для них.

Бедный Глинка [Сергей Николаевич] за пропуск стихов против Юсупова, в коих он, однако же, не назван, лишился места цензора. Пятеро детей! Жалок бедный, есть нечего, а Юсупов, между тем, будет дарить в один раз Ивановой то, чем бы семья Глинки могла прокормиться десять лет! Вот так-то в свете.

Александр. Москва, 23 августа 1830 года

Сказали мне, что Рушковский болен, я поехал вчера навестить и проститься; но он, однако же, хотя и не совсем здоров, но поехал на обед к князю Дмитрию Владимировичу. Покуда мы там говорили вместе после обеда, подошел ко мне великий князь, и разговор начался втроем. Рушковский выкинул старую свою штуку: выговаривал его высочеству, что редко пишет великой княгине. Его высочество смеялся очень и начал оправдываться, что писал недавно с Сумароковым и еще с кем-то.

Вечером были мы у коменданта, где чрезвычайно было приятно. Великий князь был очень весел и не переставал танцевать; Башилов верховодил. Великий князь всех заставил танцевать: Чичерина, Каблукова, Ивана Александровича Нарышкина, меня два раза посылал, но я не могу по трауру. Великий князь остался до третьего часу, чего никогда здесь не делалось еще.

Фавст бесподобно осветил Горное правление, поставил на балконе прекрасный «Н», который до самого конца горел, как сначала, чего не было с кремлевской иллюминацией князя Юсупова. Ай да Фавст! И его высочество похвалил, а я ему сказал, что за птица Фавст. Во время котильона великий князь спросил

меня: «Чего здесь недостает?» – «Мне кажется, ничего. Вечер прелестный, нестесненный, живой». – «Нет, не хватает Розового Домино». Вообрази, что еще помнит его высочество; спрашивал, когда туда еду. – «С бала, ваше высочество». – «Что так?» – «Жена именинница во вторник, ваше высочество». – «Не забудь ее от меня поздравить. Мы еще увидимся?» – «Смею спросить, когда изволите ехать, ваше высочество?» – «В субботу». – «Я приеду нарочно, чтобы вашему высочеству откланяться». Было вчера человек 80, но общество все отборное; все спрашивали, зачем меня нет.

Александр. Москва, 30 августа 1830 года

Приехал вчера с мыслями откланяться великому князю поутру, он вместо того приказал быть к себе обедать. Это был последний, прощальный. Обедали двое Голицыных, граф Петр Александрович Толстой, Ланжерон, Михаил Михайлович Бороздин, Чичерин, генерал Арсеньев, Лодер, Олсуфьев и домашние. Очень было весело. Восхвалять стали красавиц здешних. «Но вы забываете, господа, красавиц из красавиц», – и указали великому князю на меня. Тогда великий князь сказал: «Булгаков, заткни уши!» – и пошли взапуски хвалить мамзелей наших; говорили о табло у князя Дмитрия Владимировича, о маскараде князя Волконского и проч. После обеда великий князь вошел в бильярдную, где камин, позвал меня и начал говорить о французских делах: признаем ли нового короля? «Что делать, ваше высочество? Придется, ибо мы не можем ссориться и затевать войну, чтобы поддержать маленького Бордо, у которого во всей Франции не нашлось достаточно сильных сторонников». – «А законность? Она будет чудовищным образом попрана. Вся кровь, пролитая за нее прежде, окажется пролитой напрасно, и тем будет подан опасный пример другим народам; это случай сложный и деликатный. Ты веришь в прочность царствования короля французов?» – «Ничуть, ваше высочество, ничто не прочно в этой стране. Хартия провозглашала неприкосновенность личности короля. Королю, стало быть, должно оставаться королем, несмотря на пагубные его ордонансы, а министров надобно обвинить, осудить и повесить, если угодно. Да только вместо того все предали огню и мечу».

Тут подошли другие, и разговор сделался всеобщим. Этот раз не курили: комитет составился больший. Великий князь начал прощаться. Как дошло до меня, спросил: «Что глаза твоего брата?» – «Слава Богу – хорошо, ваше высочество». – «Какое поручение ты мне дашь к брату?» – «Я пишу ему всякий день, ваше высочество. Извольте сказать ему, если он будет иметь

счастье вас видеть, что вы меня оставили толстым и жирным». Великий князь засмеялся и отвечал: «Не могу, ваше превосходительство, не могу солгать вашему братцу и сказать то, чего нет; ты не толстый и не жирный». Поцеловал и отпустил, пожав руку раза два.

Я, право, хоть бы и прослезиться, так тронут был, расставаясь с добрым сим, ласковым князем; он сам всех здесь заколдовал, а потом удивляются, что так его все любят и ласкают. Ежели увидишь его высочество или кого из его свиты, то скажи им, брат, как я, право, живо тронут всеми его милостями.

Ужасы рассказывают про холеру. Точно, что в Саратове уже умирают по пятьдесят человек в день. Я чаю, увеличено, но все ожидают спасительных мер от Закревского; эта доверенность лестна для него.

Александр. Москва, 1 сентября 1830 года

Могу тебе возвестить то, что ты, кажется, столько желаешь. Вчера княгиня Екатерина Алексеевна Долгорукова просила у меня формально руки Ольги для сына своего, мой милый и любезнейший друг. После именинного обеда, который давал жених Пашков для Долгорукова и на коем было человек с двадцать (граф Орлов-Денисов, Вяземский, двое Пушкиных, Норов, Лачинов, Сушков, граф Васильев, Путята и проч.), Долгоруков при кофе сказал мне: «Матушка желала говорить с вами; поезжайте, прошу вас, к ней». – «С удовольствием, милый мой». После первой трубки спросил опять: «Когда едете вы к матушке?» – «Да разве это срочно?» – «Наверное». – «Поеду отсюда». Четверть часа после предложил мне Долгоруков ехать с ним вместе и тотчас. Я охотно согласился и подумал тотчас, что это нетерпение происходило, верно, от известной причины, в чем и не усомнился, когда Норов сказал мне на ухо: «Дай Бог, чтобы поездка ваша увенчалась успехом».

Приезжаю к княгине. После первых обычных комплиментов и поцеловав своего сына, она попросила меня пройти к ней в кабинет. «Мне надобно поговорить с вами об одном весьма важном *для вас и для меня* деле, милый господин Булгаков». – «К вашим услугам, княгиня». – «Не знаю, заметили ли вы, что мой Александр безумно влюблен в вашу дочь». – «В которую, княгиня?» – «В Ольгу, младшую». – «Я бы скорее подумал на Катю, поскольку он чаще ею занимается». – «Александр робок, он подходит к Ольге с боязнью, а с другой чувствует себя свободнее, да к тому же надеется через нее войти в милость сестры».

Александр. Москва, 8 сентября 1830 года

Здесь все трусят холеры; чеснок вздорожал шестью рублями. На всех чеснок, особенно на людях; в клубе все приготовлено на чесноке. Сестре Долгорукова, которая трусит очень, обещался я сделать подарок: горшок чесночной мази! У князя Дмитрия Владимировича собрался вчера комитет всех главнейших здешних докторов. Панчулидзев пишет из Саратова, что там умерло 2000 человек и что он сам занемог и избавился от смерти, пустив себе крови полтора фунта; но в Пензе, Тамбове и Рязани все, кажется, спокойно.

Александр. Семердино, 17 сентября 1830 года

Как скоро замутят во Франции, то и в других землях пакости начинаются. Смотри-ка, и тихий Дрезден вздумал шалить! Принц Орлеанский умно и молодецки поступил; однако же бельгийцы-таки поставят, кажется, на своем. Филипп не мой король. На что было уж брать это звание, ежели хочешь оное унижать? Пусть бы назвался чем другим, а не королем. Не могу переварить этого, что король, целуя Лафайета на смотре национальной гвардии и уронив нечаянно его шляпу, нагнулся, поднял и подал ему оную. Бесполезная подлость!

Александр. Семердино, 20 сентября 1830 года

В восемь часов утра жена будит меня со словами: «Милый, Долгоруков приехал!» Неожиданная эта весть меня несколько встревожила, но я не хотел показать это жене. Встал, оделся, повторяя ей: «Любовь нетерпелива, он придумал какой-нибудь предлог, чтобы приехать; сие ему показалось короче, чем ждать до понедельника, когда мы воротимся в Москву». Выбегая на крыльцо, вижу – подлинно, его коляска; бегу в баню, где его пристанище. «Какими судьбами?» – «Знаете ли, что Москва в тревоге: три студента университета умерли с признаками холеры. Всех учеников университета и гимназии [в то время в Москве была всего одна гимназия] обкурили и распустили по домам, вокруг Москвы выставят кордоны; остались только три заставы свободные. В Троице будет карантин.

Болезнь могли занести из Ярославля, она положительно есть и в Муроме, я боюсь быть от вас отрезанным и поторопился приехать сюда. Хочется мне быть и поближе к бабушке, чтобы знать, лучше ли ей оставаться в троицком своем имении или возвращаться в Москву. Ваше местоположение на возвышенности превосходно; может быть, и матушка к нам сюда приедет!» Мы только что вступили в разговор, – курьер за курьером от Наташи; побежал к ней, ее успокоить; но она в батюшку своего: боится всего, что походит на болезнь. Тотчас встала с постели, посылать

за попом петь молебен, ну деготь во все углы, приказала всем мужикам запастись можжевельником и курить оным в избах по утрам и на ночь, никого из тех мест не принимать к себе и без спроса никуда не отлучаться.

Все неожиданные явления! Мы встаем из-за стола, слышим колокольчик, едет кто-то проселочной дорогою из ближней деревни в коляске в шесть лошадей. Кто может это быть? Военный лакей на козлах. Мы узнаем, к удивлению нашему, полковника Александра Степановича Талызина, служащего при князе Дмитрии Владимировиче, коим он послан для учреждения карантина в каком-то селении, 4 версты от Троицы (в Зубцове); с ним наш исправник Рязанов. Мы убедили его выйти из коляски и отобедать у нас; после чаю он тотчас отправился далее. Теперь у нас точно пресекается сообщение со всеми окружностями, кроме, однако же, Москвы, куда можем ехать, а это-то и важно для нас. Он повторил то, что мы знали уже от Долгорукова; но только не доказано, что студенты университетские умерли точно от холеры. Они просто объелись фруктов и варенья, но надобно было взять меры, чтобы успокоить напуганную Москву.

Говорили там, что сам государь изволит пожаловать в древнюю столицу, ежели подлинно болезнь туда проникнет. Отеческое попечение государя точно внушить может ему эту поездку; но дай-то Бог, чтобы не было в том нужды. Мне кажется, что Москве не предстоит опасности, а что холера следует направлению Волги. Как бы в Тверь не пробралась! Боже избави ваши низкие, сырые, болотистые места: там холера была бы гибельна. Вот мысль, которая меня тревожит, а за Москву я не боюсь нимало.

Все эти революции, возникающие в одно время в Париже, Брюсселе, Касселе, Брауншвейге, Гамбурге, Дрездене и проч., заставляют меня бояться, что они – следствие какого-либо обширного тайного заговора адского против спокойствия целой Европы. Якобинцы ли это или иллюминаты, не знаю. Поведение Филиппа I, право, гадко. Позвал к себе обедать сапожника какого-то за то, что он отличился в возмущении 27-го, 28-го, 29-го чисел.

Александр. Москва, 24 сентября 1830 года

Город разделен на три класса: бесстрашные, объятые ужасом и равнодушные. Вторые, право, смешны. Семейств с сорок бежало отсюда, а куда? К вам! Какую же безопасность найдут они в болотах, низких и сырых ваших местах?

Уехали семьи: К.А.Кологривова, Жихарева, Гедеонова и проч., другие сами себя оцепили. Умора!

Рядом со мною живет княгиня Хилкова, родня Наташи;

я тотчас пошел было к ней – исполнить комиссию Кати к княжне; все заперто, на дворе ужасный дым, курится навоз; я было думал – пожар, стучу, не пускают! Кого вам? Княгиню Хилкову! Нет ее! Княжну! Нет ее. Наконец стучусь во флигель. Дома ли княгиня? Дома-с! Странно мне показалось. Повар узнал меня в окно. «Ах, ваше превосходительство, что вам угодно?» – «Помилуй, что это вы заперлись?» – «Да вот, батюшка, княгиня третий день изволила запереться, ни к себе не пускает, ни из дому никому не велит выходить, провизию всю извели, есть нечего ни барыне, ни нам; не знаем, что делать». – «Да что за причина?» – «Да вот, батюшка, бояться изволит калиоры, чумы!» – «Да доложи княгине обо мне, я ее успокою, все тихо, благополучно в Москве и около». – «Не смею, ваше превосходительство, не приказала нам и говорить с проходящими». Сказав сие, захлопнул повар окно и скрылся. Вот тебе и комиссия Катенькина. Каковы наши барыни? Умора!

Сказывают, что более всех трясутся княгиня Татьяна Васильевна Голицына и князь Сергей Михайлович, что они сообщили свой ужас всем прочим колебавшимся. Князь распустил учебные заведения и, говорят, хочет запереть Воспитательный дом. Страх сообщился народу, и сорок тысяч работников оставили город, повторяя: пойдем лучше умереть на родине нашей. По большой дороге только и видно, что кучи людей, идущих сотнями в разные места. Это может тоже родить неудобства. Точно город разделен по частям: в нашей князь Павел Павлович Гагарин и Лодер. Все медики меня уверяют, что не запомнят эпохи, где бы смертность так была мала, как теперь. Для успокоения умов (это очень умно) раздаются всякий день рапорты: всем покойнее, всякий видит число умирающих в городе и чем именно умерли. Нет дня, разумеется, чтобы не говорили: умер мещанин, умерла баба, мальчик холерою, и выходит – все вздор. На улицах смрад от навоза, который жгут многие; пусть лучше берут предосторожности и излишние: как зло будет на носу, то уже поздно тогда действовать. Минута такова, что надобно бы человека с головой и деятельностью. Ты знаешь, как я люблю душевно князя Дмитрия Владимировича; уж конечно, самый благонамеренный и благороднейший человек, но слабый и нерешительный, у него же, на беду, нелады с Мухановым; этому отдают справедливость, делает все, что от него зависит. Впрочем, право, истины не узнаешь, столько толков. Дело в том, что гнездо зла в Нижнем; говорили об Ярославле и Владимире, но, кажется, неправда. Я рад, что Волков в Ярославле: он не упустит взять хорошие меры.

Норов [Авраам Сергеевич, впоследствии министр народного просвещения] таки отправляется сражаться с холерою, под

предводительством своего министра. Здесь умер вице-губернатор Поспелов; сказали тоже, что холерою, а его с месяц назад разбили лошади, и он все томился. Много охотников на его место; говорят, что князь Дмитрий Владимирович представил толстого князя Владимира Сергеевича Голицына.

Александр. Москва, 25 сентября 1830 года

О другом не слышим здесь, как о холере, так что, право, надоело. Мы были довольны, веселы у княгини Хованской вечером; является Обресков, рассказывает, что у него кучер умирает холерою, всех дам перепугал по пустякам. Я у людей его спрашивал. Кучер просто напился, и его рвало беспощадно. Конечно, должно быть расположение такое в воздухе, что кто в другое время умер бы другим, теперь умирает от холеры; но и эти примеры редки, и по строгим мерам, кои берут, не дадут злу вкорениться. Графа Ростопчина камердинер Алексей, с коим не одну ночь я дежурил в последнюю болезнь графа, умер вчера со всеми признаками холеры, но сам виноват: говорили ему пустить кровь, – не хотел, и сделались конвульсии ужасные. Жаль его, добрый был человек. Будьте совершенно покойны за нас; кто наблюдает, что должно, тому нечего бояться, а опасна болезнь для нижних классов людей. Посылаю тебе вторую ведомость. Поутру были по целому городу и во всех приходах крестные ходы и молебствия с коленопреклонением. Церемонии сии имели нечто торжественное. Во всех церквах читали священники проповедь, сочиненную для сего случая Филаретом. Ежели достану, пришлю к тебе; а об ней много различных толков.

Александр. Москва, 26 сентября 1830 года

Сегодня в восьмом часу вечера совершилось, с Божьей помощью, обручение Ольги в присутствии княгини Екатерины Алексеевны [Долгоруковой], дочери ее Надежды Сергеевны, Пашкова (кузена жениха), Лачинова, Обрескова, жены его и дочери, и Фавста. Княгиня Хованская вчера благословляла их образом, чтобы сегодня не быть, боясь вредного для здоровья ее смущения. Священник обменял их кольцами. Потом благословили их образами я, Наташа и княгиня Екатерина Алексеевна; обе они очень плакали; признаюсь, что я с трудом уцелел. Ольга так рыдала, что я боялся, чтобы не сделалось что-нибудь; но после успокоилась и очень была весела. Все тут перецеловались и поздравляли счастливую чету. Пили чай; являлись все люди, даже кучера поздравлять, и Долгоруков всех целовал, Ванюшке велел дать себе список, чтобы их подарить. Ольге подарил он две шали: белую, а другую – серозеленую, бесподобные, заплачены, по

словам Пашкова, 11 тысяч; я подобных не видывал. Последнюю она тотчас обновила. Спасибо Ольге: она, благодаря своему жениху, сделала тотчас доброе дело. Ты помнишь эту сироту бедную, что взяли мы по 8-му году, – Клавдиньку; она попросила жениха, в память радостного сего дня, дать ей на приданое что-нибудь. Он отвечал, что позаботится о ее приданом и ее устройстве. Это очень осчастливило Ольгу.

Я ездил к Норову, не застал его дома, и все было заперто, не мог его пригласить на церемонию; но он приехал сам позже. Мы заставили Ольгу написать бабушке Васильевой. Княгиня чрезвычайно ее баловала. После чая разошлись. Наташа повела помолвленных к княгине Хованской, которая расцеловала их как собственных детей, а ужинать мы воротились к нам. Образа, коими были благословлены, достопамятны: нашим императрица Елизавета Петровна благословила бабку Наташину, Нарышкину, а другой – также благословение царское прадеду Долгорукова. Княгиня Екатерина Алексеевна сказывала мне, что читала со слезами письмо твое к Ольге и приложенные молитвы, собиралась сама к тебе писать, и сын также. Говоря со мною обо всем с откровенностью, вверила мне секрет один, который тебе должно знать, а именно – что

Анна Михайловна Хитрова стряпали с Нессельродшею женить Долгорукова на дочери ее, но что он ей объявил без обиняков, что никакие выгоды и почести его не ослепят и что никогда иначе не женится, как по любви и по своему выбору. Чтобы графиня Нессельроде не стала мстить!

Александр. Москва, 27 сентября 1830 года

Башилов приезжал поздравлять нас вчера и исполнить комиссию великого князя ко мне, но не застал. Я был теперь у него. Он очень мне обрадовался, поздравлял, ибо великий обожатель Ольги, бросил дела холерные, коими занимался, и стал читать письмо великого князя. Писано чужой рукою, подписано: «искренно доброжелательный Михаил», а потом приписка руки его высочества: «Прошу моим именем кланяться А.Я.Булгакову». Башилов мне советует писать к его высочеству, благодарить за память сию и за то, что Анненков мне писал, а в то же время возвестить его высочеству о помолвке Ольги, о коей великий князь ему, Башилову, часто очень говорил с великой похвалою и с участием обо мне. Я сам-таки думал сделать это. Сегодня никак не успею, но к понедельнику приготовлю письмо. Башилов превозносит до небес Фавста, который, тогда как никто и внаймы отдавать не хочет дома, свой дом в слободе отдал под госпиталь безденежно на это время. Князь Дмитрий Владимирович положил

довести это до сведения государя, а Фавст вчера ни гуту! Башилов поехал именем всего комитета его благодарить, а наш чудак отвечал: «Я должен вас благодарить, что вы доставили мне случай быть полезным обществу и городу, в коем я родился и 50 лет живу безвыездно».

Я почел приличным самому съездить к Малиновскому и объявить ему об обручении Ольги, ибо писал к Наумову, чтобы он сообщил радость мою всем архивским моим сослуживцам; но сказали, что его превосходительство изволит-де почивать (в полдень?). Честь приложена! Он, говорят, трусит: оцепился.

Александр. Москва, 29 сентября 1830 года

Прежде всего должен я тебя успокоить, мой милый и любезнейший брат, насчет холеры. Ты по моим прежним письмам должен был заметить, сколько я покоен. Поверь, что холера в одном воображении медиков, трусов или тех, кои спекулируют на награждении и высочайшей милости. Всякое головокружение, рвоту или понос принимают теперь за холеру, и те, коим пускают кровь, коих лечат от мнимой холеры, те только и умирают. Ну может ли быть, чтобы в таком городе, как Москва, не более умирало двух и до четырех человек болезнью столь прилипчивою, какие бы ни брали предосторожности. Ежели бы язва сия точно была, она более бы находила жертв. Не помнят, чтобы когда-нибудь менее теперешнего умирало, ибо обыкновенные пропорции смертности в Москве от двадцати до тридцати человек в день. Есть здесь болезнь, но это не холера, а просто страх, трусость; от оных точно умирают многие, потому что все без нужды пускают себе тотчас кровь. Я много вчера еще спорил с Лодером, и он сознался наконец, что я прав.

Князь Дмитрий Владимирович получил вчера рескрипт на французском языке от государя. Император, по беспредельному своему отеческому попечению о Москве, изъявляет готовность приехать в Москву, чтобы успокоить умы. Дай Бог, чтобы сего не было, ибо не предстоит надобности; а ежели бы и была точно зараза, то как подвергнуть оной главного, первого виновника счастия и спокойствия России? Да что бы вышло? Что народ, по обыкновению, весь бы столпился в Кремле, чтобы видеть царя, и зараза от прикосновения более бы распространилась. По сим уважениям государь не одобрил и крестных ходов, кои были по всем приходам здесь.

Башилов приезжал Ольгу и нас поздравлять, читал жене приписку великого князя обо мне в письме его высочества к нему. И он сказывал, что все, кажется, благополучно в городе, по крайней мере в его части города.

Уф! Был у меня Брокер, да часа полтора отнял у меня золотого времени, говоря все о делах своего Ростопчонка, который начинает уже мотать: вытребовал уже 20 тысяч, теперь еще 40 тысяч просит, выходя в военную службу. Прибежал Ванюшка: государь приехать изволил! Жена верит, я – нет. В письме императора к Голицыну его императорское величество ему лично предписывает отправлять к нему всякий день эстафету с известиями о состоянии Москвы; так зачем самому трудиться? А может быть, и нарочно хотел государь застать все врасплох. Вот и от Фавста записка. Нет, видно, он из окна увидел кайзер-штандарт на дворцовой крыше. Поскачу сию минуту узнать правду. Вот тебе на! То-то будет тревога! Теперь я радуюсь прибытию государеву; ибо, право, все здесь благополучно.

Александр. Москва, 30 сентября 1830 года

Столица наша казалась пустой, мертвою, вдруг оживилась; забыли о холере и самые трусы: все одним заняты – неожиданным прибытием государя. Вот что я узнал, мой милый и любезнейший друг. Император изволил прибыть в одиннадцатом часу утра, прямо в дом князя Дмитрия Владимировича. Бросились было докладывать; не велел никому трогаться с места, а только показать одному дорогу к Князеву кабинету. Он, по своему обыкновению долго нежиться и работать в постели, недавно встал (что, верно, не очень понравилось государю: в теперешнее время можно и должно бы в 6 часов быть на ногах), был в халате своем перед зеркалом маленьким, чистил рот. Государь подошел тихонько к нему. Вообрази же себе удивление князя, увидевшего в зеркале лицо государя, за ним стоявшего. По приказанию, полученному им от государя, уведомлять его ежедневно эстафетами о состоянии Москвы, мог ли князь Дмитрий Владимирович вообразить, что государь прибыл в Москву сам? Он вскочил со стула испуганный. Первые слова государя были: «Надеюсь, князь, все в Москве чувствуют себя так же хорошо, как и вы?» – после чего сел и расспрашивал князя обо всем. Потом его величество поехал к Иверской Божьей Матери, где молился, стоя на коленях. Несметная толпа сопровождала обожаемого царя до дворца, где его величество изволил переодеться, принять Филарета и, надев ленту, пойти в собор. Тут встретил его митрополит со словами: «Благословен грядый во спасение града сего!»

Из собора выйдя, государь поехал объезжать город, а после кушать изволил у князя Дмитрия Владимировича и сказывал, что дорога нехороша, что ехать изволил 48 часов (по этому, кажется, надобно бы заключить, что и дорога, и лошади были хороши,

напротив). Государь здоров, кажется, не устал с дороги, только красен и загорел. Вот что рассказывал Петр Иванович Озеров, приехавший от князя Дмитрия Владимировича. Сколько пробудет государь здесь, будет ли представление его величеству – еще неизвестно, но он очень успокоился насчет мнимой здесь холеры. Напрасно наделали такую тревогу. Толкуют, что по 100 и более больных в сутки, но где по 20 да 30 человек умирают в день, там 100 человек – ничего: из сих ста больных 80 на другой же день выздоравливают. Самые ведомости ежедневные должны совершенно успокаивать всех. Что ни говори, а холера – чума. Может ли быть, чтобы в городе, как Москва, умирало бы чумою только по 2 и 4 человека в день, ежели точно чума существует? Нет, однако, худа без добра, и ежели меры взятые не прекратили зла, коего нет, то они зло предупредили, может быть; а это не безделица.

Я замечаю, что многие уже мысли свои переменяют; первый – сосед мой Лев Алексеевич Яковлев, который утверждал, что холера точно существует. Ежели бы я разделял страх, коим многие объяты, то пребывание здесь государя меня бы мучило. Все тронуты великодушием государя и отважностью его сюда приехать. Нечего ему бояться: Бог его сопутник всюду! Заготовляю это письмо заранее и пишу прежде нежели лечь спать. У нас ужинали княгиня Екатерина Алексеевна с женихом, Пашковы, Фавст, Обресковы, Норов, Соковнин и Лачинов; ждали Палена, но не бывал. Княгиня, кажется, не менее сына своего влюблена в Ольгу, которая ее восхищала пляской русскою, надевала сарафан для этого и была точно прелестна.

Будь совершенно покоен. Право, все вздор. Вчера говорят, что государь изволил присутствовать в холерном этом комитете. Схожу к Яковлеву узнать, правда ли и что было. Я знаю, что он получил от князя Дмитрия Владимировича приглашение к шести часам на чрезвычайное собрание. Мы твоему совету-таки последуем: как только уедет государь, и мы – в Семердино, где нам гораздо покойнее, веселее и безопаснее. Умираю – хочу видеть государя хоть издали; ежели бы не шел снег (с коим поздравляю), поехал бы в Кремль глазеть с народом.

Я весь растроган! Башилов прислал мне сию минуту письмо великого князя Михаила Павловича от 25-го; оно наполнено опасениями, как и твое ко мне. Его высочество своей рукою приписал P.S., который мы целовали и со слезами читали. Вот красноречие души! Я заставил Ольгу читать. Он грустит по Москве, скорбит, что не может быть ей полезен, спрашивает, где мы, просит уверить нас, сколько он разделяет наше беспокойство и страх, просит чаще и подробнее ему писать и проч., – да я тебе

завтра доставлю копию. Право, ангел это! Как я рад, что в письме моем к его высочеству сделал я приписку, которая его успокоит. Время покажет, что холеры не было здесь.

Александр. Москва, 1 октября 1830 года

Меры предосторожности будут умножены. С завтрашнего дня прервется совершенно сообщение города со всеми губерниями. Мне жаль, что отрезаны будем от Кости и Паши. Нечего делать! Я уже отправил курьера верхом в Семердино, чтобы там всех успокоить, и послал им нужную провизию. Ты спросишь, любезнейший друг, отчего последовало все это? Право, не знаю. Пусть покажут мне одержимых холерою, я охотно стану ходить за ними. Не явное ли это противоречие? Холера существует, то есть чума, – так зачем же допускать скопища в Кремле? Я теперь оттуда, видел крестный ход, и народу, конечно, тысяч двадцать. Ведь это – сообщать, распространять заразу! Я замечаю, что страх в дворянстве; а народ мелкий покоен, а кажется, ему-то бы и бояться, но у него, видно, более здравого ума. Все это, сказывают, произошло от француза Александра Юни, который умер вчера натурально холерою, а он с год, как был все болен. Ему советовали не брать должность сверх сил его: надобно много рыскать, кричать, браниться, а он слаб, послушал усердие свое одно, побранился с докторами, взволновал желчь и умер в двое суток. Что тут удивительного?

Я тебя прошу верить мне: право, холера в воображении у трусов и в расчетах докторов, кои надеются на великие награды. Сказывают, что послезавтра представление у государя. Ежели буду иметь счастие его видеть и случай представится, я смело скажу мнение свое государю. Княгиня Долгорукова приехала к нам, перепугана, искать утешения. «Что надобно делать, мой дорогой Булгаков?» А сын ей отвечает: «Есть только одно средство: надобно оставаться возле Ольги, не покидать ее, и это хорошее лекарство». Но я княгиню просил быть покойною и совершенно выбил из головы ее смутные мысли.

Видел Рушковского, от коего Голицын требует окуривать все письма. Вообрази, какой это наводит страх в губерниях: в Москве чума! Да ежели до того дошло здесь, то берите уж меры серьезные, как то было в Одессе: заприте театры, церкви, рынки, все сходбища, падите к ногам государя, чтобы он уехал от нас. Что это за полумеры? Смесь отчаяния и беспечности.

Вот тебе выписки из собственноручного P.S. в Башиловом письме от великого князя Михаила Павловича. Как он добр и милостив. Да государь-то какой ангел?! Всем известно, что он любит императрицу и детей своих, а он оставляет непринужденно

все, что сердцу его дорого, ценно, чтобы лететь в Москву, которую описали ему жертвою смертоносной лютой заразы! Это будет в истории его написано золотыми буквами.

Я очень рад, что Рушковский со мною одних мнений, да и всякий благоразумный человек то же должен говорить. Я имел счастие видеть издали государя у окна, к коему он изволил подходить. Сегодня допущены были к его величеству глава и купцы главнейшие.

Александр. Москва, 2 октября 1830 года

Государь двое суток с лишком здесь, а ты 27-го не знал еще, что его величество выехать изволил из Петербурга. Я имел счастие видеть его хоть издали, давеча; теперь нетерпеливее буду ждать счастия ему представляться, ежели будем допущены мы, мелкотравчатые. Я теперь от княгини, где мы вечер проводили очень приятно, пели. Норов явился поздно, божился, что всклепали на него, что женится, а переехал только на третью квартиру. К княгине принесли ведомость о состоянии города, которая дам встревожила, и подлинно – прежние слова «умерло от признаков *более или менее* холеры» заменены ясным показанием «холерою умерло 28». А я все-таки не верю холере. На улицах ловят всех пьяных и полупьяных (а пьют очень много, оказия славная с горя), берут в больницы, бродяг также. Все это считается больными. Доктора поддерживают, что прежде говорили; выгода их, чтобы было сказано, что их стараниями холера уничтожена. Что будет – Богу известно; но до сих пор вижу я обыкновенные болезни, бывающие всякий год в это время от огурцов, капустных кочерыжек, яблоков и проч. Не я один так думаю; но противоположная партия сильнее. Во всяком случае, будь покоен на наш счет. Я тебе всегда буду писать правду.

Я видел у Фавста теперь Пальчевского, живущего у него и присланного от Канкрина для выставки. Он говорил с Арндтом; этот ему сказал, что рапорты хороши и что все больные от холеры вылечиваются, что болезнь, по-видимому, слабеет. Думают, что государь отправиться изволит обратно послезавтра и выдержит три дня карантина в Твери. Купцы подносили вчера хлеба-соль государю. Его императорское величество милостиво с ними разговаривал. Титов мне рассказывал, что он им сказал: «По рапортам, холера лишила Россию 20 тысяч человек; берите ваши меры заранее, друзья мои! Я был сам в яблочном ряду, плоды вредны теперь; я предложил торги на время прекратить; один благоразумный купец изъявил свое согласие тотчас, а прочие сказали, что их это разорит. Продажа должна прекратиться, я сказал уже князю Голицыну, отнеситесь к нему, дабы отвратить

разорение, коего боитесь!» Государь принял хлеб-соль и их отпустил.

Теперь был у меня Путята [Дмитрий Васильевич], коего брат у Закревского адъютантом; он имеет письмо от брата из Пензы от 24-го. Он пишет, что там все здорово, что едут далее в Саратов и Симбирск для того, чтобы взять чиновников и центральный комитет уничтожить, ибо и там все благополучно, а есть только малое число больных по деревням.

Александр. Москва, 3 октября 1830 года

Был я во дворце. Два раза видел издали государя. Он изволил один ездить сперва, потом воротился домой взять князя Сергея Михайловича, который его ожидал; ездили вместе в какое-то заведение и при мне воротились. Во дворце, прежде чем быть допущенным наверх, большая проформа: надобно облить руки хлорной водою и пополоскать рот. Я долго сидел у графа Петра Александровича Толстого, коему свою песню читал. Он говорил: «Я высмеивал трусов и все эти дни говорил императору то же, что и вы говорите, да только, кажется, со вчерашнего дня болезнь проявилась». Я все-таки свое толкую, что нет холеры. Кто более рыскает всюду почтальонов, священников, кои больных исповедуют и причащают, солдат, кои в куче живут? Нет больных, ни мертвых такого рода ни в почтамте, ни между попами, ни в казармах. На что граф мне сказал, что болезнь не заразна, переходит не через прикосновение, а по воздуху, что это поветрие.

Бенкендорф приехал в ночи; я еду уже, а он мне на лестнице попадается. Обнялись, и первый вопрос: «Правда ли, что ваша дочь замуж идет?» – «Я приходил вам это объявить». – «За кого?» – «За князя Александра Долгорукова!» – «Но это прекрасная партия, рад за вас». Мы, говоря, шли вверх по лестнице в его квартиру, вдруг гофкурьер: пожалуйте к государю. «Приходите, милый, ко мне завтра пораньше, надобно нам поболтать». Так мы и расстались.

В городе нет ничего особенного; скорее лучше, чем хуже. Доказано, что мрут только пьяницы, обжоры, отощанные и те, кои сильно простужаются. Я получил вчера премилое и длинное письмо, самое дружеское, от князя Петра Михайловича Волконского, в ответ на мое, которое ты, видно, решился ему послать.

Генерал Алексеев Илья Иванович, бывший в молодость нашу полицмейстером здесь, умер.

Александр. Москва, 4 октября 1830 года

Флигель-адъютант Кокошкин пожалован генерал-майором. Государь был давеча у княгини Урусовой. Так врасплох застал,

что князь едва успел выбежать, чтобы снять сюртук и надеть фрак. Очень был весел и милостив, спрашивал: трусят ли холеры? Князь отвечал, что по сю пору в глаза ее не видал. Государь отвечать изволил: «Я указом объявил, что есть холера, для того только, чтобы брали меры предосторожности против нее». Градскому голове нашему государь изволил сказать: «Жаль, что случилось это препятствие, а я хотел приехать сюда с императрицею посмотреть на выставку». – «Бог даст, ваше императорское величество, и в январе будет выставка». – «Кто знает? – отвечал государь. – Бог даст, и мы приедем».

Мы до сих пор удивляемся и радуемся неожиданному прибытию государя. Сколько сделало и сделает это добра! А кого не тронула до глубины души попечительность государя о подданных своих? Эта черта одна заслуживает монумент. Видали мы градоначальников, которые в смертные времена бежали из Москвы в Марфино. Счастие наше (ты знаешь, как я Голицына люблю), этот бы не последовал примеру Салтыкова, не укрылся бы в свое Рождествено, но если бы не взял всех мер, кои нужны были в сих обстоятельствах, бог знает, что бы вышло. Теперь все покойны только оттого, что могут сказать: государь здесь!

Посылаю тебе стихи Глинки. Сюжет единственный! Можно бы лучше воспеть. Что зевает Иван Иванович Дмитриев? Вот бы случай показать свой талант. Я очень рад, что доброму Глинке государь пожаловал 3000 рублей пенсиона и право выбрать себе место; приказал ему сказать, что отрешение его от места цензора не должен он почитать немилостью, но следствием обстоятельств. У бедного Глинки куча детей, а человек он сам благонамеренный, благородный, только чудак большой. Муханов, обер-полицмейстер, было умер, а от испугу и отец его; но, слава Богу, оба вышли из опасности; но это не имеет никакой связи с холерою.

Болтаем с Дишкою [то есть с князем Александром Сергеевичем Долгоруковым, тогда женихом Ольги Александровны Булгаковой], вдруг Катенька закричала: «Император, император!» – подбежала к окошку и успела еще поклониться. Государь в колясочке парою, один. Повернул в переулок, что возле нас. Не во Вдовий ли дом изволил поехать? Надобно ехать обратно. Мы и расположились у окошка, чтобы его не прозевать. Только минут 10 спустя опять изволил назад проехать, всем нам очень милостиво поклонился и улыбнулся. Все мы нашли, что он потолстел и краснее стал, но это, может, и от погоды: земля покрыта снегом, и холодно.

Вот тебе и сегодняшнее объявление о состоянии города. Прочти со вниманием, умерло в день 20 человек, из заболевших

холерою 212 человек умерло 13. К первому числу октября всех больных 224. В числе больных всегда множество пьяных, кои выспятся и объявятся вылеченными, бродяги, нищие и тому подобные. Дишка видел Лазарева, которому Бенкендорф сказывал давеча, что все почти вылечиваются, а умирающих мало, и что болезнь ослабевает. Когда же была она в своей силе? Как умирало 2, 3 и 4 человека в день, что ли? Петр Иванович Озеров слег; скажут, что заразился. Некто Ларме, купец, и молодой Тютчев умерли, сказывают, что холерою; не знаю о Тютчеве, но Ларме уморил его доктор.

Обресков явился с торжествующим видом: «Ну что, веришь ли холере?» – «Нет!» – «Да ты читал афишку?» – «Читал, так что же?» – «Как что? 224 умерших!» – «Пустяки! Подай афишку». Подали и читали. Он смешал больных с умершими; но правда, что напечатано бестолково.

Александр. Москва, 6 октября 1830 года

В бюллетене, что я тебе послал, показано такое большое число больных, что государя это поразило. Он приказал исследовать, и вышло, что ошибкою тех же больных выписывали в двух разных частях, за что была нагонка, ибо и в городе все перепугались.

Болезнь ослабевает, – говорят эти господа. Из Смоленска прислал губернатор тамошний какого-то шляхтича (я подозреваю, не жид ли).

Чтобы государю, после милостей его и императрицы, не показалось странно, что мы не довели до сведения их императорских величеств о перемене судьбы Ольги, я давеча поехал во дворец. Бенкендорф был занят, не мог меня принять; я пошел к Храповицкому, который очень меня обласкал, поздравлял, спросил: знает ли государь о свадьбе нашей? Я отвечал, что мне это неизвестно. «Да разве вы согласия у императрицы не просили? Ведь Ольга Александровна фрейлина?» – «Нет, фрейлина ее старшая сестра; но я писал князю Петру Михайловичу Волконскому и просил его доложить государю, ежели случай представится». Я повторил Храповицкому то, что писал князю Петру Михайловичу. Может быть, он и передаст государю наш разговор. Жаль мне очень, что не было и не будет, кажется, представления у двора. Государь принял только хлеб-соль от купцов и принимал сенаторов и тех чиновников, кои имеют части города в своем ведомстве, и то на минуту выходить к ним изволил; остановись от них шагов на пять, всем вместе говорил, благодарил за их усердие и попечение, прося продолжать это до совершенного окончания болезней. Всем

было приятно видеть, что государь принимает предосторожности, где нужно, и не подходит к лицам, кои все обращаются в кругу больных и госпиталей. Сказывают, что его императорское величество обещал это императрице, прощаясь с ее величеством.

Государь того мнения, что холера не сообщается прикосновением, но дыханием, и что зло в воздухе, что это поветрие, как бывает, что глаза у всех болят, гриппы и т.п. В таком смысле и граф Петр Александрович Толстой со мною говорил. Я заходил к Арндту, который велел тебе кланяться. Я ему сказал свой образ мыслей. Он отвечал: «Вы, ваше превосходительство, ударяетесь в противоположную крайность. Это, конечно, не индийская холера и даже не астраханская; болезнь ослаблена и не имеет уже свойственных ей страшных признаков, она не должна наводить того ужаса, который многие испытывают, но она существует. Распространение ее пресечено должными мерами предосторожности, взятыми заранее: количество больных уменьшается, и они скорее выздоравливают; я придерживаюсь того мнения, что болезнь нами не завладела и должна вот-вот исчезнуть». Все это должно тебя совершенно успокаивать, и Бенкендорф сказал, что государь скоро изволит отбыть отсюда, разве бы последовало что-нибудь новое и новые опасности.

Башилов шутя сделал доброе дело. Говоря о смерти Алексеева, прибавил, что нечем похоронить, двухгодовая болезнь разорила их, просил графа Толстого молвить словечко государю. Сегодня рано император прислал 5000 рублей на похороны и, кроме того, сына простил. Давеча везли мимо нас покойника с военной церемонией и двумя орудиями.

Государь, бывши у княгини Урусовой, спросил у нее, что нового в Москве. «Все заняты, ваше величество, холерою, а другая новость – свадьба Булгаковой». – «Какой Булгаковой?» – «Младшей дочери нашего Булгакова». – «Ольги?» – «Точно так!» – «Быть не может, ее не вывозили в Петербург, ей 13 лет; за кого же она выходит?» – «За молодого князя Долгорукова; мне сам отец это объявлять приезжал, жених нам родня». – «Я удивляюсь, что не слышал об этом ничего; она чрезвычайно умна, мила и прекрасная собою», – прибавил государь. Это пересказывала княгине Долгоруковой молодая княжна Урусова, прибавив: «Меня не было дома, когда император был у нас, но маменька мне все рассказала».

Сказали, что дом Хрущовых оцепят, что там трое занемогли холерой злою. Я тотчас туда поехал, ибо хочу убедиться в существовании этой холеры, коей не верю. Расспрашивал людей: просто объелись нового кушанья, которое старуха Улыбышева

велела готовить вместо щей, кои будто вредны (русскому человеку вредны щи, на коих он вырос!). От непривычки и излишества сделались рвота и судороги, вот тебе и холера. Посадили в кареты и повезли, может быть, морить кровопусканием. А третий, швейцар их, остерегся да не ел ничего, на другой день и выздоровел; он мне это и рассказывал. Вот история всех наших холер.

Башилов был у нас, привозил письмо к нему великого князя, в коем его высочество ему пишет: «Всех благ Булгакову, поздравляю его от всего сердца с помолвкой дочери и желаю Ольге счастья». Спасибо его высочеству, что нас любит и помнит. Башилов советует писать и благодарить его высочество. Я рад, что писал ему уже, а может быть, и еще напишу. Письмо великого *князя* тронуло меня, оно наполнено благоговением и дружбою к государю. И он тоже прославляет сердце своего августейшего брата и любовь его к подданным. «Я исполнил, – прибавляет он, – свой долг и пожелал разделить опасности с императором, но вынужден был сообразоваться с волей его императорского величества». Скажи Полетике, как мы чувствуем милости великого князя. Москва его чрезмерно полюбила; он, право, всех обворожил своей ласкою и откровенным обхождением.

Сию минуту был у нас генерал-адъютант Храповицкий, по высочайшему повелению: государь прислал его поздравить Ольгу с помолвкою, а нас – с зятем, и приказал у Ольги за него поцеловать ручку, что Храповицкий и исполнил. Долго сидел, говорил, что государь сожалеет, что нас не видит. Я просил Храповицкого доложить государю, что верхом счастия сочту видеть его величество и благодарить лично за милость его к нам. Храповицкий сказал: «Может быть, и можно вам будет видеть государя; я доложу». Я проводил до кареты дорогого посла, а Ольга – до лестницы; тут он поцеловал руку и сказал: «Это уже от меня, а не от его императорского величества». Как жаль, что Наташи дома нет, а жених был тут; его очень обласкал Матвей Евграфович, который тоже говорил, что государь желает знать, когда и где будет свадьба.

Александр. Москва, 7 октября 1830 года

Посещение Храповицкого разнеслось по целому городу в одну минуту: Норов и Лазарев приезжали спрашивать, правда ли и как это было. Я тебе не помню что написал в радости моей, так не худо повторить поподробнее. Государь проехал два раза мимо нас, и оба раза кланялся нам, то есть Кате и Ольге, которая стояла у окошка с женихом. Я писал тогда тебе вверху, обе прибегали мне рассказывать, что государь проезжал и кланялся.

Вдруг Яков прибежал сказать, что приехал генерал-адъютант Храповицкий. Я думал, что отдать намеднишний мой визит, сбежал вниз. Матвей Евграфович, увидев меня, сказал: «Я приехал по приказанию государя, поздравить вас и Наталью Васильевну (а ее дома не было) с помолвкою Ольги Александровны; а у вас, – сказал он, обернувшись к Ольге, – государь приказал мне поцеловать ручку», – что и исполнил. Хотели мы и не умели благодарить. Я представил жениха, коего Матвей Евграфович обнял и поздравил, что входит в такое хорошее семейство. Он поговорил несколько с Катенькою, которая была за фортепьяно, и я повел его в гостиную и посадил на канапе. «Государь, – сказал он, – желает знать, когда и где будет свадьба». – «Вероятно, в Москве, но не знаем еще сами, когда». Я говорил о намерении князя проситься в Лондон с чрезвычайным посольством, но что мы отменили, ибо не скоро еще последует коронация короля Английского. «Прежде жените князя, а после пускай едет в Лондон с женою». – «Это повлекло бы слишком многие траты и затруднения; он предпочел совершенно отказаться от поездки».

Генерал сказал мне, что император узнал о свадьбе от княгини Урусовой Екатерины Павловны. Тогда я ему сообщил о своем письме к князю Волконскому, коего просил, если случай к тому представится, довести до сведения его императорского величества перемену судьбы Ольги, но поскольку император между тем выехал из Петербурга, то князь Петр не смог исполнить просьбу мою. Генерал Храповицкий отвечал мне, что он говорил о сем императору в тот самый день, как я в первый раз с ним разговаривал. Я ему прочитал несколько отрывков из ответа князя Петра на мое письмо. После говорили о Петербурге, о тебе, об итальянской опере, и он сказывал мне, что император недоволен Абресковым из Твери, как тот долго удерживает фельдъегеря, коему надобно донести до императрицы известие о прибытии его императорского величества сюда, что Абресков подменил фельдъегеря эстафетою, и императрица сильно тревожилась, ибо вместо среды только в пятницу узнала о прибытии его императорского величества в Москву. Храповицкий сообщил нам хорошие новости о санитарном состоянии Москвы. Посидел с часочек. Я пошел его провожать, он удерживал; но я сказал, что ежели бы он приехал сам собою, и тут я бы столь дорогого гостя проводил до передней, но так как государю угодно было его прислать, то я обязан выйти на улицу. Я сказал, что сочту верхом счастия для себя, ежели бы удостоился пасть к стопам императора и лично его благодарить за столь великую милость. Храповицкий отвечал, что государь принимает только должностных, имеющих дело по мерам, кои берут здесь против

заразы, но что он его величеству доложит. Сим кончилось лестное это посещение для нас.

Стоим ли мы того, чтобы государь присылал генерал-адъютанта своего, столь старшего чином против меня? Дишка поскакал тотчас к матери рассказывать, она была очень обрадована. Вечером была у нас и все расспрашивала, как это было. Я поехал к княгине Хованской – ей рассказать, но она уже знала от Киселева Сергея Дмитриевича, который случился у нас, как приехал Храповицкий, и все видел, да, видно, и поехал барабанить. Вот какова наша курноска, принчипеска!

Бюллетени я к тебе исправно посылаю; а теперь, зная, что ты доставляешь их великому князю, еще более буду наблюдать. Только полиция нерадиво их нам доставляет; я уже бранился, а теперь хватился за ум, стал дарить деньги хожалому, так лучше все пошло. Государь уехал в десять часов с половиною.

Александр. Москва, 8 октября 1830 года

Государь изволил отбыть в Тверь вчера в половине одиннадцатого, любезнейший брат. Благомыслящие и рассудительные люди порадуются этому: ежели нет холеры, то и высочайшее присутствие уже не нужно; а ежели есть и усилилась она, как некоторые врали и утверждают, то надобно Бога благодарить, что государь от зла и опасностей удалился. Здесь более трусов, чем чего другого; они и дамы уже завыли: «Ну, государя нет! Теперь пойдет каша! Уже прибыло умерших! Более больных!» – и проч. Глупо многие поступают, да и меры берутся таким образом, чтобы всех пугать.

Эта старая баба Лодер был у меня вчера с известием, что государь уехал, к чему прибавил с видом важным: «Я весьма доволен, что император отбыл; жена *стопника* императорского (что за чин такой новый?) заболела холерой, а ведь император жаловался на головную боль; конечно, это ничего, но все же хорошо, что его императорское величество отбыл». Меня, право, взорвало! Ну скажи эдакую весть какой-нибудь куме или в клубе, – посмотри, что сделается в Москве! А у этого старого хрыча и вральмана Арбатская часть вся в руках. Их бы дело успокаивать, предохранять, лечить, а не уныние наводить, пугать и убивать напрасными кровопусканиями. Да от одних этих карет-полудрог сколько умерло! Посади туда мнительного человека, повези его в госпиталь, где не воздух, а облако хлора, и здоровый умрет. Нет, брат, совсем дело это не так повели; можно бы и должно брать все меры, но иначе. Надобно делать все, но не называть, что пугает более, чем сама болезнь.

Я наконец видел Волкова. Государь чрезвычайно его

обласкал, давал ему две длинные конференции и очень много говорил о делах, особенно о холере. Волков во многом со мною согласен. Он проводил государя за заставу.

Государь изволил быть прощаться у Урусовой. Вообрази мое отчаяние: пять минут после того, что я уехал от княгини, его величество приехал. Что бы мне помешкать четверть часа! Судьба, видно! Государь сказал княгине, что видел Ольгу с женихом у окна. «Он показался мне настоящим красавцем», – прибавил государь.

Александр. Москва, 10 октября 1830 года

Право, не о чем беспокоиться и нечего бояться. Без страха не было бы больных, а без этих карет, уверенности в холере, худого лечения и этих наскоро составленных госпиталей не было бы столько мертвых. Сказывают, что центральный комитет переместится сюда, и хорошо бы было. Закревский взял бы еще лучшие меры. Смотри, какие вздоры печатаются в этих бюллетенях! Я знаю, что Закревский и князь Дмитрий Владимирович не большие приятели; однако же о ссоре между ними я не слыхал, да мало ли что врут.

Государь, осматривая не знаю какое заведение 7-го числа, простудился и за обедом почувствовал такое головокружение, что принужден был выйти из-за стола, но это не имело последствий, благодарение Богу. Он удивлялся здоровью Юсупова, который был с ним тут же, и тому нужды нет.

Александр. Москва, 10 октября 1830 года

Не знаю, правда ли, но вчера слышал я, что Закревского ожидают сегодня и что ему приготовлены комнаты в доме тетки его Мельгуновой. Наш князь много трудится и делает для нашего спокойствия все, что от него зависит; но беда та, что не имеют доверенности к мерам, кои он берет. По городу ходят разные россказни, кои наводят страх или уныние на умы слабые, а это большинство. Попасть в госпиталь или умереть почитают одним. Есть анекдот о мещанине, которого похоронили живого, а он ушел как-то чудесно с кладбища. Говорят, что священникам запрещено ходить на дома исповедовать и причащать, и проч. Конечно, лучше всего не верить подобным рассказам, но зачем их рассеивают? Разговоры сии понудили начальство как бы оправдываться перед публикою в прилагаемом при сем 16-м отчете о состоянии города. Всякий заметит, что здесь выздоравливают из 500 больных токмо 8, а в Ярославле из 69 – 20; в Рыбинске из 198 – 65 выздоровевших: стало быть, там лучше лечат или обходятся с больными. Ежели центральная комиссия

переведется в Москву, все пойдет лучше.

Положим, что мрут холерою, а не обыкновенными осенними болезнями; но мы видим, что в нашем классе ни один еще не умер мнимою этой холерой, а все в народе. Отчего? Оттого, что мы лечимся дома сами или нашими обыкновенными докторами; а простолюдина сажают в фатальную карету, где уже делается ему хуже, да отвозят в госпиталь, где все сделано наскоро, то есть нехорошо, где есть только наружное устройство для глаз, а истинная помощь не подается, и где большая часть умирает от кровопускания. Доктора сами не подходят к больным или только в глазах начальствующих, когда они тут; больные на руках фельдшеров и сиделок. Не все усердны и бесстрашны, как генерал Сталь; он в своей больнице только что не ночует (кажется, Сущевская), сам принимает, осматривает и сортирует больных и за всем глядит. Прокалывают письма, как из чумного города, а другие важнейшие меры пренебрегают; в заставах смотрят строго за выезжающими и въезжающими, кои не откупаются деньгами, а между тем пешие уходят со всех сторон, перелезая через вал. Мне говорят, что я должен три дня окуриваться на заставе. Поеду к князю Дмитрию Владимировичу; ежели подлинно так, нечего делать, я не вправе требовать для себя исключения, а непременно хочу ехать за детьми и сюда их привезти.

Видел я Сталя у князя. Много говорил с ним. С такими людьми весело говорить и о печальной материи. Очень желал я узнать что-нибудь о благополучном прибытии государя в Петербург, но ничего не слыхал: ни плац-майор, ни полиция не знали ничего. Миллер сказывал, что государя множество народа провожало у заставы, что он милостиво всем кланялся, но сказал: «Прощайте, братцы, ступайте по домам, ни один не смей переходить за шлагбаум». А они было бросились провожать.

Александр. Москва, 11 октября 1830 года

Холера идет к концу, ибо истощила жертвы свои, то есть пьяниц, обжор, нуждающихся и не принимающих предосторожностей. Вот что мне говорили вчера генерал Сталь, приятель Волкова, и доктор один. Когда я писал великому князю, точно страх был пустой, смертность была хуже других годов, царствовали обыкновенные осенние болезни, кои после усилились от разных причин, а может быть, и от холерного поветрия; но все-таки это не та болезнь, которая опустошала Астрахань ныне и Оренбург в прошлом году. Перетрусили напрасно, меры не совсем взяли хорошие, да и те слабо исполнялись. Я рад, что был в деревне тогда и не попал в этот комитет, а то бы много было у меня неприятностей и споров. Кто

не пишет к кому-нибудь в Петербург? Всякий! Так, верно, что у вас должны быть вести весьма сокрушительные о бедной Москве. Дело в том, чтобы покончить с этим, что болезнь не в прикосновении, ибо в казармах, на фабриках и всех скопищах вообще нет больных. Болезнь не в воздухе, ибо мы глотаем один воздух с простым народом, между нами никто не умирал от холеры, а в народе много умирают, как говорят. Стало быть, смертность от невоздержания, пьянства, худой или неумеренной пищи. Вот о чем сообщу я великому князю, ибо надобно мне ответить и поблагодарить его императорское высочество.

Александр. Москва, 13 октября 1830 года

Не могу теперь сомневаться в существовании холеры; но и теперь, поверь мне, что из десятка, коих смерть относят к холере, верно, 6 и 7 не ею умирают. У господ медиков вышла война; все вооружились против Маркуса, Лод ер и Пфеллер отошли. Маркус хочет командовать всеми, он, конечно, и знающ, и умнее их всех.

Александр. Москва, 14 октября 1830 года

В городе опять более стали беспокоиться, потому что в бюллетене № 21 больные прибавились, и выздоровело опять менее. Как меня уверяли, Хлебников вылечивает в домах по 50 и 60 человек в день, за что несет гонение от медиков. С.А.Волкова мне говорила, что Брянчанинову точно он жизнь спас. Главное – захватить в первую минуту и сильный пот произвесть, – сказал он Волкову, и мы этого держимся. Всего спасительнее: первое – не отягощать досыта желудка; второе – вино пить, но не напиваться; третье – на желудке носить фланель; четвертое – не евши, не выезжать со двора и иметь на ногах теплое.

Александр. Москва, 15 октября 1830 года

Государь изволил уехать отсюда именно 7-го, во вторник, то есть в тот день, что писал тебе князь Атександр Николаевич. Так что он был хорошо осведомлен заранее о планах его императорского величества. Немудрено, что у вас говорят много пустяков об нас, когда и здесь рассказам нет конца. Самарина Федора Васильевича уморили, а он и болен не был; а кто подлинно умер, так рассказывают ужасные подробности, коих не бывало, и уж нет другой смерти, как холерою.

Вчера видел я флигель-адъютанта графа Ивелича, который по именному повелению отправляется сегодня в Саратов к Закревскому. Что-то уже не говорят о приезде сюда финского графа нашего, а очень бы хотелось мне его видеть.

Александр. Москва, 16 октября 1830 года

У нас, слава Богу, все благополучно, и берутся все меры. Всякое утро и ложась спать, все берем ложку чайную магнезии – мы и весь дом; это Волкову советовал Хлебников яко самое спасительное средство, и Волков делает это у себя тоже. Одно меня только мучает, что Костя, Пашка отрезаны от нас. К ним ехать нельзя никак: надобно 14 дней карантина. Я надеюсь, что, прежде нежели настанут холода и зима, все пройдет; теперь я все думаю, как бы их сюда провезти. Не понимаю, зачем карантин тем, кои из благополучного места едут в Москву; а с субботы, говорят, город оцепится еще теснее войсками.

Князь Дмитрий Владимирович замучен, худо вспомоществуем. В полиции, попах и медиках действует корысть. Тут бы надобно твердую, решительную голову и скорые средства. Вот, слышал я, как делает Закревский: у него род дозоров, составленных из медиков, фельдшеров с разными лекарствами, пиявками и проч., объезжают город; приказано везде, где занеможет кто холерою, на крыши выставлять платок белый в виде знамени, а ночью – фонари; где команда видит знаки сии, туда тотчас въезжает, спрашивает больного и тотчас действует к его спасению. Я всегда здесь повторял Яковлеву и всем, что должно опубликовать средства, к коим больные тотчас должны прибегать сами в ожидании докторов, коих иной раз часов 8 ищут, а этого времени довольно, чтобы умереть. Ведомости даже о числе занемогающих и умерших неверны, а потому государь приказывал, чтобы присылали ему подлинные списки от всех двадцати частей за подписанием сенаторов и тех, кои заведуют частями городскими, и из коих Голицын прежде составлял рапорты свои его императорскому величеству. Все требуют Иверскую подымать, а в народе молва, что город только тогда избавится от холеры, когда икона Божьей Матери объездит все части города. Народ наш набожен. Это и исполняется, но медленно, ибо по 200 и 300 требований в день. Мы третий день не можем иметь образ; говорят, что в субботу повезут по Арбату, и тогда выйдем на улицу встречать.

Я слышу теперь, что у князя Дмитрия Владимировича умерла в доме женщина, – говорят, что холерою; а Киселева Прасковья Петровна меня уверяла, что княгиня Татьяна Васильевна переезжает жить к Авдотье Селиверстовне Небольсиной, а князь Дмитрий Владимирович – в дом Александрова, что рядом. Жаль, ежели он это сделает; это никому бодрости не придаст, а как ручаться, что и в доме Небольсиной кто-нибудь не умрет? Так они и будут странствовать из дома в дом.

Александр. Москва, 17 октября 1830 года

Скорее меня, кажется, никто не получает бюллетеней, но завтра обращусь прямо к источнику, в типографию. После того, что печатали в них о тех, кои трусят и тем наживают себе скорее болезни, не следовало бы начальнику города давать собою пример страха; а князь Дмитрий Владимирович оставил дом наместнический, который теперь весь окуривают, и переехал жить в лачужку. Пусть бы княгиня это делала и сохраняла детей своих (остается еще решить, почему один дом безопаснее другого); но князю должно всеми силами сохранять вверенный ему город. Сие произвело дурное впечатление и уже сделало его мишенью злых шутников.

Княгиня Урусова, которую я ездил поздравить с шифром Наташи ее [княжны Натальи Александровны Урусовой], велела тебе кланяться. Она опять рассказывала мне о посещении государя. Его императорское величество изволил ей сказать: «Хочу просить вас об одолжении». – «Извольте, государь, приказывать». – «Не противьтесь желанию сына вашего Ивана служить во флоте; у него это на сердце, а мне будет приятно». Натурально, она согласилась охотно. И Бенкендорф ей говорил, что желание государя есть, чтобы наши дворяне поступали на службу, со славой и пользой сопряженную.

Александр. Москва, 19 октября 1830 года

Фавсту сказывали, что на больнице, что в Смоленском рынке, нашли прибитой и припечатанной с четырех углов следующую надпись: «Ежели доктора-немцы не перестанут морить русский народ, то мы их головами вымостим Москву!» Ежели это не умысел людей неблагонамеренных, то все-таки шалость вредная. Верно, не отыщут; впрочем, в городе спокойно, а это важное обстоятельство в сии смутные времена.

Александр. Москва, 20 октября 1830 года

Вот завелось, чего отроду не бывало между нами, – споры! Да и о чем еще – о негодной холере. Нет, брат, я не спорю, да и спорить нельзя против очевидности. Я очень сознаюсь, что холера существует; но я нахожу, что страх почти всеобщий не соразмерен с истинной опасностью. Бездна умерло людей, коим жить бы должно: потому что предались страху, отчаянию, были испуганы, пили, простужались, не брали предосторожности, не захватывали болезнь с начала, а главное – что были жертвою незнания докторов или худого присмотра в больницах.

Я вижу, что виноват; признаюсь тебе, что многое мог бы не писать Полетике, коего нескромность я не один раз заметил;

впрочем, я ничего такого не говорил ему, что требовало бы тайны. Вот ты – другое дело, и я свободно могу толковать с тобой о наших обстоятельствах. Итак, брат, теперь не Голицына бы надобно здесь, а человека твердого, решительного, деятельного. Он голову потерял совершенно, а переезд его в лачужку – каков Александрова дом, жилище столь неуместное для генерал-губернатора, особенно в это время, – совершенно уронил его в общем мнении. Слава Богу еще, что слушается Волкова, коему надобно приписать все хорошие меры, кои берутся, а то бы, право, нехорошо было здесь.

Что ты скажешь, когда узнаешь, что доктора в госпиталях не подходят к больным, а пользуют их издалека? Фельдшера и сторожа – вот истинные хранители больных.

За исключением малого числа[55], господа начальствующие не ездят в свои госпитали или бывают там только в конторах, а больных никогда не видят. Ежели боятся, на что было брать на себя добровольно хлопоты такие и опасности? Но полно о сем; теперь ты видишь, что я не Фома неверный.

Князь Сергей Михайлович таки запирает Воспитательный дом. Много кричат на это в Москве. Когда много умирало там, то впустили государя, обманули его величество; но беспорядки не ускользнули от его прозорливости, и он главного доктора Пфеллера велел разжаловать в фельдшера, но Голицын упросил; кончилось одним выгнанием из службы, и велено его судить. Теперь же и служащие здесь говорят, что все благополучно, и пятый день нет умерших, а запирают заведение, на что была государева дана власть князю Дмитрию Владимировичу, но мог бы он ею и не пользоваться без нужды.

Жаль, что наполняют только пустяками бюллетени. Ну что это за глупости о рассказах в Английском клубе! Хотят делать а-ля Ростопчин, да не то; говорят о слухах, смущающих людей робких; но это не слух, что князь Дмитрий Владимирович переехал от страху из дома своего. Поэтому робкие теряют и последнюю свою бодрость. Между новыми жертвами – бедный Бранденбург, молодой Могилевский, что женат на Бутурлиной, сестре русского Жомини, и какой-то князь Урусов. Больно слышать, что в наше смутное время есть люди, кои как будто ищут умножить гнев Божий. Рассказывал нам вчера Новосильцев ужасную историю: в городе к Красному Селу нашли ночью богатого одного огородника и шесть человек еще из его семьи зарезанными. Полагать надобно, что тут действовала целая шайка. Ужасно! А в субботу была ограблена совершенно церковь Иоанна Богослова, что на бульваре Тверском, насупротив Ивана Николаевича Корсакова.

Вяземский пишет мне из деревни, в коей отрезан от всех, не знает совершенно ничего. Письмо его от 7-го – из-под Подольска; скорее бы дошло письмо из Парижа. Только знает, что государь прибыл в Москву, что это прекраснейшая историческая черта, и прибавляет: государь переменил пословицу предков: «Близ царя – близ смерти». Он сказал: «Близ народа – близ смерти», – и сблизился с ним.

Александр. Москва, 21 октября 1830 года

Между умершими от холеры я поместил вчера Бранденбурга, нашего петропавловского школьного товарища; но это вышло вздор: он здоров, и мне очень приятно известить тебя о сем, любезнейший брат. Вот так-то здесь врут и морят часто здоровых. Долго я сегодня сидел у Волкова, и много мы говорили с ним о всякой всячине. Много есть ничтожных, напрасных мер, кои только стесняют все сословия, а иные, нужные, пренебрегаются. Сегодняшние известия хороши, слава Богу; но бюллетень получим только завтра. Сашка велел тебя поцеловать.

Мадам Краузе пишет о несчастьях, случившихся в семействе Алексея Бобринского, что женат на графине Самойловой. Он, ходя около паровых машин, хотел одну поправить; руку в нее втянуло, и раздробило ему три пальца. Этого мало; возвращаясь домой, узнает, что сына его Сашку, лет семи, прогуливали в коляске, лошади стали бить, вывалили коляску и несчастному малютке переехали обе ноги. Бог знает, что будет с ним; ежели и жив останется, может быть калекою на всю жизнь[56]. Без содрогания не могу подумать о бедной графине Софье Александровне. Уж подлинно, несчастие никогда не приходит одно.

Я заезжал навестить Рушковского, который исхудал весь от хлопот; у него так сильно курят хлором, что способу нет выдержать. Теперь доказано, что надобно весьма умеренно это употреблять, а то падает на зубы и на глаза; а всего лучше – частое курение уксуса с мятою. Княгиня Наталья Николаевна Голицына, приехавшая от князя Дмитрия Владимировича Голицына, сказывала у княгини Хованской давеча, что князь Сергей Михайлович не довольствуется тем, что закрывает Воспитательный дом, просил у князя Дмитрия Владимировича войско, коим с завтрашнего дня оцепить хочет заведение это. На что?

Где же эта ужасная опасность и смертность? Кобылинский, который тут служил, сказывал, что в эти пять дней все было у них благополучно и больных совсем не было; но у страха глаза велики.

Александр. Москва, 22 октября 1830 года

Как будто я оспариваю существование холеры! От чего же умирает по 200 человек в день?

Ты читал все мои письма к великому князю: разве я утверждаю это? Ни ему не писал я это, ни другому; но тебя уверяю, что небрежение, худые меры, нерадение или оплошность докторов. Бездна умерла таких людей, кои остались бы живы, а прослыли жертвою холеры. Все это когда-нибудь да выйдет наружу. Худо описывать вещи черными красками, но я не вижу ничего дурного не смотреть на них глазами слепого страха, как смотрят те, кои других должны бы ободрять. Так судят Волков, Сталь, Брокер, Норов и многие другие. Послушай, что говорят купцы-старожилы и даже мужики. Право, оба Голицыны могли бы во многом принять у них советы. Впрочем, я всегда готов жертвовать тебе мнениями своими: ежели великий князь удостоит меня еще письмами своими, то ограничу себя учтивыми ответами, уклоняясь от всяких размышлений касательно холеры. Внезапное возвращение сюда Данзаса, коему князь Дмитрий Владимирович вверил Троицкий карантин, подало повод к слухам о беспокойствах в той стране. Из мухи сделали слона, как Волков мне рассказывал, и слава Богу. Князь Сергей Михайлович точно оцепил Воспитательный дом, но не войском, а своими сторожами.

Я уверен был, что письмо его высочества будет тебе приятно читать. Здесь слух пронесся, что, как скоро государь будет в Петербурге, великий князь отправится в Москву. Я как-то не верю этому, но все радуются одному этому слуху.

Александр. Москва, 23 октября 1830 года

Ты мне возвратил письмо великого князя. Я нимало не сержусь и не обижаюсь сим, ибо верю тебе слепо. Свесь ты все в своем благоразумии и делай что хочешь. Великий князь просит меня писать к нему: «Ежели не сочтете за нескромность с моей стороны, то сообщайте мне, что у вас нового, уверяю вас, что меня это живо интересует». Его слова. А я, неуч неблагодарная, когда его высочество пишет мне две страницы своей рукою, отвечаю чем? Молчанием. Башилов писал великому князю: «Булгаков прочитал мне предлинное письмо, адресованное вашему императорскому высочеству; он боялся вам докучать, и я заверил его, что письмо вам будет приятно». В письме моем к великому князю от 18-го я ссылаюсь на письмо мое от 13-го; стало быть, и письмо от 18-го не надобно ему отдавать. Кроме Башилова, у коего самого есть госпиталь на руках, я читал Волкову письмо; он может знать лучше всякого настоящее

положение дел и болезни; он письмо одобрил. Все-таки я послал оное к тебе.

Ты в нем хулишь мое мнение. Да что я за Катон? Почему же не могу я ошибаться? Разве мнение мое вредно для общества? Да кабы никто не боялся и не верил холере, было ли бы хуже? Я думаю, все были бы покойнее, напротив того. Где же я опровергаю существование холеры? Ты говоришь: письмо мое может идти далее. Положим, что и сам государь прочтет; что же тут вредного для меня? Пусть прочтет князь Дмитрий Владимирович и всякий. Напрасно ты думаешь, что я один моего мнения; но и мое мнение могло измениться по мере того, как число больных умножилось. Я так заторопился, что, прочтя наскоро письмо твое, не видал, что ты говоришь, что возвращаешь письмо с заметками твоими. Я сделаю, как ты хочешь, перепишу письмо с твоими поправками; мне только больно то, что прослыву свиньею в глазах великого князя, а признаюсь, что дорожу его ласкою: может быть, Бог посылает мне в нем покровителя, коего я не имел еще счастия до сих пор найти ни в ком. Ласкают все, но тем все и кончается.

Александр. Москва, 24 октября 1830 года

Упрямства нет с моей стороны, но убеждение собственное. Ежели бы я хотел порочить то, что делают здесь, не то бы написал; но какое мне дело! Тебе мало ли что я пишу, но это изъятие из правила, ибо ничего от тебя не скрываю. Я вижу, по крайней мере, что то, что ты вымарал в письме моем, не есть ложь, но только оно несходно со мнением большинства. Нет человека, который бы не сказал здесь, что князь Сергей Михайлович перетрусил. Какое тут бесчестие ему? Я нимало не думал бранить его. Почему не сказать, что Сталь и Башилов усердствуют, тогда как другие с учреждения ими больниц и носу своего в них не казали? Все это я говорю, дабы только себя оправдать перед тобою. Теперь баста; я тебя благодарю искренно за советы твои, я им слепо поверил, повинился и сделал все, что ты хотел.

В доме все у нас благополучно. Дворник занемог. Евсей дал знать полиции, явился лекарь, и этот дурак объявил тотчас, что у него холера, испугал бедного отца семейства, явилась карета с мортусами, повезли его при слезах жены и детей, а вышло – что просто индижестия[57], и дворнику гораздо лучше: на днях выйдет. Я говорил эскулапу этому, что первый их долг – не пугать больного, а обнадеживать, что скоро выздоровеет, а паче всего не произносить слово «холера»: во-первых, пугает больного, а потом и целый дом, откуда его берут. Но в этих скотах нет ни человеколюбия, ни жалости.

Александр. Москва, 28 октября 1830 года

Пожалей о добром нашем коменданте: он скончался вчера вечером. Добрый, честный, заслуженный муж. Дай Бог, чтобы выбор государя пал на хорошего человека. Мы избалованы комендантами. Надобно мне написать два слова великому князю, он его жалует очень.

Александр. Москва, 29 октября 1830 года

К Волкову приходили – весь корпус, плац-адъютанты с плац-майорами во главе – просить, чтобы он просил у государя прежнее свое комендантское место. Дело несбыточное, но ему очень было это приятно.

Александр. Москва, 30 октября 1830 года

Поздно я воротился с двух похорон, мой милый и любезнейший друг. Сперва у Веревкина, а там у Мосоловой. Фавста мы удержали дома; но он, признаться, и сам уже не хотел ехать: погода прескверная. Ему лучше, слава Богу; а у нас все благополучно. Много было у Веревкина и много слез, дай Бог всякому такое оставлять имя по себе: служил 54 года с честью и ревностью. Что же оставил вдове и восьмерым деткам? 27 душ и 100 тысяч долгу. Много мне говорил его племянник об отчаянии бедной вдовы. Ох, будь миллионы, сколько бы можно делать добра! Меня это мучило всю дорогу, что ехал назад. Вспомнил я добрую душу Михаила Павловича, дай-ка напишу ему письмо! Ведь прошу не себе и не своему, я мало знал даже Веревкина. Кто знает, в какую минуту может прийти и мое грешное письмо. Вот оно, все-таки к тебе посылаю. Ежели не одобришь, не отсылай к его высочеству. Кажется, с добрым намерением худо делать нельзя; но я предаю все на твой суд и решение, чтобы ты еще более уверился, что я не сердит на тебя, а хочу всегда твоего совета.

Александр. Москва, 31 октября 1830 года

На похоронах коменданта видел я многих начальников частей, яко то: Озерова, Урусова, Писарева, Гедеонова; с ними говорил и вижу, что речи их клонятся к тому, что я прежде говорил. Они решительно объявляют, что болезнь не прилипчива. Все окуражились и следуют неустрашимости почтенного Сталя, видя, что риску нет. Дворник наш, которого мортусы повезли на той неделе в Арбатскую больницу в смертоносной карете, воротился сюда вчера здоровый совсем и очень хвалится попечениями, кои имели о нем в больнице. Призрение бедных

пищей, обувью и простыми предохранительными средствами очень уменьшило смертность. Эта мера, которую первую привели в действие на Бутырках, где устроились столы для бедных, очень была спасительна. Вчера Волков долго сидел у меня и очень хвалил усердие и сострадание Сталя и здешнего викарного [это был преосвященный Иннокентий].

Александр. Москва, 10 ноября 1830 года

Князь Юрий Владимирович Долгоруков умер в прошедшую ночь. 95 лет – век необыкновенный, и он сам часто твердил: «Ну, я вот холеры не боюсь; уж мне коли умирать, так одною только болезнью: старостью!» Погас, сказывают, как свеча или лампада, в коей масла не стало. Он отдал 3000 душ так называемой Верочке, что за князем

Салтыковым, а прочее все его имение идет в раздел ему же с братьями его. Одна дама, по глупости или умышленно, сказала Юсупову: «Князь, теперь ваша очередь». – «Вовсе нет, сударыня, теперь очередь графа Орлова (Владимира Григорьевича). Вы ошибаетесь, я надеюсь прожить так же долго, как вы». Старики не скоро соглашаются умирать.

Александр. Москва, 12 ноября 1830 года

Вместе с письмом твоим от 5-го числа получил я газеты иностранные. Наконец Франция разродилась министерством новым, несколько дней была в муках. Тон благоприятных даже журналов не очень радостен для правительства Филиппа. Чего ждать от сумасбродных французов? Хвастались своей хартией, радовались на нее, зачем бы ее нарушать? По смыслу ее и надобно было судить министров виновных, как и теперь судят; а зачем трогать неприкосновенную, священную по хартии особу короля? Почему хартия Филиппа с новым ее изменением будет более почтена? Нечего хорошего ожидать.

Александр. Москва, 13 ноября 1830 года

Письмо великого князя очень было мне приятно, оно утешит очень бедную вдову [то есть вдову московского коменданта Николая Никитича Веревкина]. Я знаю, что ей советовали писать его высочеству. Я радуюсь, что имел случай ее предупредить. Видно, что очень занят великий князь, что не было приписочки его руки, и Башилова последние три письма без приписок. Повременю, прежде нежели отвечать его высочеству.

Князь Дмитрий Владимирович переехал наконец опять в дом наместнический, и хорошо сделал. Все находили, что неприлично было ему не жить там только оттого, что умерла там какая-то

женщина.

Директриса французской труппы Карцева занемогла холерою, и актеры, кои не терпят ее, говорят: «Хорошо, ибо вы увидите, что холера с нею не справится; она не выдержит, а не больная».

Пожар вчерашний был за Красными Воротами, горели Куракинская больница и часть Запасного дворца, к ней прилежащая; но не дали огню усилиться.

Александр. Москва, 15 ноября 1830 года

Болезнь идет так хорошо, что вчера умерло только 20 человек. Многие начальники меня уверяли, что холерных уже очень мало поступает (у Озерова, например, из 29 больных только один) в больницы. Полиция во зло употребляет выдачу свидетельств: являются совсем не холерные и остаются в больницах несколько дней, для того только, чтобы выйти одетыми, обутыми и с пятью рублями награждения. Где не заведется злоупотребление? Вот так-то лекаришки с заседателями ездят в уездах по деревням, где заставляют давать подписки, что у них столько-то было больных холерою, тогда как все здоровы. Мужиков уверяют, что показанием сим освободятся от подвод и податей, а сами представляют от себя, что столько-то и столько-то вылечили от холеры. Везде найдутся мерзавцы, пользующиеся общим бедствием для выгод своих личных.

Все без изъятия ожидают с нетерпением расцепления города; подходит Рождество, это для Москвы и окружных селений – как другая Макарьевская ярмарка, большие делаются продажи и закупки. В Коломне были беспорядки, губернатор ездил усмирять; накопилось там тысячи три мужиков, кои не знали, чем себя и лошадей прокормить. Это то же, что было у Троицы; но все усмирили, слава Богу.

Александр. Москва, 21 ноября 1830 года

Приехал навестить меня князь Александр Михайлович Урусов. Я к нему выходил; и он становится хил, посидел довольно долго. Много толковали о холере. Он тоже моего мнения, что холера не прилипчива, спорил с самим государем, который ему изволил сказать: «Экий ты, братец, спорщик, ну так останемся всякий при своем мнении». Император полагаться должен на то, что ему доносят, а как господа медики врут и сбиваются во мнениях своих! Ежедневные опыты доказывают, что болезнь не прилипчива; ни один мортус не заразился, не умер, а они ли не терлись около больных? У Волкова ли не брали предосторожностей в доме? Навоз дымился на дворе денно и нощно, в передней устроена была карантинная, где всякий

должен был омываться хлорной водою, во всех комнатах стоял хлор, и проч. Отчего же Верочка занемогла холерою?

Оттого, что ежели есть расположение к болезни в теле, то не уйдешь; а ежели нет, то хоть спи с больными в одной постели.

Все здраво судящие этого мнения, и надобно удивляться, что позволяют Рейсу печатать брошюрку, в коей он утверждает, что холера сообщается не только людьми, но платьем, даже деньгами (а пошли-ка этому животному пук ассигнаций, – возьмет, не окуривши). Ежели верить его словам, то минуты не должно иметь покою; он велит одеваться в хлор, дышать им, в хлеб класть, в кареты и проч. Такое сумасбродство не слыхано! Да ежели бы и было справедливо, мне кажется, что нужно успокаивать народ, а не наводить на него уныние и отчаяние. Он говорит, что ежели зима прекратит эту заразу, то она весной опять явится. Это что за пророчество! Рейс напечатал 6000 экземпляров, и цель его – обогатиться, ибо вранье его возбудило большое любопытство. Я не верил всему этому, но Филипп Иванович [врач Пфеллер] мне все это теперь подтвердил. Старик очень зол и брюзжит.

Болезнь оканчивается, – так говорят, что она в товарах, что надобно их все окурить. Да на это надобно года два! В Москве, может быть, на 10 миллионов одного чаю, хорош будет хлоровый чай! Хороши будут материи шелковые! Это то же, что разорение купцов, и выйдет, что в карманы курильщиков пойдут миллионы, а мнимое зло не истребится. Большие идут о сем прения; чем кончатся – не знают. Об этой заразе куда как много выдержал я споров; теперь почти все пристают к моему мнению. Волков сказывал, что подаяния на больницы временные составили 253 тысячи. Князь Дмитрий Владимирович назначил Данзаса, чтобы считать всех. Сенаторы очень обижаются, что выбрал мальчишку для этого.

Александр. Москва, 27 ноября 1830 года

Вот не стало и приятеля моего короля Неаполитанского. Спали мы с ним в Калабрии только что не на одной постели! Сколько раз спрашивал он, бывало, меня: «Чем же все это кончится, милый мой Булгаков?» – «А тем, принц, что король, ваш августейший батюшка, вновь заберет себе неаполитанский трон». Тогда уверял, что, когда сбудется мое пророчество, он меня не забудет, и сбылось 10 лет после, и он сам вошел на престол, с чем я его и поздравлял, но не было ответа. Другие времена! Я все это напоминал его сестре, герцогине Орлеанской в 1819 году в Париже; вот и она теперь сама королева, а тогда по разговорам давала чувствовать, что не полагала царствование Людовика XVIII прочным. Угадала в свою пользу. Вот так-то все переменяется на

свете, а нынешний король Неаполитанский родился после меня. В старики записываемся! Перемена в Лондоне очень мне не нравится. Одно имя Веллингтона было ручательством покоя. Теперь бельгийские бунтовщики нос поднимут. Будет каша и в Англии, в земле этих хваленых умниц. Штилинг предсказал конец света к 1836 году; уж чуть не к тому ли идет?

Александр. Москва, 28 ноября 1830 года

Здесь барабанят о Лазареве – не только, что он помолвлен, но будто уже сделал подарок в 60 тысяч Катеньке. Мне неприятны слухи эти. Я ничего не имею против Лазарева, но говорят (и вероятно, это неправда), что Паскевич дурно его отрекомендовал государю и что ему не позволено быть в Петербурге впредь до приказания. Это заставило меня в письме моем к великому князю, при сем прилагаемом, опровергнуть *деликатно* здешние и ваши слухи. Я не называю его, но можно брать слухи, как всякому угодно. Прочти мое письмо и, запечатав, отошли к его высочеству.

Говорят, что Малиновский помолвил дочь свою за полковника Бакунина[58], бывшего адъютанта князя Дмитрия Владимировича Голицына. Ни ему, ни ей не завидую. Он шалун, говорят.

Александр. Москва, 29 ноября 1830 года

Вчера, после каких-нибудь шести или семи месяцев, попал я в клуб. Как будто с того света явился, ибо клубные завсегдатаи не понимают, что можно не бывать в клубе несколько месяцев. Иные поздравляли меня только с Ольгиною помолвкою, а другие даже и с Катюшиною. Не думаю, чтобы Лазарев думал себе сии тоны задавать; знают, что часто у нас бывает, а этого уже и довольно.

Пропасть насказали мне вестей, и все преглупые. Молодой Соболевский, приятель наших Голицыных, которого чуть ли не ты и в службу записал мальчишкою (он сын побочный Соймонова и А.И.Лобковой), за делом поехал в Париж! Замешался в толпе народной, штурмовавшей мэрию в прославленные ими три дня бунта, был ранен и умер в госпитале. Экая кончина[59]!

Андрея Семеновича Кологривова сын ушел от гувернера своего, коего обокрал, бежал, написав сюда предерзкое бунтовщичье послание, и записался в службу. К кому же? К Мине, который отечество свое хочет поставить вверх дном. Экие мерзавцы!

Юсупову сказали, что князь Юрий Владимирович Долгоруков оттого долго прожил, что дома сидел и берегся; теперь Юсупов только в свою Экспедицию ездит, а отобедав у себя, надевает

халат, скидывает даже штаны с себя и никуда уже не выезжает, забавляет себя пением и балетами своих подданных, играет в бостон и ложится спать. Как бы хуже не было от этого?

Александр. Москва, 1 декабря 1830 года

Весь город наполнен прибытием государя в Москву. Волков мне сказывал, что присылают к нему беспрестанно спрашивать: правда ли это? Иной говорит, что кухня прибыла, другой – что Четвертинский заготовил уже лошадей. У Дишки глаз болит, мы все вчера и обедали, и ужинали у княгини Екатерины Алексеевны. Вечером поздно является маленький (там иных и нет!) Сушков. Император только что приехал! Все вскочили, и ну на меня: «Ну вот, а вы говорили, что неправда!» – «Я и теперь это повторяю. Да разве вы думаете, что император не изволит провести 6-е в кругу семейства?» – «Да помилуйте, флаг видели!» – «Во-первых, нет флага ночью, а кабы был, кто его увидит теперь?» Княгиня тотчас верхом человека в Кремль – узнать. Возвращается курьер. «Ну что?» – «Государь еще не бывал, а ждут его всякую минуту». – «Вот видите, видите!» – «Да кто тебе это сказывал?» – «Часовой!» – «Ну почем часовому знать? Освещен ли дворец?» – «Нет-с, везде, кажется, темно в комнатах». – «Ну, как же это не вздор?» – «Да как же князь Четвертинский готовит лошадей?» – «Да разве нельзя готовить лошадей для другого, а не для государя?» Долго толковали; во-первых, государь никогда наперед не возвещает прибытие свое, что очень полезно для дел; да зачем сюда быть накануне 6-го числа? Дамы уверяют, что он так шибко ездит, что к 6-му может воротиться в Петербург. Какая же польза выйдет из суточного пребывания его величества здесь?

Целый вечер только и было речи, что об этом, и я уверен, что сегодня весь город наполнен будет этой вестью.

13 госпиталей заперто, на днях запрутся еще Лефортовский, Серпуховский и Сущевский; всех больных остается 300 с небольшим.

Александр. Москва, 2 декабря 1830 года

Как-то будут толковать о моей статье в № 142 «Пчелы»? Так как я не назывался, то мне легко будет знать мнение. Впрочем, я Москву превозношу, да она не стоит того. Вчера пил я чай с Волковым, приехал и Сталь. Он меня уверял, что 290 больных, показываемых в билетах, суть выздоравливающие, что холерой настоящею едва ли есть человек 60, что он возил сам князя Дмитрия Владимировича по многим госпиталям, чтобы уверить его в этом. Есть точно люди, старающиеся продлить мнение о существовании холеры, и так как и сами рапорты, получаемые из

уездов, очень сбивчивы, то князь Дмитрий Владимирович просил Сталя объездить некоторые, чтобы узнать истину. Деятельный и бесстрашный Сталь отправляется сегодня в Коломну, Серпухов, Подольск и еще куда-то исследовать правду на месте. Хорошо, кабы князь Дмитрий Владимирович давно принялся за таких людей и окружал бы себя подобными Сталю.

Вчера вечером сидел я долго у Фавста. Он мне читал прекрасную статью о нынешнем положении Москвы; жаль, что нельзя этого напечатать: он слишком свободно говорит о многом и особенно о лицах здешних. Он представляет, что сошлись пить чай дворянин, купец, мещанин и мужик и, отпивши, начали болтать о холере и всякой всячине. Может быть, чрез 20 лет и будут это читать с удовольствием и любопытством. Ему во время болезни нечего было делать, а времени свободного было много.

Александр. Москва, 3 декабря 1830 года

Никогда не было большой симпатии между русским и поляком, но здесь теперь и последнее чувство охолодело к этим неблагодарным. Как они ветрены! Уж подлинно северные французы. Ну к чему могло вести безумное их предприятие? К напрасному пролитию их же собственной крови! Стало, ею не дорожат. Отольются волку лютому! Найдут другого Суворова для них; но я все той веры, что они сами выдадут зачинщиков, чтобы купить себе прощение. Что-то ваши поляки говорят? Здесь нет ни одного.

Много здесь делала шуму бешеная собака прекрупная, не могли ее никак поймать. У Кокошкина перекусала она человек семь, дня три назад бегала около нас по Арбату, портному одному изгадила она все лицо. Наконец вчера ее убили в Мещанской части, и так как она выбегала на промысел токмо вечером и ночью и всегда кидалась на лицо, то сплели басню, что это был человек, зашитый в собачью шкуру и который грабил укушенных им. Только она задала такой страх городу, что извозчики вечером боялись уже ездить и быть на биржах своих.

Александр. Москва, 4 декабря 1830 года

Добру не бывать. Поляки разрушили навсегда свое собственное благополучие, и надеяться нельзя на тех, кои три раза искали гибели России: в 1794-м, в 1812-м и 1830-м годах. Неужели готовиться нам на четвертую измену? Нет, брат, надобно на них песочную дубинку Петра Великого. Вот при Наполеоне были они как овцы; а он проливал кровь их, для выгоды своей, в Египте, Италии, Испании и кончил тем, что напрямик им сказал, что им быть нацией нельзя. Они и после того дрались за него, а

нас, своих благодетелей, режут. Куда девался Новосильцев? Чего же он зевал? И как полиция так дурно извещена была в земле, где столько жидов и где деньгами все сделать можно? Здесь только и разговоров, что о Варшаве; большая часть так озлоблена на поляков, что одно твердит: надобно срыть Варшаву! Как будто все там виноваты! Это не Содом и Гоморра.

Сашка мне сказывал под секретом, что имел вчера по высочайшему повелению съезд десяти главнейших медиков здешних, чтобы толковать о холере. Они собирались поутру у него и вечером; большие были прения, наконец решено значительным большинством именно то, что я всегда утверждал и тебе писал с самого начала: что болезнь не прилипчива, что это сильное поветрие, как бывает с гриппами, горячками, оспами, глазными болезнями и проч., что называть ее чумою и равнять с оною нельзя; что холера издыхает, что для оной достаточно оставить три госпиталя; что ежели расцепления не снимать, покуда совершенно никто не будет занемогать рвотою, поносами и судорогами, то положение это может продолжаться месяц и год, может быть. Протокол сей Волков с утверждением своим отправляет к государю.

Александр. Москва, 8 декабря 1830 года

Здесь с расцепления города все забыли о холере, как будто ее вовсе нет в городе. В Николаев день (хотя половина кабаков и заперта) выпито было в городе без нескольких рублей на 17 000 в один день. Много занимают всех варшавские дела. Очень все озлоблены на поляков за неблагодарность их. Здесь графа Дибича женят на нашей красавице Софье Урусовой. Ему будет не до того теперь; слышно, что он примет роль Суворова во время оно, когда послала его Екатерина наказывать поляков. Знала эта премудрая государыня, что делала, разделив это царство беспокойное; учреждение о губерниях им бы, а не конституцию надобно. Известия, кои я нашел в «Инвалиде» о варшавских делах, мне не нравятся, но конец все должен быть плохой для них: придется им пасть к ногам государя, но для них padam do nog дело обыкновенное.

В каком я странном казусе! Получил я при письме от Родофиникина грамоту персидскую от эмира-низама, бывшего здесь дядькою Хозрева-Мирзы; только перевод не приложен, а я не знаю, что это такое. Не могу отыскать нашего переводчика архивского Мамигонова, чтобы узнать содержание. Завтра утром хотел быть, а здесь слух, что шах умер. Уж не меня ли хотят на царство, оттого что знаю несколько слов по-персидски?

Все радуются расцеплению города: велика милость, и никогда

не забудется 6 декабря 1830 года. Приехал наш староста; говорит, что мужики около Москвы в такой радости, что описать нельзя. Надобно и то взять в уважение, что тысячу часовых стоят на бивуаках за заставами. Каково это в теперешний холод, и как не искуситься ему гривною, которую предлагают не один, а 20 проходящих всякий день, чтобы нарушить правила оцепления? Стало быть, мера сия не могла исполняться с должною исправностью.

Александр. Москва, 9 декабря 1830 года

Письмо эмира-низама заключает дружеские фразы от Хозрева и уверения, что он в жизнь свою мало видал подобных мне характером и убеждением. Вот, сударь, какие комплименты!

Александр. Москва, 11 декабря 1830 года

Есть письмо к Кутайсовым от князя Александра Федоровича Голицына, служащего в Варшаве. Он говорит, что 17-го или 18-го ехал с женою на званый чай в Бельведер, что на дороге был остановлен толпою, которая, узнав, куда они едут, их заставила воротиться под эскортом домой. Князь оделся в сюртук и ушел пешком из дому узнать, что такое. Добравшись до Бельведера, он нашел там кровопролитие, а дом цесаревича разграбленным. Надобно думать, что то же последовало и с их домом; ибо княгиня говорит: «Вы не поверите, в какой нужде мы живем, спим на соломе…» – и проч.

Александр. Москва, 12 декабря 1830 года

Слава Богу, что знают хоть что-нибудь о цесаревиче, что его высочество в живых. Каково-то будет бунтовщикам рассчитываться! Солдаты наши пойдут, как львы, на них, ибо оскорбление, неблагодарность, измена тут явны. Как я рад, что Норов прибыл к вам. Обними его дружески за нас всех. То-то, я чаю, скучал, в карантинах сидя. Все мы очень обрадовались знать его с тобою. Он малый прекрасный, ветреный, по-видимому, но солидный в правилах своих и дружбе.

За великое счастье почитаю, что письмо москвича удостоилось не только прочтения государя, но и одобрения его величества. Тут, кроме сущей правды, ничего нет. Имени я выставить не хотел, но не чуждаюсь статьи сей при случае; однако же Шаликов велел спросить, может ли он перепечатать ее в московских газетах; я отвечал, что не имею права его разрешать, а пусть спросит у сочинителя. Тогда подумал он, что статья Погодина, и к нему адресовался, а этот отвечал: «Статья не моя, а А.Я.Булгакова». Булгарин, верно, узнал от Бенкендорфа. Когда

увидишь Александра Христофоровича, то спроси как бы между прочим; я бы желал знать правду. Это слишком для меня лестно.

Александр. Москва, 15 декабря 1830 года

Закревский пишет мне от 11-го из Тамбова, что получил высочайшее повеление возвратиться скорее в Петербург, что выезжает 14-го через Москву, где желает меня видеть; говорит, что там с бунтовщиками все кончил и представил государю. Очень буду и я рад его увидеть.

Ежели Д. не останется в коллегии, то и мне в ней делать нечего, надобно искать покровителя. Имев счастье нажить себе доброе имя и особенно быть государю самому известным, имея ежели не большие способности, то хоть равные многим другим, коим очень везет, отчего же я так обижен, служа 33 года? Оттого что я не дерзок, и что начальник мой так меня любит. Ты сам видел, как шло дело мое о ленте. Я тогда сказал графу самому в его кабинете, что ежели ее не получу, то приму за внушение оставить службу, и что это сделаю, и сделал бы. К чему меня ведет моя служба теперешняя? Я, ей-богу, ни смерти, ни отставки Малиновского не желаю, да и что это за клад – архивное управление? О другом жалеть не буду, как о мундире коллежском, который 33 года носим оба, да конец тот же во всем, со всем надобно наконец расстаться. А будет и вакансия, так другого посадят. Стоит ли труда ждать? Архив не почт-директорство. Теперь, по всем новым штатам, начальникам отделений полагается 3000 рублей и более жалованья.

Распускают слух, что Закревского требуют, потому что Финляндия изъявляет желание опять быть за Швецией. Что не выдумают? Но это доказывает, что есть баламуты. Что полиция смотрит? Муханов опять слег. Не его это место. Надобно бы хорошенькую дубинку, смутное теперь время.

Александр. Москва, 16 декабря 1830 года

Здесь рассказывают, что пан Любецкий имеет подкомиссию предложить государю сохранение Польской короны, с тем чтобы присоединена была к оной Литва. Ежели бы и могла прийти такая безумная мысль полякам, то, верно, Любецкий не взялся бы явиться с таким предложением. Надобно же врать что-нибудь. Здесь также говорят, что Ожаровский замешан в варшавском заговоре. Хорош парень, ежели правда! Как поляки, кои у вас, должны стыдиться всего этого. Что-то Потоцкий Станислав? А у нас Четвертинский на иной не мирится, как что должно истребить нечестивую Варшаву. Русским всем велено выехать из Парижа. Тяжело будет для нашей доброй княгини [Багратион].

Она привыкла; а хорошо, что молодежь гонят оттуда.

Александр. Москва, 17 декабря 1830 года

Благодарю за манифест, а еще более, что их три экземпляра: могу услужить Волкову одним, а другой отдал нашей доброй княгине, которая пошлет к матушке своей графине Васильевой. Все почти говорят, что писано не довольно грозно. Я не такого мнения. Кто сомневается в могуществе императора российского? Он мог бы задавить Польшу, но вместо того являет чувства великодушия: вы хотели убить брата моего, изменили присяге, пролили кровь; но я предлагаю вам средство заслужить прощение и кончить буйство; ежели же и умеренность моя не откроет вам глаз, то тогда уже пеняйте на себя. Вот смысл манифеста и воззвания к полякам. Верно, целая Европа похвалит поведение нашего государя. В воззвании очень нравится мне статья, где сказано, чтобы начальники корпусов шли безостановочно к Полоцку яко к сборному месту. Это славная загвоздка. Вот тут личины спадут, и мы узнаем, кто предатели и кто нам верны. Только увидишь, что в Полоцке тесноты не будет и что поляки идут на гибель свою. Хорошо данное им имя безмозглых. Нельзя у них отнять некоторых качеств, а уж ветрены, безрассудны, как французы. С ума сошли. Хлопицкий, который жемчужина между ними, и тот что врет в своей прокламации? Французские кокарды, трехцветное знамя у французского консула доказывают, что Филипповы детушки и тут носы свои совали. Ужасно умы все заняты польскими делами! Только и разговоров в городе, даже женщины о другом не говорят.

Я прошу тебя, то есть Брокер, об одном. Он много уже переслал денег Ростопчину, который, видно, пошел в брата – мотает, а еще под опекою. Теперь Брокер посылает к нему еще 20 тысяч, в коих не может ему отказать, ибо молодец идет в поход, следовательно, имеет законные нужды. Просьба в том, чтобы Андрюше посылаемые 20 тысяч, кои вчера отправлены в Петербург через почту, не иначе выдать, как чтобы он подписал прилагаемую здесь бумагу. В прежних суммах Брокер имеет расписки, но они в письмах выброшенных, где он говорит глухо, бестолково, а я получив деньги, не всегда означает, какую именно сумму, а Брокер обязан отчетом дворянской опеке сам. Этому молодцу как покажут деньги, – он готов все подписать, что хотят, только подай их. Пусть твой чиновник скажет, что имеет это препоручение от Адама Фомича Брокера, коего очень сим обяжешь.

Александр. Москва, 18 декабря 1830 года

Вчера, скоро после приезда Закревского, явился я к нему, и он уже до вечера меня не отпустил; обедал у него, но еще порядочно наговориться не успели: все являлся то один, то другой. Он и теперь, и все время своих разъездов был здоров, довольно обколесил, и не без пользы. Не знал еще манифеста о Польше и читал его с удовольствием. И он говорит: ежели из-за этого не образумятся поляки, то царство их просто переименовать в Российскую губернию. Он остановился на Трех Горах, отправил еще с дороги эстафету к государю и ожидать будет дальнейших приказаний. Много расспрашивал обо всех нас и вообще о том, что делается в Европе, будучи очень назади известиями политическими; просил сегодня всех своих к нему привезти, сам же он не выйдет никуда до ответа из Петербурга. С ним только адъютанты и канцелярия. В Тамбове он решительно и удачно поступил и в минуту привел все в повиновение. Велел тебе очень кланяться и благодарен, что ты его не забывал письмами.

Александр. Москва, 19 декабря 1830 года

Долго меня задержал А.А., а тут надобно было ехать к Ренненкампфу, бывшему у меня, не заставшему меня, а велел сказать, что сегодня утром едет; боялся его не застать. Мы встретились в Газетном переулке, ехали друг к другу, оба закричали: «Стой!» Я сел к нему в сани, и поехали в его трактир, где болтали часа три; желал он очень прочесть газеты, не имея понятия о делах в Европе. Я съездил к Рушковскому и привез ему все это. Он едет в Ригу, а оттуда к вам. Он очень скоро приехал. Шах жив, делал разные каверзы против Аббаса-Мирзы, получив от старшего сына, а его брата, подарки; но Аббас-Мирза поколотил братца своего (это не по-нашему) и тем опять снискал дружбу своего папеньки. Хозреву хорошо; он дедушке рассказывает по ночам все, что здесь делал, видел и слышал. Шах дал ему в жены свою кузину и очень его ласкает, позволил ему убрать дом свой по-европейски. Ренненкампф говорит, что меня они очень помнят и любят и что хотели прислать мне орден с Долгоруковым, который оттуда возвращается в Петербург. Бедного Ренненкампфа ограбили горцы на дороге, так что он должен был здесь сделать себе полный гардероб. У него был эскорт, и они дрались с этими разбойниками. Ренненкампф кончил размежевание с Персией, и у нас теперь будет прочная, прекрасная граница.

Александр. Москва, 20 декабря 1830 года

Здесь говорили уже дня три, что Любецкий приехал в Петербург и не был принят. Только он, выходит, пустое лицо, ибо

теперь не признают в Варшаве то правительство, коего он был членом. Мне теперь кажется сомнительной и роль князя Чарторыжского. Хлопицкий, который также действовал именем императора нашего, теперь говорит о независимости Польши, об увеличении ее пределов в ущерб России! Все это сумасбродство ужасное. Конечно, государь может узнать правду от самовидца происшествий, но кто знает, до какой степени можно верить Любецкому? Нечего говорить, все там хороши! Надобно сетовать о крови, которую прольют для этих свиней. Одно желаю знать: кто зачинщики и главы этой гнусной измены? Не поверишь, как велико здесь негодование на поляков. Ты увидишь, что милосердное воззвание нашего государя ничего не произведет.

Читая гамбургские газеты, нельзя не почитать поляков сумасшедшими. Они так распетушились, что не знают сами, что делают. Не верю я, чтобы Влодек изменил. Я знаю или знал его образ мыслей: он мало ценил поляков. Он говаривал: «Надобно не обвинять, а жалеть поляков; они все больны горячкою, которая никогда не пройдет». Здесь большой спор об этом.

Скажи мне, носят ли французы в Петербурге трехцветную кокарду? Кажется, должно так быть; ведь это их национальная кокарда теперь. А со мною спорят, что нет. Волков приезжал тащить обедать к Закревскому, но я вчера сказал уже ему, что сегодня не буду обедать. Сашка сказывал, что в Калуге было беспокойствие: кто-то умер; сказали, что холерою, и его в ту минуту закопали, как холерою умершего, для избежания заразы. Пришло 500 человек, выкопали тело, заставили оное отпеть по обряду христианскому и предать земле как следует. Непонятно упорство видеть и теперь холеру везде! И когда уверятся, что эту болезнь не должно ставить с чумою наравне? Все удивляются инструкции, данной Закревским губернаторам; это повторение того, что писал Рейс. Говорят о Мудрове и особенно о Чеботареве весьма нехорошо, а они играют роль у Закревского. Я готов верить, что все это вздор, но по дружбе моей к Закревскому должен передать ему все, что слышу, и его предостеречь; он в разговоре сказал мне, что он не доктор и что все меры, касающиеся до холеры, предоставляет медицинскому факультету.

Александр. Москва, 23 декабря 1830 года

Комендант наш новый точно тот Сталь, который славно действовал против холеры, и все рады выбору преемника доброго Веревкина. Москва всегда была счастлива комендантами, зато обер-полицмейстеры незавидные. Принесли объявление за подписанием Муханова о карантинах; но написали так, что никак понять нельзя. Пашковы наши, прочитав о снятии карантина, к

Троице поскакали, к старухе-графине Васильевой на три дня… но не тут-то было! Их не пустили: карантины не сняты. Так зачем публиковать, что с Владимиром сообщения свободны?

Вот тебе на! Попался и Полетика в подагристы! Желаю ему терпения. Как не его в Цареград? Теперь не надобно там зевать. Польша всегда нам пакостила у Порты, а теперь еще более будет интриговать, чтобы турок на нас напустить.

Александр. Москва, 24 декабря 1830 года

Я сию минуту от Закревского; ему хуже, ужо будут приставлять пиявки к горлу. Он получил фельдъегеря с приказанием отправиться немедленно в Тулу, где повторение истории тамбовской. Чтобы не терять времени, он отправил уже туда генерала Волховского, а сам поедет, когда будет в силах.

Объявление так написано, что и грамотные ничего не понимают, а ведь это печатается для всеобщего сведения. Я не говорю о таких ошибках, как, например, *пакета* вместо *пикета*, но смыслу нет. Можно бы Муханову хорошенько посмотреть, прежде нежели подписывать имя свое. Отчего «Санкт-Петербургская газета» называет нашего коменданта Stael? Он совсем не родня покойной умнице-разумнице, а Staal просто.

У вас заблаговременно вооружаются против холеры; но кажется, не время уже ей показываться. Что здесь пишут, так смешно. Мухин намарал какую-то глупую брошюрку под пару Рейсу; я ее еще не читал. И Закревского сбили с пути; уж он вчера говорил мне: провались эта холера совсем, это не мое дело, а совета медицинского, я не доктор! Это так, но ежели за ними не смотреть, то бог знает что они станут делать.

Александр. Москва, 26 декабря 1830 года

Сегодня не знаю еще ничего о Закревском, а вчера было ему хуже; хорошо было спал в новом жилище, но поутру была у него сильная перебранка с генералом Мосоловым за поведение того с крестьянками его. Арсений погорячился, дал ему урок, ругал немилосердно, что срамит и мундир генеральский, и звание дворянское; это сделало ему вред, горло более заболело, и голос почти отнялся, так что говорит, пришепетывая; об отъезде своем ничего еще решить не может. Он получил ответ на первую свою эстафету: велено ему из Тулы возвратиться в Петербург, подвергнув себя 14-дневному карантину на дороге.

Александр. Москва, 28 декабря 1830 года

Брокер очень тебя благодарит за расписку ростопчинскую; она была ему необходима. Этот сокол много дает ему забот!

Вообрази (сказано будь между нами), что он писал Брокеру, что ежели не вышлет к нему 50 тысяч, то получит в ответ от него духовное завещание и известие, что он, Андрюша, застрелился, в чем дает ему честное слово. Брокер поступил как умный человек: отвечал, что имение Андрюшино, доходы, деньги – также; что он мог бы тотчас выслать ему эти 50 тысяч, но что не смеет, что сам под ответом опеки дворянской; что по завещанию графа покойного он не обязан до совершеннолетия Андрюшиного давать ему, кроме нужного, на содержание; что, веря его честному слову, что он деньги эти не проиграл в карты, и желая помочь его беде, он просит Андрея адресовать ему ту особу, кому дал на себя вексель (чего малолетний и делать не может); что он, Брокер, устроит все к его спокойствию и убедит ту особу подождать и дать Брокеру дело уладить, и проч. Брокер боится, что не вовлекли ли молодца в тайное какое-нибудь общество, взяли с него клятву. Семнадцати лет мальчик со 150 тысячами дохода для них лакомый кусочек! Что-то будет отвечать Андрюша Брокеру? Экое зелие! Кабы ты видел, как хитро сплетено письмо его; может быть, было оно ему диктовано этими мерзавцами.

Александр. Москва, 29 декабря 1830 года

Поехал я к Закревскому, к коему никого, кроме самых ближайших, не пускают, потому что говорить ему вредно; но обо мне был особенный приказ. Я читал ему, что пишешь об Аграфене Федоровне, чему он очень обрадовался, не имея от нее прямо известий. Он слабее немного и говорит вполголоса, а все-таки занимается: отправлял в Тулу Апраксина Петра Ивановича, ибо Болховской, приехав туда, занемог. Впрочем, известия успокоительны, все было увеличено, и командир ружейного завода брался с одной своею командой содержать весь город в повиновении. Арсений не знает еще сам, когда туда попадет, но из Тулы будет еще сюда на один день. Указ, присланный тобой, он у меня отнял, да он и нужнее министру внутренних дел. Он желает, чтоб секвестрованные имения обращены были на аренды верным слугам государевым; не сожалеет, что Гежелинского прочь, называя его большим плутом. Велел тебе кланяться и ожидает каких-то пакетов от тебя. У него съехался я с Сашкою Волковым, коему кстати сказал, что его Пашка у тебя обедал и идет в поход; стало, вздор, что гвардия остается.

1831 год

Александр. Москва, 1 января 1831 года

Пишу тебе в мундире полном, ожидая Яковлева[60], соседа, который заедет за мною, чтобы вместе сделать некоторые визиты церемонные, а позже поеду к Долгоруковым, к некоторым родным общим; обедаем у княгини Хованской все, а вечером у именинника Обрескова. Вот как весь день проведется, мой милый и любезный друг. Чего-то важного у нас недостает! Угадывай-ка, ежели тебе не икается сильно. Вчера встретили мы дома в семье Новый год и пили за твое здоровье. Уж, право, хуже прошлого не будет наступающий новый год; только одна Лелька[61] прикрасила для нас 1830 год. Ба! Вот Яковлев. Пора ехать!

Александр. Москва, 2 января 1831 года

Был я у князя Сергея Михайловича, где отслушал обедню в его домовой церкви и после молебствие за здоровье императорской фамилии. Он мне сказывал, что в Смольном у вас умерло двое холерою и что оцеплять намереваются Гатчину для императорской фамилии. Не верю этому, потому, во-первых, что правилом себе поставил дурным вестям не верить, а во-вторых, потому что ты не пишешь, а такая новость была бы уже главною; но вообще вести князя Сергея Михайловича не всегда бывают справедливы. Несмотря на холод, вот что объехали мы сами визитов с Долгоруким: Киселева, княгиня Урусова, Небольсина, графиня Васильева, дочь ее, что за Пушкиным [Иваном Алексеевичем], Никита Иванович Корсаков, Дмитриева, Фавст, Волков, Хрутцовы, Иван Александрович Нарышкин, Ивашкина, Обресков, Рушковский, Пашковы и Закревский. Только что к супу поспели к обеду княгини Хованской. Иные визиты довершены были после обеда.

Да, брат, видно, что холера и морозов не боится. Закревский сказывал вчера, что она жестока оказалась в Киеве; но ежели (чего Боже сохрани!) окажется у вас, то докажет великий аргумент, что болезнь есть сильное поветрие, против коего все оцепления бесполезны, ибо чего ни делали, чтобы оградить Петербург от холеры? Здесь все еще есть хвостики холерные, но силу свою болезнь потеряла.

Александр. Москва, 5 января 1831 года

Мы теперь с ужина Обрескова; уж ели, пили, сидели, что мочи нет. Вздумалось ему праздновать свои именины, кои были 1 января; по несчастью, сидел я возле него, и не было спуску. Был

тут между прочими, Башилов, который велел у тебя ручки целовать за доставление ему портрета великого князя Михаила Павловича.

Я получил, мой любезнейший друг, письмо твое от 31 декабря, и прежде нежели лечь спать, стану отвечать. Графиня Панина, которая была также у Обресковых, сказывала мне, что у князя Якова Ивановича [Лобанова] паралич в желудке, нечего, следовательно, надеяться; та же болезнь была у тестя под конец. Жаль доброго старика. Увидим, какие были милости в Новый год. Государь щедро награждает.

Я, право, не знаю, как довольно возблагодарить доброго Рушковского за сделанное нам одолжение; прочти, какое милое пишет он мне письмо, прислав при оном 5000 рублей. Я объяснил ему мое положение трудное, и он прислал мне тотчас все деньги, какими мог располагать. Конечно, он один, расходов не имеет, а доходы значительны. Конечно, счастием своим он обязан тебе, все это так; но все ли умеют быть благодарными? Я, право, так был тронут, что не поехал его благодарить, а писал ему, что в семье моей будем Бога молить за него. Деньги сии не могут закупить все, что надобно, но несколько руки нам развяжут, и необходимейшее будет сделано. Лишь бы сыграть свадьбу, а там уж как выкарабкаться, Богу одному известно! Я желал бы, чтобы ты ему написал, сколько я чувствую душевно одолжение его. Я ему писал, что не скрою это от тебя; а перед Богом можно сказать, что он лучше употребить суммы сей не мог, не имея лично для себя никаких нужд.

Меня очень просил Закревский сообщить ему, какие будут милости в Новый год; а потому, получив письмо твое от 1-го числа, я, во-первых, написал Урусовой, что брат ее, а мой шеф старинный [то есть Дмитрий Павлович Татищев], получил Андреевскую ленту, а во-вторых, поехал к Арсению, коего, кроме того, вижу всякий день. Пробежал с ним твое письмо. «Ай да Константин, – приговаривал он, – сколько объездил он в Новый год; но спасибо ему, что мою Аграфену Федоровну не забывает». Закревский здоров; ленился было, но я уговорил его ехать к князю Дмитрию Владимировичу, который был у него три раза, и он поехал к нему проститься. Арсений завтра в 11 часов едет в Тулу и надеется к 11-му или 12-му быть здесь, и на другой день отправится к вам. Очень велел тебе кланяться. Я его видел в первый раз в финляндском мундире, таким молодцом, и мундир красив.

Александр. Москва, 6 января 1831 года

Вчера вечером читали мы журналы иностранные. В Париже

будет не без проказ, сами не знают, что делают; бывало, молодежь училась, чтобы знать, что нужно, а теперь школьники дают наставления министрам, участвуют в бунтах. Король за это их отличает; воспалили их воображения и сердца, а теперь принимаются их наказывать. Скорпион Лафайет [член французской палаты депутатов], коего роль всегда была пакостить в оппозиции, оставляет место, не хочет участвовать в правлении, а хочет горланить опять в камере. Какие выражения: «Король один достоин быть преемником г-на де Лафайета, королю надлежит принять титул главнокомандующего национальной гвардией». Скоро будут Филиппу в глаза плевать, по правам регентства! Чего ждать от короля-гражданина? Дай Бог нам только кончить скорее с нашими домашними французами на Висле. Кузен Долгорукова, молодой Орлов-Денисов, пишет, что граф Дибич, проезжая через Белосток и прощаясь с кем-то, сказал ему: «До свидания в Варшаве». Тому, который шагнул за Балканы, нетрудно будет переправиться через Вислу.

Александр. Москва, 9 января 1831 года

Что-то наш Закревский? Мы просили его в Туле приструнить Бобринского, и хотя в разговоре с людьми, имеющими вес и влияние, сказать что-нибудь такое, что бы дошло до сорванца, который связал руки у всех наследников[62]. Волков тоже обещал употребить влияние свое: Тульский округ [то есть жандармский округ] в его команде. У Аграфены Федоровны поцелуй сиятельную ручку за меня, Ивана Васильевича [Шатилова] обнимаю. Целую милого Сашку и Соню за письма их; буду им непременно отвечать, но не сегодня. Ежели подлинно Катакази поедет в Персию, то лучше мне с ним послать ответ мой на письмо эмира, то есть ежели он скоро отправится; но не думаю. А во всяком случае скажи в разговоре, чтобы он напомнил персиянам, или внушил им – разумеется, приватно от себя – о присылке ордена; это самое меньшее, что могут они сделать. Впрочем, предоставлю тебе решать, стоит ли труда хлопотать. Более и нового нечего сказать.

Александр. Москва, 12 января 1831 года

Явился почтальон от Закревского – сказать, что он приехал, и очень скоро: выехал из Тулы в пять часов утра; в шесть вечера был уже в Москве. Все там исправно оставил, губернатора валял так, что было опять горло заболело, а советника посадил на гауптвахту; они там были спустя рукава. Не приезжай Закревский, холера бы распространилась, а она вместо того пресечена была. Губернатор ни разу не был сам в больницах. Арсений здоров, рад,

что возвращается к вам, едет отсюда 14-го или 15-го, как отделается с работою, готовится скучать в Волочке, где должен выдержать 14 дней карантина.

Александр. Москва, 15 января 1831 года

Наконец умер граф Григорий Иванович Чернышев. Он был очень уже слаб, сделался набожен, спал всякий день в гробу, приуготовляясь остаться уже навсегда в постели сей. Он скончался в самый Новый год. Я писал ему, возвещая свадьбу Ольги, которая крестная его дочь, но ответа не имел. Перед смертью получил письмо от сына [декабриста Захара Григорьевича], коего полагали мертвым, но он был только ранен семь раз горцами, но имел силу написать отцу несколько строк; стало быть, кончина была не совсем горестна. Может быть, раны сии и омоют хоть несколько вины несчастного и заслужат ему хоть чин офицерский. Кругликов поехал туда; там и прочие зятья покойника: Чертков, Пален.

Александр. Москва, 16 января 1831 года

Ну уж бал задали Лазаревы вчера, хоть куда! Как я лег вчера, так было пять часов, а мы поехали, так начинался котильон [этим танцем в старину обыкновенно кончались балы]. Как Катя ни уговаривала, но я не остался. Обе они были прелестны, но особенно восхищались все Ольгою, которая точно была как царицей бала, к лицу одета и вся в подарках своего жениха. Дом прекрасный, услуга, ужин и угощение соответствовали, весь бомонд был тут. Сперва ездили мы показаться княгине Екатерине Алексеевне [Долгоруковой, будущей свекрови О.А.Булгаковой, урожденной графине Васильевой], которая только что приехала из деревни, здорова, очень обрадовалась Ольге и обнимала ее несколько раз, хвалила очень наряд ее и прическу. Видно было вчера на лице Долгорукова торжество. Был тут какой-то англичанин-вояжер, прекрасный собою; он познакомился с Катенькой, спросил ее: «Кто эта красавица в розовом?» – «Это моя сестра». – «Она великолепна! А кто этот молодец рядом с нею, – разумеется, ее брат?» – «Нет, это ее жених». – «А, они будут вместе жениться!» – «Ну разумеется, они же помолвлены». Хвалил очень обеих. Красавица Лазарева взяла меня в польский и велела мне написать тебе, что она воображала, что с тобою танцует. Все бы хорошо, только я заспался до первого часу, а мамзели еще спят.

Александр. Москва, 19 января 1831 года

Мы съездили весело и благополучно в Остафьево с

Лазаревым; хотели в субботу же к вечеру воротиться, но нельзя было Вяземскому отказать остаться у него ночевать, тем более, что погода сделалась дурная, с метелью. В воскресенье в 10 часов, позавтракав, мы отправились в Москву при прекрасной погоде и в два часа езды без десяти минут были дома, хотя и более двадцати пяти верст езды до заставы.

Очень нам были рады! Съехались соседи (одних уже Окуловых большая семья), были музыка, пение и пляска. Лазарев во всех родах отличился. Дети Вяземского ужасно переросли. Он занимается теперь жизнеописанием Дениса Ивановича Фонвизина, получил от наследников все его бумаги, между коими были и батюшкины письма к нему. Я читал их с большим удовольствием: наполнены дружбы, ума и остроты и адресованы к сочинителю «Недоросля»; одно мне особенно понравилось, попрошу списать и пришлю тебе.

Вяземский за карантинами не едет еще в Петербург; в Москве не живет, чтобы не было сказано у вас, что веселится в Москве, а к должности не едет. Мне очень было приятно такое суждение, и вообще поэт наш сделался спокойнее и осторожнее. Очень радуюсь этому, потому что он прекраснейшей души человек. Княгиня делает по порядку вещей противное детям своим: те растут, а она стареет, а хохочет все по-старому, и не без проказ было у нас.

Будем ожидать наряды. Жаль денег сих, а нельзя и без этого обойтись; но Ольга защеголяет ими только в городе, воротясь сюда после свадьбы своей. Вчера, по нездоровью Наташи, княгиня Екатерина Алексеевна была у нас целый вечер; говорила, что приказ отдан старухой графиней Васильевой жениху и мне быть в мундирах, княгине, ее дочери Пашковой и Кате нашей – в шарфах, потому что старуха сама наденет бант екатерининский. Вот у нас как! Будем как во дворце [свадьба была в подмосковном селе Шеметове, у графини Васильевой]. Закревский просил писать к нему, ежели будет что; но нет ничего совершенно, а что есть у вас, то, верно, напишут ему прямо из Петербурга. Рад он будет, как доберется до Екатерининского канала. Довольно порыскал. По обыкновению, говорили намедни о награждении, которое ему будет дано. Я думаю, лучшее награждение было бы заплатить ему издержки; он собрался вдруг, не торгуясь и без условия, не выданы ему даже прогоны, штат большой, всех кормит, немало объездил в четыре месяца. Я полагаю, что стоило ему все это тысяч пятьдесят, ежели не более; в нынешние времена это большая сумма. Он, верно, никогда рта не разинет спросить сам.

Александр. Москва, 22 января 1831 года

Вчера обедали, как хотели, в клубе; славный был стол. К нам подсел поэт Пушкин и все время обеда проболтал, однако же прозою, а не в стихах. Стол был очень хорош, покурили, посмотрели мастеров в бильярд, молодого Нарышкина.

Александр. Москва, 25 января 1831 года

В приложении к «Санкт-Петербургской газете» есть Дибичевы прокламации к полякам; мне особенно понравилась та, что адресована армии польской. У Вяземского собрались Денис Давыдов, поэт Пушкин, ну и все хвалили пьесы сии.

Александр. Москва, 26 января 1831 года

Вяземский здесь на несколько дней. Он сказывал мне о смерти Дельвига; жалеют о нем. А еще более грустит Москва о князе Якове Ивановиче Лобанове. Жить бы ему здесь. Он был здесь как держава, второе или третье лицо в городе; а в Петербурге был он и незаметен, променял на старости образ жизни, хлопочи, рыскай. Я слышал вчера, что боятся за Ивана Ивановича Дмитриева: он обедал у Бекетова, объелся икры, попалась хороша, так ложками большими уписывал, сделалось дурно, и вот 9 дней, что не может унять икоту. И этот немолод, также впал в расслабление. Слепой Гагарин, князь Сергей Иванович, боятся, что не встанет, в каком-то маразме. Он и прежде был уже раз болен тем же, тогда чужие края его спасли.

Я держал пари 10-го, что в Польше не будет выстрела, и все там покорится без войны. Хлопицкий поступает как умный человек: сначала пресек безначалие и кровопролитие, спасал и наших, и своих, теперь видит плохую развязку и безумство надежд польских и оставляет место свое; он готовит себя в преемники цесаревича и, верно, будет оным, ежели его не убьют. Но куда девался ум князя Адама? Как так ослепляться! При его богатстве, летах, опытности, весе в Польше как пускаться на такое сумасшествие? Конец его будет жалок и затмит всю его прежнюю репутацию.

Александр. Москва, 3 февраля 1831 года

Манифест польский очень хорош. В приложении к «Санкт-Петербургской газете» очень мне понравилось выражение государево, что первое польское пушечное ядро разрушит их благоденствие… А кто знает – может быть, и само царство их. Дай Бог, чтобы корпия твоя и не нужна была; а уж что делают сумасбродные поляки в Варшаве, ни на что не похоже! После всех проказ патриотических, посмотри, коли не будут любиться с

нашими генералами и офицерами.

Вот, брат, как служат! Медема на место Шредерово в Париж! Медем, который семь лет назад и в службе не был, да и до сих пор нигде не служил. Я помню, что начало его было 3-го секретаря в Вене (пустяк); но ему это мало показалось, не поехал в Вену, назначен 1-м в Грецию, и туда не поехал, прокатился в Варшаву с графом Нессельроде, за это и чин, и ключ, а теперь службу начинает первым в Европе секретарским постом, но зато он фон-Медем. Но ежели он такой орел и гений, то никто не вправе жаловаться; но для нас, служивших тяжело, непонятно должно быть, чтобы молодой человек в шесть или семь лет из ничего попал вдруг в советники посольства в Париж. Нет резону не быть ему министром через три года[63]. Он у меня ничего не отнимает, стало быть, заставляют меня говорить одна справедливость и беспристрастие; но не думаю, чтобы Кокошкин порадовался своему перемещению. Но оставим это. Бенкендорфу по месту его идет быть членом Совета; я полагал, что он уже заседал там.

Александр. Москва, 4 февраля 1831 года

Как ни тяжел набор, а с радостью дать должно защитников чести государя и блага отечества. Два славных мира уже подписал государь, теперь надобно усмирить и безумных этих бунтовщиков. Здесь рассказывают, и дело сбыточное, что польский генерал передовых войск захотел, не знаю почему, видеть графа Дибича, который его к себе допустил. Поляк много ораторствовал и начал словами: «Что бы ни было, не должно забывать, ваше сиятельство, что мы братья!» – «Конечно, – отвечал Забалканский, – не забудьте, г-н генерал, что Каин и Авель были братья, чтобы не постигло вас проклятие Божие, оставя меня в живых». Ежели неправда, то хорошо, что выдумывают анекдоты подобного рода. Скоро узнаем что-нибудь важное. Журналы иностранные так любопытны, что я вчера, читая их, до двух часов не спал в постели.

Княгиня Вера Федоровна Вяземская, прибивая образ (велика нужда была самой это делать!), упала, ушиблась, была долго без чувств и выкинула. Поеду ее навестить и узнать правду. Она все отнекивалась, что брюхата, а ежели была брюхата, то непростительно лазить с таким дорогим грузом.

Александр. Москва, 5 февраля 1831 года

Я пьесу «Горе от ума» не очень люблю. Конечно, есть в ней ум, но читать ее приятнее, нежели видеть на сцене. Кто-то здесь сказал, что на гробнице Грибоедова следовало сделать надпись

вместо эпитафии: «Горе от ума». И подлинно, погиб он от ума, разумеется, мнимого; ибо служить, в свете жить – не довольно одного ума.

С большим интересом ожидаю варшавских известий. Волков сказывал, что купцы имеют вести, что на царство избран князь Адам. Вот уж сущий калиф на час. Ежели и войдет на престол, то уж короноваться, верно, не успеет. Непонятно для меня ослепление его.

Волков бедный все жалуется на здоровье. Вчера, с тиком своим, должен был заняться разбором неприятной истории. Генерал Каблуков на бегу в санях с женою выехал из ряду; жандарм, не зная его (да хотя бы и знал, он же был в фуражке), велел его кучера поворотить в ряд. Каблуков стал браниться и наконец нагайкой ударил жандарма в лицо. Нельзя хладнокровно разбирать такие истории, особенно больному. Беда с этими господами генералами: все себе позволяют. Какой же дают они пример дисциплины солдатам? Я помню австрийского императора; бывало, в Пратере едет в колясочке, сам правит и никогда не выезжал из рядов, а следовал покойно за всеми, зато там и нечего делать полиции: всякий знает свои обязанности.

Я был вчера у Вяземских, княгиня очень была дурна третьего дня, встала ногами на детскую постель, которая провалилась; она не ушиблась так, как испугалась. Тотчас бы ей взять предосторожности, вместо того оделась, зашнуровалась, после чего выкинула и изошла было кровью, лежит в постели. Я нашел мужа очень встревоженного.

Александр. Москва, 14 февраля 1831 года

Вчера заезжал я к Вяземскому. Больная княгиня захотела меня видеть. Я испугался перемене, которую в ней нашел: точно мертвец лежит на кровати, худа, желта, бледна, глаз не видать, едва говорит; страшная перемена в ней последовала. Понимаю, что надобно по крайней мере шесть недель ей, чтобы оправиться.

Александр. Москва, 16 февраля 1831 года

Возился я все с бедным Корсаковым Иваном Николаевичем, который очень плох; нелегко было склонить его причаститься и исполнить долг христианский, и слава Богу, ибо после того впал в беспамятство. Жаль его! Окружен одними слугами своими. Можно бы сыну быть при нем и покоить его в глубокой этой старости, а он живет в дальней деревне вместо того. Теперь соборовали его маслом, но он все в забытьи; однако ноги, руки и все тело очень теплы. Я помню, что один раз он совсем было умирал; сделался ужасный пот, продолжавшийся почти целую

ночь, он очнулся и жил с тех пор 16 лет. Дай Бог то же и теперь, но лета уже не те. Я нашел у него Михаила Михайловича Бороздина, Павла Александровича Рахманова, князя Четвертинского и Фавста. Вот и этот, как Северин Потоцкий, умирает на чужих руках. Видно, пошло на стариков, граф

Владимир Григорьевич Орлов очень плох; его также вчера исповедовали и причащали, и говорят, что нет надежды, а Рахманов сказывал, что Василий Сергеевич Шереметев умер где-то в деревне. Как бы не сказали смерти, указывая на Юсупова: «Прикладывайся, пали!»

В городе опять начали поговаривать, что Пушкина свадьба расходится; это скоро должно открыться: середа последний день, в который можно венчать. Невеста, сказывают, нездорова. Он был на балу у наших, отличался, танцевал, после ужина скрылся. «Где Пушкин?» – я спросил, а Гриша Корсаков серьезно отвечал: «Он же был тут весь вечер, а теперь пошел к своей невесте». Хорош визит в 5 часов утра и к больной! Нечего ждать хорошего, кажется; я думаю, что не для нее одной, но и для него лучше бы было, кабы свадьба разошлась.

Александр. Москва, 17 февраля 1831 года

Иван Николаевич Корсаков скончался вчера в восемь часов вечера, почти при мне. Мы полагали его в забытьи и сидели в другой комнате; но камердинер его, войдя в спальню, нашел его умершим. Я потерял в нем друга, который часто мне в нуждах моих помогал. Он сроду зла никому не сделал, я думаю, а много делал добра. Натура была у него каменная, и хотя умер 76 лет, мог бы долго еще жить, но был упрям, не слушался докторов, простудил сильно голову, не хотел поставить шпанскую муху и пиявки, говоря: «Лучше умру!» Все это сделал, но две недели позже, и пользы той уже не было. Слава Богу, что умер христианином. После исповеди и причастия он потерял уже память и не говорил уже. Пожил, поцарствовал даже[64]; но больно в такие лета не умереть на руках своих ближних, это напоминает мне Северина Потоцкого. Еще больнее было видеть полицию, которая начала тотчас запечатывать дом. Сие потребовал М.И.Бороздин. Сына Ивана Николаевича, Ладомирского, здесь нет; послали эстафету в Могилев, но скоро ли прибудет? Не без раздоров будет. Ладомирский не в праве наследовать, разве есть завещание в его пользу, а не то смоленские Корсаковы вступятся.

Ужасный был там вопль: у покойника жило множество бедняков, коих он призирал. Куда им деваться? Он часто мне говорил, что хочет сделать для них что-нибудь, но был очень

нерешителен, откладывал; да так и умер, верно. Очень жаль мне доброго старика. Любил я слушать его рассказы о временах его случая. Он давал мне письма к нему императрицы. Кто знает, в какие бы они попались руки, а потому и не возвратил я ему оных; он забыл, и они остались у меня[65]. В последние годы мы двое с Фавстом только и ездили к нему. Он сделался дик, запустил бороду, не снимал халата, но нам всегда был очень рад. За неделю до кончины его была у него Ольга, которую называл он всегда своей невестою; ее желал он видеть и принять очень ласково.

Александр. Москва, 18 февраля 1831 года

Сегодня свадьба Пушкина наконец. С его стороны посажеными Вяземский и графиня Потемкина, а со стороны невесты – Иван Александрович Нарышкин и Анна Петровна Малиновская. Хотели венчать их в домовой церкви Сергея Михайловича Голицына, но Филарет не позволяет. Собирались его упрашивать; видно, в домовых нельзя, но я помню, что у Обольянинова обвенчали Сабурова, что на Викентьевой женился недавно.

Каков старик Орлов? Ожил! В 83 года объесться и простудиться вместе – не шутка, а он встал уже с постели, тогда как Мудров давал ему жить только шесть часов.

Александр. Москва, 19 февраля 1831 года

До сих пор еще толкуют о славном бале наших молодых, хваля особенно ласку и ловкость Ольги. Старик Юсупов спрашивал: «Она когда-нибудь была девицей?» Поэт Пушкин также в восхищении от нее; говорит, что невозможно лучше Ольги соединять вместе роль девушки, только что поступившей в барыню, и хозяйки. Он мне говорил на балу: «Я глаз не спускаю с княгини Ольги Александровны; непонятно, как она всюду поспевает, не только занимается всеми, кои тут, но даже отсутствующим посылает корзины с конфетами; я бы ее воспел, да не стихи на уме теперь».

Кстати сказать, о Пушкине. Филарет-таки поставил на своем: их обвенчали не у князя Сергея Михайловича, а у Старого Вознесения. Никого не велено было пускать, и полиция была для того у дверей. Почему, кажется, нет? Итак, свершилась эта свадьба, которая так долго тянулась. Ну да как будет хороший муж! То-то всех удивит, никто этого не ожидает, и все сожалеют о ней. Я сказал Грише Корсакову: «Быть ей леди Байрон». Он пересказал Пушкину, который смеялся только. Он жене моей говорил на балу: «Пора мне остепениться; ежели не сделает этого

жена моя, то нечего уже ожидать от меня».

Александр. Москва, 23 февраля 1831 года

Вчера был маскарад в Большом театре, для холерных. Князь и княгиня Голицыны раздавали сами билеты всем и прислали ложу нашим молодым. Мы ездили туда все вместе; но нельзя сказать, чтобы было весело. Маскарады как-то не клеятся у нас; довольно старался об этом Энгельгардт у вас, но без успеха. Мы очень удивились, увидев, во-первых, весьма мало масок, и все ходят без шляп. Какой же это маскарад? Я первый пошел туда с Брусиловым с шляпою на голове, и в одну минуту все надели. Был изрядный ужин; так завелось, что, где бы ни было собрание или бал, всегда Лачинов распорядитель стола, и тут также. За одним столом сидели мы и Пушкин-поэт; беспрестанно подходили любопытные смотреть на двух прекрасных молодых. Хороша Гончарова бывшая, но Ольге все дают преимущество. Князь Дмитрий Владимирович подходил к нам два раза и делал честь. Собрали, однако же, только тысяч пять. Мы тотчас после ужина уехали. На Пушкина всклепали уже какие-то стишки на женитьбу; полагаю, что не мог он их написать, неделю после венца; не помню их твердо, но вот примерно смысл:

Хочешь быть учтив – поклонись,
Хочешь поднять – нагнись,
Хочешь быть в раю – молись,
Хочешь быть в аду – женись!

Как-то эдак. Он, кажется, очень ухаживает за молодой женою и напоминает при ней Вулкана с Венерою.

Александр. Москва, 24 февраля 1831 года

Замучился я, устал. Обедня с певчими, не было конца, служба архиерейская очень продолжительна. Проповедь и надгробное слово духовника покойного растрогали всех до слез: было просто, хорошо и справедливо. Добрый был человек Корсаков, нельзя было не дать ему слез при последнем прощании. Очень было много народу. Вяземский стоял возле меня и, глядя на подушку с белым орлом, сказал: «Под Прагою Белого Орла ощипали, а в Варшаве, вероятно, его хоронят теперь!» Чуть ли не так.

Люди захотели своего благодетеля нести на себе до заставы, похоронят его в подмосковной, селе Братцеве, где схоронена и покойная графиня Строганова. Вечная память и царство небесное покойному!

Александр. Москва, 26 февраля 1831 года

Как ни старался рано встать, чтобы кончить работу для Волкова, проспал до 10 часов, сел писать, отвез к Волкову, коего мысли угадал; он очень был доволен, безделицы некоторые он переправил и переписал письмо для отправления к Бенкендорфу: просит отдохновения на некоторое время, а ежели нельзя, то отставку. Уверяют, будто Муханов ищет его место; сомневаюсь. Он и с теперешним своим местом не умеет справиться, а где ему заменить Волкова? Такая будет каша, что не расхлебать ему ее. Нельзя не знать Волкову цены, и я уверен, что дадут ему отдохновение, которое ему точно необходимо.

Узнал я прекрасную черту: намедни в маскараде, данном для холерных, кто-то за билет свой вместо трех рублей присылает тысячу! Ломали себе голову, называли многих богачей; вместо того вышло, что пожертвование это сделал человек бедный, имеющий множество детей и живущий жалованьем одним. Выхваляя эту черту доброму нашему коменданту генералу Сталю, я заметил в нем какое-то замешательство: не сказал ничего, заговорил о другом, а после узнал я, что деньги сии были пожертвованы им. Огласить было бы точно его опечалить, а потому и буду молчать; но тебе должно все сказывать.

Александр. Москва, 27 февраля 1831 года

У Хитровой всегда бездна народу и очень жарко. Все к лучшему. Я там попотел, да ложась спать, напился чаю с ромом, все и прошло. Хорошо, а то бы ужо нельзя ехать на вечеринку поэта Пушкина. Кстати сказать, о поэте: вчера заехал к Вяземскому и нашел княгиню, и без того больную, в слезах: сестра ее Четвертинская только что родила, а у нее сын семнадцати лет отчаянно болен, в горячке нервической; мать и отец в отчаянии, ибо надежда, кажется, плоха; он все в беспамятстве. Лета такие, что авось натура и переработает. Это не граф Орлов, который вчера-таки скончался, говорят, 87 лет. Вот тебе и богатство! Не хотел взять ложи для маскарада, данного в пользу холерным. Это, видно, не Сталь.

Как кстати, а почта пришла, и грамотка твоя от 23-го. Дай Бог счастливого пути великому князю и найти все оконченным. Он постоял уже за отечество общее в Турецкую войну; не желаю ему новых лавров, а обнять брата, которого так любит. Благодарю за сообщение награждений; тотчас приказом послал обрадовать новую генерал-лейтенантшу княгиню Горчакову. Мейендорф славно взял и крест свой, и флигель-адъютантство. По странному стечению обстоятельств и случаю, кроме Горчакова, все только одни встречаются немецкие имена. Вчера насчитали их штук с 15.

Но говори там что хочешь, солдатушки-то русские, а Наполеон своей персоной *одною* никого не бил.

Александр. Москва, 28 февраля 1831 года

Пушкин славный задал вчера бал. И он, и она прекрасно угощали гостей своих. Она прелестна, и они как два голубка. Дай Бог, чтобы всегда так продолжалось. Много все танцевали, и так как общество было небольшое, то я также потанцевал по просьбе прекрасной хозяйки, которая сама меня ангажировала, и по приказанию старика Юсупова: «А я бы потанцевал, ежели б силы были», – говорил он.

Ужин был славный; всем казалось странно, что у Пушкина, который жил все по трактирам, такое вдруг завелось хозяйство. Мы уехали почти в три часа. Как рад я был, что это близехонько от нас[66], что можно было отослать карету домой часов на шесть. Был холод и вьюга, которая и теперь продолжается.

Завтра, на отдание, санное катание, блины у Пашковых (мы на это не пустимся), а вечером сборище у наших молодых; но хозяева будут Пашковы, они зовут и потчуют, а там и покой. Москва тряхнула стариной, веселье за весельем; зато у вас, говорит Свистунов, очень скучно. Он привез вид всей правой стороны Невского проспекта, прекрасно сделано и иллюминовано; это точный портрет всякого дома, всякая вывеска означена и большая часть знакомых экипажей. Я рассматривал это с большим вниманием и воображал себе, что гуляю тут и что пора на почту обедать и поворотить в Морскую. Свистунов подарил это Ольге. Он очень знаком с Александром [то есть с зятем Булгакова]. Мы узнали тут коляску Фикельмон, в коей сидит она с Хитровой и двумя лакеями, сидящими сзади. Вчера, кроме Пушкина, был театр у Солдан, и вечер у Мельгунова и еще где-то. Вот какова Москва наша!

Александр. Москва, 2 марта 1831 года

Бедные Четвертинские в большом горе. У них умер сын прекрасный семнадцати лет, горячкою. Отец вне себя, а мать дня четыре, как родила. Напрасно муж ей объявил о потере сей, но невозможно было ему скрыть от жены несчастия сего. От этого и княгине Вяземской стало хуже. Всё беды на сем свете. Теперь, как нарочно, меня вызывали, был у меня несчастный Гордеев, экспедитор троицкий. Кажется, не миновать ему Уголовной палаты, то есть Сибири, за потерю казенных денег. Монахи троицкие внесли часть за него, но все-таки остается тысячи полторы, а где их взять? Ох, как сладко бы в такую минуту быть богачом! Вот минуты, кои ни с каким благополучием сравниться

не могут. Нет ли, брат, какого-нибудь средства его спасти? Куда детей? Верно, не менее пяти. Горько его положение. Он как помешанный. И правительству мудрено его защищать; оно должно наказывать, напротив того, для примера другим, а то было бы поощрять неисправности. Сколько раздают денег, кои идут по кабакам, а эти спасли бы целую семью. Я думал его дух поддержать, да сам заплакал было.

Александр. Москва, 3 марта 1831 года

Я слышал уже от князя Александра Михайловича Урусова, что Болговскому дана лента. Я видел его в звезде у Пашковых, и он очень доволен; говорил мне: «Видно, граф А.А. в большом фаворе!» Странная это фраза, ибо знает тоже, что иначе я бы никогда не получил ленты.

Я знаю ваши большие сани с хвостом; бывало, у Александра Львовича Нарышкина надували иностранцев. Я помню, как баварского министра, который явился на гулянье в курточке в двух звездах, посадили на конец и славно вывалили в снег; он встал тотчас и, боясь остаться на дороге, пустился бежать за зимней колесницею.

Сказывают, что граф Орлов оставил Паниным только законную часть, а все благоприобретенное завещал внуку своему Давыдову, сыну Петра Львовича; он оканчивает учение свое в Эдинбурге.

Александр. Москва, 4 марта 1831 года

У вас идет Масленица, а у нас прошла. Немцы в сокрушении, и есть отчего: у актеров и так нет почти штанишек; радовались, что будет выручка в понедельник и вторник, театр полный, хотят зачинать, вдруг является актер и объявляет, что не будет театра. Говорят, что это последовало по настояниям Филарета. Отчего же немцам не веселиться на своей Масленице, как мы на нашей повеселились? И маскарада во вторник не было. Бедные немцы плачут. Ежели нет приказания из Петербурга, то мудрено было князю Дмитрию Владимировичу послушать Филарета.

Я успокоил Рушковского. Теперь ему лучше, но он, однако же, опускается. Добрый человек. Я приехал оттуда весел; склонив его к доброму делу, просил о Гордееве, рассказывал, как князь Репнин заплатил 24 тысячи за Козловского, который проиграл казенные деньги и должен был отправиться в Сибирь. Репнин не мог видеть такого зрелища и внес свои деньги. Рушковский то же делает для Гордеева; я его обнял несколько раз. Бог ему воздаст за то; такие черты услаждают душу. Сколько людей употребят 2000 рублей на обед один, или деньги поставят на карту, а

предложи им выкупить несчастного от бесчестия и каторги! Дефицит точно еще не известен, собирают сведения; более 2000 рублей, верно, не будет, а Рушковский мне сказал: «Я могу дать до двух тысяч». Тогда я атакую графиню Васильеву и княгиню Екатерину Алексеевну: пусть они сделают остальное. Сладкий был для меня день вчера; боюсь сказать Гордееву, ибо дал слово Ивану Александровичу молчать, а может быть, несчастный не утерпит, пойдет броситься в ноги своего благодетеля.

Александр. Москва, 5 марта 1831 года

Я обедал давеча с Дишкою и Свистуновым в Английском клубе, который был наполнен вестью, что Варшава занята, что безмозглые поляки послали государю депутацию – поднести ему корону польскую, говоря, что его величеству, верно, приятнее будет получить ее от народа польского, нежели от Венского конгресса. Весть эта, конечно, ложная, но от поляков статься может такое сумасбродство. Смеялся я, читая их военные бюллетени в гамбургских газетах. Они в фанфаронстве перещеголяли и французов. По их счету, взято у нас до шестидесяти пушек. Не одни они куролесят, и в Италии начались проказы; только и покойна, что одна Россия.

Давеча набрел я на двое похорон: графа Орлова и бедного молодого Четвертинского. Лобанов сказывал, что старик отказал по завещанию 2000 душ лишних внучке Давыдовой, что у вас за Долгоруковым.

Александр. Москва, 10 марта 1831 года

Говорили вчера о распоряжениях покойного графа Орлова. Всякому из Паниных длинных по 7000 душ; Давыдову, сыну Петра Львовича, воспитывающемуся в Оксфорде или Эдинбурге, 14 000 душ; сестре его, что за Долгоруковым, 3000 душ, всякой внучке по 20 тысяч ежегодно на прожитье и 100 тысяч на приданое. Много раздач бедным. Говорят, что есть огромное взыскание с имения за покойного графа Григория Владимировича; но 43 000 душ чего не заплатят? А самые богатейшие мужики и цветущие имения в России – графа Орлова, это известно.

Александр. Москва, 11 марта 1831 года

Все как-то унылы от вздорных слухов, кои распространяют, что один корпус бунтовщиков в Житомире, а другой в Литву пробился. Есть глупые люди, кои и верят бредням сим. Другая новость не менее глупая, что начали за городом заранее рыть ямы в шесть сажен глубины, чтобы в них закапывать тела тех, кои весной умирать будут от холеры. Жаль, что есть мерзавцы, кои

выдумывают такие пустяки, и дураки, кои верят им. По известиям газет самих поляков видно, что они правый берег Вислы очистили, Прагу сожгли, поговаривают – гнездо свое разбойничье перевести в Ченстохов из Варшавы. Таковы ли должны быть последствия побед, коими они хвастают?

Александр. Москва, 16 марта 1831 года

Вчера взял я у Волкова репортичку, прилагаю здесь; слава Богу: было двое холерных, один умер, а другой выздоровел, итого остался нуль. Во вторник будет молебствие благодарное в Чудове и во всех церквах. Князь Дмитрий Владимирович посылал к Филарету для выбора дня; он сказал, что 17-го – Алексия Божия человека. Пословица называет этот день «с гор вода», а мы прибавим: а холера со двора. Сталь правду говорил вчера у Волкова: вот бы князю Дмитрию Владимировичу проситься в Петербург, быть первым возвестителем прекращения холеры и первому ехать снять карантины, и без оных первому прибыть в Петербург. Уж можно помолиться и Бога поблагодарить за милость к нам.

Александр. Москва, 17 марта 1831 года

Ну, порядочно я устал! С десяти часов на ногах, а теперь два часа. Сию минуту возвратился из Чудова монастыря, где была панихида по умершим холерою, потом обедня, потом благодарный молебен с коленопреклонением о прекращении совершенном холеры и многолетии царствующему дому. Только недоставало проповеди, но и Филарет сам насилу выдержал службу эту. Множество было людей, весь Сенат и дам бездна. Князь Дмитрий Владимирович мне сказывал, что 17 сентября умер первый от холеры, соборный звонарь. Сегодня 17 марта; стало быть, холера свирепствовала в Москве ровнехонько шесть месяцев.

Александр. Москва, 21 марта 1831 года

Немало меня удивило губернаторство Павла Демидова; впрочем, деньги все устраивают. Возьми он себе знающего и честного правителя канцелярии, скажи ему: «Послушай, вот тебе 25 тысяч в год, служи мне верой и правдою; ежели через три-четыре года получу чин действительного статского советника и ленту, сверх того, подарю тебе 200, 300, 500 тысяч». Куда ему деньги беречь? И что для него полмиллиона, когда ими купит себе награды, благословение губернии целой и милость государя, что всего еще дороже на свете? Чего не сделаешь с деньгами? А Демидов не дурак и, кажется, сердце имеет доброе.

Вот тебе, мой милый друг, биография нашего бесценного отца. Ежели буду духом покоен, примусь писать подробную жизнь его, летом в деревне, на досуге. Хоть теперь бы туда пустился! Скажи мне твои мысли; перечитав еще раз теперь, я нахожу, что надобно будет смягчить статью об Альтести; са мая слава царствования Екатерины требует, чтобы человек, каков был батюшка, не казался вытесненным с места своего по интригам Зубова и Маркова, а что отошел по желанию своему. Это можно переменить; желаю, чтобы это чтение доставило тебе удовольствие.

Бедная Вяземская была на смертном одре и не может оправиться, сокрушаясь о сестре: все беда! Княгиня Вяземская очень слаба; боюсь я, чтобы болезнь ее не взяла дурной оборот, а мужу[67] надобно ехать в Петербург: другая беда!

Александр. Москва, 26 марта 1831 года

У меня был Глинка Сергей Николаевич сейчас, очень меня обрадовал. Государь пожаловал ему 3000 пенсиона.

Доброе сделал дело наш ангел. Глинка обожает и Россию, и государя; вся жизнь его, дела, труды это доказывают. Хвала твоему князю, он это устроил, и письмо Глинки к князю Александру Николаевичу очень меня тронуло. Я просил копию с оного и тебе пришлю. Теперь этот добрый отец семейства с куском хлеба.

Александр. Москва, 13 апреля 1831 года

На вербном гулянье вчера была маленькая история у Свистунова с обер-полицмейстером Муханoвым. Экипаж первого выехал из ряду; не знаю, было ли это кучеру приказано, только Муханов налетел и начал размолвку горячую со Свистуновым, после чего отнесся рапортом к коменданту с жалобой, что Свистунов его дразнил, а у этого привычка лорнет класть в рот, откуда, без участия рук, два стеклышка поднимаются вверх к глазам, и в эти минуты подлинно черты лица как-то изменяются, что, вероятно, Муханов, не зная всего этого, принял за гримасы, ему деланные. Комендант наш добрый послал за Свистуновым и сказал ему: «Послушайте, у меня жалоба от Муханова, которую должен я передать императору; все это ребячество, кое надобно замять, прошу вас пойти от меня к г-ну Муханову; скажите ему, что я вас к нему послал для принесения извинений, и все будет кончено». Долго он отговаривался, оправдываясь, наконец поехал к Муханову; но этот, чем бы довольствоваться сим, начал еще выговаривать Свистунову, и довольно неучтиво, говоря, что бумагу свою обратно не возьмет и пошлет рапорт к князю

Голицыну в Петербург. Это доказывает мстительное сердце Муханова. Комендант не успел помирить их и, вынужденный дать большую сантификацию Муханову, сказал Свистунову, что, в уважение гвардейского мундира, не хочет послать его на гауптвахту, но объявляет ему домовой трехдневный арест. Добрый Сталь сожалеет, что не мог дело затушить; он и Свистунов все сделали для этого. Муханова все очень обвиняют, да и вообще его не любят здесь. Сталь писал князю Дмитрию Владимировичу, чтобы хоть там дело бы уладили без неприятностей. Я не видал Свистунова и не знаю, как он это рассказывает.

Александр. Москва, 30 мая 1831 года

Какова же старуха Вяземская [вдова екатерининского генерал-прокурора княгиня Елена Никитична]? И наша княгиня Вера оправилась, намедни была на выставке, было ей очень нехорошо также. Все такая же хохотунья. Случилось, что на выставке этой, дама одна мне что-то сказала, я засмеялся, княгиня издали это приметила, хотела знать причину, я ей тотчас сказал, ибо речь была о ней. Барыня говорила: *«Твоя* Вяземская ожила; смотри, как ни в чем не бывало, дрягает, хохочет, по цвету лица – как будто больна не была!» – «И, матушка, – сказала другая кума, – ведь она нарумянена, а может, и набелена; я ее намедни видела утром без туалета у Кологривовой, так смерть настоящая». Надобно было видеть, как хохотала княгиня, я думал, что дурно сделается, и пошла всем рассказывать сама! Добивалась все, кто дама; не сказал ей, а верно бы, не стала сердиться, кабы знала – кто.

Александр. Москва, 2 июня 1831 года

Я в двое суток прочел всего Загоскина, то есть «Рославлева». Он поместил тут вымышленный мною (во время эмиграции нашей из Москвы в 1812 году, когда гостил я у графа Воронцова в Андреевском, деревне его) разговор между Мюратом и Милорадовичем. Граф Ростопчин послал это тогда в Петербург, и пошел этот разговор по всем журналам, даже иностранным. Смешнее всего то, что Милорадович обедал после, два года спустя, у Ростопчина, который при мне, нарочно, спросил его: справедлив ли этот разговор? И Милорадович отвечал: «Буквально!» Я не смел взглянуть на Ростопчина, а он сказал мне после: «Вот так-то и пишут историю!» Милорадович на аванпостах перекланивался с Мюратом, коему кто-то сказал: «Это российский Мюрат».

Александр. Москва, 9 июня 1831 года

Какую ужасную новость сообщил мне вчера Норов! Смерть фельдмаршала Дибича; он скончался в Пултуске 29 мая. Я рассчитывал, что 4 июня вы не знали еще о сем, так не ложь ли? Но нельзя сомневаться по подробностям, кои дал Норову молодой Голицын, прибывший сюда из главной квартиры прямо. Смерть была столь насильственна, что приписывали ее холере; как не скажут хуже что-нибудь? Жаль очень! Генералов много, а Забалканский у нас один. Норов просил не говорить, а я дал ему сам совет этот. Ну да как неправда? Это было 7-го, а вчера уже весь город наполнился печальной этой новостью; ибо сказывают, что Пфеллер привез подтверждение из Петербурга; стало быть, он выехал от вас 5-го или 4-го после почты. Сегодняшнее твое письмо, вероятно, подтвердит фатальную эту весть. Большой это удар для нашего государя.

Гулянье вчера на прудах было хорошо, но слишком уже тесно; у беседки такая была давка, что многие дамы кричали, досталось шляпкам их! Князь Юсупов велел дать стул Катеньке. Сказывали тут же, что адъютант князя Дмитрия Владимировича Голицына Лихачев сделал фарсу, объявил первый Ивану Екимовичу Лазареву, что он пожалован в превосходительные, и взял за то с него колясочку и пару лошадей; торговался он долго, какую коляску, да каких лошадей, наконец согласился. Подошел к князю благодарить, но князь сказал: «Надеюсь, что будет; но я еще не получил уведомления». Лазарев стал рассказывать о коляске, но князь знал уже это от самого Лихачева. Дистракции Лазарева еще более умножились от мучительной неизвестности, а как хочется ему носить звание *генерала* Лазарева.

Не надобно было Дибичу умереть от пули прежде славного мира турецкого, ни после, в Адрианополе, на высшей степени славы, но в Пултуске от холеры и тогда, как готовил гибель мятежников. Вероятно, до прибытия Паскевича ничего не будет предпринято в армии, и поляки успеют образумиться. Поеду к Волкову, он вчера не верил печальной вести, дам ему почитать «Инвалид». И умер-то с твердостью, как настоящий герой. Царство ему небесное!

Александр. Москва, 10 июня 1831 года

У меня и у всех одно в голове: смерть фельдмаршала; только о том и говорят, все о нем жалеют, все в том согласны, что он был умен, осторожен, не любил рисковать и что кончил бы скоро и славно несчастную эту войну. Мы так привыкли к холере, болезнь нам эта не кажется страшна, а там ее лечить не умеют. Ну что за кровопускание? На что это? Сильные бы потовые средства, ванны,

не худо бы послать врачей искусных отсюда. Здесь всякий фельдшер, бывший при больницах во время холеры, знает, как с нею обходиться; но точно на все власть Божия! Жаль, очень жаль покойного фельдмаршала, не богаты мы главнокомандующими. Есть здесь письмо одного офицера из главной квартиры гвардейской; он описывает расстройство поляков после Остроленского сражения, говорит: «Армия мятежников растаяла, она рассеялась, неизвестно, что с нею сталось, около 15 тысяч собрались под стенами Варшавы», – и проч. И в такое время надобно, чтобы не стало Забалканского! Теперь не скоро надобно ждать известия: граф Паскевич сегодня может прибыть к армии, надобно несколько дней, чтобы оглядеться.

Посылаю тебе при сем сделанную мною в Архиве выправку для Тургенева о журнале Гордона. Сколько мог я заключить, пробегая оный, много тут мелочей и вздору; но нет записок, когда они регулярно, поденно ведены, в коих не нашлись бы хорошие сведения.

Я Загоскина кончил давно, уже с самим автором говорил; жаловался ему, что он так мало говорит о Ростопчине. Еропкин укротил бунт и заслужил себе славное имя, а Ростопчин бунт предупредил. Тогда кровь лилась, а в 1812 году за несколько часов до вшествия французов все было тихо, покойно, все жители были в совершенной безопасности, чем обязаны мы были одному Ростопчину. Не будь тогда такая голова, нельзя ручаться, что не было бы не токмо грабежей, но убийства. Читая «Рославлева», не знаешь, кто даже царствовал в то время, имя Александра 1 не упомянуто; как умолчать о приезде государя в Москву, воззвании его первопрестольному граду, пожертвованиях дворянства? Есть множество прекрасных анекдотов, коими римская история могла бы гордиться. Загоскин их не поместил – верно, потому, что не знал. Ежели будет новое издание, надобно пополнить многое, а слог очень хорош, натурален, и самых французов описывает он очень хорошо, таковы, как они в самом деле.

Александр. Москва, 12 июня 1831 года

С каким удовольствием увидел я вчера старого своего знакомого, Алексея Самуйловича Грейга! Были мы вместе на выставке, которую он очень хвалил, хотя застал уже не полную, многие взяли уже назад принадлежащее им; после был он у нас и долго просидел у жены, удивлялся Кате, которую оставил ребенком, но еще более удивился, узнав, что младшая сестра уже замужем и спешит пожаловать меня в дедушки. Я не знаю, о чем не было у нас речи. Тебя оставил он здорового. «Ваш брат, – говорил он, – обладает совершенно особенным сложением, или

же это следствие благоразумного распорядка времени; но и перегруженный делами, он находит средства не пренебрегать друзьями своими и даже доставлять себе порой удовольствие пойти в театр», – и проч. Я нашел в нем мало перемены для пяти лет отсутствия; иной и в два года так состарится и переменится, что едва его узнаешь. Сегодня Грейг отправляется в Николаев.

Конечно, надобно ждать решительных мер от Паскевича. Говоря вчера с Грейгом о польских делах, я был того мнения, что лучше бы бросить этих скаредных поляков на произвол злой их участи. Ну что они сделают без России? Ну, конечно, мы их усмирим, но раны глубокие Польши нам же придется залечивать своими боками; 17 лет махину устраивали, придется лет пять чинить ее. Они же будут у ног наших и просить, чтобы мы восстановили прежний порядок. Правда и то, что дерзость их нельзя оставить ненаказанною. Осмелиться страшить своего государя-благодетеля? Дай Бог скорых успехов Эриванскому! Так случилось что указ, о коем ты пишешь, касательно имения помещиков, принявших участие в возмущении, никому я не показывал по словам твоим и удержу у себя. Мне кажется, что лучше было бы все имения оставлять под секвестром до совершенного окончания дел польских. Право, милосердие государево к разбойникам этим слишком велико.

Здесь поговаривали, что показалась холера опять. Вздор! Говорили же, что холера в Кронштадте; а Грейг утверждает, что не было ничего похожего. Вот объявление, сию минуту полученное от полиции, которая, видно, как говорят французы, ходит вокруг да около. Говоря о холере, вспомнишь невольно о французах. Как ты думаешь, роман Загоскина будет читан с любопытством во Франции? Мне хочется перевести его на французский язык; вот нет Шредера, а то он бы выгодно продал какому-нибудь книгопродавцу перевод мой; ты найдешь другого человека. Надобно умудриться. Ежели Загоскин взял за роман 40 тысяч (и, верно, книгопродавец не будет в накладе), почему не взять 20 тысяч за перевод? Подумай, брат, об этом, а я большую часть времени посвятил бы на этот труд и скоро бы его кончил. Между тем любопытство парижан можно бы возбудить статейкою в газетах: «В Москве уже заняты переводом нового романа г-на Загоскина под названием «Рославлев, Или русские в 1812 году». Труд сей наполнен интересными подробностями и, рисуя картину столкновения двух великих наций, может только в высшей степени возбудить любопытство парижан. Русский книгопродавец купил рукопись за 40 тысяч рублей».

Александр. Москва, 15 июня 1831 года

Давай сюда Тургенева, очень ему обрадуемся. Я никогда не забуду дружбу его и участие его братское в несчастное время тяжбы, которую всякий день сожалею, что не проиграл. Тогда я лет пять не существовал, а мучился, чтобы вырвать имение из рук двух врагов: Щербатовых и опекунов; но оставим это, всю внутренность только шевелить. Лучшие мои годы миновали, нечего ждать более. Ольгина свадьба мелькнула, как радостный метеор; утешаюсь ее благополучием, но сколько осталось хвостиков и беспрестанных беспокойств! Должен я еще Бога благодарить за нрав мой: другой бы с ума сошел!

Александр. Москва, 20 июня 1831 года

Дай-то Бог конца в Варшаве. Говорили они и много хвастали второй Сарагосою; но я думаю, что ничего не будет, что главные канальи, яко то Лелевель, ежели не выдадутся, то сами тягу дадут; в Париже настроят им арки триумфальные, а в Варшаве все вдруг кончится, может быть, и без пролития крови. Как же Паскевич не счастлив? Главнейшее и труднейшее было уже приуготовлено покойным Дибичем.

Я кончил первую часть «Рославлева», надобно удосужиться перечитать, исправить, переписать набело, сделать маленькое предисловие и послать, яко образчик всех частей, в Париж. Что-то там скажут книгопродавцы? А читано будет оно там с жадностью, я уверен.

Александр. Москва, 21 июня 1831 года

Привозил Новосильцев письмо очень длинное от брата, писанное из Вильны от 10-го июня и наполненное подробностями о деле, бывшем у них против Гельгута, у коего до тридцати тысяч войска (положим, что Новосильцев и много прибавил, чтобы возвысить победу, но и 20 тысяч много) и которого храбрый Хилков дивизионный уланский разбил и прогнал с большой потерею; наши очень были расстроены от чрезвычайных усилий, но, к счастью, пришел к ним Савоини с тринадцатью тысячами свежего войска, и Гельгуту будет мат. Это славное известие и верное. Удивительно, что ничего не знаем официально по сю пору.

Александр. Москва, 23 июня 1831 года

Не понимаю я карантин между столицами, ежели в обеих существует холера. Кого же хотят предостеречь? А какой будет вопль! Я все надеюсь, что не усилится у вас болезнь и кончится одним страхом. Боже, охрани вас, моих милых, ежели воля Всевышнего есть, чтобы была холера в Петербурге. Ну уж эпоха

для меня, – буду ее помнить. Поляки тоже кровь мне портят. Я вчера всю желчь вылил на Пельчинского. Он называл всех поляков сумасшедшими. – «Нет, сударь, они хуже этого; сумасшедших запирают, но этих сумасшедших надобно всех перевешать, это негодяи, неблагодарные, кои наводняют отечество свое кровью без всякого возможного результата. Ежели бы предоставить этих каналий самим себе, то они, прежде перегрызи друг другу глотки, прибегут пасть к ногам этого ангела, коего оскорбили и при коем жили столь счастливо». Поджал хвост мой поляк. Литовские офицеры, сюда присланные на службу, хотели бежать; открыли это, и они под арестом. Зачем такую кучу держать вместе и в столице? В Грузию бы их!

Когда комендант хотел посадить их под караул в Кремле, то нельзя было это сделать, и почему? Потому что все караульные офицеры на всех гауптвахтах были поляки; как вверить им арестантов, да еще и свою братью? Волков сказывал мне под секретом, что открыт их заговор, конечно, дурацкий, но все-таки гнусный, коего точная цель еще неизвестна, но в пользу поляков. Собирались они у какого-то промотавшегося бездельника, полковника Сунгурова, живущего на Тюфелевой роще; много соблазняли молодежи, но один из них, мучимый совестью, открыл все, и рабов чертовых схватили всех числом 22. Так это все сделалось умно, что в городе никто не знает. Экие сквернавцы!

Как обдумаешь хорошенько, то, право, чуть не должно ли радоваться скорее смерти, о коей ты мне пишешь, чем скорбеть о ней. Положение покойника [речь идет о Константине Павловиче] в отношении к русским и полякам было ужасно; все ему упрекали. Союз его не мог быть приятен отечеству. Провидение знает, что делает. Он имел и хорошие качества, но все я полагаю счастьем для России, что он не царствовал. Здесь никто и не подозревает весть такую, а на ухо говорят, что у него умственное повреждение и что живет скрытый в Стрельне.

На днях будет пропечатано в газетах здешних, что роман «Рославлев» переводится на французский язык. Я решаюсь на труд этот, а то не вижу, чем мне жить; всякую надежду на получение места, которое давало бы мне доход, я потерял давно. Ничего радостного в будущем не вижу для себя. Люди с меньшими талантами и меньшею протекцией, без связей, коих, благодарение Богу, у меня довольно, выходят, имеют великие оклады, а я гнию на одной точке ровно 22 года. Это значит – счастия нет. Я, право, никому не завидую и никому не ропщу, и ежели бы имел я безнуждно средства существования, то все-таки почитал бы себя гораздо счастливее многих высоко летающих. Я

дал себе обещание ничего не просить никогда, а стану заниматься другим и следовать батюшкиному примеру, а он переводил. «Всемирное путешествие» дало ему *сто тысяч* чистого барыша.

Александр. Москва, 24 июня 1831 года

Вчера перебывало у меня множество народа, между прочими Озеров, который желал знать, где его высочество: в Минске, Белостоке или Стрельне? Имея на то приказ от тебя, я молчал; может быть, сегодня явится и манифест; только удивительно, что никто не пишет сюда о таком важном происшествии. Я полагаю, что наследнику прибавится теперь титул, ему единственно принадлежащий. Тогда император Павел от избытка радости за победы суворовские пожаловал великому князю звание цесаревича, которое сам носил с лишком 30 лет. Правда ли, что умерли в армии холерою Чичерин, Исленьев, генерал-адъютанты, и Арбе? Так давно говорят об этом, что верно бы подтвердилось. Не верю: это всего короче. Мне жаль, что двор не изберет лучше для пребывания здоровое и высокое место, как Царское Село; в Петергофе сыро. Довольно щеголял Рибопьер фигурою своей, пора и ему похудеть да сморщиться. Тургенев, видно, все тот же: как не решиться, куда ехать, – в Любек или в Москву? Ему надобно быть сюда, Жихарев не дождется его и никак не берет на себя продажу имения без него, а посмотри, как заедет сюда, в Остафьево, к Вяземским и Карамзиным, то его не выгонишь из Москвы, чего мы очень желаем.

Александр. Москва, 26 июня 1831 года

Вчера является к нам вдруг Александр. Тургенев. Чрезвычайно я ему обрадовался. Все тот же: те же дистракции, та же доброта, мало переменился, нахожу, а шесть лет – куда как много времени в наши годы! Катеньке тотчас начал куры строить, то есть руки целовать, не дал на себя хорошенько налюбоваться и исчез. Зовет меня с собою к Вяземскому на именины; не знаю, смогу ли, хотя это 29-го; просил Костю отпустить, а потом вспомнил, что зван в тот же день в Рождествено к князю Дмитрию Владимировичу, у коего был вчера на парадном обеде. Большой чудак, боится холеры и признается, что от страха уехал бы в Любек, но испугался карантина. Не мог я добиться, где живет: то у Жихарева, то у тетки, то где-то *под Москвою*. Был у меня также Петр Петрович Новосильцев, просидел часа два, и я досыта с ним наболтался; люблю его уже за то одно, что тебя он очень любит. Фавст с обеда Князева, переодевшись и забежав ко мне на минуту, пустился с Россинием в Петелино до среды; так пришлось, что всё праздники, хочет нагуляться досыта, навестить по дороге

Цимерманшу, Вагнера и Посникова.

Вчера не велели мы закрывать ставень, чтобы любоваться на иллюминацию, вся улица была в огнях, а на нашем балконе было до ста плошек. Как могли, праздновали царя! Я от скуки работаю над «Рославлевым» и две главы уже перевел, работа легкая и занимательная.

Александр. Москва, 29 июня 1831 года

Теперь ты должен быть покоен совершенно на мой счет, я не переставал к тебе писать; а пожалуй, и здесь сказали, что у меня холера, и Тургенев даже обнимал меня с какою-то осторожностью, а не как после шестилетней разлуки. Он большой трус, а холера не любит, чтобы ее боялись. Что ты рассказываешь о государе, не может не трогать. У него решимость, твердость и присутствие духа Петра Великого, и Бог поможет ему управиться со всеми заботами, внешними и домашними; а дорого можно бы дать, чтобы всего того не случилось. Народ наш всегда был покорен и смирен, пересечь бы можно плетьми зачинщиков на площади, а должны быть баламуты. Вчера приезжал князь Александр Михайлович Урусов ко мне – благодарить за приказ о сыне, за доставление тобою посылок его прекрасной Софье, и наведаться обо мне; сказывал, что на Трубе у нового фонтана нашли в водопроводной трубе мешок с ядом. Какое зверское намерение! Теперь у всех фонтанов поставлены часовые, и давно следовало это сделать. Случается, что мальчишки от шалости кидают в воду кошек или крыс мертвых. Был у меня также Офросимов Константин и много рассказывал о войне польской и о поляках. Я видел его простреленную пулей шляпу; одним волосом правее – был бы без головы. Кажется, долго еще не будет ходить без костыля или палки.

Ожидаю с нетерпением подробностей о поражении Гельгута кривого. Офросимов говорит, что у него один глаз хрустальный, медный лоб и сердце каменное, – хорош молодец! Взять бы эдакую бестию да расстрелять. Для нас он изменник, а для поляков – губитель своего отечества.

Объявление от полиции об отмене некоторых мер холерных хорошо; жаль, что не так сделали с самого начала. Быть не может, чтобы дома не оказывалось более попечения для больного, нежели в больнице, где их множество; а что болезнь неприлипчива, это доказано бесчисленными опытами. Ежели вещь возможная – не допустить холеру в какое-либо место, то хорошо достигнуть этого; но ежели есть один больной или умерший, то почитаю все мелкие меры излишними: кто должен занемочь или умереть, занеможет и умрет. Малейшее

расположение в теле нашем к холере должно болезнь сию развить.

Александр. Москва, 30 июня 1831 года

Много здесь говорят теперь о бывших у вас беспокойствах; всякий рассказывает по-своему, есть приезжие из Петербурга. Уверяют, будто был убит доктор один, а частный пристав изувечен. Хвастают, что не было этого в Москве; но, право, ежели бы оцепление продолжилось еще неделю, не без греха бы обошлось. Хотя все и пришло на первый случай в порядок у вас, но видно какое-то брожение в народе, что доказывают и объявления начальства. Это хуже самой болезни. Все это, право, грусть наводит, и я был бы счастливейший из людей, ежели бы с вами теперь находился. Право, куда ни обратишься, все как-то не розового цвета. Укрепи Бог нашего ангела Николая! Великая его душа все превозможет.

Александр. Москва, 1 июля 1831 года

Закревский должен быть в больших хлопотах теперь. Очень здесь обрадовало всех объявление его о ярмарке Макарьевской; слухи носились, что она будет отменена, от чего было ужасное уныние и неудовольствие между купцами. Полетике прибавилась еще работа, ибо вижу, что и острова отошли в его управление, то есть причислены к Петербургской стороне. Ох, хорошо бы добраться до зачинщиков всех беспорядков; не бездельников ли поляков это работа? Князь Дмитрий Владимирович оставил наконец свое Рождествено и переехал в город. Теперь присутствие его здесь очень нужно, и без того полиция наша незавидная, и право, русский Бог один спасал нас от холеры. Не слыхать о больных, а называют все холерою.

Александр. Москва, 2 июля 1831 года

Здесь говорят, что княгиня Ловицкая хочет проводить тело покойного цесаревича в Петербург и потом, воротясь в Витебск, построить там монастырь – на том месте, где скончался великий князь, и в оном заключиться на остатки жизни своей. Не верю такому пожертвованию от польки.

Александр. Москва, 3 июля 1831 года

Явились Тургенев и Вяземский, долго просидели, хотели знать, правда ли, что многие министры наши перемещены, Закревский – на место Чернышева, которого в Берлин, а Бибикова – министром внутренних дел. То ли время теперь! «Не верю, – сказал я им, – а писем еще не имею своих». Они стали ждать

почту. Я получил письмо твое от 29-го, и вышло – вздор. Благодарение Всевышнему, у тебя все благополучно и в семье, и в почтамте. Очень это утешило меня. Число больных у вас, видимо, растет. У нас не было никогда 200 в одни сутки, но вы теснее живете нас, москвичей. Мало у вас выздоравливает, но это и здесь так было сначала. В «Инвалиде» нашел я известия из армии, также благоприятные, есть уже рапорт от фельдмаршала. Дай Бог скорого конца и войне, и холере.

Александр. Москва, 4 июля 1831 года

Нельзя иной раз и не погорячиться и не поспорить, когда речь о поляках, коих иные представляют легкомысленными, ветреными, сумасбродными. Нет, это гнусные, неблагодарные преступники, коих поступки очень обдуманны, хотя не могут вести ни к какой развязке. Кажется, дело идет к концу теперь, и армейские известия будут любопытны.

Пять глав «Рославлева» переведены. Меня это занимает приятным образом; я нахожу новые красоты, и французов описывает он особенно хорошо. Мне кажется, что это будет читано с жадностью в Париже; им, правда, иной раз достается (но не надобно забывать, что это писано в эпоху величайшего против них раздражения), однако же есть много и похвал им, и описывает их беспристрастно.

Александр. Москва, 9 июля 1831 года

Вчера, чтобы разогнать скуку, я повез жену и обоих своих мальчиков на Воробьевы горы. Вид этот их всех восхитил. Никогда не видали, и время было преславное, переехали в лодках Москву-реку. Это была совершенная пародия ваших гуляний, однако же вида такого у вас нет! Сказать нечего отсюда, все, слава Богу, благополучно у нас: те, кои завидуют, видно, нашему спокойствию, выдумывают всякие нелепости. Фавст, уезжая вчера, был вдвойне печален, о Петелине и Москве: по городу ходила молва, что город в день Казанской Божией Матери (вчера) имеет быть зажжен с четырех концов. Он в сокрушении своем всему верил, но вышло – все вздор. Однако же вчера не без беды было: крестный ход и бездна была народу в Кремле, зашалила лошадь жандарма одного, стала бить, в толпе кое-кого переранила, а одну бедную женщину на месте убила. Народ принимал горестное участие в ней, но спокойствие было нимало не нарушено; тут же на месте было произведено следствие, и тело увезено. Вот доказательство, как миролюбивы чувства добрых москвичей.

По гамбургским газетам вижу, что в Варшаве была контрреволюция, в коей и сами польские генералы участвовали,

например, Янковский, коего туда привезли было судить за то, что Ридигер его разбил. Пишут также, что среди заговорщиков есть дама русская, Баженова. Что вижу! Эта та Баженова, что некогда имела лавку модную, на Кузнецком мосту.

Александр. Москва, 10 июля 1831 года

Отвозил я письмо от вице-канцлера к графу Никите Петровичу Панину. Этот меня часа два продержал, разговаривая о всякой всячине; приятно говорит, старую свою песенку начинал, все хочет переписываться со мною. «Я в таком неведении относительно того, что кругом происходит». – «Но, г-н граф, я знаю лишь то, о чем пишут в газетах; «Инвалид» и «Пчела» помещают новости очень быстро, вам надобно только завести себе хорошего корреспондента в Петербурге, который не будет дожидаться тяжелой почты для отправления вам сих листков, но будет отсылать вам их всякий день в отдельном пакете, да к тому же и сами мы собираемся ехать в деревню». Он поблагодарил, тем и кончилось. Этот журавль вовсе не переменяется, все тот же, а говорит так, точно телеграф, размахивая руками. Читая письмо графа Нессельроде, он удивился, что для такой малости, как отпуск его племяннику Давыдову, надобно было государю докладывать, и прибавил: «Некогда мы и сами с этим справлялись, не тревожа императора».

Письмо твое от 6-го начинается смертью Потоцкого. Жаль его! Это точно потеря для двора большая. Я все той веры, что этот бунт польский много ему зла сделал, как ни чужд он мерзостей сих. Ты дал мысль о его обер-церемониймейстерстве, и славная мысль; но я не разделяю видов твоих на Ванишу Воронцова, как ни желаю знать его в Петербурге. Ванишу можно полезнее употребить. Воронцовы всегда занимали значащие места; ищи другого обер-церемониймейстера. Ох, жаль очень Ланжерона; конечно, был стар, да разве Вяземская, княгиня Наталья Петровна Голицына не стары, да еще и женщины, а живут же!

Александр. Москва, 11 июля 1831 года

Вчера был у нас Вяземский с Тургеневым; этот ужасно спорил с женою. Охота о политике говорить, с ним должно толковать об обедах хороших. Прекрасный человек, но помешан на теориях и пяти или шести звучных фразах, кои делают гибель рода человеческого. Едет к Вяземскому [ко дню рождения князя – 12 июля] в Остафьево, куда и меня подзывают на завтра. Кабы был товарищ, поехал бы; одному скучно.

Конец Гельгута был очень печальным, но и весьма заслуженным. Теснимый со всех сторон, можно было предвидеть,

что он сделает не как Байард – победить или умереть, но как Дверницкий – победить или бежать. Один спасся в Австрии, а другой в Пруссии смерть нашел от своего брата-поляка. Какая смерть! Ну как Польше существовать самой собою? Все должно ей натыкаться на нас, на Австрию или Пруссию. Здесь точно нет конца вестям; вчера говорили: Варшава взята, в Праге пало 18 тысяч наших (а Паскевич, кажется, едет в тыл городу, оставляя Прагу на правом берегу), Паскевичу ногу оторвало, великий князь ранен в руку легко, но все кончено! Хорошо еще, что такой милостивый конец сочинили.

Александр. Москва, 13 июля 1831 года

Конечно, отъезд Закревского оставит у тебя большую пустоту. Такой сосед – великая отрада. Кто же не знает Костенецкого? В сражениях остался цел, а умер от холеры. Очень я рад, что двор таки переезжает в Царское Село, уж верно нет около Петербурга места здоровее этого.

Фавста очень опечалила смерть Молчанова[68], с коим был он коротко знаком. Мудров недолго побыл в превосходительных. Как-то письма четыре не слышно было и о занемогших знакомых, а теперь умирают многие: бывают такие полосы. Спасибо первое за подтверждение вести о Гельгуте, а второе – за другую добрую весть, что Роланд и Шимановский также положили ружья и сдались пруссакам. Твои и пограничные почтмейстеры молодцы, извещают тебя исправно и скоро. Кажется, польские дела идут к несчастной для бунтовщиков развязке.

Александр. Москва, 14 июля 1831 года

У Мудрова много было здесь больных знакомых и друзей, очень всех поразила смерть его. «Жаль бедную жену», – сказал кто-то; а граф Петр Иванович Апраксин прибавил: «Какая, черт, бедная! Известно, что у Мудрова 800 тысяч чистогану». Вот у нас каковы доктора-то! Только сомневаюсь, чтобы столько было. Мудров не так был стар.

Александр. Москва, 15 июля 1831 года

Литва очищена от бунтовщиков, теперь будем ожидать важных известий от нашего фельдмаршала. Ты, по милости своих пограничных почтмейстеров, знал все прежде «Инвалида». Как подл поступок этого офицера, губившего Гельгута в несчастий и обезоруженного! Накануне он слушал его, может быть, и заодно бунтовал. Отчего такая перемена вдруг? Чтобы купить милость или прощение русских. Он бы лучше уговаривал сначала Гельгута, а ежели бы этот не послушал его советов, то скорее

тогда его застрелить. Вот каковы герои эти польские.

Вейтбрехт пришел сказать, что встретил Догановского, который был у губернатора Небольсина, а этот ему сказал, что князь Николай Борисович Юсупов в ночь скончался и что он, губернатор, отправил сейчас нарочного в Архангельское, чтобы там все запечатать. Сколько раз был болен и выздоравливал, а теперь вдруг умер, видно, ударом. Кого-то на его место? А следовало бы доброму Урусову, он давно тут служит и славно бы дело повел; только ужасный этот штат можно бы уменьшить. Верно, Гедеонов будет добиваться, он же все считает себя каким-то московским обер-гофмаршалом, но вряд ли князь Петр Михайлович захочет его. Бориньке привалит большое наследство, а ум будет все тот же, но нет! Того и гляди, что богатство и ума ему прибавит: 23 тысячи душ, фабрики, дворцы, дома, Архангельское, вещи, картины, брильянты.

Александр. Москва, 16 июля 1831 года

Один теперь разговор в Москве – смерть Юсупова. Хотя старик и не пользовался тем уважением, которое бы подобало его летам, чину, знатности и богатству, но он оставил большую пустоту в городе нашем. Жизнь его, общество, привычки – все было странно. Кажется, что он предчувствовал свою кончину, недавно сказал Арсеньеву Александру Александровичу: «Ежели умру, скажи Бориньке, что воля моя (зачем не исполнить это тотчас?), чтобы дано было Себелеву (бедный дворянин, над коим князь всегда трунил) 5000 рублей и другим лицам разные награждения».

В марте, сказывал мне Львов Дмитрий Михайлович, сделал он завещание, которое подписано было им, Львовым и князем Александром Михайловичем Урусовым. По словам иных, он умер холерою, а другие говорят, что ударом. Он выезжал 14-го числа, приехал здоров домой, ужинал, ел персики, вишни, лег спать. В два часа ночи зазвонил, живот болит! Это повторялось раз семь. Люди испугались, послали за Рамихом. Он приехал скоро, нашел, что князь нехорош; покуда писал рецепт, люди послали за попом. Больного стало тошнить и вырвало. Люди предложили священника. «Пошлите за ним!» – «Он уже здесь». – «Велите ему войти». Исповедовался и причастился. Вскоре после того опять его рвало, но больной успокоился, велел посадить себя в кресла, посидел. Вдруг голова опустилась на грудь. Полагают, что это был первый удар; однако же он ее приподнял, но не говорил. Скоро после этого опять голова опустилась; подошли, – не стало уже старика. Люди в ужасном отчаянии: они у него блаженствовали, и для подчиненных это потеря большая. Он

давал множеству бедных чиновников квартиру, дрова. Они пойдут по миру, ибо, верно, будет это все отрезано князем Петром Михайловичем Волконским.

Вчера, 15-го, в шесть часов утра не стало князя Николая Борисовича. Вся болезнь его продолжалась только четыре часа, в 7 часов вся его команда была уже около тела усопшего, и много было слез. Послали эстафету к Бориньке.

Куда денется славное это Архангельское, оранжереи, померанцы удивительные, горенкинские растения, балет, его капелла и проч.? Девять одних подмосковных! Положат его в деревне по Троицкой дороге, где мать его лежит [княгиня Ирина Михайловна]. У старика два сына побочных; один уже большой, был в службе и негодяй, говорят, а другой маленький, от танцовщицы Колосовой, воспитывается в пансионе Кистера.

Вчера ездил я с Костею к Хрущовым в подмосковную, у них дочь Агафья была именинница. Вдруг скачет тележка парой, подъезжает к крыльцу. Кто же это? Алексей Петрович Ермолов, коего деревня за 10 верст от Хрущовых. Потолстел очень, весь седой, обедал, сидел до вечера и отправился обратно в тележке один-одинехонек; спрашивал про тебя и велел тебе кланяться. По-старому любезен. У Хрущовых перед домом Москва-река, а на том берегу Архангельское, на которое все смотрели с каким-то сожалением, как будто осиротело. Ну где Бориньке все это поддержать? Захочет завести что-нибудь своего сочинения на Каменном острове. Фавст очень любил Юсупова и, верно, будет горевать по старику. Пожил довольно и повеселился на своем веку. Он мне сказывал сам, что был офицером при Елизавете Петровне; положим, что и в год кончины государыни, – этому 71 год; ежели князю было тогда и 14 лет, то вот уже 85 лет! То-то, я чаю, передряга в Кремлевской экспедиции! А я все пою свою песню: желаю места этого для доброго Урусова. Никто не имеет более его прав на оное.

Александр. Москва, 21 июля 1831 года

Настасья Михайловна Щербинина умерла, оставив все свое имение Михаилу Семеновичу Воронцову, с тем чтобы он устроил участь Щербинина, при нем служащего, и сестер его, кои у нее жили. Ты знаешь, что они все – дети покойного брата ее, князя Павла Михайловича Дашкова. Сестры горюют, что нет с ними брата.

Александр. Москва, 24 июля 1831 года

Вчера был на похоронах Щербининой. Жалость смотреть на бедных истинно сирот. Мне сказывали родственники покойной

Настасьи Михайловны, что ее завещание – то же, что белая бумага; что отказывать, особенно родовое, нельзя, особенно двум девушкам, кои не имеют бытия политического, ибо незаконно рождены, а она чуть ли не племянницами их называет и в завещании своем. Ей бы лучше надавать векселей хоть на миллион Щербинину, брату их: он имеет уже чин личного дворянина. Но баба и умнейшая – все баба; по законам все пойдет к Воронцовым. Я знаю душу Михаила Семеновича; у него закон: честь, доброта и благотворительность[69], уж конечно, и Ваниша не обидит сих несчастных, когда ему объявят положение их. Я буду писать завтра Щербинину через тебя же, а ты напиши Воронцову, без обиняков. Он любит Михаила Павловича, верно, его и сестер сделается отцом и благодетелем. Я от сих несчастных двух сестер не отходил в похоронах, сердце раздирали; но уж идти с ними за гробом до Новоспасского монастыря я не смог.

Александр. Москва, 27 июля 1831 года

Моя жена перестала пить трехгорную воду и велела возить с Москвы-реки: так всех напугали слухами, что все колодези будто отравлены.

Мне сказывали, что по завещанию своему Юсупов отказал Архангельское наследнику престола, сказав, что сын его не мог бы поддержать такое заведение. Почему так? Ведь старик поддерживал же? А у Бориньки те же средства, или, что все равно, у княгини-матери, коей управление предоставлено по смерти. Это маленькое хвастовство, мне кажется. Боринька приехал и тотчас уехал в Спасское, где предаст отца земле. Сказывают, что и доктор Юсупова умер вчера: Рамих, наш бывший школьный товарищ, кажется, такой был здоровяк. А Мудров-то еще был здоровее.

Александр. Москва, 28 июля 1831 года

Я работаю над второй частью «Рославлева». Сделай одолжение, попроси Лаваля или кого напечатать в «Санкт-Петербургской газете» маленькую статью, при сем приложенную.

Парижские журналы, верно, это повторят, и родится там любопытство читать это, а потом и в России никто не станет приниматься за мою работу, на которую я посвящаю в иной день часов по шесть.

Александр. Москва, 29 июля 1831 года

Был у меня теперь Вяземский. Они все и Карамзины приехали в город; последние помышляют, кажется, уже об отъезде. Он сказывал, что все бывшие в комиссии выставки изделий

награждены; он сам пожалован в камергеры; это к нему идет более, нежели к Обрескову. Лазарев, сказывают, прискакал из подмосковной узнать, что вышло ему: он и тут себя так же прикомандировал, как и к холере. Ему кто-то отпустил: «Поздравляю вас, Иван Екимович, славное, небывалое награждение вам назначено!» – «Что такое? Скажите скорее!» – «Анна, украшенная *двумя* императорскими коронами (с одною-то у него есть)». Сперва подумал он, что подлинно это новое отличие, но после рассердился. Многим купцам – ордена и медали, другие – в коммерции советники, Полевому – 3-я Анна. Но ты все это, вероятно, уже знаешь.

Александр. Москва, 30 июля 1831 года

Москва становится пустее час от часу; скучно, да и время дурное. Холодно ужасно. Вчера в Петровском встретили мы тележки (теперь это модно тут); в одной сидела кучером молоденькая Солдан, а другая сестра сидела в телеге, а возле нее, развалясь, Тургенев; пола его фрака висела и терлась жестоко колесом. Мы ему закричали, но он в восторге ничего не чувствовал, и я уверен, что приехал домой с одной только фалдою. В другой телеге был Вяземский с двумя дамами. Теперь не видно иных катаний, как в тележках.

Александр. Москва, 31 июля 1831 года

Весь город наполнен радостной вестью о благополучном разрешении от бремени императрицы великим князем Николаем!

Сказывал мне Новосильцев, что в Завидове все усмирено. Князь Дмитрий Владимирович принялся за русский манер, был там сам и голову трепал за бороду, а другому дал собственноручный тумак. Было несчастное стечение обстоятельств, праздник, Иванов день, народ был пьян, потому легко было целовальнику возмутить легковерных дураков и уверить их, что фельдшеры, присланные князем для подаяния помощи от холеры, вместо того поляки, кои приехали отравлять колодези, особенно когда, разбив их шкатулку, нашли в ней разные травы. Все это доказывает, с какой осторожностью должно ныне поступать. В мокрое время искра – ничего; но теперь, как в засуху большую, куда искра ни падет, тотчас вспыхнет. Дай Бог, чтобы рассказываемое о происшествии в поселениях было преувеличено. При ненависти народной к полякам ну как оставить их на ногах?

Поздравляя Вяземского с ключом, все ему изъявляют сожаление, что получил он оный вместе с поляком Пельчинеким.

Александр. Москва, 1 августа 1831 года

Вчера был точно праздничный день для Москвы; молились в соборе, Филарет служил. Комендант славно прочитал нам рескрипт государя к князю Дмитрию Владимировичу о рождении великого князя. Палили из пушек, а вечером иллюминовали город. Люди пустые делают, что хотят, а Бог, видимо, благословляет царский дом наш и царя осыпает милостию своей. Смутные обстоятельства пройдут, и Николай I будет наслаждаться плодами твердости своей, терпения и добродетели. Видно, государь узнал о рождении Николая Николаевича в Новгороде и оттуда князю нашему написал, вспомнив древнюю свою верную столицу.

Вот и письмо твое от 28-го. Выходит, что ты узнал о разрешении императрицы после отправления почты, и что государь, по словам графа Нессельроде, поспеть изволил к радостной минуте. Теперь давай Бог хорошее известие из-под Варшавы.

Александр. Москва, 3 августа 1831 года

Все сожалеют только о Фильде, который целый век собирался ехать в Англию, наконец собрался, поехал, и едва был в Лондоне, как занемог и умер. Верно, спился.

Сопровождавший его туда ученик Шарпантье или пишет это, или сам сюда, кажется, возвратился. Жаль! Большой был талант, и еще не упадал ни в игре, ни в сочинениях своих, хотя и был очень ленив под конец.

Александр. Москва, 4 августа 1831 года

Т-в Сергей Павлович зело постарел, что, однако же, не помешало ему жениться на своей девке, от коей имеет малюток. Что бы ему лучше отдать имение которому-нибудь из Урусовых? Да мало ли что бы могло быть, да не так есть!

Что-то еще куролесят в Европе. Охота была этому Кобургскому ехать в Бельгию! Ныне и короли, коих предки несколько столетий на престолах, с оных слетают, а бельгийский импровизированный скипетр того и гляди, что из рук выпадет. Жаль мне очень, что это царство состоялось; как ни говори, а оно бунтовщичье.

Александр. Москва, 6 августа 1831 года

Полевой писал мне и просит разрешить маленькое обстоятельство, которое остановило напечатание биографии батюшкиной. Он сделал примечание, в коем говорит, что, сколько ему известно, биография составлена одним из сыновей Якова

Ивановича и что, верно, напечатание оной не будет ему неприятно, что подобные сведения о людях знаменитых возвышают чувства молодых людей, служат им примерами и проч. Цензор сказал, что статья хороша во всех отношениях, но что она может быть похищена у сочинителя, что нужно его согласие на напечатание оной. Я отвечал Полевому, что одобряю осмотрительность цензора, что статья точно моя, что я не противлюсь нимало ее напечатанию, но желаю, чтобы имя автора было знаемо одним г-ном цензором, но для публики осталось неизвестным. Полевой показал ему мое письмо, и таким образом все устроилось.

Я переменил в биографии, по замечаниям твоим; одно оставил только, что сказано об Альтести; во-первых, он не назван, сказано просто «один иностранец», да он и умер уже давно. Когда выйдет из печати, пришлю тебе; ибо Полевой обещал мне несколько экземпляров особняком напечатать, как сделал это тогда с моей статьею о первых русских журналах. Полевому пожалована Анна 3-й степени за выставку, он тоже тут участвовал. Удивляется Вяземский, что нет до сих пор указа о его камергерстве, а ему писал официально Бибиков [Дмитрий Гаврилович, позднее министр внутренних дел], поздравляя с ключом.

Александр. Москва, 7 августа 1831 года

Тургенев раза два говорил мне не о своих, но о братниных обстоятельствах, что положил женить его в Англии, что для этого нужно приданое будущей жене и капиталец, который надобно ей тотчас ассюрировать [обеспечить]; говорил, что не может продать деревню, которую назначил для этого. Просил ему в сем помочь и уплатить, по возможности, долг наш. Я говорил ему откровенно, как мы стеснены, чему он верить как будто не хотел, полагая, что ты, как Калинин и Рушковский, нажил себе состояние. Я сказал ему, что напрасно он не писал к тебе, прежде чем быть в Россию, и не говорил, приехав в Петербург, с тобою. «Я не хотел, – отвечал он, – беспокоить Константина: я и без того много им одолжен по аренде моей, да и впредь на него рассчитываю». – «Но теперь ты хуже делаешь для него, требуя вдруг денег». Я советовал Александру требовать деньги с тех, кои имеют, – например, князь Дмитрий Владимирович; но он говорит, что везде отказы только получает. Я ему дал резоном приданое, которым надобно было снабдить Ольгу, и что нас это очень расстроило и стеснило. «Очень понимаю это, – отвечал он, – но ведь и моему-то надобно приданое; я для этого только в Россию приехал».

Только не знаю, откуда он взял, что долг наш составляет 10 тысяч. Как Сергей Иванович покойный был здесь, то взял я у него

только 3300 рублей, на кои проценты с 1825 года тогда надобно было отдать Миллерше. Александр сам сознался, что имеет капиталы, но кои трогать не хочет; почему же не хочет нас причислить к этому разряду? Сим-то именно дружбу свою и докажет, а долги приведем в ясность и перепишем старое письмо на новое. Видно, есть еще другое заемное письмо на деньги, тебе особенно данное. Все это не худо знать тебе на всякий случай. Странный он человек: пеняет мне, что роскошничаю, имея, как уверяю, нужды. – «Да где же это роскошничество? Мы, кажется, старые приятели, а ты у меня даже и не обедал одного разу. Кто живет меня скромнее в Москве, пусть назовет». – «Да так, дочери прекрасные, только и молвы, что о Булгаковых». – «Да разве надобно деньги на это, чтобы говорили, что дочери мои хороши?» Скажет нелепицу, да сам смеется после. И предобрый, и преветреный; а жаль, – это между нами, – что он не всегда осторожен в разговорах своих, а на него и без того глядят глазами пристрастными. Здесь он все на пирах беспрестанных.

Что ты переменил объявление мое, беда невелика; напротив, хорошо ты сделал; но с чего взял ты, что «Рославлев» уже переведен? Может ли это быть? Разве переводили с манускрипта авторского? Ты смешал Милославского с «Рославлевым». Первый переведен какою-то мамзель Отт, а потому и прошу отдать напечатать объявление в «Санкт-Петербургскую газету».

Александр. Москва, 8 августа 1831 года

Ивана Васильевича Черткова напугали какими-то вздорными вестями о бунте в Финляндии. Я ему прочел, что пишешь во вчерашнем твоем письме о Закревских. Стал ли бы он жену выписывать в Гельсингфорс, ежели бы не было все тихо? А письмо его свежее. Добрый Чертков успокоился, а он так любит Арсения Андреевича; да и кто не любит его?

Все надобно выдумывать пустяки: перестали говорить об отравах колодезей и провизии, так Финляндию взбунтовали. Как бы хорошо добраться до этих выдумщиков!

Александр. Москва, 11 августа 1831 года

Вчера засиделся я на Трех Горах у Пашковой, – оставила нехотя ужинать, мой милый и любезный друг. У Кости составился очень приятный голос, и так как ухо у него необыкновенное, то он пел с Бартеневой, какие она хотела, дуэты, хотя их и вовсе не знал. Также был тут Самойлов, который тоже имеет прекрасный голос; молодежи было много: Литта, Репнин, Норов, Вяземский, Цицианов, Мещерский, Свистунов, Багговут – молодой прекрасный офицер, ужасно израненный в голову и носящий

серебряный череп. Играли в фанты, пели, танцевали. От дождей были на дороге лужи ужасные, но против домов Закревского насыпают высоко землю и делают уже шоссе. Багговут, о коем пишу тебе, сидел все нахмурившись, жаловался на боль зубную, которая, вероятно, имеет связь и с тремя его ранами в голову. Только вдруг он исчезает; видно, невмочь, поехал домой. Ничего не бывало: входит опять в залу. «Где вы были?» – «Ездил к Жоли, который вырвал мне зуб». И остался тут весь вечер, как ни в чем не бывало. У него очень интересное лицо, а к тому еще обрит и ходит в маленькой бухарской ермолке.

Алексей Бобринский сказывал, что у них холера около Тулы, что умер у него вдруг садовник; жена его, испугавшись, бежала оттуда, забрав всех детей, сперва в Богородск, а там едет сюда; а наш Василий Бобринский ни с места, и что всего страннее – оставляет свою брюхатую первым ребенком жену родить там. Можно ли так рисковать? Одну жену уже потерял почти так: больную, слабую возил по целой Европе, она и умерла где-то на большой дороге, кажется, в Швейцарии. Чудак! Пусть бы сам куролесил, но зачем жену подвергать двум серьезным опасностям?

Александр. Москва, 24 августа 1831 года

Вчера Дмитрий Васильевич Чертков (смертельный охотник до вестей) замычал мне навстречу: «Правда ли, что наши в Варшаве?» – «Не знаю ничего». – «От которого числа письмо ваше от братца?» – «От 19-го». – «Ну, стало быть, вздор; а сказали, что пишут о том Тучкову из Петербурга». Это старая молва, которая ходила по собору еще в субботу, как торжествовали коронацию. Иллюминация в саду кремлевском была очень хороша, погода прелестная, была бездна народу и множество экипажей, все обошлось прекрасно и в величайшем порядке, а доходили слухи неблагоприятные до полиции; между нами сказано, пушки, из коих палили поутру, оставлены были там до другого дня, и комендант был все время на лошади. Стало, есть мерзавцы, кои выпускают слухи гнусные, когда ни у кого и помышлений нет о беспорядках; а говорили, что хотят сделать ночной бунт. Накануне 22-го был дождь, на другой день погода также испортилась, и теперь ненастье. Всех это поразило, что было вёдро в день коронации, и народ радовался этому особенно. Это и без суеверия поразило всякого, и жаль бы было, ибо иллюминация стоила 10 тысяч рублей.

Цареградская иллюминация ужасна. Мне, право, жаль султана; нехорошо тамошней страховой конторе, ежели оная существует; а султан, верно, выстроит теперь по-европейски,

сделает прямые, широкие улицы, запретит деревянное строение богатым и проч., как то делалось в Москве после пожара 1812 года. Легко сказать, 20 тысяч домов!

Гельсингфорская холера очень меня сокрушает, а уехать оттуда графине с Лиденькою – какая польза? Разве спрячешься от холеры? У Закревского и так есть горе. Мне сказывали вчера, что брат его отдан под суд за то, что при появлении холеры в городе (кажется, Ржеве), где он городничим, он уехал оттуда, оставив оный на произвол судьбы. Желаю, чтобы это неправда была. Это непохоже на человека, бывшего военным.

На обед к князю Дмитрию Владимировичу ездили мы трое в Яковлева четырехместной карете: он, Николай Иванович Демидов и я. Я первый прыгнул в карету, чтобы, яко младший чином и летами, сесть напротив; но Яковлев сел также со мною, Демидов сел третьим между и объявил, что пойдет скорее пешком к князю обедать, а я – что пойду домой и велю запрячь себе карету. Поднялся преглупый и пресмешной спор, продолжавшийся, право, десять минут. Наконец Демидов сказал мне: «Мы с вами моложе оба Льва Алексеевича; докажем ему, что мы его рассудительнее, сядемте вместе, пусть его себе садится напротив». Дело было слажено, а все-таки еще толковали да спорили. Тут Лев Алексеевич рассказал нам довольно забавный анекдот, который рисует человека. Вместе с зовом князя Голицына получил он также приглашение от Бориньки Юсупова, который зовет его в село Спасское на обед и на шестинедельные поминки по отцу. Яковлев извиняется, что не может быть; а выходит, что Боринька в Петербурге, сюда не попал, а приглашения разослал по всем. Уж это не мистификация ли? Не подшутил ли кто-нибудь и над Боринькою, и над всеми приглашенными?

Александр. Москва, 4 сентября 1831 года

Вчера поехал я поутру к Тургеневу. Никого не было у него. Начали мы болтать; слово за словом, наконец, увлекшись описанием своего положения, он открыл мне великую тайну, требуя, чтобы это тайною и осталось между нами, но тебе сказать – то же, что не говорить никому. Я ужаснулся, как он рассказал мне, как слепая его доверенность была во зло употреблена, и что он одну минуту был в опасности вместо хорошего состояния не иметь ничего на свете. Ты знаешь, что всеми его делами заведовал Ж.; в отдаленности отсюда Тургенев ни во что не входил, и тот действовал самостоятельно. Долго это рассказывать, но довольно сказать, что посылались Тургеневу малые суммы на прожитье, а отзывы были те же, что

накапливаются капиталы в Воспитательном доме. Тургенев думал найти золотые горы; вместо того все его состояние заложено, из сей суммы и копившихся лет шесть доходов Ж. купил имение на имя жены своей. До самой последней минуты обманут был Тургенев самым наглым образом. Например, Ж. говорил, что есть претензия в 40 тысяч на князя Дмитрия Владимировича Голицына, а Тургенев от самого князя узнает, что сумма сия уже давно взыскана Ж. Чтобы выпутать свою собственность, Тургенев должен был угрожать полицией и прибежищем к престолу. Маска снята с черного человека, но Тургенев, по душе своей доброй, не хочет быть явным виновником несчастья Ж. и никому не говорит.

Мне было это вчера как снег на голову. Он копит теперь все, что может, чтобы высылать брату своему. Пушкина заплатила ему 5000 рублей по векселю, так он бог знает как этому радовался. Я говорил ему вчера: ежели бы ты знал всю эту историю черную, ты бы все средства употребил также по возможности что-нибудь да уплатить, но он не велел к тебе писать об этом, а прибавил: «Все это не может долго оставаться в тайне; брат твой узнает, но не через меня то, о чем толкуют уже здесь столько лиц: князь Дмитрий Владимирович, Иван Иванович Дмитриев, Вяземский, Карамзины, стряпчие мои; ибо я должен был взяться за все имение Ж., чтобы свое воротить. Дай Бог мне быть в ужасном убытке, но не все потерять». Ты знаешь мой тихий нрав, но я должен был его ругать при жене и всех его людях скверными словами. Меня ужасно поразила история эта, и я видел тут чрезмерную доброту и бескорыстие Тургенева. Он говорит, что прежний счет наш неверен; он другой послал к тебе, там было лишнее. Кто бы мог подумать, чтобы Ж. пустился на такую мерзость, да где же и ум его? Когда-нибудь да должны были открыться дела его. Погубить карьеру его и все семейство! Как еще выносит это Тургенев: так же ест, припевает и рыскает по вечеринкам. Теперь и не предвидит он, когда вырвется из Москвы.

Много делает здесь шуму смерть Яковлева. Богатый вдовец, который должен был жениться на Ушаковой; день свадьбы назначен, приданое принято, вдруг захотелось ему отменить обряд на два дня, чтобы обвенчаться 30 августа, в свои именины. В этот день встает здоров, оделся. Хотел прежде венца ехать отслушать обедню и вдруг падает мертв, успел только назвать по имени прежнюю свою жену. Что же вышло? Когда жена эта умирала, то говорила, что без горести оставляет свет, но боится только за детей своих. «Почему?» – спросил муж. «Ты женишься и дашь им мачеху». Он стал ее утешать обещаниями, но она возразила, что теперь это говорит, но после забудет обещания свои. Тогда муж, чтобы успокоить умирающую жену, сказал: «Не

тревожься, я даю тебе клятву, и дай Бог мне умереть в тот же день, что я подумал бы жениться опять». Таким образом, сбылось желание его именно в день, для его свадьбы назначенный.

Александр. Москва, 7 сентября 1831 года

Здесь Тургенев и многие хвалят Мордвинова, заступающего место покойного фон Фока; говорят, что он родня Сашке Волкову; тем лучше. Видно, Ванишка соблюдает хорошее согласие с Сардинией, что посланы туда знаки Андреевские; при сей оказии, верно, и ему пожалуется Анунсиада. Лудольфу жаль будет оставлять Питер. Я видел намедни Валуева, приехавшего из Неаполя, много с ним говорил о крае сем, столь мне всегда памятном и любезном. Он хвалит очень молодого князя; молодец во всех отношениях, только ужасно скуп. Похвально, что хочет привести финансы в цветущее состояние, только для этого достаточно и благоразумной экономии и порядка, а король вместо восковых свечей употребляет во дворце сальные. Не много накопит этим; вот настоящая грошовая экономия, как говорят французы. Не удивляюсь, что убавляет жалованье своих министров, а кажется, им-то большие оклады и нужны.

И здесь один только разговор: все ожидают покорения Варшавы, а с ним и конца бунта. В народе толкуют, что Паскевич оттого в Варшаву не вступает, что она вся начинена порохом. Французы их поудалее, да Кремля подорвать не умели. Такую операцию тайно сделать нельзя.

Наташа прибегает как сумасшедшая в кабинет: Варшава взята! Я верить не хотел; внизу нашел я Башилова, коему это сказывал сам князь Дмитрий Владимирович, получивший рескрипт от государя от 4-го числа. И когда взята? 26 августа! Батин, Бородино, Варшава! Ура! Ура! Я плачу как ребенок от радости и остаюсь завтра на молебен.

Александр. Москва, 8 сентября 1831 года

Я сейчас из собора, мой любезнейший друг. Была бездна народу на молебствии. Комендант, читая рескрипт государев, был тронут; когда дошел до слов «первопрестольная, *любезная* столица наша», то, остановись, два раза повторял *«любезная»,* что очень было всем приятно. Ай да князь Варшавский! Нельзя тебе описать восторги Москвы; только и видишь, что скачущих по улицам. Посылаю тебе копию с рескрипта к князю Дмитрию Владимировичу. Странно, что ты 4-го числа не знал о взятии Варшавы. Правда и то, что государь отправил сюда прямо из Царского Села фельдъегеря, который прискакал в 43 часа. Я успел намарать поздравление к великому князю Михаилу Павловичу;

доставь оное как-нибудь скорее его высочеству, прочитав и запечатав.

Александр. Село Горбово, 15 сентября 1831 года

Верю, что поступок Ж. тебя поразил; у кого и не твои благородные чувства, и тот с трудом поверит столь черному поступку против друга своего, вверившего дела свои, того, кого другом полагал своим. Не знаю, что было после моего отъезда; но кажется, что Тургенев имел надежду спасти свое достояние, а потерять только то, что забрано было во время управления из доходов. Тургенев все это перенес, прыгая на одной ноге, лакомясь каждый день и строя куры молодой Бухариной, обеим Солдан и проч., а между тем боится ужасно холеры.

Александр. Москва, 19 сентября 1831 года

Лестно для Пушкина заступить место Карамзина, ежели только правда это. Пусть употребит талант свой, ум и время на дело полезное, а не на вздорные стишки, как бы ни были они плавны и остры.

Читая газеты, вижу, сколько имеет забот и огорчений наш добрый Каподистрия. Некогда у Греции были мудрецы, а у Рима герои, но нет ничего этого ни в Морее, ни на Тибре: везде возмущения, неблагодарность и черные дела. Когда будешь писать к графу Каподистрии, от всех нас кланяйся. Я дал к нему письмо саксонцу одному, вояжеру Вагнеру.

Ай да Орлов! Пословица говорит: не купи село, а купи соседа. Какие щедрые награды! Но мне все хочется, чтобы имения Чарторыжского и собратий его пожалованы были нашим героям. Как глупо они начали, эти безмозглые, и как еще глупо и гнусно кончили: тягу дали – кто в Пруссию, кто в Австрию; а Варшава вместо Сарагосы – осталась-таки Варшавою. Друг на друга лгали, от слов своих запирались. Сейм ругал армию, а генералы тех называли сборищами сумасшедших. Хороши все! Гладкие ребята! Наш Раутенштраух, однако же, покорился из первых. Хочешь ли смеяться? Меня поздравлял сегодня один сенатский чиновник. – «С чем, батюшка?» – «Вам место прекрасное дают в Варшаве; вы знаете по-польски, ваш батюшка там все служил». Два прекрасные резона, но дело в том, что ничего нет похожего на это. Чего не выдумают!

Мне сказал Иван Васильевич Чертков под секретом, и я тебе так же сообщаю, что в Курске открыт заговор против нашего неоцененного царя, что трое или четверо губернаторов замешаны тут и открыта переписка с Варшавою сим разбойничьим гнездом. Говорят, что Демидов П.Н. открыл дело. Он и вице-губернатор

курский наряжены в комиссию следственную; туда по именному повелению отправился также граф Апраксин здешний. Не много жду от него, не по усердию его, а по башке. Жаль, что Волков болен и не здесь.

Александр. Москва, 21 сентября 1831 года

Тургенев просил везти его с нами к Пашковым; доктор позволил ему выехать, но только в карете, а у него коляска. Умора! Он вчера был все в восхищении от Катеньки, которая подлинно была очень авантажна.

Я читал приношение княгини Багратион в пользу холерных. Вот хорошее употребление богатства.

Здесь весьма нехорошие ходят слухи о Киселева жене, урожденной Потоцкой, будто она мужа, яко москаля, бросила, все свои брильянты и деньги отдала бунтующему отечеству. Я не верю этому уже потому, что она в Вене, а не в Париже. Я бы желал, чтобы ты подтвердил мое мнение. Киселевы меня спрашивают здесь; но я им отвечал, что ничего не знаю и что, верно, это вздор. Не сделав этого прежде, верно бы не стала отдавать что имеет, когда участь Польши на волоске.

Каковы стихи Пушкина «Клеветникам России»? Прекрасны, давно бы ему приняться за такие сюжеты. Я читал их с большим удовольствием.

Я слышал вчера, что взяты трое в деревнях их: Мельгунов, Левашов (брат Соймоновой) и Шалашников; они замешаны нашлись, но не знаю – в чем, старая ли это московская история Сунгурова или курская, о коей говорят. Когда угомонятся бездельники?

Александр. Москва, 22 сентября 1831 года

Шайка молодежи: Шалашников, Мельгунов, Козлов и Левашов, о коих я тебе писал, взяты, сказывают, по подозрению в делании фальшивых бумажек. Все они имеют состояние. Что же делать беднякам, ежели богатые занимаются столь гнусным, преступным промыслом?

На площади, где монумент Пожарского, есть караульня; выходит оттуда солдат, заряжает свое ружье, выстреливает по первому проходящему (какой-то продавец-мещанин) и убивает его наповал. Доктор Рейхенау, который его свидетельствовал, полагает, что это сумасшествие; но солдат очень спокойно отвечал: «Я дал себе обещание сегодня, проснувшись, убить кого-нибудь». – «Зачем?» – «Так!» – «Да ведь тебя накажут!» – «Я знаю и готов на это; будто служить лучше? Уж лучше один конец!» Не замечают никакого раскаяния в нем. Мой извозчик Яков случился

тут и слышал слова солдата после выстрела: «Как славно я в него попал!» Как ни говори, но это сумасшествие или белая горячка.

Александр. Москва, 23 сентября 1831 года

Нарышкина, урожденная Хрутцова, возвратившаяся на днях из чужих краев, обрадовалась любезному отечеству, кинулась на кислые щи и русское кушанье. Вдруг понесло ее с обоих концов: и рвать, и слабить; думали, что умрет, но вчера, слава Богу, было ей уже хорошо, и миновала опасность.

Вчера они меня атаковали о деле Ж. с Тургеневым, обвиняя последнего, что он такое дело не задушил. «Да он так-то задушил, что я не знаю, о чем вы говорите, и Тургенев, будучи мне 40 лет приятелем, ни слова мне не говорил ни о чем. Расскажите мне, пожалуйста, что такое?» Тогда Хрущовы, удивленные, что я ничего не знаю, стали мне рассказывать историю. Они дружны с Ж., но и тут не могли дать оборот хороший делу. Зачем вмешивал Тургенев князя Дмитрия Владимировича? Видно, они не знают о сорока тысячах, кои князь Дмитрий Владимирович был должен Тургеневу и давно заплатил, а Ж. показывал их незаплаченными; так как было тут не вмешивать князя Дмитрия Владимировича? Но я не сказал им ничего, а переменил только разговор. «Как вы знаетесь с бунтовщиком?» Во-первых, этот – не тот Тургенев, которого вы полагаете; а ежели это и так, то дело правительства, а не мое, его судить или наказывать, а мое дело – не разделять его образа мыслей и не нарушать старой дружбы. Теперь станут барабанить по городу, и я заранее вооружаюсь ужасным нейтралитетом.

Александр. Москва, 24 сентября 1831 года

Как я тебе благодарен, любезнейший брат, за сладкие минуты, которые ты мне доставил вчера! Я отправился в дальнее путешествие на Третью Мещанскую, где отыскал хижинку в три окна и в землю вросшую. Тут живет несчастный старик Нелыианинский. Жена встретила меня словами: «Муж мой в постели, болен». Но я все-таки хочу его видеть. Вдруг слабый голос сказал: «Пустите ко мне Александра Яковлевича». Я вошел в конурку, в коей едва помещалась постель, на коей лежал бедный больной; он насилу привстал, чтобы поклониться. Сперва дал я ему высказать горе свое; и подлинно, тяжело из грошей, кои едва достаточны на пищу, отделять еще копейки на лекарства. «Отчего вы больны, Андрей Петрович?» – «Да коли правду сказать, ваше превосходительство, – сказала жена, – то от нужды, которую терпим». – «Бог не оставляет нуждающихся». – «Мы не надеемся, чтобы состояние наше переменилось». – «Напрасно». – «Вот и

единственный покровитель наш, ваш братец, по милости своей хлопотать хотел о пенсии, но, видно, не было успеха: давно ничего не знаем». – «А я вместо того привез вам письмо, по коему увидите, что брат подает хорошие надежды». Они ну креститься! Я вынул письмо Тутолмина к тебе. «Прочтите сами, что пишет ему Иван Васильевич Тутолмин».

Больной, у коего один глаз совсем закрыт, сказал, что одним глазом вовсе не видит, а другим очень мало, и что слишком слаб, чтобы читать, а просил меня потрудиться. Он ожидал, видно, род учтивого отказа, но когда я прочел громко: «его императорское величество всемилостивейше жалует по докладу, утвержденному такого-то числа, такому-то, надворному советнику Нелыианинскому пенсию 600 с лишком рублей…» – то надобно было видеть, что тут произошло: долго муж и жена плакали, не в силах будучи говорить, и меня растрогали, так что я туда же. После начали благословлять государя и тебя. Попросили еще раз прочесть письмо Тутолмина, которое я им и оставил. Я более часу еще посидел, сердце радовалось. Я видел тут, как жребий человека, чувства его, разговоры и самое здоровье могут в одну минуту перемениться, когда радость заступает место отчаяния. Вот таких-то бы бедных отыскивать всем этим бесчисленным комитетам и обществам призрения, кои награждают токмо по протекциям людей, не имеющих часто нужды в пособиях! Как бы сладко было государю, ежели бы отыскивали поболее надворных советников, служивших ежели и не отлично, то честно и бескорыстно 40 лет! Как бы молитвы их доходили до Неба! Благодарю тебя еще раз, любезнейший друг, за душевное удовольствие, которое ты мне доставил. Они ныне редко бывают. «Вы узнали какую-нибудь хорошую новость, папа?» – сказала мне Катенька, когда я возвратился домой.

«Нет, моя милая, но я провел целый час, который не может купиться никаким удовольствием»; а когда я ей рассказал, что было, то можешь понять, зная ее добрую душу, была ли она тронута. «Ах! Дяденька! Дяденька всюду, где можно сделать добро…» Да и не договорила, ушла, стыдясь слез своих.

Ты, мой милый, забыл, видно; но я просил у тебя «Лексикон русско-французский», когда еще начал перевод «Рославлева», а я уже начинаю третью часть, в Горбове перевел четыре главы. Так скоро у меня идет, что когда случится не знать слова, то прыгаю и оставляю белое место, коих накопилось довольно; а Бальмен, бывший здесь, дал мне все французские термины войны. Не скоро бы я дознался их.

Александр. Москва, 28 сентября 1831 года

Каков же Красовский? Вот второе славное действие, коего он был душою, вот еще партия сволочи австрийцам. Куда все это денут? Пусть бы остались служить у них и у пруссаков. Меня все мучает эта армия польская; неужели будет она существовать? Неужели и конституцию им оставят? Мне все толкуют о Венском конгрессе. Да разве государь тогда обещался дать им конституцию? Это была одна его воля и великодушие. Николай I мог бы и переменить, ежели бы хотел; а теперь они дали прекрасный к тому повод сами своим коварством, изменою. Услыши Бог молитвы всех добрых россиян! Ежели все будет по-прежнему, должно ждать новых бед; но изверги поступят умнее, воспользуются прежними своими ошибками, изберут время лучше. Меня завело это невольно; а лучше бы молчать, да положиться на премудрость и прозорливость нашего государя.

Дама одна сказала о княгине Лович, которая очень больна: «Это образ умирающей Польши!» Хороши парижане со своими «Долой русских и да здравствует Польша!» – Не удивляюсь. Иной горе мыкает, а другой избалован; так мудрено ли, что Рибопьер насилу принял место берлинское. Ты помнишь Вену. Я забуду, что брат тебе, и сошлюсь на суд всякого: пусть сравнит его службу и труды с 1801 года твои! Отчего он в Александровской [ленте] и действительный тайный советник? Оттого, что бабушка ворожит. Но ты стал бы бабушку сам унимать, чтобы не дать повода к ропотам.

Алексей Петрович Ермолов приехал. Вчера должен я был обедать с ним у Хрутцовых, но крестины дочери Пашкиной няни мне помешали: надобно было ехать к Калужским воротам, – ближнее место! Я и без того не люблю крестить, да средства не было отказаться.

Молодой граф Ростопчин чуть было не был убит солдатом, коего проказу я тебе намедни рассказывал. Он тоже шел тогда мимо караульной, видел, как солдат по нему прицеливался, и, думая, что это так, жест простой, коим пробуют ловкость ружья, продолжал свой путь, вдруг слышит: бац! И человек возле него падает мертв. Говорят теперь, что солдат этот какой-то раскольничьей секты.

Александр. Москва, 29 сентября 1831 года

Вчера был я на весьма приятном обеде у Новосильцева. Были тут комендант, Вяземский, Тургенев, князь Владимир Сергеевич Голицын, двое Уваровых. Я очень обрадовался Феденьке[70], который стал претолстый и тот же добрый малый. Вспоминали мы старину. После обеда стали политикировать, читали вслух речь Себастьяни в камере касательно Польши, курили; князь Владимир Голицын пел разные вздоры, а Тургенев фальшиво подтягивал, Сергей Уваров читал прекрасно им сделанный на французский язык перевод Пушкина стихов «Клеветникам России». Я не могу насытиться чтением прекрасного этого произведения: и стихи, и чувства прекрасные. Пушкин никогда не любил ляхов. Чего не печатают эти мятежники! И как они бесстыдно лгут! Бонапартовы бюллетени ничто в сравнении с их.

Все здесь утверждают, что княгиня Лович скончалась 22-го. Я же говорю, что неправда: как бы ты 24-го этого не знал! Это, видно, старые слухи, и ты мне писал, что это говорили даже в Петербурге. Княгиня Вяземская получила от нее письмо на днях, в коем она очень жалуется на свое здоровье, давая чувствовать, что недолго будет бороться с оным.

Александр. Москва, 1 октября 1831 года

Теперь что уже разбирать, от чего умер Реман? Дело в том, что не стало нашего приятеля! Он не воскреснет так, как Фильд, коего здесь уморили, а Щербинин мне сказывал, что он дает благополучно уроки графине Воронцовой в Лондоне.

Благодарю за стихи Жуковского, только желал бы я иметь мой экземпляр с его подписью, а на присланном тобою надписано: «Петру Ивановичу Полетике». Прошу мое добро мне возвратить, этот же удержу у себя также: у Жуковского, я чаю, их не один экземпляр. Читал мне Тургенев письмо к нему Жуковского, где весьма любопытно и трогательно он описывает, что дало повод стихам его, и как государь вынес на руках своих новорожденного великого князя Николая и целовал его со слезами на глазах.

В городе утверждают генерально, что государь, то есть и двор, будут сюда на житье. Невероятно, а то брались бы какие-нибудь меры.

Александр. Москва, 5 октября 1831 года

Вчера приехал сюда флигель-адъютант граф Протасов, зять князя Дмитрия Владимировича Голицына. Государь, отпуская его в Москву, изволил ему сказать о вестях, из Берлина полученных, и удивлялся, что нет ничего от фельдмаршала. Так вот какова почта! Но Протасов прибавил, что в минуту своего отъезда

слышал, что в ту же минуту прибыл из армии Илья Бибиков. О том же пишут и графу Петру Александровичу Толстому, и что будет молебствие в Петербурге об окончании войны. Стало быть, все это справедливо. Я любопытен знать, как Люблин был занят, ибо комендант Лядуховский очень упорствовал. Я помню, видал его в Варшаве у Вяземского; он тогда был уже без ноги и начальником Варшавского арсенала.

Александр. Москва, 12 октября 1831 года

Государь в Москве! Ты 8-го числа не знал, что его величество выехал, а 11-го числа вечером в 11 часов мы осчастливлены его присутствием. Я в восхищении. Видел русского ангела, кланялся ему, а он мне. Что за день, брат! Солнце яркое, сухая погода, четыре градуса холода; сколько народу! Видимо-невидимо. Ну уж удивлены мы! Фавст открывает поутру шторы, видит кайзерштандарт на дворцовой крыше, ему показалось это сновидением. Я не утерпел, бросил работу серьезную, поскакал в Кремль, засеянный народом. Государь вышел с князем Дмитрием Владимировичем, хотел идти в собор вправо от Ивана Великого; но народ так прижал их обоих, что понесли их почти на руках влево; князь грозил, сердился, но государь смотрел, тронутый, и улыбался на эту толпу. «Не трогайте!» – изволил он сказать подъехавшим жандармам. Несколько голосов твердили: «Мы тебе рады!» – все то же повторяли, а там хором: «Ура!» – так, что волновался, право, воздух.

Государь сказал: «И я вам рад! Да дайте пройти»; но где урезонить толпу эту. Государь прикладывался во всех соборах к мощам, тут трудно было его видеть хорошо; частный пристав сказал мне, что государь из соборов пойти изволит в экзерциргауз большой к разводу, поэтому я заранее и расположился на этом мосту, что идет под гору к экзер-циргаузу, начал болтать с купцами и народом. Ну где передать тебе все их речи! Все вне себя от радости. Начали проезжать плац-адъютанты, жандармы, полиция, генерал-адъютант Демидов, флигель-адъютант Крузенштерн. Вдруг появилась толпа, бегущая с криками «ура!». Купец, возле меня стоявший, сказал: «Вот государь!» – «Как же сказали, что государь пойдет пешком?» – «Нельзя никак, – отвечал он, – и до собора насилу дошел, народ не пускает». И подлинно, в маленькой голубенькой коляске сидел наш бог земной с князем Дмитрием Владимировичем. На лице его изображалась радость, спокойствие; он кланялся на обе стороны, и видно было, что говорил князю о прекрасном зрелище, которое ему представлялось. Вся эта часть города усеяна была народом; спускаясь к круглой башне или воротам, где я стоял, государь

меня видел и, кажется, узнал, ибо сделал особый поклон.

Александр. Москва, 13 октября 1831 года

Ничего в голову не идет, одно только в уме: приезд государя в Москву. У всех один разговор, одни вопросы. Тургенев всякое утро рыскает к князю Дмитрию Владимировичу

Голицыну, так буду знать от него, что происходит во дворце. Знаю только, что вчера государь изволил кушать у князя Дмитрия Владимировича, ибо кухня придворная еще не бывала. Нет уже сомнения, что в январе прибудут в Москву государыня императрица и цесаревич. В шесть часов вечера в воскресенье было известно, что государь едет, то есть за шесть часов до прибытия его величества, – успели засветить и, как могли, приготовить дворец для принятия гостя дорогого. Государь спросил, для кого приготовлен дворец, и, узнав, что для него, прогневался, спрашивая: кто велел? Стали доискиваться; наконец вышло, что Маслов, зять Варвары Марковны Мертваго, поскакал из Клина в Москву и это рассказал, а сам слышал весть в Клину от фельдъегеря; вот его, раба Божия Маслова, посадили на гауптвахту, чтобы он впредь не мешался не в свои дела и не барабанил все, что знает. Здесь уже слух, что в Москву едет великий князь Михаил Павлович, а также депутация из Варшавы с повинной головою.

Очень, очень это странно! Ты 9-го октября вечером много видел гостей, ты 9-го был с министром Закревским, вы оба (разве ты секретничал, – дело сбыточное, но явление царя преждевременно разрушило бы секрет), оба не знали 9-го, что государь выехал, а 11-го государь был уже в Москве. Чудеса, да и только! Я это буду рассказывать как небылицу или странность необыкновенную. Ты видел, что я получил письмо твое от 9-го. Так странно мне читать в твоем письме: «нового ничего нет», тогда как было у вас нового, что государь накануне отправился в Москву.

Алексей Петрович Ермолов проехал сейчас в карете, это не его экипаж. Уж не во дворец ли поехал?

Александр. Москва, 14 октября 1831 года

Не ошибся я насчет Ермолова. Он точно был давеча у государя в кабинете довольно долго и оставлен был обедать. Это дало уже тотчас повод к разным догадкам, а желательно, чтобы такой человек был употреблен. Вчера вечером государь изволил быть у княгини Екатерины Павловны Урусовой и просидел у нее часа полтора. К завтрему, то есть в среду, ожидают государыню императрицу, а тогда только начнутся представления их

величествам. Очень выхваляю твое молчание насчет выезда государя, хотя никакая почта не могла бы предупредить Москву о радости, которая для нее готовилась. Маслов не так думал, за то и был наказан; однако же государь, по благости своей, тотчас отменил данное им приказание. Государь прямо приехал к князю Дмитрию Владимировичу, а Бенкендорфа послал во дворец; тот велел скорее все гасить и оставить все приуготовления, но государь прибыл скоро после и знал это. Его ожидали, и досталось Маслову; да и дельно: как будто у царя стало бы за средствами предварить начальство о прибытии его, ежели бы такова была воля его величества!

Александр. Москва, 15 октября 1831 года

Императрица изволила прибыть в восемь часов вечера, а не поутру, как было сказали давеча Наташе. Государь ездил к ней навстречу. Более не знаю ничего и даже не слыхал, прибыл ли с ее величеством цесаревич. Я давеча долго сидел у княгини Екатерины Павловны Урусовой, которая рассказывала мне о посещении, коим осчастливил ее государь. Он между прочим спрашивать у нее изволил об Ольге: здорова ли она и счастлива ли? Я тотчас поехал обрадовать сим курноску. Государь очень тронут приемом здешних жителей, изъявлял сожаление, что нет здесь чужестранных министров, что они видели бы, сколько велика преданность русского народа к царям его; «Но, – прибавил император, – я выпишу сюда хоть одного, американского: он был очень знаком с покойным государем Александром Павловичем, народ этот не любит принуждения, хвастает вольностью; пусть он посмотрит на любовь ко мне москвичей».

На вопрос княгини, долго ли здесь пробыть изволит, государь отвечал: недель шесть. «Отчего же не всю зиму?» – «Ни я, ни императрица не захотим так долго быть в разлуке с нашими детьми. Надеюсь, что императрице устроят тот же прием, что и мне». – «Как вы можете сомневаться в этом, государь?» – «Никогда еще моя жена не чувствовала себя так хорошо, как теперь; надобно будет ее развлекать. У вас здесь мало кавалеров, так что я позову моих адъютантов, чтобы было довольно танцоров». Государь минут с сорок просидел у княгини.

Вчера обедали у его величества все особы 2-го класса, члены Опекунского совета и князь Урусов, всего 24 персоны. Приглашение князю Сергею Михайловичу Голицыну было принесено в пять часов: хороша полиция! Зато обедал он сегодня у государя втроем с Бенкендорфом. Сегодня рождение покойной императрицы Марии Федоровны, государь слушал заутреню в Архангельском соборе и пел там панихиду один-одинехонек.

Государь сказывал княгине, что взят пироскаф для великой княгини Е.П., что Михаил Павлович хотел было за нею ехать, но что теперь переменил свои планы и, вероятно, будет в Москву. Я удивляюсь, как ее высочество решается в столь позднее время пускаться в море.

Александр. Москва, 16 октября 1831 года

Я был давеча у князя Петра Михайловича, который меня обласкал; сказал, что вас всех оставил здоровых, но зато, по его словам, плоха княгиня Александра Николаевна [теща князя Петра Михайловича Волконского, дочь фельдмаршала князя Репнина], больна холерою (а я думал, что болезнь у вас уже вовсе миновала); спрашивал об Ольге. «Ну, прощай, – сказал он, – стану подписывать кое-что, да и тебе пора одеваться». – «Куда?» – «Разве не дали тебе знать? Надобно через полчаса быть в соборе: императрица пойдет туда к молебну и прикладываться к образам; поезжай скорее».

Я только что впору приехал, при мне только пришла повестка от полиции; хорошо, что живу близко от Кремля. Четверть часа спустя прибыли государь и императрица. Я нахожу, что никогда лицо ее величества не показывало такого здоровья, как теперь. В собор никого не пустили, кроме свиты государевой и придворных чинов. Императрица клала везде земные поклоны, и всякий раз государь ее поднимал. Бывши в соборе в ожидании, мы по ужаснейшим крикам «ура!» узнали, что их величества отправились от дворца к собору. Стечение народа было чрезвычайное, хотя погода и не так-то была хороша. Я видел тут всех старых знакомых: княжну Урусову, Бенкендорфа, Протасова, Лобанова. После собора государь был на вахтпараде, а после с императрицею изволил прогуливаться по городу; проехали мимо нас и кланялись милостиво Катеньке, которая случилась у окна с Пашкою. Этот только что не плачет, что не был в твоем гусарском мундире; говорит, что по утрам не станет уже его снимать с себя.

Камер-лакей приходил сказать, что Катеньке велено завтра в час явиться на половину императрицы. Странно это, ибо другие фрейлины не имели сего приказания, куда я ни посылал спрашивать; а княгиня Екатерина Алексеевна слышала, что только и будут две: Катя и Наташа Урусова. Иные думают, что это особенное представление для них двух, а другие – что императрица возьмет их с собою в институты. Увидим! Мне надобно будет отвезти ее во дворец. Надобно быть в простых круглых платьях. Князь Петр Михайлович сказывал мне, что неизвестно, когда представление всем, но что в субботу будет молебствие за окончание войны с мятежниками.

Принесли письмо твое от 12 октября. Я не вижу нужды тебе оправдываться в молчании: ты исполнил долг свой. Урусова и не ты, но умела же молчать. Когда я спросил у княгини Елены Павловны, правда ли, что будет императрица сюда, то она отвечала: «Не думаю. Как же бы дочь не знала, а я теперь получила от нее письмо от 9-го, и она ни слова не говорит об отъезде». Скоро после узнала она от самого государя, что императрица будет сюда, и государь прибавил: «Ваша дочь была посвящена в тайну; я сказал это только накануне отъезда Бенкендорфу, который уверил меня, к моему великому удивлению, что меня в Москве ждут» (об этом подлинно говорили уже месяца два, но так, наобум). Катенька очень рада: будут оказии поплясать, а она большая охотница до того. Сегодня встала уже очень рано (а любит поспать), чтобы заняться своим туалетом. К счастью, имеет она особенный, отличный дар сама убирать голову, без парикмахера. Сделала теперь проект прически, и прекрасно; платье взяла у Ольги, почти не надеванное. Ольга и княгиня отдали ей все свои драгоценные вещи. По милости твоей и Марицы [жены Константина Яковлевича Булгакова] у нее есть три платья русских, будет их надевать попеременно; какая нужда, что все одни! А для бальных платьев придется умудряться как-нибудь. Уж это пусть себе делает Наташа, как хочет. Я тут, к сожалению, не могу быть помощником.

Ермолов рассказывал, что намедни государь за столом вдруг спросил его, знает ли он Хлопицкого. – «Знаю, ваше величество». – «Как ты разумеешь о нем?» – «Он человек с большими способностями; жаль, что несчастный этот бунт доставил ему случай употребить их во вред себе, отечеству и России». – «Кажется, нечего будет его опасаться более?» – «Должно так полагать, государь; он же стар и изнурен ранами; раскаяние и размышление научат его уму». Государь казался очень доволен словами сими. Заключения делают, что Ермолов управлять будет царством мятежным.

Катенька пришла показаться; голова прекрасно убрана, а платье еще переделывают. Я желал бы уже возвращаться из дворца, надобно взять терпение. Я хлопочу все о ботфортах к завтрему; своих еще не имею, послал просить у Сталя его, или чтобы достал у кого-нибудь.

Александр. Москва, 17 октября 1831 года

Давеча повез я Катю во дворец. Вышло, что это было представление всех фрейлин; но тем дали, не знаю почему, очень поздно знать. Их было всех, с двумя петербургскими,

восемнадцать. Катенька сама хотела тебе описать представление, но я скажу тоже, как упомню. «Ах, вот, – сказала императрица, прежде нежели княгиня Татьяна Васильевна успела назвать Катю, – вот одна из наших Дев Солнца. Поцелуйте меня, я в восхищении видеть вас, и особливо в Москве. Как поживает сестричка?» – «Она уже мало выезжает, ваше величество». – «Я знаю, что она брюхата, бедная деточка. Она все так же красива?» – «Немного похудела, ваше величество». – «Бедняжка, – повторила императрица, – такая молодая и уже брюхата. Как поживает ваша матушка?» – «Не очень хорошо, ваше величество: она простыла (это велено было Катеньке сказать: Наташа хочет избежать туалетных издержек)». – «Надеюсь, мы будем видеться, – изволила сказать государыня, оборотясь к следующему лицу, – гораздо чаще, чем в Петербурге».

Государь был в другой комнате и, раскрыв несколько дверь, смотрел на это представление. Я покуда ждал Катю в зале, где собрались уже приглашенные к обеду. Я говорил с Ермоловым о тебе; он спрашивал, здоров ли ты. В ту минуту подошел к нам Лобанов, князь Александр Яковлевич.

«Да вот он может вам это сказать», – отвечал я Ермолову, указывая на князя; а тот объявил, что никогда не был ты так свеж и таким молодцом, как теперь. «Глаза болят, завален работою». «Глаза прежние, прекрасные», – сказал Лобанов, а Ермолов прибавил: «Наш Константин Яковлевич сладил бы с почтами целой Европы, не только с нашими»; и потом оба начали расхваливать улучшения, кои введены, чтобы письма из внутренних губерний так же скоро приходили, как из чужих краев. Я сказал Ермолову, что ему множество назначают мест; он, смеясь, отвечал: «Да и мне достается слушать много пустяков; я говорю, что всего бы лучше назначить меня на место Филарета, который куда-то уехал».

Тут были между прочими Иван Иванович Дмитриев, слепой Гагарин, Масальский, сенаторы Яковлев, Салтыков, князь П.Гагарин, Тучков, Озеров, Четвертинский и прибывшие с государем. Николай Иванович Демидов очень серьезно мне сказал: «У меня до вас просьба». – «Что такое? Приказывайте». – «Сделайте одолжение, познакомьте меня с петербургскою и московскою красавицей Екатериной Александровной Булгаковой», – что я и сделал. Князь Петр Михайлович очень обласкал Катю, тотчас спросил про Ольгу и сказал, что к ней поедет. Мы возвратились домой почти в четыре часа.

Я узнал во дворце, что государь и императрица будут вечером в Большом театре, заехал по просьбе Тургенева взять для него ложу, но уже не было во всех пяти ярусах. Как так скоро узнали –

не понимаю; я насилу двое кресел достал по большой протекции Загоскина. Недаром же я заплатил 5 рублей. Пьеска и балет были незавидные. Звал я Тургенева уехать до толпы, но он остался ждать конца. Пошел я на маленький подъезд левый – ждать дрожки свои, кои за гривенку поставил жандарм поближе; вдруг вижу движение в сенях, оборачиваюсь: государь изволит идти с императрицею. Я поклонился, а он сказал очень ласково: «Ба, это ты, Булгаков, здорово! Я видел давеча дочь твою, она…» – да и не успел досказать, пошел садиться в карету.

В воскресенье молебствие торжественное в Чудове с выходом, потом представление для мужчин первых четырех классов и для дам всех классов без изъятия. Во вторник царь и царица удостоят своим посещением Собрание, а там всякое воскресенье бал у князя Дмитрия Владимировича. Готовят выставку изделий, как была; но такую полную не набрать, да и такого помещения, как наше Собрание, не найти в Москве.

Все заметили, что императрица одну Катю поцеловала, обыкновенно делается только движение. Пошли уже глупые толки, что Урусова идет замуж, и Катя заступит ее место. Она была прелестна сегодня и еще более казалась красивою возле прочих фрейлин, кои большей частью дурны.

Мне Чертков сказал под секретом, что намерение Закревского было оставить место свое; а поскольку он тверд в намерениях своих, то и не удивляюсь, а соболезную, что государь, хотя на время, лишается столь отличного, благородного, верного слуги. Поеду теперь к Ивану Васильевичу, сообщу ему эту неприятную весть. Мало у государя людей, кои смели бы ему говорить правду наотрез; нет другого Закревского в этом отношении; может быть, за это многие тузы его не любили. Верно, скоро весть эта разнесется по городу. Я уже слышал молву с неделю, что Дашков на его место, а Блудов – на место Дашкова. Мне жаль, что Арсений Андреевич не остался в Финляндии: там бы себе покойно отдыхал.

Итак, граф Карл Васильевич [Нессельроде, начальник Булгакова по Архиву Министерства иностранных дел] будет сюда. Очень рады, а что касается до Малиновского, то этот не имеет помышления оставлять Архив и Сенат, как ни хил.

Александр. Москва, 19 октября 1831 года

День был прекраснейший, приехали мы во дворец, скоро был и выход, пошли коридором в Чудов, где было молебствие с коленопреклонением, потом при пушечной пальбе – многолетие царскому дому, победоносному воинству и вечная память покойному цесаревичу и на войне убиенным. Возвратились в

залу, где съехались дамы для представления ее величеству. Их было не так много, ибо не успели все нашить русские платья, но сотня была. После позвали Сенат, представлял слепой Гагарин, и государь изволил явиться и тут быть; после мы, придворные, пошли, я ждал свою очередь. Государь, увидев меня, подозвал к себе: «Здоров ли ты?» – «У вас, государь, нет больных с приезда вашего величества». Изволил улыбнуться и кивнуть головою. «Что делает милая Ольга?» – «Здорова, ваше величество, возится с брюшком своим». – «Не могу себе представить, это должно быть смешно – видеть ее в этом положении; ей есть уже 16 лет?» – «17 минуло, ваше величество». – «Когда ты ее увидишь?» – «Отсюда поедем к ней, я и дочь, чтобы ей рассказать, что здесь происходило». – «Так прошу же, – прибавил государь, – начать рассказ тем, что я велел ей кланяться». – «Слушаю, ваше величество!» – «Помнит она маскарад князя Волконского?» – «Очень часто говорит о нем». Между тем товарищи мои все подвигались к ручке; сделался большой промежуток, и я, поклонясь государю, который начал говорить с князем Андреем Ивановичем Горчаковым, кинулся скорее догонять нить придворную. Императрица изволила спросить обо мне и о жене, потом сказала: «Ваша дочь сделалась еще красивее с тех пор, как я ее видела, она подлинно прелестна, а что поделывает сестричка? Я знаю, что она брюхата, это должно быть забавно». – «Мы не можем к этому привыкнуть, ваше величество». – «Когда она рожает?» – «Примерно через месяц».

Государыня, казалось, устала от всех этих церемоний, а потому я сам осмелился поклониться и уступить место следовавшему за мною камергеру Ржевскому. Всех гнали вон, другие входили по мере для представления; но в эту минуту, что я шел тоже вон, государь изволил мне сказать: «Ты здешних всех должен знать; кто этот генерал?» – «Это генерал-лейтенант Гвоздев». Так сделалось, что я уже и не вышел из комнаты, встал возле князя Урусова и видел весь полный сеанс представления. Как кончилось все, императрица, несмотря на усталость свою, обошла опять всех фрейлин, кои стояли в шеренгу вдоль окон, и со всеми почти разговаривала. Когда подошла она к Соловой, стоявшей возле Катеньки, то народ (коим площадь была точно как вымощена, только и видно было, что бесчисленное множество голов, одна подле другой), увидев государыню, закричал «ура!» Катенька обернулась смотреть на эту единственную, прекрасную картину, да и загляделась, не видала, что императрица с нею поравнялась. Соловая ее толкнула, а императрица, увидев ее замешательство, сказала милостиво: «Я очень хорошо понимаю ваше любопытство: это зрелище и подлинно восхитительно, и я

частенько подхожу к окну, чтобы им насладиться; у нас такого нет в Петербурге». – «Но я думаю, ваше величество, что нигде нельзя увидеть такой картины». – «Подлинно так, и сии купола, позолоченные прекрасным солнцем, – это так внушительно». – «Ваше величество сильно устали?» – «Признаюсь, да, я просила Глебову сесть, и потом это платье… – указывая на длинный бархатный хвост; потом по-русски прибавила: – Мочи моей нет, я как водовозная лошадь». Дойдя до княгини Татьяны Васильевны, изволила государыня откланяться и отретироваться.

Я стал надевать шаль на Катеньку, чтобы ехать. Вдруг выходит княгиня Волконская и зовет к императрице в кабинет Катю, Озерову и Щербатову. Государыня им сказала: «Вы удивлены, что я вас прошу; император сего пожелал»; а государь сказал, взяв руку Катеньки в свою: «Теперь вы у меня в гостях, жена у меня не ревнива и позволила мне вас принять у нее». Тут опять был разговор об Ольге: выше ли она или ниже Кати? «Скажи мне, любезная, – спросила императрица, – вы только две сестры?» – «Две, ваше величество». – «Как жаль! *Такой красивой породы* надобно, чтобы было поболее! Сколько у вас братьев?» – И много расспрашивала о Пашке. «Передайте Ольге мои комплименты, – сказал государь, – и скажите ей, чтобы не теряла времени». Императрица покачала головою государю и засмеялась.

«Приедете ли вы зимою в Петербург?» – спросила императрица. «Я не знаю, государыня, сие не от меня зависит». – «Впрочем, – сказала императрица, – до зимы еще есть время»; «Теперь, – прибавил государь, – надобно здесь веселиться; вот приедет Михаил Павлович, это будет *лафа* для вас». Прощаясь, государыня сказала Катеньке: «Я вас увижу, не правда ли, во вторник в Собрании? До свидания, любезнейшая!» Не поверишь, какой шум наделал в залах этот особенный прием, и все кинулись спрашивать: зачем? зачем? Кажется, я тебе все главное рассказал; дело в том, что невозможно более засыпать милостями; мы сильно это чувствуем.

Да! Забыл я еще сказать, что после представлений ввели нас восьмерых старшин к их величествам звать их на вторник.

Сенатор Салтыков произнес речь от имени всего дворянства. Государь отвечал: «Будем, будем непременно и я, и жена, разве занемогу». Тогда мы вдруг все, как будто сговорились, сказали громко: «Боже сохрани!» После поехали мы к Ольге, ей все пересказать и исполнить все приказания государя.

Кроме прекрасного дня, получено было и радостное известие очень кстати. Я слышал, как государь говорил, что в Петербурге перед молебствием получено было известие о взятии Люблина, а здесь, в Москве, – о взятии Замостья.

Уже весь город наполнен известием об увольнении Закревского; приехавшие с государем это рассказали, и именно Адлерберг. Все генерально жалеют, что государь лишается столь верного слуги, а некоторые недоброжелатели говорят, что при отличных своих качествах Закревский был не на своем месте, что ему бы занимать место Чернышева. Теперь это новость дня. Я был у доброго Черткова; он получил письмо от Закревского, которое мне показывал. Он уведомляет его, что вовсе оставляет службу. У Фавста видел я указ, который не может быть приятен другу Арсению. Надобно думать, что Комитет министров к нему не благоволит. Отказ девяноста двух награждений, испрашиваемых Арсением Андреевичем для чиновников кавказских за холеру, не может ему не быть неприятным. Можно было не делать огласки. Другому бы это ничего, но я знаю щекотливость Закревского. Всякий добрый русский пожалеет, что человек, как он, жить будет в бездействии. Здесь же говорят, что Дашкова на место Закревского по министерству, что в Финляндию – Меншикова, а на место Дашкова – Блудова.

Александр. Москва, 20 октября 1831 года

Вчера обедал я с Ермоловым у Хрущовых. Он меня отвел к сторонке и стал говорить о Закревском; желал знать, как все это случилось. Я сказал то, что знал от тебя. Ал. Петрович любит душевно Арсения Андреевича и прибавил, что сначала сожалел, что он взял на себя место, которое не по нем, и что, впрочем, человек, как Закревский, не может оставаться долго праздным; просил через тебя много ему кланяться, и что надеется обнять его в Москве теперь скорее, чем когда-либо. Ермолов слышал от князя Петра Михайловича, что в Финляндию назначен уже князь Меншиков. Я не знаю, оставляет ли наш друг и Совет, и звание генерал-адъютантское. Я, тебе признаюсь, рад, что он развязался с неприятнейшим в России министерством.

Теперь узнаю, что приехали сюда вчера принц Ольденбургский, граф Алексей Федорович Орлов, барон Розен. Москва будет все более и более наполняться.

Александр. Москва, 21 октября 1831 года

Прекрасное было вчера собрание, тысяч до двух внизу; стало быть, много, но без большой тесноты. Государь и императрица изволили прибыть в 9 часов с четвертью, мы встретили их величества в низу лестницы и, идучи попарно впереди, ввели их в залу; славно была освещена. Государыня открыла бал с князем Дмитрием Владимировичем, а император – с княгиней Татьяной Васильевной. Мало было танцовщиков для их величеств. Государь

танцевал еще со старухою Мухановой, с княгиней Барятинской, с женою князя Павла Павловича Гагарина, с Мухановой, бывшей Сивере, с Кутайсовой и некоторыми фрейлинами, а императрица – с Обольяниновым, князем Сергеем Михайловичем Голицыным, с Орловым, Бенкендорфом, князем Сергеем Ивановичем Гагариным, Урусовым, а потом со старшинами и с твоим братом. Я начал разговор следующей фразою, которая была у меня приготовлена: «Теперь я чувствую, государыня, как велика честь, оказанная мне дворянством в избрании меня директором Собрания, ибо сие доставило мне счастие, на которое никогда я не мог притязать, – счастие танцевать с вашим величеством». – «Я надеюсь, – отвечала императрица, – что мы не ограничимся этим степенным танцем; вы известный танцовщик вальса, несмотря на то, что вы папа… – Да потом – подумав, изволила прибавить, смеясь: – Да как папа! Я забываю, что вы вот-вот станете дедушкой», – и стала расспрашивать об Ольге, потом о жене.

Я сказал, что Наташе необходимо ехать в деревню, что она ставит сукна на армию, но что после будет иметь счастие ей представиться. Спрашивала государыня о Косте и Пашке, говорила о Москве; случилось, что польский этот долго продолжался, потому что государь жаловался на жар, а потому начинавший польский Гедеонов повел оный по коридору и другим залам. Государь раза четыре изволил меня удостаивать разговора, по большей части спрашивая, кто этот, или та. В половине двенадцатого пошли ужинать. Государыня была в средине за круглым столом на 12 персон, прочие столы были расположены кругом.

С ее величеством сели княгиня Голицына, Муханова, Барятинская, князь Дмитрий Владимирович, принц Ольденбургский, князь Сергей Михайлович Голицын, Кутайсов, князь Волконский. Государь ходил около столов. Ужасная обступила толпа. Неловко было кричать тут, но княгиня Татьяна Васильевна подозвала меня и сказала: «Велите отодвинуть толпу, если возможно». Нечего делать, я пошел и просил отойти, говоря, что императрица желает видеть, кто ужинает за другими столами. Мне удалось правую сторону очистить, но левую – не было средства: тут были мужчины по большей части, да еще и чиновные, кои просто не слушались. Государь мне сказал тут: «Ну, брат Булгаков какой ты строгий командир?» – «Что делать, ваше величество, нехотя это исполняю, ибо очень понимаю радость всякого видеть ваше величество и императрицу».

Катенька сидела возле Пашковых недалеко от императорского стола. Я видел, что государю хотелось подойти к ней, да не было средства. Она, спасибо ей, не совалась, как

другие, в глаза. После ужина государь к ней подошел и сказал: «Я нахожу вас под конец, оставив лучшее на сладкое», – и пошел с нею польский. Очень был весел и милостив. «Я думаю, что сестрица весьма досадует, что не может быть на всех этих празднествах: ей бы хотелось развлекаться, а вместо того сидит дома взаперти». – «Ей особенно досадно, государь, что ее положение лишает ее счастия видеть вас». – «Правда? Да уж, великое счастие – меня видеть!» – «Государь, – отвечала Катенька очень умно, – знаете ли вы, что ваши слова очень огорчат мою сестру, ежели я ей их передам». – «Хорошо-хорошо, – прибавил государь, – позвольте не верить ни вам, ни сестрице; а где она живет?»

Государь велел себе подробно растолковать, где, чей дом, какого цвета, как будто хотел бы мимо проехать.

Катенька не успела еще сама мне хорошенько пересказать весь свой разговор с государем, все готовит реляцию подробную тебе, да или одевается, или спит. Императрица не танцевала, кроме польских, ничего, одну только французскую кадриль и в мазурке приказывала себя выбрать раза два. Она была прелестно одета, вся в белом, и залита брильянтами и бирюзами. В час почти изволили уехать, и государь сказал нам, прощаясь: «Благодарю за приглашение; мы воспользовались охотно оным, а впредь не будем его ждать, чтобы сюда ездить». Очень это порадовало нас: посещениями их величеств разбогатеет и поднимется Собрание.

Вчера до Собрания приехал к нам вдруг князь Петр Михайлович Волконский; к счастью, была тут и Ольга, которой он очень обрадовался, не нашел в ней никакой перемены, кроме брюшка; желал видеть Катеньку, она только причесана была и сошла вниз. «Браво, браво, – сказал он, – кто это, Шарль?» Да как узнал, что Катенька всегда сама чешется, то похвалил: «Вот спасибо, умница! Зато не зависишь от этих господ; за них дамы только что не дерутся». Сказывал, что ожидает сюда сыновей; жаловался, что ты их очень балуешь, что Катеньке надобно будет непременно петь одной и с ними у императрицы; велел очень тебе кланяться. Все находили Катю вчера прелестною, сочинила себе какое-то платье из костюма Девы Солнца, с маскарада князя Волконского; очень все хвалили. Все делается у нас, право, чудесами какими-то, без денег; есть еще платье, и то Ольгино, к воскресенью, а там, право, не знаю, как изворотимся. Жена же едет в Горбово. Завтра Катенька дежурная, поедет с императрицей в Воспитательный дом.

Сергей Уваров прислал мне, наконец, перевод французских стихов Пушкина «Клеветникам России», просил тебе доставить

копию; ежели успею, сделаю ее для тебя.

Александр. Москва, 22 октября 1831 года

В Собрании танцевал с Катенькою какой-то офицер; новая фигура, никто не умел мне сказал, кто это. Я наконец спросил Адлерберга. Это Бреверн, приехавший из армии и привезший 22 знамени, приобретенных в Замостье.

Александр. Москва, 23 октября 1831 года

Ну, мой любезный друг, я в такой радости, в таком полном удовольствии от вчерашнего вечера, что, приехав домой, не спал до трех часов утра, то есть два часа все рассказывал жене, что происходило. Написать все невозможно, и не упомнишь, а надобно тебе сообщить главное.

Наташа, боясь, чтобы я не опоздал, ранее послала Катеньку, и хорошо сделала, ибо государыня вышла ранее назначенного часа, и большая часть гостей после приехала. Я буду писать отрывисто, сокращенно и беспорядочно, но ты поймешь. Когда я вошел в залу маленькую, все играли в шнурок, или веревочку. Меня сконфузило это несколько. Государыня, увидев меня, изволила громко сказать: «А, вот и папа!» Я подошел к императрице, она изволила в ту же минуту сидеть и чай кушать. «Вы, верно, приехали из театра?» – «Я бы не решился пойти туда в день, когда ваше величество мне приказывает явиться; я был у дочери, коей несколько нездоровилось, это меня задержало». – «Надеюсь, вы там более не нужны?» – «Нет, государыня, это у нее прошло». Потом изволила входить в большие подробности о времени родов, об акушерке, бабке, кормилице.

Государь изволил сказать: «Положи шляпу и ступай играть». Я встал. Заговорил с соседом своим Бенкендорфом о Волкове, государь хвать меня по руке. Я не ожидал и сделал движение необыкновенное. – «А ты думал, что я драться не умею? Ступай-ка, отыграйся на других». Очень весело продолжалась игра эта. После играли в «Жив, жив курилка». Тут была уже ужасная хохотня; особенно императрица боялась, что у нее погаснет в руках, отдавала с криком лучину соседу, а иной раз кидала на пол, когда не скоро брали лучинку из рук ее. Государь собирал фанты, кои после разыгрывали. «Я знаю, – сказала императрица, – что вы играете красивые вальсы; садитесь, прошу вас, за клавикорды». (Поутру были у Катеньки княжна Урусова и графиня Моден; первая меня предупредила, что сказывала императрице, что у меня есть славные вальсы венские, так я делал репетицию дома, чтобы не стать в пень, и наиграл штук 20 венских вальсов лучших.) Императрица подошла ко мне и

сказала: «Видно, что вы были в Вене и в Берлине, вы играете вальсы точно как нужно, и это хорошо танцуется; не устали ли вы, а то у нас есть мадемуазель Озерова, чтобы вас подменить?» Нечего делать, играл до самого нельзя. Как кончилось, государь закричал через комнату: «Спасибо, Булгаков, оркестр славно шел!»

После князь Петр Михайлович привел какого-то мальчика играть на фортепьяно, но он играл довольно дурно и не в каданс. После вальса была французская кадриль, это не по моей части. Я было и сел, но государыня сказала: «Нам не хватает пары, Булгаков, возьмите княжну Урусову» (Наташу). Я встал с нею. Теперешние танцы не суть важны, а потому я кое-как и протанцевал, хотя делать приходилось фигуру с императрицею, против нас стоявшею. После танцевали мазурку, и это не моя часть; я сел возле князя Дмитрия Владимировича, который играл в вист, смотреть, но вдруг подходит Моден. «Императрица просит вас танцевать с нею мазурку». Нечего делать, собрал все свое умение. Государыня Катеньке говорила два раза, что я танцую очень хорошо. «Да, ваше величество, все в том соглашаются, что папа прекрасно вальсирует, он был знаменит в свое время». – «Как вальсирует? Он прекрасно пляшет всякий танец. Хотя папа скоро станет дедушкой, он очень легок; к тому же он тонок». – «Кто тонок? Надеюсь, не я?» – сказал государь, подойдя. «Я говорю об ее отце, он ведь не стар».

Государь спросил у меня: «А сколько вам лет, Булгаков?» – «Прикажете, государь, правду говорить?» – «Правду; не скрывай ни дня». – «В ноябре будет 50». – «Вы прекрасно сохранены для вашего возраста, сможете плясать еще пять-шесть лет. Тогда вы возьмете ребенка мадемуазель Ольги… Я-то хорош! Мадемуазель Ольга! Ребенка княгини Ольги, – прибавил государь, – посадите себе на плечи и будете плясать с ним». Тут государь опять заговорил об Ольге. «Она так довольна, что имела счастие видеть ваше величество хоть издали». – «Где? Когда?» – «Как выехать изволили в экзерциргауз». Долго расспрашивал, где это было, в каком была экипаже, и очень сожалел, что ее не видал.

После был попурри. Государыня приказала мне взять даму, оставалась только графиня Моден, которая хотела было отдыхать в продолжение этого танца. Их величества и меня, и Катеньку часто удостаивали разговора. Урусова подвела императрице меня и флигель-адъютанта Монроэ. «Что вы выбираете, Петербург или Москву?» – «Москву», – отвечала тотчас императрица и, подходя ко мне с жестом начинать вальс, сказала: «Парирую, что Москва – это вы». Также государю подвели Катю и графиню Протасову, спрашивая: «Никогда или всегда?» – «О! Скорее всегда». Вышло,

что Катенька была «всегда», и государь, вальсируя с нею, сказал очень милостиво: «Не беру слова своего назад, я и лучшего не желал бы, как танцевать *всегда* с вами». После за маленькими столиками ужинали. Государь был один за особенным маленьким столиком, возле столика государыни. После ужина несколько побыли, и их величества откланяться изволили.

Долго, долго не забуду я этого вечера. Я тебе не сказал половины всего. Это была точно семейная, простая, бесцеремонная беседа. У нас часто не удаются эти маленькие игры, как говорится, дышат на ладан; но тут все были расположены к веселию, и государь был истинно не государем, а добрым каким-то отцом в семействе и между короткими знакомыми. Я привожу тебе реестр всем бывшим, составленный их величествами самими. Я никогда не постигну, как такие ангелы доброты могут иметь недоброжелателей, и целая Польша почти восстала. При бесчисленных своих заботах, какое видно спокойствие на государевом челе, как он весел, как всякая безделица его забавляет, как он нежен, попечителей об императрице!

«Что брат твой делает?» – «Скучает, ваше императорское величество. Было их время, теперь наше счастливое время настало». Жаль, что прервался этот разговор, столь для меня приятный; но императрица отвела государя зачем-то, и после пошел он в другую сторону. Адлерберг сидел за ужином возле Катеньки и сказывал ей: «Никогда не видали мы такой вечеринки; давно уже, как имел я счастье быть близ императора, ибо ведь собрания в Аничковом дворце многочисленны, и там всегда род этикета, а здесь нам недостает только быть в сюртуках». Ну, брат! Истинно душа напиталась. Катенька проходила в мазурке мимо их величеств, государь сказал: «Как она хорошо танцует». – «О да, она очаровательна! – прибавила императрица; потом, обращаясь ко мне: – Вы должны быть счастливы такой дочерью». – «Это милости вашего величества к моим детям делают меня счастливым сверх всякой меры».

Жаль мне, ежели что забыл, но, кажется, главное тебе все сказал. Не забыть комиссию. За ужином Бенкендорф спросил: «Вы пишете брату?» – «Всякий день». – «Всякий день? Это, легко сказать, 365 писем в год?» – «Нет, кроме воскресений, когда почты нет, то есть минус 52 дня». – «Прошу вас передать ему тысячу любезностей от меня, пью за его здоровье» (у него как раз в руке был стакан шампанского). Вот и комиссия выполнена.

22 октября на вечеринке во дворце у наследника находились по приглашению:

Государь и императрица.

2. Князь Дмитрий Владимирович Голицын.
3. Княгиня Татьяна Васильевна Голицына.
4. Обер-шталмейстерша Муханова.
5. Княгиня Барятинская.
6. Княжна Ольга Барятинская.
7. Князь Сергей Михайлович Голицын.
8. Князь Сергей Иванович Гагарин.
9. Петр Иванович Озеров.
Принц Ольденбургский.
10. Княгиня Наталья Степановна Голицына.
11. Княгиня Голицына (Варшавская).
12. Графиня Протасова (дочь князя Дмитрия Владимировича).
13. Князь Петр Михайлович Волконский (не ужинал).
Генерал-адъютанты:
14. Бенкендорф.
15. Граф Алексей Федорович Орлов (не ужинал, сидел возле государя за ужином).
16. Клейнмихель.
17. Адлерберг.
18. Князь Александр Яковлевич Лобанов (свиты его императорского величества).
19. Француз, не помню имя (свиты его императорского величества).
Флигель-адъютанты:
20. Монроэ.
21. Игнатьев.
22. Гогель.
23. Казарский.
24. Граф Протасов.
Камергеры:
25. Князь Александр Федорович Голицын (Варшавский).
26. Булгаков.
Фрейлины:
27. Княжна Урусова.
28. Графиня Моден.
29. Княжна Наталья Александровна Щербатова.
30. Княжна Анна Александровна Щербатова.
32. Муханова.
33. Катерина Петровна Озерова.
34. Екатерина Александровна Булгакова.
Щербатовой Анет сделалось дурно; вышла, но после
получаса воротилась. Государь, говоря мне о ней, сказал: «Очень она плохо выглядит, боюсь, как бы не было у нее грудной болезни». Вот единственная соперница Катеньки, да какая

неопасная. *Между нами*, право, Катенька тут как царица, всех удивила, мила, ловка, ласкова, умна, танцует славно, а как приедет князь Григорий, дойдет и до пения.

Вчера провезли Москвою в Ярославль на житье князя Радзивилла, генералиссимуса, и еще двух генералов. Они очень рады и сами говорят, что в Польше народ их бы теперь убил.

Александр. Москва, 24 октября 1831 года

Когда было молебствие об окончании дел польских, то императрица на оном надела то самое красное бархатное платье, шитое золотом, которое имела на себе, когда короновали ее величество в Варшаве королевой польскою.

Сию минуту Чертков прислал сказать, что Волков приехал. Я очень рад. Бенкендорф мне говорил: «Что же делает Волков? Почему он не здесь? А ежели не может приехать, почему не пишет? Я совершенно ничего о нем не знаю». Поеду к нему сию минуту, отзавтракавши.

Волкова я не застал; тем лучше: стало быть – здоров. Не заманит ли его Чертков обедать к себе втроем, то-то бы хорошо. По Волкове занимал место его старший по нем Брянчанинов, коего он не застал уже: государь его и флигель-адъютанта Гогеля отправил в Иркутск с высочайшим повелением каким-то. Говорят, что это касается до ссылочных 14 декабря; думают, что участь их будет облегчена. Других вестей не знаю.

Александр. Москва, 26 октября 1831 года

И Ольга пускается на бал. Так как она не представлялась, то скажет, что в воскресенье сделалось ей дурно поутру и не могла ехать во дворец, а намерена она это сделать в будущее воскресенье; разве что можно будет ее представить ужо на самом балу, разумеется, ежели угодно будет императрице. Так было, помнишь, и со мною в Петербурге: на другой день нашего приезда был бал в Белой зале, меня тут же Моден представил.

Сперва зовы были ко вчерашнему вечеру и в мундирных фраках, но так как вчера было представление до обеда, государыня бы слишком устала в тот же вечер быть на балу, тем более, что немного кашляет, поэтому и отложен бал Голицына до сего вечера, и всем сказано быть в мундирах. У Долгорукова не было мундира, поэтому сшили ему в одни сутки астраханский мундир наместнический. Ольга делала вчера репетицию своему туалету, и прекрасна, несмотря на пузо, которое ее не безобразит. Только тяжело будет ей тащиться на высокую лестницу. Поведем ее осторожно через другую, маленькую, которая покойнее.

В субботу государь послал к Ермолову графа Алексея

Федоровича Орлова с двумя эполетами. Вот и Ермолов в службе опять, а он было садился уже в коляску – ехать в деревню. Молва прочит его в Варшаву для управления царством нечестивых. Он Хрущову сказал, что в армии служить не будет, прибавя: «Я слишком отстал и от службы, и от товарищей».

У меня есть на уме мысль сделать брошюрку о пребывании здесь государя. Шаликова рассказы слишком надуты и не что иное, как сухой рассказ: вот там был государь да здесь. При московских газетах бывают еще статьи Погодина, того, который был редактором холерных бюллетеней; они хорошо написаны, диктованы пламенным чувством, которое все питают к государю и императрице, но многое ему неизвестно, а я имею случай все знать и поверять, будучи знаком со всеми окружающими его величество. Я имею сотрудника: некто Горчаков, малый весьма умный и прекраснейших правил. Он везде рыскает и знает, что делается в низших классах и на улицах; станем работать вместе. Мне легко будет это выполнить, ибо без того веду с 1824 года журнал современным событиям. Не жалею о том, который сгорел в 1812 году, ибо он был наполнен более мною самим, а я не Меттерних какой-либо и не Талейран. Теперь я только тем занимаюсь, что всех интересовать может. Бедный мой «Рославлев» пострадает от этого, да нечего делать; а я было принялся уже за третью часть. Пусть в целой России знают, как государь Москву любит и как Белокаменная ему предана.

Александр. Москва, 27 октября 1831 года

Слушай, мой милый, буду говорить об одной Ольге, чтобы не сбиваться. Она была прелестна, одета прекрасно, в белом атласном платье с белыми марабу на голове, и все имела свои и княгинины брильянты на себе.

Как вошла она в залу, величественный ее вид всех поразил, и брюшко это даже шло к ней. Императрица изволила одеваться в особенно устроенной для ее величества комнате, государя еще не было. Ольге уступила место свое (ибо не было уже сиденья в зале) княжна Урусова. Четверть часа после затрещал дом от криков «ура» на улице. «Государь! Император! Приехал государь!» – повторялось во всех углах. Его величество пробрался в комнату, где была государыня, и оба вышли в залу. Начались польские. Князь Петр Михайлович тотчас первый танцевал с Ольгою, очень удивился и обрадовался видеть ее на балу в большом туалете. Государь, проходя один раз мимо меня, изволил мне особенно поклониться; в другой раз, подойдя ко мне мимоходом, изволил сказать: «Я с тобою ссориться буду, зачем ты позволил Ольге Александровне сюда приехать?» – «А было сильное желание иметь

счастие видеть вас и императрицу». – «Каприз брюхатости, – прибавил государь, смеясь, – а ну как это ей вред причинит?» Государь пошел далее. Ольга села отдыхать возле княгини. Начались французские кадрили. Я узнал от нее, что после князя Волконского брали ее танцевать Петр Петрович Новосильцев, граф Чернышев и Бенкендорф. Государь изволил все смотреть на танцы, и Ольга казалась унылою, что государь не подходил к ней; я ее успокоил словами его, мне сказанными.

Кадрили кончились, начались опять польские. Государь, оттанцевав с классными дамами, начал брать других, без разбора чинов, как то делал покойный государь. Он подошел к Ольге, взял ее за руку и прижал крепко. «Надеюсь, мы по-прежнему добрые друзья, как в Петербурге? Этот польский я желаю сам начинать!» – И изволил в первой паре проходить по всему дому, как бы чтоб все видели лучше. О многом была тут речь. Ольга не успела мне еще подробно рассказать, – неловко говорить при стольких свидетелях; но на ней было уже другое личико. «Ах, папа! Ежели бы я могла сказать словечко императору о моем муже!» – «Почему же нет? Ежели его величество к тебе еще подойдет, спроси у него дозволения представить ему Александра: жена всегда может это сделать». В зале было жарко, мы вышли в другие комнаты просвежиться, потом идем опять в залу. Встретив Александра, мы сказали, чтобы он уже не отходил от нас. Только что остановились мы у дверей, – идет государь; увидев нас, подошел к нам. «Правильно делаете, что выходите время от времени: в зале слишком жарко, как бы голова не закружилась». – «Нет, государь! Никогда я еще не чувствовала себя так хорошо, как этим вечером!» – «Однако это все-таки неосторожность с вашей стороны». – «Нет, государь, мне еще рано рожать». – «Когда же, вы думаете?» – «Примерно через три недели». – «Да разве не ошибаются часто в счетах?»

Видя, что государь хотел продолжать проходить в гостиную, я осмелился сказать: «Государь, дочь моя не смеет, а хотела попросить ваше величество о чем-то». Тогда государь, возвращаясь к Ольге, сказал: «Рады стараться, что вам угодно? Извольте приказывать». – «Позвольте, государь, мне представить вашему величеству моего мужа». – «Как же, да где же он?» Тогда Ольга подвела мужа. Государь, обращаясь к нему и взяв его за одну из пуговок мундира, изволил сказать очень милостиво: «Очень рад, где ты служил?» – «В Коллегии иностранных дел». – «Ты был при миссии где-нибудь?» – «Нет, ваше величество, я служил в канцелярии графа Нессельроде». – «А теперь совершенно в отставке?» Тут Ольга стала говорить: «Он должен был оставить службу, но только на время, чтобы устроить дела

свои, коими ни отец его, ни он не занимались давно, а потом надобно будет служить». – «Слышишь?! Надобно служить, вы даете своему мужу прекрасный совет – надобно служить». – «Это мое намерение, ваше величество», – отвечал Александр, который, спасибо, вовсе не оробел. Радость Ольги была неописанная. «Какое удовольствие это доставит матушке, – повторяла она, – что ее милый Дишка был представлен и так славно принят его величеством!»

Пошли мы опять в другие комнаты освежиться, да не давали нам наговориться; потому что подходили все любопытные – узнавать, что государь говорил нам. «А теперь, папа, ради бога, постарайтесь поговорить с княгиней Голицыной; я боюсь, как бы императрица не нашла дурным, что я пришла на бал, не имея до того счастья быть ей представленною». – «Да как же это сделать? Ты же видишь, что княгиня не отходит от ее величества ни на минуту; надобно обождать, пока императрица не пустится опять танцевать. Впрочем, милая моя, ежели вдруг случайно императрица заговорит с тобою, скажи ей, что вчера ты уже хотела было одеваться для представления, да внезапно плохо себя почувствовала и отложила сие счастие на ближайшее воскресенье, и что ты просишь у нее прощения за то, что явилась на бал». Мы заговорились таким образом втроем с Александром, который возвращался со стулом для Ольги.

Вдруг раздвигается толпа, идет государыня с княгиней Татьяной Васильевной. Увидев Ольгу, она тотчас к ней подошла и, делая жест, чтобы хлопнуть своей рукою в ее руку, сказала: «Здравствуй-здравствуй, очень рада видеть тебя в добром здравии. Какое у тебя тут бремя! Но ты по-прежнему очень красива, несмотря на это». Ольга поклонилась и сказала: «Прежде всего, ваше величество, я должна просить прощения за то, что пришла сюда». – «Напротив, потому что я рада тебя видеть». – «Моим долгом было наперед представиться вашему императорскому величеству; но вчера мне нездоровилось, и пришлось отложить сие счастие на следующее воскресенье». – «Зачем? Я тебя от сего охотно освобождаю, мы и без того повидаемся; муж твой здесь ли?» – «Позвольте мне, государыня, иметь счастие вам его представить». Государыня, обернувшись к Александру, сказала ему очень ласково: «Как быстро сумели вы приподнять это прелестное розовое домино; вы не оставили ей времени насладиться несколько ее свободой! Где вы с нею познакомились?» – «В Петербурге», – отвечала Ольга, а я прибавил: «На маскараде у князя Волконского». – «Смотрите-ка, – прибавила императрица, – все этот маскарад, он составил эпоху. Не правда ли, там было весело? Вы оба так молоды, вы здесь

обосновались?»

Посмотрела на брюхо и, засмеявшись, прибавила: «Мне это кажется таким забавным! Бедняжка! Папа танцует с нами, а вы – степенно восседаете в кресле! Прийти на бал не слишком благоразумно, лестница весьма утомительна». – «Я вовсе не почувствовала усталости, папа и мой муж меня поддержали, к тому же я должна родить только к 20-му числу будущего месяца». Отходя, императрица сказала: «Так я не прощаюсь, ступайте присядьте, вам, должно быть, тяжело оставаться стоя». Еще хвалила Катю и спрашивала, как видаются, где, часто ли.

Ты поймешь восхищение Ольги и мужа ее, да и мое. Чем могли мы заслужить такие милости? Но это еще не конец. Побыв в зале во время котильона, отправились мы опять в дальние комнаты – на просторе поболтать и свежего воздуха поглотать. Как возвращались мы в залу, счастливая звезда Ольгина навела нас на государя. Мы, посторонясь, остановились у одного из больших зеркал в гостиной. Император прямо к нам. – «А папа все дядькой! Не так ли, фаворитка?» – «Нет, государь, но в эту минуту она более нуждается в моих заботах». – «А Катерина Александровна там отличается; могу тебе отрапортовать, что здорова и танцует с Адлербергом». Я поклонился. – «Вам хочется идти туда?» – «Нимало, государь». – «Ваш муж очень молодо выглядит, ему не дашь более 18 лет». – «Ему 22 года, государь». – «Хорошо сделаете, Ольга Александровна, что настоите, чтобы он служил». – «Ежели не служить такому государю, как вы, так уж…» Государь перебил, повторяя: «О! О!» – «Нет, ваше величество, это не лесть, а то, что всякий добрый русский чувствует к вам». Я был очень тронут. Ольга прибавила: «Как будто вы не знаете, государь, какие чувства вы у всех вызываете». – «Я хочу вызывать дружбу; надеюсь, ваша дружба ко мне никогда не прекратится. Поступит ли ваш муж в военную службу? Желает ли он того?» – «Может быть, государь, но он не слишком крепкого здоровья, он не готовил себя к такой карьере, и признаюсь вам, что я желаю, чтобы он был не военным, а занял свое прежнее место, и тогда мы переедем в Петербург». – «Очень это одобряю, очень хорошо; вы в Петербурге найдете старого знакомого», – указывая пальцем на себя.

Добивался потом государь, где Ольга его видела в первый раз (когда ездил он в экзерциргауз), где стояла ее карета. Поговорив о разных предметах, наконец государь сказал ей: «Не тяжело ли вам стоять на ногах?» – «Ничего, ваше величество». – «Скажите, ноги не пухнут у вас?» – «Как государь все это знает?» – сказала Ольга, обернувшись ко мне. «Как не знать, сударыня: я вот 15 лет живу со своей старушкою». Ольга засмеялась и сказала: «Да,

хороша старушка, лучше всех нас, молодых; как она прекрасно одета, как похорошела!» – «Это правда, что моя старушка очень поправилась после родов». – Я: «Москва предсказывает, что у вашего императорского величества будет еще сын Михаил». – «Дай Бог, благодарю за желание; но уверяю тебя, что нет еще ничего похожего на это». Мне показался случай благоприятным. Я сказал Ольге: «Может быть, ты родишь прежде, чем думаешь; случай тебе не представится видеть государя и просить его величество, о чем хотела». Ольга несколько смешалась.

Государь очень, казалось, интересовался знать, о чем речь, и ободрял ее словами: «Я вам сказал, что рассчитываю на вашу дружбу, так что прошу вас быть со мною откровенной; о чем речь?» – «Государь, вы ко мне проявили уже столько доброты, я уверена, что мне это принесет счастье…» – «Ах, боже мой, какое начало, какие фразы; так в чем же дело? Скажите, чего вы желаете, без предисловий, лишь бы от меня зависело». – «От вас, государь». – «Что такое?» – «Удостоить меня крестить моего ребенка».

Надобно было слышать радостное восклицание государя; он, казалось, вовсе не ожидал просьбы сей, а то бы, я думаю, по благости своей и ласке, предупредил бы, угадал бы желание Ольги. Он взял ее руку, несколько раз ее в своей потряс и прибавил: «С величайшим удовольствием, благодарю вас за эту милость, мы породнимся; только прошу поторопиться». – «Да разве скоро изволите уехать?» – «Ну не так скоро, но мне жаль, ежели я не лично исполню желание ваше; благодарю за предложение». – «Уж позвольте, государь, дать ваше имя». – «А почем вы знаете, что вам Бог даст; не должно загадывать заранее; я был наказан за это сам, лишился одного сына (это было сказано с грустью; видно, императрица выкинула когда-то)». – «Но ежели будет у меня сын, то могу дать ему имя Николая?» – «Вот на это не согласен, тут надобно прибегать к фамильным именам: папенька Александр. Это имя, – прибавил государь с видимым смущением, – и в нашей семье обожаемо; ежели я что-нибудь, то обязан я за то покойному моему брату и нашему общему отцу императору Александру Павловичу; пусть будет у вас сын Александр». – «А ежели дочь, то уж позвольте назвать Александрою». – «Почему так?» – «Это имя императрицы и похоже на Александра; оно принесет счастие новорожденной, дочь моя будет счастлива, как императрица, муж будет ее любить». – «Да, – прервал государь, – мы живем ладно с моей старухою». – «Вы даете, – отвечала Ольга, – всем пример собою, нельзя нарадоваться на вас». – «Ого! Какие комплименты!» – «Нет, государь, вы знаете сами, что это сущая правда, а не

комплименты; все твердят, что вы примерный муж». – «Люблю, люблю мою старуху и детей; оттого так долго здесь и не проживу: не хочется быть с ними в разлуке».

Этот разговор продолжался, конечно, минут 20, ежели не более, в виду всех стоявших в гостиной. Все обступили спрашивать, за что мы благодарили и так кланялись; мы сказали, что государь крестить изволит у Ольги.

Пред самым ужином стоял я и разговаривал с Ермоловым об общем друге Закревском. Государь, проходя мимо, кивнул мне головою; я подошел. Он изволил руку свою просунуть в мою и повел меня так в залу, говоря: «Я не могу никак привыкнуть смотреть на Ольгу: так этот переход скор. Как! Видеть ее ребенком и вдруг после полутора лет встретить ее брюхатою; они оба дети, особенно он, и мы, однако же, видим, что они не дети, дела доказывают обратное». Потом государь спрашивал о некоторых дамах, жаловался, что жарко в зале, и опять пошел назад. Во время ужина изволил мне сказать: «Я надеюсь, что дочь твоя уехала». – «Уехала, ваше величество». – «А то бы я ее прогнал». – «Она поехала рассказывать маменьке своей радости свои». – «Она премиленькая, хоть кого обворожит; ты, брат, счастлив детьми». – «Восьми я лишился, государь». – «Ой! Ой! Как много! Молоды умирали?» – «Большая часть от зубов».

Вот, мой милый друг, сущность радостного вчерашнего дня. Более не успею тебе ничего сказать сегодня; ничего, что устал, такие вещи писать – отрада душе, но пора на почту; завтра добавлю, но главное сказано. Завтра ожидают наследника. Волков был в кабинете государя *час с половиною*, ужасно обласкан. Завтра обедаю у него в тесном кружке с Бенкендорфом.

Александр. Москва, 28 октября 1831 года

В Собрании [то есть на балу в Дворянском собрании] государь взял Катеньку на польский уже после ужина; когда со всеми изволил протанцевать, сказал ей: «Под конец я вас нахожу, я вас оставил на сладкое». Обе меня утешают своими успехами. Я тоже скажу, как ты, что императрица, узнав короче душу и нрав Катеньки, верно бы ее еще более полюбила.

Об Ермолове не слышно еще ничего, а поговаривают, что он поедет за государем в Петербург. Здесь все говорят, что Закревский уже во фраке; но как тому быть, когда нет еще официального увольнения? Также молва, что едет сюда и что трехгорный дом отапливается. Столь же невероятно, чтобы теперь сюда приехал; а как руки совершенно развяжутся, так, верно, обнимем его здесь; он же множество найдет здесь истинных друзей. Вот каково – честно и нелицемерно служить государю! О

нем один отзыв: неудивительно, что он не дорожил своим местом, не ценил высоко оклады. Но его в покое не оставят долго; ежели имеет он недоброжелателей, то это не в публике, а у своей братии крупных чиновников. Человек, который не боится говорить правду своему государю, должен быть видим косым глазом от тех, которые только потворят. Вот мнение большинства, по крайней мере в Москве.

Очень мне удивительно, что графиня Нессельроде оставила великую княгиню одну. Где же тут усердие? Да и как решилась она возвращаться на купеческом судне? Всем известно, что такое Балтийское море и в хорошую погоду. Того и гляди, что Гагарин, который поехал более для нее [то есть для графини Нессельроде], нежели для великой княгини, что и тот также воротится; с кем же останется тогда ее высочество? С одной фрейлиной.

Александр сказывал мне вчера, что сегодня должен прибыть наследник. Очень буду рад видеть Жуковского, который, верно, с его высочеством едет. А у нас Тургенев занемог вдруг; на балу у Голицына не нравилась мне уже его рожа, говорил беспрестанно, у него был жар, кажется; ночь очень дурно провел, послал за доктором, труся до сих пор холеры, коей и имя мы уже забыли. К вечеру было ему лучше; я послал теперь узнать, а едучи обедать к Волкову, заеду к нему сам. Сегодня обедает у Волкова Бенкендорф в тесном кружке. Я писал тебе, что Волков был часа полтора у государя в кабинете; очень много было речи о Москве и Варшаве, расспрашивал государь о здоровье, прибавив: «Я слышать не хочу об отставке твоей, ты мне слишком нужен, и я тебе развязываю руки насчет службы; устрой это как хочешь и как тебе надобно для твоего покоя и здоровья, а одобряю заранее все; но продолжай служить. Я пришлю тебе моего Арендта, он человек искусный, я препоручу тебя ему особенно».

Государь говорил с большим жаром насчет неблагодарности и вероломства поляков. Все вообще оттуда приезжающие весьма дурно отзываются о поляках, и что нельзя надивиться на этих мерзавцев. И великий князь в письме своем говорит мне между прочим: «Последние события вернут нам, вероятно, отдых и спокойствие, обуздав это черное и предательское восстание».

Александр. Москва, 29 октября 1831 года

Вчера был не только славный, но самый приятный обед у Волкова. Нас очень мало было: кроме Бенкендорфа, Озеров, Бологовский, Баратов, Софьи Александровны две сестры, Корсакова с дочерью да домашние. «Я несколько задержался, – сказал Бенкендорф, – ибо только что прибыл наследник. Не знаю, как народ тут обо всем узнает, но Кремль уже переполнен

народом». Александр Христофорович спрашивал о тебе и велел тебе кланяться, много говорил об Ольге и Кате, называя их прекраснейшими брильянтами среди дам и девиц. В ту минуту принесли записку от Ольги; я не мог ее прочитать, не имея очков с собою. «Ежели там нет ничего секретного, позвольте мне вам прочесть», – сказал Бенкендорф, прочитал; она просила ехать с Катенькой на вечер к Пашковым, где танцуют; я сказал, что далеко очень, не хочется. «Вы очень злой, что отказываете в чем-то таким дочерям; я прошу вас сделать это для меня, пожалуйста, и скажите прекрасной княгине Ольге, что я был ее адвокатом».

Александра Ивановна Пашкова была вчера дежурная фрейлина, ездила с императрицею во Французский театр; государь ей сказывал, что поутру, возвращаясь с императрицею из Вдовьего дома, видел на бульваре Ольгу, гуляющую с мужем пешком, и прибавил: «У нее был вид, будто она шла скорее из послушания режиму, чем по желанию, ибо погода была далеко не прекрасна, было прохладно».

Завтра очередь Катеньки дежурить. И Ольга ездила с нами к Пашковым вчера; все ее там поздравляли с милостями их величеств и расспрашивали, что государь и императрица изволили говорить ей. Вчера Катенька была особенно прелестна, все это в один голос твердили, все ей честь отдавали, и Адлерберг мне сказал: «Ваша дочь, Булгаков, верно са мая красивая особа у нас при дворе». На ней было белое мериносовое платье, шитое шелками красными и зелеными, которые ты, верно, помнишь или Марица; это одно из тех, которые привез я жене еще из Парижа, но в 1819 году была одна мода, а теперь другая, умудрились переделать; жена много носила, и теперь еще хорошо; на голове были белые бусы петербургские твоего подарения. Правду сказать, прелестна была! Молодой Давыдов от нее не отходил. Многие начали уже говорить: «Вот увидите, Давыдов женится на мамзель Катерине». – «Да как же это станется, ведь сказывают, что он уже жених молодой княжны Барятинской?» И точно, весь город наполнен этим слухом.

Лазареву сослали жить в деревню по приказанию отца ее, а другие говорят, что мать хочет скрыть беременность ее: не разберешь их. Сказывают также, что будто Брусилову сказано искать другое место. Я что-то не верю этому.

На балу у князя Голицына все заметили, что государь надел на себя пряжку беспорочной службы за XV лет; я часто имел счастие говорить с его величеством, да не приметил.

Александр. Москва, 30 октября 1831 года

Вчера Большой театр был битком набит. Долгоруков с трудом

нашел двое кресел для нас, и то в 9-м ряду; немного поздно взялся. Государь, императрица и наследник изволили быть в боковой ложе, а большая была наполнена фрейлинами, дежурными генерал- и флигель-адъютантами. Тут видел я, но издали, нашего шефа, обер-камергера Головкина и Жуковского. Давали балет «Большой Венецианский карнавал», декорации были хороши, и все это стоило дирекции 15 тысяч рублей; но два-три таких сбора, как вчера, – так заплатятся все издержки. Радовался я жадности, с коей все лица обращались на императорскую ложу даже во время представления, а в антрактах любо было смотреть; все без изъятия точно как будто окаменели лицами к их величествам, и государь часто высовывался, стоя рядом с цесаревичем. К концу балета мы оба с Долгоруковым перепугались; «Верно, пожар», – сказал он мне; вдруг зашумели кресла, кои не прикованы к полу; все начали вставать и бежать вон, наступая на ноги немилосердно; что же вышло? Увидели, что государь уезжает, поэтому все бросились вон, чтобы видеть их величества на лестнице. Вдруг все ложи левой стороны опустели, как бы неким волшебством; дамы выбежали и встали в коридоре в две шеренги, ожидая прохода. Сколько мог я видеть издали, мне кажется, что цесаревич вырос и похож очень, особенно профилем, на покойного государя.

В первой пьесе, кажется, «Первая любовь», Живокини, актер, игравший роль фата и вертопраха, так славно имитировал костюм, очки, бакенбарды, усы, жилет и все ухватки, что публика узнала тотчас в нем графа Самойлова. Уверяют, что этот хочет поколотить актера; ибо, как рассказывают, сходство сие поразило самого государя. Не думаю, чтобы Самойлов сделал это: не много бы доказал ума. Разве с тем одевается он так или иначе, чтобы никто не смел у него перенимать? А ежели утрирует костюм, то тем хуже для него.

Александр. Москва, 31 октября 1831 года

Мы собирались вчера так приятно, лестно провести вечер; но он был отменен в связи с известием, привезенным флигель-адъютантом князем Урусовым, о княгине Ловичевой. Я ездил поутру кой-куда в Кремль, зашел к князю Петру Михайловичу, от него узнал, что императрица не будет принимать и что, вероятно, прибудет скоро другой курьер с известием о кончине княгини. Князь Петр Михайлович здоров теперь и звал с собой взглянуть на выставку; но я не мог, ибо Долгоруков ждал меня в карете. Видел я у князя обер-камергера Головкина, который очень меня обласкал, а я от него и приехал, не застав его дома. Настоящий дипломат, посольских привычек не потерял, славно представляет. Он в восхищении от Москвы. На лестнице встретил я цесаревича, – очень вырос, во всей форме, в треугольной шляпе и мундире. Прекрасный отрок. Мне кажется, что наш Пашка очень на него похож лицом. Сегодня Катенька дежурная, ей придется сопровождать императрицу на выставку.

Александр. Москва, 2 ноября 1831 года

В субботу государь был в Университетском пансионе и остался очень доволен, против последнего раза. Велено для бала, что будет у князя Сергея Михайловича, выбрать шесть воспитанников, и Костя – один из шести, которого позовут на этот бал.

Ввечеру Катенька была дежурная; ей велено явиться в 9 часов во дворец, где была крошечная вечеринка. Были, кроме их величеств и наследника, фрейлина Урусова, Щербатова, дежурная, и наша княгиня Юсупова с мужем, граф Орлов, граф Головкин, флигель-адъютант Монроэ, Лобанов, Урусов и маленькие пажи его высочества. Катя приехала, не было никого; выходит цесаревич один, подошел к Кате. – «Вам одной, я думаю, скучно». – «Ежели бы и было скучно, – отвечала Катя, – то я за то вознаграждена теперь». Цесаревич благодарил и начал расспрашивать про Москву. Скоро вышла императрица. «Я

хотела, – сказала она, – рекомендовать вам моего сына; но, кажется, знакомство уже совершенно состоялось; вы рано пришли, моя милая». – «Я предпочитаю прийти первой, нежели опоздать». – «Очень хорошо, надобно быть точной долгу своему и службе»; потом говорила все о сыне и о Москве, спрашивала об Ольге и наконец прибавила: «Я пойду за императором, он в своем кабинете, пора уже начинать нашу маленькую вечеринку и развлекать моего новоприбывшего; мы будем почти одни».

Скоро вышел государь, спрашивал об Ольге и Косте, о посещении пансиона. Потом начались игры. Катя говорит, что не помнит, чтобы когда-нибудь так веселилась: играли в «Жив, жив курилка», в «Мышку и кошку», в жгуты даже. Катя дала жгут императрице; она начала бить государя, который был ее соседом, а государь остановился и, прини мая побои, сказал серьезно очень: «Господа, вы все свидетели, какая у меня жена; она меня бьет без милосердия, могу ли я жить с нею?» Все так и хохотали, а государыня и смеялась, и била со всей мочи. Много делали фарсов с Юсуповым. Головкин был очень любезен. Вышел его фант быть оракулом, покрыли его шалью, и он очень смешил всех, трогавших его. Когда дошло до государя, то его величество тронул ему пальцем нос. Головкин сказал: «О, этого всю жизнь будут водить за нос!» Невольно все захохотали, а государь сказал: «Но это невыносимо; меня колотят, мне говорят, что будут меня за нос водить». – «Да, сударь, – прибавила императрица, – это буду я».

Катенька целое утро нам все рассказывала, что происходило и какие были там свобода и веселие. Государя давно не видали столь веселым, как в этот вечер. Кате досталось творить милостыню с Орловым, то есть все, что ей дадут, передавать другим. Императрица дала ей плюшку; надобно было передать это Орлову. Она было тихонько это исполнила. Но государь сказал: «Я протестую, моя жена сильнее колотила». Но беда была, как княжна Урусова поцеловала Катю, та стала в тупик, Орлов поцеловал у нее руку, тогда и она отдала свой поцелуй. Фанты вынимал князь Петр Михайлович; но это делалось с маленьким жульничеством. Жаль, что нельзя тебе подробно рассказать, но не стало бы бумаги. Во весь этот вечер их величества чрезвычайно ласкали Катю, которая в совершенном восхищении, да и есть от чего.

Жуковский сказал мне вчера ужаснейшую весть, что Каподистрия греками убит. Экие изверги! Но государь еще надеялся, что это неправда. Дай Бог! Меня сразило это известие. Дашков приехал вчера.

Александр. Москва, 3 ноября 1831 года

О Ермолове не слышно еще ничего. Уж, верно, не для того приняли его в службу опять, чтобы только числиться в армии: такой человек долго праздным оставлен не будет, а много говорят о Варшаве. Да его куда хочешь! Я помню, что Каподистрия желал его видеть послом в Царьграде. Не выходит у меня из головы Каподистрия.

Сегодня Тургенев дежурный в Собрании по камергерству. Я боюсь, что он будет путать, шаль императрица или хвосты потеряет, никого не отыщет. Я, быв у него, не застал; писал ему, чтобы заехал ко мне, чтобы дать ему записку особ, кои удостаиваются танцевать польские с императрицею. Она часто изволит спрашивать: «Чья теперь очередь?» Или: «Осталось ли мне еще с кем танцевать?» Не могу его добиться: все у своей Бухариной или у сестер Солдан. Чудак! Смеется над другими, философствует, либеральничает, а между тем ездил хлопотать, чтобы нарядили его на дежурство. Вот так-то все делается в свете. Он куры строит и Катеньке, и вздумал ревновать ее, к кому же? К Долгорукову. Умора! Они сговорились его бесить. Намедни Долгоруков стал прощаться у Пашковых ехать домой, Катенька удерживала его и сказала при Тургеневе: «Ежели вы уедете, мой милый, я попрошу папа, чтобы тоже уехать». – «Право, нехорошо, – сказал Тургенев, – я принужден буду сказать это маменьке вашей». Катенька ну хохотать, а он – сердиться серьезно. Состарился он телом, и порядочно, но такой же ветреный, легковерный.

Александр. Москва, 4 ноября 1831 года

Вчерашнее собрание было очень, даже слишком многолюдно. Жара была нестерпимая, все кидались туда, где были их величества, и цесаревич, коего впервые видит публика, возбуждал особенно любопытство и радость всех. На всех лицах, смотревших ему прямо в глаза, изображался восторг; дамы как бы невольно кричали везде, где он проходил, и громко: «Ах ты, ангел Божий! Красавец!» Он часто прогуливался по коридорам, кои вокруг залы, ибо там было свежее; тут все сидели купцы, с коими он всякий раз перекланивался.

Была работа старшинам отгонять всех и расширять круг, где танцевали; но надобно было всякую минуту возобновлять штурм этот; иные слушаются, но другие, особенно дамы, ругаются и не слушают, чему и сам государь был несколько раз свидетелем. Кроме польских, императрица и наследник танцевали только французскую кадриль. Его высочество уехал в 11 часов. Был приготовлен ужин, к коему приглашены были по высочайшей

воле княгиня Голицына, Мухановы, он и она, графиня Зубова, фрейлины Моден и Урусова, княгиня Барятинская, князь Петр Михайлович, князь Дмитрий Владимирович, граф Толстой, Чернышев, Бенкендорф, князь Сергей Михайлович, князь Сергей Иванович Гагарин, граф Головкин и Обольянинов; но государь с императрицею изволили уехать до ужина вдруг. Ее величество несколько раз говорила: «Невозможно дышать!» Государь был в мундире полка графа Палена (кажется, Сумской гусарский), а наследник – в казацком. Преждевременный отъезд их величеств лишил Писарева, Сталя и меня счастия танцевать с ее величеством; прочие старшины танцевали. После государя и все вдруг уехали, кроме тех, кои ужинали.

Не знаю, по какому праву П.П.Гагарин посадил свою семью, родственников, Щербатовых и проч. за стол, который был приготовлен для ее величества. За ужин все платят; теперь вопрос, платили ли дамы сии за царский ужин? Вероятно, нет; так почему же они ели даром, а другие нет? У князя Владимира Голицына была большая схватка по этому случаю; меня не было уже тут. Вообще Гагарин очень умничает. Мы все условились быть в белом, а он один приехал в черных штанах и чулках. Что это за траур, когда дело идет о бале для царской фамилии! Когда были мы у наследника для зова, Гагарин сунулся вперед и заговорил именем всех нас, тогда как князь Урусов, Волков старее его. Ему был, однако же, нос. В то собрание жена его не была приглашена, сама села за императрицын стол, по какому праву? Были тут и другие жены старшин и сенаторши. Зато в списке вчерашнем не была она помещена; но польки все дерзки.

Я читал в «Журналь де деба» трогательное письмо Эйнарда о Каподистрии. Кому не скажешь, все с ужасом слышат весть эту. Вот мученик, и праведный! Изверги узнают поздно, кого они лишились. Чего не посвятил он отечеству своему? Состояние целое, здоровье, покой! Вот благодарность за то, что он пил столько лет горькую чашу для неблагодарной Греции. Она не заслуживает независимости и свободы. Охолодеет участие к грекам всех добрых людей и правительств. Турки будут торжествовать. У нас в семье такое уныние, что я не могу тебе описать. Кому бы жить, ежели не сему умному, добродетельному человеку?

Александр. Москва, 5 ноября 1831 года

Вчерашние живые картины не все удались. Прошлого года все это было лучше и великолепнее; все вспоминали о нашем русском табло, в коем было более двадцати фигур, а Катенька и Ольга прелестны в сарафанах. Княгиня Татьяна Васильевна совестилась

нас просить, а мы бы устроили как-нибудь, ибо костюмы существуют. Всех табло было шесть, два больших в середине, да четыре боковых; молодая Дадьянова, урожденная Мосолова, была прелестна Сибиллою, одета славно и освещена очень хорошо. Князь Петр Михайлович очень зарился на нее. Я сказал ему, что глупа; но он говорит, что тем лучше, а то нехорошо, что муж ревнив; а по-моему, тем-то и лучше. Есть ли что ревнивее сицилианцев, а все с рогами.

После картин была музыка, после чего ужинали. Государь не садился и ходил около столов, два раза подходил к Катеньке, изволил подходить ко мне, спросил: «Как себя чувствует будущая маменька?» – «Хорошо, государь, в смысле здоровья, но она огорчена и много плакала». – «Что сделалось?» – спросил государь с видимым участием на лице. «Смерть Каподистрии ее очень поразила». – «Да, это большая потеря вообще; он был дружен с твоим братом?» – «И нас всех очень любил, Ольгу особенно, и называл ее всегда невестою, и в последнем своем письме к нам называет ее так». – «Он несколько сам виноват, – прибавил государь. – Его предостерегали, что есть покушение на его жизнь». – «Любовь к отечеству и чистая душа заставляли его всем пренебрегать. Он отечеству своему всем пожертвовал…» – «Хорошо и отечество их, – прибавил государь. – Иначе называть нельзя, как разбойниками. Не заменить им его…»

Потом, переменив разговор, в продолжение коего видно было участие его величества к покойному графу, государь прибавил: «Прошу кланяться Ольге и сказать ей, что я готов. Она мало выезжает?» – «Нет, государь, почти всякий день; мы полагаем, что она родит около 20-го числа. Она собирается на бал к княгине Барятинской послезавтра». – «Ого! Хорошо ли делает?» – «Ежели вашему величеству не угодно, она останется дома». – «Нет, я запрещать не смею, это вам надобно уже решить; я желаю ее видеть, но не желаю (как и ты, я думаю), чтобы родила она на балу. Кланяйся ей от меня», – сказал государь, подойдя к столу императрицы.

Скоро после того государь потихоньку и уехал, а императрица – тотчас после ужина. Всех было на балу 760 человек.

Александр. Москва, 6 ноября 1831 года

Я обедал вчера у Хрущовых с Ермоловым, который очень был любезен. Речь была о графе Мамонове нашем, то есть твоем. «Отчего, – спросил доктор один, тут бывший, – не женят его? Это могло бы сделать кризис в сумасшедшем». А Ермолов очень серьезно прибавил: «А конечно, надобно бы попробовать! Сколько

есть мужей, которые от жен сходят с ума, а этому… кто знает, жена возвратила бы, может, рассудок».

Александр. Москва, 7 ноября 1831 года

Вчера был акт в пансионе Костином. Он славно сказал свое стихотворение «Дунай» – громко, внятно и с чувством; называя государя, обратился к портрету его величества, за кафедрой висящему. Князь Сергей Михайлович, Дмитриев и все, тут бывшие, его похвалили, а князь Ливен вручил ему книгу с надписью, в награду ему назначенную. Жаль, что наследник не удостоил приехать. Был тут Жуковский и сказывал, что из-за бала Барятинской нельзя было этого устроить.

Оттуда поехал я взять Катеньку, показаться заехали к Ольге, взяли мужа ее и пустились на бал. Перед домом было ужаснейшее освещение, щит в шкаликах. В 9 часов прибыли их величества и цесаревич. Императрица удостоила меня танцевать французскую кадриль. Между танцами спрашивала об Ольге. Я сказал, что накануне была на балу у Киндяковых. – «Благоразумно ли было ходить?» – «Но ей велят всякий день выходить; ей должно родить, государыня, токмо дней через десять». – «Раз она выходит, приведите ее ко мне завтра в полдень, буду рада ее видеть». Я поклонился.

Скоро после вышел государь и прямо пошел на нас.

«А Ольга Александровна также была вчера на балу?» – «Была, ваше величество». – «Однако ж не *вальсировала!»* – «И польских не танцевала, рано уехала». – «Хорошо сделала, ей надобно беречься. Нельзя отвечать за какую-нибудь случайность. Но не трусит?» – «Никак нет, а только нетерпение великое: желает родить, покуда ваше императорское величество здесь». – «Ну, это не от нее и не от нас с тобою зависит, – прибавил государь, смеясь. – А я готов когда угодно. Дом, где ты живешь, твой?» – «Никак нет, ваше величество, я нанимаю». – «А своего нет в Москве?» – «Есть, ваше величество, но далеко, в Немецкой слободе». – «Какими это судьбами? Это там, где кадетский корпус?» – «Точно так. Дом принадлежал еще дедушке и достопамятен тем, что Петр Великий бывал в нем». – «Как это?» – «Дом принадлежат заводчику Миллеру, и известно, что император ездил туда и сам работал, ковал железо». – «Это замечательно. Я видел дом нового московского помещика, брата Михаила Павловича».

Тут был разговор о доме, о покойном Головкине. Я сказал, что имел счастье получить письмо от великого князя, но что старое. «Смею спросить, можем ли иметь надежду видеть его высочество здесь?» – «Я разрешил брату быть сюда, но не знаю, на что он решится. Великая княгиня осталась одна, графиня

Нессельроде возвратилась в Петербург. Может быть, он и решится быть сюда». – «Какая бы радость для Москвы, ежели бы его высочество поспел сюда к воскресенью. Москва его так любит». – «Ну да и он ее как любит за то!» – «Можно бы, государь, приехать сюда, хоть на короткое время, а там ехать в Англию». – «Может быть, так и сделает, я приезд его сюда разрешил. Ты часто к нему пишешь?» – «Во время нашей холеры писал часто, ваше величество, а теперь его высочеству не до писем моих; но я долгом счел поздравить его высочество со взятием Варшавы». Государь что-то хотел сказать, но стулья зашумели, стали вставать от ужина, и музыка заиграла польский. После ужина был котильон. Государыня изволила меня выбрать один раз вальсировать с нею и похвалила, что ловко вальсирую. Она была прекрасно одета: и богато, и щеголевато; все это заметили.

С каким удовольствием читали мы в семье письмо твое от 2-го! Мы видели радость твою от бала Голицына; никогда не сомневались в том, но все весело, отрадно читать подтверждение твоей руки. Уже подлинно милости государя бесчисленны, и мы умеем и чувствовать, и ценить. Ольга тронута; и она, и княгиня поплакали, слушая, что ты пишешь. «Верно, я должна Бога благодарить, – сказала княгиня Екатерина Алексеевна, – за прекрасный выбор моего сына. Жена его не оставляет желать лучшего». Совет твой очень дружеский и основательный. Конечно, не должно рассказывать всякому; все и без того видят сами обхождение их величеств с нами, слышат их речи; так пусть они, а не мы болтаем, а чего не знают, так и знать не для чего, а говорим только, что ласкают и осыпают нас милостями, что и правда.

Александр. Москва, 8 ноября 1831 года

О чем не было речи! О Москве, о маскараде, о Наташе, тебе, Пашке даже, о родах, крестинах, о Кате. Все это тебе опишу подробно. Мы приехали в таком восхищении, что долго не могли с мыслями собраться, чтобы пересказать Наташе, а Ольга поехала домой радовать свою маму и мужа. Жаль, что оставляю тебя в нетерпении, да как быть! Надобно будет часа два или три писать, а не хочется забыть ни одного слова этой незабвенной для нас аудиенции.

Завтра будет другая реляция. Завтра бал во дворце и большой зов. Благодарю Бога, что я здоров; от сильного движения насморк мой прошел.

Как было приказано, мы явились с Ольгою к двенадцати часам во дворец. В первой зале нашли мы множество людей: князя Дмитрия Владимировича, Бенкендорфа, Орлова, князя

Сергея Ивановича Гагарина, много флигель-адъютантов и других придворных. Лобанов посадил Ольгу, доложили об нас. Скоро вышел камердинер и ввел нас в гостиную. Тут нашли мы наследника, игравшего со своими пажами, Виельгорским и Паткулем, Мердера и княжну Урусову. Я представил Ольгу его высочеству. Только было вступили они в разговор, – вышла императрица, взяла Ольгу за руку и повела ее в другую комнату. Я остановился у порога. Государыня после первых приветствий поклонилась мне и сказала: «Пойдемте в мой кабинет». Тут сама изволила сесть и посадила Ольгу против себя; поговорив несколько, и мне сказала: «Садитесь же, прошу вас. Вы должны очень гордиться, ибо мне доложили о княгине Долгоруковой с мужем. Рассказывал вам папа, как мы вчера танцевали?» – «Да, ваше величество, бал был восхитителен». – «Были прекрасные туалеты. Ваша сестра была очень красива». – «Я это знаю». – «Она совершенно прелестна, ибо она не зависит, как другие дамы, от своего парикмахера. Она всегда со вкусом причесана. Это ужасно, уже не знаешь, что сделать, чтобы разнообразить». – Я: «Все вчера любовались прической вашего императорского величества». – «Правда, я была вчера хорошо причесана». Тут были рассуждения о туалетах. Государыня сказала: «Уже и не знаешь, что надеть. А вы досадуете, что брюхаты и не можете принимать участия во всех этих безумствах». – «Моя сестра страстно любит танцевать, а я так никогда особо танцевать не любила, государыня, не увлекалась».

Заговорили о Москве, которую государыня очень хвалила; спрашивала о многих здешних домах. Я сказал, что народ предсказывает ее величеству сына Михаила. «Возможно, что у меня будет еще сын и что он будет Михаил. Вы знали мою покойную матушку?» – «Я видел ее в Петербурге, государыня, а в Неаполе знал вашего дядю, принца Мекленбург-Стрелицкого, мы вместе лазали на Везувий». Говорили о Неаполе. Императрица стала считать всех детей своей матушки, потом детей императрицы Марии Федоровны, потом своих, спросила, сколько я имел, удивлялась, что мы имели их 12, сожалела очень об умерших, входила в подробности об них и об живых. Много спрашивала о Пашке. Я сказал, что Пашка не снимает гусарский мундир твоего подарения и караулит все государя у окна. Казалось, что ее величество имела желание его видеть. Катеньку очень выхваливала, делала сравнение с Ольгою, после сказала: «Но г-жа Булгакова совершенно не показывается». – «Она занята своей службой». – «Как службою?» – «Да, государыня, она одевает русскую армию, ибо поставляет сукно для солдат». – «Как? Так это она этим занимается, а не вы?» – «Я в этом не разбираюсь,

государыня». Говорила о сукнах, бывших на выставке, вспомнила, что не было тут солдатских. Кажется, тут государыня пересела спиной к окошкам, жалуясь, что глаза немного болят.

Государь изволил выйти, сделал мне рукою поклон, как военные кланяются на улицах, в шляпах встречаясь, а Ольге сказал: «Пожалуйте ручку вашу». Ольга сняла перчатку проворно, покуда государь говорил: «Постойте, я найду место без перчатки». Он поцеловал руку, а Ольга поцеловала его в щеку. Государь сказал: «Вот так запросто, без большого туалета, милости просим к нам; а где вам представляться, одеваться и на балы ездить? Я слышал, что вы вчера до упаду вальсировали?» Ольга засмеялась и отвечала: «Я и прежде не большая охотница была до вальсов, а теперь и поневоле». – «Вот у вас усердный танцовщик папа; спасибо ему, не ленится, когда у нас бывает. Что, очень пухнут ноги?» – «Не могу жаловаться, государь». – «А как вы располагаете родить?» – «Полагают, что к 20-му числу; а папенька просит, чтобы было в его или сестрицыны именины, 23-го или 24-го числа». – «Ну, это на заказ не делается! Бог милостив, не надобно трусить. Вот императрица вам скажет, что это вещь не такая страшная – родить. Я желаю очень, чтобы это было, покуда я в Москве: тогда, кроме дружбы, будет и родство». – «Ах, государь! Я, право, не знаю, как и чем заслужить все ваши милости». – «Своими милостями, – отвечал государь, взяв Ольгу за руку. – Мне жаль, что не могу с вами быть долее: пора к разводу. Очень рад, что вы у нас были; нельзя ручаться, счет не всегда верен: может быть, и завтра запишетесь в маменьки. Прощайте, будьте здоровы и берегите себя».

Мы было встали ехать, но императрица сказала: «Разве вы торопитесь? Ежели нет, то оставайтесь еще у нас». Мы сели опять, и разговор возобновился. «Собираетесь ли вы водвориться в Петербурге?» – «Думаем, ваше императорское величество. Мой муж очень любит Петербург, а родители мои здесь». – «Но я надеюсь, мы часто будем видеться». – «А там у меня дядя, которого мы все нежно любим». – «Да, почт-директор, этого все любят, он так обходителен. Его жена – молдаванка, не так ли?» Тут начала ее величество расспрашивать о твоих детях, потом сказала: «Не знаю почему, но мне казалось, что ваше семейство не чисто русское». – «Простите, ваше величество, мы литовского происхождения, очень давно наши предки были князьями, как сие доказывает история России, но мы с братом родились в Константинополе». Тут касательно этого было много вопросов. Я сказал, что мы начали по-русски лепетать, возвратясь в Россию, а в ребячестве говорили по-гречески все, – и проч. подробности о батюшке, заключении его и проч. Казалось, что императрицу это

интересовало.

Была после речь о Катеньке, которую ее величество выхваляла очень, делала опять сравнение между ними. Меня спрашивала, кого более люблю из них, называла меня счастливым отцом, хвалить изволила воспитание, данное им. «У вас лицо более осунувшееся, нежели на балу князя Голицына». – «Дело в том, государыня, что там было освещение, а теперь вы видите дочь мою при дневном свете». – «Смотрите, не родите у меня здесь, любезная! – прибавила императрица, захохотав. – Вы обыкновенно рано встаете?» – «Напротив, ваше императорское величество; я люблю долго поспать». – «Ах! Боже мой, а я-то вас позвала к себе так рано! Ежели бы я знала, то назначила бы другой час (какая милость!), но я была уверена, что в полдень нас не потревожат, и мы смогли поговорить в свое удовольствие. Боюсь вас стеснить, удерживая еще долее. Вы будете со мною церемонии разводить. Я очень рада, что вам ничто не помешало прийти ко мне; в таком положении никогда не можешь располагать своим временем, как того хочется».

Государыня встала, взяла за руку Ольгу и поцеловалась с нею. «Так что прошу вас, – изволила она сказать, – родить, пока мы здесь, чтобы император мог быть на крестинах; но ежели вы родите после нашего отъезда, он от того своих прав не потеряет». Императрица еще поговорила в угловой комнате, провожая нас, смотрела в большие стекла на парад. «Эти славные люди не уходят от наших окон!» Из этой комнаты проводить изволила еще в гостиную, где были фрейлины Урусова и Моден. – «Прощайте, прощайте, любезнейшая, будьте здоровы, берегите себя, и счастливо вам освободиться от вашего бремени!» Мы уехали счастливы, тронуты, довольны. Аудиенция продолжалась по крайней мере три четверти часа. Я тебе главное передал, сколько память позволила, но многое, верно, упустил еще. Ольга вышла на минуту к матери, поехала к мужу и другой мама рассказывать сладкие похождения свои, а я то же делал дома. Ну уж денек! Ай да курноска наша!

Александр. Москва, 9 ноября 1831 года

Ну, сударь, бал был славный, человек с 400. Государь и императрица были очень веселы. Наследник танцевал мазурку с Катенькою, которая была очень авантажна. В котильоне императрица изволила меня три раза выбирать, чтобы вальсировать с нею, и сказала: «Никто здесь не вальсирует так хорошо, как вы». Покуда ужинали, государь изволил подойти ко мне и спросить: «Ну, что делает наша княгинюшка?» – «Слава Богу, здорова, но не решилась ехать сюда, хотя мы и

уговаривали». – «Умница, умница, – сказал государь. – На что рисковать; быть может, что вы и ошиблись в счете. (Выходит, что государь словно угадал: мог ли я думать, что в ту минуту, как государь мне говорил это, у Ольги муки начинались!) Ты видел Урусова? (Адъютант Михаила Павловича, прибывший сегодня из Варшавы.)». – «Видел, ваше величество; он отнимает у нас надежду видеть здесь великого князя». – «Да, видно, брат не будет, а то явился бы к сегодняшнему дню. Он, вероятно, поедет навстречу к великой княгине или у нее погостит. Моя жена рассказала мне о вашем посещении; ваша дочь подлинно прелестна, мне было досадно, что не мог долее побыть с вами». Я поклонился, хотел отвечать, но императрица подозвала государя, и стали вставать из-за стола. После ужина начали котильон, который продолжался часа полтора. Государь ушел почивать, а императрица пробыть изволила до половины третьего.

Оставляю тебя на минуту, пойду к Ольге, которая, бедная, кричит; и жалко, и смешно: «Миленький доктор Рихтер, умоляю вас, выньте скорее ребеночка!»

Я вне себя. Внучка моя Александра кричит так, что любо. В 6 часов 45 минут утра Ольга благополучно разрешилась от бремени. Ольга сделала союз с царской фамилией: венчалась в рождение Михаила Павловича, родила в его именины, а сама родилась в один день с императрицею, 1 июля. Устал я ужасно: танцевал, приехал домой и вместо сна три часа стоял на коленях и помогал курноске милой. Александр послал разбудить Катю и поздравить с племянницей, я тебя поздравляю со внучкою. Попались мы в дедушки, любезный брат. Не могу тебе описать моего счастия; от радости, и счастия, и слез не вижу, что пишу.

Прежде нежели лечь спать, написал я записку Петру Михайловичу Волконскому, уведомляя о радости нашей; он мне очень дружески отвечает, благодарит, что я его обрадовал, и поздравляет. Верно, доложит государю, когда пойдет к его величеству. Государь всех лучше угадал; недаром хвалил Ольгу, что не поехала на бал.

Александр. Москва, 10 ноября 1831 года

Вообрази, мой милый, что в 12 часов был уже камер-лакей, присланный государем и императрицею узнать о здоровье Ольги и новорожденной. Велики милости их! Я попенял Александру, что не подарил ничего посланному, но сделал предложение, которое княгиня очень одобрила, а именно: после обеда мы надели мундиры и марш во дворец. Я вызвал Малышева, камердинера государя, который сказал нам, что государь изволит почивать. – «Его величество изволил посылать узнать о здоровье дочери

моей…» – «Знаю, ваше превосходительство, мне было и приказано…» – «Вот зять мой, князь Долгоруков; сделайте одолжение, когда государь изволит проснуться, доложите, что я и зять мой, чувствуя милость, оказанную дочери моей, приехали сюда, чтобы повергнуть к стопам его величества нашу благодарность верноподданническую…» – «Слушаю-с! Доложу». – «Нельзя ли вызвать камердинера ее величества?» – «Можно; но ежели вам угодно то же приказать для государыни, то, ежели угодно вам, то я доложу и ее императорскому величеству». Мы поблагодарили его. Вот дело и устроено. Потом отыскали мы камер-лакея. Князь подарил ему 100 рублей, сказав, что он скоро скрылся поутру, что князь вышел было подарить его за добрую весть, но что его уже не было. Очень был доволен: «Дай Бог вашему сиятельству много детей, и чтобы государь всех крестил».

Вот как делаются друзья при дворе, даже в передней.

Вечером Катенька была дежурная, ездила в театр, бенефис мамзель Бурбье. Императрица спросила тотчас об Ольге, прибавя после: «Досадно, что вы не можете рассказать мне подробности, как бедняжка разрешилась; до вас это не касается, но, по крайней мере, папа и мама были там?» – «Да, ваше императорское величество, ибо за маменькой послали в деревню, которая неподалеку от Москвы». Все идет славно. Надобно ожидать только радостного дня крещения.

Александр. Москва, 11 ноября 1831 года

Не лягу спать, не рассказав тебе сегодняшний вечер у государыни, мой милый и любезнейший. Было не более тридцати человек. Началось разными играми. Что было смеху, беготни! Круг был из стульев; все сидят, кроме одного, перебегают, менявшись местами; кто не успеет занять место – в средине остается караулить. Государь, садясь вдруг, два стула изломал. После стали танцевать под клавикорды; так разрезвились, что даже князь Петр Михайлович танцевал французскую кадриль с княжной Урусовой. Пары одной недоставало, искали-искали – нет. «Ну так давайте же танцевать, Николай», – сказала государыня. Император отвечал: «Да ведь дамы нет». И наконец, что же сделал?

Взял Головина вместо дамы и танцевал с нами. Императрица изволила мне приказать танцевать с собою. Вот как это было. Изволила сказать мне: «Что ж, гран-папа, вы не танцуете?» – «Надобно отказываться от всяких танцев, государыня, и довольствоваться *гроссфатером».* Императрица засмеялась и отвечала: «Вовсе нет, вы будете танцевать, и я хочу, чтобы вы тотчас стали танцевать со мною французские».

Раза четыре государь изволил говорить со мною, называя всегда «дедушка» или «гран-папа». После ужина (за нашим столиком сидели Урусова, Катя, Чернышев, Лобанов, Адлерберг и я) я встал у фортепьяно. Государь ко мне подошел и разговаривал более четверти часа. Много об Ольге спрашивал. Очень смеялся, когда я сказал о просьбе Ольгиной Рихтеру: «Милый доктор Рихтер, дозвольте мне покормить малютку хоть разочек»; просил, чтобы Ольга береглась. «Ежели авторитета папа не хватает, просите, чтобы она делала для меня; именно после родов надобно особливо беречься. Вот она и счастлива, мать в 17 лет; она ничего более не желает, я думаю». – «Теперь у нее только крещение в мыслях, государь». – «Пусть наберется терпения; через недельку я к ней приду, и мы окрестим малютку». – «Не беспокойно ли будет вашему величеству, не угодно ли, чтобы сюда привезли новорожденную?» – «Нет, никак. Я хочу видеть и дочку, и маменьку». – «Угодно ли будет вашему величеству крестить с Катенькой моею?» – «Как не угодно, очень рад, напротив; я бы сам это предложил; теперь наши семьи породнятся, поневоле будете любить нас».

Я так смешался, так был тронут сими словами, что слезы навернулись, и я поклонился низко, чтобы скрыть свое смущение. Чем заслужить я могу такой отзыв? Спрашивать изволил о Наташе и о тех, кто был при Ольге, когда она мучилась; подошла императрица, и разговор продолжался втроем. Граф Нессельроде стоял чуть недалеко и все мог слышать, о чем я нимало не жалею: пусть знает, сколь милостив государь к нам. Император говорил об Архиве, что был там, что желает показать оный императрице, но боится, чтобы она не простудилась там. После с графом толковали мы о сем и порешили привезти во дворец любопытнейшие бумаги для ее величества. Завтра рано поеду к Малиновскому устраивать это. Этот вечер очень был сладок для меня; я тебе только главное рассказываю. Катю очень также обласкали их величества, а наследник танцевал с ней мазурку. (Забыл сказать, что, говоря мне о Кате, государь сказал: «Теперь желаю, чтобы и другая сестрица последовала примеру Ольги». – «На все воля Божия, государь; думал ли я так мол оду отдать Ольгу замуж, и прежде старшей сестры?») «Увы! – сказала императрица, – потеряет он свою танцовщицу мазурки: Сашка едет послезавтра в Петербург». Не хочется ему ехать, и он изволил мне сам сказать: «Я Москву уже потому люблю, что это моя родина». Нельзя быть милее его.

Князь Петр Михайлович поддел меня. Он писал тебе о благополучном разрешении Ольги через фельдъегеря, который прежде почты до вас доедет; но подробности все-таки узнаешь от

меня, а они очень тебя будут интересовать. Императрица жаловалась, что немного нога болит после бала в воскресенье. – «Однако же ваше императорское величество не пожелали отдохнуть этим вечером перед завтрашним балом». – «Мне так и хотелось, но император пожелал устроить у нас маленькую вечеринку».

Кончу списком, кто были: две петербургские фрейлины, дежурная Щербатова и Бергман, другая Щербатова, Шереметева, графиня Протасова, графиня Потемкина, княгиня Голицына, графиня Апраксина, Апраксина Фофка с сестрою, генерал-адъютант князь Щербатов с женою, Бенкендорф, Чернышев, Адлерберг, Лобанов, С.Алдегонд, Игнатьев, князь Урусов и брат его, из Варшавы приехавший, граф Головкин, граф Нессельроде, князь Дмитрий Владимирович, Жуковский, Мердер, Монроэ, Загоскин и я с Катею. Забыл я тебе сказать, что вдруг в средину круга нашего стульев вошел актер Щепкин и декламировал смешивший очень монолог.

Александр. Москва, 12 ноября 1831 года

Вчерашний бал князя Сергея Михайловича Голицына был прекрасный; зато, сказывают, стоил 50 тысяч с лишком. Верю: одна иллюминация была уже необыкновенная, весь дом был в шкаликах, и улица с трех сторон набита народом, а в каретах учредилось, по обыкновению, катание. Встал я и рано, но от девяти часов до двенадцати не дали мне приняться за перо или заставляли писать, да не к тебе. Ну как мог я отказать доброму Черткову, который просидел у нас час, расспрашивая с любопытством о всем, до нас касающемся? Но давай-ка тебе рассказывать.

Императрица сидела. Катя танцевать стала французскую кадриль; подозвала к себе. – «Как себя чувствует сестричка?» – «Хорошо, ваше императорское величество». – «А малютка, – совсем маленькая, ибо там две малютки? – Да вдруг воскликнула: – Ах, какое платье! Прямо игрушка! Надеюсь, это не отсюда». – «Это из Петербурга, я его получила готовое от дяди». – «Как, дядя Булгаков? Но, знаете ли, для мужчины это невероятно; у него столько вкуса, и как свежо платье! Видно, что это идет от *обер-почтмейстера.* Вы прелестны, любезная! По-моему, одно из лучших платьев, мы обе словно сговорились быть в голубом». Не одна императрица, но все генерально любовались на платье Катенькино, и сшито было так хорошо, что нечего было переделывать. Еще сказала императрица: «Эти цветы восхитительны, непонятно, розовые ли они или белые, и так хорошо идут к голубому». Дамы все жаловались, то есть многие,

что им привозят все измято, что хорошо иметь дядюшку почт-директором. Как будто это не от того зависит, кто укладывает платья и посылки, чтобы дошло в целости? Ну уж спасибо тебе, блеснула твоя племянница. Государь сказал мне: «Скажи, брат балует своих племянниц?» – «Не балует, государь, а любит как дочерей своих». – «Признаться, нельзя не любить их, прекрасные обе».

Во время ужина Костя подошел к сестре; вдруг государь подошел к нему, руку левую протянул ему через плечо и сказал: «Это мой царскосельский товарищ, и мы признавались друг другу в шалостях наших. Скажи, есть охота служить?» – «Ах, государь, как не желать; мне кажется, что счастие мое начнется токмо со службою». – «А куда хочется?» – «Как папеньке угодно». – «В штатскую, так ли?» – «Точно так, ваше императорское величество». – «Ну, возьми терпение, я похлопочу у папы твоего, авось-либо и удастся». Костя отвечал смело и смеясь: «Я думаю, ваше императорское величество, что будет удача, ежели это вам точно не противно». – «Я добрых ребят люблю».

Костя поклонился и побежал меня отыскивать, чтобы рассказать радость свою. Только что вошел я в залу, где ужинали, и хотел к Вяземской подойти, государь изволил подойти, и начался разговор примерно следующий:

«Я говорил теперь с твоим сыном, мы вспоминали старину. А ты куда его прочишь?» – «В статскую службу, ваше величество». – «Почему так?» – «Я, брат мой, отец, дед – все мы служили так». – «Это не резон, ну а ежели у него охота к военной?» – «Государь, ежели бы в статской службе были шпоры и эполеты, он предпочел бы статскую службу». – «Ну нет! Эти игрушки могут забавлять в восемь лет, а не в 19; ты не Ольга, которая боится, чтобы мужа ее не убили на войне». – «Государь, ежели счастливо не быть убиту, но зато убитым слава». – «Ого! Какая славная фраза. Ты судишь-то хорошо, а делаешь не по словам; так отдавай же нам сына; он ловок, умен, жив; все это ему пригодится». – «Государь, конечно, служба военная должна шаг брать». – «Так что же?» – «Боюсь, чтобы он не избаловался до офицерства». – «На это есть надзор, не дадим ему избаловаться; у него есть дядя, считай и меня: у него будет в Москве отец, а в Петербурге другой». Я так был тронут, что поклонился, но отвечать уже не умел и не нашел что.

Теперь что мне делать? Мудрено мне идти против воли государя. Почему не служить Косте в военной? Кто знает, что его ожидает, служа под надзором общего отца нашего?

Когда Костя танцевал французскую кадриль, то государь глядел на него и сказал, кажется, Олсуфьеву: «Это единственный из всех этих господ, кто хорошо танцует и хорошо держится». И

подлинно, Костя в белых штанах со стянутым мундиром очень был авантажен. Ростом он с меня почти, держится прекрасно, и хотя лицо и не совсем красивое, но приятно. Теперь, мой милый друг, ожидать буду твоих мыслей, хотя кажется, что нельзя идти против точной воли государя.

Я танцевал с графиней Моден вальс; государыня изволила подойти ко мне и сказала: «Не хотите ли сделать то, что называется у нас экстра-тур?» Я поклонился, и после одного круга собирался против места ее остановиться, но ее величество сказала мне: «Еще один тур». «Уверяю вас, – сказала императрица громко княгине Барятинской, – этот гран-папа может посрамить нынешних молодых людей». После подсела она к столам, где играли, и сказать изволила Уварову Сергею Семеновичу: «Вы тут играете, а по-смотрите-ка на этого дедушку Булгакова, как он пляшет». После в котильоне императрица изволила тоже меня выбрать, а в другой раз Урусова меня подвела к ее величеству. Вальсом и котильоном я отделался, но французскую кадриль и мазурку не танцевал. Прощаясь, хозяин обласкал Костю и повторил ему, что государь отзывался ему хорошо о нем и что он должен стараться заслуживать такое мнение и быть примером другим воспитанникам. В Косте видна большая способность поддержать молву добрую о себе и идти рядом с сестрами, о коих генерально все говорили одно и то же.

Молва, что едут около 25-го, неверна; это, нужно думать, отъезд цесаревича. Государь сам изволил мне говорить о крестинах *дней через десять*. Это было восьмого, стало, не думал ехать прежде 18-го. Общее мнение – что будут к вам к Николину дню. Говорят, что будут милости к 20-му числу (восшествие на престол).

Тургеневское дело тяготит ужасно. Мне кажется просто, что он хочет, собрав все до волоска и продав, что имеет, оставить навсегда Россию. Он это скрывает очень, но похоже на то; ибо с Вяземского, Жуковского и всех своих друзей требует настоятельно расплаты. Нечастный этот Николай, и его парализуют благие намерения: ему бы служить в России и быть полезным. Добр он точно, но ветрен и заражен модным духом этим: видит счастие России во вздорных, громких фразах. Немало мы спорили, а он все твердит, что жалеет, что мы оба брата, имея и ум, и сердца хорошие, заразились старыми предрассудками.

Государь никуда не поедет отсюда, а Орлов куда-то отправлен, чуть не в Курск ли? Принц Ольденбургский едет в Ярославль, где Полторацкий дает ему бал; в воскресенье будет он сюда обратно.

Александр. Москва, 13 ноября 1831 года

Граф Нессельроде нездоров. Я его не видал вчера, но был у нас вечером Брунов и сказывал, что граф страдает коликою, что утро перемогался, но после обеда послал за доктором. Обедал накануне у Бенкендорфа, или с ним где-то, и, верно, обкушался.

Александр. Москва, 14 ноября 1831 года

Граф не хочет сознаться, что лишнее покушал; а обедая с Бенкендорфом, это немудрено. У него видел я Уварова, который завтра или в понедельник дает большой бал. Нездоровье графское отменяет привоз архивских бумаг во дворец. Ужо, мой милый и любезнейший друг, вечеринка у императрицы; верно, опять фанты и танцы с клавикордами. Должно было быть сегодня катанье в санях, но отменено, а вчера государь потчевал кадетов маленьких театром. Для них взято было лож 15, вся правая сторона первого яруса, во всякой ложе было по 8 и 10 малюток, насмеялись, натешились, давали «Транжирина» и балетик «Волшебная флейта». Государь с императрицею были в боковой ложе и часто поглядывали на малюток. Завтра концерт аматеров в зале Собрания, в пользу бедных; опишу, послушав. Поют: Бартенева, Шереметева, Акулова, Григорий, а в хорах все наши барышни, но моя не участвует.

Александр. Москва, 16 ноября 1831 года

Субботнишний вечер во дворце был очень приятен. Было обыкновенное маленькое общество, к коему прибавились только князь Четвертинский с женою и новой фрейлиной Шереметева[71], с новой фрейлиной и сыном, кавалергардским офицером. Их величества очень были веселы. Государыня танцевать изволила со мною французскую кадриль и несколько раз брала меня вальсировать с собою; сказала княгине Барятинской: «Никто здесь не вальсирует, как Булгаков, вальсируя с ним, отдыхаешь». Государь танцевал две французские кадрили и несколько раз вальсировал. Оба спрашивали про Ольгу. Во время мазурки я стоял у дверей возле Бенкендорфа и разговаривал с ним, глядя на танцы. Вдруг слышу голос государев: «Булгаков!» А государь был в другой зале, сзади, и чай кушал за столиком.

Я подбежал. «Что делает наша княгинюшка?» – «Слава Богу, здорова». – «Не встает еще?» – «Сидит, ваше величество, на постели». – «Все идет как следует? Берегите ее. Надобно быть осторожнее, чтобы как-нибудь не напугать». – «Бережем, государь, никого не пускаем; но вчера было не без приключения». – «Что такое?» – «Она спала, а девка наступила на хвост собаке, она завизжала, Ольга вздрогнула и испугалась». – «Что же вы,

расстреляли собаку?» – спросил государь шутя. – «Нет, государь, мы удовольствовались заточением; собаку взяли мы к себе в дом, а то нельзя было выгнать ее из спальни». – «Нет, надобно, право, беречь маменьку почтенную». – «Я просил к ней князя Петра Михайловича, по ее желанию; но он отвечал, что прежде девяти дней не поедет к ней». – «И умно делает, поступает как отец семейства. Она сама не кормит?» – «Нет, ваше величество». – «Я спрашиваю, и мне самому смешно. Ольге Александровне кормить ребенка! Давно ли сама ребенком была? Ну, что муж, помышляет о службе?» – «Как же, ваше величество; он и прежде желал это, но теперь еще более». – «Мне кажется, он слабого здоровья». – «Нет, государь, и отец его был до двадцати семи лет такой же тщедушный, а после стал полнеть». – «А военной службы не хочет?» – «Он бы и не совсем прочь, да жена не очень желает этого». – «Лишь бы служил только. Ну а сына твоего считаю я уже завербованным, так ли?» (Я поклонился.) «Воля вашего императорского величества – закон». – «Нет-нет! Я хочу, чтобы тут было сопряжено твое убеждение с его желанием. Присылай-ка его к нам; пусть старается, ведет себя хорошо, так в шесть месяцев может выйти, а мешкать – так будет офицером двадцати двух лет; это поздно несколько. Я его определю к императрице в полк, а в Кавалергардском полку есть пять ваканций. Мы рады будем такому приобретению и будем поглядывать за ним. Он мальчик ловкий, умен».

Я старался оправиться от сих милостивых и неожиданных слов, кланялся, благодарил, сказал, что Костя точно умен, имеет добрейшее и чувствительное сердце, что до сих пор, когда его побраню, плачет, как девочка. «Это очень хорошо», – сказал государь. «Он очень резов, государь». – «И это не порок; резвым надобно быть молодому человеку, но шалости не должны быть вредны, подлы, непростительны». Государь прибавил: «Присылай его к нам с Богом!»

Целый вечер был я все в дистракциях: не выходили у меня из головы слова государевы. Не остается иного, как повиноваться, и подлинно, может быть, Косте открывается славная карьера. Начало будет не тяжело, но офицерство его требовать будет издержек, хотя небольших, ибо должен жить по состоянию нашему, то есть скудно. Что-то ты скажешь об этом, любезнейший друг? Разговор мой с его величеством я одной жене пересказывал и утаю не только от Кости самого, но ото всех без изъятия, чтобы не огласилось и до него не дошло: тогда пошла бы у него голова кругом, и прощай, ученье. Что же касается до Долгорукова, то он желает также тотчас вступить в службу; но о коллегии слышать не хочет, не желая служить под начальством графа Нессельроде,

коего почитает себе недоброжелательным; будет стараться о Кремлевской экспедиции или быть при князе Дмитрии Владимировиче на время, ибо после весны хочет переехать в Петербург к вам. Очень бродит у нас камер-юнкерство в голове, – может быть, и устроится как-нибудь.

Графу Нессельроде лучше. Вчера гулял по бульвару до обеда, а вечером просил, чтобы ехать вместе на концерт. Я явился к нему к восьми часам, и пустились вместе; отыскал я ему его место. Музыка была славная, и все удалось.

Было множество, и собрано более 20 тысяч. Еще неизвестно, что пожаловал государь.

Граф Карл Васильевич очень доволен Строевым, дал мне негоциацию предложить ему плату годовую. Строев отклонил, не хотя быть наемщиком; но я заставил его принять табакерку, которую граф ему привез из Петербурга. Чтобы дело было благовиднее, я написал письмо к Строеву ласковое, посылая гостинец, и граф оное подписал. Строев сказал графу: «Ежели хотите меня наградить, то скажите Александру Яковлевичу, что ваше сиятельство мною довольны».

Едучи на концерт, граф сказывал, что государь в ночь отправился в Ярославль на пару дней. Верно, чтобы не быть здесь 19-го числа, в сей печальный для него и России день, а то каким делам быть в Ярославле? Государь, верно, заедет к Троице, то есть остановится там помолиться. Вообрази, брат, досаду мою: еще на балу во дворце князь Петр Михайлович сказал мне, что имеет уже ответ от Алины [Александры Петровны Дурново, дочери князя Петра Михайловича Волконского], которая поздравляет Ольгу с дочкою. В понедельник Ольга родила, а в субботу поутру князь имел уже ответ, и в Петербурге знали о радости нашей, и ты знал не от меня первого, но от князя Петра Михайловича самого. Жаль, что ты не мог писать с тою же эстафетою, что Алина к отцу. Не скажет ли что-нибудь почта? Ежели ты 11-го узнал от князя Волконского, то 12-го мог мне писать по почте. То-то тебя обрадует, ибо я все предвещал роды к моим или Катенькиным именинам, да не тут-то было. Сашка мила, глаза пребольшие черные, ушко маленькое, как у Наташи и Кати, а нос курносый, Ольгин. Долгоруков начал уже убирать дом, лестница будет в цветах и деревьях, зала также; только не знает еще, завтрак ли надобно или чай, то есть до обеда ли или после будут крестины.

Вчера представлялась Наташа. Государыня начала шуткою: «Вы дожидались титула бабушки, чтобы представиться», – потом спрашивала об Ольге и более все об ней говорила. С нею представлялись Черткова, Кругликова и сестра их Наденька

Чернышева, Софья Александровна Волкова, молодая Корсакова, графиня Васильева с дочерью, Бибикова, урожденная Муравьева-Апостол [Екатерина Ивановна, сестра трех декабристов], которая говорила что-то много и плакала. Ланская не приехала: у нее, бедной, сын восемнадцати лет очень болен, а муж ее, губернатор костромской, представлялся; он и Гродненской губернии Муравьев были приняты в кабинете. Ты, верно, знаешь старика-героя Неклюдова, который первый полез на приступ в Измаиле. Он просил пенсию его обратить дочерям. Государь сделал это; потом просил государя утешить его. – «Чем?» – «Мне стыдно, государь, что меня будут, старика, хоронить без генеральских почестей». – «Этому не могу пособить: ты отставной». Старик опечалился. Но вскоре государь послал Неклюдову эполеты генеральские, велел сказать, чтобы жил долее, а когда умрет, то почести получит, какие желал. Неклюдов был вне себя от радости. Я видел его во дворце вчера, и он твердил: «Теперь одно бы желал – убитым быть на штурме каком-нибудь за батюшку Николая Павловича». Ему 86 лет, а ужасно еще бодр.

Вчера купцы давали большой обед Канкрину. Недаром он сюда приезжал; он сделался популярным, ибо прежде его не любили, немцем все называли. Желательно, чтобы мнение насчет нашего также переменилось, но у него нет ловкости Канкрина, не умеет угодить и быть приятным, даже когда хочет.

Александр. Москва, 17 ноября 1831 года

Князь Дмитрий Владимирович выходил много наград, многие еще под спудом. Новосильцев, яко другу, вверил мне, что третьего дня государь, едучи из дворца в экзерциргауз, сказал князю: «Подле вас есть некто, у кого есть враги и кто хвастает, будто делает из вас что хочет». Князь очень удивился, когда, спросив, кто это, услышал имя Новосильцева. Князь горячо заступился, но так как уже подъезжали, то и разговор прекратился. По-моему, князь напрасно сказал это Новосильцеву, который в ужасном сокрушении, не заслуживая мнения такого. Князево дело – переменить мысли царские, в чем, верно, и успеет; но каково бедному Новосильцеву покуда? Он было представлен был в коллежские советники и камергеры. Часа три мы толковали, откуда могла бы идти эта неприятность, и не постигаем, ибо это неправда: Новосильцев пользуется весьма добрым именем в Москве. Он имел длинную беседу с Бенкендорфом, который его успокоил и слово дал, что он тут совершенно чужд и что никогда не было речи о нем. Всех мы теребили, остался один Волков, к коему еду объясняться; но я уверен, что и Волков не мог повредить Новосильцеву. Вот как легко безвинно погубить

человека, и как должно быть осторожным на сем свете! Новосильцев очень остер; может быть, невинное, но колкое словцо поставило против него какую-нибудь кумушку. Все это сообщил он мне под секретом; я очень рад, что имею случай быть ему хоть несколько полезным, и желаю, чтобы он выведен был из столь неприятного положения. Об этом должно князю стараться; это выходит его дело столько же, сколько Новосильцева. Очень мне прискорбно положение бедного Новосильцева.

Лобанов, князь Борис Александрович, сделан камергером, да кой-какие мелочи. Шереметеву также ключ, недавно дочь [Анна Сергеевна] сделана фрейлиною. Это доказывает, что заступничество великого князя Михаила Павловича очень сильно у государя, ибо его высочество фамилию эту протежирует. Государя ожидают обратно сегодня в ночь или завтра поутру. Ох, метель большая на дворе, как бы не испортило это дороги и его величество бы не задержало. Государь сказал князю Дмитрию Владимировичу: «Давайте ваш обед 20-го, но считайте меня в эти дни в Москве как бы отсутствующим».

Александр. Москва, 18 ноября 1831 года

Граф и канцелярия его работали вчера целый день над отправлением курьера в Лондон. Он просил меня заехать за ним вечером и везти его в Немецкий театр, куда звал его в свою ложу князь Дмитрий Владимирович. Так мы и сделали. Князь должен был оставаться в императрицыной ложе, поэтому мы были одни с графом. Театр холодный или, лучше сказать, сырой; я графа уговорил надеть шинель, которую выписал ему из передней, а то после болезни недолго бы ему опять занемочь. Труппа незавидная, правду сказать. Мадам какая-то с большим голосом делала мудреные гаргульяды, но вовсе не приятные, хотя ария была и Россини. Мы уехали с графом прежде конца, чтобы избежать толпу; разъезд очень плох в этом Юсуповском театре.

Озерова дочь Катерина взята во дворец; сказывают, что берут также для житья во дворце Бартеневу, но без фрейлинства. Вот и будут готовы две домашние музыкантши для импровизированных концертов: одна петь будет, а другая – играть на фортепьяно. Петр Иванович и рад, и жалеет, ибо Катерина Петровна была как матерью для сестер своих. Желаю, чтобы бедную Бартеневу взяли; чего ей ждать от такого отца и взбалмошной матери? Намедни были дежурные Озерова и Шереметева, послали за Рубини и князем Григорием [Григорием Петровичем Волконским, сыном министра двора], и вдруг составился концерт у императрицы.

Завтра есть оказия к великому князю Михаилу Павловичу, надобно мне писать к нему непременно. Он велел сказать

Башилову через Шереметева, что «оставляет службу, чтобы идти в звонари Ивана Великого». Государь очень смеялся этому и приказал сшить из красного сукна кафтан (это костюм ивановских звонарей из старины) и послать оный к его высочеству с завтрашним курьером. Жаль очень, что не приехал сюда его высочество.

Александр. Москва, 19 ноября 1831 года

Государь вчера возвратился из Ярославля благополучно. Сегодня горестный для него, для всех и для тебя в особенности день, кончина покойного государя Александра Павловича. Государь изволил кушать в обществе трех или четырех человек у Николая Ивановича Демидова в большом инкогнито. Катенька дежурная, и, вероятно, будет панихида в Чудове, но домашняя. Завтра обед у князя Дмитрия Владимировича. Ему сказал император: «Давайте ваш обед, но забудьте про меня и считайте меня в Москве отсутствующим». Вот, стало, два дня потерянные. Я думаю, что в воскресенье, вероятно, будут крестины. Ужо заеду к князю Петру Михайловичу узнать что-нибудь, между тем Ольга ходит уже по комнате, и мне кажется, выросла – может быть, и от брюха, которое ее скругляло. Она прекрасно выглядит, здорова и весела, копит свои червонцы, коих у нее уже более тридцати, а были только ближайшие родные.

Александр. Москва, 20 ноября 1831 года

Сегодня обед большой у князя Дмитрия Владимировича, еду туда со своим графом, а вечером бал большой у Киндяковой, вся свита царская будет там. Говорят о трауре на две недели по княгине Лович; но я вчера видел, как императрица садилась в карету: она была в белой шляпе, а княжна Урусова – в розовом капоте. Вещь непонятная: княгиня Лович умерла 17-го в полдень, а 18-го, в 10 часов вечера, государь знал уже о кончине сей. Фельдъегерь прибыл сюда в 34 часа. Это ужасно!

Государь был доволен своею поездкой в Ярославль. 17-го был он на балу у Полторацкого, а на другой день изволил застать императрицу за обедом. Его величество сказал графу Нессельроде, что после Петербурга и Москвы Ярославль самый красивый город губернии.

Очень все поражены смертью Лавинского, который был убит в Иркутске, но я не знаю подробностей.

Александр. Москва, 21 ноября 1831 года

Прежде нежели лечь спать, начну письмо к тебе, мой милый и любезнейший друг. Давеча, покуда я был у Ольги, приехал к ней

князь Петр Михайлович Волконский, довольно долго сидел и объявил, что государь изволит крестить внучку мою в воскресенье и что изволит прибыть в 2 часа до обеда, чтобы все было просто, без певчих, с приходским священником. Князь выбрал комнату и все нужные наставления, что надобно и что нет, советовал (что мы и без того положили), чтобы никого не было, кроме отца, матери и братьев новой маменьки, чтобы было шампанское, ибо государь попросит выпить за здоровье курноски и дочки ее. Долгоруков начал уже тотчас хлопотать, убирать лестницу коврами, комнаты цветами, а княгиня – трусить: отстала от света. Станем готовиться к торжественному дню.

17-го государь был на балу у Полторацкого в Ярославле, а 18-го изволил здесь кушать с императрицею, и это недурно!

Александр. Москва, 22 ноября 1831 года

Все было уже у нас приготовлено, всем велели отказывать, только была наша семья: две мамаши, кума Катя, Костя, Пашка-зять, бабушка и я. Мы не видали, как государь вдруг въехал на двор в санках в одну лошадь. Время было прескверное, метель поутру, я и думал, что будет в карете; но к полудню разгулялось, солнце прекрасное стало светить, и стало тихо. Первые выбежали встречать на самом крыльце Долгоруков-зять, Наташа. Я выбежал в переднюю. «Жалуюсь тебе, – сказал государь. – Жена твоя в эту стужу выбежала в одном платье на лестницу». – «Понимаю это, государь, – отвечал я. – Я опоздал оттого, что Ольгу удерживал, и она хотела выбежать сюда встречать ваше величество». – «Хорошо сделал, вот бы одолжила она!» Между тем государь вошел в гостиную, спросил, какого Гагарина это дом, и прибавил: «Следовало бы мне погреться, прежде нежели войти к маменьке новой; но, признаюсь, велико мое нетерпение ее видеть и поздравить». Мы отворили двери в спальню, и государь вошел.

«Вас ли я это вижу, Ольга Александровна! Вы маменька, может ли это быть?» – «Государь, я не знаю, как вас благодарить, но милости ваши чувствовать умею; в древние времена я бы попросила вашу ручку поцеловать, а теперь…» – «А теперь, – сказал государь, перебивая речь, – теперь дайте мне вашу ручку поцеловать, но кончики только, потому что я холодный, только со двора». И государь, поцеловав ручку, тотчас от Ольги отступил. Ольга представила государю княгиню Екатерину Алексеевну, которая очень оробела.

«Ну, признаться, и на свадьбе вашей быть показалось бы мне странно, видевши вас недавно ребенком; но крестить дочку вашу – я этому сам не верю. Все это очень скоро сделалось. Вам 16 лет?» – «Нет, государь, полных 17». – «Что ж, великая княжна

Елена вышла замуж еще до того, как ей сравнялось 16 лет. Вы обогнали вашу старшую». – «Она мне, государь, и сестра, и мать крестная». – «Вот хорошо! Стало быть, она и сестру, и племянницу крестила. Вот какая у меня кума! Здесь вся ваша семья?» – «У меня есть еще, государь, гусарик», – сказала Наташа. – «Какой гусарик?» – «Я вам его приведу», – сказала Наташа и пошла за Пашкою, который, одетый в новый мундир подаренный, сидел в спальне у княгини Екатерины Алексеевны и ждал сигнала явиться. Он подошел и славно сказал государю вытверженный им урок, подняв руку ко лбу: «Здравия желаю вашему императорскому величеству!» Государь засмеялся и поцеловал его. «О, брат, – сказать он изволил, – да ты перещеголял брата твоего Костю и ранее его начал служить; а который тебе год?» – «Шесть лет», – отвечал Пашка смело. «Я нахожу, – сказал государь, – что похож на вас», – адресуясь к Наташе.

Зять доложил, что все готово, и государь вышел в гостиную, тотчас пошел к бабушке, открыл одеяло и стал рассматривать мамзель Сашку. Начался обряд, который государь очень твердо знает, ибо говорил то Кате, то бабушке, что должно делать. Сашка была умна и почти не кричала. Государь рукою изволил прежде попробовать, не холодна ли вода. Только что окунули, – карета въехала на двор, а велено было всем отказывать. Я побежал в переднюю, а это был князь Петр Михайлович, которого пускать не хотели люди. Он просил, чтобы я его провел как-нибудь задними комнатами к Ольге, не проходя через гостиную, что я и сделал. Как кончилась церемония, стали просить государя войти к Ольге; но он приказал прежде понести к ней окрещенную, после вошел сам. Поздравлять стал Ольгу, поцеловал у нее еще руку, потом у княгини Екатерины Алексеевны, потом у Наташи, потом у Кати, называя ее *милою кумушкою*, потом обнял меня, говоря: «Поздравляю дедушку», – потом поцеловал Долгорукова два раза: «Желаю тебе утешаться моей дочкою крестною». И Костю тоже поцеловал и поздравил, да увидев Пашку за стулом, сказал: «Ах ты мой гусар, поди-ка сюда, надобно и тебя поздравить дядею». Все мы были тронуты, а дамы прослезились милостию такою. Государь все стоял. Ольга попросила его сесть, но он благодарил. «Тогда, – сказала Ольга, встав со своей кушетки, – и я буду стоять». – «О! Так, видно, придется мне сесть, но я буду просить дам сесть также».

Все уселись, и начался разговор.

Потом Ольга предложила государю позавтракать, но его величество отвечал: «Благодарю очень и сожалею, что не могу у вас сидеть, сколько бы хотел; многие представляются мне сегодня, и меня ждут, но я попрошу шампанского, чтобы выпить

за здоровье ваше, Ольги и дочки моей». Я сказал Долгорукову, чтобы он поднес сам рюмку и налил из бутылки государю. Его величество выпил, поздравив целую семью, одного после другого по порядку, как прежде поздравлял нас после крещения. «Прошу выпить также», – сказал государь Ольге. Она взяла, но его величество дал только отведать, прибавив: «Это могло бы вам повредить; вот у нас гусар за вас допьет. Пей», – сказал государь, подав рюмку Пашке. Этот было хлопнуть хотел одним махом, но государь отнял у него и отдал Косте со словами: «Ну-ка, будущий гвардеец!» Потом, обратясь к Ольге: «Я в восхищении, что вы дело устроили так, чтобы я мог сам присутствовать на крестинах». – «Это большое счастье для меня, государь; я никогда не смогу вам выразить, как я чувствую все милости вашего величества к нам». – «Ну вот, пошли опять комплименты». – «Да подлинно, государь, Ольга необыкновенное имеет какое-то счастье. Она родилась 1 июля, вы изволите помнить день этот». – «Как! В один день с женой моею?» – «Точно так. Она вышла замуж 28 января (рождение великого князя Михаила Павловича), а родила 8 ноября (в именины Михаила Павловича)». – «Это необыкновенно, слышишь ли ты, Волконский?» – «Да, мне сказывал Александр Яковлевич; это подлинно странно, а для нее очень счастливо». – «Ну! А когда родите вы сынка-то? В какой день?» – «Не знаю, государь, а хотелось бы 6 декабря». – «А только не 6 декабря этого года», – сказал государь, смеясь.

Вот, кажется, главнейшие предметы, о коих разговаривали. Мы все еще сообщаем друг другу слова государевы, ибо всякий из нас выбегал из комнаты то за одним, то за другим. Когда государь стал уезжать, то опять у дам руки поцеловал, а нас обнял, точно как бы друзей или людей, себе равных. Жене сказал: «Ну, мадам Булгакова, я надеюсь, что вы останетесь здесь и не побежите на холод, я этого даже категорически требую», – нагнулся, поцеловал Пашку в лоб, говоря: «Расти, мой друг, и будь умен». Долгорукова, обнимая, сказал: «Береги свою жену и помни мое предсказание (о будущем сыне)». Костя сказал государю: «Ваше императорское величество не проберетесь, двор и улица набиты народом». – «Пройдем как-нибудь, – отвечал государь, – нам этому не учиться: дома у меня всякий день та же история. Прощай, – прибавил государь, – до свидания в Петербурге». А меня, обняв еще раз уже в сенях, – садясь в сани, в шинели и шляпе, взял еще за руку и жал ее.

Стоявший на дворе и улице народ закричал «ура!». И за санями побежали, сколько было сил. Даже кареты стояли против дома, и в них дамы, чтобы на государя смотреть. Мы вбежали в комнаты, и всякий закричал по-своему похвалу державному

ангелу. Все стали друг друга целовать, поздравлять, пить шампанское, и ну отправлять завтрак, который был приготовлен для его величества. В живой, общей этой радости. Ольга вовсе забыла посмотреть футляр, который князь Петр Михайлович положил к ней на стол. «Папенька, откройте вы». Я открыл, и нашли мы прекрасную севинье [брошь], я полагаю, тысяч в пять, три лала прекрасного огня, лалы, или рубины-балэ, удивительной игры; но дорога память и бесценна ласка царская.

Весь день мы были как вне себя, мой милый друг. И флегма Волконский сказал, пошевеливая ртом на сторону: «Да, велики его милости к вам!» Теперь о другом в городе не говорят, как о долгоруковских крестинах. Это знаю я от княгини Татьяны Васильевны, Адлерберга, Моден. У первой была вечером репетиция концерту завтрашнему, а те были вечером у Пашковых. Государь за обедом все рассказывал о крестинах, об Ольге, о странном сочетании чисел, о коем выше тебе говорено. Не знаю, право, что тебе писал и как. Теперь два часа, я воротился поздно от Пашковых, но не хотел лечь спать, не описав тебе этого счастливого, единственного для нас дня.

Тургенев в восхищении от твоего письма. Вчера танцевал до упаду у Пашковых. Я точно мнения Дашкова, что он кончит, как Сергей[72], и что есть маленькое начало. Намедни, у Киндяковых на балу, он вдруг начал громко проповедовать Рахмановой, среди котильона рассказывая, как можно соединить веры нашу и католическую. Вяземская так и померла со смеху.

Приехавший из курского следствия жандармский граф Апраксин привез письма к графу Нессельроде и к тебе от Демидова Павла Николаевича. Умирает – хочет служить в Иностранной коллегии. Я графу говорил, как бы найти ему место. Но у нашего Нессельроде все трудности везде. Другой бы с охотою взял к себе такого матадора.

Александр. Москва, 23 ноября 1831 года

Я сию минуту из дворца, любезнейший брат. Князя Петра Михайловича благодарили мы с зятем. Государя не было, он какие-то смотрит войска, а императрица поехала в Институт. Мы вызывали камердинера и просили доложить его величеству, что были оба – повергнуть к стопам его нашу благодарность за милость, нам вчера оказанную.

Мы заехали с Долгоруковым поздравить именинника, князя Александра Михайловича Урусова; при нас принесли пакет от императрицы, пришлось еще поздравить: княгине прислан при рескрипте бант Екатерининский. Она очень довольна, и немудрено, ибо пожаловано только ей и графине Зубовой, дочери

Суворова и действительной тайной советнице.

Государь, говоря княжне Софье Урусовой о крестинах, сказал: «Ну уж какие у меня две кумы завелись – премилые, умные и добрые». А та, спасибо, ну всех нас хвалить.

Александр. Москва, 24 ноября 1831 года

Мы сейчас с концерта князя Дмитрия Владимировича. Музыку хорошо давать нескольким охотникам, а тут было 150 человек. Зала была славно убрана зеленью, и сидели все без чинов. После ужина пели на хорах цыганки. Государь два раза изволил подходить ко мне, спрашивал об Ольге и малютке, хвалил голос Катенькин, а ей императрица сказала: «Хорошо же было прятать от меня такой чудный талант!» Катенька боялась, что заставят ее петь, но обошлось. И государь также ей сказал: «Я и не знал, что моя кумушка такая *певунья*!»

Вечер был как-то холоден и церемонен. Императрица подходила к Наташе и начала разговор словами: «Под конец я вас вижу на вечеринке». – «Может быть, не увижу уже государя. Эта мысль грустна: завтра он нас оставляет». Я также сказал государю, что мы с зятем являлись его благодарить за милость, нам оказанную. Его величество отвечал: «Не нужны церемонии; а я очень рад, что мог сделать угодное Ольге Александровне; не забудь ей поклониться от меня».

Ж. точно неправ, но предубеждения против Тургенева столь велики, что и его тут винят в погублении старого друга своего. Одна уже связь Ж. с Тургеневым была началом холодности правительства к первому. Тургенев от твоего письма в восхищении и твердит все: «Я доволен братом твоим, он всегда был один и тот же со мною; но зато и вы будете довольны». Вчера он благополучно спал на концерте, когда не суетился и не волочился. К Наташе подошел: «Что нового?» – спросила она. «Ах! Вы знаете ли, что Долгорукова (Ольга) родила? Да государь у нее крестил уже». – «В уме ли вы, Александр Иванович?» – спросила жена. «Говорю вам, весь город о том говорит», – и насилу опомнился, что говорил с матерью Долгоруквой.

Александр. Москва, 25 ноября 1831 года

Государь и императрица изволили отбыть сегодня в 7 часов, – так говорили вчера у Урусовых, которых ездил я поздравлять с именинницею и чуть не застал там государя, который также изволил быть у княгини Екатерины Павловны с поздравлением. Кушать должны в Твери, откуда государь поедет уже один прямо в Петербург, а государыня следовать будет. Не испортила ли дорогу метель, которая была ночью? Но, слава Богу, что стало

тише, а то с восемнадцатью градусами мороза быть в дороге и ехать так скоро тяжело. Откланивания не было никому, и я видел их величества в последний раз на концерте князя Голицына. Не слышно о милостях при отъезде, как было говорили; а многие ожидали. Говорят, что есть два камергера еще: князя Сергея Михайловича племянник Голицын, что при университете, и Дмитриев, племянник Ивана Ивановича. Комендант бедный очень невесел, что князь не представил его подчиненных, и говорил ему: «Ежели я заслужил орден Св. Владимира, то обязан им моим подначальным, пусть мне позволят разрезать его на куски и раздать моим подчиненным». Вот как всякий благородный начальник думает, а другой все хорошее приписывает себе только одному.

Приехала княгиня Щербатова, урожденная Апраксина; заговорился с нею, все о государе и императрице, которая, прощаясь вчера с князем Дмитрием Владимировичем и княгиней Татьяной Васильевной, плакала, благодарила и изъявляла сожаление оставить Москву. Княгиня Татьяна Васильевна едет в подмосковную отдыхать, а там собирается к вам, и князь также.

Александр. Москва, 26 ноября 1831 года

Вчера вечером приехали к нам Красовский с женою; она уехала к Небольсиной, а он остался и многое нам порассказал о сахарах-поляках; после приехал также Адлерберг, пил чай и просидел до одиннадцати часов. Он добрый, услужливый человек и большой охотник танцевать. Принудили Катю попеть, и они очень ее расхваливали, хотя я нахожу, что она много потеряла в пении; то ли было, как она воротилась из Петербурга после уроков Рубини! Вообще все окружающие государя очень отличали Катю от прочих фрейлин, а она, отложа красоту свою, вела себя очень умно, осторожно, вежливо. Велики были милости к ней и Ольге государя и императрицы; только я радуюсь, что не взяли ее в Петербург. Графиня Потемкина сказывала мне, что государь ей очень расхваливал детей моих; та, любя их очень, наговорила также много хорошего. Император отвечал: «Эта малютка Долгорукова непостижима; мне кажется, я вижу ее ребенком, а вот она замужем и мать, и надобно видеть, как у нее это все хорошо получается. Она и сестра ее привели меня в восхищение на крестинах».

Много милостей оказано было Урусовым. В обед 24-го числа получила княжна Софья премилую записку от императрицы, коей ее величество приглашает к себе на вечер прощальный отца ее и мать. Княгине бант пожалован, а перед отъездом совсем в дорогу государыня пожаловала княжне Софье Александровне свою шубу

черную лисью, которую ценят в 12 тысяч. При самом отъезде в путь были в зале князь Дмитрий Владимирович, обер-шталмейстер Муханов, слепой Гагарин, князь Сергей Михайлович, Озеров, Четвертинский. Их величества говорили, сколь они тронуты преданностью московских жителей, как им было здесь весело, покойно, как любят Москву. У государыни были слезы на глазах, и большая часть бывших тут также, глядя на нее, прослезились. Кремль был усеян людьми. Государь сказал: «Скоро надеюсь опять с вами увидеться».

Александр. Москва, 27 ноября 1831 года

Вчера обедал я у Волкова, тут был Сталь. Вот два добрые начальника! Один получил звезду Владимирскую и говорит, что она у него как камень, потому что князь Дмитрий Владимирович отказал представить о подчиненных Сталя; а они, говорит он, надели на меня звезду. А Волков сам ничего не получил, а в восхищении, потому что все его подчиненные награждены. Некоторые канцелярские вместо орденов получили подарки, по ошибке Бенкендорфа, и хотя это было утверждено государем, Волков не дал покою Бенкендорфу, который передоложил, исправил свою ошибку и выпросил четыре креста. Так вот начальники! Вот так-то ты с твоими почтамтскими. Мне очень приятно это было узнать, потому что я воображал себе, что Волков был забыт в этот приезд. Те, кои остались, так воображают себе, что их не забудут 6 декабря; называют, по обыкновению, фрейлин и проч. Бухарин писал и просил, чтобы дочь сделали фрейлиною и взяли во дворец, но не исполнилось желание его. Княгиня Абамелек тоже просила для дочери, но также отказ. Можно было это предвидеть. Называют также М—ую. Всем этим не следовало просить; но первые две хоть изрядненькие лицом, а наша-то была бы пугалищем дворцовым.

Пашка всем показывает местечко на маковке, где государь его поцеловал, а няня место это все крестит. До сих пор много в Москве рассказывают о крестинах наших. Долгоруков делает бляху с надписью, которую прибьет на те кресла, где изволил сидеть государь. Будет сказано, что государь такого-то числа крестил такую-то и сидел на креслах сих возле родильницы. Сии кресла будут иметь особенное место и сберегаться в фамилии. Это очень хорошая мысль.

Александр. Москва, 28 ноября 1831 года

Да, брат, бедного Новосильцева очень огорчило бывшее с ним. Я вчера был у него. Он печален, убит. Письмо, писанное им князю Голицыну, было читано государем, но не произвело ничего.

Я ему советовал продолжать службу как бы ни в чем не бывало; мнение добрых людей и продолжение доверенности к нему князя Дмитрия Владимировича должны его поддерживать. Все со временем объяснится и поправится, а выходом в отставку он все испортит, навсегда оставаясь неоправданным. Вообрази, между нами, что это каверзы Муханова, который холодность к нему князя Дмитрия Владимировича приписывал Новосильцеву. Князь давал какое-то следствие Новосильцеву делать; этот, найдя неправым Муханова (который велел высечь одного управляющего, а пойманного им вора велел выпустить), сделал князю рапорт, в коем брал сторону Муханова же, именно избегая раздоров и зная, что князь к Муханову не благоволит и без того. Но князю донесли другие, как было дело, и он Муханову ужасно мыл голову с угрозами удалить его. Тот вообразил, что это работа Новосильцева, наговорил Бибикову, прося великого князя поставить против Новосильцева, который якобы ссорит всех с князем Дмитрием Владимировичем, из коего делает будто что хочет. Великий князь, полагаясь на слова Бибикова, говорил государю. Теперь сам Муханов, узнав все обстоятельства, жизни не рад и готов все поправить, сам Новосильцеву изъявлял свое сожаление, да нет пользы. Зло сделано, поди поправляй! Вот как должно быть осторожными тем, кои имеют доступ к высочайшим лицам! Сколько вреда можно сделать одним словом! Я признаюсь тебе, что, обращаясь учтиво с Мухановым, ненавижу харю его; да и человек, который ругает скверно такого ангела, каков граф Михаил Семенович Воронцов, не может быть хорош. Его очень здесь все не любят. Я вошел в эти подробности, зная, что ты любишь обоих Новосильцевых.

Александр. Москва, 1 декабря 1831 года

Государь положил многое к украшению города. Между Самотекой и Трубой будут парк или сады наподобие Кремлевского; на том месте, где Алексеевский монастырь, сооружен будет храм Христа Спасителя вместо того, что предполагали выстроить на Воробьевых горах. Кроме монастыря, скупят еще дом Пашкова, съезжую, что на Пречистенке, и все здания, так что весь этот большой крутой мыс занят будет храмом; место высокое, видное и очень обширное. Имя архитектора не помню, но иностранное [Константин Андреевич Тон], и я только боюсь, чтобы вместо греческой не соорудили католическую церковь, как ваша Казанская. Государь приказал вытащить из земли колокол огромный, так давно в оной зарытый.

Великий князь Михаил Павлович хочет быть звонарем Ивановской колокольни; я писал тебе, что государь, удовлетворяя

его желанию и отвечая на его шутку, приказал отправить к нему красный звонарский кафтан, что уже и исполнено. Для такого августейшего звонаря нельзя было иметь колокола менее весом, как в 12 тысяч пудов. В городе будут четыре больших фонтана с мытищинской водою; два уже бьют: один – у Кремлевского сада, а другой – на Никольской площади. Как бы наша Москва не перещеголяла ваш Петербург.

Александр. Москва, 12 декабря 1831 года

Начитались же мы письма твоего, любезнейший брат. Для кого из нас не было оно приятно? Даже для Пашки! И о нем государь изволил вспоминать. Подлинно, велики милости императора. Меня радует, что Костя чувствует их живо. Я толковал ему, как для него легко будет сделаться оных достойным: иной век бьется, чтобы только обратить на себя высочайшее внимание, а ему стоит только оправдывать царское благорасположение. Я Косте буду говорить подробнее другой раз. Мы жалеем, что ты нам вкратце о многом упоминаешь. Знаешь, как всякое слово дорого! Да где взять тебе время все подробно описать? Что говорил государь о куме своей Катеньке? Ольга, например, сказала пасмурно: «Император не сказал ничего особенного о Дишке! Он не говорил с дядей о своей крестнице», – и проч. Где же на вас всех угодить! Будет с вас и этого. Главная претензия Ольги: «Почему это вы с дядей, папа, ничего не получили?» На это долбил я ей в голову: «Милая моя, благорасположение государя проявляется в том, как он с вами обращается; так я вас спрашиваю, возможно ли выказать более доброты, чем император выказал к нашему семейству? Не драгоценнее ли это любых наград и чинов в свете?»

И с Фавстом я также спорил; он замечает, что ты с коронации ничего не получал, а я, право, это и не заметил, а, верно, не менее Фавста тебя люблю. «Видели ли вы, как его величество всегда обращался с Александром, и особливо на крестинах: он его поцеловал, говорил с ним с такой добротою и даже с некоторой фамильярностью, – все это не стоит ли более шитого мундира, который также появится? Наберитесь терпения!» Как нас тронули слова государя, тебе сказанные: «Надеюсь, что в моем расположении и прежде они (мы) не сомневались».

Александр. Москва, 21 декабря 1831 года

Фавст задал нам славный обед, мой милый и любезнейший друг, и твое здоровье не было тут забыто. После обеда курили. Вяземский был очень любезен, а Тургенев пел по-собачьему. Сегодня должен обедать у Брокера с Фавстом. В бытность здесь

государя просил я Александра Христофоровича Бенкендорфа о сыне Исленьевой: определить его в Горный корпус, где дед его Алябьев и дядя Соймонов служили. Бенкендорф сказал: «Я поговорю о сем с министром финансов, дайте мне записку». Я думал, что только и будет; но вчера получаю письмо, коим извещает меня, что это сделано, и требует некоторых бумаг. Меня очень просил о сем Брокер, коего Исленьева соседка и приятельница. Она здесь случайно теперь, так хотят попировать весть радостную. Поблагодари Бенкендорфа за доброе дело, а завтра сам к нему буду писать.

Александр. Москва, 29 декабря 1831 года

Я заезжал на днях к Башилову. Он показывал мне разные проекты храма Спаса, что будет строиться возле Каменного моста, на том месте, где теперь монастырь Алексеевский. Есть и хорошие, один напоминает церковь Св. Павла в Лондоне. Я то не одобряю, что не греческий древний вкус. Почему нет превысокой колокольни, пяти глав? Народ московский не будет любить храм, похожий на католический, а не на наши кремлевские соборы. Я помню, что мне сказал один раз покойный Каподистрия: «Шедевр католических храмов – в Риме; надобно, чтобы в Москве был шедевр греческих церквей. Почему не выстроить в ней в натуральную величину Св. Софию Константинопольскую?» Это мысль богатая. Планы делают у нас все французы да англичане; почему не русские? Почему не Академия художеств? Почему не сделать программу, возбудить соревнование между всеми архитекторами Европы, назначить приз? Уже и то возбудит самолюбие, что имя строителя или прожектера соединится навсегда со столь огромным зданием и увековечится. Я все это говорил Башилову, но он так ветрен, а собирается скоро ехать в Петербург и везет проекты. Ты бы в разговоре намекнул своему князю: он долго занимался этой частью, бывши в Синоде, и его мнение всегда уважают.

1832 год

Константин. С.-Петербург, 1 января 1832 года

Сейчас приехал домой, уже половина четвертого; озяб, устал, бумаги надобно подписывать, но не могу отпустить почты без письма к тебе. Во дворце был выход, после обедни поздравлял императрицу, потом великую княгиню. Обе изволили очень милостиво со мною обойтись, благодарили за календарь и проч. Потом заезжал я к великому князю, потом к Закревскому, которого не застал, а нашел у себя дома, а надобно еще в маскарад ехать.

Новости: Св. Андрея Первозванного – графам Канкрину и Чернышеву, 1-го Владимира – князю Николаю Николаевичу Хованскому, которого я тут видел (он вчера приехал). Граф Головкин сделан членом Совета, Ваниша Воронцов – обер-церемониймейстером, а на его место в Турин – Обресков из Штутгарта. Дочь Опочинина – фрейлиною, граф Хрептович – камер-юнкером. 2-го Владимира – Логину Ивановичу Кутузову.

Константин. С.-Петербург, 2 января 1832 года

Не помню я, чтобы когда-нибудь столько было, или, по крайней мере, не помню я такой тесноты в маскараде. Жена не ездила, чему я очень рад, а то бы мне двойная беда. За ужином в Эрмитаже, но не на театре, сели мы с Влодеком отдыхать, кое-что поели. До ужина видел я государя, танцующего польский; заметив меня, изволил остановиться и сказать: «Любезный мой Булгаков, премного благодарю тебя; альманахи прелестны, а ты проявил совершенно очаровательную щедрость». После того заехал я поздравить Ламсдорфа и – домой спать, устав очень во весь день. Сегодня уже ездил с бумагами к своему князю. Черкасской разве тем пособил я выиграть процесс, что познакомил ее с Бенкендорфом и возил Дашкова нарочно для нее к княгине Волконской. Впрочем, я и не знал, что она процесс выиграла.

Мысль Каподистрии о греческом храме прекрасная, как и все мысли редкого этого человека; хорошо, если бы Башилов о ней упомянул. Я уверен, что и государю бы понравилась.

Константин. С.-Петербург, 4 января 1832 года

Ты любишь делать удовольствия: можешь сказать на ушко доброму Рушковскому, что он пожалован кавалером Св. Анны 1-й степени, короною украшенной.

Константин. С.-Петербург, 7 января 1832 года

Сегодня был в концертной зале во дворце, а я еще должен обедать у Гурьева. Столько раз он меня звал, а я отказывался, что совестно не ехать сегодня, а, признаться, не хотелось бы. Вчера я также не обедал дома. Князь Василий [Василий Сергеевич Голицын, сын двоюродной сестры братьев Булгаковых, Елизаветы Васильевны Приклонской] давал обед, на котором собрал кучу детей, в числе и Сашка, и я с женою были. После обеда пел Този, и делал чревовещательские штуки недавно приехавший; он очень забавлял всех, а сначала испугал дам, представляя драку на улице. Вот видишь, у нас забав довольно.

Константин. С.-Петербург, 8 января 1832 года

Бал вчера был прекраснейший и такой веселый, что и моя мадам расплясалась. Мы приехали домой уже в четвертом часу. Императрица много изволила говорить с Марицей и расспрашивать ее о вас, об Ольге, Кате, о маленькой Александре [внучке Александра Яковлевича Булгакова]. Я сел, по обыкновению, играть в карты и на таких медленных напал игроков, между прочими на Красовского, что мы кончили партию почти перед самым ужином. Кончив игру, пошел я посмотреть на танцы, в дверях встретил государя, который, пройдя уже, но заметив меня, изволил воротиться, взять меня за руку и опять благодарить за календари, потом начал говорить о газетах французских, потом изволил сказать: «Ну, что из Москвы пишут? Все ли…»

Тут прошла императрица, спросила у него что-то, и государь пошел с нею. Тотчас после стали ужинать; от жару и усталости я сел с Киселевым и Новосильцевым за стол в особой комнате, а как встали из-за стола, то государь изволил уйти в свои покои. Великий князь раза два ко мне подходил, разговаривал, спрашивал много о вас, о Москве и звал меня сегодня к себе обедать, жалуясь, что давно у него не обедал. Натурально, я отвечал, что ожидал его приказания. Императрица и великая княгиня также весьма милостиво говорить со мною изволили. Ну, уж подлинно эти балы в концертной зале прекрасные: просторно, что за туалеты, а уж как прелестно одета была императрица, так подлинно загляденье.

Константин. С.-Петербург, 9 января 1832 года

Вчера обедал я у великого князя. Там были Апраксина, Левашов, приехавший из Житомира, Чичерин, Бибиков и баронесса Икскуль, приехавшая с великой княгинею из чужих краев. Обед был очень приятный. Я сидел против великой княгини и близко от великого князя. Она изволила

расспрашивать меня очень подробно про Катю, Ольгу, про тебя, будете ли сюда и проч. Великий князь, в свою очередь, также много об вас говорил, спросил, скоро ли приведут Костю, все ли еще в артиллерию намерен определиться. Как Бог даст! После обеда пошли, по обыкновению, в кабинет ее высочества, где рассматривали два новых английских календаря, кои я получил перед самым обедом, и привез ей также карикатуры на английских министров, которые подарил великому князю.

Сегодня великий князь прислал мне со своим камердинером Зубинским пять огромнейших сигар, так что одной станет на все утро.

Воронцов пишет из Лондона, что князь Адам Чарторыжский там. Верно, поехал поинтриговать.

Вяземский здесь, рыскает, любезничает и любезен. Спасибо, бывает у нас; иногда приедет в первом часу ночью, посидит, да еще от нас куда-нибудь пустится.

Костю благодарю за письмо, а особливо за обещание стараться всегда заслужить милость государя. Да, непростительно грешно ему будет, если не употребит он на то все свои усилия и не докажет, что их достоин; но я надеюсь, что и он пойдет в дедушку и отца. Не думаю, чтобы многие в России начинали так приятно свое служение, как ему предстоит.

Константин. С.-Петербург, 11 января 1832 года

Почты теперь начинают действительно ходить скорее; для иностранных я завел часы, кои раз в неделю заводятся и заперты в футляре. Один ключ здесь, а другой в Митаве; почтальон имеет их в сумке на груди, и по этим часам на каждой станции видно, как везли, а то у всякого комиссара свои часы и свой час, так что толку нельзя добиться. Это им не очень нравится, но мне нет нужды. Календари парижские только что подоспели. Все было очень удачливо, и императрица была довольна. Я уверен, что ваш королевский праздник удастся совершенно: ты на это мастер.

Константин. С.-Петербург, 18 января 1832 года

Вчера был Эрмитаж, а после вечер у старухи-княгини Голицыной, по случаю именин или рождения. Всякий год к ней сбирается весь город: утром поздравлять, а вечером на танцы. Государь, императрица и великий князь изволили быть. Теснота и жар были ужасные. После Эрмитажа жене надобно было еще переменять туалеты, так что приехали поздно; так как я не люблю вперед соваться, то государь меня только и увидел, уезжая, и милостиво поклонился. Их величества изволили пробыть с час; также и Михаил Павлович до ужина уехал. Он долго изволил

разговаривать со мною вместе с князем Дмитрием Владимировичем.

Константин. С.-Петербург, 1 февраля 1832 года

Приложение к его высочеству и к Анненкову немедленно доставил. Надеюсь, что не откажут Брокеру в отпуске и по обстоятельствам семейства, и за хорошую его службу.

Ох, скучен камер-юнкер Ермолаев, знаю я его. Он и вдов, кажется, и не так-то молод; впрочем, всякий находит свою суженую на этом свете. Он, кажется, Закревского родня.

Обед у австрийского [посла] был великолепный. Нас было человек сорок, в парадных мундирах. И тут сказал я спасибо сапогам. Вице-канцлер провозгласил здоровье императора Франца, а посол – нашего государя. После обеда тотчас разъехались.

Белый Орел точно получил ленту цвета Английской Подвязки, стало, не будут принимать кавалеров за андреевских, что хорошо. Звезда переменена: она вся золотая.

Константин. С.-Петербург, 16 марта 1832 года

Его высочество был в большом беспокойстве от болезни меньшой великой княжны, которая сегодня, слышал я, скончалась. Прекраснейший был ребенок, плотный, веселый, только не мог перенесть зубков. Сердечно мне жаль, что посетила его и великую княгиню такая скорбь. Оба, я помню, как любовались на этого ребенка и им утешались.

Константин. С.-Петербург, 17 марта 1832 года

Как жаль маленькую великую княжну! Какой прекрасный был ребенок!., скончалась от зубов. Траур наложен на четыре недели. Последний раз, что я обедал у великого князя, ее приносили после обеда, и все на нее любовались.

Константин. С.-Петербург, 30 марта 1832 года

Вчера в час прислал великий князь звать меня к себе и повел в школу подпрапорщиков, где я нашел величайшее устройство, порядок, чистоту. На юнкерах лица здоровые, все одеты опрятно. Его высочество рекомендовал Шлипенбаху особенно Костю и велел держать его в руках, по его живости. Я также познакомился с генералом, который обещался иметь особенное о нем попечение. Сегодня Костя начинает брать уроки и пошел уже теперь, в восьмом часу, к одному из учителей. Дай Бог, чтобы все пошло успешно. Кажется, там присмотр, и баловаться не дадут, да и сам он не захочет ударить лицом в грязь и будет, напротив,

стараться сделаться достойным милостей великого князя.

Константин. С.-Петербург, 31 марта 1832 года

Умер в Царьграде мой старый приятель, старый и по летам, и еще по Тенедосу, старик Иосиф Фонтон, на 86-м году. Жаль, прекрасный был человек; впрочем, вероятно, мы с ним, и если бы жив остался, на сем свете не увидались бы более.

Константин. С.-Петербург, 5 апреля 1832 года

Неудобно было просить великого князя о приеме тотчас Кости в школу, так как раз он уже устроил принять его в августе, да теперь бы и сделать сего не мог. Неловко также тебе его теперь определить в Коллегию – после всех переговоров о нем с великим князем и после того, что и государь изволил заняться его вступлением в военную службу. Нечего больше делать, как оставить дело, как оно есть, до августа, но лишь бы в августе мог он выдержать экзамен. Этого я очень боюсь, ибо он не имеет расположения учиться: посидит час, много что два, да и кончено на весь день. Таким образом немного научится. Я ему свободы не даю, то есть напоминаю ему в день несколько раз, чтоб учился; больше что же делать с двадцатилетним мальчиком, особливо при моих занятиях, по которым я и детей вижу утром на минуту?

Константин. С.-Петербург, 9 апреля 1832 года

Сегодня явился ко мне Тургенев; потолстел, так же все рассеян; обещал быть обедать, вероятно, забудет; много начинал говорить о Москве, ничего не кончил. Одним словом, таков, как был, бывало, в Итальянской слободке, и все любит нас так же.

Константин. С.-Петербург, 11 апреля 1832 года

Вот тебе список милостей, о коих мог я доселе узнать; в числе Белых Орлов найдешь и меня, что для меня было точно сюрпризом, ибо ты знаешь, что я не в числе тех, кои всегда ожидают и полагают себя всегда вправе беспрестанно получать награды. Посылаю тебе также копию с рескрипта, весьма для меня лестного. При сем случае государь весьма милостиво и благосклонно на мой счет отзывался князю. Слава Богу, службою моей очень доволен, что меня истинно восхищает и потому, что слабые мои труды, но непрестанное усердие ему так известны, и потому, что я всей душою ему предан, и вся цель моя состоит в исполнении моего дела и обращении на себя его милостивого внимания.

Константин. С.-Петербург, 18 апреля 1832 года

Третьего дня великий князь наследник, перескакивая на лошади через веревку, окружающую Марсово поле, ушибся. Из предосторожности приставили ему несколько пиявок, и вчера утром уже было ему гораздо лучше; но ты можешь себе представить, как это встревожило весь город и как теперь все рады, что приключение, которое могло бы иметь несчастные последствия, обошлось еще довольно счастливо. Благодарение Господу!

Константин. С.-Петербург, 27 апреля 1832 года

В воскресенье представляется депутация из Царства Польского государю. Я очень любопытен знать, как они и что говорить будут. Отвечать будет Блудов именем государя, а на польский язык переведет Енгель. Впрочем, нового ничего у нас нет.

Константин. С.-Петербург, 2 мая 1832 года

Я видел вчера представление депутатов. Все собрались в Георгиевской зале, государь вошел с императрицей и фамилией, встал возле трона, потом ввели депутатов; первый шел и речь говорил князь Радзивилл, бывший наш церемониймейстер. Блудов отвечал именем государя, но польского перевода не читал Енгель, как было говорили. После все разъехались, а депутатов, говорят, водили к государю. В три часа был спуск корабля в Новой Голландии, назван, кажется, «Не тронь меня». Кажется, послушаются, и никто не заденет. Церемония была прекрасная.

Вчера также новая вышла организация военная. Начальника главного штаба не будет, а будет министр военный граф Чернышев, дежурный генерал Клейнмихель, Потапову дан кавалерийский корпус. Эх, у вас Потемкин опять начал транжирить, только что было его поправили; что-то надолго ли будет?

Константин. С.-Петербург, 7 мая 1832 года

Завтра обедаю у Бриоски; будут макароны, Пушкин, Бенкендорф и Кирилл Нарышкин. Сегодня звал Браницкий обедать также с Бенкендорфом, который едет в понедельник в деревню провожать жену свою. Она едет туда экономничать года на два.

В Новой деревне, в Екатерингофе и на Охте – почтовые отделения для приема писем; также хочу начать сим летом городскую почту, если не откажут в деньгах, кои для заведения нужны.

Обресков, возвратившийся из Лондона с Орловым, сказывал о

Воронцове, что он совершенно поправился в своем здоровье и глазах. Отец его чуть жив, но не болен, а просто гаснет. Матушевич веселится, ходит на охоту. Его очень полюбили в Англии.

Константин. С.-Петербург, 9 мая 1832 года

Вчера нам назначено было благодарить государя, но за большим парадом представление было отказано. На парад я также не попал. Скинул мундир и поехал к своему князю к обедне, где видел князя Сергея Михайловича, весьма меня обласкавшего. Он похудел, жалуется на прилив крови в голову. Обедал я вчера у Бриоски, где были Бенкендорф, уехавший в деревню с женою, которая там проживет два года, Кирилл Нарышкин, Пушкин с Семеновой и князь Никита Волконский.

Константин. С.-Петербург, 16 мая 1832 года

Вчера мы представлялись государю для благодарения. Нас было более тридцати человек. Государь весьма милостиво со мною говорил. Слава Богу, кажется, доволен! Между прочим спрашивал подробно о пароходах и прибавил, что не худо бы было завести третий. Почему же нет, за этим дело не станет.

Когда приехал из дворца, было еще довольно рано, и я пустился в концерт к Мауреру, где подлинно удивлен был его сыновьями. Одному 11 лет, прекрасно играл на виолончели, а другому – 13 лет, на скрипке, право, играет лучше отца. Ужасно хлопали, и подлинно чудо. Вечером в Большом театре давали новый китайский балет, который стоил 60 тысяч рублей, то есть декорации и костюмы. Послал взять ложу – потешить жену и детей. Ну уж подлинно прекрасный балет. Балетмейстера вызывали. Он, кажется, из Берлина. Государь изволил быть с императрицею, цесаревичем и старшей великой княжною. Театр был битком набит. Я уверен, что описание будет в газетах, а не то Костя тебе опишет. Я здесь еще такого балета не видел.

В концерте вижу знакомца вашего Демидова. Поклонились друг другу; только вдруг он подбегает к моему стулу: «Я видел вашего сына во Флоренции; он прекрасно себя чувствует, я только что из Флоренции». Манычар хохочет, я его поблагодарил за известие. Смотрю – через четверть часа опять подходит с известием: он меня принял за Хитрова. Просил комиссии к тебе, едет в Москву. Это бывший артиллерист, кажется, полковник.

Константин. С.-Петербург, 16 июня 1832 года

Добрый Рушковский кончил свою жизнь. Я получил о сем известие 9-го числа. Вот ответ моего благодетеля на мое письмо,

оно от 10-го. По сему наименованию и по почерку узнаешь, что оно от князя Александра Николаевича. Теперь можешь и ты его назвать своим благодетелем, я же никогда не забуду драгоценнейший опыт сей его ко мне милостей и дружбы. Нужно ли теперь отвечать мне на твое письмо или только с тобою в душе возрадоваться? Бог тебя не оставил за твое доброе сердце и за все претерпенное. Ты пишешь, что место Рушковского тебя бы воскресило: так воскресай же, принеси благодарение Всемогущему! Все твои заботы кончились, нужда пропала, не будешь в неприятности и с унынием ожидать завтрашнего дня, и всех будущих, и всем сим обязан ты доброму моему князю. Для меня это истинно са мая счастливейшая минута в моей жизни, и я оживаю, и на будущие дни смотрю со спокойствием, которого давно не ощущал. Я уже не говорю о своих заботах, но главнейшая, твое положение, как камень лежала у меня на сердце. Теперь легко, благодарение Всевышнему. Он услышал мои моления о главнейшем; может быть, услышит и другие. Радости своей не стану тебе описывать, она в душе моей; но ты суди об ней по своей собственной, и я думаю, право, можешь еще прибавить несколько. Жертвую тебе письмом князя; я поцеловал бы руку, которая его писала. Храни его в память дня, где началось наше счастье.

Не стану говорить об обязанностях, которые тебе предстоят: это было бы усомниться в собственном моем усердии и в наших правилах; как то, так и другие у нас общие. О делах после.

Я изготовил указ к подписанию. Государя здесь не было. Он только вчера утром возвратиться изволил, а ввечеру я получил от своего князя записку следующего содержания: «Император находит, что было бы лучше вашему брату явиться тотчас сюда, чтобы вы его здесь наставили, и он бы подготовился к месту, ему назначенному. Подписание указа приостанавливается до его прибытия сюда».

Следовательно, мой милый друг, тебе надобно, не теряя ни малейше времени, если только твой глаз допустит, приехать сюда, выдумав какой-нибудь претекст для сего вояжа; *только умоляю тебя: не вверяй никому*, разве только одному Фавсту, настоящей причины, и пуще всего – не сказывай о своем назначении никому, кроме Наташи, ни даже Волкову, ни Черткову, ибо сим можешь дело свое испортить невозвратно. Ради Бога, не теряй времени: и потому, что на сие есть высочайшая воля, да и для собственной своей пользы. Ты понимаешь, что ищущих и охотников множество. Слава Богу, что я успел, посредством доброго князя, всех предупредить и получить соизволение для тебя; но терять времени не должно, надобно,

напротив, скорее кончить и тогда уже со спокойным сердцем радоваться и наслаждаться Божией милостью. Не давай никак чувствовать никому в Почтамте, ни в дороге, о будущем твоем назначении. Злые люди всем могут воспользоваться, чтобы повредить; а где их нет?

Записка князя А.Н.Голицына К.Я.Булгакову 10 июня

Ну что ж, мой милый друг, я очень доволен: император согласился, чтобы ваш брат заступил место г-на Рушковского. Изготовьте указ на подписание его величеству. Император едет завтра поутру сопровождать великих княгинь, а после из Ревеля воротится сюда 14-го после полудня.

Примите меры к тому, чтобы все было в порядке на дороге. Князь Меншиков, Бенкендорф и Адлерберг его сопровождают.

Константин. С.-Петербург; 17 июня 1832 года

Вчера долго у нас сидел Поццо, а там князь Петр Михайлович, который спрашивал, кто на место Рушковского. – «Не знаю еще». – «Вот бы брату: это место совсем по нем, и верно, в Москве все рады будут; я бы, хоть и не московский житель, но душевно бы порадовался». Я отвечал: «Буду о сем стараться». Всем даю тот же ответ.

А. Я. Булгаков пробыл два месяца в Петербурге и затем вступил в должность московского почт-директора; это место он занимал много лет сряду; до глубокой старости. Его сменил уже в 60-х годах почтеннейший Николай Степанович Кожухов; и, кажется, при нем отошла в казну плата издателей газет и журналов за почтовую рассылку; до того предоставляе мая почт-директорам на их содержание.

Константин. С.-Петербург; 20 августа 1832 года

Вчера мы все были обрадованы твоим письмом из Померании. Спасибо тебе. Радуюсь, что у тебя общество не скучное и мадам молчаливая. По моему расчету, ты послезавтра будешь во Всесвятском, а дней через шесть вступишь в должность. Благодарю за извещение о гостинице; ожидаю того же и о других. В Померании, однако же, государь заметил что-то на лестнице, видно, не чиста была. Нового ничего не слышно, кроме смерти Моренгейма, который прежде потерял рассудок. Вчера обедал с ним у Воронцова Николай Николаевич Новосильцев. Он сказывал, что сумасшествие его состояло в том, чтобы быть королем Краковским. Жаль его, был человек умный и честный.

Воспитанник Рушковского писал к Щербинину, что покойник

уверял его, что есть пакет, в коем его распоряжения, и показал, где он хранится; между тем ничего не нашли. Поговори с ним. Все это для меня странно. Хорошо ли искали в бумагах его? Пересмотри-ка ты сам еще раз. Говорят, но это в городе, что князь Сергей Гагарин хочет оставить театры после открытия нового.

Константин. С.-Петербург, 22 августа 1832 года

Шесть лет, как мы были в Москве и в Кремле, с тысячами, молились за ангела нашего, которому с тех пор обязаны своим спокойствием и благополучием. В этот день ты должен был приехать на свое новое место: это отличное предзнаменование. Помолясь у Троицы, вступай с Богом в должность. Да благословит Он тебя на все доброе!

Графиня Воронцова отправилась вчера. Утром мы с женой заезжали с ней проститься, нашли там всех приятелей собранных, и вместо одиннадцати едва могла уехать в 3 часа.

Третьего дня приехал Закревский, днем ранее, чем полагал. Это по твоей милости он преступил правила своей аккуратности. Ему дорогой где-то сказали: от тебя поклон с прибавлением, что *графине лучше.* Так как он не знал о ее болезни, которую от него скрыли, то и перетрусился, полагая, что *лучше* значит, что она была больна, и ну торопиться сюда.

Константин. С.-Петербург, 24 августа 1832 года

Князь Александр Николаевич (сегодня мой доклад) спрашивал про тебя и рассчитывал, когда ты в должность *вступишь.* Он заявил, что будет тебя просить о вручении денег его племяннику, которые и пришлет к тебе прямо, и вообще будет к тебе обращаться со своими комиссиями, как, бывало, к Рушковскому. Я уверил его, что ты так же будешь их исполнять усердно, как Иван Александрович.

Константин. С.-Петербург, 25 августа 1832 года

Английский посол уезжает. Говорят, дают ему пароход «Ижору» до Любека. Я чаю, он переменил свое мнение о России. Что-то будет в парламенте говорить? Неизвестно еще, кто будет сюда послом; жаль только Гейтсбери: единого приятного человека из того края нам не скоро нажить. Воронцов поговаривает об отъезде. Жаль; но понимаю, что ему пора в свои губернии, где его с нетерпением ожидают. Графиня едет благополучно. Он имел письмо из-за Порхова.

Константин. С.-Петербург, 27 августа 1832 года

Первая добродетель почт-директора должна быть скромность,

а между двумя директорами неминуема откровенность.

Следовательно, скажу тебе для единственного твоего сведения и сообщения также по секрету Трубецкому о путешествии государя. В ночи 31-го изволит отсюда, лучше сказать, из Царского Села, отправиться и прибыть сентября 2-го в Смоленск, с 4-го на 5-е – в Бобруйск, 7-го и 8-го пробыть в Чемере за Черниговым. 8-го, 9-го, 10-го – в Киеве, 11-го – в Лубнах, с 11-го на 12-е – в Полтаве, 14-го – в Харькове, с 15-го на 16-е – в Чугуеве, где пробудет 16-го, 17-го и 18-го. 19-го – в Черемошное близ Белгорода, 19-го и 20-го – в Курске, 21-го и 22-го – в Орле, 23-го – в Туле, 24-го – в Москве, где изволит пробыть 25-го, 26-го и 27-го, а 30-го возвратится в С.-Петербург.

Лошадей требуется под 9 экипажей 47.

1. Коляска его величества 6
2. Бричка фельдъегеря Белоусова 4
3. Перекладная магазин-вахтера..... 3
4. Коляска камердинера 6
5. Коляска генерал-адъютанта Бенкендорфа 6
6. Коляска генерал-адъютанта Адлерберга 6
7. Коляска канцелярии 6
8. Коляска метрдотеля Миллера..... 6
9. Бричка фельдъегерского офицера, платящего прогоны 4

Итого: 47

Я посылаю сегодня Фиалковского с предписанием на все станции и с факелами, и велел ему ехать до Москвы, а там дожидаться Максимова, которому поручены все распоряжения. На него могу я надеяться, ибо он это дело знает; но во всем полагаюсь на милость Божию. С нашей стороны все исполнено как должно, все меры берутся, чтобы нигде не случилось остановки. Главное – погода. Дай Бог, чтобы была хороша.

Константин. С.-Петербург, 29 августа 1832 года

Стало, с 27-го полагаю тебя вступившим в должность. Дай Бог в добрый час!

Конечно, странная история духовной Рушковского, о коей многие говорят, но никто не видел и, вероятно, не увидит. Я все полагаю, что он имел намерение сделать завещание, да откладывал, с тем и умер. Между тем один племянник, сын родной сестры Рушковского, живущей в Галиции, писал уже к князю, объявляя себя наследником. Мы отвечать будем, чтобы представил свои доказательства законным порядком куда следует.

Вчера пробовали приподнимать колонну и подняли ее на пять аршин, весьма легко, так что нет сомнений в успехе завтрашнего дня. В час ровно начнут подымать сие чудо.

Ну-с, вчера обедал я у Воронцова, просидели, проболтали до девяти часов, а там мы с женой поехали к графу Нессельроде, где видел я всех приятных англичан и англичанок. Жена, кажется, женщина приятная, дочь очень недурна, а сам-то посол настоящий итальянский аббат.

Константин. С.-Петербург, 30 августа 1832 года

Московские чиновники тебя приняли с радостью и с чувством. Я этого ожидал; радуюсь, но не удивляюсь. Будущее будет все зависеть от тебя. Справедливость, ласка, но не баловство, добрый пример во всем, а особливо в точности и порядке, – и все на свете с ними сделаешь. Этим и любовь их приобретешь. В обхождении надобно с ними большую иметь деликатность, но не панибратство, которое в службе не годится никуда между начальником и подчиненным.

Помолвка княжны Урусовой объявлена. Двор потеряет милое украшение.

Меблировать свою квартиру ты должен сам. У тебя, я чаю, есть мебели, а если и придется что прикупить, то немного. Теперешние мебели принадлежат Рушковскому, следовательно, и надобно будет отдать их его наследнику, когда таковой явится. Трескину нечего делать у Татищева – ни отцу, ни сыну, – так как он там не служит. Не давай никому вмешиваться, кроме служащих, поступай в этом, как Рушковский. Пусть каждый свое дело делает, своим занимается, а начальник должен быть непременно один, иначе экспедиторы не будут знать, кого слушать. У Трескина как помощника довольно дела. Он должен смотреть, чтобы в экспедициях все шло правильно, чтобы сборы поступали в свое время и порядком. Прошу тебя: никак *менее двух раз в неделю* не принимай сборов от казначея.

Это должен ты делать вместе с Трескиным; от ящика ключи должны быть у тебя, печати прикладывать ваши обе, а от кладовой ключ – у него: ибо тут после приемов экспедиторы, каждый по своей части, хранят ящики с денежными пакетами и документами. Порядок заведен, надобно только никак от него не отдаляться. Сделав раз привычку, само собою пойдет все порядочно. Беспечность – беда в службе. Это, мой милый, не принимай в виде наставления, а искреннего желания, чтобы шло все наилучшим образом.

Константин. С.-Петербург, 31 августа 1832 года

О колонне только скажу, что подняли ее и поставили не менее нежели в два часа и как соломинку. Зрелище было прекрасное. Мы с Закревским гуляли все время пешком, а там встали на Мойке, то есть по ту сторону Мойки у Певческого корпуса, откуда все видели как нельзя лучше. Из газет, вероятно, узнаешь, как это прекрасное торжество в прекраснейшее утро происходило.

Константин. С.-Петербург, 2 сентября 1832 года

За работою дело не станет в Почтамте, а за охотою – также. Я уверен, что ты пристрастишься к службе этой: это не Архив; тут нужна деятельность, ибо действие безостановочное. Хорошо сделал, что казну освидетельствовал; хорошо сделал, что считал сам; хорошо делаешь, что настоял, чтобы сборы два раза в неделю представлялись. Пай! Одно еще должен тебе сказать: принимай их всегда в присутственной комнате, а не вверху у себя, и тотчас их себе в кладовую, где, вероятно, есть большой сундук, в который этот маленький ящик запирается.

Константин. С.-Петербург, 3 сентября 1832 года

Переписку Рушковского с князем и со мною надобно, запечатав, прислать сюда и ее пересмотреть здесь, нужно ли что сохранить из нее или всю истребить. Пришли пакет этот со всеми предосторожностями, чтоб не пропал.

Константин. С.-Петербург, 5 сентября 1832 года

Смотрите, вы не зевайте для Долгорукова, когда государь будет в Москве; теперь просите Голицына. Он мне тогда обещал. Можешь также и Бенкендорфа попросить: он человек добрый, готов одолжать и нас любит. Не знаю еще, что делать с письмом Бальмен. Советую ей также просить Бенкендорфа; пусть он доложит государю, так скорее сделается.

Английский посол уехал, туда ему и дорога! Вчера обедал у Симонетти, который тоже едет; этому желаю хороший путь: он человек добрый и русских любит.

Воронцов едет в среду. Жаль расставаться с добрым человеком, передаю тебе удовольствие его видеть. Граф Нессельроде вчера уехал к дочери в Бешенковичи на две недели [старшая дочь графа Нессельроде Елена Карловна была супругой владельца Бешенковичей, графа Михаила Иринеевича Хрептовича].

Константин. С.-Петербург, 8 сентября 1832 года

Умер сенатор Хвостов, не граф и не сочинитель, а бывший

некогда в Сибири, кажется, губернатором, и также старик честный и почтенный. Я его знал и несколько раз у себя видел, когда он желал сына своего ко мне определить.

Вчера у Воронцова был обед людный и веселый. Дашков очень тебя благодарит за племянника, которого паки рекомендует в твое покровительство. Блудов болен; у всех теперь одно – род поноса, только хотя он вчера еще был в постели, но ему было гораздо лучше. Воронцов едет завтра, ночует в Царском Селе, а послезавтра отправится далее. Я дам тебе письмо вдове старого моего дунайского приятеля Понсета. Если ей нужен будет почтальон, то не откажи в хорошем и исправном; об этом просит и Воронцов.

Константин. С.-Петербург, 10 сентября 1832 года

От Московского почтамта была бумага о выдаче, по просьбе Порошина, денег Ланской. Это совершенно противно правилам, а потому и *отказ*, сберегая более еще *тебя*, нежели себя. Порошину следует прислать Ланской доверенность, а это бы он мог давно сделать, ибо месяц, как мы отказали Ланской, и не более бы у него взяло времени, как съездить тебя пилить. Ради Бога, никогда не удаляйся правил, кои ясны, утверждены законами, следовательно, за отказ никто не может быть в претензии на тебя, а со снисхождением, кроме того, что придется, может быть, самому платить, можешь еще нажить неприятностей.

Письмо твое к князю послал. Партикулярной переписки незачем начинать с ним; другое дело – отвечать на его письма; ибо он, как человек деликатный и учтивый, стал бы, может быть, отвечать, а времени у него нет. Я бы и не писал ему (как в твоем письме о колонне и турецком султане) вранья московского. Это в разговоре хорошо, а тут ведь переписка с начальником: так нельзя знать, всегда ли хорошо примет, а потому лучше воздержаться. Это же выйдет род фамильярства. Конечно, если случится в Москве что-нибудь заслуживающее внимания, то надобно его уведомлять. Например, будешь иметь случай, когда приедет государь, уведомить его, как Москва радоваться будет. Я бы не советовал писать к нему в шуточном тоне, по крайней мере я с ним никогда так не переписываюсь, хотя он иногда ко мне и пишет. Он старинного покроя барин, следовательно, может ему и не понравиться род фамильярства в переписке. Оканчивая письмо, должен ты подписывать: *всепокорнейший*, а не покорнейший слуга. Ты, верно, примешь мои советы как должно, не в виде учения, а от сердца. Он очень доволен твоим первым донесением; и так продолжай всегда, как начал. В письмах лучше повторять: *ваше сиятельство*, чем говорить: *вы пишете*; это я и

переправил. Писать тебя не учить, но должен был тебе сказать, что думаю.

Я бы не советовал давать газет иностранных читать; иной их удержит лишний день, потеряет, запачкает, вот уже и остановка или неисправность. Лучше при начале отказать; тем более, что ты ведь для себя не выписываешь, а чужие давать читать – не в порядке.

Константин. С.-Петербург, 19 сентября 1832 года

Публике всячески угождать должно. Прием, кажется, положен у вас до двенадцати часов? До одиннадцати только принимать было бы слишком, кажется, рано; делать же угождения в *экстренных* случаях выйдет то же, что принимать до двенадцати или давать преимущество одним перед другими; если не у всех принимать, всякий натурально скажет, что ему крайняя нужда, и найдет какое-нибудь извинение, когда опоздает.

Впрочем, с душевным удовольствием вижу, что ты привязываешься к почтовой службе, и чем более будешь вникать, тем приятнее для тебя будет. Увидишь, как время полетит.

Константин. С.-Петербург, 21 сентября 1832 года

Сегодня Москва плавает в радости; в ней наш ангел. Князь желает, чтобы у тебя все обошлось благополучно. Много о тебе говорил, доволен твоим началом, только просит тебя не во всем имитировать доброго Рушковского, а особливо не провожать во фраке все почты, как делал покойный, от чего, вероятно, и получил начало ревматизма.

Не удивляюсь благодарности архивских чиновников. Им теперь жутко будет с одним Малиновским. Я не знаю только, можно ли принять даже и солонку без дозволения начальства?

Константин. С.-Петербург, 26 сентября 1832 года

Государь изволил прибыть сюда 24-го в 2 часа пополудни благополучно. Бенкендорф тотчас меня уведомил, прислав письмо к жене своей в Ревель. Скоро явился и Максимов, который дал отчет во всем вояже. Слава Богу: несмотря на изменение маршрута, нигде остановки не было.

Ты смеялся, получив, после приезда уже государя, официальное от нас уведомление о перемене маршрута; и мы бы могли посмеяться, получив, также после приезда сюда, твое извещение о первом дне московского пребывания. Я, однако же, послал его князю.

Сожалею, что не нашлось духовной Рушковского в Воспитательном доме, тем более, что кажется по всему, что она

где-нибудь да находится. Может быть, кому он ее вверил, и того нет на свете, ибо это, по словам его англичанки, было уже несколько лет назад. Видно, на то воля Божия; теперь надобно все отослать, как предписано.

Константин. С.-Петербург, 30 сентября 1832 года

Бенкендорф писал князю, что только в Вышнем Волочке государь был недоволен: дали дурных лошадей, и смотритель вовсе не старателен. Будем о сем писать Трубецкому. Сердечно жаль, что хоть только на одном пункте, да было бурно, и еще в городе. Надобно будет погонять Жидкова.

Французский посол откланялся государю, едет на днях. Пальмштерн также отправляется в отпуск.

Константин. С.-Петербург, 5 октября 1832 года

Здесь есть несчастнейший грек Ризо, служивший при Екатерине майором. Он имел капитал более 100 тысяч, но по банкротству Полизия и других все потерял, так что насущного хлеба не имеет. Я ему собрал 350 рублей. Не можете ли и вы такое же сделать благодеяние семидесятилетнему старику? Иван Васильевич его знает и, верно, не откажется ему благодетельствовать и также собрать у своих знакомых, из коих многие его знают. Он весьма жалок. Это будет истинно христианское дело.

Константин. С.-Петербург, 10 октября 1832 года

Костя сам тебе опишет свое представление вчера великому князю, а потом государю. Теперь все кончено, и он уже настоящий школьник. Дай Бог в добрый час! Завтра он вступает.

Государь приказал еще две станции устроить на Московском тракте, когда шоссе будет кончено. Одну – между Медным и Торжком в деревне Миронеж, а другую – между Торжком и Выдропуском в деревне Будове. Тут теперь станции очень длинные.

Константин. С.-Петербург, 14 октября 1832 года

Вчера, по обыкновению, собралось к нам несколько человек. Жена целый день пролежала и пострадала от ужасной боли: у нее нервический ревматизм; стало, я один ухаживал за гостями, в числе коих был и князь Петр Михайлович. Вдруг за ним прислали из дворца, а около одиннадцати часов пушечные выстрелы из крепости возвестили благополучное разрешение от бремени государыни императрицы. Мы ну считать выстрелы, кои более и более продолжались; между тем послал я с Дмитрием

Волконским почтальона узнать, что Бог даровал России? Почтальон прискакал с известием, что родился великий князь и назван Михаилом. Ну, слава Богу, у всех сердце отошло, все успокоились, ибо сей год много слышно о не совсем благополучных родах.

Старуха Вяземская так вчера была плоха, что ежеминутно ожидали ее конца.

Константин. С.-Петербург, 25 октября 1832 года

Вчера обед у Голицыных был хорош, только длинен, как всегда свадебные бывают, а Голицын еще звал на обед же завтра брата молодого, он же и посаженый отец. Я сидел возле Толстой, племянницы вашей княгини Хованской, которую видал я красавицей у покойного князя Василия Алексеевича. Много с ней говорил о Москве и о мадам Кросс, которую она называет своей маменькою. О вечерних гостях вот список, а от молодой – карточку. Ну, столько набралось, насилу рассадили. Мы с Сашкой вдвоем хозяйничали. Он очень внимателен ко всем, отчего его любят. Как разъехались все, Панкратьеву захотелось есть, принесли холодного жаркого, тут еще остались наш Норов и Икскуль, да и проболтали о Грузии до половины третьего часа.

Вчера послал тебе от Вяземской пакет. Если будет часто такие посылать, то немного от нее казна получит дохода. Ее обокрали между Тосной и Ижорою. После нашли сундук во рву с разбросанными бумагами и книгами, но прочее еще не отыскано. В одну ночь между этими станциями, кроме нее, еще у двоих отрезали сзади сундуки. Я писал к губернатору.

Константин. С.-Петербург, 28 октября 1832 года

Прежде всего обрадую тебя известием, что князь Вяземский назначен вице-директором Департамента внешней торговли. Тут положены двое: один – Ореус, а другой – будет князь Петр Андреевич. Я очень за него рад.

Надобно по почтовой части заводить все полезное. Здесь тебе Прянишников показывал наш порядок в разноске писем. С некоторого времени велел я сделать два штемпеля, утренний и вечерний, и образовал часть эту иначе; я бы советовал и тебе то же перенять для Москвы, для чего и посылаю тебе все бумаги, до сего устройства касающиеся.

Худо, что по мостовой дороге шалят, даже и около Москвы, в Черной Грязи и в Москве, где обокраден транспорт велосиферов [поспешных дилижансов]. Плохо, видно, смотрели губернаторы.

Константин. С.-Петербург, 1 ноября 1832 года

До сведения моего дошло, что в Почтамте беспрестанно приписывали к почте, давая особую повозку, чиновников, ехавших в отпуск, и так, что иные даже ездили с женами и детьми. Это строжайше запрещено, особливо находящимся при почте посторонним людям. В пример мне ставили служащего у вас Брянчанинова, который несколько раз в году так ездит. Не знаю, бывало ли это при Рушковском и во время управления Трескина, но искренно прошу, чтобы этого никак не допускалось, не только чтобы баб и посторонних людей, к почтовой службе не принадлежащих, возили с почтами, но чтобы отнюдь не давали особливых повозок, за которые казна должна платить, точно как бы выдавала она прогоны. С почтой отправлять чиновника можно, но тогда пусть он садится как почтальон, где ни попало, и еще за почтою наблюдает. Это им надобно непременно и тотчас прекратить везде. Я напишу инспекторам, что они будут за неисполнение правил отвечать.

Константин. С.-Петербург, 2 ноября 1832 года

Князь мне прочитал твой ответ к нему на письмо его по высочайшему поручению. Я душевно рад, что государь принял милостиво твое поздравление, которое точно было немного дерзким. Одни чувства натурально не дают прав писать, иначе бы миллион писем он получал; но принято милостиво, так и хорошо.

Константин. С.-Петербург, 5 ноября 1832 года

Вот в чем дело, и дело доброе. Мальцова крестьянин сделался хорошим автором, сочиняет прекрасные басни, из коих можешь прочитать одну в одном из последних номеров «Академических ведомостей». Российская Академия удостоила его медалью, а теперь хлопочет об освобождении его от крепостного состояния, о чем и пишет президент ее Шишков к Мальцову в прилагаемом у сего письме. Доставь это письмо верно, и если знаком с Мальцевым, то способствуй к успеху просьбы Академии. Она даже предлагает его выкупить, если не согласится отпустить безденежно.

Константин. С.-Петербург, 8 ноября 1832 года

Вот новости сегодняшние: Бенкендорф пожалован графом. Орлов мне сказывал, что в такое же достоинство возведен Павел Васильевич Кутузов, а граф Сакен – в княжеское.

Княгиня Софья Григорьевна Волконская и княгиня Белосельская пожалованы в статс-дамы. Во фрейлины: дочь генерал-адъютанта Депрерадовича, дочь егермейстера графа Шувалова, дочь барона Фридрихса, княжна Гагарина, племянница

князя Меншикова и дочь Рибопьера.

Комендант Сукин и Григорий Вилламов получили орден Св. Владимира 1-го класса. Обер-камергеру графу Головкину – табакерка с портретами их величеств, военному генерал-губернатору Эссену – перстень с портретом.

Константин. С.-Петербург, 11 ноября 1832 года

Все приезжие из Москвы только и говорят о маскараде, который будет у тебя для всего города в день твоих именин, что все делают карнолины, составляют кадрили и проч. Я опровергаю огромность этого праздника, как они говорят; но нет, не уймешь – барабанят, да и только. Признаюсь, что мне не совсем приятно, тем более, что, вероятно, из мухи делают слона. Тут добрые люди скажут, пожалуй: вот разбогател, тотчас принялся за пиры и т.п. Как не говорят, так лучше. И дом-то отделываешь особенно для этого дня, да и бог знает чего не прибавляют. Ну уж кумушки!

Константин. С.-Петербург, 17 ноября 1832 года

Государь распространил графское достоинство на племянника Бенкендорфа, сына покойного его брата, от чего наш Бенкендорф в восхищении, не имея сам сыновей; милость государя, явленная к его заслугам, останется в роду, иначе бы с ним умерла.

Вчера был у великой княгини с полчаса. Приняла весьма милостиво, дала мне известие о вас, а после спрашивала, не имею ли свежего чего-нибудь из Москвы; о многом изволила разговаривать и отпустила меня, как обыкновенно, исполненным благодарности и восхищения.

По лицу кажется – ее высочество совершенно здорова, только довольно сильный кашель беспокоит часто.

Константин. С.-Петербург, 23 ноября 1832 года

Пошаливают на Московской дороге. Около Новгорода два раза уже пытались обокрасть дилижанс; но первый приметил вора, – он соскочил с дилижанса и ушел, также и второй, отрезал только фартук. Скажи под рукою экзекутору, чтобы, не распуская слухов, внушал он почтальонам быть осторожнее, хотя не полагаю, чтобы осмелились сделать попытки на почту.

Губернаторам надобно серьезно наблюдать по дорогам. Стыдно, что между столицами, где всегда было так безопасно, теперь беспрестанно слышно: у кого сундук, у кого чемодан отрезали.

Константин. С.-Петербург, 26 ноября 1832 года

Родофиникин оставляет Азиатский департамент; я полагаю, что будет сделан сенатором. На его место, говорят, назначается свитский полковник Чевкин, малый умный, с большими познаниями; желаю ему, чтобы его так любили, как Родофиникина, чиновники.

Константин. С.-Петербург, 29 ноября 1832 года

Прославили Чевкина директором Азиатского департамента, а теперь говорят, назначается не он уже, а Устинов, который советником в Царыраде, вице-директором и управляющим департаментом. Это, кажется, верно.

Константин. С.-Петербург, 3 декабря 1832 года

Вечером славный был у нас концерт. Карадори пела бесподобно. Новосильцев в восхищении от нее. Я было хотел ей прочитать твои стихи, но Вяземский проворнее меня в любезностях, подлетел уже со своим экземпляром и с Виельгорским, который читал ей их. Выбор музыки был прекрасный, и все пели хорошо: Волконский, Греч, Евсеев. Натешился я.

Константин. С.-Петербург, 29 декабря 1832 года

Третьего дня был я на балу во дворце, где пробыл до трех часов, играл в вист, так как я не танцовщик, не так, как вы с Вяземским. После пошел смотреть танцы. Тут разговаривал с Бенкендорфом. Государь изволил подойти ко мне, взял меня за руку, спросил о здоровье и очень милостиво разговаривал. Спрашивал, что делает брат. – «Почт-директорствует». – Засмеялся, повторил это слово, прибавив: «Это новый глагол, который все выражает». – «И который содержит все пожелания брата». – «Что делает княгиня Долгорукова?» – «Государь, я надеялся видеть ее здесь, но она снова брюхата». – «Опять? Сожалею, что мы ее не увидим. Как поживает ее сестра?» – «Превосходно, государь, все уверяют меня, что она похорошела. Что до нее, то я не вовсе еще потерял надежду ее увидеть, ежели ее матушка сможет оторваться от своей фабрики на несколько недель». – «Она очаровательна. Так, значит, все поживают превосходно?» – «Благодарение Богу, превосходно». – После говорил о разных предметах, о дамах, которые танцевали, о почтах. Я благодарил за чиновников. Одним словом, истинно меня осчастливил милостивым своим обхождением со мною.

Константин. С.-Петербург, 30 декабря 1832 года

Ну, у вас ни на час без проказ. Не знаю Додо [это Евдокия

Петровна Сушкова, в которую влюблен был кто-то из князей Голицыных и которая потом вышла замуж за графа Андрея Федоровича Ростопчина], но сожалею, что будут, вероятно, много болтать о ее трагическом отчаянии. Жаль, что будут говорить о Голицыне; теперь не те времена, что подобные истории умножают репутацию даже и в глазах женщин.

1833 год

Константин. С.-Петербург, 2 января 1833 года

В маскараде ужаснейшая была толпа. Тут нашел и Карадори, которую полагал на Московской дороге. Ужин был в Эрмитаже. Государь изволил ко мне подходить, взял за руку, держал долго и чрезвычайно милостиво со мною разговаривал, благодарил также за календари. Сердце радуется, глядя на него посреди этой толпы, которая так и кидается везде, где он и императрица. У всех на лице удовольствие; видно было, сколько это и ангелу нашему было приятно. В Эрмитаже поставили к дверям Карадори, чтобы видеть единственную декорацию, в коей точно есть нечто очаровательное. Государь подошел к ней и спросил: «Ну что ж, мадам, как вы себя находите среди моих тридцати трех тысяч друзей?» – «Поистине великолепно!» Желал бы я, чтобы иностранные журналисты поглядели на этот праздник.

Александр. Москва, 2 января 1833 года

Ну, мой милый друг, насилу я до тебя добрался; а вся беда от того, что я встал в 9 часов, заспался, там жег, рвал лишние бумаги, а там явился Дишка, болтали, а там явился Трубецкой маленький, а там явилась Адель Голицына, а там принесли бумаги подписывать, а там в экспедицию: не остается и времени поболтать с тобою. Но ежели и не досыта, то все-таки стану болтать. Отвечаю на письмо твое от 29-го. Как меня тронул разговор государя с тобою об нас всех! Вечером я возил письмо к Ольге и ей читал, и она была в восхищении, ибо в нашей семье всякое словечко государя – оракул.

Нового ничего не слыхать. Третьего дня было только происшествие в театре. Мадам Юлье танцевала в балете «Венецианский карнавал»; она всеми любима, а потому немало удивило публику, что ей стали шикать и освистывать. Во главе заговора стояли граф Потемкин и князь Вольдемар Голицын. Не знаю, чем кончилось, ибо бедная Юлье, выйдя за кулисы, упала в обморок.

Александр. Москва, 3 января 1833 года

Сколько раз перечитывал я письмо твое, мой милый друг. Мне кажется, что я вижу, как ты стоишь, говоришь с Бенкендорфом, как государь изволит подходить, взять тебя милостиво за руку. Слышу слово, произнесенное громким царским голосом: «Здоров?» Вижу твой поклон. Вижу улыбку, когда ты сказал: «Почт-директорствует». Не поверишь, в каком

восхищении Ольга, что государь ее вспомнил, но только (человек никогда не бывает совершенно доволен) она прибавила со вздохом: «Ах, папенька! Государь не вспомнил о своей крестнице, и дяденька ничего об ней не сказал государю!» – «Ну, мой ангел, это до другого раза». А княжна Александра Александровна становится очень мила. Теперь камер-юнкера[73] подмывает в Петербург. Он на это молодец, и я уверен, что он соберется и скоро к вам даст тягу. Вот Наташа, так та потяжелее, одно твердит: «Надобно 10 тысяч!» Пустяки, а три или четыре я дам ей с удовольствием большим, лишь бы исполнить желание пламенное Катеньки. Я полагаю, что жить бы могла Наташа у графини Мамоновой, близко от вас, а она, верно, согласится дать им комнаты три на месяц времени. Позондируй добрую соседку. Экипаж не нужен, только квартира; экипаж не столь главная статья. С платьями умеем мы экономически извертываться. Я не даю отбою моей жене. Вот бы Долгоруков их и эскортировал; зимой едешь и дешево, и скоро, и безопасно, и покойно. Теперь буду ей твердить, что дела требуют ее присутствия в Петербурге, чем-нибудь дабы ее вытурить отсюда. Хочется мне очень, чтобы Катенька повеселилась этот год, а здесь, кажется, балов не будет, утихло что-то.

Александр. Москва, 6 января 1833 года

Как прекрасно это слово государя, сказанное Карадори: «Ну как, мадам, как вы себя чувствуете среди тридцати трех тысяч моих друзей?» Как много заключают в себе слова сии! Как они изображают прекрасную душу Николая I! Не скажет, не может это сказать государь, который не уверен, что он делает все, что в силах его, чтобы видеть счастливыми подданных своих, чтобы быть ими любимым. Мы восхищались прекрасными словами государя. Вот слова, вот вечер, которыми мадам Карадори сможет щеголять всю жизнь свою.

Вот и Обресков. Этому везде хочется попасться. Вздумалось ему баллотироваться в президенты в купеческую управу; бездна там охотников, потому что 17 тысяч жалованья. Многие сенаторы баллотировались, и Каверину положили 4 избирательных и 80 с лишком черных шаров. Как бы и Обрескову не иметь такой же триумф. Теперь хочет быть старшиною Благородного собрания и просит ехать ужо поместить его в моей записке. Пожалуй, но моего одного голоса недостаточно.

Константин. С.-Петербург, 9 января 1833 года

Вчера ездил я во дворец по случаю Думы Аннинского ордена. Государь приказал, чтобы все кавалеры ездили, и подлинно,

собралось, я думаю, около полусотни. До трех часов пробыли, и из тридцати кандидатов пятерых только успели баллотировать, в числе их – почтового и одного чиновника из канцелярии князя нашего. Конечно, если что подкрепляет и утешает меня при беспрерывных трудах и при душевных иногда скорбях, от коих я не изъят, то это милостивое со мной обращение государя – всякий раз, как имею счастие его видеть. Так было на балу, так было и в маскараде. Я еще не так сказал тебе насчет первого. Я говорил с Бенкендорфом, – чувствую вдруг, что мне кто-то сильно дует в затылок; обернувшись, вижу государя, который взял меня за руку и начал со мною разговор, как я тебе передал.

Александр. Москва, 9 января 1833 года

Ну, видно, мат пришел Махмуду. Посмотри, коли не наш же великодушный государь спасет его от гибели, забывая его прошедшее вероломство. Здесь слухи, что султан сел на пароход и отправился в Одессу, под покровительство Воронцова, то есть России. Сие было бы не так глупо.

С ним мы не сделаем то, что англичане сделали с Наполеоном, отдавшимся им безусловно в руки. Чтобы взять визиря в плен, надобно, чтоб низвержение было ужасно, ибо у визирей не палочницы под седлом, а арабские жеребцы, кои вывезут хоть кого.

Получив твое официальное письмо с деньгами (на которое особенно тебе отвечаю), я тотчас поехал к княгине Четвертинской вечером, нашел мужа в халате в кабинете, а возле него и княгиня, и дети у камина. «Не желаете ли откушать чаю? Хотя надобно выпить шампанского». – «Шампанского? Отчего же?» – «Оттого что сегодня ровно 22 года, как мы поженились». Стало, я кстати приехал. Отдал княгине пакет с деньгами и письмо князя Петра Михайловича, в чем посылаю тебе и расписку.

С сей почтою прислал великий князь Михаил Павлович при письме алмазные знаки Св. Александра Невского для Н.И.Демидова. Спеша к Четвертинской, я к нему сам не поехал, а написал ему поздравление и послал знаки с Ник. Ивановичем Похвисневым, приятелем его.

Александр. Москва, 12 января 1833 года

Приехал опять сюда богач этот князь Друцкой-Гурко, что женат на дочери В.В.Энгельгардта, давать праздники. Нанял огромный дом графа Маркова на Никитской, но так холодно и столько больных в городе, что он бал свой пятничный, то есть завтрашний, отменил.

Есть у вас одна бедная старушка, – сделай одолжение, пошли

к ней мой пакет, при сем прилагаемый, и чтобы отдали ей в руки самой, но не говоря, от кого он. При сей верной оказии посылаю тебе и 140 рублей, накопленные для твоего какого-то грека. Я тогда же набрал в один день 110 рублей, да и стал в пень; вчера накопил еще 30 рублей и посылаю тебе все 140 рублей, а ежели после что-нибудь накоплю, то доставлю тебе.

Александр. Москва, 13 января 1833 года

При сем просим все у тебя совета. Вот в чем дело: у княгини Екатерины Ал. Долгоруковой есть прекрасная игрушка – искусно сделанный из эмали с драгоценными каменьями червяк; его заводят, и он, как живой червяк, пищит и ползает. Княгиня подарила это Ольге, которая желает поднести это которой-нибудь из великих княжон или императрице самой. Можно ли это сделать? Я чаю, тебе скажет откровенно князь Петр Михайлович, уместно ли это. А вещица прекрасная, времен Людовика XIV, и вывезена была в Россию дедом княгини Е.А. Ольга никак не ищет возвратного подарка, а желала бы только, чтобы было это угодно государыне. Это может послужить подарком на Пасху. Дишка покажет тебе механизм, а тебе совершенно предоставлено решать, что делать с червяком.

Вот и официальная бумага за подписанием всех старшин, коей они меня уведомляют, что я избран по большинству в старшины Собрания.

Константин. С.-Петербург, 23 января 1833 года

Третьего дня были мы с Долгоруковым на балу у князя Кочубея, в два часа я его там оставил и уехал домой (у меня болела голова). Великий князь после болезни был первый раз на балу. Его высочество похудел и несколько бледен. Мы с ним много говорили, я сказал ему о приезде Долгорукова; жаль, что он тут не случился, а то бы мог представиться. После пошли мы с великим князем вниз к Загряжской, а там он уехал. С государем я не говорил, только при проходе в польском удостоился милостивого поклона. Бал был и хорош, и весел; мне сказывали, что до пяти часов продолжался. Вчера утром ездил я в Думу подписывать журнал и доклад государю, а после обеда ездил в Эрмитаж.

Константин. С.-Петербург, 26 января 1833 года

Вечером на балу графа Нессельроде, который был отличный, государь два раза изволил со мною весьма милостиво говорить. Я сказал, на вопрос о моих московских, что ожидаю сестру с Катей ежеминутно. Государь отвечал, что очень им рад; спросил: правда

ли, что Катя еще похорошела? «Слышно так, ваше величество, а скоро сами удостоверимся». Изволил ее хвалить. Я сказал также, что Долгоруков здесь. – «А Ольга?» – «Она в таком положении, что нельзя было ей ехать». – «Опять? Жаль, что не будет. Они, кажется, даром времени не теряют». Много спрашивал о ходе городской почты. Спрашивал, зачем я не танцую, тогда как старший брат охотник. – «Я вам за это отвечаю. Он тонок». – «Да ты разве толст? Ничего нет лишнего».

Великого князя я просил о переводе Варлама в гвардию. Очень милостиво принял мое ходатайство и тотчас тут же с Чичериным устроили, что, по обыкновению, его прикомандируют к лейб-гусарскому полку, а там и переведут. Я уже сегодня Янку послал к Чичерину. Очень рад, что все это устраивается понемногу.

С Волконским говорил о представлении, уверял его, что, верно, не позже как сегодня приедут. Он мне сказал: «Уведомь тотчас меня, а Павел Васильевич пусть тотчас едет к моей теще княгине Александре Николаевне просить о представлении; там можно будет так устроить, что представим его и Катю перед самым балом в субботу». Это ладно; только суббота послезавтра, а их еще нет!

Константин. С.-Петербург, 9 февраля 1833 года

Как тебе описать вчерашний праздник? Я, право, не знаю; но ты возьми «Тысячу и одну ночь», прочитай «Волшебную лампу», и что там описано, так сказать, во сне, то мы видели у князя Волконского наяву. К девяти часам приехали Долгоруков сам собою, а я с Наташей и Катей, которая так была мила, что вышла показаться жене, чем воспользовались Голицыны, которые тут же были. Она была подлинно прелестна. Ну-с, приехали; с заднего крыльца Катя пошла в назначенные для кадрили комнаты, а мы с Наташей в залы, где уже танцевали польские. Несколько дам были одеты богато, прекрасно, со вкусом. Подождав немного, вошло дам с восемь в календарях, похожих на третьегодичные, в их числе была императрица, а император – в домино с маскою, но так умел себя сделать меньше ростом и ходить, перекачиваясь, что я узнал его, только когда сказали, что это он. Михайло Павлович тоже был одет, я его принял за Орлова. Надобно тебе сказать, что все генералы были в армейских мундирах с простыми, красными воротниками, и от этого труднее было узнавать. Вскоре после государь и великий князь переоделись в уланский мундир и так уже оставались весь бал. Долго дожидались шествия кадрили; говорят, что у двух дам не были готовы платья, так что императрица была уже одета, а они еще не

готовы; как бы то ни было, но в полночь оркестр заиграл марш, и началось шествие. Впереди князь Григорий [Григорий Петрович Волконский, сын министра двора], вылитый монстр, с большим брюхом, большими усами, и подлинно настоящий урод; за ним шли, кажется, 12 дам, все маленькие ростом, в белых платьях с украшениями; тут были Белосельская молодая, Дубенская, Хилкова, дочь Фридрихса, две Бороздины и проч.; потом кадриль, всякая дама со своим кавалером, Катя была с Дмитрием Волконским, Долгоруков с Юсуповой, и так далее; потом императрица, которую вел Воронцов, великая княгиня с графом Толстым. За ними Фридрихсша, Завадовская, Трубецкая и еще другие дамы.

Описывать комнаты не берусь, в уверении, что они будут литографированы и что вообще маскарад будет подробно описан; грех бы было сего не сделать. Императрица с великой княгиней сели на возвышенное место, окруженные Воронцовым, Толстым, многими другими кавалерами и дамами, а прочие стали пред нею танцевать кадриль, искусно составленную. Кончив танцы, опять тем же порядком сделали шествие по дому, и как воротились к императрице, то за ними вышла другая кадриль, штук восемь дам (кажется) и восемь кавалеров, одетых как во время Людовика XIV или XV. Дамы в фижмах, с мушками, с напудренными воротниками, мужчины в костюмах с париками начали танцевать менуэт и после род гавота. Очень смешно на них было смотреть. Потом пошли обыкновенные танцы; все остались в костюмах целый вечер, а в три часа пошли ужинать в другой дом, который для того открыт был, и сели ужинать. Императрицу вел Воронцов. Зала же, где тогда ужинала императорская фамилия, была открыта для танцев, и так как она возле той, где танцевали, и соединяется двумя дверьми, то в обеих танцевали, в обеих были оркестры, и от этого не было тесноты.

Представить себе нельзя великолепие и вкус, с каким все были одеты. Все дамы усеяны бриллиантами и каменьями разных цветов, а императрица – и говорить уже нечего. На ней было на несколько миллионов, но, конечно, ни на ком другом и эти украшения не могли бы сделать такого эффекта. Она точно походила на некое божество. Это надобно было видеть, а куда уж описывать! Все глядели с восхищением. Катя была прелестна. Скажи Ольге, что она бы в своего мужа опять влюбилась, если бы его видела. Я уехал во время ужина в четвертом часу, бал продолжался до шести. Стало, нельзя тебе ожидать от дам большого описания сегодня.

Государь чрезвычайно был доволен, хвалил мне очень Катеньку и сказал, что завтра изволит ехать в маскарад к

Волконскому. Много навалит народу! Вспомнил прежний маскарад Волконского. Ох, жаль мне, что Ольги не было: уж она бы повеселилась с нами!

Константин. С.-Петербург, 10 февраля 1833 года

Третьего дня в Энгельгардтовом доме был бал по подписке иностранных купцов, где, однако же, много было и русских дворян, офицеров и проч. Собрано до двадцати тысяч. За ужином сидело 700 человек, а танцевали французские контрадансы сколько, ты думаешь, пар? – 200, а мазурку – 180. Я посылал Сашку с Совестром, пробыли до шести часов, а многие остались до девяти. Мои и повеселились, и покушали, особливо конфет.

Константин. С.-Петербург, 11 февраля 1833 года

Маскарад вчерашний был прекрасен. Государь, императрица и великий князь удостоили его своим присутствием. Множество было народа, и много дам маскированных. Я приехал домой с Янкою в 4 часа. Ну уж они повеселились! Наших не было; да и хорошо Катя сделала, что отдохнула после вчерашней репетиции. Сегодня бал во дворце, а завтра, целый день у князя Кочубея. Ужо опять Катя нарядится в прелестное свое платье.

Константин. С.-Петербург, 13 февраля 1833 года

Ну вот, и веселия кончились. Принялись за хрен и редьку. Катя устала и нос повесила, что нет больше театров. Третьего дня во дворце еще лучше могли мы насладиться зрелищем кадрилей. В концертной зале был поставлен балдахин, под оным двое кресел, а вокруг залы сделано было возвышение для мужчин, перед ними скамейки поставлены были для дам, так что всякий мог все видеть. Это именно очаровательно. К тому же перед императрицею сели так же прелестно одетые две великие княжны и Константин Николаевич, одетый туркою, капитан-пашою, с маленьким Мердером. Мы прекрасно видели все танцы. По-моему, Катя все-таки была всех лучше и одеждой, и собою. После начались танцы, которые продолжались до двенадцати часов, а после ужина протанцевали только несколько польских, да и шабаш. В продолжение оного кадриля государь сел в другой комнате и велел там сесть графу Апраксину и мне. Много разговаривали о публичном маскараде, где императора много масок интриговало, между прочими Икс культа. Нечего делать, должен был ее назвать.

Константин. С.-Петербург, 22 февраля 1833 года

От Жуковского из Верне в Швейцарии получил письмо. Воды

несколько ему помогли, живет в Швейцарии до весны, выедет оттуда в конце мая, а в июле надеется быть здесь. Дай Бог этому доброму человеку совсем оправиться, а как плох отсюда выехал!

Александр. Москва, 23 февраля 1833 года

Сегодня никуда не гожусь я, мой милый и любезнейший брат, не гожусь, как это перо, которое кидаю и беру другое. Затормошили меня дома; всегда как будто сговорятся многие приехать отнимать у меня время, так что я вместо одиннадцати часов попал в Воспитательный дом почти в 12, оттого должен был там пробыть лишние три четверти часа; но зато кончил дела Наташины сам, не прибегая к другим; оно и лучше. Тут Рудин пришел с бумагами, коих более случилось обыкновенного. Отделался, думаю за тебя приняться; пришла милая гостья, любезная, радостная, которую всегда принимаю с удовольствием, даже когда и к тебе пишу… Ты спрашиваешь, кто эта гостья? Ах ты, недогадливый! Кому же быть гостье этой, ежели не петербургской почте? Благодарю за письмо твое от 20-го. Оно радостно, извещает об отъезде Дишки, то-то Ольга обрадуется! И с брюхом запрыгает! Ужо ей скажу, как явится обедать, а теперь не пошлю письма. От тебя была одна официальная бумага, но как я тебя благодарю за нее! Какую ты мне доставил приятную минуту! Я тотчас послал за бедной Васильевой, матерью умершего чиновника нашего, коей жалуется 300 рублей. Но ты представь себе, что тебе жалуют 300 тысяч рублей. Ну, ты бы так не обрадовался. Я видел пред собою крошечную, в землю вросшую старушку, одетую как нищая. Ей бы 25 рублей фортуна, а она 300 получит. Кинулась к ногам (вот этим испортила мою радость, дал бы еще 50 рублей своих, чтобы этого не делала), заплакала, да и встать уже не могла. Все присутствующие были тронуты. «Батюшка! Как это было? Ведь уже было отказано мне при Иване Александровиче Рушковском, я не ждала!..» – «Ну, как бы ни было, приходите за деньгами, молите Бога за государя, за князя Голицына и за Константина Яковлевича».

Прежде нежели Бог послал мне теперешнее мое место, я всегда в уме моем созидал себе другое: быть раздавателем милостей царской фамилии, посвятить жизнь тому, чтобы ходить отыскивать истинную нищету и помогать ей. Сколько бы можно отирать слез, сколько бы истинных благословений имели бы цари наши! Я бы отложил всякое пристрастие в должности моей, сделал бы из этого совестное дело, должность моя была бы не явная, а са мая искренняя. Отчеты давал бы я только государю самому. Должность моя была бы истинно завидная. Воображаю себе, что всякий день имел бы я несколько сцен, как сегодняшняя.

Ну, хорош я со своими воздушными замками. Другие назовут мои слова галиматьею; сердце твое иначе создано, и ты скажешь обо мне: не так уж и глупо.

Константин. С.-Петербург, 27 февраля 1833 года

Вчера было у нас собрание акционеров пароходного общества. Бенкендорф болен, не мог председательствовать, просил меня, но Карнеев старше, я ему передал эту честь. Он читал отчет, который весьма удовлетворителен. В прошлом году чистой прибыли было 199 799 рублей. Дивидендов дадут по 16%, да в запасный капитал 108 тысяч. Славно идут дела. Посылаю тебе несколько экземпляров отчета, отдай один Горчакову: он тоже акционер. Теперь у нас в голове несколько других проектов для составления компаний, и самых полезных. Если Бог благословит, то будет публика благодарна.

Вчера собрались к нам на славную рыбу Каменского [приятель Булгаковых, Дмитрий Николаевич Бантыш-Каменский мог присылать им рыбу из Тобольска, где он был губернатором] Виельгорский, Вяземский, Кокошкин, Норов. Это бы и хорошо, но смотрю потом: валят князь Елисей Васильевич сам-сем, Базиль, Саражинович, Рубини с женами, Меликов. Однако же не только всем досталось, но еще и осталось рыбы на вечер, остатки покушали Кач и доктор Левенгейм с Пфеллером.

Константин. С.-Петербург, 2 марта 1833 года

У князя Кочубея видел я князя Волконского, который мне сказывал, что императрица очень хвалила Катю и нашла ее, по обыкновению, прекрасною, когда откланивалась. То же мне сказал и князь Александр Николаевич. Также мне сказал князь Петр Михайлович, что он поднес императрице *ридикюль*, коим очень изволила быть довольна и поручила ему очень благодарить Катю за любезное внимание. Весьма понравился.

У нас всякий день концерты, но концерты хорошие, на которые я хожу на час. Рубини собирается дать концерт «Введение Моисея», например, с хором придворных певчих. Будет славно. Карадори будет петь у Блозе и там также даст концерты, а может быть, и вечер по подписке.

Константин. С.-Петербург, 3 марта 1833 года

Письмо Бутенева возвращаю. Оно очень мило и несет на себе отпечаток его доброй и скромной души. Я его давно знаю и всегда любил; только говорит, что он не желает в Царьграде долго остаться, да и нельзя быть долго разобщенным с детьми, не имеющими матери. С другой стороны, как их перевозить в

Стамбул? Путь дальний, беспокойный. Между нами, уверяют, что он будет здесь директором Азиатского департамента. Этот на всяком месте будет хорош.

Константин. С.-Петербург, 4 марта 1833 года

Сейчас воротились от заставы, за которую с грустью выпроводил своих милых. Бог да сопутствует им! К десяти часам были мы с детьми у Наташи, все почти было уложено, присели и отправились. Александр Голицын с Орловым – в одних санях, а я с Сашкою, в других, дамы с детьми – в дилижансе. Кое у кого навернулись слезы на глазах, да как и быть без того. Ведь, право, жаль!

Александр. Москва, 4 марта 1833 года

Благодарю за монеты новые польские. Прекрасны. Черткова очень обрадуют твои гостинцы, и я отсюда вижу, как он ужо будет чуфариться в клубе и маркировать 1½ рублевиками. Все хорошо; только, воля твоя, зачем нет на монетах изображения государева? Право, нехорошо! Зачем отнимать у монеты главное ее достоинство через 500—1000 лет? Зачем не будет знать позднее потомство, какие имели черты Петр, Екатерина, Николай Великий и Александр Благословенный? Лица же такие прекрасные. Оставим это и общие, исторические уважения; давай говорить как русские. Представь себе теперь жителя Алеутских, Курильских островов, сибиряка, самоеда, у коего отнята на век отрада увидеть когда-нибудь государя своего; сего мало: несчастные сии никогда не увидят и портрета государева, – какими судьбами дойдет туда оный? Дело несбыточное. Деньги ходят всюду, и я воображаю, какая бы радость была для них, какое сокровище, клад: целковый рубль с верным изображением государя! Ежели бы я был Канкрин и даже князь Александр Николаевич Голицын, я бы умолял государя на коленях выбивать монету с царским изображением. Я даже очень одобряю сицилийскую монету, на коей король Фердинанд изображен вместе с королевою, два профиля вместе. Как бы весело было русским видеть два красивые лица и двух супругов столь нежных вместе и на монетах. Тогда стали бы драться за деньги.

Александр. Москва, 6 марта 1833 года

Неужели подлинно Беррийская объявила, что замужем? Я еще не успел газеты прочитать. Стало быть, тайный брак, ибо доселе никто сего и не подозревал. Надобно думать, что она брюхата, а то к чему бы такое признание? Это разочарует ее сторонников, и она должна действительно много потерять в глазах всех. Впрочем,

я тебе и прежде писал, что это не моя героиня. Дело ли женское рыцарствовать, наводнять Францию кровью для ребенка, не могущего сам собою царствовать? Стало быть, регентство ее так искушало. Место матери должно быть у ее ребенка, то есть должна сохранять его здоровье и жизнь, образовывать его, давать пример добродетели, а не гоняться за химерой, за славою, приключениями и мужьями. Все, что можно об ней сказать, это что она отважная женщина, более ничего. Как-то обсудит это Шатобриан? То-то пойдут пасквили. Жене Берри, матери Кордо не идет брак этот.

Константин. С.-Петербург, 7 марта 1833 года

У брата Завадовского (то есть у нашего) был двоюродный брат, тоже граф Завадовский, человек еще молодой, которому с год назад досталось после матери миллион денег чистых, кроме душ. Этот последний Завадовский вчера умер, оставив одному своему приятелю 200 000 рублей, кроме прежде данных 200 тысяч, многим другим лицам деньги, между прочими моему священнику – 10 тысяч, вашему князю Шаликову, коему он был родня, – 25 тысяч, прочие же все деньги – нашему Завадовскому; а этих денег, говорят, до 600 тысяч, лежащих в ломбарде. Вот переход для Завадовского, которому приходилось круто от обстоятельств, ибо он очень дела свои расстроил. Теперь может еще не только поправить, но иметь их в цветущем состоянии и, надеюсь, уже не впадет в прежние ошибки. Рад я за него. Сыну его покойный оставил 900 душ, прекрасное имение, которое, не знаю почему, выходило выморочным. Доброго человека и мне приятеля дела устроятся, а покойный не мог же это с собой унести. К тому же надобно знать, что он воспитывался, определен был в службу и облагодетельствован своим дядей, отцом Василия Петровича, следовательно, весьма натурально, что оставил ему деньги, коими мог располагать как хотел. Доктору Арендту дал 25 тысяч. Экие все куши!

Горголи и Демьян Кочубей, бывшие свидетелями, были вчера вечером у меня и объявили, что покойный граф Алексея Орлова и меня назначил душеприказчиками. С Орловым он воспитывался, это и понятно; а я с ним никогда не был знаком и даже ни слова не говорил, знал его, только встречая на Невском проспекте, где он всегда и недавно еще гулял. Не знаю, что за мысль пришла. Признаюсь, что я сему не рад, ибо довольно я уже потерпел от духовной Алексеевой. Хотя, впрочем, не полагаю, чтобы тут были затруднения и истории, как там, но все должен я хлопотать по чужим делам, между тем как свои идут так плохо. За алексеевское дело мало кто останется благодарен, хотя точно без

меня бы наследники, получившие до копейки все, что им было завещано, не получили бы и пятой части: так бестолково была написана духовная. Что же вышло? Сделал я себе врагов, нажил клеветников и ругателей, да еще детям процесс, после того, что пять лет мучился, чтобы всех удовлетворить, и что не виноват, если один из наследников лично вздумал сделать детей своих наследниками, к крайнему моему неудовольствию. Эка, я куда заехал!

Александр. Москва, 11 марта 1833 года

То-то человек никогда не знает, что его ждет. Всякое положение подвержено изменениям, а потому никогда не должно предаваться отчаянию. Я от многих слышал, что нашему доброму Завадовскому так плохо приходилось, что не знал, чем и как жить; а князь Шаликов, имеющий семейство, ночи просиживал, писал, сочинял, печатал, издавал журнал, чтобы иметь, чем своих кормить, как все вдруг переменяется; у Завадовского является 600 тысяч и 900 душ, а у Шаликова – 25 тысяч капитала, и последний, верно, богаче себя почитает первого. Великая была для меня отрада, получив твое и Вяземского известие, написать Шаликову: «В Петербурге умер граф Завадовский, человек богатый, царство ему небесное! Я его никогда и не видывал, но чту его память, и вот почему: он оставил доброму человеку, отцу семейства, небогатому, 25 тысяч, а этот отец семейства – это вы, любезнейший князь, поздравляю», – и проч. Я получил прерадостный ответ от Шаликова, а там и сам он явился и желал знать: куда же денется имение двоюродной его сестры, матери покойника? Она оставила ему тысячи полторы душ, то есть сыну своему. Я обещал о сем разведать. Уж это не то ли имение, которое полагается у вас выморочным? Что кабы вдруг Шаликову достался этот Воротынец! Тогда бросит Парнас и переселится на землю. Узнай-ка, мой милый.

Александр. Москва, 13 марта 1833 года

Сию минуту был у меня Ростопчин; к нему фрак идет лучше мундира, и он, кажется, поправился в здоровье своем. Я рад, что он, брат его и даже графиня ладят теперь с Брокером; давно бы им взяться за ум, у всех лучше пошли бы дела. Посылаю тебе стихи, поднесенные мне князем Шаликовым. Как бы я желал, чтобы имение, которое вы полагаете выморочным, досталось ему! Он мне доставил записку подробную о родстве своем с покойным Завадовским. Все в Москве радуются его счастью. Он очень просил меня поблагодарить Вяземского за его участие в перемене его положения. Покажи Вяземскому стихи.

Салтыков, Кобылин (отказавшиеся от Английского клуба), Сонцов, кажется, и Чертков, и многие другие затевают общество вместо клуба, где точно очень делается неприятно, многие бросили ездить; но я не знаю, успеют ли в своем предприятии.

К Александру Яковлевичу Булгакову

Твоих я граций скромно пел,
Умом и красотою Граций!
Я в песнопенье не Гораций,
Но счастлив, счастлив мой удел:
Родитель дочерей бесценных,
Достойный имени сего,
В движеньях сердца своего,
Всегда прекрасных, откровенных,
Благодарил меня, певца,
Своею прозою прелестной,
Наполеону не безвестной
И русских трогавшей сердца.
Но только ль сделано тобою
Для благодарного тебе?
Ты принял с радостью живою
Участие в моей судьбе.
И так в моем семействе целом,
И так, восторга в чувстве смелом,
Пред светом говорю душой:
Ты добрый, добрый гений мой!

Князь Шаликов

Константин. С.-Петербург, 15 марта 1833 года

Только что за перо – приехал генерал Штрандман, старинный молдавский знакомый, да еще за делом, от великого князя: надобно было с ним потолковать об устройстве приема писем на Спасской Полести.

Бедный князь Сергей Голицын вчера кончил жизнь свою. Граф Курута третьего дня от матери Штерича получил уже приглашение на похороны. Вот тебе наши печальные новости. Опочининой, говорят, легче; но что-то не верится докторам.

Имение, которое, после Завадовского, я назвал выморочным, точно то самое, о котором спрашивал тебя князь Шаликов. Я бы весьма желал, чтобы ему досталось; но говорят, что оно идет в род деда покойного Завадовского по матери, которая была дочь полковника из запорожцев. Если князь Шаликов был двоюродный

брат матери Завадовского по ее отцу, то, кажется, может претендовать, а если по ее матери – то, говорят, нет, ибо имение было от отца ее; следовательно, этот вопрос он сам может решить, зная бессомненно, откуда происходило его родство с нею. Да, брат, Завадовский наш воскреснет от этого наследства; его положение было очень затруднительно, но Бог добрых не оставляет, а он точно добрый человек.

Константин. С.-Петербург, 20 марта 1833 года

Вчера ездил с графом Орловым в дом, где жил покойный граф Завадовский, при свидетелях, и полицмейстер снял печати, сделал опись наличным деньгам, банковским билетам и проч. Оказалось билетов на 804 тысячи, червонцев – 4035 штук, несколько империалов и полуимпериалов, наличных ассигнациями – 63 тысячи рублей. Стало, нашему Завадовскому, кроме разного имущества, серебра, бриллиантов, коих тысяч на 12, медалей и проч., тысяч 600 чистыми деньгами. Порядочное наследство и очень кстати.

Третьего дня у Лавалей было битком набито. Карадори пела, будет еще раз петь для дирекции, а там отправится. Должна быть довольна Россией; но, правду сказать, она сама мила и заслуживает, чтоб для нее делали лишнее. Вчера она пела для инвалидов, только я не мог достать ложи.

За пение у императрицы Карадори получила прекрасный фермуар хризолитовый или окруженный крупными бриллиантами, тысяч в пять. Скажи своим журналистам, что певица третьего, по их словам, разбора получила такой славный подарок. Какого бы разбора она ни была, но ее слушают все с большим удовольствием и иногда с восхищением, и многие другие, слушавшие Паста, Малибран и других славных певцов, которых, может быть, никогда не видали журналисты, на нее нападающие. В кои-то веки приехала прекрасная певица, и той спуску нет.

Говорят, князь Дивен, министр просвещения, просил об увольнении и уволен. Вероятно, Уваров будет управляющим. То-то подымется!

Константин. С.-Петербург, 23 марта 1833 года

Здесь уже заговорили, что Уваров сделан настоящим министром, а Виельгорский – его товарищем. Я думаю, при таком условии Уваров лучше всегда согласится быть управляющим. Я знаю, что ему товарища не хочется; а я бы желал хоть еще двух иметь помощников, лишь бы были хорошие люди, а лучше пана Михаила ему не нажить.

Константин. С.-Петербург, 3 апреля 1833 года

Фельдмаршал князь Варшавский сделан генерал-инспектором всей пехоты, а Илларион Васильевич Васильчиков – всей кавалерии. Орден Белого Орла пожалован дивизионным генералам Мартынову, Ушакову и Кнорррингу, а также и графу Лавалю. Фонтону – прекрасную табакерку с вензелем, Сакену – Станислава I. Тот же орден – графу Апраксину, брату жандармского. Графу Чернышеву дан полк, то есть будет называться его именем. В камер-юнкеры – оба сына Григория Гагарина, сын князя Никиты Волконского и граф Понятовский, что у Воронцова. Во фрейлины – Шкурины, Бартоломей, дочь Крейца, Нелидова и Жомини. Два камергера; один, кажется, Всеволожский-старший. Нейдгарту – алмазные знаки Александровские. Обер-прокурор Синода князь Мещерский – сенатором, а на его место – Нечаев, брат Жихаревой. На место Куруты в военный совет – генерал-адъютант Храповицкий, а Полуэктов – в Аудиториатский департамент членом. Несколько Станиславов 1-й и 2-й степени, только не знаю – кому.

В субботу ездили мы с Журавлевым во дворец; после заутрени и христосования отправились было в свою церковь, но опоздали. Много у нас разговлялось. Кроме своих, по обыкновению, ежегодных гостей, были Журавлевы, Полетика, Вяземский, Норов, Каменский. Продержали меня до пяти часов, а в восемь надобно было уже подыматься и перецеловать всех своих чиновников. Ты на опыте теперь знаешь, сколько приходится раздать и получить поцелуев.

Сегодня рождение жены; наберется, я чаю, куча народа и обедать, и целый день. Дай Бог моей хозяйке и Соне справиться.

Константин. С.-Петербург, 4 апреля 1833 года

Вчера-таки порядочно собралось к нам обедать, человек было с 40, а вечером еще пропасть привалило; играли в вист, в бильярд.

Ну-с, утром был я с чиновниками у своего князя [А.Н.Голицына], которого нашли в новом, канцлерском, мундире, шитом по всем швам, и богато, серебром, вместо Андреевской ленты – цепь, а во дворце он был еще с палкою, как церемониймейстерская, на набалдашнике коей – государственная печать. Мундир прекрасный. Вышли также мундиры для статс-секретарей, шитья столько же, как на коллежских мундирах тайных советников, только золотом. У министров тоже будут богатые мундиры. Говорят также, что и дамы для главных табельных дней будут иметь платья по классам. Это будет

большая экономия, потому что нужно будет только одно платье.

Александр. Москва, 8 апреля 1833 года

По городу говорили, что князю нашему [Александру Николаевичу Голицыну] пожалован новый орден, цепь какая-то; я всем отвечал, что быть не может, что ты верно бы написал мне.

Как бы хорошо дамам дать костюмы единообразные для двора, и русские. Это существует при неапольском дворе, и есть платья, кои сто лет переходят от матерей к дочерям, сохраняясь в фамилиях, и точно бы большая была это экономия. Одни только щеголихи и богачки будут сожалеть; но не лучше ли и им обратить издержки на бриллианты, чем на лоскутки, кои раз надень, да и брось? Посмотрел бы я на парад нашего князя!

Александр. Москва, 10 апреля 1833 года

Твои напрягай принимаю с покорностью, мой милый друг. Уж, верно, коли не желал бы я баловать своих чиновников, из коих многие и без того избалованы странными свойствами покойного Рушковского, так избавил бы себя с великой радостью от издержки, столь для меня значительной, и уплатил бы кой-какие должишки; но так делал Рушковский, слывший скрягою. И это бы ничего: я мог бы все себя оправдать тем, что Рушковский был один-одинехонек на свете, а я имею семью немалую. Рушковский был тринадцать лет почт-директором, а я только вступил и обзавестись даже не успел, многого сам еще не имею. Но Трескин беден, огромную имеет семью, с кончины жены своей совершенно убит. Одинцов намекал мне два раза, что детей в службу записал, что обмундировка сына стала ему до 500 рублей, что не знает, как изворачиваться. Как Жарову не дать, который столь рачительно, честно наблюдает мои интересы? У Худина девятеро детей, этому подарил я 400 рублей именно оттого, что он молчал и не прочил; я ничего скромнее, способнее и усерднее его в почтамте не знаю. Как было не подарить почтальонам, сторожам, певчим, причту церковному, школе? Как не пособить старикам Петрову, Макарову и многим другим, у коих вычитают всякую треть из скудного их жалованья? Если бы я не наследовал щедрого нрава батюшки, конечно, мог бы я обуздать желание всем или многим дать пособия по силе; но мысль одна взяла верх над всеми уважениями, а мысль эта следующая: «И я терпел нужду часто тяжкую, как вы, Бог положение мое переменил, я счастлив, покоен; так пусть же и около меня все будут счастливы и покойны, сколько это зависеть может от меня». Пусть эти 3400 рублей составят мое мотовство. Я не имею, слава Богу, прихотей разорительных. Чем раздавать милостыню по мелочам, которая

идет по трактирам и кабакам, лучше помогать тем, которые так ревностно и исправно подо мною трудятся. Вот тебе, мой любезнейший брат, исповедь моя.

Доброго Закревского благодарю за письмо его; оно ответное на мое. Вчера у его роденьки Мельгунова [Мельгунов был в родстве с женой графа Закревского], что женат на хорошенькой Урусовой, была история под качелями. Там есть ресторация, где Мельгунов не только кушал а-ля Голицын, но и нахлюстался а-ля Антонио в «Фигаро». Лечь бы спать после этого, а он поехал верхом по гулянию, набрел как-то на князя Четвертинского, который также был верхом. Он ему сказал: «Ваше сиятельство, остерегитесь», – а князь ему в ответ: «Разве я слепой?» Только пошел спор, слово за слово, и Четвертинский сказал ему наконец: «Я вижу, что вы пьяны», – на что Мельгунов отвечал: «Пьяный выспится, а дурак никогда не выспится, всегда будет дураком». Князь поворотил повода, сказав: «Что мне толковать с человеком, который не чувствует, что делает и говорит!» Это так, а потому и не следовало связываться с Мельгуновым, а теперь насмешники будут за этого, ибо он поехал за Четвертинским, крича ему вслед: «Дурак, скотина! Никогда не выспишься, и все будет скотина». Ожидаю, что это так не обойдется. Конечно, стыдно для Мельгунова, но и Четвертинский не прав, по-моему.

Вот почему я не принял зова графа Потемкина, то есть принял приглашение, благодаря, а там прислал почтальона с запискою, что, к сожалению, быть не могу. У Потемкина были вишни, малина, клубника, виноград, говорят, по рублю штука, а жену отправил в Петербург просить отсрочить или просить какие-то 20 тысяч рублей. Этого, видно, ничто не исправит.

Все теперь жадничают видеть Каратыгиных. Загоскин сказывал, что они будут играть 20 раз; но он не мой актер, не люблю его. Она мила, хотя и странно говорит.

Александр. Москва, 11 апреля 1833 года

Можно было предвидеть, что бывшая под Новинским ссора между князем Четвертинским и Мельгуновым не останется без последствий. Я тебе описывал оную вчера, мой милый и любезнейший друг. Вот каково связываться с людьми нетрезвыми. Вчерашний день прошел весь в напрасных негоциациях. Четвертинский взял Петра Львовича Давыдова и Корсакова Гр. в секунданты, а Мельгунов – Киселева и еще кого-то. Они старались дело уладить, но тщетно. Князь Дмитрий Владимирович призывал к себе Мельгунова, говоря ему, что неприятно будет, ежели эта история сделается гласною и отрапортуется в Петербург, что пятно будет для всего дворянства

Богородского уезда, избравшего его в предводители, что последствия будут для него самые дурные и проч.; но Мельгунов остервенился, встал на том, что князь Четвертинский должен просить у него прощения, а не то он с ним разделается, как честь велит. Но казалось бы, что прежде всего честь велит не напиваться и пьяному не разъезжать по гулянию, где весь город. Не знают, чем-то все это кончится, а между тем обе премилые жены и семейства в сокрушении. Вот как должно быть осторожным во встречах во всех публичных съездах!

Был я вчера в театре, хотелось видеть дебют Каратыгиной. Давали «Школу стариков», перевод Кокошкина, неважный.

Пьеса уже не та в переводе. Каратыгина сохранила свои гримасы, аффектацию, которые были хороши, когда ей было 25 лет, а теперь стара стала. Кажется, публика наша, обыкновенно кидающаяся на все новое и петербургское, приняла ее холодновато, мало аплодировали, человек двадцать стали ее вызывать. Она не заставила себя упрашивать, тотчас вышла, но с Щепкиным; однако ж не очень низко кланялась. Завтра играет муж в «Дмитрии Донском». Я был в ложе у Загоскина, но так как во все время закрытия театра оный (видно, из экономии) не топили, то было очень сыро, и я, чтобы не прозябнуть, уехал до конца, да кинулся дома на чай и не поехал на званый вечер к Щербатову парижскому, а занялся почтою.

Об отправлении графа Орлова в Стамбул мы уже знали. Дело важное, которое может его подвергнуть большой ответственности, могут случиться критические минуты; зато Бутеневу будет легче. Посылка Орлова, пожалование Лазарева в вице-адмиралы доказывают, что Россия готовится играть там роль не второклассную. Так и подобает. На Москву ли поедет граф Ал. Федорович? Мне бы очень было приятно его видеть.

Константин. С.-Петербург, 12 апреля 1833 года

Воронцов писал мне от 3 апреля: «В Одессу пришел из Царьграда корабль в 48 часов и привез известие, что эскадра Кумани 23-го прибыла туда, войска наши были поставлены на азиатском берегу; все было спокойно в Царьграде, и никаких не имели известий о Ибрагиме. В Одессе войска садились на суда, несмотря на весьма сильный ветер».

Александр. Москва, 12 апреля 1833 года

История Мельгунова с князем Четвертинским кончилась и имела развязку, которую нельзя было ожидать. Мельгунов просил сутки времени на размышление, и кончилось тем, что не у него просили, а он у Четвертинского просил прощения. Корсаков

Гриша тут очень удачно действовал, и если б все секунданты, вместо того чтобы озлобливать, сближали бы ссорящихся, то менее было бы дуэлей. Скажи это Вяземскому от меня, а то он, верно, беспокоится насчет свояка своего [то есть князя Бориса Антоновича Четвертинского. Он и князь П.А.Вяземский женаты были на родных сестрах].

Как бы то ни было, но бедного Сухтелена не стало. Смерть найдет резон, а здесь говорят, что досады, которые он имел от своей распутной жены, сократили его жизнь; но кажется, что, разлучившись уже один раз навсегда с нею, должен бы быть покоен. Наплевать бы на нее, да и только, тем более, что дочь осталась при нем, жена нажила себе других с другими. Она скверная, живет себе да поживает, а добрый и полезный человек умер.

Сегодня большой обед для князя Дмитрия Владимировича в Английском клубе. Сказывают, что будет 300 человек. Сомневаюсь, ибо столько и членов не накопится в целой Москве. Отделаюсь пораньше, ибо обедать там в три часа. За мной заедет П.П.Новосильцев.

Александр. Москва, 13 апреля 1833 года

Прежде нежели лечь спать, опишу тебе обед Английского клуба в честь князя Дмитрия Владимировича. Было 300 с лишком человек. Мы не совались вперед, как многие, а потому и досталось нам, то есть Ивану Васильевичу Черткову, Новосильцеву и мне, сидеть за пятым столом. Были одни члены, и за исключение на этот день гостей были от некоторых ропоты. Был только один гость, коего князь с собою привез: только что приехавший из Петербурга Я.В.Вилье; он и сидел возле князя с одной стороны, а с другой слепой Гагарин. После первого блюда начались тосты с куплетами, кои на хорах пели Лавров, Петрова и другие театральные певцы. Первый куплет – государю, второй – императрице и наследнику, третий – благоденствию России, четвертый – князю Дмитрию Владимировичу, пятый – Москве, шестой – Английскому клубу; всякий тост был сопровождаем продолжительными рукоплесканиями и шумом чем ни попалось. Обед был хорош, прислуга исправна, и недолго, спасибо, продолжалось. Я не видал, но сказывали мне, что князь Дмитрий Владимирович не мог скрыть слез.

Обед сей ознаменован был благодетельной подпиткою в пользу несчастного князя Кугушева. Когда я уехал, дав сам 25 рублей, то было уже более двух тысяч рублей набрано. Я уехал рано и оставил там множество народу. Ежели бы дали такой праздник князю в день его приезда, можно бы это почесть лестью;

но после 14-летнего управления Москвою столь гласное и единодушное изъявление любви не могло не быть ему очень приятно.

От торжества Дмитрия Голицына заехал я на часок домой, а там поехал на торжество Дмитрия Донского. Театр был битком набит. Каратыгин играл хорошо, и ему ужасно аплодировали. Видно было, что русскую пьесу играли в русской истинной столице; только как этой Ксении далеко до Семеновой. Каратыгина в комедиях еще сносна, а тут она очень мне не понравилась. Когда в конце пьесы Донской со всеми князьями и боярами, становясь на колена, оканчивает пьесу словами: «Велик российский Бог!» – то казалось, что театр обрушится от рукоплесканий.

В понедельник бенефис Каратыгина, и говорят, что места уже нет, все взято. Вчера носили его на руках, но более аплодировали московскому князю, нежели актеру Каратыгину. Тут видел я национальный инстинкт. Всякий как будто себе говорил: «Ну-ка! Г-н бесфлотный адмирал Руссен, сунься-ка! О дерзостный посол надменнейшего Филиппа Эгалитетовича, не сладить тебе с русским Богом».

Константин. С.-Петербург, 14 апреля 1833 года

Воронцов мне пишет от 5 апреля, что и вторая эскадра, посадив на свои суда войска, ожидала ветра, чтобы поднять якорь. Он любовался на нее из своих окошек. По известиям, полученным им из Царьграда, кажется, прибытие контр-адмирала Кумани с егерской бригадой очень было приятно султану. Он тотчас поехал в свой загородный дом, где принял адмиралов, бригадного генерала и полковников, много им сказал учтивостей и комплиментов, сколь приятно ему было их видеть и сколь он благодарен государю за подвиг его величества и за искреннюю и сильную помощь, ему оказываемую. Между тем египтяне не подвигались вперед, а Ибрагим был еще в Китае.

Коли искать причины для помощи деньгами чиновникам, то найдешь, что почти все они в таком положении, что такая помощь если необходима, то полезна или приятна; но для этого надобно другие иметь средства, нежели наши. Такие бедные чиновники везде есть; только где начальники помогают им собственными своими деньгами?

Для этого надобно быть самим начальникам людьми богатыми. Не знаю, Рушковский помогал ли из своих собственных денег; скорее, думаю, что из каких-нибудь экономических сумм, на что не имеют права, ибо всякая экономия должна оставаться в казне и быть гласною, явною: ни от лошадей, ни от содержания

домов, ни от канцелярских расходов неизвестным ничего оставаться не должно. Показываться же издержанными без разрешения также не должны.

Потемкин, видно, никогда не вылечится от мотовства: чуть есть деньги, давай мотать! Я его жену здесь видел. Она потолстела и похорошела.

Александр. Москва, 15 апреля 1833 года

Давно ли это князь Никита Волконский попал в поэты? Что это за новая несчастная страсть? Особенно несчастная для тех, которые должны слушать его стихи.

Правда ли, что Шредер оставляет Дрезден? Я думал, что он токмо тогда оставит Саксонию свою, когда оставит свет.

В приемной второпях принял письмо на имя великого князя Михаила Павловича без означения имени и жительства подавателя пакета; отыскать – дело невозможное, да и возьмет время, за которое как бы нам не отвечать. Посылаю тебе письмо для доставления. Ежели не ошибаюсь, это рука Грессера. Он же мне сказал намедни: «У меня приказ его императорского высочества известить его немедленно о моей женитьбе»[74].

Константин. С.-Петербург, 17 апреля 1833 года

Сегодня выход, всем повещено съезжаться во дворец, где в первый раз наследник будет принимать поздравления. Вчера, по возвращении моем от князя от обедни, показалось солнце, я решился идти гулять. У Синего моста встретил Михаила Павловича, который предложил мне идти с собой, и мы сделали круг препорядочный по Мойке, там мимо Николы Морского к Цепному мосту на Фонтанке и оною до Невского проспекта и до улицы, которая ведет ко дворцу его высочества. На это нужно было с лишком полтора часа. Давно я так много не ходил. Изволил много спрашивать про вас всех, говорили о Москве, которую очень любит и куда, кажется, сбирается опять к водам. О Косте сказывал, что им доволен, но тебя прошу Косте этого не говорить, а то тотчас все испортит.

Лунин вчера у нас обедал и сказывал мне за верное известие, что на место Сухтелена назначен уже Василий Перовский. Этого одного публика не называла, и думали все наверняка, что будет Панкратьев.

Александр. Москва, 17 апреля 1833 года

Не знаю, как Мочалову и Бантышеву у вас, а Каратыгиных носят здесь на руках; но она (по-моему) много потеряла, и «Молва» (журнал, который ты получаешь) хорошо ее обсуживает.

Мочалов слишком рвется и не имеет благородства в игре. Бантышева голос хорош на один час, а там как-то прислушивается, и мне кажется, что он вечно одно и то же поет. Время стоит у нас бесподобное, и вчера было много под качелями, которые остаются до 1 мая под Новинским для гуляний по воскресеньям.

В дочь Девиера, нашего скучного кредитора, влюбился кто-то, очень порядочный, с состоянием; но отец, дурачина, все твердил: «Идет ли графине Девиер выходить за простого дворянина без титула князя или графа?» Все родные уговаривали, и все было напрасно; говорят, что вчера ее увез этот жених, коего имя я забыл. Говорят, главный резон отказа был тот, что Девиеру надобно было расставаться с имением, которое не его, а покойной жены, и идет дочерям мимо отца, а этому хотелось опекать до самого до нельзя. Сколько мерзостей заставляют делать проклятые денежки!

Александр. Москва, 18 апреля 1833 года

Как меня радуют турецкие дела! Все поступки нашего государя имеют что-то великое, но последствия еще явнее докажут Европе, а особенно английским и французским крикунам, сколь возвышенны и истинно царски чувства и политика нашего бесценного Николая. Скверные французишки только хвастают, себя превозносят, а везде поджигают беспорядки. Мы докажем им, что гораздо надежнее не давать потачку бунтовщикам; у нас все кончится скоро, хорошо, а они пусть себе там протоколят бельгийские дела. Никогда журналы не были так любопытны. «Газет де Франс» тоже утрирует, но я очень люблю «Французский журнал»: тон умеренный, рассуждения основательные, а иной раз и прекрасные шуточки, и ирония против либералов. Этот журнал у всех лавочку отобьет, бумага же белая, печать крупная. Это не безделица.

Сию минуту Ольга явилась ко мне от Пашковых с вестью, что была помолвка Андрея Ростопчина с Сушковой. Теперь отдаст мне справедливость кузен наш Александр Голицын. Скоро забыла его любезная! Ежели бы Ростопчину было года на три более, то хорошо бы, но он еще не вышел из опеки [граф Андрей Федорович Ростопчин родился 13 октября 1813 года]. Дай Бог, чтобы были счастливы! От нее зависит; надобно держать его в руках. Она умна, будет уметь ладить и с ним, и с графиней полоумною. Андрюшу люблю по отцу, но верно бы никогда не отдал Катю свою за него.

Александр. Москва, 20 апреля 1833 года

Башилов сказывал, что купили прекрасный дом Раевской (бывший графа Воронцова Арт. Ивановича) на Петровке, в нем будет театр. Башилов не хотел дать 140 тысяч за этот дом под свою строительную комиссию; а теперь он продан за 150 тысяч, да и это дешево: дом капитальный, средина города, и дохода с лавок от 18 до 20 тысяч. Я хлопотал для Раевской. Дочь ее, молодая вдова Софья Дмитриевна Камынина, – милая бабенка и большая моя фаворитка, но, увы, вдруг взбесилась: всегда превозносила мне свое счастие, свою независимость, любовь тестя и тещи, кои подлинно в глаза ей глядят, дочь у нее премилая пяти лет, единственная наследница большого имения; мать, живши у тестя на всем готовом, имела 15 тысяч дохода, – и что же? Она лишается всех сих выгод, чтобы против воли родных идти замуж, – и за кого? За известного мерзавца: именно тот N.,о коем я хлопотал тогда у Рушковского. Я знаю его только с виду, но знаю, что у него здесь очень дурная слава, и она будет плакать кровавыми слезами. Я отвечал одной из ее родственниц, которая объявила мне вчера о сем браке, и не без некоторой тревоги: «Я делаю признание никогда более не дружить ни с какою женщиной, ибо моя привязанность, кажется, приносит несчастье». Весь город сожалеет о бедной Камыниной. Тесть лишает ее всего, предоставляя имение маленькой дочери ее в совершеннолетие, а N. на имение и зарился. Ни он, ни она не имеют ничего, чем же жить будут? Намедни старик Камынин заводить стал было разговор этот, но я отклонил, переменив речь: дело деликатное, лучше ни во что не мешаться. Старик всегда отказывался принимать к себе N., но надобно было кончить начатое и употребить все средства, чтобы разорвать всякое знакомство.

Константин. С.-Петербург, 22 апреля 1833 года

Бал был прекрасный в Эрмитаже в так называемой Испанской зале, а ужин – в театре, прекрасно устроенном. Я сидел возле Каподистрии [Августина, младшего брата убитого в Греции Ивана Антоновича], который был в восхищении. Домой я воротился уже в 3 часа и устал, ибо много стоял, ходил как утром, так и вечером. Государь раза три изволил милостиво со мною разговаривать; да, я полагаю, не остался ни один человек на балу, который бы не был очарован его милостивым обхождением.

Василий Перовский идет на место Сухтелена. Он будет у тебя в Москве, но между тем, не зная края того и людей, очень бы тебе обязан был, если б ты мог собрать к его приезду и сообщить ему какие-нибудь сведения, кои полагает он лично иметь в Москве. Как ты его желание исполнишь, не знаю, но передаю его тебе, уверен будучи, что сделаешь что можешь. Он мне хороший

приятель и прекрасный человек. Я уверен, что им будут довольны.

Александр. Москва, 22 апреля 1833 года

Видно, на лотереи мода; но мне не было такой удачи, как Трубецкой намедни разыгрывал у князя Дмитрия Владимировича прекрасный портрет (большой, масляными красками) Петра Великого, и выиграл его какой-то бедный живописец. Вот это весьма кстати: можно продать и получить 1000 рублей.

Меня вдруг вызвали на балкон, вижу ужасное стечение народа на улице перед нашим почтовым дворцом. Что такое? Шел человек пожарной команды, вдруг упал на нашем тротуаре и умер; тотчас призвали цирюльника, пустили кровь, но несчастный душу уже Богу предал. Экое дрянное создание человек! Хлопоты сии взяли у меня пропасть времени.

Александр. Москва, 24 апреля 1833 года

Вчера ездили мы: княгиня, Ольга с мужем и я с Катей – смотреть Каратыгина в Шиллеровых «Разбойниках». Театр всякий раз полон, когда он играет; правда, что она собрала на бенефисе своем чистых за расходами 10 тысяч рублей и что столько же (ежели не более) ожидает и мужа ее; но правда и то, что они доставили дирекции в глухую эту пору, конечно, тысяч 50. Такие были драки и давки для получения билетов, что теперь всегда особенная команда полицейская бывает по утрам и учредили старшинство, то есть очередь, как в Париже. Пашковы мне рассказывали, что их человек явился в три часа утра у двери, заснул, и так славно, что проспал до разбора всех билетов. Понимаю, ибо никто не был интересован его разбудить, а сон, видно, богатырский.

Нет сомнения, что великий князь и ее высочество будут сюда. Башилов в больших хлопотах, и я со всеми своими спешу кончить ширмы, кои делаю. Ежели удадутся, то хочу сделать сюрприз и поставить, тихонько даже от Башилова, в кабинете великой княгини; дамы мои вырезают, а я наклеиваю, на это положено у меня час и полтора всякое утро, только что выхожу, пока не оденусь. То-то Москва возликует, особенно ежели и царь нас осчастливит своим присутствием.

Князь и княгиня Татьяна Васильевна хотят устроить какой-то вокзал [ранее вокзал служил одновременно и пассажирским зданием, и залом, в котором устраивались концерты] на лето и меня пригласили на комитет; хотят так устроить, чтобы сборище сие было бы достойно присутствия двора, и избрать лучшее общество.

Не полагаю, чтобы ваши минеральные воды были когда-нибудь полезны в каком-либо, а еще менее в моральном, отношении. Ну какая польза будет, например, Канкрину пить воды в Петербурге? И точно, выйдет, как ты говоришь, что москвичи будут ездить к вам, а невские жители сделаются москворецкими. Покой, рассеянность, перемена воздуха, горизонта, образа жизни, предметов и лиц – великое дело для больного. Какой быть пользе в Петербурге, где в одно утро видим до четырех перемен в температурах?

Константин. С.-Петербург, 25 апреля 1833 года

Государь вчера неожиданно приехал в губернское правление и все осмотрел, был во всех палатах. Наш Мельников случился в Казенной, по торгам на казенных лошадей, и имел счастие его видеть и отвечать на вопросы. Губернатор только что уехал домой после окончания торгов. Как, я чаю, ему досадно! Арендт как угорелый ходит от множества больных, а, кажется, погода хоть куда. Много воспалений, и, я чаю, именно от хорошей погоды: ходят гулять легко слишком одетые и простуживаются.

Александр. Москва, 29 апреля 1833 года

Посещение государево губернского правления неожиданно. Дело очень хорошее: все присутственные места будут держать ухо востро. Тебе не страшно, ежели его величество изволит и к тебе пожаловать: у тебя в почтамте все прекрасно, чисто – не так, как у нас, грешных.

Александр. Москва, 4 мая 1833 года

Давеча видел ужасную толпу у театра и нарочно остановился посмотреть на эту комедию, при которой всегда бывает полицмейстер, а то точно были бы несчастия всякий раз. Сегодня точно последний раз играет Каратыгин; я сам видел, как человеку Устинова предлагали 80 рублей, чтобы уступил ложу, то есть двойную плату. Совершенное сумасшествие. Загоскин дельно жаловался мне вчера, что ваш несносный Гагарин не соглашается оставить Каратыгиных еще на 10 дней. У вас к ним пригляделись, а здесь доставили бы они дирекции тысяч 30 лишних, а карман все государев – что московский, что петербургский; но господа начальники смотрят не пользу казны, а свою личную. Как допустить Гагарину, чтобы отчеты Загоскина были выгоднее, нежели его?

Константин. С.-Петербург, 8 мая 1833 года

Вместо свадебного бала у княгини Белосельской, на который

и мы были званы, вчера сделался ее дом домом траура: мать ее и графини Лаваль, почтенная старушка Козицкая, которую я в прошедшее воскресенье видел на свадьбе, третьего дня скончалась, то есть погасла. Она была очень стара.

Экий у вас праздник Каратыгиным! И здесь вашего Бантышева угощали, хлопали ему, вызывали его, но все не так; да и денег он столько не увезет, как трагическая чета.

Константин. С.-Петербург, 10 мая 1833 года

Вчера с женою ездил в Александринский театр смотреть «Фрадиаволо» на немецком языке, театр был полон; причиною не пьеса, а присутствие их величеств, которое всегда привлекает обожающих их подданных.

Я снарядил Максимова в поход для сопровождения государя 15-го числа в Динабург, Ригу и Ревель. Все бьюсь с пароходным обществом, не могу уладить отправления корреспонденции в Пруссию: не хотят заходить в порт, Пруссией избранный, а те не соглашаются на порт, избранный нашими капитанами. Хлопоты, да и только!

Константин. С.-Петербург, 11 мая 1833 года

Вчера я князю представлял на утверждение новый ход почты между столицами. Когда окончено будет шоссе, то положено почте идти 12 верст в час, что весьма легко. Таким образом, поспевать будет гораздо скорее теперешнего. Сперва было назначено от вас отправляться почте в 10 часов вечера; но говорят, что тягостно бы было для ваших чиновников и бесполезно держать ее и их так долго, а потому оставили мы отправление в 6 часов. Некоторые другие пункты также улажены.

Александр. Москва, 11 мая 1833 года

Был у меня сейчас Лесовский. Добрый этот приятель приехал узнать, имею ли известия от жены, ибо в соседстве Горбова взбунтовались мужики, а также фабричные некоего Грудева. Мне писала об этом жена; но у нее все было покойно, а я приписываю это ее присутствию. Я сейчас отправляю эстафету к Наташе, чтобы ее еще более успокоить. Князь Дмитрий Владимирович отправил туда адъютанта своего, и послана военная команда, которая сегодня должна быть на месте. Лесовский послал также от себя полковника Шубинского, коему велел иметь глаза на Горбово, в случае нужды дать Наташе помощь и к ней даже ехать; до сего не дойдет, верно, но все-таки спасибо доброму Степану Ивановичу. Я даю Наташе нужные наставления по сему случаю. Неудивительно, что я люблю Лесовского по старым нашим

связям, но вообще здесь все отменно его и любят, и почитают. Он в это короткое время умел заслужить уважение всеобщее, а ему было труда немало.

Александр. Москва, 12 мая 1833 года

Вчера у Пашковых узнали о кончине Козицкой. В семействе этом траур, и я не знаю, не отложится ли и свадьба Ростопчина? Говорят, что покойница бездну денег оставила. Она как-то раз засунула в кладовую 37 тысяч и забыла о них, после двадцати лет нашли этот клад подмоченным и так сгнившим, что вся сумма пропала. У Пашковых также говорили о Модене. Андрей Иванович [Сушков] пишет, что на другой день ожидали кончины его тестя, что руки и ноги опухли и он сам говорил о своей смерти. Кто-то попадет на его место? А охотников, я думаю, много. Жить в Аничковом дворце на Перспективе – это весьма прекрасная перспектива! Как бы не вздумал просить Гедеонов? Чего доброго.

Константин. С.-Петербург, 13 мая 1833 года

Посылаю тебе описание изделий выставки. Сам я, право, не умею сказать, на какой предмет я более любовался. В своем роде всякая вещь отлична, так что все почти куплено, хоть иное и недешево. Сегодня государь дает обед всем фабрикантам, участвовавшим в выставке. Тут я нашел Локтева и других московских знакомых, видел ковер в 80 тысяч, славнейшую карету парадную, сделанную для императрицы у Долгорукова. Надеюсь, что «Пчела» даст подробное описание всем славностям.

Сегодня некто Челли, старинный певец, также и набранные кое-как итальянцы и итальянки дают, вместо концерта, оперу с декорациями и костюмами. Надобно будет ехать. Полагаю, что будет дурно. Шоберлехнер явился сюда, в четверг даст концерт. Жена его осталась в Италии, где поет с большим успехом и имеет много уже контрактов.

Александр. Москва, 13 мая 1833 года

Моя эстафета возвратилась из Горбова и привезла мне письмо от жены от вчерашнего числа. Она, слава Богу, покойна, у нее все тихо и в повиновении. Губернатор в Рузе и, кажется, действует хорошо. Тринадцать зачинщиков взяты и пересечены, однако все еще не кончено. Имение это, то есть Грудева, 10 лет платило по 120 рублей оброку, вдруг посадили на фабрику, что им не нравится. Хорошо, что губернатор стал действовать, а то бы худые могли быть последствия, ибо та сторона вся в фабриках. Иные все-таки винят управляющего; но ежели и так, то должно ему

шепнуть урок на ухо, но никогда толпе не говорить в глаза, что справедливость на ее стороне. Наташа, гуляя по фабрике своей, как будто ни в чем не бывало своим рассказывала шалости соседей, прибавляя: «Нехорошо что-нибудь – так надобно жаловаться господину, а не бунтовать; ведь мы не в лесу, правительство свое возьмет, не через день, так через неделю, а все-таки возьмет зачинщиков; вот у Грудева 13 человек пересекли да сошлют на поселение; без работы никто не живет. Мне верно веселее в Москве, да я приехала в Горбово посмотреть, все ли идет как должно, хорошо ли вам, и так ли делается сукно», – и проч.

На другой день был праздник, и Наташа потчевала фабричных вином и пирогами, а они славили ее премудрость. Она очень кстати им сказала: «Вот кабы грудевский барин делал свое дело, бывал бы чаще в имении и знал бы нужды своих мужиков, то дураков до бунта не допустил бы». – «Так, матушка! Так!» С нашими мужичками ладить нетрудно, но надобно строгость прежде всего. По условию обоюдному с Лесовским я сообщил ему все, что знаю, и послал ему и почтальона, который все видел на месте, и выписку из Наташиного письма. Теперь я совершенно покоен, впрочем, Наташа – женщина в безделках, а в казусах она лучше иного нашего брата.

Константин. С.-Петербург, 15 мая 1833 года

С разрешением герцогини Беррийской разрешилась и загадка, кто ее супруг. Она объявила при рождении дочери, что она замужем за графом Гектором Лукези Палли; а кто сей граф, неведомо. Это было 12 мая в «Мониторе», полученном с пароходом третьего дня. Сегодня похороны графа Модена; не знаю, удастся ли мне отдать ему последний долг. Вчера, кажется, была свадьба Оленина. Вот тебе и картина жизни!

Закревский точно собирается в Москву. Он здесь купил дом против Исаакия в моем соседстве, принадлежавший Путятину, где жила графиня Полье, довольно дешево, а со временем, как кончится церковь, много дом в деле выиграет.

Сказывали, что Гагарин оставил театр и что на его место Гедеонов; дело сбыточное. Ужо, может быть, узнаю, справедливо ли, но должно быть, ибо сказывал кто-то из театра, шедший явиться (как говорил) к новому начальству. С другой стороны, верно бы мне сказал Григорий Волконский.

Александр. Москва, 15 мая 1833 года

Странную весть слышал я вчера. Иван Иванович Дмитриев на старости лет расчел, что лучше иметь дело с одной женщиной,

нежели с девятью музами, тайно обвенчался и на днях объявит свою женитьбу. Кто же эта жена? Вдова сенатора Северина, которая решается на третьего мужа, как наш глухой Евсей решился на третью жену. Надобно же охоту! Итак, у Северина будет папенькою человек, коего он и без того как папеньку почитал. Обстоятельства решают за него. Ворота дома Дмитриева против самых ворот дома Севериной… Лишась же Английского клуба[75], куда было баснописцу высокопревосходительному деваться? Я замечаю, что молодые люди совершают безобразия, но именно пожилые делают глупости. Что скажет Вяземский на это? Не напишет ли сказочку или басенку?

Константин. С.-Петербург, 16 мая 1833 года

Сегодня ночью государь изволил отправиться через Динабург, Ригу в Ревель, откуда возвратится сюда морем. В Ревель изволит прибыть 25-го в ночь. Дай Бог, чтобы путешествие свершилось благополучно. Инспектор Мельников проехал по тракту за неделю, Максимов поехал теперь; надеюсь, что все будет в порядке.

В городе все толкуют о Гагарине и Гедеонове. Увидим, как пойдет; я не думаю, чтобы он хорошо знал театральную часть.

Сегодня звал Лазарев Христофор на вечер; хочется ехать, чтобы видеть мою фаворитку. На днях едет к вам парижский банкир Турнейсен, банкир и друг князей Багратионов, зять Гонтара. Сделай мне особенное одолжение, обласкай его и окажи ему все зависящие от тебя услуги. Он прелюбезный и умный человек. Как бы ему показать все любопытное в Москве. Я очень тебе буду благодарен за все, что для него сделаешь.

Сенатор Дюгамель назначен председателем комиссии по делам князей Радзивиллов в Варшаве.

Александр. Москва, 16 мая 1833 года

Итак, бедный Моден кончил свои страдания! Был очень привычен и способен к своему месту. Трудно будет его заменить. Славные имел манеры, и истинный придворный, все это подкосила курносая смерть. Здесь все о нем жалеют и говорят, что честолюбие укоротило жизнь его. Стало быть, иному лучше капусту сажать, нежели жить в Аничковом дворце. Как все это тешит, и как все это ничтожно, когда надобно умирать! Какие мы дети! Но покуда дети на ногах, надобны им суп и игрушки. Бедный Моден, и умирая, попросил бульону. Наша больная Тутолмина тянется еще; говорят, что появление Нарышкиной Марии Яковлевны ее оживило. Давно бы не было Софьи Петровны, но ее поддерживает желудок, который свое дело

продолжает делать и тем продолжает тягостное, несчастное ее бытие.

Я и не у моря, как вы, но, слыша свист ветра, думаю часто о Полетике и Грише, отправившихся на пароходе. В субботу буря была столь ужасна, что сорвала множество крыш в городе, у нас на почтовом дворе также.

Вчера неожиданно набралось ко мне обедать много гостей, хотя и знают, что я один с Катенькой. Бартенева приехала с двумя дочерьми, Надежда Сергеевна Пашкова, князь Хилков, Мацнев, князь Одоевский, бывший еще у батюшки в Варшаве, Вейтбрехт, князь Сергей Сергеевич Голицын, Корсаков. Бартенева и Катенька пели после обеда и проболтали-таки до девятого часа.

Ты, я думаю, знаешь славное скабрезное дело Николая Алек. Норова с покойным князем Гагариным – богачом, у коего он выманил тысяч 300 и отперся. После долгих прений и, наконец, совестного суда Норов решился на клятвенную, соборную присягу. Эта ужасная операция под колокольным звоном, при всем духовенстве, три раза увещевающем того, кто присягает, последовала, говорят, третьего дня. Стало, Норов квит с долгом, но, боже мой, – что должна ему говорить совесть!

Александр. Москва, 17 мая 1833 года

Ну уж замучил меня Башилов! Завез в дом великого князя, таскал, показывал, насилу от него вырвался, мой милый и любезный друг. Только много еще предстоит работы. Будет покойно их высочествам, хотя немного тесно вообще. Переносили строения, сажали деревья, делали дорожки, подвалы обратили в жилье, – я не знаю, чего не делали, и в столь короткое время. Я ценил все это тысяч в сорок, а Башилов только 12 употребил. Много было ему трудов.

Александр. Москва, 18 мая 1833 года

Уж мне эти либералы! Как славно проповедуют, защищают права человека, а посмотри, кто дерется, кто угнетает крестьян, кто их разоряет? Все либералы. Я получил жалобу из Подольска. Петр Львович Давыдов поехал в Киев; по просьбе Трубецкого дал я ему и приказ. Является в Подольск – нет лошадей! – Позовите почтмейстера. Является почтальон с книгою, чтобы показать, что все лошади в разгоне и поехавший недавно должен был 9 лошадей нанять; но его превосходительство книгу швырнул на пол и избил своими руками в кровь бедного почтальона. Он-то чем виноват? Я писал губернатору, чтобы вместе сделать следствие на месте. Небольсин просил меня дело замять, но могу ли я не защитить своего подчиненного и отдавать их в обиду? Я

отвечал, что не могу не произвести следствия, чтобы узнать правду, и все, что могу сделать, это не доносить Департаменту, а дождаться возвращения Давыдова и выслушать также и его; ежели он удовлетворит обиженного и сей жалобы не возобновит, то и дело так кончится, а то Давыдову будет нехорошо за его самоуправство. Скажи мне мнение твое.

Александр. Москва, 19 мая 1833 года

Итак, Беррийская разрешилась итальяночкой. Я знавал Лукезиев в Неаполе и Палермо: фамилия небогатая, незнатная. Отпустят ли ее? Я думаю, она убралась бы и прежде шести недель, по требованию ордонансов.

Чаадаев отправился на юг и будет обратно чрез несколько месяцев. Ну-с! Я чаю, Гедеонов в восхищении, попал в свою стихию актерскую, то есть актрисскую. Директорство театров лучше удалось директорства почт. Большой пролаза и, верно, будет уметь подбиться к князю Петру Михайловичу; а мне, кажется, дай 100 тысяч в год, – не пошел бы в эту поганую должность. Здесь по двору был он полезен, и трудно будет его заместить, знал Москву и все лица хорошо.

Не поверишь, какой восторг здесь между купцами после счастия, которое имело купечество, – обедать у государя. Все говорят об обеде сем и о выставке. Вот что называю я истинным либеральством: милости такие государя к подданным, поощрения полезных трудов, ласка без фамильярства. Велик наш государь! Знаешь ли, что, ежели бы я не имел мое теперешнее место, не оставляющее мне ничего желать, я бы сладкой работою почитал быть при государе, не как историограф (к чему не имею довольно способностей), но просто вести записки, копить материалы для будущего его историка. Есть ли день без какой-нибудь прекрасной черты?

Константин. С.-Петербург, 23 мая 1833 года

Тормошат немилосердно. Надобно еще устраивать путешествие (строго между нами, ибо под секретом и мне сказали) государыни, которая изволит завтра ехать в Ревель. Оттуда, полагаю, воротится морем с императором. Посылаю на тракт, а Максимова нет, он уехал с государем. Без него я как без рук. Когда газеты возвестят, то и ты себе говори, а до того прошу молчать; ибо может путешествие не состояться, никто об оном не должен знать тогда, что было намерение, а узнают – так ни от кого более, как от меня.

Константин. С.-Петербург, 24 мая 1833 года

Сегодня императрица изволила отправиться, в сопровождении князя Петра Михайловича, в Ревель. Ночевать изволит в Гудлее, или близ сей станции у одной помещицы, а завтра прибыть в Ревель. Оттуда морем или сухим путем возвратится – еще неизвестно. Дай Господи, чтобы дорогою все шло хорошо. Трудно было приготовиться в столь короткое время, и еще не делая распоряжений гласно, для выставки по 50 лошадей на станции. Третьего дня я послал Фиалковского, вчера – чиновника и принял всевозможные меры насчет исправности.

Александр. Москва, 25 мая 1833 года

Я воротился очень поздно с похорон Софьи Петровны Тутолминой; меня так захватили, что теперь только успел снять с себя мундир, мой милый и любезнейший друг. Множество было народу, и народ все крупный, все власти, Сенат и очень много дам; слез было довольно, хотя давно начали уже оплакивать покойницу. От дома до церкви несли гроб на себе граф Никита Петрович Панин, Иван Васильевич и прочие родственники. Митрополит Филарет (чего никто не запомнит) шел пешком от дома до церкви; правда, недалеко, и погода прекраснейшая. Меня комендант и Лесовский взяли под руку и также потащили в процессию; но я, войдя в церковь и пробыв с четверть часа, уехал. Исполнил последний долг сколько мог. Кроме, что дела дома, надобно было и к Фавсту заехать на часочек. Живая не хороша была Софья Петровна, а теперь, в гробу, страшна; вонь нестерпимая, ибо живая уже портиться начала. Мучения ее были столь ужасны, что она призывала смерть и Бога о том молила. Печения мужа и родных столь ее трогали, что она часто повторяла: «Я умираю в блаженстве, жалею о вас, мои милые; но обо мне не жалейте, желайте моей кончины». 37 лет жила она с добрым этим, кротким мужем.

Вчера долго сидел у меня Перовский, я его еще более полюбил, видя, как он тебе предан и умеет тебя ценить. Он меня просил (и я должен был непременно ему обещать) не отдавать ему визита; но что мне до скверной его квартиры, не домом поеду любоваться, а пользоваться его обществом. Вечером хотел ко мне быть, но я постараюсь его предупредить. В субботу повезу его в клуб обедать.

Александр. Москва, 27 мая 1833 года

Вчера была свадьба Ростопчина. В церкви такое было множество народу, что дышать мы не могли. Дело шло к церемонии, как жених вдруг вспомнил, что забыл кольца дома (пустяк); когда уже посылать! Но я дал ему свое обручальное

кольцо, да князь Масальский, старик, – свое; стало быть, не Андрюша и Додо, а Масальский и я обвенчались.

Ростопчин нанял дом князя Николая Гагарина, хотя имеет свой прекрасный; во вторник дает бал. Ольга и Катя были прекраснее всех, по-моему. Одна дама, стоявшая подле меня, толкнула свою соседку и, указывая на Ольгу, сказала: «Как хороша невеста! Он недурен, но далеко отстал от нее!» Я не мог победить отцовское самолюбие и сказал незнакомке: «Это не невеста, а дочь моя!» Говорила мне Катя, которая ближе стояла к невесте, что когда священник стал ее спрашивать: «Не обещала ли ты другому руку свою?» – то она очень смешалась. Священник повторил вопрос, и тогда Ольга Пашкова ей шепнула: «Скажите же, что нет». Видно, Додо вспомнила своего прежнего молодца, нашего Александра[76].

Кажется, вчера была также в подмосковной свадьба Кутайсова с Лизой Шепелевой. Мои певчие отпросились туда петь. Этот брак вызывает множество пересудов. О путешествии царицы буду знать про себя. Какое будет удовольствие государю! Ибо воображаю себе, что императрица сделать хочет сюрприз его величеству.

Александр. Москва, 29 мая 1833 года

Хотя новое письмо разрешает секрет императорского путешествия, но я и вчера не говорил, ибо, признаюсь тебе, не люблю быть вестовщиком, а теперь еще менее мне это прилично. Вчера Щербатова барабанила, что императрица изволила отбыть в Ревель и что как уже до чужих краев недалеко от Ревеля, то, может быть, поедет и в Берлин, и что ее Анночку взяла с собою. Бог милостив, надеюсь, что путешествие совершится благополучно. Однако же, посылая журналы в Суханово, я княгине Е.А. написал, что князь Петр Михайлович отправился при ее величестве в Ревель.

Александр. Москва, 30 мая 1833 года

Новосильцев идет в отставку и собирается к вам скоро. Князь лишится умного, расторопного и делового адъютанта. Этого всюду можно употребить. Жаль, что не так идет его служба, как бы следовало. У него есть что-то резкое и самохвальное в обхождении, и это вооружило против него всех тех, которые не коротко его знают.

Александр. Москва, 3 июня 1833 года

Ну, брат, славный был вчера бал у Ростопчина! Истинно барский, сказал бы покойный Чижик, изобилие и великолепие во всем, весь бомонд, а все-таки мои две всех лучше. Мы уехали из-

за стола, а было уже три часа. Видел я тут Гуэрреро и американского министра; оба в восхищении от Москвы.

Что тебе еще сказать? Наконец настало вёдро. Вчера была Норовская церемония. Чертков сказывал, что было множество народу в Кремле, церемония ужасная. Священники увещевали публично в соборе, а потом повели в алтарь с глазу на глаз; в понедельник будет повторение, а в среду будет присяга очистительная. Весь народ собирается ехать на зрелище это. Я верить хочу, что Норов не присвоил себе эти 287 тысяч, но какие жестокие испытания!

Александр. Москва, 6 июня 1833 года

Время сегодня прекрасное, надобно ехать на скачку – зрелище небывалое, новое. На завтрашнее зрелище также все собираются, то есть на очистительную присягу Ник. Ал. Норова; совестно ехать, а хочу иметь понятие о необыкновенной сей церемонии. Сколько толков смешных! Говорят, что он будет в штатском платье с плерезами; другие говорят, что будет отвечать, лежа в гробу, что в колокол большой Ивана Великого будут звонить, что объявят, что шесть лет нельзя ему входить в церкви Божии, и проч. и проч. Ежели и виноват он (это все полагают), то ужасно он наказываем вот уже семь лет кряду, и 287 тысяч боком ему вышли. Теперь делаю я вопрос. Ну, ежели бы этот кащей, покойный князь Гагарин, был бы жив, говоря: «Я дал Норову билет сохранной казны в 287 тысяч для выручки денег и денег не получал», – а Норов говорил бы: «Я деньги вручил Гагарину». Ну, оба пошли бы к присяге. Кому верить, и как дело решить? Хорошо сделал тот, что умер.

Говорят, что Норов в субботу и понедельник имел пост весьма твердый и сам проповедовал священнику, вместо того чтобы его слушать. Экая наглость и бесстыдство!

Каков Иван Иванович Дмитриев? Взял подорожную на 6 лошадей, берет по 9, а платит только за 6. Я не понимаю, зачем ему дают лошадей. Он так же делал точно, ездивши в Симбирск. Мне кажется, тут нечего чин его уважать.

Александр. Москва, 7 июня 1833 года

Видел я ужасное стечение народа у Казанского собора, остановился; плац-адъютант предлагал ввести меня в церковь, коей двери были заперты, и пускали туда по выбору, но я не решился. Такое зрелище меня бы слишком расстроило; возвращаясь, вижу всех выходящих уже из церкви. Это что за Монблан? Белая напудренная голова Ивана Васильевича Черткова. Я подбежал, отошли мы к сторонке, и он мне все

рассказал. Говорит, что процедура ужасная, так что много стоявших тут мужчин, яко то Ив. Ал. Нарышкин, плакали, а Норов стоял весьма хладнокровно и словно не замечал устремленные на него глаза всех бывших в церкви. Он говорил: «Да разразит меня Господь, да падут на меня и племя мое все несчастия, да не буду иметь покоя в сем мире, ни блаженства в будущем, если клятва моя преступна; я отдал деньги моему сопернику», – и проч.

Тут его изобличать стали доводами присутственных мест. Он отвечал, что все это было ему уже говорено, что он пришел не оправдываться, будучи невинен, а присягать и клясться. Священник приводил ему Иуду в пример, говоря, что он губит все свое потомство, что вместо примера добродетели детям своим он им оставит стыд, поношение, что благословение его над ними не будет ни им отрадою, ни Всевышним услышано, что на смертном одре не будет он иметь никакого утешения, и проч. Заставляли его читать заповедь о имени Господеви всуе, были толкования.

Протопопа этого очень хвалят, и он с большим чувством совершал этот трудный обряд, и все были тронуты, кроме несчастного Норова. Чертков не постигает этого равнодушия, и как ни добр сам, утверждает, что Норов большой злодей. Экое испытание! Да тут есть от чего чувств лишиться, будучи и невинным.

Александр. Москва, 8 июня 1833 года

Много говорят о несчастной молодой купчихе Бубновой, которая была нездорова после родов. Послали за лекарством в аптеку. Рихтер [лейб-хирург] сказал: «Постараюсь прийти сам дать вам лекарство», – не мог приехать, а от этого несчастная умерла: ей принесли не то лекарство ошибкою; она приняла то, что было назначено для наружного употребления, и, промучась несколько часов, умерла. Аптекарь и мальчик, отправивший лекарство, более всех виноватые, посажены в тюрьму. Нельзя не быть тронутым прекрасной чертою несчастной купчихи: узнав, что ошибкою отравлена, что жить ей нельзя и что мальчик в аптеке является невинной причиной несчастия, она приготовилась к смерти как христианка. Будучи богатой, сделала завещание, в коем поместила, что она прощает виновника своей преждевременной кончины, и чтобы доказать, что делает это от искреннего сердца, зная, что он имеет семейство и беден, она оставляет ему 20 000 денег, прося его не огорчаться и быть спокойным в совести своей; что она первая будет заступницей его перед Богом, к Которому готовится явиться скоро. Вот, по-моему, истинная добродетель, черта великодушная, даже героическая. Такая женщина достойна была жить долго, ибо верно была добрая

жена и нежная мать. Она оставляет пятерых детей. Как чувства в людях развиты! А муж ее одно повторял, что хочет убить аптекаря. Это могло у него вырваться от несчастия и горести.

Александр. Москва, 13 июня 1833 года

Сию минуту явился твой почтальон петербургский сказать, что князь Кочубей едет. Он прибудет ужо к вечеру, почтальон его опередил, хорошо сделал; я тотчас наряжу на посылки верхового почтальона, так что князь, приехав, найдет уже его у себя в доме.

Александр. Москва, 14 июня 1833 года

Князь Виктор Павлович прибыл благополучно вчера вечером. Я ему тотчас писал, что боюсь посещением его обеспокоить в первую минуту, поздравляю с приездом и посылаю почтальона конного для нахождения при нем и для исполнения всех его приказаний, и проч. Очень благодарил и прислал письмо для отправления к графу Васильчикову, а я послал к нему письма, с петербургской почтой полученные на его имя. Ужо или завтра к нему заеду и буду стараться ему угождать.

Александр. Москва, 15 июня 1833 года

Я все утро провел у умирающего Волкова. Софья Александровна уехала в подмосковную, ибо он вчера вечером был еще на ногах; никого нет, один, – как оставить его в такие важные минуты? Однако же я послал тотчас за Софьей Александровною: она не простила бы мне никогда – лишить ее последней отрады закрыть ему глаза. Он в восемь часов вечера гулял по саду, пришел домой, почувствовал тяжесть в желудке, и началась сильная рвота, мучившая его всю ночь. Все это обратилось в сильное воспаление в желудке. Спасибо людям, дали мне знать. Я поскакал к нему в десять часов. Рихтер приставил ему множество пиявок и, кроме того, кровь пустил.

Голова у него стала здорова, мысли ясны; видно, что все вниз сошло. Глаза мутны, часто страшны, дыхание тяжело, цвет лица мертвеца. Рихтер говорит, что месяцев 6 или 8 прежде, это был бы кризис, но теперь начало разрушения. Отобедав, поеду опять, ибо надобно будет и Софью Александровну поберечь, когда приедет. Дай Бог, чтобы еще застала. Я полагаю, что к вечеру все должно кончиться. Картина эта меня тронула. Человек с большим семейством, коего был благодетелем, и по стечению обстоятельств умирает один.

Александр. Москва, 16 июня 1833 года

Не стало нашего доброго Волкова! С началом нынешнего дня

кончились его страдания и двухгодовая его болезнь.

Я не отходил все время от его постели. Сверх того, Озеров и Корсаков просили меня быть тут до приезда Софьи Александровны, не зная, что с нею делать, и боясь для нее худых последствий. Когда я приехал туда в восемь часов вечера, он метался, мучился, показывал губами великую жажду, руки его охолодевали, смотрел на нас, но, по-видимому, никого не узнавал. После начал он говорить или, лучше сказать, бредить, ибо, как я ни вслушивался, понял только слова: «старик», «да», «император» и «кончать», кои повторял чаще, почему заключают, что его занимала одна какая-нибудь мысль. Миквиц делал ему разные вопросы, но он не отвечал, только один раз открыл глаза, посмотрел на Миквица и сказал внятно: «Да!» В 11 часов, после сего последнего его слова, он впал в агонию.

На улице караулили Софью Александровну; она приехала к этому времени, остановила дрожки у ворот, выскочила и побежала к дому, только что успели нас предупредить. Григорий Александрович выбежал навстречу. «Куда вы, моя милая?» – «Я хочу видеть мужа своего». – «Но ему будет от этого плохо, и я за вас саму не отвечаю, потрясение может оказаться для вас пагубным». Не слушая ничего, пихает, идет вперед. Насилу ее остановили в комнате, смежной с больным, посадили на софу, прося несколько отдохнуть и обещая ее впустить после. Она дрожала как лист, смотрела на всех; тут были Брянчанинов, Озеров, двое Корсаковых, Рихтер, Миквиц, я и домашние. Дали ей воды, капель. Она угадывала, что худо; видно, что хотела сказать, но и не смела: «Он умер!» Всякий давал ей подробности о больном, а она все твердила: «Да пустите же меня!» Нельзя было, да и совестно ее останавливать. Брат Григорий и Миквиц взяли ее под руки. Увидав страдальца, она остановилась, посмотрела на него, в комнате горела только одна свеча. «Дайте сюда свечку», – сказала Софья Александровна, поднесли к лицу, и когда увидела обезображенное лицо Волкова, то вскричала: «Ах, боже мой!» Кажется, мысль ее была на него броситься, но Корсаков ее оттащил и посадил тут же на кресла, и она зарыдала. Миквиц, пользуясь сим счастливым оборотом, сказал: «Да, сударыня, плачьте; ибо мы его прежде потеряем». С трудом, но уговорили ее выйти.

Сцена была ужасная, ибо, глядя на нее, заплакал Волковской (сын Волкова), а там и мы все, тут стоявшие. Ее вывели в другую комнату, а там Корсаков уговорил ее идти в свой флигель полежать. «Булгаков придет вам сказать, ежели что-нибудь произойдет». До часу дышал он все еще, хотя и тяжело; все тело было уже как лед, кроме около желудка, где была еще теплота. Во

втором часу дыхание стало редеть; лежа три часа неподвижно на правой щеке, он вдруг зубами заскрежетал, сделал сильное движение левым плечом и испустил дух. Я побежал сказать Корсакову, который сидел у сестры на постели. Я так был истомлен, что уехал домой. Миквиц говорит, что великое счастие, что Софья Александровна заплакала; он опасался худого, ибо у нее были сильные потери крови недавно, и ноги пухнут. Бог ее сохранит для бедного этого семейства. Скажи Пашке о его несчастий. Он должен радоваться, что отец мучиться перестал, мы все у Бога просили или выздоровление, или кончину. Провидение избрало последнее.

Каково же, брат, что такой человек, умирая, прослужив сорок лет почти, и в каких должностях, оставляет всего несколько мелкого серебра, да у жены 175 рублей всего? Я уверен, что милосердный государь пожалует вдове пенсию. Царство Небесное другу нашему, другу юных лет. Такие потери чувствительны.

Ныне молодежь старшему себя и не поклонится, посмотри-ка на стариков! Князь Кочубей пишет мне такое милое, вежливое письмо, благодарит – за что? За вежливости мои, а не понимает, что чин, лета, служба ставят мне в обязанность угождать ему. Да я и всякому стараюсь служить, сколько могу. Лег я очень поздно, а встал очень рано. Хотел тебе сообщить подробно о нашем добром Волкове, часто буду его вспоминать и чувствовать, что его недостает.

Долго сидел я у почтенного, любезного князя Кочубея, который принял меня, хотя и брился, что делает важно, копотно и методически. О многом была речь. Начну его комиссию: «Напишите, прошу вас, вашему брату, сколь я чувствителен ко всем знакам его внимания ко мне; скажите ему, что мне чудесно служили в дороге, богатые ямщики не подменяли себя неловкими мальчишками, кои везут карету как телегу, и потом я с удовольствием увидел, что на станциях нет более суеты, когда 50 человек кричат все разом, споря об очереди. Признаюсь вам, что в том было что-то варварское; всегда казалось, будто присутствуешь при каком-то бунте; а теперь везде порядок, и нет никакого шума. Мне это доставило подлинное удовольствие, и во всем этом чувствуется надзор вашего брата, заботливость его, чтобы у нас вводилось по-европейски». Это точные слова князя.

Потом сказал он: «Помните ли нашу прошлогоднюю встречу в Подсолнечном? Мы оба строили из себя дипломатов: я от князя Голицына знал, что император одобрил выбор ваш в преемники г-ну Рушковскому, но и что его величество приказывал вам явиться в Санкт-Петербург; вы о сем знали так же, как и я, мы оба были скромны, и я сказал себе: вот человек, хорошо начинающий новую

карьеру». Много шутил и рассказывал, как один чиновник при покойном государе лишился места, которое ему через князя было обещано, разгласив преждевременно. Князь расспрашивал о Волкове и хотел знать подробности его кончины. Пришла и княгиня. «Как у вас достало терпения смотреть, как бреется мой муж? Это длится бесконечно». – «Напротив, сударыня, я радуюсь, ибо это продлевает мою аудиенцию». Извинялся князь, что принял меня, приказав всем отказывать, изъявляя желание видать меня чаще, и проч. Он живет в доме Волкова и брился на том же месте, где покойный Сашка брился в своем кабинете. Хвалил Волкова, коего он и определил тогда полицмейстером в Москву, и проч.

После был я у Дашкова, и этот очень обласкал. Велел тебе кланяться, условились о вояже. Он завтра выезжает в Тамбов, и я сегодня по тракту дал знать о проезде его. Дашков превосходно выгладит. После был я у Черткова и сказал ему о смерти Волкова, мы таки поплакали вместе.

Александр. Москва, 19 июня 1833 года

От девятого часа до четвертого был я на ногах. Мы отдали последний долг доброму Волкову, положили тело его в Симоновом монастыре возле Катерины Даниловны [матери А.А.Волкова]. Много видал я похорон, но ни на одних не видал я такого всеобщего, единодушного чувства уважения и любви, как было тут. На дому, в церкви, по всей дороге, где следовало тело, было ужасное стечение народа, чему способствовали и время прелестное, воскресный день и помпа похорон. За гробом, поставленным под бархатным алым балдахином, следовали два полка и пять пушек, две музыки военные играли попеременно печальные марши, вся полиция и весь корпус жандармский были тут. От дома до церкви, где были обедня и отпевание, несли на плечах родные и офицеры жандармские. Не могу тебе описать зрелища сего, все провожали гроб, – верно, было таких более тысячи человек – а как поехали к монастырю, то толпа, все умножавшаяся дорогою, состояла, верно, из тысяч пяти. Все выбегали на улицу, на тротуары или, выглядывая в окна, кланялись, крестились и с горестью провожали глазами покойника. Уж верно не было ни одного человека, который бы не подумал хорошее о Волкове; может быть, благодарил за благодеяние, услугу, одолжение; но все верно желали ему царство небесное и награду за добрые его дела. Лестно оставлять так свет.

Надгробная речь была посредственная и нехорошо произнесена, и тут все плакали, ибо все были расположены к горести, и всякий в душе своей читал ему похвальное слово.

Когда опустили гроб в могилу, то войска, расположенные против монастыря, сделали тройной ружейный и пушечный залп. Я не был предупрежден и не могу тебе сказать, какое сделало это впечатление надо мною. Я не поэт, но воображение мое мне внушило следующую мысль: чтобы разорвать связь всеобщую с Волковым навсегда, надобны пушки!

Софья Александровна, которую я держал за руку, содрогнулась, руки ее были как лед, и мы посадили ее поскорее в карету. Она шла за гробом до церкви, но оттуда в монастырь (это версты четыре) ее не пустили, и она ехала в карете за верховой лошадью покойника, которую вели два лакея. Тут был один Арсинька, а дочерей не пустили. Бедная Варенька очень больна; я подозреваю, что у нее чахотка, и не полагаю ее долговечною. Вот тебе и Фавсту краткое описание печального утра моего. Теперь пообедаю да лягу отдыхать; не так меня истомила ходьба, как зной, голова же была без шляпы.

Мне хочется написать биографическую статью о Волкове – краткую, для «Пчелы», а там написать порядочную его биографию. Такие люди точно редки, и потомство должно знать о них. Как вспомнишь, что этот человек был 13 лет полицмейстером, 9 лет комендантом и 7 лет жандармским начальником, – должности, в коих главное основание строгость и где столько можно вредить, – а он не только никому не сделал зла, но, напротив, оказывал беспрестанные услуги, одолжения, благодеяния.

Мы все надеемся, что государь, по благости своей, пожалует пенсию вдове. Ну, прощайте, до скорого, мои милые друзья. Я невольно рассмеялся давеча, стоя возле Афросимова и слушая наивный комплимент старика Спечинского. Он, утирая слезы и расхваливая Волкова, сказал Лесовскому, думая, конечно, делать комплимент: «Ах, Степан Иванович, редкий был человек Александр Александрович; дай Бог вам такие же похороны». Одолжил!

Сейчас перебил меня Закревский. Я нахожу у него здоровое лицо. Все такой же искренний, добрый, принес письмо к тебе. Завтра обедает у нас, а сегодня у Небольсина; остановился у тетки Мельгуновой.

Ну, сударь, был я вчера у Мамоновой, забилась в какой-то чердак у Коппа в трактире[77]. Все та же сумасбродная, валяется на софе, «я очень больна»; возле нее какой-то молоденький иностранец, в передней куча лакеев, ни слова по-русски не знающих. Хочет нанять дом Соймонова по 600 рублей на месяц. Хочет переехать в Васильевское. Хочет ехать на днях (а больна!) в Нижний. Хочет… Что же хочет? Сама не знает. Уверяет, что тебя

шесть месяцев не видать: «Ваш брат меня избегает». И я к ней силою ворвался, а то иностранцы не пускают.

Поздравь Каподистрию [Августина] с лентою, очень радуюсь. Закревскому я прочел, что ты пишешь о графине. Вот и князь Виктор Павлович прислал письмо к Загряжской. Бенкендорфа письмо посылаю под открытою печатью, прочти и доставь, запечатав.

Александр. Москва, 22 июня 1833 года

Сейчас были у меня прежде Башилов, а там Иван Васильевич Чертков. Оба любовались на ширмы, которые мы в семье нашей сработали для великой княгини. Они находят, что прелестно и что верно ее высочество возьмет их с собою в Петербург. Желаю, чтобы были ей угодны, а много было работы: все восемь половинок всё разно сделаны, есть отделение карикатур, цветов, китайское, неапольские монашки, французская армия, силуэты, славные певицы (тут и фаворитка великого князя Карадори), фрукты, картинная галерея и проч. Очень удались ширмочки. В субботу Башилов поставит их в кабинет ее высочества. Все ездят смотреть дом великого князя, вновь отделанный, – боюсь, чтобы не замарали ширм моих.

Александр. Москва, 24 июня 1833 года

Я сейчас из Симонова монастыря, девятый день Волкову. Довольно мы все там поплакали; даже и Чертков, как поклонился могиле, не мог не заплакать. Ох, жаль, очень жаль таких людей, какой был покойник. Бог ему воздаст за добрые его дела.

Вчера имел я счастливую минуту, получив твое письмо. Я нездоровый поехал к Софье Александровне, передать ей утешительные слова доброго Бенкендорфа, и сказал, что писал к нему как будто по просьбе ее. Она очень, очень меня благодарила, что я это сделал; ей же в голову иное не шло, как несчастие, ее постигшее. Приезжает Болотовский, также друг Волкова, и говорит ей: «Его уже не воскресить вам, подумайте о себе, о детях, что вы зеваете, напишите Бенкендорфу…» – «Не беспокойтесь, – прервала его Софья Александровна, – нашелся человек, который все это уже сделал за меня, писал, и есть уже ответ». Тут бедная Софья Александровна не могла договорить и заплакала, указывая на меня.

Александр. Москва, 26 июня 1833 года

Великая княгиня изволила прибыть здорова и благополучна сегодня в шесть часов утра, мой милый и любезнейший друг. Цуцкин сказывал, что все было благополучно и остановок нигде

не было, он провожал до Москвы от Завидова, куда послал навстречу князь Голицын адъютанта своего Щербатова. Две лошади пали, однако же не околели. Ее высочество вчера кушала в Городне и потом ночлега не имела, и из-за жары ужасной ехала всю ночь. Здесь ждали ее все с вечерень, но разъехались, и был один только Башилов.

Великая княгиня ахнула на ширмы наши. «Откуда это?» Башилов отвечал, что это работа всего нашего семейства. – «Да ведь надобно целый день, чтобы рассмотреть все хорошенько; я очень чувствительна к такому вниманию, я сама его поблагодарю». Башилов показал ей на письмо мое, коим прошу я ее высочество позволить ширмы повергнуть к ее стопам. Она взяла было письмо, чтобы читать, но вошли Апраксина и маленькие великие княжны.

Сегодня и завтра никого не изволит принимать, даже князя Дмитрия Владимировича, очень здорова, свежа, но устала, жара несносна, и из-за этого не поедет даже в собор сегодня. Переделками и пристройками в доме очень довольна. Вот что сию минуту сказал мне Башилов, а прежде имел я записку от него. Вот она. Я не понимаю, как он ноги таскает и как его станет и у себя строить, и в комиссии, и у Михаила Павловича, и так все это скоро у него идет. Васильчикову из флигеля дрянного сочинил целый дом славный, из подвалов сделал бездну жилых покоев хороших для прислуги. Ну слава Богу, что все обошлось хорошо.

Александр. Москва, 29 июня 1833 года

Вчера была здесь пресильная гроза, мой милый и любезнейший друг, она освежила и очистила воздух; но три человека были в самом городе убиты, между прочими башмачник Василия Алек. Обрескова. Увидев грозу, он для избежания сквозного ветра пошел затворить дверь, увидев молнию, перекрестился, и в ту же минуту громовым ударом опрокинуло на него дверь, опалило ему всю бороду и волосы, стало его поднимать, но его не было уже на свете. Работников его тяжело оглушило, а все они были очень близко от него, и старуха-мать, которая одна только не свалилась с ног.

Я обедал с Норовым Абрамом в клубе, где также немало было страху. Быв на дрожках, боялся я быть вымоченным; шло к буре, и мы сели играть в вист, два Норовых и Бугайский; вдруг последовал как будто над головами нашими такой удар (точно как было, по рассказам Фавста, у вас на даче), что все соскочили с мест своих невольно. Бежит вдруг доктор глазной Броссе и говорит, что убило кучера на дворе. Все мы бросились на балкон или вниз; узнать хотел всякий, не его ли убит кучер. Но вышло,

что кучера только сшибло с козел, и то от страха, а гром ударил во флигель, и от угловой стены отбило несколько кирпичей. На почтовом бульваре рассекло надвое липу, в Рождественском монастыре ударил гром в главу. Только и слышно, что о подобных рассказах, и всякий прибавляет свои прикрасы.

Дай Бог, чтобы дождь этот был повсеместный; в Южной России беда, будет голод, засуха ужасная. В Воронеже, сказывают, овес по 19 рублей четверть.

Александр. Москва, 30 июня 1833 года

Танеев у меня уже был – спрашивал, куда подавать просьбу: мне или департаменту? Я сказал, что вам, а когда будет определен, то, пожалуй, помещу его к Татищеву; так как я сам тут ежедневно работаю, то увижу его труды и способности и жалованье назначу – разумеется, сперва небольшое, чтобы давно служащим не было обидно, а там можно будет и прибавить. Он, мне кажется, очень порядочный малый, хотя и поэт, ибо поднес мне собрание своих сочинений в стихах.

Ежели бы графиня [Мамонова] была толкова, то она поклониться бы должна Брокеру очень низко и попросить его взяться за опеку ее брата; но она этого не сделает, а Брокер не тот человек, чтобы напрашиваться. Так поступил Ростопчин-старший, коему приходилось квитаться с имением, а Брокер заплатил долги его, составил ему еще доход очень порядочный, то есть тысяч 30. Лесовский вряд ли возьмется за эту опеку. Брокер, управляя имением покойного графа Ростопчина, точно удвоил его фортуну, снабдил большим приданым двух дочерей, и третьей было приготовлено; долги графские, хотя и небольшие, заплатил, графу давал в Париж по 80 тысяч и по 100 тысяч на прожитье, молодому Андрюше накопил капитала до 300 тысяч. Вот как управляют люди совестные, умные и усердные! Он, верно, то же бы сделал и с Мамоновой, а оставшись на руках своего курносого жида Гр., она будет без рубашки, и будет не особенно красива в таком виде.

Князь Дмитрий Владимирович получил увольнение на 28 дней и поедет лечиться и пить воду в свое Рождествено, разделив власть и дела между губернатором, комендантом и обер-полицмейстером. Ему точно надобно поотдохнуть и полечиться.

Сию минуту вернулся от великой княгини; изволила меня принять в кабинете своем и очень обласкала, продержала почти час. Я не знаю, о чем не было речи. О почте (кстати сказать, ее высочество желает знать, сколько надо лошадей во время ее проезда; твой чиновник сказал мне – ни одной, Цуцкин сказал – шесть, Васильчиков мне говорил – одиннадцать, а ее высочеству

сказали – три, ее высочество хочет, чтобы за все было заплачено), о тебе, о детях наших, о Наташе, ее фабриках, о красоте Кати, о водах, о политике и проч. и проч. Очень свежа и здорова, только мухи ее закусали ужасно. Сожалела, что не могла показать великих княжон, кои одевались. Нельзя быть милостивее и более обласкать.

Заходил я к Васильчикову да заехал по дороге к князю Кочубею, толковали о неисправностях Загряжской [это престарелая тетка княгини Кочубей], чтобы нас за них не винили. Князь обедает с княгиней и князем Дмитрием Владимировичем с Татьяной Васильевной у ее высочества.

Александр. Москва, 4 июля 1833 года

О смерти принца Вюртембергского давно говорят, – как бы не напророчили; впрочем, он человек уже немолодой.

Бедному Манычару будут хлопоты; хорошо, что герцог успел устроить участь своей дочери, а ей пора было замуж.

Великая княгиня [Елена Павловна] ведет жизнь очень деятельную, бывает у вод, исправно пьет Мариенбадскую и довольно часто со двора выезжает.

Должен был оставить работу, чтобы наверх прибежать и пособить жене принять князя и княгиню Кочубей; долго просидели у нас, смотрели весь дом, очень были милы оба и любезны; там подъехали и Александр Кочубей с братом Аркадием. Мы звали их к себе обедать в четверг. Проморил я своих чиновников до половины четвертого, нечего делать!

Константин. С.-Петербург, 5 июля 1833 года

Я получил от Воронцова письмо от 25-го из Белой Церкви, которое начинается печальным известием о смерти славного Казарского. Он занемог в Николаеве, куда был послан, и там и умер. Потеря для России, потому что слава его была славой России. Жаль, весьма жаль этого достойного молодого человека! В ужасной битве остался невредим, а как пришел воли Божией час, так ничто его спасти не могло. Вечная память храброму!

Александр. Москва, 8 июля 1833 года

Разобрал почту, взял с собой кой-какие пакеты, надел мундир и марш к великому князю, который прибыл здраво и благополучно вчера вечером в десятом часу, быв 47 часов в дороге, и всем очень доволен, как сказывали мне фельдъегерь и Башилов. Я разъехался с его высочеством, встретил его на Моховой, едущего в коляске; перекланивались рукою. Кажется, очень здоров. Записался у него, и сказывали, что он не велел

никого сегодня принимать, оделся в свою форму и поехал явиться к военному генерал-губернатору. Во вторник, 11-го, изволит начинать воды.

Заходил я на половину великой княгини узнать о ее здоровье (сегодня за дурной погодою у вод быть не изволила) и вручил пакет с письмом от его высочества, тобою присланный и который он обогнал. Заезжая к Катерине Владимировне Апраксиной, имевшей до меня нужду, по соседству заехал к Александру Кочубею, застал его за завтраком и дал ему слово обедать в клубе сегодня; туда собираются и князь Виктор Павлович, граф Васильчиков, князь Дмитрий Владимирович и проч.

Заехал я к князю Кочубею, чтобы вручить почту, исполнить комиссию Родофиникина и объяснить, отчего получит письмо со старым числом. Письмо это по ошибке послано от вас во Псков, вот оно и вояжировало! Сказали: не принимает. Я было ехать, меня воротили, и князь очень ласково принял, говоря: «Я не предвидел вашего визита нынешним утром, вот и велел никого не принимать; но для вас я всегда дома». Он продержал меня почти час. Куда как приятен его разговор и разнообразен. Благодарил очень за аккуратное, скорое доставление к нему писем. Говорили о Царьграде и тамошних делах, о ужасных неурожаях. Князь сказывал, что государь ассигновал суммы Репнину [князю Николаю Григорьевичу, тогда малороссийскому генерал-губернатору] и графу Воронцову для взятия мер против голода.

Константин. С.-Петербург, 10 июля 1833 года

С 3-го числа наложен траур на 4 недели по принцу Вюртембергскому. Теперь, я чаю, и наш Манычар скоро возвратится. Кто-то будет его начальником? Что-то с ним будет? Его герцог любил; надеюсь, что и новый, кто бы ни был, будет любить. Пора бы ему из полковников выйти.

Сожалею, что не могу еще ничего сказать о Волковой, не видя Бенкендорфа, но не упущу его первый раз, что будет в городе. Ты в клуб редко ходишь, а я совершенно никогда; более трех лет не был, хотя постоянно плачу как член. Когда же? Отделавшись, рад посидеть со своими, и, как ни говори, дома все лучше. Спасибо добрым людям, не оставляют, – всегда кто-нибудь да есть; а и нет, так для меня достаточно и приятно общество детей.

В жару всегда печати слипливаются, это бы корреспонденты должны были знать по опыту; но у всех манера жаловаться на почты, забывая все попечения наши об их успокоении. Им не довольно, что письма доходят скорее, вернее, немедленно раздаются, для чего все меры взяты, всегда видят поводы к неудовольствию, вместо благодарности; но что на них смотреть?

Не огорчаясь еще несправедливыми нареканиями, я все-таки стараюсь об их же пользе. Ну каково перекладывать бумажками тысячи писем?

Александр. Москва, 10 июля 1833 года

Получил приглашение обедать у великого князя. Его высочество отменно милостиво меня изволил принять, обнял, благодарил за свое путешествие и тебе приказал написать, что не 47, а 46 часов ехал, на слова мои, что я брату и командиру донес, что его высочество прибыл в 47 часов. Обедало нас только: их высочества, две фрейлины, Апраксина, Павел Иванович Арсеньев, Башилов и я. Все были очень веселы. После обеда вышли в кабинет к великой княгине. Его высочество благодарил за ширмы, подвел меня к ним и в подробности рассматривал и расспрашивал, потом позвал меня и Башилова в свой кабинет, посадил у камина (увы! камина, ибо после жары наступила холодная погода), дал нам сигары, и пошла болтовня.

Очень меня порадовал подробностями о Косте. Спросил: «Куда брат твой готовит сына своего? Об этом юноше говорят много хорошего». Видно, Полетика сказал ему. Я обрадовался оказии выхвалять моего тезку-фаворита. Тут пришла великая княгиня и спросила меня: «Прошу вас, скажите, правда ли, что Владимир Апраксин умер?» – «К несчастью, это истинная правда, сударыня». Я слышал это от генерал-адъютанта Гейсмара, коего жена приехала из Курска и рассказывала все подробности. В жару эту он все пил со льдом, ел мороженое, съел тарелку ботвиньи с рыбой и льдом, потом на ночь поставил себе графин воды со льдом. В ночь сделалась дурнота, губернатор Демидов привез ему доктора, который, найдя, что главнейшая болезнь была испуг, настоял, чтобы кровь пустить; но Апраксин не согласился, сделалось воспаление, и он умер с признаками холеры. Чувствуя смерть свою, требовал все приятеля своего Платона Яковлева, но этот нашел его уже в беспамятстве. Их высочества очень жалели о бедной матери, которая обедала с нами, много смеялась и не предвидела, несчастная, какое ожидает ее горе.

Я не знаю, как старуха-княгиня Наталья Петровна [Голицына] выдержит этот удар, она внука своего боготворит. И князю Дмитрию Владимировичу сказали о сем неосторожно; он, вероятно, отвезет в Городню сестру свою, которая туда ехать собралась в среду и просила меня уже о лошадях. Это будет ужасный удар для бабки, матери и жены!

Великий князь очень сожалел о Казарском [славный морской герой]. Подлинно, Божии определения неисповедимы! Казарский не нашел смерти среди трех турецких кораблей, на него

напавших, и вдруг умирает в Николаеве в тишине.

У нас в доме также смерть есть, но не славная, не историческая. У Евсея умерла жена; так как это третья, то не быть ему уже вдовцом в четвертый раз. Она тлела несколько уже месяцев. Мое письмо, видно, все должно быть наполнено вестями смертными. Великий князь сказывал, что дочь Петра Ивановича Озерова, что за Скарятиным, без всякой надежды, так что в эту минуту нет ее, может быть, на свете. Об ней давно говорили, что ей жить нельзя, в злой была чахотке. Вот тебе наши печальные вести; остается довершить пожаром, который был поутру на Тверской. Крыша и верхняя часть дома князя Федора Сергеевича Голицына (бывший Прозоровского) сгорели, но хорошим действием труб затушили и не дали пожару распространиться. Его высочество присутствовал на пожаре сем. Великий князь продержал меня до шести часов и отпустил только потому, что я должен был ехать за пакетами, кои, вероятно, для его высочества подоспели из Петербурга; и точно, приехав домой, нашел я почту: шесть пакетов для великого князя, три для великой княгини и твое письмо от 6-го к Закревскому. Буду писать во вторник и пошлю ему пакеты. Я видел смерть герцога Вюртембергского уже во французских газетах. Думаю все о бедном Манычаре. Здесь уже назначают ему в начальники принца Ольденбургского.

Дай Бог успеха новому ходу почты иностранной, а начало уже хорошо. Ах, кабы внутренние почты на такую же поставить ногу! Пропасть жалоб; вот и Гейсмар жаловался, что его жену мучили долго и обижали в Подольске и Серпухове; велю исследовать. Беда с этим трактом, нет его сквернее: большой проезд, лошадей мало, поди угождай всем, а иные резонов не принимают, книгу видеть не хотят, дерутся, как Петр Львович Давыдов, который, однако же, жалобы обиженного им прекратил, дав 200 р. Я рад, что так кончилось, а то, конечно, нехорошо бы кончилось для Петра Львовича; но меня очень просил губернатор Небольсин дело затушить.

Воды ваши – пустяки; неохотно это пророчу, но увидишь, что они и родят, и прекратят болезни.

Александр. Москва, 11 июля 1833 года

Вчера обедали у меня многие твои приятели: двое Кочубеев, Чумага, В.А.Обресков, Офросимов, да знаешь, кто еще? Приехавший из Бухареста твой Игнатий Павлович Яковенко, коему очень был я рад. Он собирается ехать к вам, имеет какое-то дело в Сенате; я поеду к обер-прокурору Морозу ходатайствовать за него. Александр Васильевич Кочубей велел тебе очень кланяться. Кстати: Сашка и Соня ленятся, не присылают мне

списки гостей твоих; а я бы знал по описи, например, что Петр Петрович Новосильцев жив и здоров, и проч.

Здесь только и говорят, что о преждевременной кончине бедного Апраксина [это единственный сын Степана Степановича Апраксина и Екатерины Владимировны, сестры князя Дмитрия Владимировича Голицына, муж Софьи Петровны (урожд. графини Толстой)]; боюсь я очень, чтобы не дошло как-нибудь до Апраксиной и ее бы не испугали. Есть ведь такие славные люди!

Константин. С.-Петербург, 12 июля 1833 года

Желаю Закревскому успеха в деревенских делах, которые так ему Коризна устроил, что если бы еще год, то мудрено бы было и поправить; хорошо еще, что открылись деяния Коризны прежде. А как бы он уехал в чужие края, на него положившись, там бы ничего не узнал, а возвратясь, мог бы быть без имения. Отблагодарил его Коризна за дружбу, одолжения и доверенность! Радуюсь благополучному приезду великого князя. В 47 часов прискакал, – видно, не было остановок. Теперь остается желать, чтобы воды ему помогли, к чему спокойствие много содействует. Немудрено, что обогнал почту: и фельдъегерь бы от него не ускакал. Закревского все пакеты доставил. Какой он охотник писать! Кланяйся от меня Кочубею. О приезде князя Сергея Михайловича скажу ужо своему князю.

Увидим биографию Волкова; но позволь тебе сказать, она бы могла выйти и позже; лучше бы ты занялся моими бумагами, не терпящими отлагательства. Ты даешь палку, чтобы я тебя побил; но бить не могу, ибо обещаешь сделать все. Ожидаю и надеюсь скоро получить. Ну как не найти минуты на нужное дело, которое так давно и сильно меня мучает?

Александр. Москва, 13 июля 1833 года

И у нас также сегодня храмовый праздник дома у Гавриила Архангела. Измучили нас: водосвятие, обедня, предлинная проповедь, – наш новый дьякон ими щеголяет, недурно пишет, только мешает философию, политику, хотя основательно судит; но, по-моему, подобные предметы не должно трактовать в проповедях. Это делывал также покойный Августин. От половины десятого до двенадцати продержали нас.

Константин. С.-Петербург, 14 июля 1833 года

Смерть Апраксина очень нас всех поразила; я его мало знавал, но люблю милую его жену, уважаю мать и бабушку. Какой ужасный для них удар! У него все было, чтобы наслаждаться жизнью, но прекратилось, и, может быть, подлинно от

собственной его вины. Вот так-то у меня Совестр целый день только что не ест лед и все пьет со льдом; долго ли до беды. Жаль, очень мне жаль всю родню его. Жаль Скарятину! Я с ней здесь познакомился, она мне очень полюбилась своей скромностью.

Иностранные почты ходят славно. Внутренними теперь занимаются в Департаменте; будут так же ходить хорошо, то есть по 10 верст в час, считая тут и перепряжку, но это дело преогромное. Почты-то поправим, а с проезжающими еще труднее устроить.

Александр. Москва, 14 июля 1833 года

Совершенно отказывать и не сказываться дома нельзя; а как знают, что тут, то всякий идет, иной и не хочет, чтобы докладывали, а дела настоящего не имеет. Долго просидел у меня Гейсмар. Желал он с Наташей познакомиться, просил приказа для жены: она едет в Курск обратно. Скандалезная критика утверждает, что она живет с Демидовым, тамошним губернатором; велел тебе очень кланяться, называя тебя хорошим своим молдавским знакомым. После явился сибирский генерал-губернатор Лавинский. Какой приятный, умный человек! С этим охотно провел я почти час и ужо поеду его навестить. Хвалит он край тот, но с тем едет в Петербург, чтобы сложить с себя сибирскую корону, жалуется на здоровье, на опухоль в ногах, спешит к вам ехать и собирается завтра выехать уже, не представляясь даже великому князю. И этот очень велел тебе кланяться. Я только что за перо, а тут явился губернатор, просит отправить эстафету с рапортом его на высочайшее имя.

Александр. Москва, 15 июля 1833 года

Вечером вчера получил я от князя Кочубея очень ласковую записку, коей просит меня к нему приехать сегодня утром на переговор; желая скорее исполнить просьбу его, да и быв все утро занят, я поехал к князю тотчас по получении записки, нашел обоих дома и много гостей. Разговор был всеобщий о всякой всячине, например, о почерках дурных, чему дало повод письмо, мною привезенное от Натальи Кирилловны Загряжской. Князь цитировал фельдмаршала Румянцева, князя Безбородко, канцлера графа Александра Романовича Воронцова, графа Васильчикова, Зорича и так далее. «Говоря о дурных почерках, надобно по справедливости, вспомнить и о красивых, и, уж конечно, ни у кого из государственных мужей не было почерка красивее, чем у князя Меттерниха и у вас, князь». Кочубею была приятна такая компания, и он, как водится, отвечал: «В самом деле, я писал

некогда весьма разборчиво». – «Как угодно, князь, да только, если станете спорить, покажу записку, которую имел честь получить от вас давеча».

Князь благодарил за доставленное ему письмо от сына Василия и рассказывал, что он прибыл уже в Одессу 3-го числа с графом Алексеем Федоровичем Орловым для выдержания 14-дневного карантина, что султан установил знак отличия особенный для одних только русских в память их защиты в 1832 году, что и его сын получил такой же – кажется, с надписью: «Избавителям царства моего»; что французы и англичане косо на это смотрят и как будто говорят: «Сделай же, глупый Махмуд, другой знак нам за избавление тебя от русского ига». На берегу пролива воздвигнут будет гранитный монумент с надписью русской и турецкою, также для увековечения благодарности турок за защиту, императором Николаем им оказанную. Патриарх Константинопольский препроводил отъезжающим войскам четыре иконы для хранения в четырех полках в память также спасения единоверцев от египетского нашествия: Николая Чудотворца, Георгия Победоносца, Св. Спиридония и Христа Спасителя.

Князь желал знать, как бы скорее в Одессу доставить письмо к сыну. Эстафета бы стоила рублей 300, а лучше дождаться послезавтрашнюю экстра-почту. Князь при сем случае велел тебе кланяться, а я сказал, что ты часто препоручаешь мне сказать ему твое почтение.

Заезжал я проститься с князем Дмитрием Владимировичем, но видел только княгиню; они сегодня едут, и она не знает, как им удастся исполнить трудную комиссию – сказать старухе о смерти Апраксина.

Константин. С.-Петербург, 15 июля 1833 года

Вчера входит ко мне старичок, – голос знакомый, но узнать я не мог никак, кто такой. Вышло, что это приехавший из Италии А.А.Пини, которого давно я не видел и который ужасно постарел; впрочем, ты сам будешь о сем судить, ибо он собирается в Москву на несколько месяцев, а после совсем поселится здесь, предпочитая для своего здоровья здешний климат итальянскому.

Истинно, здоровье мое страдает от беспрестанных беспокойств, а потеряв здоровье, потеряю и хлеб, ибо у меня, кроме службы, ничего нет. Больно мне повторять часто, так часто и все одно да одно; да что же мне делать, если все мои начинания остаются без успеха?

Константин. С.-Петербург, 17 июля 1833 года

Вяземский третьего дня вечером был у нас; рассказывал о

прощальном обеде, данном Дмитриеву, на который и меня звали, но я должен был обедать у Нессельроде. Там Блудов предложил подписку для монумента Карамзину, и тут же собрали 4000. Наберется много, я уверен, и готов содействовать. Жена Вяземского уехала в Дерпт. Он мне сказывал, что Жуковский скоро возвратится. Напрасно: ему бы надобно еще там пожить, поотдохнуть и полечиться. Тургенев в Женеве. Нового ничего не слышно.

Александр. Москва, 17 июля 1833 года

Ну, сударь мой, Башилова вечеринка в субботу не так была весела, как должно было ожидать. Великий князь приехал с какого-то смотра или учения уставши, пробыл с час и уехал. Надобно было Башилову выбрать уже другой день, и ежели хотел повеселить такого дорогого гостя, то позвать малое число очень ему коротко знакомых людей: тогда его высочество, приехав в сюртуке, курил бы себе без церемоний сигарку; а то, не хотя, видно, наделать недовольных, Башилов пригласил все власти. Дом тесен, было много, жарко. Князь Кочубей, граф Васильчиков, комендант, губернатор, вице-губернатор, полицмейстеры, граф Гудович (видел я тут старого приятеля, князя Николая Григорьевича Репнина), Дмитрий Васильевич Васильчиков, сенатор князь Павел Павлович Гагарин, Писарев, Жихарев, Загоскин, вся свита великого князя, Ржевский, Бартенев, Алексей Васильевич Васильчиков и проч., цыгане, актеры, певцы, человек до шестидесяти. Его высочество долго со мною изволил разговаривать. Смешил нас очень актер Щепкин двумя монологами, славно представлял пьяного артиста, с горя спившегося. Великий князь сказывал, что граф Алексей Федорович Орлов пожалован в полные генералы, но не знал о прибытии его в Одессу. Мне пишет это добрая наша Полина Саражиновичева, которую очень все в Одессе обласкали.

Благодарю очень милую, добрую графиню Бобринскую за память обо мне; скажи ей, когда увидишь, мое душевное почтение. Икалось ли ей? А в последний раз у великого князя взапуски ее хвалили. Я рассказывал о ее приятных балах и вечеринках в Москве, а его высочество все твердил о какой-то шутке касательно Адама и Евы, и сказал наконец Толстой: «Нет, Анна Матвеевна, нет! Одна только графиня Бобринская и поняла правильно мою мысль о первых обитателях земного рая».

Я забыл тебе сказать, что, когда обедал у великого князя, он благодарил за сукно Наташино, даже сделал каламбур, сказав: «Не скажут теперь, что я в плохой форме, когда форма у меня пошита из сукна госпожи Булгаковой; приду поблагодарить ее».

Славное сукно на вид; увидим, будет ли носко и проч.

Я Башилову сказал, что ежели это не простая учтивость и подлинно его высочеству угодно быть у нас, то хорошо бы, покуда Ольга и Катя здесь, чтобы вся фамилия была вместе осчастливлена, а нам бы лучше хозяйничать. Видно, Башилов сказал великому князю, ибо сию минуту получаю записку от Башилова, что его высочество будет к нам ужо в 9 часов вечера чай пить и просит, чтобы не было церемонии и мы одни. Пойду сказать Наташе; надобно все устроить, но она на это мастерица.

Константин. С.-Петербург, 18 июля 1833 года

Гейсмар – старый мне знакомый, еще с молдавской кампании, он был при Каменском и тогда уже действовал отважно. Я помню, его посылали ночью под Журжу жечь мост. Лавинский тоже очень мне знакомый человек. Кстати, о приехавших: забыл тебе сказать, что Мансуров приехал сюда на последнем пароходе. Я нахожу, что он немного постарел.

Александр. Москва, 18 июля 1833 года

Как мне эти три дня тяжелы! Вчера не мог я не обедать у графа Потемкина, коему два раза уже отказывал, сегодня сманил меня Александр Кочубей обедать в Останкине у Чумаги. Этот приезжал просить, – совестно отказать, а завтра обещал Фавсту обедать с ним на даче под Симоновым у Селивановского, а ко всему этому время сомнительно, но нельзя было отказать.

Ну уж обед задал Потемкин! Только что птичьего молока не было. Большой дом его стоит исковерканный, много начато, ничего не кончено, а на дворе какой-то флигелек отделал он по-царски и транжирит себе, а уже не знаю, из каких доходов, ибо дают ему только 30 тысяч на прожитье. Я предвидел, что не будет конца беседе, а потому и велел в 6 часов явиться почтальону – требовать меня домой. Пьем кофей, болтаю со старшим Васильчиковым и Александром Кочубеем, – вдруг меня вызывают, возвращаюсь, беру шляпу, говоря: «Вот всем бы хороша служба моя, только вдруг приходится оставлять компанию приятельскую и ехать домой с набитым брюхом, приниматься за работу». Тут, кроме графа, двух Кочубеев, обедали еще Чертков-вдовец, Михаил Орлов, Корсаков, граф Алексей Бобринский, Ржевский, Верстовский, Писарев Александр Александрович, Жихарев и проч. Однако же, так как ехал мимо, заехал к Лесовскому, коего нашел лучше (надел сюртук), скучает очень болезнью своей; но я ему предсказал, что выздоровление его будет продолжительно.

Вот тебе на! Кочубей занемог, пишет, что не может ехать; ну и хорош же я, поехав в Останкино не для Чумаги, а ради прекрасных глаз Кочубея! Верно, вчера у Потемкина изволил обкушаться.

Александр. Москва, 20 июля 1833 года

Экзекутор Похвиснев получил печальную весть о кончине генерал-адъютанта Николая Ивановича Демидова в Пятигорске. Излишнее употребление, то есть усиление препорции Кавказских вод, умножило его расслабление, взволновало геморроиды и произвело кровяной понос, коего невозможно было остановить. Он скончался 5 июля, тело его повезут сюда. Жаль его! Человек был странный, но преданный престолу и самый благонамеренный. Великий князь, верно, очень будет о нем сожалеть.

Вчера обедал я с Фавстом под Симоновым у Селивановского. Что за прелестное местоположение, в саду терраса, и вся Москва как на ладони; тут мы сели, закурили трубки и сигары и ну болтать, да и проболтали до семи часов. Поспел еще в театр французский, куда звал меня великий князь, но его высочество не изволил приехать, был где-то за городом.

Александр. Москва, 22 июля 1833 года

Чумага важный вчера задал пир, обед превкусный со всеми аксессуарами. Во время оного попеременно слушали мы полковую музыку, духовую и песенников, после обеда пели цыгане. Его цель была продержать князя Виктора Павловича и всю компанию до ночи, ибо приготовлен был большой фейерверк; но я, отпивши кофей, пустился в Москву, где и нашел только что прибывшую почту вашу от 18-го числа. Гости были князь и княгиня Кочубей, Александр и Аркадий Кочубеи, этот с женою, графиня Чернышева, Зотова с отцом, князь Михаил Николаевич Голицын с женою, граф Васильчиков, Дмитрий Васильевич и Алексей Васильевич Васильчиковы, вдовец Чертков, Башилов, граф Андрей Иванович Гудович и проч., человек тридцать всех. Князь Виктор Павлович сказывал мне, что 28-го или 30-го собирается уже обратно в Петербург.

Я чаю, граф Орлов уже у вас теперь. Почту вручил я сам великой княгине; она изволила меня принять в кабинете, где занималась письмом, говорила, что рада приезду Ольги и нетерпелива с нею познакомиться, видя ее почти ребенком. Его высочества не было дома.

За обоих братцев, Педро и Мигуэля [сыновья короля Португальского Иоанна VI, боровшиеся друг с другом за престол], гроша не дам, но желаю последнему взять верх ради дела, им защищаемого; но теперь, я думаю, для спокойствия Европы лучше, что дон Педро торжествует, ибо в противном случае король-гражданин вооруженно взял бы сторону дона Педро, взбесясь на то, что Бурмон [маршал Франции; в 1833 году принял начальство над войсками дона Мигуэля] поехал брать начальство над Лиссабоном; пошла бы каша, и могла бы война европейская возгореться. Теперь оную нельзя предвидеть, а худо будет только Фердинанду Испанскому между двух конституций.

Александр. Москва, 24 июля 1833 года

Во втором часу поехал со своими Долгоруковыми во дворец великокняжеский. Муж и жена представлялись великой княгине. Ее высочество обоих обласкала, особенно Ольгу; она только одна представлялась, и великая княгиня долго с нею изволила разговаривать. Ольга уверяет, что робеет перед нею более, нежели перед императрицей самой; но Вешняков утверждает противное: говорит, что она была очень мила, все было говорено кстати, и великая княгиня смеялась многим ее размышлениям и, когда она вышла, очень ее выхваляла. Великого князя не было дома, и представлений к нему не было. Видел я тут приятеля твоего

Муханова Николая.

Вчера имел счастие обедать у великого князя. Великая княгиня поехала кушать с детьми в Кунцево, где великий князь давал кадетам маленьким праздничек; он обедал дома. Нас было только пять: его высочество, князь Сергей Михайлович Голицын, Башилов и я, да дежурный адъютант. Когда я приехал туда, то нашел только князя Сергея Михайловича, коего видел в первый раз с возвращения его из чужих краев. Он очень поправился, моложе стал, доволен здоровьем, но бросил мясо, вино и вообще наблюдает строгую диету. Великий князь брал ванну, и мы проговорили почти час о любезной Италии; князь рассказывал о путешествиях своих, об общих знакомых, о покупках и проч. Кстати он случился: и мне, и ему было не скучно. Великий князь присылал извиняться и вышел к четырем часам. Великая княгиня приходила прощаться и взяла на дорогу ломоть хлеба ситного. Его высочество был очень весел, все трунил над Башиловым: «Ты, брат Башилов, точно шустер; посмотри – у Булгакова фрак, галстук, жилет, и свои; как у него все хорошо, а у тебя скверно шито и сидит». – «Ну так прикажите вашему Булгакову меня учить». – «Извольте, ваше высочество, берусь из

Башилова сделать щеголя, только я начну одной операцией». – «Какой?» – «Отпилю ему брюхо, которое слишком выпячивается», и т.д.

После обеда сели на стеклянном балконе курить. Башилов продолжал свои фарсы. После великий князь изволил взять меня под руку, и пошли мы вдвоем ходить по саду, разговаривая о политических делах.

Возвратясь, нашел я почтальона: эстафета от князя Дмитрия Владимировича и письмо от него к Екатерине Владимировне Апраксиной. Она близко живет, и я отвез ей сам письмо. Странны их проекты! Они зовут Апраксину в Городню и говорят, что о смерти Апраксина положили они объявить старухе в Петербурге, то есть в августе. Сбыточное ли это дело? «Но, сударыня, поедете ли вы к матушке в трауре?» – «Нет, разумеется, я сниму траур». – «Но если не одежда, так лицо ваше все равно будет в трауре. Как вам владеть собою, когда увидите вы матушку? Полагаю, что покойный писал ей?» – «Да почти каждый день». – «Но в таком случае молчание его должно все разъяснить». – «Мы хотим сказать матушке, что он болен». – «Но, сударыня, всякий больной либо выздоравливает, либо умирает; к чему же продлевать заблуждение и жить в окружении лжи? Вы себя выдадите, да и найдется какой-нибудь сосед или гость, который все и расскажет в самый неожиданный для вас момент». И Катерина Владимировна, и дочь ее Голицына в том были согласны и

негодуют на глупые эти меры. Катерина Владимировна просила послать эстафету туда, что я и сделал, и она ждет ответа, чтобы решиться на что-нибудь.

В понедельник Танеева введу в должность, а очень бы хорошо прибавить нашу сумму. Дела очень много, и точно у чиновников силы недостает, надобно будет подумать о прибавке; тогда и сумма (да и теперь уже) будет недостаточна, а потому в декабре сделаю представление князю. Да, ради Бога, дайте нам, чем отделать строения наши; положим, что с теснотою можно еще ладить, но все валится на дворе; я послал к тебе смету.

Константин. С.-Петербург, 25 июля 1833 года

Жаль Демидова, человек был странный, но добрый и честный. Не знаю, был ли он женат; если нет, то Наумовой достанется порядочное имение. Эта, кажется, не живет с мужем. Великий князь жаловал покойного. Третьего дня Виельгорский сдержал слово: из Гатчины приехал к нам ужинать и препорядочно поел, попил, попел и повеселил нас, так что расстались в 2 часа, и если бы не боялся, что разведут мост, то остался бы еще долее. Жены его здесь нет; так и начал он опять вести прежнюю жизнь.

Александр. Москва, 25 июля 1833 года

Мы все вне себя от милостей великого князя. Довольно тебе сказать, что его высочество пожаловал к нам в 9 часов, а уехать изволил в половине второго часа, чего (пивши воды) ни разу еще не делал с приезда своего в Москву. Но надобно тебе хоть вкратце, но рассказать все по порядку.

Наш день понедельник; съехались обедать музыкант Рейнгард (этот уехал в театр), Бартенева с двумя дочерьми. Эти нас не женировали, простого, доброго обхождения, знакомы его высочеству; старшая славно поет, потому мы их заполонили на целый день. Рейнгард дает уроки маленьким великим княжнам, поэтому очень нас встревожило узнать от него, что великий князь жаловался ночью и что его высочеству приставлено 35 пиявок. Конечно, посещение только бы отложилось на другое время; но Ольги не было бы, она собирается домой в Шеметево, а Ольга – большая подмога. Нечего делать! Отправляя Волкова с почтой во дворец, я велел ему умненько узнать о здоровье великого князя, ду мая после обеда сам ехать наведаться или записаться. Волков донес, что великому князю ставили пиявки вчера вечером, но что камердинер сказывал, что его высочество изволит сегодня выехать. Это нас успокоило. Все было готово к принятию, дом весь освещен (я вижу его сам в первый раз так, и подлинно славно, лампы Моперна прекрасны!), ковры на лестнице. Я не мог

помешать чиновникам составить две шеренги от дверей до низу лестницы; собрались Фавст, Трескин, Имберг.

В девять часов прибыл дорогой гость, на улице и дворе множество было народу. Я встретил его высочество у выхода его из коляски. На середине лестницы под лампою стоял Пашка в казачьем мундире и отдал ему честь. Великий князь нагнулся, поцеловал его и сказал: «Очень хорошо! Только замечаю тебе мимоходом, что ночью честь никому не отдают». В зале встретили его высочество Наташа, Долгоруковы и Катя. Он Наташу поблагодарил за сукно, извинился, что поздно это делает, обласкал зятя и жену его; пошли в каминную. Я представил его высочеству Фавста. Потом представил я Трескина и Имберга. Видя его в веселом расположении духа, я подвел Башилова (который с его высочеством приехал) и сказал: «А это известный строитель Москвы и сенатор Башилов». – «Доводилось слышать об этом негоднике, – отвечал великий князь, – но близко его не видал».

Подали чай. После пошли в залу, Катя пела, после обе сестры вместе, после вся фамилия вместе. Уселись в зале, где не так было жарко; хотелось мне, чтобы великий князь курил (шляпу свою отдал Пашке на сбережение), я просил Ольгу это устроить, и она очень ловко и умно это сделала. Уселись все около фортепьяно, она ушла и возвратилась с руками назади. «Ваше высочество, хочу просить вас о милости». – «Да, сударыня, соблаговолите сказать, и будет исполнено». – «В это время я привыкла курить пахитоску; вы мне позволите?» – «Разумеется, прошу вас, не стесняйтесь, сударыня». Ольга закурила пахитос (во время брюха своего она сделала эту привычку и теперь всегда по две и три выкуривает пахитоски). Великий князь очень смеялся и сказал: «Да ведь и правда!» – «А вы думали – шутка? Только я одна курить не могу, так прошу ваше высочество сделать компанию, *ежели вы курите».* — «Грешен, сударыня, курю сигары». Ольга тотчас подала сигару в прекрасном мундштучке коралловом, ею же мне подаренном.

Великий князь, приняв милостиво, сказал: «Коль скоро вы мне дозволяете и подаете в том пример, покурю, но также с условием, что дадут сигару и Башилову, и все будут курить». – «Раз уж так, – сказала Наташа, – и надобно курить, переедем в Турцию». Пошли в «турецкую» комнату, все расположились на диванах около его высочества, и пошла беседа и курение. Великий князь переменил три раза сигары, был очень весел, любезен так, что позволения просил расстегнуть воротник мундира, много рассказывал любопытного, серьезного, например, о Польской войне, о 14 декабря и проч., много и шутил, говорил

каламбуров, очень занялся Ольгою, которая ужасно его забавляла и смешила. Подавали мороженое, фрукты, но его высочество, ради вод, ни до чего не дотрагивался. Потом пошли в залу опять петь разные хоры, Башилов плясал тирольскую. Его высочество хвалил песенку, петую Ольгой и Катей, коей слова и музыка – сочинение Кости нашего. Право, не видали, как прошло время; было без четверти два часа, как его высочество изволил уехать. Пашка был на том же месте на часах, и его опять поднял и поцеловал великий князь. Внизу, хотя и так было поздно, множество было не только чиновников, но даже дам, и они имели счастие не только видеть его высочество, но слышать его голос, ибо, заметив тут караульного нашего с медалями, великий князь подошел к нему и делал Мореву много вопросов.

У коляски поцеловал я плечо дорогого гостя нашего, но его высочество, обняв меня, поцеловал меня два раза, повторяя громко: «Очень, очень тебя благодарю». Я воротился вверх в восхищении; мы сели все ужинать, и пили за здоровье осчастливившего почтамт гостя. Ни один человек не остался недовольным, все почтамтские видели его, слышали его голос, нагляделись, что называется, досыта, ибо был он у нас почти пять часов. Невозможно все рассказать в письме, но как он добр, какое, например, показал участие к Пашке! Вот его слова: «Послушайте, любезный; вам надобно во что бы то ни стало увидеть заведение доктора Манделини. Как только я туда отправлюсь, дам вам знать, и мы пойдем вместе; возьмем маленького и побеседуем с Манделини о его ноге». Сию минуту еду к его высочеству благодарить; ежели не найду дома, то оставлю записку, в коей сказано, что приезжал благодарить за то, что осчастливил дом наш своим присутствием.

Был, застал. Великий князь велел тотчас меня впустить и очень долго задержал, все вчерашние свои милости сегодня довершил, то есть стыдно мне повторять его слова: «Я провел восхитительный вечер; остается только добавить, что никогда не возвращался я домой так поздно теперь, когда я принимаю воды, да и сегодня утром еще принимал». Перехвалил всю семью, особенно Ольгу, говорил о нашей с тобой привязанности к государю, о ревности, что утешало меня крайне; сие дало повод великому князю говорить о вольнодумцах. Его высочеству угодно было вверить мне странную переписку Михаила Орлова с Васильчиковым, коему тот пишет, что, зная, что его высочество будет сегодня у Пашковых на вечеринке, в коей будут живые картины и проч., и не желая сделать противное его высочеству, он хочет знать, может ли он там быть, будучи также приглашен, и т.п.

«Нахожу, – сказал великий князь, – все это довольно смешным со стороны господина Орлова, несмотря на слова, в какие это облечено. Я велел отвечать через Воронцова, что после получения господином Орловым дозволения жить в Москве великому князю Михаилу, само собою разумеется, совершенно безразлично, в каком обществе он, Орлов, появляется, и никто не может помешать ему бывать там, где ему заблагорассудится. Ему самому надобно понимать, – прибавил великий кня

зь, – будет ли мне приятно или нет встретить его».

Александр. Москва, 26 июля 1833 года

Вчера был славный балик и живые картины у Киндяковых в Петровском. Великий князь удостоил вечер своим присутствием. Киндякова видал великий князь на водах, и там устроилось это чрез Башилова. Живые картины, коих было восемь, были очень хороши, только тесно так, что и великий князь не все видел порядочно, уступая все место дамам. Он танцевал несколько польских и почти все время разговаривал с Ольгой и Катенькою.

Михаил Орлов не приехал; очень умно сделал, а еще было бы умнее не зачинать неуместной и лишней переписки, о коей я тебе вчера писал. Славный был ужин, а мы возвратились в три часа оттуда. Говорят, что праздник стоил хозяйке 3000 р. Немудрено: Петровское не Москва, все надобно туда привезти. «Что пишет тебе брат?» – спросил великий князь. «Ничего нового нет, кроме славного письма султанова военного министра к нашему государю, которое в «Санкт-Петербургской газете» напечатано; да говорит брат, что холодно у них, жалуется на время». – «Да и мне пишут, что в Петербурге топят немудрено, – прибавил великий князь, каламбурничая, – Петербург – место топкое». Ольга его после атаковала, доказывая, что не резон топить оттого только, что место топко.

Константин. С.-Петербург, 27 июля 1833 года

Скажи своим московским нувелистам [сборщикам и разносчикам новостей] и мирителям, что граф Орлов вчера возвратился жив и здоров из Одессы. Я очень любопытен его видеть с портретом султанским и медалью. О приезде его узнал я от Фонтона, который его успел повидать.

О Валентине Строганове вчера было сказали, что умер; но, слава Богу, еще неправда; только он, говорят, точно безнадежен.

Константин. С.-Петербург, 28 июля 1833 года

Странно, что смерть Апраксина хотели скрыть от его бабушки до возвращения в Санкт-Петербург. Во-первых, подлинно кто-нибудь проврется, так будет хуже; да разве узнать в Санкт-

Петербурге будет для нее менее горя? Она и теперь окружена семейством своим.

Ты мне пишешь о постройках в почтамте как о вещи, мне известной, а я впервые от тебя слышу. Точно я нашел рапорт к тебе архитектора и смету; только от тебя ни слова, хоть я тебя и спрашивал, для чего ты прислал мне все это, а потому и полагал, что ошибкою, да и теперь что я могу сделать без форменного представления? Эти дела партикулярно и без представления не делаются и не рассматриваются, ибо мы подлежим формам. Строительного же капитала так мало, что разрешаем только самонужнейшее. На все почтовые места отпустили прошлого года 150 тысяч – изволь-ка управляться!

Александр. Москва, 29 июля 1833 года

Вчера за обедом у великого князя речь была о тебе. «Ваш брат много трудится», – дачу твою хвалил, о детях твоих спрашивал; я сказал, что Соня отличалась на балу у графини Бобринской. После обеда позвал к себе в кабинет, посадил, взял сигару, и мне подали другую, и так втроем с Башиловым разговаривали до семи часов. Ее высочество не очень здорова и не изволила выходить. Обедали комендант, генерал Шипов, Василий Дмитриевич Олсуфьев, Башилов и домашние.

Константин. С.-Петербург, 31 июля 1833 года

Рад я, что ноты дошли до тебя скоро. Я так и рассчитывал, что через 6 дней после вытребования будут у тебя.

Надобно, чтобы во всей России так шли почты; надеюсь в сем году много сделать, а в будущем кончить это важное дело, если, Бог даст, буду жив. Теперь, по просьбе графа Воронцова, устроили безостановочный ход почт между Одессою и Таганрогом. В Вильну учреждена экстра-почта. Завтра должна прибыть почта, которая прежде приходила в четверг, стало, двумя сутками раньше. Из Бухареста приходит теперь в 8 дней. Стало, много хорошего уже сделано; но еще далеко, чтобы все было устроено. Я за это горячо принялся и беспрестанно шпорю своих.

Александр. Москва, 31 июля 1833 года

Получив мою эстафету, Долгоруков, как умница, тотчас отправился в Москву, чтобы иметь счастие представиться великому князю по записке Васильчикова. В девять часов был здесь. Сказано в повестке глухо: в первом часу. Долгоруков поехал в четверть первого. Великий князь уже уехал со двора, и все приезжавшие представляться его уже не застали. Является ко мне Долгоруков в отчаянии: скакал 80 верст понапрасну. Что

делать? Ждать до того воскресенья? Опять сюда приехать?

«Погоди, – сказал я, – останься обедать с нами; авось, почта придет, я сам ее отвезу великому князю и узнаю как-нибудь, что делать». И подлинно, к пирожному явилась почта, я поехал с пакетом. – «Здравствуй, Булгаков; экую ты мне кучу привез, сжалься над моими глазами, садись, вот тебе сигара, а мне позволь читать. Ну, что скажешь? Что твои? Что милая княгиня Ольга А.?» – «Чего, ваше высочество, у нас бедушка была!» – «Что такое?» Я рассказал о путешествии Долгорукова и что не застал его высочество. «Да, я должен был выехать ранее, чем полагал. Зять твой здесь?» (указывая на ту комнату). – «Нет, ваше высочество, я не смел его привезти». – «Привези ужо – завтра, когда хочешь. Что делает княгиня О. А.?» – «Я получил с мужем ее письмо от нее, и почти все вами наполненное…» – «Лжешь, Булгаков!» – «Право, ваше высочество». – «Лжешь, Булгаков!» – «Да и письмо со мною». – «Покажи!»

Ольга как будто предчувствовала, написала письмо точно на показ великому князю: «Муж мой совершенно счастлив совершить эту поездку лишь для того, чтобы иметь счастье повидать великого князя. Как мы признательны за всю ту доброту, которую его высочество нам всем выказывает! Дишка ни секунды не колебался, ехать ли; обнимаю вас, милый папа, и благодарю за то, что послал к нам нарочного», – и т.д.

Великий князь взял читать письмо, но рука Ольгина довольно несвязна, поэтому я ему прочел. Его высочеству было это очень приятно, он начал хвалить Ольгу и прибавил: «Я еще долго, любезный, не позабуду проведенный у вас вечер, не было у меня другого такого приятного вечера в Москве». Потом прибавил: «Скажите вашему зятю, что он может считать свое представление уже состоявшимся; уверен, что ему куда более хочется видеть жену свою, чем меня, так и пусть к ней едет, но при условии, что, прежде чем поцелует ее от себя, пусть от меня припадет к стопам княгини». Можно ли быть добрее, вежливее?

Как я возвратился домой, то Долгоруков не смел спросить, что ему делать, и запрыгал, когда все узнал. Я его благословил на дорогу, а через полчаса не было уже его в Москве. Он только что не плакал. Как так: проехать 160 верст из-за ничего, приехать в Шеметово и сказать: «Я не видел великого князя»?

Покуда мы курили, изволила прийти великая княгиня, жаловалась, что ей нехорошо от вод. Я нахожу, что лицо хорошо, но точно похудела несколько. Я донес ее высочеству, что Орлов, коего уморили здесь, на водах, и о коем она изволила в тот раз меня спрашивать, приехал в Петербург, да еще и с портретом султанским. «Благодарю вас за доставленные ко мне пакеты, но

где же ящик, о котором было объявлено?» – «Его нет, сударыня, он прибудет, очевидно, с тяжелой почтой». – «Да разве нельзя было послать ящик, который я время от времени получаю, с легкой почтой?» – «Разумеется, для вашего императорского высочества это исключение будет сделано; я напишу о том брату, – он отправляет то, что ему доставляют; это конторе моего петербургского начальника надобно сообразоваться с волею вашего императорского высочества. Я же, со своей стороны, напишу туда о том». Она приходила прощаться: ехала со двора прогуливаться в ландо. Великий князь, пожав руку, сказал: «Прощай, любезный, ты, я чаю, поедешь возиться со своими почтами, а мне пора ехать к моим кадетам».

Я виноват: распечатывая постпакет, вижу Закревского руку и слово «Булгаков»; думал, что ко мне, распечатал – вместо того к тебе.

Константин. С.-Петербург, 5 августа 1833 года

Вчера на даче, после обеда, засел я читать биографию покойного нашего друга и перенесся вместе с нею во времена, где он то был полицеймейстером, то в отставке, то комендантом. Все кажется мне справедливо, и друзьям его будет приятно читать. Я отметил два пассажа. Так как твое намерение – ее напечатать, то есть издать в свет, то, первое, неловко сказать, что средства, данные правительством, не были достаточны – на что же? – на сиротское отделение и что он должен был прибегнуть к частным пособиям. Лучше дать этому другой оборот. Второе – в конце фразу о гражданине, жандармском генерале я не совсем понимаю; но как будто звание жандармского генерала было бы для другого препятствием быть любимым. Я бы это выпустил, тем более что и слово «гражданин» мне не нравится. Впрочем, подумай, и если Бенкендорф, в суждении своем, сие оставит, то поступи как хочешь. Сегодня его ждут в городе, сегодня пошлю к нему твой пакет, постараюсь его сам увидеть, ибо о многом имею нужду с ним поговорить.

Александр. Москва, 8 августа 1833 года

Я был вчера у Мамоновой в Васильевском, видел Грацинского, отдал ему, во-первых, письмо Блудова, как положено, во-вторых, бумагу от дворянского предводителя, с тем чтобы не замедлил приготовить ответ к твоему подписанию. Обещал скоро все исполнить. Васильевское прелестно. Она хочет переделать, украсить и употребить столько, сколько стоила покупка сама; тогда сможет брат ее быть тут и некоторую часть зимы. Очень она жаловалась на теперешнее положение брата ее.

А кто виноват? Сама. Что она ни делай, а уже не будет никогда ни порядка, ни надзора, ни попечения, какое было прежде. Маркус ездил всякий день, а иной и два раза в день, умел обходиться как должно с больным, который находил разнообразную пищу в его разговоре; доктор Эвениус жил у графа и наблюдал за ним; Зандрарт был человек золотой, глаз с графа почти не спускал, он его слушал и боялся, был опрятен в одежде, брился, мылся, все делал в положенные часы; Зандрарт вел обстоятельный журнал всему, что происходило с графом, что он делал, говорил всякий день, как спал, что ел, пил и проч. Конечно, плату имел хорошую, но зато и должность его была точно трудная. От ненависти граф перешел, наконец, к ласке, стал ходить в комнату к Зандрарту, ласкал его детей и т.п. У больного были экипажи, стол хороший, я сам несколько раз обедал у него, гардероб был отличный, белье тонкое, большая прислуга.

Теперь жалко смотреть на этот дом: больной никуда не ездит, не прогуливается (полно, есть ли карета?), графиня сказывала, что несколько пар чулок, и то солдатские, неопрятен, лекаря дали какого-то дурака, не умеющего с ним обходиться; до двух и трех часов граф пишет; засыпая так поздно, встает в 2 часа и тотчас обедает, дают пить вино, водку, курить до сорока сигар в день, так что едва можно его разглядеть в облаке дыма, в коем он всегда находится; все это должно его горячить ужасно, зато и бредит больше прежнего, пишет всякую чепуху; теперь думает, что он Магомет. Был набожен, теперь слышать не хочет о Боге; в последний раз хотели силой служить молебен у него, он прибил дьячка за то, что был в бороде, и не хочет выезжать, чтобы не видеть мужиков с бородами. Кажется, графиня метит отдать Лебенвейну командование всем с большим окладом, но трудно будет переломить сумасшедшего на прежний лад. Стыдно, право, что при таком богатстве не умеют прилично содержать графа и не имеют лучшего о нем попечения. Она все та же: все больна, всего боится, а теперь особенно холеры; то едет, то остается, сама не знает, что хочет.

Александр. Москва, 9 августа 1833 года

Твое замечание касательно скудости средств на сиротское отделение весьма основательно, а я эту статью в Волковой биографии переменю; что касается до другой статьи, оканчивающей биографию, то и моим ушам противно было слово «гражданин», но я не знал никак, чем заменить.

Слова: «чиновник», «лицо», «обыватель» не шли. Впрочем, я это переменю или вовсе вымараю. Увидим, что скажет граф Александр Христофорович. Я уверен, что в Москве славно

разойдутся 500 экземпляров, ежели и не на 1000 р., полагая цену 2 р. 50 к.; а деньги вырученные отдам Софье Александровне для употребления в пользу бедных, особенно покойному ее мужу известных.

Константин. С.-Петербург, 10 августа 1833 года

Государь должен был вчера вечером отправиться. Да благословит Всевышний путь его! Великий князь утром очень рано ездил в Петергоф и вечером возвратился. На Каменном острове нет флага; следовательно, его высочество в городе. Императрица сегодня переехать изволит в Царское Село, куда мой князь уже отправился. Он будет приезжать сюда только ради совета, к понедельнику, после совета будет для моего доклада приезжать ко мне на дачу, а там – обедать у Блоома и опять в Царское Село.

Александр. Москва, 10 августа 1833 года

Насилу ноги таскаю: так я устал, мой милый и любезнейший друг. Одни приуготовления меня замучили, а тут надобно было еще и танцевать, а я отвык, давно не прыгал; но зато праздник совершенно удался, только Ольги явно недоставало. Все, начиная с его высочества, о том сожалели. Теперь я еще более сожалею, что балик не был отложен дня на три: Ольга успела бы приехать, мы бы позвали лишних 50 человек (было и место, и чем потчевать, всего премного осталось), и может быть, и ее высочество с великим князем удостоила бы нас своим присутствием. Я сказал его высочеству, что одного недоставало для нашего совершенного счастья. – «Что такое?» – «Присутствия великой княгини». – «Зачем же ты не позвал?» – «Мы не смели, ваше высочество». – «Что за слово – «не смели»! Почему?» – «Во-первых, великая княгиня не совсем здорова…» – «Она бы не стала прыгать, как мы, и долго бы не могла остаться, но верно бы приехала». Это было слышано, и дамы стали меня мучить – повторить вечер; но я, верно, не сделаю сего: ничего так не боюсь, как докучливости.

Ну, сударь, дом был славно убран, чисто, во всех комнатах лампы Моперта, на кои все любовались, а зала была освещена свечами; могло бы быть еще светлее, но и так с лишком 80 свеч горело, никто дома не узнавал.

Ты помнишь комнату, бывшую у тебя столовой и которую отдал я Трескину; чтобы закрыть дверь эту, мы сделали гору из прекрасных цветов; в этой густой зелени шарлатан наш Ванюшка навязал всякую всячину, розанов и других деланых цветов. Это богатство и разнообразие изумляло всех, а я уверял, что мне

надавали пропасть горшков из Горенок; наверху этой горы повешен был портрет императора в золотой рамке с короною, окруженный большим лавровым венком. Большие окна овальной залы голы, без гардин; мы их украсили гирляндами в виде буквы «М» из дубовых листьев. Это «М» (Михаил) играло большую роль и делало большой эффект.

Лестница была вся в цветах также. Пашка был опять на своем месте, и великий князь заметил, что он не забыл его замечания и чести ему не отдал. Все гости были уже тут, великий князь приехал в половине десятого и тотчас начал обходить всех дам, поговорил с Иваном Ивановичем Дмитриевым, с князем Сергеем Михайловичем Голицыным, потом пройти изволил в «турецкую», где сидели, как гарем, все мамзели и молодежь. Наташа подошла спросить: позволит начать танцы? «Я здесь для того, чтобы делать, что мне прикажут». – «Соблаговолите, ваше высочество, подать нам пример».

Начались польские, кои долго продолжались, ибо его высочество ни одну почти даму не хотел оставить, не сделав ей чести с нею танцевать; потом начались танцы, кои продолжались беспрерывно до ужина, то есть до трех часов утра. В это время изволил его высочество уехать, повторяя, что он провел вечер весьма приятный, и благодарил нас очень. Два раза вальсировал с Катенькою и вообще был очень весел, свободно и милостиво разговаривал с особами, ближе к нему стоящими, не разбирая чинов.

Ужин был славный и на 90 человек, а было менее половины. Мы пили за здоровье его высочества; после ужина начались уже не танцы, но истинные фарсы. Сперва присутствие дорогого гостя удерживало всех, никто не садился даже в котильоне, а тут уже пошла республика, молодежь же имела шампанского сколько душе угодно.

Вот, кажется, главное тебе рассказал, мой милый друг; я заспался сегодня, а дела еще много, к тому же княгиня Татьяна Васильевна просит к себе, имея какую-то нужду до меня, – съезжу на минуту. Теперь сделай мне одолжение и дай письмо мое и все это прочесть Косте и Вяземскому. Все это повторять им было бы невозможно для меня. Все почти о Косте вспоминали; то-то бы он хозяйничал и отличался!

Константин. С.-Петербург, 11 августа 1833 года

Вчера спустили здесь корабль в присутствии государя. Жена ездила смотреть и в восхищении. Мне не удалось: я в это время спускал не корабли, даже и не змей, но бумаги. Здесь полагают, что великий князь выедет от вас прежде пятнадцатого. Будем

ожидать.

Я с тобой согласен, что если звать великого князя на вечеринку, где и танцевать будут, то пропасть наживете себе упреков и неудовольствий. Всех звать – так будет душно, и бал, о коем скажут вдесятеро более, нежели было; звать мало – наделаете себе врагов. Я не полагаю, чтобы и его высочество был охотник до балов. Впрочем, ожидаю, на что решились. Только я не советую так жить, чтобы заговорили об вас, и так завистников много. И к тому же хлопоты, издержки, а веселья мало.

Александр. Москва, 11 августа 1833 года

Желаю знать, что скажет мне или тебе граф Александр Христофорович, чтобы приступить к печатанию биографии Волкова в пользу бедных. Давеча великая княгиня меня спрашивала: «Ну так что, в Петербурге развлекаются?» – «Мой брат сказывал мне о чудесном бале у графини Шуваловой 5-го числа». – «А императрица там была?» – «Нет, сударыня, но был весь высший свет».

Константин. С.-Петербург, 12 августа 1833 года

Из письма твоего от 8-го вижу, что у вас, как говорят молдаване, большой калабалык, то есть хлопоты по случаю бала. Воля ваша, а нет моей апробации: лучше жить нешумно. Меня смешит, что ты думаешь ста рублями отделаться. Я желаю, чтобы ты отделался тысячей. Увидим, кто из нас ошибается. Раз уже дело затеяно, то желаю, чтобы удалось совершенно и чтобы его высочеству было весело.

Александр. Москва, 12 августа 1833 года

Как-то говорят давно, что Грейг, наш приятель, опускается и не тот уже, что был, а Лазарев (только не Иван Акимович) слывет молодцом. А Патаниоти я знал в Неаполе, и он был маленькое чудо в своем роде. Он с мачты кидался в море, переплывал на другую сторону под кораблем, скидывал с себя в воде все платье, *даже сапоги*, завязывал все это в платок и с узлом в зубах плавал. Моряку и должно быть более рыбою, нежели человеком. Он командовал тогда фрегатом «Крепкий», на коем приехал к нам Дмитрий Павлович Татищев.

Константин. С.-Петербург, 14 августа 1833 года

Я тебе обещал сказать, кто с Мансуровым на пароходе поехал. Ты, может быть, уже и знаешь от великого князя? Граф Нессельроде, с ним Брунов, Сакен и Хрептович. Завтра отправляется и государь, с ним князь Волконский, граф Орлов,

Бенкендорф и Адлерберг на пароходе до Штеттина, для свидания с прусским королем. Все это держалось в секрете, у нас приказаний никаких не было, и теперь цель путешествия, да и место назначения неизвестны, а потому и прошу тебя не говорить никому, что я тебе о сем писал. Говорят, что также и с австрийским императором будет государь иметь свидание и что все путешествие не более пяти или шести недель продолжится. Граф Фикельмон отправился два дня тому назад в Богемию. Я уверен, что у вас о сем уже говорили, как и здесь, только верно никто не знал. Я простился с князем Долгоруковым третьего дня.

Аппетит приходит во время еды у добрых москвичей; мало что полюбовались лицезрением великого князя, теперь еще просят бала, чтобы видеть его высочество. Поздравляю вас с успешным окончанием дела, иначе бы досталось вам от завистливых критиков.

Александр. Москва, 14 августа 1833 года

Я, право, не знаю, чем и как заслужить все милости великого князя и лестную его доверчивость. Увидев меня, входящего в гостиную, он оставил партию свою в бильярд, взял меня за руку, повел на площадку в сад и сказал: «Я не нашел времени сказать вам словечко прежде, спеша прочитать письмо, которое вы мне доставили от императора… Я скоро уеду…» – «Я знаю, ваше высочество». – «Как вы могли это знать?» – «Мне это известно от вашего фельдъегеря, которого вы посылаете вперед и который явился на почту взять трех лошадей; потому-то я и примчался к вам». – «Я знаю, с кем говорю, – продолжал великий князь, – потому могу доверить вам все, что написал мне император», – а потом его высочество изволил рассказать мне все содержание письма, по коему государь должен быть в Москве 6 октября.

Великий князь угощал обедом и чаем кадетов. Когда простился с ними (как бы с детьми своими), их начальниками и со всеми, тут бывшими, то и я также стал откланиваться, но его высочество сказал мне: «Булгаков, пойдем ко мне». В кабинете сказал: «Садись, вот тебе сигара», – а сам с адъютантами заниматься стал бумагами. Кончилось, ушли они, а он принялся что-то писать. Вошла великая княгиня с детьми. Понимая, что в такую минуту приятно ее высочеству быть с ним наедине, я взял шляпу, положил тихонько сигару и хотел опять откланиваться, но великий князь спросил: «Я надеюсь, что ты дашь мне письмо к брату твоему?» – «Не смею, ваше высочество, утруждать». – «Поди и пиши, и мне отдай, а я ручаюсь, что будет верно доставлено». Я поклонился, вышел в камердинерскую, где и написал к тебе письмо, а там стал курить и болтать с Башиловым и

адъютантами. Час спустя великий князь велел меня позвать; тут были только ее высочество с детьми. «Где же письмо к брату?» – «Вот оно, ваше высочество». – «Будет доставлено, и *ничего с вас не возьмем*, не по-вашему». – «Мы, ваше высочество, не себе берем, а копим для казны».

Великий князь перецеловал своих детей, несколько раз делал им урок, особенно самой младшей, прибавляя: «Уверяю вас, что эта вот са мая маленькая доставляет мне более хлопот, нежели двое старших». Остались мы одни. «Одно мое желание теперь, одно у Бога прошу, – сказал он с чувством, сложив руки и подняв глаза кверху, – чтобы государь благополучно совершил свою поездку и мы увидели *его здесь* довольным». Поговорив несколько, прибавил: «Ну, я пойду надеть дорожное платье; вот тебе мое место, бумага, перо, – садись и пиши теперь к твоему сыну: я хочу обрадовать его письмом от тебя». Я, право, так был поражен сими ласковыми словами, что сидел, как дурак, не зная, что писать, а сказал Косте, что пишу по приказанию его высочества в его кабинете, и почти со слезами заклинал его быть достойным таких милостей, вести себя хорошо и быть благодарным, не быть себе собственным врагом, а следовать славному пути, который ему открывается, и проч.

Когда я отдал великому князю письмо, то он при мне изволил оное положить в свой боковой карман. Я кинулся целовать его плечо, хотел благодарить и не умел, или, лучше сказать, не мог: так был я тронут. – «Куда вы поедете отсюда, друг мой?» – «Домой, ваше высочество, рассказать своим обо всем, что ваше императорское высочество делает для нас…» – «Сослужи мне службу…» – «Извольте приказывать». – «Сделай мне одолжение: поезжай к Киндяковой в Петровское и извини меня перед нею, что сегодня не буду по зову ее; ты сам видишь, как время мне дорого: я должен быть пятнадцатого в ночь в Петербурге, чтобы застать еще государя. Прощай, любезный, скажи госпоже Булгаковой, что, если б не такая спешка, я бы, конечно, не уехал, с нею не попрощавшись; кланяйся от меня княгине Ольге», – поцеловал несколько раз меня, жал руку, и последние слова были: «Прошу тебя мне писать».

В Петровском сделал отъезд этот большую революцию; тут еще более было праздных и болтушек, еще более глупых вопросов.

Константин. С.-Петербург, 18 августа 1833 года

Ты мне, а я тебе буду хвалиться милостями великого князя. Третьего дня его высочество был нездоров и не принимал никого, вчера не мог я никак ехать, ибо вода была высока, и я, беспокоясь

о своих дачных, только что отделался, поехал туда. Через мост не пропустили в карете, перешел пешком, нанял извозчика и с дождем, посреди грязи и там по воде против соседних дач, где она выступила на набережную, дотащился домой. У нас воды не было даже на мостовой. Там нашел всех спокойными, часу в пятом вода сбыла, и все пришло в порядок, а в пять приехали Виельгорский, Воронцов, Каменский и еще кое-кто, мне же обещали в семь.

Сегодня надел мундир и в 10 часов поехал к великому князю. Он занимался, я не велел о себе докладывать и ждал более часа с многими генералами. Его высочество, кончив свои дела, прежде выхода к прочим позвал меня к себе в кабинет, очень обласкал, много говорил о вас, спрашивал, получил ли я твое письмо и отослал ли другое к Косте. Продержав с полчаса, отпустил, обняв еще раз. Подлинно, он ужасно как к нам милостив. Приехал в почтамт, где меня так запилили, что не успел даже идти в Департамент, а теперь уже четвертый час.

Константин. С.-Петербург, 19 августа 1833 года

Париша я точно не видел здесь, а рекомендовал его тебе по просьбе Штиглица. На днях едут к вам, а потом в Одессу, еще два англичанина, рекомендованные мне Ломоносовым и коим я также дам письма к тебе. Они вчера были у меня и очень мне понравились. Оба лорды, один лорд Ренклаф, а другой Лоузек, один постарее, а другой молодой человек, и, кажется, добрые люди. Обласкай их, угости, познакомь с Москвою, дай им кого-нибудь, чтоб показать, что есть любопытного и замечательного, – одним словом, сделайте, чтобы они вас полюбили, а это вам нетрудно. Я им дал почтальона до самой границы, но и ты им окажи всякое возможное пособие, дабы поддержать рекомендацию Ломоносова.

Для твоего только сведения

Четверговая наша буря так была сильна в море, что пароход «Ижора», на коем был государь, никак не мог подвигаться вперед даже, чтобы подняться до Ревеля и туда войти. Ветер был так крепок и противен, что пароход, при действии колес даже, вместо того чтобы идти вперед, подавался назад. Нечего было иного делать, как идти назад в Петергоф. Государь из Петергофа поскакал тотчас вчера вечером в Царское Село, а сегодня изволит отправляться сухим путем со свитою в Пруссию. Эти бури в ужасное привели меня, да и всех нас, беспокойство. Слава Богу, он теперь здесь и морем уже не едет. Я видел князя Волконского сегодня утром очень рано. Он здоров, но натерпелся довольно. Государь, слава Богу, совершенно здоров. Удивительно, как он

переносит столько усталости.

Константин. С.-Петербург, 31 августа 1833 года

Вчера, кроме домашних, обедало у нас незваных человек сорок, а вечером прибавилось еще. Ну уж попрыгали, и не одни молодые, и моя мадам расплясалась. Говорят все, что было очень весело, а я только знаю, что с семи часов до половины второго безостановочно все прыгали, а Виельгорский, Вяземский и Голицыны уехали в половине третьего. Хорошо, что князь отложил доклад до завтра, а то бы я приехал к нему сонный, ибо ужасно устал, хозяйничая целый день; я проспал до восьми часов как убитый.

Константин. С.-Петербург, 1 сентября 1833 года

Сейчас приехал с Елагина и доклада. Князь здоров, весел, сказывал, что государь благополучно приехал в Швабию в четверо суток с чем-то. Дорогою его никто не узнал, почтмейстеры с ним говорили как с простым офицером – о государе; все это очень забавляло государя. В Шведте нашел всю королевскую фамилию, кроме наследного принца, который дожидался его в Штеттине.

Константин. С.-Петербург, 4 сентября 1833 года

Третьего дня был я на балу у Бобринской, где пробыл до 1 ½ часа; жена была нездорова, Багратион тоже, поэтому мы и поехали с князем Григорием Волконским домой.

Великий князь удостоил бал своим посещением. Только что меня увидел, подозвал к себе и проговорил, пока танцевали французскую кадриль. О многом была речь, между прочим изволил спрашивать о вас; сказал, что ему пишут, что 26-го был у тебя еще бал. Я этим воспользовался, чтобы повторить его высочеству, как он вас осчастливил своим присутствием на вечеринке и проч. Он очень милостиво отзывался на ваш счет и рассказывал про бал. Велел тебе сказать, что твое письмо получил, что не отвечал потому, что не успел еще призвать к себе Костю, говорил, что поведение хорошо, но неприлежен к учению. Я напомнил о его летах, и что трудно себя приневолить к школьному учению в его возрасте. «Это правда, – ответил великий князь, – но что делать, надобно пройти через это, ежели хочет он в гвардию». Много очень говорили, а после тотчас я и уехал, хотя, кажется, было весело, и все танцевали от сердца.

Воронцов тебя просит доставить письмо графине Филиппи; это та, что бросила свое семейство и уехала с Ростопчиным. Воронцов говорит, что хорошо, если ты ее уговоришь возвратиться: там бы ее приняли с распростертыми объятиями.

Вяземский вчера уехал в Дерпт, – может быть, поедет и в Ригу; взял у меня почтальона и поехал в городской колясочке без человека. Почтальон возвратится с его женою.

Александр. Москва, 4 сентября 1833 года

Устройство, сделанное тобой на лестнице, которая в сад, очень хорошо; вообще дом твой – игрушка. Я не знаю, была ли великая княгиня у тебя, но она намедни изволила очень расхваливать дом твой, да и все, кто его только видели.

Счастливый путь доброму и старому приятелю Влодеку; велит ли-то нам Бог еще видаться с ним? Он поболее нас с тобой состарился, но так и должно быть между военными и штатскими. Вот записка от княгини Татьяны Васильевны Голицыной; пишет, что княгиня Наталья Петровна выезжает из Городни сюда в пятницу, то есть надобно послать 44 лошади в Пахру. Прикажу с завтрашней почтою. Скажи Вяземскому, что я зову его сегодня обедать: у нас будет граф Люцероде [саксонский посланник] и кое-кто еще.

Не верь вракам о холере московской, теперь кто ни умрет, одна песня: все холера. Никогда не были так все здоровы в Москве, как теперь, особенно с наступившей хорошей погоды. Ты не говоришь ни слова о государевом путешествии, а развернув «Санкт-Петербургскую газету», я вижу, что его величество 24-го прибыл благополучно в Шведт. Слава Богу. Теперь дай Бог нам быть обрадованными и увидеть его в Москве.

Александр. Москва, 5 сентября 1833 года

Надобно ехать с поздравлениями к великой княгине, надобно у Лика крестить дочь, надобно учредить путешествие ее высочества в Воскресенский монастырь, куда едет завтра, и надобно еще к тому обедать у князя Дмитрия Владимировича. Вчера был у нас очень веселый обед. Барон Люцероде очень любезен. Я его попотчевал шампанским за столом, а после обеда – московским соловьем Бартеневой, а там забрались мы в кабинет мой, начали курить. Он рассказывал нам очень любопытные подробности кампаний 1813-го и 1814-го годов, просидел почти до девяти часов; сегодня вместе обедаем у князя Дмитрия Владимировича, а ввечеру повезу его в Петровское к Киндяковой, у коей дочь Елена П. Пашкова именинница сегодня.

Александр. Москва, 6 сентября 1833 года

Я все вожусь с губернатором для устройства проезда великой княгини в Троицу. Небольсин все торгуется, а мне нельзя подумать просить менее двадцати лошадей прибавить; на беду,

едет ее высочество в почтовый день этого тракта, надобно вычесть 9 лошадей, их только 22, остается 13, а великой княгине надобно 32. Только что устроили – опять от Вешнякова, что едет также Апраксина и что надобно еще 6 лошадей. Беда, да и только, и Небольсин к этому еще уехал с князем Дмитрием Владимировичем в Серпухов. Ее высочество в воскресенье изволит нас совсем оставить и ехать обратно в Петербург. Москва пустеет, но начинают уже наезжать из подмосковных.

Намедни разговорился я с лордом Лотером о почтах английских. Он вчера прислал мне записочку, сделанную им о почтах их. Как дело огромно! Почти 40 тыс. писем отправляются в сутки из Лондона. Посылаю тебе эту бумагу, не годится ли она Прянишникову? Какие и средства у них, посмотри, сколько людей! И что им платят! Сравни их с нашими горемычными чиновниками.

Сегодня ее высочество поехала в Новый Иерусалим и к вечеру изволит возвратиться. В сии богомольные путешествия сопутствует ей князь Сергей Михайлович Голицын.

Вот и Negro явился с ярмарки; говорит, что была плоха для всех, кроме торгующих чаем и железом.

Константин. С.-Петербург, 8 сентября 1833 года

Ехавши в город, надобно заехать к живописцу Ладюрнеру, который взял с меня обещание посидеть с полчаса, только чтобы быть на большой картине, представляющей парад, и на коей он, посреди публики, многих нарисовал, графиню Литту и Ванишу; хочется и мне, видно, под пару Литте и Шиллингу. Долго я отнекивался, но должен был согласиться. Сегодня праздник, так и кстати.

Если не было отмены первому маршруту, то послезавтра государь въезжает в наши пределы и 12-го будет в Киеве. Дальнейшего маршрута еще нет. Там у меня Максимов, и я могу быть спокоен.

Александр. Москва, 9 сентября 1833 года

Я сейчас от великой княгини, которую очень долго ждал. Она изволила возвратиться в 10 часов из Троицы, и с неимоверной скоростью, ибо выехала оттуда в шестом часу и останавливалась в Хотькове. Я хотел сам вручить ее высочеству письмо от великого князя, тобою мне доставленное, дабы узнать, не последует ли перемены какой-либо в путешествии ее высочества. Я высадил ее из кареты. «Здравствуйте, господин Булгаков, – сказала она мне, – держу пари, что вы привезли мне письмо от великого князя». – «Подлинно так, сударыня». Тотчас изволила взять письмо,

сбросила с себя салоп и пошла в кабинет читать, а я вслед – с просьбой сказать мне, не отменяется ли ее отъезд. Как ни говори, а воды помогли великой княгине.

Она была свежа, как розан, после такой скачки, тогда как ездившие с нею в одной карете Апраксина и князь Сергей Михайлович Голицын, и даже Вешняков, который их помоложе гораздо, едва ноги свои таскали. Великая княгиня вышла и изволила мне сказать: «Очень благодарю вас за письмо; оно ничего не переменило в моем решении, я по-прежнему собираюсь ехать в воскресенье утром». Очень благодарила за исправность в дороге, спрашивала, что нового в Европе, и кончила словами: «Пойду отдыхать, а с вами не прощаюсь, ибо надеюсь еще вас увидеть до своего отъезда». Слава Богу, все было хорошо, и ничего не ломалось; возле Талиц только спотыкнулась лошадь, упала и несколько ушибла форейтора. Ее высочество сама осведомлялась о нем на станции и пожаловала ему 50 рублей.

Александр. Москва, 11 сентября 1833 года

Я получил ответ графа Бенкендорфа через Мордвинова, насчет Волкова биографии. Два незначащих сделаны замечания, то есть надобно выпустить примечание о памятнике, сделанном Волковым Плещееву, и еще несколько строк, касательно признательности к нему иностранцев. Твои замечания были гораздо основательнее, и я переменил, по советам твоим, три места, а это у графа Александра Христофоровича ускользнуло, хотя жандармство должно было броситься ему в глаза. Ответ только теперь пришел, то есть два месяца спустя; я молчание счел согласием твоим, отдал статью Полевому, цензура все одобрила, и биография выйдет на днях в «Телеграфе».

Скажи, мой милый, Воронцову, что нечего мне начинать негоциации с графиней Филиппи и убеждать ее возвратиться к своим. Она отправилась уже дней девять назад в Италию – видно, рассорилась со своим сахаром Ростопчиным [то есть со старшим графом Ростопчиным, Сергеем Федоровичем]; а здесь все уверены, что она с ним тайно обвенчана.

Мы проводили великую княгиню. В субботу был у ее высочества прощальный обед; она изволила сказать Вешнякову: «Я хочу пригласить на обед своих близких друзей, чтобы попрощаться с ними». Поэтому очень для меня лестно, что и меня включить изволила в число сие. Было всех 15 человек. Князь Дмитрий Владимирович (княгиня была нездорова), князь Сергей Иванович Гагарин с женою, князь Сергей Михайлович Голицын, П.И.Озеров, граф Гудович с женою, Ф.В.Самарин с женою, комендант, генерал кадетского корпуса [Ушаков], Башилов,

Вешняков, фрейлина Чичерина и я. После обеда прощалась со всеми, и когда я поцеловал руку, то сказал ее высочеству: «Дозвольте мне, сударыня, быть счастливее других и прийти завтра поцеловать вам руку еще раз». – «Тогда, – изволила отвечать, – не прощаемся; но предупреждаю вас, что уеду завтра в восемь часов». Вчера имел я счастие посадить ее высочество в карету дорожную. Она сказала мне при прощании: «Меня самым чудесным образом обслуживали во время поездок за город. Как увижу вашего брата, прежде всего расскажу ему о вас».

Как мила и добра! Слава Богу, здоровье ее, согласно с погодою, очень хорошо. Маркусу, Генихену сделала прекрасные подарки. Я рад, что не забыла Бартеневу и пожаловала ей довольно богатый сувенир: она часто пела у ее высочества.

Вчера была эстафета от Вешнякова из Кашина: забыли какой-то салоп ее высочества. Я тотчас послал за ним, но он был отправлен уже в фургоне в Петербург, и я послал Рухина догонять фургон, взять у гоффурьера означенный салоп и догонять великую княгиню. Кстати отправил к Вешнякову пакеты, присланные из Петербурга на имя ее высочества, и бриллианты на имя Вешнякова.

Александр. Москва, 12 сентября 1833 года

Сегодня какое-то освящение в Симоновом монастыре, и моя герцогиня де Сен-Симон поехала туда, взяв с собою Люцерода, который желал послушать славных певчих тамошних и видеть служение преосвященного Филарета; также Пашку взяла с собою, мне же три часа отнять от утра – дело невозможное. Сегодня с утра выпал дождь теплый, который сделал воздух еще приятнее. Погода очень хороша. Я имею, мой милый и любезнейший брат, рапорт от Цуцкина из Твери, куда великая княгиня изволила прибыть благополучно 10-го вечером, в 9 часов. Надеюсь, что тут найдет ее высочество салоп, за коим Вешняков присылал нарочного из Клина.

Александр. Москва, 14 сентября 1833 года

К вам едет сегодня бывшая красавица Жеребцова, мать графини Орловой, вышедшая замуж за графа Ржевуцкого, который также красавец, но гораздо ее моложе. Будет довольно забавно наблюдать ее вместе с зятем ее, графом Алексеем! Это как если б я был гораздо моложе Долгорукова.

Константин. С.-Петербург, 16 сентября 1833 года

О государе, как я тебе писал, слухи различны, и в Царском Селе еще не знают, из Бреста ли прямо изволит возвратиться или

из Киева. Сегодня писал мне, между тем, Клейнмихель, что фельдъегери ежедневно в 2 часа будут отправляться в место пребывания его величества. Не узнаем ли уже с царскосельской почтою что-нибудь положительное?

Константин. С.-Петербург, 18 сентября 1833 года

Слава Богу, государь возвратился благополучно третьего дня вечером в Царское Село. Князь мне писал вчера, что по всем расчетам ждали его величество сегодня, а он приехал гораздо ранее. Это душевно всех возрадовало. Бенкендорф также приехал с государем; он от прусского короля получил орден Черного Орла, а от австрийского императора – Св. Стефана, князь Меншиков – Леопольда, Суворов – 2-й степени, Адлерберг – Железную Корону, о прочих не знаю. Государь пожаловал Фикельмону орден Св. Андрея, бургграфу Богемии Хотеку и генералу, командовавшему войсками, – Св. Александра Невского. Вчера мы очень приятно провели Сонюшкины именины. Обедало человек более сорока, а к вечеру еще наехало, так что до второго часа с семи напрыгались препорядочно, даже и Сашка забыл свою слабость. Танцовщицы были те же, что и в последний раз: Голицыны, Журавлевы, Лексова, Лазарева, Трубецкая, и как зарядили, так до второго часа безостановочно все прыгали. Дети, да и все говорят, что очень было весело. Тем лучше. Завтра переезжаем в город.

Константин. С.-Петербург, 19 сентября 1833 года

Говорят, все шоссе по Московской дороге открыли; теперь надобно ввести новый ход почт по 12 верст в час, но и смотреть, чтобы никак не опаздывали и почтальоны не ленились и не шалили.

Константин. С.-Петербург, 21 сентября 1833 года

У Ламсдорфа Кильдишевский рассказывал, что в Москве умер генерал-майор граф Толстой, сын графа Петра Александровича. Если правда, то очень сожалею, славный был малый и храбрец. Карнеев рассказывал, что у него один из профессоров, Леман, без вести пропал, а на другой день и славный гравер медалей Уткин (не тот, что в Академии) также без вести пропал. Ну, вот тебе сколько новостей.

Александр. Москва, 23 сентября 1833 года

Вчера является милый Люцероде. «Я пришел проститься с вами и поблагодарить за все ваши знаки внимания». – «Как так?» – «Ну, да ведь завтра я еду в Санкт-Петербург. Боюсь не

застать императора, если его императорское величество снова отправится в какую-нибудь поездку по России». Я его просил сблизиться с тобою; ты, верно, будешь доволен его знакомством: милый, кроткий, скромный и добрый человек. Все его здесь полюбили, и я очень благодарю Вяземского за это знакомство. Он в восхищении от нашей Белокаменной. Как он хорошо по-русски говорит!

Александр. Москва, 26 сентября 1833 года

Утро сегодняшнее самое приятное для меня, ибо имею известия приятные ото всех вас: от тебя, от Наташи, от Ольги и Кости. Письмо сего последнего чрезвычайно меня тронуло и почти бы обрадовало без лени его к математике; но и то правда, что без лени этой не был бы он призван к великому князю и обласкан так его высочеством. Я говорю «обласкан», ибо истинно отеческие упреки и выговоры его почитаю я величайшим доказательством милостей его к моему Косте. Я буду ему очень пространно писать, видя в настоящем обстоятельстве эпоху для Кости решительную и важную. Он имеет случай заслужить покровительство и ласку великого князя на всю свою жизнь. Фортуна сама к нему лезет, не надобно отвергать ее объятия.

Ежели все пойдет хорошо у Кости, то две великие получит он выгоды: первое – он докажет великому князю, как сильно могли действовать над ним слова его, это не может не быть приятно его высочеству, а потом – что имеет твердый характер, что может все преодолеть, ежели только захочет; а второе и главнейшее – что проложит себе точно дорогу, имев счастие обратить на себя милость и внимание великого князя, а это большой шаг и к милости государя. Все это поставлю я на вид Косте. Письмо его чрезмерно меня порадовало, и я так тронут милостями великого князя, что не стану прежде трех дней писать его высочеству, чтобы в избытке чувств не наговорить ему что-нибудь. Вообрази (тебе, я чаю, все это передал наш солдатик), что великий князь приказывал себе особенно рапортовать каждый месяц о Косте и еще сказал: «И я сведения сии буду посылать в Москву». Велит ли мне Бог когда-нибудь поквитаться с великим князем? Государю хоть служу, сколько дано и сил, и умения, и усердия, но с Михаилом Павловичем не то.

Константин. С.-Петербург, 29 сентября 1833 года

Напрасно ты не съездишь к князю Александру Николаевичу Салтыкову. Не примет – его дело. Он и здесь в свет не ездил, но все-таки лучше видать его. Он к нам был всегда хорош.

Говорят, поддели английский магазин на несколько тысяч.

Кто-то приехал в мундире, выбрал разных вещей для больной своей жены и просил прислать к ней – близко, в трактир «Лондон», – с кем-нибудь из посыльных, называясь графом Ламсдорфом. Тот является. Девка с мнимым Ламсдорфом выходит и говорит своему барину, что к барыне нельзя теперь войти. Он, чтобы англичанину не дожидаться, берет у него вещи, входит в спальню, и кончается тем, что он и девка исчезают чрез заднюю лестницу. Подождав с час, англичанин вглядывается в мнимую спальню – нет никого, далее видит лестницу и догадывается, что его обманули. Пошел к хозяину; тот говорит, что не знает жильца, что он за час пришел посмотреть квартиру, дал задаток и сказал, что пойдет за паспортом, вместо того скорее в английский магазин и успел еще обокрасть. Посмеюсь над ними: кажется, они очень осторожны, а тут схватили тысячи на четыре, говорят, убытку.

Константин. С.-Петербург, 2 октября 1833 года

Письма к Филарету и Вяземскому доставлены. Я видел первого в среду у князя. Князь его спрашивал, часто ли он тебя видит; он отвечал, что нет. Князь сказал: «Очень занят должностью». Филарет прибавил, что, когда он служил в Симонове, ему сказали, что твоя жена там; он хотел с ней поговорить, но, пока болтал с иностранцем (вероятно, Люцероде), она уехала.

Константин. С.-Петербург, 4 октября 1833 года

Второй раз преосвященный Филарет мешает моему докладу. Хорошо еще, что приехал под конец, когда дело шло о представлениях к наградам, но все-таки не дал мне кончить 3-й округи: большая половина осталась на будущую среду.

Вчера получил от тебя экземпляры биографии Волкова, сегодня разошлю. Кажется, и Бенкендорф приехал из Ревеля, куда ездил за женою. На место принца Александра Вюртембергского назначен граф Толь. Выбор хорош. Не понимаю, где засел Манычар. О нем ни слуха ни духа. Должен бы, кажется, уже быть здесь. Хоть бы написал словечко, а то ни я, ни братья его Павел и Андрей ни слова не получили.

Константин. С.-Петербург, 7 октября 1833 года

Вчера праздновали у княгини Александры Николаевны Волконской рождение князя Петра Михайловича (которое было третьего дня) спектаклем, на котором и я был. Князь Григорий, сын князя Никиты, Дурнов и несколько актеров и актрис французской труппы играли два водевиля, и прекрасно. Я

насмеялся досыта; особливо князь Григорий был бесподобен. Все кончилось в 11 часов.

Обедал я вчера с милым Виельгорским у графа Толстого, сына покойного обер-гофмаршала. Славный обед, славные вина, славный дом и приятный хозяин. Мы превесело провели время.

Не худо, если князь Дмитрий Владимирович прибавит лошадей по Московской губернии, особливо за Москвою, где крепко жалуются на нехватку их. Твое представление к князю посылаю сегодня в Царское Село, а биографию Волкова отдам ему сам. Двор, говорят, прежде 15-го совсем сюда переедет, хотя погода еще очень хороша.

Константин. С.-Петербург, 12 октября 1833 года

Журавлев сидит в Сенате (это было в прошлый четверг – день, в который обедают у князя Дмитрия Ивановича Лобанова). К нему приходит человек от князя и говорит, что его сиятельство приказал кланяться, спросить о здоровье и напомнить, что сегодня четверг, чтобы не забыли у него кушать. «Князь на бирже изволил кушать устрицы, но забыл взять денег и просит у вас 21 рубль». – «Очень хорошо».

Журавлев идет обедать к князю. Тот ему говорит: «Экий, Иван Федорович, ты стал эконом и хозяин, сам нонче сено покупаешь». – «Какое сено, ваше сиятельство?» – «Ну сено, разве ты сегодня на Сенной не покупал сено и еще прислал ко мне взять 50 рублей, не имея денег при себе?» – «И не думал; ваше сиятельство изволили на бирже кушать устрицы и прислали ко мне в Сенат взять 21 рубль». – «Устрицы? Да я их не ем, а если бы и ел, пошел ли бы я на биржу? Что за вздор говорите». Вышло, что хват какой-то обоих обманул да взял деньги.

Александр. Москва, 13 октября 1833 года

Россилион мне сказывал, что в Торжке видел большое скопище народа перед трактиром. Что такое? Смотрят на курского губернатора Демидова, принимая его за посла турецкого. Он путешествует в каком-то бархатном пунцовом балахоне, шитом весьма богато золотом, шапка такая же и трубка во рту. К нему пришел генерал Николай Николаевич Раевский, тут проездом случившийся и с грязными ногами. Демидов велел тотчас их вымыть. Экий чудак! Да только есть ли один Демидов, который не был бы чудак?

Кстати, ты слышал ли, что горцы сделали нападение на тело покойного Николая Ивановича Демидова, которое везли в Россию, и увезли оное с собою; просят дорого, чтобы возвратить; но кто же станет выкупать? Не наследники, коих он всего лишил. Разве

мужики, коих сделал он вольными хлебопашцами.

Биография наша пошла писать. Вот и «Пчела» ее напечатала. Хорошо! Только брошюрки будут хуже раскупаться от этого, и бедным будет хуже.

Кажется, полковник Жеребцов будет на место Муханова [Сергея Николаевича, исполнявшего должность московского обер-полицмейстера и уволенного по состоянию здоровья]. Вчера был он у меня и показывал мне представление князево в его пользу; нельзя лестнее отрекомендовать, и Жеребцов точно стоит всех похвал сих. Им будут довольны жители, а он дело свое повернет хорошо; имеет славное состояние, знает Москву, взыскателен, строг, плутам будет дурно при нем.

Александр. Москва, 16 октября 1833 года

Сегодня у Пашкова распространили слух, что граф Воронцов и Башмаков утонули на пироскафе, едучи из Крыма морем в Одессу. Я с большим страхом и нетерпением ожидал почту, – она пришла, письма от него не имел я; но были от него пакеты с приложениями к разным лицам, стало быть, вздор; письма от 6-го, а вчера говорила молодая Ростопчина, что пишет к ней это вдова Нарышкина, урожденная Ростопчина. Такая ужасная весть тотчас бы распространилась, а Михайло Орлов вчера на это говорил: «Вот увидите, что известие ложно, а граф Воронцов захотел сделать вид, будто погиб в Черном море, как император на Балтике». Эта неуместная шутка не показалась никому острою.

Другая весть, которая кажется достоверной, но также слышанная мною вечером у Пашковых, это взятие разбойника-дворянина (не помню имя его), который опустошал Курскую губернию; его привезли сюда, и все в ужасном любопытстве его видеть. Увидим, правда ли это.

Константин. С.-Петербург, 17 октября 1833 года

Нельзя сказать, что почты ваши сюда опаздывали, но могли бы ходить скорее. Вот я примусь за своих почтальонов. Кстати, о почтальонах, – какая беда случилась в Курской! Почта, отправленная в Курск из какого-то, не помню, городка, пропала вдруг на дороге. Так как в свое время не пришла, послали отыскивать, и – спасибо проворному чиновнику, – что же открылось?

Отставной почтальон, из дворян еще каналья, жил в деревушке. Он просил по знакомству почтальона, везшего почту, подвезти его до городка, тот согласился; он велел остановиться у кабака и ну потчевать водкой и почтальона, и ямщика; почтальон уснул. Бездельник стал уговаривать ямщика ехать тише ночью, а

после, завезши его в другую деревню, верст шесть вбок, когда тот не согласился, тогда он накинул ему сзади петлю на шею и, согнув голову назад, привязал его к телеге, и таким образом его удавил. Но сей несчастный, шевелясь и стараясь вырваться, толкал почтальона спящего, который, проснувшись, стал спрашивать, что его толкают так больно; лишь только приподнял голову, как разбойник накинул и на него такую же петлю, также привязал его к телеге, удавил и поехал по боковой дороге в лес, там зарыл деньги, ассигнации и пакеты, мешки с серебром попрятал под кусты, а сам пошел домой как будто ни в чем не бывало.

Следователь начал с того, что остановился в кабаке, где спросил: не останавливалась ли почта? Останавливалась. Узнал, что человек в мужицком платье поил почтальона и ямщика, расспросил о приметах и нашел много сходства с отставным почтальоном, которого видел в городке в день отправления почты. Тотчас, взяв исправника и несколько человек, ночью поехал в деревню, где жил отставной почтальон, прямо в квартиру к нему, нашел его с семейством спящего, разбудил, стал допрашивать; сначала не признавался, хотя следователь привел с собою и целовальника, который его узнал; наконец во всем признался и сам рассказал, как дело было, проводил в лес, где нашли телегу с телами, запутавшихся лошадей и все деньги до копейки. Экий изверг! Ну, после этого как не запрещать строго возить посторонних людей с почтами? Менее суток после преступления все открылось, Бог не допустил его даже попользоваться и частью похищенного. Вчера только я получил рапорты о пропаже почты, а вслед за тем и об убийстве и отыскании всего. Я хочу опубликовать циркуляром это происшествие всем конторам при подтверждении запрещения возить посторонних людей.

Александр. Москва, 17 октября 1833 года

Я получил довольно длинное, собственноручное и ласковое письмо от преосвященного Филарета. Княгиня Екатерина Ал. Долгорукова, которая большая его почитательница, отняла письмо, чтобы дома прочесть со вниманием, не хорошо разбирая его руку.

Ну, брат, славный же пилитель граф Кушелев-Безбородко, поселился у меня и часа полтора меня мучил, несмотря на обыкновенную мою военную хитрость: когда хочу, чтобы меня не душили, то выхожу с очками на лбу и пером в руках. Ему и горя нет: то посидит, то походит, то о том, то о другом, замучил меня и кончил: «Не останусь долее, чтобы вас не беспокоить; кажется

мне (почему это так поздно ему показалось?), что вы заняты». Насилу отделался. С Иваном Васильевичем Тутолминым я иначе поступил: велел ему сказать, что не принимаю его, чтобы не обеспокоить лестницей, а что буду к нему сам – узнать, не имеет ли он, что приказать. Спасибо доброму старику: догадался и уехал.

Александр. Москва, 18 октября 1833 года

Мечников сказывал, что Демидов, губернатор курский, выиграл процесс о славном солитере, кажется, в 43 карата, купленном им за 500 тыс. франков у принца де ла Паце, коему был пожалован королевой Испанскою. Знатоки ценят в миллион. Демидов отдал оправить ювелиру, который бежал в Англию, Демидов судился, и теперь прислали ему этот камень, имеющий воду необыкновенную и форму сердца. Демидов сказал Мечникову: «Ту даму, на которой увидите вы камень этот, можете назвать смело моей женой!»[78]. Когда-то увидим и на ком-то увидим камень этот? Ты помнишь, говорили, что привезли сюда этого атамана разбойников, дворянина (кажется, Зарина), опустошавшего Курскую губернию? А Мечников говорил нам, что этот бездельник три года как умер на каторге в Сибири.

Константин. С.-Петербург, 19 октября 1833 года

Утром вчера был у меня Жуковский, который очень поправился, цвет лица хорош, он сам веселее; но боюсь, чтобы опять здесь не испортился. Он сказывал мне, что Николай Тургенев женился, что Северин здоров, уважаем в Швейцарии и живет очень хорошо, что Козловский вечно без копейки, болен и в жалком положении, имея трех детей, что Лагарп еще бодр: замучил его, ходя с ним по Лозанне. Гурьева римского очень хвалит. Видел Тюфякина в Марселе, который вояжировал с двумя мамзелями; видно, одной мало. Штакельберг в Неаполе живет славно, но стареет. Вот с кем он виделся. Александр. Тургенев в Женеве, как и всегда, не знает еще сам, куда, когда поедет. Всего бы лучше ему сюда возвратиться и поселиться здесь.

Константин. С.-Петербург, 20 октября 1833 года

Вчера, пока я обедал у Сухозанета, где все это делается очень поздно (так что в 6 часов сели за стол), дома прямо взъехал ко мне – кто? – наш милый вояжер Полетика. Жаль мне очень, что я его не видел. Жена говорит, что не переменился. Ужо к нему заеду.

Вторая новость – что князь Николай Гагарин [женатый на графине Марье Алексеевне Бобринской] пожалован в должность гофмейстера и вице-президента Кабинета.

Третья – трагическая. Вчера на Крестовском острове дрались

вышедшие только что в отставку (кажется, Преображенские) офицеры Веревкин с Воейковым; последний остался на месте, получив пулю в лоб. У Веревкина был секундантом брат его. Обоих дравшихся хвалят; говорят, умные, хорошо воспитанные молодые люди; тем более еще жаль. Вероятно, началось каким-нибудь вздором.

Четвертое: на днях сожгли здесь человека, и князь Григорий ходил смотреть. Это походит на задачу, а оно действительно так: умер какой-то индеец, и его, по народному обычаю, сожгли на Волковом, кажется, поле[79].

Пятое: говорят, Демидов [известный богач Павел Николаевич Демидов, недолгое время бывший курским губернатором] с дороги воротился в Курск. Ну, вот тебе довольно новостей.

Воронцов не утонул, но точно мог утонуть или умереть с голода на Азовском море. Я, кажется, тебе описал его неудачливое плаванье.

Александр. Москва, 20 октября 1833 года

Мы теперь поменялись ролями в отношении Закревского: ты будешь ему читать, что пишу к тебе, как я, бывало, читывал ему, что ты ко мне пишешь. Скажи ему, что все семейство наше его помнит и любит по-старому. Многие его недоброжелатели (ибо кто их не имеет!) теперь уже намекают, что ежели бы Закревский был министром, то Россия с голоду бы не умирала, а что Блудов будет кормить одними красноречивыми фразами.

Константин. С.-Петербург, 21 октября 1833 года

У нас опять беда: каналья почтальон потерял близ Витебска эстафету от графа Воронцова, где был пакет к государю. Писал к князю в Царское Село и послал записку в доклад его величеству. Ужасно мне это досадно; бездельник почтальон, вместо того чтобы иметь сумку на себе, положил ее между ног; в повозке была дыра, сумка пропала. После нашли ее распоротую, пакеты изорваны, а главного, к государю, не нашлось. Пока дождусь следствия, а уж этому почтальону несдобровать.

В Испании, говорят, дон Карлос берет верх над королевою. Я был уверен, что не обойдется без калабалыка [неразберихи], как говорят молдаване.

Константин. С.-Петербург, 23 октября 1833 года

Вчера были мы во Владимирской думе [Кавалерской думе ордена Св. Владимира] с десяти до двух часов. Много бы я дома дел переделал; но нельзя было не ехать, ибо были особенные повестки, поскольку государь заметил, что первых двух степеней

мало ездят. Там были все власти, и граф Нессельроде, и наш князь, и министр финансов, Толь, и проч. и проч.

Константин. С.-Петербург, 24 октября 1833 года

Вчера я обедал у Блоома [датского посланника]. Его обеды теперь сделались очень приятны. Вчера были князь Кочубей, князь Александр Николаевич, граф Нессельроде, Орлов, Левашов, князь Петр Михайлович, князь Трубецкой, Полетика, Кирилл Нарышкин, Блудов, Головкин, Васильчиков Илларион Васильевич и князь Никита. Смеху было много. Князь Волконский писал, чтобы Иванова выпроводить сюда, где будет получать 10 000 вместо 5000 фр. Полетика говорит, что он раскаивается и сам желает возвратиться в Санкт-Петербург. Забыл тебе сказать, что я в воскресенье с Вяземским ездил в маскарад, где было ужасно много народа.

Брунов, приехавший из Берлина, оставил там Манычара и обещает нам его на днях, чему я сердечно рад. Потерянный с эстафетою пакет графа Воронцова найден.

Александр. Москва, 24 октября 1833 года

Только и разговора у нас, что о дуэли Воейкова и Веревкина; обоих знаю, сожалею об обоих, но паче о Веревкине, который будет иметь камень на совести своей (толкуй себе как там хочешь и оправдывай убийцу законами чести, он все убийца), да и брата вовлек в несчастие, взяв его в секунданты. Каково несчастной матери? Каково доброму, почтенному отцу, ежели он видит с того света, что делается на сем?

Как же не чудак Демидов Павел: не доехав до Петербурга, ворочаться в Курск! Но нельзя человеку быть Демидовым и не быть чудаком. У всякого из них своя странность.

Александр. Москва, 25 октября 1833 года

Я тебе, кажется, писал о молодом Толстом, славном музыканте, который прекрасно сочиняет, аккомпанировал Кате и Ольге, сочинял музыку для их голосов. Мы очень были ему рады всегда, ласковы. Только вчера он вдруг бряк мне предлинное письмо – в роде Родионова об Ольге – и просит у меня Катенькину руку, зная едва и ее, и нас. Я ему отвечал очень ласково и очень откровенно. Говорю ему, между прочим: «Просьба, которую вы только что сделали, уже сама по себе доказывает, что вами руководило только чувство. Любовь слепа. Вы едва вступили в свет, едва знаете мою дочь, едва занимаете какое-то положение в обществе, вам еще надобно отдать бесконечный долг государю, родине, родителям и обществу. Мне

невозможно поощрить вашу надежду», – и проч., а потом даю ему слово, что о письме его не будет знать никто, а ежели узнают, то вина будет не моя, а его. На мое письмо отвечал он; опять говорит о своем отчаянии, что сию же минуту оставляет Москву, и навсегда, на что я опять ему отвечал пятью строками: «Уезжайте, молодой человек, уезжайте! Время лечит все страдания. Прошу вас считать меня, несмотря ни на что, в числе тех, кто питает к вам подлинную привязанность». Вот чем и кончился роман.

Я полагаю, что Толстого нет уже в Москве теперь. Это внук Михаила Илларионовича Кутузова, Теофил Матвеевич; сестра его у великой княгини Е.П. фрейлиной.

Ежели нельзя будет скрыть от Кати, то я ей напою мораль, чтобы была осторожнее впредь и обходилась совершенно одинаково со всеми, а то малейшее предпочтение или кружит голову молодежи этой, или дает повод к сплетням кумушек, а молодой девушке должно и то и другое избегать. Мне очень жаль, что музыка и пение наше сядут на мель.

Константин. С.-Петербург, 30 октября 1833 года

Вчера были мы во Владимирской думе от десяти часов утра до трех. Высидели порядочно, но зато все баллотирования кончили. Тут были великий князь и вообще все почти кавалеры 1-й и 2-й степеней, прочих также множество. Великий князь остался до конца, а по его приказу и все.

Константин. С.-Петербург, 6 ноября 1833 года

Вчера последний раз собирались мы в Думе, для подписания доклада государю. Великий князь опять изволил быть, и были также все тузы первой степени. Там узнал я о смерти графа Валентина Строганова, долго страдавшего от водяной болезни, несмотря на молодые его лета. Граф Ламберт-отец также мне сказывал, что умерла жена его брата, тайного советника, поселившегося несколько уже лет в деревне.

Константин. С.-Петербург, 10 ноября 1833 года

Я тебе вчера ни слова не сказал о новом театре, а кажется, также и об обеде Виельгорского, третьего дня. На последнем нас было немного: Жуковский, Норов, Вяземский, Кругликов, Волков, князь Григорий Волконский, Извеков и я. Обед был славный и очень веселый. Так как дорогой именинник живет возле самого нового театра, дом об дом, то, надев мундиры, и пошли мы все туда. У нас была ложа в первом ряду, этак прекрасно все было видно. Императорская фамилия была в большой ложе, все

присутствующие из служащих были в мундирах, дамы нарядны, театр прекрасно освещен, так что зрелище было самое праздничное. Театр невелик, но выстроен хорошо и убран с большим вкусом, хотя просто. Архитектором был Брюллов: этого довольно.

Константин. С.-Петербург, 13 ноября 1833 года

Третьего дня около половины шестого прекратились страдания моего верного Клима. Сколь ни ждал я его кончины, но сердечно она меня опечалила. Почти 40 лет он был со мною, все переносил и в дорогах, и в походах, и на земле, и на море, всегда был верен и предан. Если бы не несчастная его слабость, он бы мог еще прожить лет тридцать и был бы человеком совершенным; но где искать совершенства в этом классе, когда и в семьях образованных людей оно столь редко находится? Сегодня его хоронят на Волховом кладбище: поеду с Сашкою отдать последний долг верному слуге. Царство ему небесное! Пять лет он страдал и все терпел без роптания; его третьего дня утром причащали, соборовали маслом, он был все время в памяти, всех узнавал; но надобно было как будто будить, а говорил уже совершенно невнятно. Перед кончиною нянюшка хотела ему дать воды, но он махнул рукою, что не хочет, хотел перекреститься и с тем вместе испустил дух.

Надобно собираться на церемонию, священник явился. Нянюшка взялась все устроить, и все будет прилично; я не велел ей жалеть денег, желая хоть в этом печальном случае доказать всем, сколько я любил покойного.

Константин. С.-Петербург, 15 ноября 1833 года

Ломоносов мне пишет из Лондона, что Дмитрий Сергеевич Ланской приехал туда столь слабым, что нельзя было предпринять операцию от каменной болезни, с тем он и жизнь кончил. Добрый был человек. Для Нарышкинской комиссии теперь безвозвратен, и я, право, не знаю, кого изберут на его место. Он знал хорошо хозяйственные дела, что необходимо для управления столь большим имением, и еще расположенным в разных губерниях. Как бы я рад был, если бы мог совсем избавиться от этой комиссии, которая отнимает у меня и последнее свободное время.

Константин С.-Петербург, 18 ноября 1833 года

Как я благодарен милой Ольге! Спросишь, за что? А вот за что. Ей захотелось несессер, а от этого вот сцепление обстоятельств, кончившееся для меня приятнейшею встречей. Она

захотела, муж купил, поручил тебе, ты мне, я комиссию исполнил, вы прислали деньги, и вчера, отделавшись часу в четвертом, пошел я в английский магазин расплачиваться. Иду по доскам, что перерезают Исаакиевскую площадь, потихоньку пешком. Вижу, что идущий навстречу солдат снимает фуражку. Я полагал, что за мною, верно, идет какой-нибудь офицер, только этот офицер меня за руку – здравствуй! Это был государь. Я остановился, снял шляпу, но он велел мне накрыться, и прошел я с его величеством шагов с триста, после чего он сел в коляску. Был, как всегда, чрезвычайно милостив, раза два взял за руку, спрашивал о вас, что ты делаешь, часто ли пишешь, как управляешься с почтальонами. Натурально, я на все отвечал как должно. Прощаясь, взял опять за руку: «Прощай, любезный!» А тут толпа так за ним и бежит. Как видно, что сердечно его любят! Да как и не обожать такого ангела? Давно я государя не видал, то есть близко, и не говорил с ним. Эта встреча меня душевно усладила и не могла не принести мне счастия, и, подлинно, возвратясь домой, узнал, что процесс детей по наследству, оставленному им Лизкою, был решен и в Сенате единогласно в их пользу. Благодарение Всевышнему!

Константин. С.-Петербург, 20 ноября 1833 года

Вечером в субботу приехал часто нас посещающий милый Виельгорский, привез устриц, ну потчевать наших дам, а там – играть в бильярд с Манычаром, которого мы называем «бывшим», да до двух часов и просидели. С добрыми приятелями и не видишь, как летит время. Вчера у князя не было съезда к обедне, по случаю печального дня кончины императора Александра. Была панихида.

Да, брат, Клима похоронили. Дай, Боже, ему царство небесное! Последнее время был он сущий страдалец, но переносил все с терпением и кончил тихо. Скажи мне, не знаешь ли ты, из какого он села? Как называется тамошняя церковь? Мне это нужно для колокола в 2000 рублей, который он велел соорудить и к которому прибавлю ризы. Памятник ему уже поставлен; стало, все земное сделано.

После наводнения три дня выкачивали у меня воду из подвалов на даче и, к счастью, успели всю выкачать до наступления морозов. Теперь я спокоен.

Турецкий посол не поедет в Москву. Я получил уже известие о прибытии его в Чернигов. Свита его на балу у Воронцова танцевала французские кадрили. Как бы наши старики удивились, смотря на теперешних турок! Куда девалась их важность!

Константин. С.-Петербург, 22 ноября 1833 года

Вчера обедали мы всем домом, кроме детей, у Икскуля, было рождение его жены, а в 7 часов мне надобно было ехать к графине Строгановой, где имел совещание с Лачиновым и Казадаевым по опеке Салтыковой [дочь графини Софьи Владимировны Строгановой, графиня Елизавета Павловна, была замужем за князем Иваном Дмитриевичем Салтыковым, умершим 1 января 1831 года]. Эти посторонние дела последнее время отнимают у меня, а тому и спасибо никто не скажет. Сколько мне возни с одними нарышкинскими делами. Пора бросить в сторону снисхождение, а то, пожалуй, замучают.

Константин. С.-Петербург, 23 ноября 1833 года

Турецкий посол вчера часу во втором приехал. Я встретил Фонтона, который к нему шел. Увидим, что за диво дивное.

Я, кажется, тебе описывал наше наводнение, которое точно возобновилось две ночи. Лошадей я не посылал в Царское Село, но они были готовы к походу в Ямскую и дожидались только, чтобы тронулась конная гвардия, у которой также лошади были оседланы. Из подвалов люди готовы были в верхние этажи, только вода туда не дошла, и все для нас кончилось, слава Богу, одним страхом.

Александр. Москва, 23 ноября 1833 года

Хорошо, что одно только 23 ноября в году, мой милый и любезный друг, а то бы надобно с ума сойти. Я с восьми часов утра до полудня не имел одной минуты отдыха, предвидел это и брал меры против; но не тут-то было: все хлынули насильно – и родные, и приятели, и знакомые, и свои, и архивские, – насилу вырвался к обедне, а там молебен был в зале, а там опять многие насильно ворвались. Утро мое было потеряно совершенно, а дела довольно было. Надобно озабочиваться обедом еще: по несчастью, пали мои именины на четверг, день нашего приема, так все к нам поскачут. Задарили меня, и целый стол завален подарками. Вот стихи Хомутовой, покажи их Вяземскому. Уф! Я заперся теперь в своем кабинете, чтобы к тебе писать покойнее.

Александр. Москва, 26 ноября 1833 года

Сию минуту приносит ко мне фельдъегерь Федоров письмо от государя к императрице для отправления в Санкт-Петербург. Воля государя, чтобы ты известил, когда именно и во сколько часов прибудет Рубцов в Петербурге. Государь ехал менее двух суток, слава Богу здоров. Завтра обедня в 10 часов, в 11 в соборе, в 12

развод и кушать изволит у князя Дмитрия Владимировича. Донес это князю [то есть в Петербург, своему главному начальнику князю А.Н.Голицыну]. Обнимаю тебя душевно.

Одевшись в мундир как следует, пустился я во дворец. Государь изволил одеваться. Я пошел к графу Александру Христофоровичу, который меня целовал, обласкал, и пошла болтовня о всякой всячине.

Но давай о главном говорить. Он жаловался на неисправности в трех местах: по сию сторону Новгорода, еще где-то (не мог вспомнить) и под самой Москвою, обещал дать мне записку об этом; лошади были или очень плохи, или некованы для зимы, падали, от этого часто отставала свита от государевой повозки. Конечно, застали нас врасплох и в такое время, что вдруг осень обратилась в зиму; перековать не успели. Государь рассчитывал попасть к обеду вчера, застать за столом князя Дмитрия Владимировича и с ним отобедать, вместо того изволил прибыть лишь к вечеру, но все в 47 с половиной часов только езды! Во всю дорогу только три раза изволил выходить из коляски, ничего почти не кушал. Здесь небольшой был покой, ибо дворец нашли нетопленый.

Много тут собралось: генерал-майор свиты граф Толстой, флигель-адъютант Грессер, Бутурлин, Иван Васильевич Тутолмин, Сергей Ильич Муханов, князь Иван Леонтьевич Шаховской, Савоини, князь Сергей Михайлович Голицын, Озеров, Башилов, слепой Гагарин, который приехал больной и похож за то на мертвеца, Лесовский, князь

Урусов, Боринька Юсупов, Четвертинский, Красовский, Тучков, полиция и проч.

Государь изволил слушать обедню в своей домовой церкви. Боде выбежал в большом беспокойстве – сказать Урусову, что в кадильнице положены дурные уголья, что государь почувствовал запах дурной и чад. – «Ну, мы не виноваты, – отвечал Урусов, – это дело попов; но пусть тотчас все вынесут вон из церкви и принесут мелких угольев из буфета». Вышел Бенкендорф, позвал Красовского к государю, – пробыл там с четверть часа; Тутолмину и Муханову сказано было – позже; позвал князя Дмитрия Владимировича и Сталя. Отворилась дверь (было часов 11), вышел земной наш бог: свеж, бодр, мне кажется, несколько похудел, что очень идет.

Я еще не видал государя с усами и накладкою, это его молодит очень. Он поклонился всем вместе и изволил сказать: «Здравствуйте! Я очень рад, что в Москве. Ну, – прибавил государь, – пора в собор». Скоро очень изволил пройти и сказал что-то князю Александру Михайловичу Урусову, но так скоро, что

он сам не расслышал хорошенько, но что-то о его дочери, княгине Радзивилл. Только что государь показался на крыльце, вся площадь, усеянная народом, начала волноваться и кричать: «ура!» «Здравствуйте, мои друзья!» – сказал государь, и хотя шел снег и было четыре градуса мороза, его величество изволил следовать пешком, в одном мундире, в Успенский собор, так, как всегда, то есть окруженный, задавленный толпою, в коей выражалась радость непритворная. Все мы последовали за государем, также в одних мундирах. Долго мы тащились, ибо часто надобно было останавливаться. Способу не было, и когда полиция хотела отгонять, то государь говорил: «Не трогайте! Не трогайте! Они сами очистят мне дорогу. Оставьте их! Оставьте! Тише будем идти, позже дойдем», – и тому подобные милостивые слова. Одного толкнули в толпе, он толкнул купца в шубе, а этот государя толкнул в локоть. Государь сказал очень милостиво: «Смотреть смотрите, а на что толкать?» – «Да вон, батюшка, это сзади толкают».

У дверей собора встретило государя знатное духовенство с викарным; отслушали молебен, пели многолетие, государь изволил прикладываться к мощам и образам, кланяясь по два и три раза в землю. Я глаз с него не спускал, но он меня не видал. Нагляжусь за обедом. Князь Дмитрий Владимирович сделал мне великое отличие, пригласив меня обедать с государем; говорят, что будет только восемь человек. Что будет, ужо расскажу тебе. Пришло время, что и мои письма будут для тебя интересны в отношении нашего ангела.

Возвращаюсь к нити моего рассказа. Из собора побежал я искать человека, шинель, карету и, слава Богу, все скоро нашел. Четвертинскому сделал я услугу, предложив ему сани Долгорукова для государя, ибо ничего нет здесь, и не было зимы. Государь только две станции до Москвы сделал в санях, а то все в коляске на колесах. Четвертинский очень благодарил. Ну-с! В 12 часов имел быть парадный обед у князя Дмитрия Владимировича; иные думают, что государь навестит вечером князя Сергея Михайловича Голицына, у которого съезды по воскресеньям. Завтра – представление государю и обед у его величества для классных. Говорят, что во вторник удостоит государь присутствием своим Собрание. Кажется, хотя это одна токмо догадка, что государь изволит выехать в среду отсюда. Во всяком случае, далее 2-го или 3-го не останется верно, ибо 6 декабря будет несомненно в Петербурге. Вот что знаю по сейчас, мой милый и любезный друг.

Надобно тебе рассказать, что было у заставы. Является государь. – «Стой, кто едет?» – «Подымай скорее», – кричит

государь. Выбежал ефрейтор. «Кто едет?» – «Я! Подымай скорее». Ефрейтор все спрашивает: «Скажите, кто вы, какого чина?» – «Подымай же, говорят тебе, я государь император». Ефрейтор побежал в караульню вызвать офицера, ибо государя не видывал никогда, между тем подняли шлагбаум, и государь уехал. Офицер арестовал ефрейтора, говоря: «Всякий назовется государем, – зачем ты впустил в город?» Государя не ждали сюда. Тотчас отправлен был казак верхом – догонять мнимого, по его мнению, государя и доложить обо всем бывшем коменданту. Государь одобрил наказание ефрейтора и солдата, но вместе с тем приказал им дать по 25 рублей.

Однако же половина третьего, пора одеваться, ужо будет тебе что порассказать, теперь прощай покуда. Обнимаю тебя.

Вечером

Ну, давай писать. Я никуда из дому, напишусь к тебе досыта и лягу спать. Начинаю повествование. Ну-с, поехал я к князю; его еще не было, были одна княгиня, Озеров, князь Сергей Михайлович и губернатор, мы двое – в лентах, а первые два – без. Княгиня сказала: «Мой муж будет без ленты и в зеленом»; пошли и мы сняли ленты, что было повторено всеми приезжавшими. Зовы были ошибочно к трем часам, ибо государь изволил приехать в четверть пятого. Войдя в том же Преображенском мундире, который имел поутру, подошел прямо к княгине, поцеловал ей руку, поговорив минуточку, поклонился всем и, адресуясь к князю Сергею Михайловичу, сказал: «Рапортую вам, что я объехал все заведения императрицы», – изволил входить в подробности, но я, по отдаленности, мало слышал, – только что не хвалил какую-то больницу, выговаривая, что какая-то девушка лежала более двух недель, а не означено на ярлыке ни имя ее, ни род болезни. Государь говорил серьезно, а князь Сергей Михайлович слушал еще серьезнее. Признаюсь, что меня тут взял мороз по коже: я боялся слышать повторение того, что мне сказывал граф Бенкендорф о дурно кованных лошадях, кои все падали, и готовил, как мог, ответ. Государь после принял опять веселый вид и кинул свои орлиные глаза на прочих, тут бывших. Возле князя Сергея Михайловича стояли по порядку Иван Васильевич Тутолмин, генерал Савоини, Красовский, П.И.Озеров, губернатор и я, самый последний. Государь от Голицына дал прыжка прямо к Озерову: «Я тебя еще не видал, здоров ли ты?» Я не слышал ответа Озерова, но государь отвечал ему: «Божия власть, ты не сомневаешься в участии моем искреннем» (вероятно, речь шла о покойной его дочери, Скарятиной, супруге Федора Яковлевича Скарятина). Озеров поцеловал государя в плечо, а император его поцеловал, потом сделал поклон

Небольсину и изволил подойти ко мне, подал свою руку и пожал мою.

«Брата твоего оставил я здорового; я сошелся с ним на улице». – «Он шел в английский магазин, вы изволили к нему подойти…» – (С удивлением.) «Почему ты это знаешь?» – «Писавши ко мне всякий день, как же бы брат умолчал от меня обстоятельство, столь для него счастливое?» – «Ну, я тебе отрапортовал; теперь скажи мне о своих. Все здоровы?» – «Слава Богу, ваше величество». – «Что моя Ольга?.. Нет ли?» (Делая рукою пантомиму брюха.) – «Напротив, государь; она очень рада, что может танцевать сколько хочет». – «Что крестница?» – «Ходит и говорит». – «Однако же ведь еще ребенок у нее?» – «По приказанию вашего величества на крестинах, Ольга родила сына Николая». Государь изволил смеяться и пошел на другую сторону комнаты, где также стояли другие.

Ну, брат, у меня сердце так и стало от радости прыгать. Ты поймешь, как радостен переход от страха к удовольствию. Все были свидетелями милостивых его отзывов. Государь более ни с кем не говорил, ибо тотчас пошли к столу. Нас было только 14 персон. Как же не место для меня? В моем чине был я один только, и я, благодаря князя после, сказал ему: «Прошу вас поверить, князь, в мои чувства, и как горячо я ценю счастье, которое вы доставили мне сегодня». Князь этот добрейший отвечал: «Это не парадный обед, и я хотел пригласить лиц, приятных его величеству».

Вот как мы сидели (стол почти круглый):

Государь
Княгиня Т.В. ..... Князь Дмитрий
Сергей Ильич ..... Муханов Владимирович
Иван Васильевич Тутолмин ..... Князь Сергей
Князь Иван Леонтьевич ..... Михайлович Голицын
Шаховской ..... Красовский
Граф Бенкендорф ..... Озеров
Небольсин ....Аз многогрешный
Генерал Савоини
Комендант

Я так сел, чтобы правое мое ухо было обращено к государю.

Во время стола государь много изволил говорить, был очень весел. Разговор был всегда общий; в оном участвовали с его величеством хозяева, князь Сергей Михайлович. Редко говорили

граф Александр Христофорович, Тутолмин и Озеров, прочие (даже Красовский) молчали; я, чтобы лучше слушать, ничего почти не ел. Я не знаю, о чем не было речи; о дороге государь изволил говорить, о новом шоссе, яко небольшом препятствии в дороге. «Впрочем, я все эти станции спал», – прибавил государь; но о дурных лошадях ни слова. Так сошла и другая туча с плеч.

Хвалить очень изволил новый Михайловский театр. Говорили о пьесе, которую сегодня играют, – «Жизнь игрока». Государь изволил сказать: «Это не по нашей части, нам надобно чему бы посмеяться. Как ваши французы?» – и решено, что изволит быть во французском театре. Говорил о Собрании, о наводнении, рассказывать изволил о наследнике, разбирал здания петербургские, население города и проч. и проч. Я приметил, что его величество кушал мало, но очень хвалил икру и какой-то компот абрикосовый. После стола говорил в сторонке с князем и княгинею; кажется, тут решено было, как время провести сии дни, и вот что положено.

Завтра, понедельник: представление государю, обед во дворце, старшинам Собрания явиться к его величеству для приглашения на бал, и для этого надобно мне завтра ранее ехать во дворец. Ввечеру французский театр. Вторник: маскарад в Собрании. Среда: бал у князя Дмитрия Владимировича. Сейчас получаю записку от Ольги, что княгиня Татьяна Васильевна приглашает ее и Катеньку участвовать в живых картинах, кои будут у нее также в среду. В четверг государь изволит смотреть уланов. Стало быть, не прежде изволит выехать, как в пятницу. Вот что известно до сих пор. Передай, любезный друг, князю все, что найдешь достойным его внимания. Вот, кажется, все, касающееся до сегодняшнего дня.

Александр. Москва, 28 ноября 1833 года

Наконец ты говоришь о высочайшем путешествии. Граф Александр Христофорович мне сказал между прочим: «Я не знал, как скрыть это путешествие от вашего негодника-брата, и мне нужно было о многом договориться с почтой перед отъездом; ведь спросить маршрут – значило посвятить его в тайну», – и проч.

Письмо твое, привезенное Потоцким, я повез тотчас сам к графу Александру Христофоровичу. Не было дома; сказали, что в театре французском. Я туда, нашел его в ложе одного, – государь еще не бывал; я отдал графу пакет *в собственные руки*. Он, тут же распечатав, к люстре подошел, чтобы читать. «У чертова Воронцова, – сказал он, – такие мерзкие чернила, что нет возможности читать его при свечах, надобно отложить на потом», – велел тебе кланяться и благодарить. Сказывал он также,

что фельдъегерь, приехавший из Петербурга, жаловался на лошадей, что из Черной Грязи или Подсолнечной (что не одно и то же) ехал пять часов; сомневаюсь в первой версии: слишком бы плохо.

Я, не ожидая записки от графа Александра Христофоровича, которую он обещал и которую до сих пор не имею, отправил в ту же минуту Цуцкина на тракт исследовать строжайше; вчера послал Цуцкину подтверждение еще, завтра его ожидаю. Правда, что избиты и замучены лошади, ибо были морозы без снега, бойко и тяжело ездить, но все не резон: курьерские должны быть отборные. Все это меня немало тревожит, но Бог поможет все устроить. Меня тем более пугает это, что государь был столь милостив и мне не изволил даже заикнуться.

Есть глухая молва во дворце (где я всеми силами и каналами стараюсь проведать о будущем), что государь изволит съездить в Тулу, а может быть, и в Орел и Курск, дабы своими глазами увидеть противоречия, кои доходят до его величества касательно голода. Это невероятно, ибо как тогда воротится к 6-му в Петербург? Однако же я сейчас отправил Штемпеля (проворный и исправный чиновник, бывший объездным офицером) по тракту до Серпухова, а в случае надобности даже до Тулы; ибо не хочется мне сказать Трубецкому, чтобы не наделать тревоги, чего государь не жалует. Дай Бог, чтобы предосторожность была лишняя, но лучше ее взять. Ежели государь и изволит поехать, то не прежде, как в ночь на пятницу, ибо в четверг, 30-го, созвана сюда на смотр уланская дивизия.

Буду поступать, как предписываешь, да я так и делал; все бумаги отправляю, по обыкновению, к князю, и сие отменится разве каким-либо особенным высочайшим или Князевым приказанием. Вот и весь ответ, давай теперь рассказывать.

Государь пожаловал вчера во французский театр, который был полон, несколько раз аплодировал и смеялся игре Эрве в водевиле «Ландо».

Сегодня Собрание, опять непонятная для меня перемена: я слышал сам, что государю было угодно почтить этот бал обыкновенным вторичным приездом, и потому всем быть во фраках (разумеется, что мы, старшины, должны его величество принять в передней в мундирах), а теперь публиковала полиция, что всем, даже отставным, быть в мундирах. Да иной несет свои последние 10 рублей, чтобы взять билет и видеть государя, а будучи 10, 20, 30 лет в отставке, не имеет или не имел никогда мундира, со слезами не поедет; а это значит, что будет на 500 человек менее, и государь заметит, что пусто. Не знаю, какая умница выдумала эту перемену.

Завтра государь кушает у князя Сергея Михайловича Голицына, ввечеру – у князя Дмитрия Владимировича. Княгиня не хочет, чтобы танцевали: это день кончины ее матушки. Без танцев не думаю, чтобы удался вечер; делают живые картины, но так наскоро, что не может быть хорошо. Просили моих двух, но где же успеть: надобно думать о туалетах на ужо и завтра. Будут тоже петь сцену из «Роберта-дьявола» Бартенева и Пашков, но это опишу в свое время тебе. Прощай покуда, припишу уж, что случится, при запечатывании письма. Адлерберг и Арендт приехали, первый нездоров.

Видел я княгиню нашу Долгорукову, которая видела княгиню Е. Павловну Урусову, и та ей рассказывала, как государь был у них вчера; видно, там и засиделся, ибо в театр приехал в средине второй пьесы. Император много разговаривал об Ольге и детях ее. Княгиня сказала его величеству, что Ольга похорошела. – «Тем лучше, – изволил он отвечать, – подойду к ней с комплиментом завтра в Собрании».

Другие уже говорят, что государь поедет в Воронеж; все это невероятно, а надобно ухо держать востро. Нового ничего более не знаю; что знал, то все написал.

Александр. Москва, 29 ноября 1833 года

Бал наш вчерашний был прекрасный, мой милый и любезнейший друг. Как я предвидел, из-за повестки быть даже отставным в мундирах на 500 человек было менее, то есть 1000 человек с небольшим, но зато весь бомонд, и не было тесноты, а потому и жара большого. Сначала так было мало, что князь Дмитрий Владимирович беспокоился и велел после пускать и во фраках приезжающих, на что глядя, бывшие на хорах во фраках также сошли вниз. Государь пожаловал в 10 часов в гусарском мундире. Мы встретили его величество на лестнице, то есть на крыльце; как вышел из кареты, то весь стоявший на площади народ закричал «ура!». Государь обошел угол залы и, увидев статс-даму Муханову, открыл с нею бал. Я начала видеть не мог, ибо получил отношение от Адлерберга с пакетом нужным для отправления барону Розену с нарочною эстафетою.

Когда я возвратился, увидел прежде всех Катю. «Ах, папа, если бы вы видели, с какой добротой император подошел ко мне, взял меня за руку, пожал ее и говорил со мной, все время сжи мая ее в своей! Он спросил меня, вспоминаю ли я иногда о Петербурге». Государь не изволил разбирать чинов, ибо четвертый польский танцевать изволил с Ольгою, которая была вне себя от радости: так был добр государь к ней. Она говорит, что так ему обрадовалась, что была глупа, сначала смотрела в

глаза и не знала, что говорить. «Государь! Дозвольте мне прийти в себя от вашей милости, я совсем поглупела от радости, что снова вас вижу, и не знаю, что говорить». – «Так, значит, я буду с вами говорить, – сказал государь, – и скажу вам, что нахожу вас очень повзрослевшей… не прибавлю иного, – прибавил мило государь, – вы о том догадаетесь. Как поживает ваше милое семейство?» Ольга рассказывать стала, государь слушал, и хотя польский кончился, он изволил остаться возле нее и разговаривать минут десять. «Ах так! – изволил он сказать. – Вам надобно навестить нас в Петербурге». – «Государь, я только того и желаю; посудите: мой дядя еще не видел меня замужем». – «Ну что ж, вот и вторая причина; да не откладывайте, вы теперь тонки, стройны… и кто знает (указывая на брюхо), что может статься». – «Не решаюсь обещать, государь, ведь я строила те же планы и в прошлом году, да не смогла исполнить». Государь еще позже к ней подходил опять…

Граф Бенкендорф мне сказывал: «Император нашел княгиню Ольгу похорошевшей и повзрослевшей, и он говорил ей, что надобно ей приехать в Петербург зимою, хоть на короткое время, что это будет приятно государю и императрице», – и точно надобно. Я буду зятя уговаривать.

Граф Бенкендорф назвался к Ольге обедать завтра, но просил, чтобы в три часа ровно и была бы только наша семья. Ольга сказала, что будут только один Обресков и он. Я думаю, по словам графа Александра Христофоровича, что завтра вечером государь изволит ехать к вам обратно, и быть может, что ты от самого Александра Христофоровича скорее узнаешь все, нежели через это письмо. Стало быть, нечего бояться Тулы. Сегодня жду Цуцкина с Петербургского тракта и тотчас отправлю его туда же – все исправить как должно. Бог благословил нас снегом, царь полетит, а не поедет; последняя почта от Медного ехала на санях, авось-либо и у вас зима уже стала.

Государь три раза изволил говорить со мною. Я стоял и смотрел на хоры, где поместил своего Пашку с Ванюшкою и Клавдинькою. «На кого ты это так смотришь?» – изволил спросить государь, подойдя вдруг неожиданно. «На моего маленького Пашку, который от радости, что возьмут его сюда, не хотел обедать: все готовился видеть ваше величество». – «Да где же он?» – «Вот маленькая головка возле колонны». – «Тут столько маленьких и больших голов, что не различишь, да я же не вижу так далеко».

Мне дало это мысль велеть Ванюшке снести вниз Пашку. Я поставил его в той комнате, где у нас статуя Екатерины, и велел ему ждать. Так как Наташе, которая не умеет толкаться, не

удалось видеться с государем близко, то и ее поставил я возле Пашки выжидать случая. Государь как будто нарочно пошел к тому краю залы, остановился и стал говорить с Дмитрием Михайловичем Львовым; я встал сзади; увидев меня, он изволил обернуться и сказать: «Славно освещена зала ваша!» Мы оба, как старшины, объяснили, что теперь весь свет идет у нас сверху. «И превосходно, воск не каплет на одежду», – сказал государь. Тут осмелился я доложить: «Вы изволили спрашивать о сыне моем; вот он, ваше величество». – «Где?» Наташа с Пашкою стояли у самых ступенек. «Ах, здравствуйте, мадам Булгакова, – сказал государь, – я не видел вас в зале. Я сказал княгине Долгоруковой, что ей надобно приехать в Петербург». – «Государь, она еще в прошлом году собиралась». – «Постарайтесь, чтобы она снова не забрюхатела». Государь очень рассмеялся, как Наташа сказала ему на это: «Государь, я для этого сделаю все, что в моих силах». Государь взял за щеку Пашку, который очень бодро сказал: «Здравия желаю, ваше императорское величество!» – «Скажи, очень тебя муштровал Михаил Павлович?»

Третий раз стоял я и смотрел, как танцуют, как слышу вдруг: «Булгаков!» Обернулся. Государь сделал мне глазами знак подойти к нему. «Кто эти два мусье в усах, которые так отличаются и ноги выкидывают (во французской кадрили)?» – «Это, государь, два англичанина, братья Робертсон; говорят, что были богаты некогда, разорились и теперь дают здесь уроки». Так как видели они, что государь смотрит, то они еще более старались и еще смешнее танцевали. «Это уморительно», – говорил государь сквозь зубы, но из учтивости удерживался, чтобы не смеяться. Около государя всегда круг, – и в эту минуту нашло множество дам, кои смотрели на него без церемонии. Его величество о многих у меня спрашивал, и, к счастью, я знал всех имена: графини Толстой, Протасовой, Муратовой, Устиновой, недавно замуж вышедшей. Государь изволил говорить о завтрашнем вечере у князя Дмитрия Владимировича. Я изъявил мое сожаление, что краткость времени не позволила моим дочерям также составить живую картину для его величества, но государь, обернувшись ко мне, сказал, улыбаясь: «Знаем! Стара шутка!» И я насилу разуверил, что точно не будет их в живых картинах.

Государь нас всех ужасно поддел. Приближаясь понемногу к дверям выхода, он вдруг сделал вольт и так проворно пошел, а выйдя в швейцарскую и на лестницу, побежал, что я – хотя довольно, кажется, поворотлив и пустился как стрела, – когда пришел к подъезду, то государь был уже в карете. Мне так было смешно встретить на лестнице, возвращаясь, Урусова, Яковлева,

Дурасова, которые шли провожать государя. Вот, мой милый друг, как обошлось у нас в Собрании вчера. Все это так радостно для нашей семьи, что и ты будешь восхищаться с нами. Пашка мой вне себя, чувствует уже счастие свое, – и подлинно, иной большой едва видел государя, а этот крошка, быв на хорах, имел возможность и голос государя слышать.

Сию минуту получаю собственноручное письмо государя для отправления к фельдмаршалу в Варшаву. В 12 часов старшины являются во дворец для благодарения государя за сделанное городу счастие; но дела столько, что не успею.

Нашей братии 12 человек, поэтому мое отсутствие не заметят. Теперь, имея полчасика свободного времени, стану отвечать на письмо твое от 25-го, которое получил вчера. Да, брат, как ты пишешь, точно мы в радости, в восхищении, а кто больше меня? Ибо кого из нас государь не обласкал? Даже Пашку. Вчера мне одна дама говорила: «Боже мой, как вы счастливы, какие у вас дочери, как они обе красивы!» Она только эту видела сторону. Они могли бы быть и не прекрасны, а я все был бы счастлив ими, оставаясь при всем прочем.

Александр. Москва, 30 ноября 1833 года

Государь изволит ехать в санях. Я говорил графу Александру Христофоровичу, что хорошо было бы послать государеву коляску наперед, с тем чтобы она остановилась там, где кончится путь зимний, и ждала бы высочайшего проезда; зачем ей теперь скакать за санями и рисковать сломаться, да и не поспеет. В половине третьего еду к графу Бенкендорфу, кое о чем потолкуем, а там поедем вместе обедать к нашим Долгоруковым. По записке государь изволит брать 52 лошади.

Вчера хотя и не было танцев, вечер был блистателен. Было шесть живых картин, в коих участвовали графиня Ростопчина, маленькая Щербатова, Шернваль, Давыдова, М.Бартенева [Марья Арсеньевна, позднее Нарышкина], Лиза Пашкова, Лопухина. Потом Окулова пела кое-что, а после была сцена из «Роберта-дьявола» между Н.Пашковым и Бартеневой, которая вчера превзошла себя в пении и декламации. Государю очень понравилось, и после он просил князя Дмитрия Владимировича проводить его за кулисы, хвалил очень нашу примадонну и благодарил. За ужин садиться не изволил и большую часть ужина стоял за стулом Ольги и с нею разговаривать изволил. Много, много было вчера завистников! Ольга вперед не кидалась, очень была, как и всегда, скромна, сам государь изволил подходить к ней. Пожалуй, суйся вперед; этим только лишь надоешь. До живых картин государь изволил также встать между князем

Дмитрием Владимировичем и Ольгою и все время с ними разговаривал. Государь изволил к Наташе подходить, но я не имел счастия говорить с ним, зато в Собрании счастия сего удостоился раз пять.

Завтра буду писать на свежую голову, а теперь надобно кончить письмо к великому князю. Пишу с Адлербергом, коему его высочество поручил мне кланяться от него. Ежели найдешь минуту написать Ольге словечко за ее гостинцы, то приглашай мужа ее приехать хоть на месяц в Петербург, говоря о желании твоем видеть их; и право, приличие и благодарность требуют сего. Ласки государя были столь велики, что Ольга должна ехать благодарить его величество даже в Петербурге. Ежели бы Ольга не была так ласкова, мила, учтива со всеми, ежели бы совалась вперед, то много бы могла иметь она завистников и недоброжелателей; но она ведет себя умно и осторожно, не отнимает ни у кого места. Когда усаживались для концерта, то государь, видя ее проходящую, сделал знак глазами, чтобы подошла. Она будто не заметила, и тогда государь сказал: «Княгиня!» – и поставил ее между собою и князем Дмитрием Владимировичем, и все почти время разговаривал то с нею, то с князем, или разговор был общий трех. За ужином изволил подойти и, стоя за стулом, опять долго разговаривал.

Ай да наша Ольга! Я не знаю, как она делает, но она – всеобщая фаворитка. Сегодня дают они славный обед всем флигель-адъютантам государя: Урусову, Грессеру, Крузенштерну, Бутурлину, граф Толстому.

Ты помнишь прежние неудовольствия бедного П.П.Новосильцева (это все были, по его догадкам, козни Муханова, который вместо того сам слетел); теперь он так весел и доволен. Во время представления, когда князь Дмитрий Владимирович хотел его назвать, государь изволил сказать: «О, это старый наш знакомый, здоров ли ты?» Трех слов было довольно, чтобы воскресить человека, давно уже грустного. Однако же почти уже два часа, то-то у меня глаза слипаются, пора спать, лягу покоен и счастлив. Я столько имею поводов быть довольным!

Александр. Москва, 1 декабря 1833 года

Да благословит Бог путь его! Сию минуту возвращаюсь из дворца, мой милый и любезнейший друг, и начинаю письмо к завтрему. Государь изволил сесть в сани с верхом в 11 часов и пять минут, и отправился обратно в Петербург.

Имея свободное время, стану тебе рассказывать подробно все сначала.

Как писал я тебе, граф Бенкендорф обедал у наших Долгоруковых. По условию, заехал я за ним в три часа, сели в его карету и поехали, дорогою успели наговориться о всякой всячине. Александр Христофорович должен был обедать у государя, и когда отпросился к Ольге, то его величество изволил ему сказать: «Передайте мои комплименты княгине Ольге и скажите ей, что я хотел бы быть на вашем месте». Князю Дмитрию Владимировичу нельзя уже было не остаться. И так была только вся наша семья, граф и Адлерберг. Славно поели и попили, и все были очень веселы. Александр Христофорович рассказывал, как ехал сюда.

Князь Дмитрий Владимирович известил меня запискою, что государь будет вечером в театре Русском, чтобы ехали мы и пригласили всех знакомых, но нельзя было иметь ни одного уже места, посему граф Александр Христофорович дал знать Загоскину, что дамы наши будут в ложу министра двора, куда и он сам будет с нами. Так и сделалось, и мы сидели против самого государя. Пробыв с нами полтеатра, Александр Христофорович уехал готовиться в поход.

Давали акт из «Горе от ума», водевиль и балетик. Государь остался до конца. Посадив дам в карету, я поехал проститься с графом Александром Христофоровичем. Мне говорят: графа нет, уехал; я полагал, что поехал с кем-нибудь проститься. Я – к Адлербергу, чтобы вручить ему письмо мое к Михаилу Павловичу; и у него заперто. Неужели же след простыл? Я побежал на маленький дворик, где экипажи, слышу: «Прощай, любезный Булгаков», – и вижу Александра Христофоровича, сидящего уже в царской повозке. Мы поцеловались. «Уезжаете?» – «Да жду императора, должен сейчас подойти». И подлинно, через две минуты сошел государь в шинели и фуражке дорожной. «Прощай, любезный! – изволил он сказать и прибавил: – Я в театре попрощался издали с твоими дамами, передай им мои комплименты. Что знаешь о дороге?» – «Последняя почта, прибывшая сегодня, выехала из Петербурга на колесах, но за три станции напал снег, и всю дорогу до Москвы ехали на санях». – «Тем лучше, прощай!» И прыгнул в коляску в ту минуту, как я собирался поцеловать его в плечо. Сев, изволил сказать: «Что вы там положили? Ног нельзя протянуть». Выбросили оттуда чемоданчик. «Теперь хорошо. – сказал государь. – Прощай, князь!» (Князь Дмитрий Владимирович стоял со мною рядом.) Пошел, и тронулись! Не было тут совершенно никого. Сани, в которых изволил поехать государь, какого-то Александра Михайловича Нарышкина, дубовые, большие, с дышлом в шесть лошадей, окованы хорошо, с откинутым верхом; только мне показалось, что отводы недостаточно велики. И так могу сказать,

что я последнее лицо, которое государь видел перед отъездом его. Я совершенно покоен, все меры взяты, и везде лошади будут уже ожидать проезда царя – не так, как на пути сюда.

Как скоро прошли эти пять дней! Велико счастие наше было, хотя и скоротечно. Едучи из Кремля, я встретил Лесовского и полицию, все это опоздало. И как было думать, что спустя полчаса после того, как видели все государя в театре, его не будет уже в Москве! Я тотчас воротился к своим, и они верить не хотели, что государя уже нет в Москве.

Чем больше вспоминаю все милости его к нам, тем более сердце прыгает от радости. Сидя с Ольгою наедине в кабинете ее, я слушал ее рассказы и подробности разговоров государя с нею. Он между прочим сказал ей раз: «Не говорите мне о моей доброте, между нами дружба», – а говоря о крестнице: «Прошу вас сообщить мне о ваших предстоящих родах, поскольку я хочу быть крестным отцом всех ваших детей».

Потом говорил также о сожалении своем, что не исполнил желания быть здесь с императрицею: «Мое путешествие за границу расстроило все это, и потом печальные вести из страны; мне хотелось бы приехать к вам в Москву, чтобы развеяться и развлечься, а теперь не время праздников и наслаждений». О муже изволил спросить: «Что же делает здесь ваш муж?» – «Он по-прежнему служит при князе». – «Вы не собираетесь перебраться в Петербург?» – «Государь, прежде нам надобно хорошенько устроить дела». – «Хорошо, но не забудьте о маленькой поездке, о вашем обещании». – «Все, чего я желаю, – это ухаживать за императрицей и видеть моего дядю, который еще не видел меня замужем». Всего и не упомню теперь, что Ольга мне рассказывала; но ласки государя были столь велики, что она сама чувствует, что неловко даже иным оные пересказывать, кроме родных самых близких. Ольга у Голицына была просто, но прелестно одета и имела на себе царскую севинье, которая дала повод также к большому разговору о крестинах, тогдашнем времени и т.д.

Константин. С.-Петербург, 2 декабря 1833 года

Граф Бенкендорф писал к князю, по высочайшему повелению, о дурных лошадях на некоторых станциях и о задержках, кои имели свита государя и фельдъегеря; один должен был близ Москвы бросить почтовых и ехать на наемных. Пошлем исследовать, а ты получишь официально о сем же. Я полагаю, что лошади худо были подкованы, не для льда, а в таком случае они бежать не могут скоро. Если же где неисправно, то достанется смотрителям.

Константин. С.-Петербург, 4 декабря 1833 года

Говорят, что Горный корпус переходит к графу Толю и получит новое образование и новых начальников. Это будет лучше, ибо наш приятель Егор Васильевич и по летам, и по множеству других дел не может уже так деятельно им заниматься, особливо же теперь, и не живет в Корпусе. Скажи также Фавсту, что диплом его на дворянство – у подписания у государя, и Званцов надеется, что в сем месяце еще будет возвращение в Герольдию, и дело кончится.

Александр. Москва, 4 декабря 1833 года

Мы до сих пор все болтаем с Ольгою об одном. Ее разговоры были очень любопытны, и государь так часто изволил оные начинать с нею, что видно, что находил в том удовольствие; да и надобно признаться, что у нее и доброта, и откровенность, ум, любезность, оригинальность необыкновенные, а притом удивительный такт, что, по-моему, всего необходимее в обращении с государями, коим иной легко понравиться, но еще легче надоесть. Государь много ее приглашал в Петербург. «У меня же здесь, государь, все родные: отец, мать, свекровь, сестра; а в Петербурге я окажусь будто навеки с ними разлученною, потому что папа не может оставить Москву». – «Ну приезжайте хотя бы ненадолго». – «Ах, государь, я так этого желаю, дядюшка нам всем второй отец, и он еще не видел меня замужем». – «Ну так сделайте же это для вашего дяди, которого вы так любите».

Я, кажется, писал тебе, что государь изволил вызваться крестить всех будущих детей. Ольга, благодаря, сказала: «Папа очень любит маленького Николая и находит, что Сашка не так красива. У меня был план: если у меня будет еще дочь, красивее, я подменю ею Сашку и скажу вашему величеству: вот ваша крестница…» – «Так вы так-то? Обманывать… Но сердце мне подскажет, – прибавил государь, – которая моя настоящая крестница, или, скорее, которая старшая, ибо не забывайте, что я хочу быть крестным всех ваших детей».

Долго была о сем речь, и государь все шутил. Потом говорил также о Собрании. Ольга сказала: «Объявляли костюмированный бал, государь». Государь отвечал: «Я вам признаюсь, что бал был для меня все равно что костюмированным; я там нашел мало знакомых и довольно много новых лиц, но, будучи сам без маски, не нашел в том того же удовольствия, что другие», – и проч.

Пашковы к ней приставали: «Что вам говорил император?» – «Да ведь вы знаете, как он добр и любезен, он говорил мне то же, что всем говорит». – «Вот так так, он вас почти не покидал у княгини Голицыной, все время с вами разговаривал». – «Да, на

балу ведь всегда столько праздных вопросов: кто такая, а тот? за кем замужем? чей сын? и тому подобное». – Надобно бы ей ехать в Петербург; мне кажется, мужу не очень хочется, а должно бы противному быть, но у него какая-то застенчивость. «Я хотел бы, – говорит он, – сказать: “Ольга, вот тебе 5000 рублей, поезжай в Петербург, оставайся там сколько хочешь и возвращайся в Москву”». Мы все опровергали эту мысль и доказывали, как бы всякий другой муж желал быть на его месте и ехать в Петербург.

Пожалованы во фрейлины дочь слепого Гагарина и дочь Боде. Государь очень был доволен устройством императрицынова дворца, что был графини А.А.Орловой под Донским. В Кадетском корпусе какой-то кадет смотрел на государя издали с таким особенным чувством радости, что государь к нему подошел и спросил: «Что ты на меня так смотришь?» – «Как же вы меня не узнаете? Вы были у нас в коронацию, и я тот самый кадет, которого вы подняли на руки, поцеловали и изволили сказать: “Всех не могу, так тебя целую за всех”; мне был седьмой год тогда». Это сказав, кадет вдруг кинулся государя целовать, что государю было приятно, и его величество его обнял.

Купцы пожертвовали два миллиона. Князь Дмитрий Владимирович просил оные у Комитета министров, чтобы помешать возвышению цен на хлеб здесь, и на бедных, но ему было отказано, поэтому купцы сложились и сумму сию пополнили.

П.П.Новосильцев сказывал, что государь сказал Алексею Петровичу Ермолову за столом: «Ты знаешь, что в Париже носят шинели «по-ермоловски»?» На что этот отвечал: «Слышал, государь; но это жалкий памятник: поносят да и бросят!»

Константин. С.-Петербург, 7 декабря 1833 года

Какой великолепный был бал в Белой зале! Турки глаза растаращили, сколь они теперь ни кажутся образованнее. Посол без бороды, молодой человек, хорош собою; отними у него эту глупую шапку, так тот же казацкий генерал с азиатским, и то не очень, лицом. Он танцевал польский с императрицею, ужинал за ее столом с австрийским послом и статс-дамами, и в его обращении я ничего не нашел ни странного, ни принужденного. Бал начался в девять часов и с ужином продолжался до двух. Государь, императрица, великий князь, великая княгиня изволили со мною говорить, и очень милостиво. Государь подошел: «Честь имею донести тебе, что брат твой, сестра, племянница и племянник здоровы». – «Благодарю ваше величество за приятное известие и за все ваши к ним милости. Но будут ли племянницы сюда?» – «Надеюсь, обещали».

Изволил говорить о путешествии, о Москве и проч. Скажи же своим дочкам: «Надеюсь, обещали». Непременно надобно слово сдержать после стольких милостей. Буду их ожидать; милой Наташи не дождешься с ее фабрикой и хлопотами с Обресковыми, да, вероятно, деньги нужны на расплату с сестрицею, но почему Кате не ехать с Ольгою? Вы себе устраивайте как хотите, а подавайте их сюда.

Утром вчера несколько дам было в новых костюмах; красавиц еще более украшает, а дурным не к лицу. Описать не умею: род сарафана, на котором русское платье с особенными рукавами, на голове – кокошник с длинным вуалем или фатою, а у девушек – повязки, бархатные, шелковые, парчовые или с другими украшениями, или просто. Когда будут рисунки, пришлю, а между тем попрошу какую-нибудь даму сделать описание; но полагаю, что верно у вас уже известно.

Давно не видел я двор столь блистательным, как вчера и утром и вечером: уж подлинно двор русского царя! Возле Белой залы отделана комната с портретом Петра I чудесно! Возле нее большая зала, переделанная из передней и той, где стоял караул казачий, превеликая. В ней портреты фельдмаршалов; поставлены уже Таврический, Задунайский, Рымникский, Забалканский. Портрета Паскевича еще нет. Теперь из этой залы вход прямо в аванзал, что возле Большой купеческой залы, где в больших балах бывает ужин: следовательно, цепь больших и великолепных зал, не перерезанных, как было прежде, темной передней, которую должно было чем-нибудь скрывать.

Константин. С.-Петербург, 8 декабря 1833 года

Радуюсь за Долгоруковых, что всех будущих детей будет у них крестить наш ангел, но пусть же и они меня и нас всех утешат: приедут себя показать сюда, хоть на короткое время. Одну Ольгу, без мужа, не принимаем, нам надобно обоих, а то и она не будет так любезна, и мы не так радоваться. Да что он за провинциал, так сделался тяжел на подъем? Впрочем, государь мне сказал: *надеюсь, обещали,* так я уверен. Полно о сем трактовать: надобно ехать, да и только.

Не слыхал, чтобы купцы ваши поднесли государю 4 или 2 миллиона для нуждающихся от урожая, а это было бы кстати. Спасибо им: знают, что его сердцу приятно.

Константин. С.-Петербург, 9 декабря 1833 года

Добрый Захар Николаевич [сенатор Посников, друг графа С.Р.Воронцова] вчера вечером скончался. Дай Бог ему царство небесное! Был честный и приятный человек. Последнее время был

все уже без памяти, но до тех пор добр духом и все собирался в Сенат, как скоро бы переведен был Сенат в его соседство. Мне его жаль сердечно. Он нас любил и был по-своему любезен.

Новую национальную песнь я слышал. Львов (отец сочинителя оной, того, что славно на скрипке играет) пригласил меня на репетицию у придворных певчих. Мне она очень понравилась. Не знаю, какую у вас пели, сочинения князя Голицына? Львовская заменить должна «Боже, храни короля», по которой пели слова Жуковского: «Боже, спаси царя».

Константин. С.-Петербург, 10 декабря 1833 года

Наперед дай себя обнять и поздравить с царскою милостью, которая, верно, меня не менее обрадовала тебя самого. Теперь в руках у тебя орден Св. Анны 1-го класса и высочайший рескрипт, из которого увидишь, что теперешняя твоя служба награждается и долговременная не оставлена без внимания. Прежде отъезда государя решено было со стороны доброго нашего князя напросить тебе орден сей. По возвращении, князь в воскресенье не мог докладывать; в понедельник государь сказал, что если успеет, то за ним пришлет, но за занятиями и этот день так прошел; наступил вторник, канун 6-го, а князю и мне особенно хотелось, чтобы в день, для всех русских радостный, и ты был особенно обрадован, не отлагая награды до Нового года; тут же бы ты наградился один.

Вечером во вторник князь поехал поздравлять государя – как обыкновенно, накануне; тут же ему назначен доклад, и тут государь соизволил на пожалование тебя. В день праздника невозможно было поднести рескрипт к подписанию, но на другое утро рескрипт был подписан, послан в Капитул для приложения печати и исполнения прочих форм, а оттуда теперь лишь только мы его могли получить, но ты пожалован 6-го числа. Дай же себя еще раз обнять покрепче. Щеголяй, мой милый друг; приятно щеголять в том, что по всей справедливости заслужил. Сожалеть буду, если какой-нибудь нескромный наперед уведомил тебя, мне бы приятно было быть первым, но более меня, конечно, никто на свете не обрадовался. Виельгорский, Вяземский и многие другие, Полетика, Шредер, все мои домашние тебя усердно поздравляют.

Константин. С.-Петербург, 11 декабря 1833 года

Вчера принимал турецкий посол. Я ездил, настоящие китайские тени. Пробыл у него с четверть часа, поговорил о Воронцове – и домой. Завадовский всех представлял и называл: комиссия не бездельная. Обедал я у Воронцова [то есть у графа И.И.Воронцова-Дашкова] запросто, он не очень здоров. Куда как

хороши его органы! Я их с большим удовольствием слушал. Сегодня предстоит нам печальная церемония: похороны доброго Посникова.

Вышло по-моему: русская народная песня точно та, что сочинил Львов, и которая мне очень понравилась, большой делает эффект. Пора было нам завести свою песенку. Все эту будут петь с душевным умилением и усердием. Здесь ее в первый раз будут петь в инвалидном концерте, где будет, вероятно, и государь.

Александр. Москва, 11 декабря 1833 года

Богатая мысль – собрать портреты наших фельдмаршалов со славными наименованиями. Иной и при отличном служении да не попадет туда, например, князь Репнин, который мог бы быть Мачинским. Ну, а будут ли тут Чесменский, Крымский? Экая отборная компания! А я уверен, что портрет, который во дворце, не так хорош и сходен, как мой; я говорю о портрете князя Потемкина, за коим Воронцов так волочится.

Константин. С.-Петербург, 18 декабря 1833 года

Львову немного будет неприятно, что ты не нашел в песне простонародной мелодии, а он мне именно доказывал, что она есть, да и точно, пропел мне русскую песню, весьма схожую.

Награды себе иной не жду: ибо, кроме того, что награждаем всегда был свыше заслуг, нет двух лет, что получил Белого Орла. Я на этот счет всегда спокоен и не мучаю себя, как многие знакомые, надеждами, претензиями, ожиданиями, как скоро приближается какой-нибудь праздник. Делаю свое дело и на опыте знаю, что за Богом молитва, а за государем служба не пропадает. Мое одно желание, чтобы дело шло хорошо, а из отчета государю, который ежегодно подается и с коего тебе пришлю копию, усмотришь, что, слава Богу, не назад, а вперед идет и действиями, и доходами. В 1832 году было дохода на 2 миллиона более 1830-го, и кое-что в 1833-м сделано нового и полезного.

Александр. Москва, 25 декабря 1833 года

Что это у вас за чудеса были со стульями у какого-то конюшенного чиновника? Только и разговора здесь. Ты не пишешь об этом, но Вяземский мне намекает. Какие ни представляют подробности, я не верю, но весьма любопытен знать развязку дела, поступившего официально, как говорят, к министру двора и утвержденного присягою двадцати лиц. Здесь дамы перепуганы. На балу у Щербатова рассказывали о стуле,

переходящем с места на место сам собою. Бартенева (мать) ужасно перепугалась и сказала, дрожа: «Ах, какие страсти! Ну, как это и в Москву перейдет?» – «Да разве это холера?» – сказала Катенька. Не поверишь, как нас насмешил этот простой, но неожиданный ответ Катеньки. Другие дамы, видя также тут как будто светопреставление, крестятся и крепко надеются на московских угодников. Такая тревога, что не поверишь.

1834 год

Константин. С.-Петербург, 5 января 1834 года

Наш детский приятель Александр. Саблуков, бывший под судом за отчеты и, кажется, отставленный, совершенно оправдан; ему велено возвратить все удержанное у него в течение многих лет жалованье и определить в службу. Я очень этому рад, ибо никогда не полагал его склонным к злоупотреблениям. Третьего или четвертого дня умерла наша старейшая знакомая Наталья Алексеевна Колтовская. Она была в ссоре с детьми, но примирилась перед кончиною.

Константин. С.-Петербург, 6 января 1834 года

Завтра назначен был бал во дворце, в Концертной зале; но вчера приехал камер-лакей сказать, что за нездоровьем государыни бал отменяется. Я слышал уже утром вчера, что ее величество несколько простудилась и кашляет.

Константин. С.-Петербург, 12 января 1834 года

Александр. Строганов сделан товарищем министра внутренних дел по представлению самого Блудова. Выбор очень хорош: человек умный, благородный и расположенный к добру. Князь Кочубей было занемог, однако же я посылал сегодня, – ему лучше. Кажется, опять было поднялась подагра. На место Строганова в Варшаву – генерал Головин. Сегодня вечер у великого князя, куда и я приглашен.

Константин. С.-Петербург, 13 января 1834 года

Я приехал с бала домой в 4 часа. Было человек сто и очень весело. Так как я не танцую, то играл в вист и выиграл три роббера. Имел счастие говорить со всей императорской фамилией. Ты знаешь, как милостивы. Великий князь, между прочим, говорил о Косте: «Я поругал нашего молодого человека, и все за математику. Все идет очень хорошо, очень я им доволен, но с математикою беда; племянник твой уверен, что старается, но в голову не лезет». Я ему ответил, что надобно удвоить старание, и, верно, не останется без успеха, ничего нет невозможного. Спрашивали об вас и его и ее высочества.

Императрица изволила говорить о Соне, спрашивала, скоро ли ее будем вывозить, и очень лестно отзывалась, понаслышке, на ее счет. Лунин сделан главным директором императорских военно-конских заведений и председателем Управления оных, на место Козенса.

Константин. С.-Петербург, 20 января 1834 года

17 градусов мороза, кои нас не покидают почти. Государь с императрицею и принцем Оранским вчера изволили уехать в Петергоф, сегодня будут в Кронштадте и потом назад сюда к вечеру.

Константин. С.-Петербург, 22 января 1834 года

Вчера в Думе ордена Св. Анны, в Георгиевской зале, был я очень обрадован, увидев Новосильцева. Мне кажется, он очень поздоровел; наговориться еще не успели, но об вас он мне все сказал. Во время Думы княгиня Софья Григорьевна прислали просить к матушке своей меня и Дмитрия Васильевича Васильчикова. Это было для подписания духовного завещания княгини Александры Николаевны, которая очень слаба и вряд ли выздоровеет.

Константин. С.-Петербург, 2 февраля 1834 года

Я не знаю, знаком ли ты с прекраснейшим человеком графом Петром Паленом. Он сегодня со своим братом Федором отправляется в Москву на несколько дней, посетить больного третьего брата, графа Павла. Я советую тебе с ним познакомиться и прошу, если нужны ему будут твои услуги, ему в них не отказать.

Ольга должна представляться в воскресенье; жаль, что еще не представлялась: вероятно бы, ее позвали на бал завтра во дворец. Впрочем, будут еще балы. Боюсь, что не будет их у князя Петра Михайловича: он сделал уже приготовления; но старуха-теща так больна, что нет надежды, чтобы могла долго еще прожить. Вчера посылал, ей было еще хуже.

Константин. С.-Петербург, 5 февраля 1834 года

Доброе дело – лотерея для бедных. Делайте добро, сколько можете, по примеру Воронцовых одесских. Бутенева я видел на балу во дворце; все такой же скромный и добрый малый, как я его всегда знавал. Не хочется ему возвращаться в Царьград: опять траты. Говорят, что ты хочешь дать праздник послу. Никак не советую. Из каких доходов и для какой цели? Чтобы стали кричать после. Прошу тебя не затевать подобных проказ, да в этих турках и любезного ничего нет.

Константин. С.-Петербург, 6 февраля 1834 года

Фельдъегерь Михайлов приехал из Италии, был в Генуе у Закревского и привез мне от него письмо. Скучает, несмотря на

прелестную погоду и на распустившиеся розаны. О возврате сам еще ничего сказать не может. Все зависит от здоровья графини. По крайней мере, в Генуе ему не так скучно: там Паулуччи, который очень к нему хорош, и добрый наш школьный товарищ Гейдекен.

Константин. С.-Петербург, 23 февраля 1834 года

Вот явился генерал Головин. Не дают пописать, да и только! Он едет в Варшаву и, вероятно, просить будет о чем-нибудь. После Головина явился инспектор Безобразов, потом купец-немец, с которым у меня идут большие переговоры. Он выдумал (как говорят) средство, во время невозможной переправы через реку, доставлять через оную письма и пакеты. Я давно приискивал такое средство, но все неудачливо, хотя Берд и другие о сем старались. Просит же он, если опыт докажет справедливость и верность его изобретения, определить его для почты с чином 14-го класса. Издержки невелики, все расходы на 10 лет составят 1000 рублей. Увидим, что из этого будет. Весьма желаю немцу успеха. Прошлой осенью дней пять не было сношений; каково это для тех, кои имеют на другом берегу людей, сердцу близких, не говоря уже о денежных делах?

Ну если бы мы с тобою были таким образом разлучены? Приятно бы было иметь средство сказать, по крайней мере, что здоровы. Дело хорошее, если так все, как он говорит.

Константин. С.-Петербург, 26 февраля 1834 года

Вчера был бал в Концертной зале, прекрасный и очень веселый. Долгоруковы были приглашены. Обыкновенно камергеры и камер-юнкеры бывают только тут дежурные, Долгоруков был на нем не как дежурный, ибо он таким не был назначен, а был в числе приглашенных. Милость особенная. Что весело было Оле, за то ручаюсь. Танцевала беспрестанно, за ужином сидела возле государя, который иногда изволил садиться не за большим столом, где императрица, но за одним из маленьких. Она сама тебе, вероятно, все опишет, а я скажу только мое восхищение от милостей к моей Ольге императорской фамилии. С бала мы их завезли домой. Дорога сквернейшая, я и днем трус ехать в карете; ты можешь посудить, каково мне было ночью. Государь очень милостиво говорил со мною о многих почтовых делах, между прочим – о проекте Воронцова насчет преобразования некоторых трактов Новороссийского края. Проект прекрасный, которым, кажется, и государь очень доволен. Теперь пересматривается у нас в совете почтовом, а после будет пересмотрен в особом комитете, по высочайшей воле

назначенном. Императрица также требовала от жены, и после мне приказала, детей привести в субботу на детский маскарад в Аничков.

Ну уж Масленица! Всякий день балы. Сегодня у Шуваловых, завтра у Лазаревых, и французские актрисы дают маскарад в пользу какой-то вдовы, на который также много собираются; в среду – у австрийского посла, в пятницу – у князя Волконского, в субботу – детский маскарад во дворце, а в воскресенье, говорят, – маленький бал в Аничковом дворце, так как князь Кочубей еще нездоров и не может дать обыкновенного своего танцевального дня.

Константин. С.-Петербург, 28 февраля 1834 года

Лазаревский бал был прелестный. Было очень много хорошеньких дам. Оттуда в первом часу поехали мы с Манычаром и Вяземским и еще человек двадцать в маскарад в дом Энгельгардта, который давали французские актеры в пользу какой-то вдовы-актрисы, у которой муж умер от холеры в Москве. Содрали с нас по 25 рублей, собрали человек 400 мужчин, а дам только было актрис и танцовщиц человек 20. Полагали, что много приедет в маскарад из городских дам; но их было так мало, что жена и Ольга, бывшие маскированы, разумеется, пробыли с полчаса, да и домой уехали от скуки, а мы пошли ужинать. И тут неудача; сквернейший ужин со скверным вином, за который содрали с меня с Варламом 25 рублей. Совсем спим, мы домой приехали в три часа, а в девять я был уже с докладом у князя.

Константин. С.-Петербург, 1 марта 1834 года

Новое положение о мундирах, сказывали мне, утверждено государем. В почтовом, кажется, перемены не будет, но только распределение, кому какой степени шитье носить, – не по чинам, а по местам; иным придется спороть часть шитья, например, в коллегии. Виельгорский Матвей – статский советник, носил шитье на карманах; но он также вице-директор департамента, а потому не будет уже иметь его. Дамские платья тоже утверждены; положительно всякая будет знать, что ей носить. Это также хорошо.

Константин. С.-Петербург, 2 марта 1834 года

Вчера утром, то есть в 3 часа, отделавшись, пошел в театр, в нашем соседстве, смотреть балет «Маскарад» и посмеяться. Застал еще танцы прелестные мадам Пессар. Ольга у нас обедала, муж ее – у Геккерна. Вечером маскарад у Энгельгардта в доме, на коем были государь и великий князь. С Ольгою государь

парировал, что ее узнает, и, встретив меня, сказал, что пари выиграл. Чтобы не дать себя узнать, Ольга ко мне и не подходила. Она была с Юсуповой.

Константин. С.-Петербург, 3 марта 1834 года

Вчерашний бал князя Волконского был прекрасный. Мы уехали тотчас после ужина и были дома в 4 часа, между тем начались опять танцы и, вероятно, кончились очень поздно. Ольга беспрестанно танцевала. Ей будет что вам описывать. За ужином она опять сидела между государем и великим князем. Государь очень долго изволил со мною говорить, между прочим сказал, что выиграл у Ольги пари, узнав ее в маскараде. Сегодня, после детского маскарада, изволит ехать в энгельгардтовский. Узнав об этом, вероятно, многие приедут. Государь говорил мне о детях, вспомнил, что летом, на балу у Бобринской, видел Соню из окошка, и хвалил ее. Она точно была с матерью в саду и смотрела в окно на танцы. Сегодня увидит и ее ближе, и Машу; костюмы их просты и, кажется, хороши. Был разговор о Сашке. Государь одобрил, что он входит в кавалергарды, одним словом, крайне был милостив. Ольга еще не прислала своего письма к вам. Я чаю, долго проспала. Я не понимаю, как дамы долго выдерживают: всякий день танцы, а не дадут и отдохнуть, разве только во время вальса.

Не удивляюсь, что Рунич просил о помещении его на место Одинцова, ибо на все места просится; но это нельзя. Он, вероятно, будет к вам прикомандирован, а причислен в департамент, ибо просит за него брат его, служащий в Государственном совете. Будет хорошо, если сможешь, со временем, дать ему штатное место. Он способен, хорошо пишет, так употреблять его можно. Также другого вам дадут, о коем просил Лонгинов; но этому жалованье не нужно, а только занятие. Как же быть и нам, коли нет отбоя от просящихся? Теперь лавка закрыта, никого уже сверх штата принимать не будем до поры до времени.

Бриоски государь пожаловал 300 рублей за его картину Пожарского, которую приказал поместить в Кремлевском дворце. Бриоски поднес литографию Москвы. Тебе пришлет экземпляр. Хорошо, если бы ему Москва сделала подарочек деньгами: он человек бедный, болен и должен ехать на год в отпуск в Италию. Князь очень его обласкал и, верно, будет еще покровительствовать; но и ты его не оставь, порекомендуй его голове, которому он также посылает экземпляр литографии, а другой – Гудовичу.

Константин. С.-Петербург, 6 марта 1834 года

Сестра графини Нессельроде Сверчкова очень опасна. Ей третьего дня вечером сделался удар, пустили кровь, приставляли моску, шпанские мухи, – все без пользы до вчерашнего вечера; тут немного показалось действия, но она все еще была в забытьи. Сейчас посылал, – все в том же положении; однажды только пришла в себя, узнала детей и свершила долг христианский. Бог милостив. Надежды доктора не имеют, но все в руках у Бога. Добродетельная, умная женщина, притом же трое малых детей остались бы сиротами. Больно сердцу и подумать об этом.

Константин. С.-Петербург, 8 марта 1834 года

Сверчкову хоронят завтра в церкви, что на Александровской фабрике, где положены ее отец и мать. Множество съезжается на панихиды утром и вечером, много бедных по ней плачут, много она делала добра. О ней всеобщее сожаление.

Константин. С.-Петербург, 12 марта 1834 года

Великий князь в субботу пил чай у Ольги и изволил пробыть от восьми до одиннадцати часов, впрочем, она тебе сама все опишет. Спасибо ей: по просьбе моей нашла удобность переговорить с его высочеством о Косте Зубкове и объяснить ему несчастное его положение и мои затруднения насчет его будущности. Просила его совета и покровительства, он обещал последнее и велел прислать ему записку, обещая его пристроить. Дай Бог, чтобы так и сделалось. Очень, очень я моей Ольге благодарен и за то, что взялась, и что умно все уладила. Авось, я скоро насчет него успокоюсь. Жаль несчастного мальчика. Я с первого дня его рождения привык его любить; все, что от меня зависело, для него сделал, но далее не в моей возможности было устроить его участь.

Здешнее дворянство дает праздник государю на Фоминой неделе, который будет стоить 100 000 рублей. Берут для этого дом Нарышкина и на дворе пристраивают большую залу для ужина. И я, имея здесь дачу, буду участвовать, чему я рад. Князь Василий Долгоруков главою всего, и, верно, будет достойно и дворянства, и дорогих гостей.

Константин. С.-Петербург, 16 марта 1834 года

Посылаю тебе вышедшее положение о мундирах, для тебя только, ибо хоть оно и напечатано, но еще не продается и не рассылается, на что нужно особенное повеление.

Для нас с тобою нет перемены, а многим и нашим придется спарывать карманы, например, моим помощникам.

Константин. С.-Петербург, 17 марта 1834 года

По указу о находившихся по герольдии много знакомых отставляются на основании существующих постановлений.

Тайный советник: князь Федор Голицын (не знаю, какой), Петр Иванович Юшков, Семен Щербинин, Леонтий Козловский. Действительный статский советник: Дмитрий Бантыш-Каменский, Николай Пражевский, Александр. Тургенев (но это, говорят, бывший губернатор), Василий Кочубей, Александр Равинский, Аполлон Майков.

4-й класс: Василий Путята, Петр Бибиков. Статский советник: князь Балыи, Александр Меликов, Алексей Муромцев, Варфоломей Боголюбов, Степан Мельгунов.

Константин. С.-Петербург, 19 марта 1834 года

Трагическое приключение Карцевой с прибавлениями: муж ее не убил, не обезобразил, а пугнул порядочно. По крайней мере, я так слышал от его знакомых. Головкин назначен куратором; но для этого не нужно ему жить в Харькове, а только иногда туда ездить.

Константин. С.-Петербург, 21 марта 1834 года

Скажу Вяземскому, чтобы он приготовился на прием мамзель Карл, только, я чаю, теперь ему не до нее будет. У него была *прекрасная просительница*, и он все приступал ко мне, чтобы узнать, где она живет. К тому же приехала Гайнфатер, которая и сама хороша и у которой сестра – большая красавица. Эта также поет, а за двумя певицами, хоть он и сам поэт, трудно волочиться.

Немец один, Шоль, подал мне проект, во время, когда нет сношений между двумя берегами, доставлять сумки с письмами. Секрета его не знаю, ибо не хотел его знать, но с ним сделал условие: если окажется проект удобным к исполнению, то получит награду. А как хорошо бы, кабы удалось: я давно о сем хлопочу.

Константин. С.-Петербург, 23 марта 1834 года

Хлопоты у меня с мундирами. Придется литографировать хоть воротники, чтобы разослать всем местам; благо, дозволено один год донашивать, так успеем распорядиться, но здешним надобно бы скорее одеться согласно с положением. Мой мундир был старенек, так надобно будет к празднику сшить новый.

Вчера я гулял пешком по Невскому: точно раут. С тех пор, что императрица там изволит гулять, весь город собирается. Мы встретили с нею императора. Сердце радуется, глядя, как толпа так за ними и следит.

От Воронцова получаю регулярно по два письма в неделю. Много они собрали денег для нуждающихся от неурожая. Наш князь Александр Николаевич собрал для них много денег. Где речь идет о добром деле и о вспомоществовании, то он всегда тут, всегда готов содействовать.

Константин. С.-Петербург, 24 марта 1834 года

Дело о Косте Зубкове начинает принимать серьезный ход. Вчера был у меня адъютант князя Долгорукова (Ильи), что при великом князе, и показал мне заготовленное предписание о принятии его кандидатом в Артиллерийское училище. Это там, где Шафонский, Сережа Макеровский, Багратион и др. По выдержании экзамена в августе может быть принят совершенно, и тогда все хлопоты кончатся. Будет хорошо учиться, так выйдет в офицеры и сделает себе дорогу.

Ох, ты провинциал! Разумеется, на балах во дворце мы должны быть в башмаках и белых штанах. С чего ты взял, что в ботфортах и зеленых панталонах? Да и гусары не бывают в сапогах. И еще спорил ты о сем с великим князем!

Константин. С.-Петербург, 26 марта 1834 года

Вчера у князя не было обедни, а потому я мог отслушать обедню в своей церкви. Множество было народа.

Третьего дня я обедал у Воронцова с обоими Паленами, которые очень твоей ласкою хвалились и велели тебе кланяться. Был там и фельдмаршал, коему я выговаривал, что он не покажет себя Москве. Он ее очень любит, но всегда должен торопиться отсюда, когда здесь бывает, в Варшаву и не может ехать чрез древнюю столицу. Обед был славный и веселый. В тот день Гайнфатер пела у князя Волконского, где изволила быть императрица. Концерт для того и был, чтобы их величества имели случай ее в комнате слышать. Не знаю еще, как обошлось; между тем в среду она дает концерт в театре, 100 рублей ложа. Ох, много!

Константин. С.-Петербург, 27 марта 1834 года

Мой добрый Либерих, экспедитор приходящих иностранных почт, умер сегодня. Жаль его: служил лет сорок, и хорошо. Множество уже явилось на его место кандидатов; но, следуя моему правилу, я тотчас просил у князя утверждения на его вакансию помощника его, статского советника Шнейдера, который также давно и хорошо служит. Теперь пусть другие себе хлопочут, дело кончено, а то так с руками все отрывают места.

Константин. С.-Петербург, 31 марта 1834 года

О мундирах: ботфорты могут носить только чиновники пяти первых разрядов; прочие имеют брюки и сапожки со шпорами, разумеется, белыми. Мы с тобою можем также быть в брюках со шпорами с мундиром, только не во дворце. Ну понял ли? А Мельников Иван Андреевич и теперь беспрестанно ходит ко мне с новыми вопросами насчет мундиров, между прочим – нужны ли ремешки под брюками?

Аукцион князя Свиньина начался. Множество всякий день там бывает, и довольно продается дорого. Есть вещи очень любопытные. Я не хожу и потому, что некогда, да и чтоб не соблазняться.

Сестра жены Володи Пушкина, приятельница Ольги, выходит замуж за Муханова. Жена была у Моден третьего дня, дочь ее приехала из дворца и слышала это от императрицы.

Константин. С.-Петербург, 9 апреля 1834 года

В субботу я обедал на старшинском обеде в клубе; было много народа, как обыкновенно, а впрочем, – скучно. После обеда выкурили с Манычаром сигарку, полюбовались игре Тюри, который делает 47 вперед и еще выставку, с тем, что из трех одну партию выиграет, и частехонько все три проигрывает сряду.

Вчера был у обедни у князя, где видел генерал-адъютанта Храповицкого, жениха. Он будет венчаться на Фоминой в церкви князя, и государь будет у него посаженым отцом. Сказывали мне, что Ренкевич, губернатор, кажется, вятский, умер. Закревский будет о нем сожалеть.

Константин. С.-Петербург, 14 апреля 1834 года

Никогда я не видал столько народа, как вчера в концерте в пользу Патриотического общества. Я пробыл только начало, но не мог снести жару и давку. Множество дам принуждены были стоять. Государь и императрица удостоили концерт своим присутствием. Государь, пробыв немного в ложе, сошел в залу с великим князем и наследником, и все время там простояли. Весь бомонд был.

Константин. С.-Петербург, 20 апреля 1834 года

В Светлое воскресенье, в половине второго часа пополудни, велено собираться во дворец по случаю совершеннолетия наследника. Вот тебе церемониал, который Виельгорский велел к тебе доставить. Нести корону будет Мордвинов, а скипетр – князь Кочубей с ассистентами. На другой день съезжаться к обедне и для поздравления императрицы с тезоименитством.

Константин. С.-Петербург, 30 апреля 1834 года

Великая новость. Надобно бы ее описать, как мадам Севинье описывала какую-то свадьбу, или дать тебе отгадать; но первое не по моему перу, а последнее – ты бы себе напрасно голову ломал и, вероятно бы, не отгадал; так лучше сказать тебе просто: Воронцов женится на дочери Кирилла Нарышкина. Он мне о сем объявил с восхищением. Давно бы так! Лета не совсем в пропорции, ибо ей только 16 лет; но это не препятствие к счастью. Ее очень хвалят, а его мы знаем. Если не будет она счастлива, то сама будет в том виновата, потому что благороднее, добрее и лучше человека нигде бы не нашла; если же он не будет счастлив, то ей будет грешно. Но я полагаю, оба будут благополучны, чего им от всей души желаю.

Обед третьего дня во дворце был великолепный, на 400 приборов. Гайнфатер и Корн пели, у первой голос преогромный, да и вторая хороша. Я сидел между Полетикою и Лонгиновым, а после был в опере Фенелла, где моя фаворитка и фаворитка публики мадам Пессар удивительно танцевала болеро.

Говорят, после графа Аракчеева не нашли никаких распоряжений насчет имений; стало, только и есть указ покойного государя Сенату, коим утверждается духовная, которую представил граф, и графское достоинство перейти должно было к тому, кого он изберет своим наследником. Но духовной нет. Это а-ля Рушковский. Впрочем, у него есть брат; стало, есть и наследник.

Ну уж бал был вчера! Дворянство подлинно отличилось. Я не знаю, чего тут недоставало, разве птичьего молока. Так хорошо было все устроено, что мы, и вообще все, подъехали без малейшей остановки, тогда как было карет, может быть, 800 или более, и полагали, что часа два останемся в дороге. Иллюминация была превосходная, внутреннее освещение чудесное, уборная комната императрицы вся в цветах, а в средине боскет из настоящего виноградника с висячими кистями винограда. Для великой княгини Елены Павловны также была сделана прекрасная уборная. Их величества изволили прибыть в 10 часов с наследником и великими князьями. Было очень много, а нельзя сказать, чтобы была теснота. Зала, вновь выстроенная для ужина Брюлловым, также прекрасная; жаль, ее сломают, ибо деревянная.

Танцевали много. За ужином пели Гайнфатер и Корн. Кроме сей залы и другой, которая в доме, проломлена была дверь в соседний дом, где были накрыты столы, говорят, всего 1200 приборов. Я нашел себе местечко между Алиною и Лазаревой; стало, и за ужином мне не было скучно. Этот праздник мне

напомнил балы Благородного собрания, когда ездили туда в мундирах и бывало до 2000 человек в присутствии государя. Разные мундиры, и губернские, и отставные, множество дам, и очень хорошеньких, новые лица – все это напоминало мне Москву. Я заметил это и государю, который отвечал: «Правда. А Москва! Как всегда приятно мне о ней вспомнить». Спросил о вас всех. Мы уехали тотчас после ужина в 3 часа. Описание этого достопамятного праздника, вероятно, будет в «Северной пчеле». Я там видел Греча; следовательно, я только скажу, что праздник этот в роде тех, кои мы видели во время коронации, но еще великолепнее, ибо стоил 140 000 рублей.

Константин. С.-Петербург, 1 мая 1834 года

Вчера у нас в церкви венчали фрейлину Бакунину с отставным капитаном Полторацким. Невесту ты, я чаю, знаешь: она внучка Саблукова-старика; по крайней мере, мать ее ты помнишь еще с Охты во время оно. Тогда мать невесты была еще девицею, а теперь и невеста-то уже не в первой молодости.

Графа Орлова видел я на балу во флигель-адъютант -ском мундире казачьем, очень к нему пристало. Он никак не ожидал этой милости. Здесь также многие называли жезлом трость, пожалованную князю Волконскому, но только не фельдмаршальским, как у вас.

В четверг обедаю на большом обеде у жениха Воронцова, а завтра – в Коммерческом клубе, который празднует совершеннолетие наследника. В тот же день Демидова, бедная девица, но со славным голосом, дает концерт, в котором будут петь Гритти, Волконский, Виельгорский и др. Бедный Бриоски чуть было не умер. Что же вы для него сделаете? Он теперь просится на год в Италию, да и нужно ему; иначе доктора сулят ему смерть. Похлопочи за него.

Константин. С.-Петербург, 2 мая 1834 года

У нас только и слышно, что о свадьбах. Дочь сенатора Новосильцева, вашего московского, вышла замуж за Супонева; Философов, адъютант великого князя, женился на Столыпиной. Воронцова свадьба будет в сентябре, его невеста едет с матерью к водам. Княгиня Софья Волконская и графиня Нессельроде отправляются также к водам с первым пароходом. Граф Строганов-отец завтра отправляется также лечиться с женою за границей на полтора года.

Константин. С.-Петербург, 8 мая 1834 года

Любящие Ванишу рады его свадьбе, а здесь нашлись и

критики: да она слишком молода, да то, да другое; а по-моему, она делает хорошо, и я уверен, будут счастливы. Свадьба будет в сентябре. Она точно не красавица, но красота не есть необходимое условие для счастия, особливо в жене; была бы красота души, а без телесной можно обойтись.

Константин. С.-Петербург, 12 мая 1834 года

Ох, милый Виельгорский отнял у меня сегодня более часа времени: пробовал у меня со своими певчими новое свое сочинение, молитву херувимскую. Прекрасная, и пропели очень хорошо.

Парад вчера совершенно удался. Я сам не был, а жена смотрела из дома Салтыкова. Все были восхищены нашими молодцами. Вечер провели мы дома, как обыкновенно.

Константин. С.-Петербург, 15 мая 1834 года

Государь с императрицею завтра прибудут на Елагин, где будет свадьба князя Урусова. Их величества изволят там пробыть три недели. Императрица, говорят, будет там пить воды. Точно приятные острова! Мы первые переезжаем; но я уверен, что в течение недели все будет наполнено.

Константин. С.-Петербург, 17 мая 1834 года

Вчера обедал у нас на даче князь Петр Михайлович [Волконский], а вечером опять приехал. Он живет в своем домике на Каменном острове, который теперь оживился от августейшего соседства. Многие уже переехали: Нессельроде, Лазаревы, нанявшие одну из дач Добровольского, Грот. Кабы время поправилось, так все бы пошло славно. Дачу, возле меня, бывшую Солового, купил Браницкий.

Константин. С.-Петербург, 23 мая 1834 года

Не думаю, чтобы теперь государь к вам поехал; разве позже, с прусским наследным принцем, которого сюда ждут, но когда, не знаю. Он будет жить в ферме, за дачей Строгановых, где жили летом князь Кочубей и Загряжская, а эта сделалась моей соседкою: наняла дачу Энгельгардта, где жила Мамонова два года тому назад.

Константин. С.-Петербург. 25 мая 1834 года

Благодарю тебя за описание торжественного для князя Дмитрия Владимировича дня. Он заслужил его. Только, как я хорошо понял, бюст его ему же поднесен, с тем чтобы остаться в его фамилии. Для чего же не поставить его навсегда в Думе или

зале Купеческого собрания в Москве? Пусть бы лучше его потомки ходили туда на него смотреть и им гордиться, чем к ним будут ходить знакомые и часто равнодушные спрашивать: «Покажите-ка бюст». Там все бы его видели, и всегда бы взгляд на бюст напоминал его деяния, а тут все будет забыто со временем. Впрочем, наше дело не критиковать, а радоваться, что воздают доброму начальнику по заслугам. Я как будто с вами сидел за столом: право, то же чувствовал, что и вы.

Не до вашего лазарета: денег нет, будьте довольны тем, что вам на сей год ассигновано. Вольно же было не представлять обо всем в один раз. Нам только дают 150 000 в год на все почтовые строения во всей России, а требований-то в пять раз более. В иных местах дома валятся, а нам нечем их поддержать.

Ну вот и Тургенев явился. Пора ему было домой. Я рад, что отыскал его наконец на белом свете; надобно ему послать денег, скажи, что не замедлю перевести к нему их через контору дилижансов.

Не знаю, где отыскивать письмо Малиновского к Аракчееву, – разве на том свете; однако же справлюсь только, как он его послал, – прямо ли через Чудово? Постараюсь разобрать. Видно, ему не хочется, чтобы его *поздравления* читали другие.

Константин. С.-Петербург, 2 июня 1834 года

Я тебе солгал, если сказал, что двор вчера выехал в Петергоф. Сегодня еще здесь, может быть, по случаю открытия минеральных вод, которое, по полученному мною объявлению, будет сегодня же, вероятно, с водоосвящением и молебном, в час, после чего с завтрашнего утра с шести часов желающие могут начинать свои курсы.

Виельгорский сказывал, что государь и императрица завтра изволят выехать. Толстый Шиллинг [Павел Львович; изобретатель и востоковед] был вчера у меня в восхищении: государь изволил быть у него с час и осмотреть все его изобретения, новый телеграф, новые сигналы для флагов и проч. Очень всем был доволен.

Константин. С.-Петербург, 6 июня 1834 года

Смерть князя Кочубея ужасно здесь всех поразила. Мне его сердечно жаль, он всегда был ко мне весьма хорош. Государь теряет в нем слугу верного, человека умного, опытного, государственного. Все сожалеют о нем. Дай Бог ему царство небесное! Ты в письме своем от 2-го говоришь, что он еще не приехал в Москву, но он вечером прибыл и вскоре после того отправился туда, где все будем. Фельдъегерь сюда прибыл в

полутора суток. С печальным известием как-то скорее ездится. Недолго князь пользовался канцелярством. Ох, жаль его! Сыновья поехали в Москву вчера, Строганова [дочь князя Кочубея, графиня Наталья Викторовна] собирается завтра. Она, бедная, брюхата, – как-то перенесет этот удар? Но бедная княгиня вряд ли перенесет это при ее слабом здоровье.

Константин. С.-Петербург, 7 июня 1834 года

Вчера много было карет у Загряжской, которая наша соседка по даче; но я еще не был, ибо нахожу, что в печальных случаях приятно видеть только самых близких, с коими поплакать можно, а повторять всякому одно и то же о своем горе, и иногда людям весьма равнодушным – не облегчает сердце. Знаю, что с эстафетою, с которой я тебе вчера послал мое письмо, вместо почты, послан к князю Дмитрию Владимировичу церемониал князя Кочубея; но в чем оный состоять будет, не знаю, также и где тело положат.

Константин. С.-Петербург, 9 июня 1834 года

Кочубей за час до смерти еще делал проекты на многие годы! Для семейства, по крайней мере, утешительно всеобщее сожаление. О новом председателе еще не слышно. Государь, говорят, завтра изволит приехать утром к разводу. Императрица приезжала навестить Наталью Кирилловну.

Константин. С.-Петербург, 11 июня 1834 года

Граф Михаил Семенович Воронцов будет сюда в августе, к празднику 30-го. Ему и прилично, быв генерал-адъютантом покойного государя, быть и при открытии памятника нашему общему благодетелю. У Татищева был вчера, но опять не застал. Киселев его видел в Петергофе и говорит, что он постарел, зубы совсем выдвинулись, вперед, и одним глазом почти не видит.

Константин. С.-Петербург, 6 июля 1834 года

Ну какая беда в Туле! 600 домов – я чаю, полгорода; да, может быть, на этом еще и не остановилось. Почтмейстер пишет, что пожар еще продолжался при отправлении почты. Ты более мне даешь подробностей, нежели он. Если дома застрахованы, то придется расплачиваться обществу: но это благодать для погорельцев, а общество довольно имело барышей, да и всегда иметь будет; пусть теперь поплатится. Только я сомневаюсь, чтобы там было много застрахованных домов.

Константин. С.-Петербург, 7 июля 1834 года

Закревский и вчера не выехал, по причине пятницы, в который день, я полагал, одни немцы в Вене не пускаются в путь. Сегодня чуть свет отправился. Ты найдешь в нем приятную перемену: стал веселее и здоровее, не знает более флюсов, не боится сквозного ветра и все это приписывает Италии.

Много я слышал о подмосковной князя Голицына, да что тут мудреного: у кого же быть славностям, если не у богачей? Не жаль, когда богатство в добрых руках, как у него.

Лейб-окулист Груби умер, стараюсь о Савенко на его место, не знаю, удастся ли. Князь обещал свое ходатайство, но зависит много от князя Петра Михайловича, а у него не скоро выпросишь. Он все старается уменьшить число лейб-медиков, однако же хлопотать буду за доброго своего Петра Назаровича.

Молния на сих днях упала на лабораторию, где вспыхнуло много ракет; могло бы много беды наделать, но, слава Богу, обошлось без особливых несчастий. Две перекинуло через Неву к Литейной, два дома было загорались, но тотчас погасли. Говорят, их было тысяч пять; то-то суматоха!

Константин. С.-Петербург, 9 июля 1834 года

О тульском пожаре много говорят; я также слышал, что завод не сгорел, а только водопроводное строение. Контора уцелела, а по рапорту сюда губернатора не 1000, а 640 домов сгорело, но и это ужасно!

Третьего дня должен был быть маневр артиллерийский, но отложен за нездоровьем Михаила Павловича, который после учения, быв долгое время под дождем и промокнув, вместо того чтобы скорее раздеться, поехал в лагерь пробовать щи солдатские и смотреть, каково им, отчего сильно простудился; но вчера ему было уже гораздо лучше.

Константин. С.-Петербург, 3 августа 1834 года

Я видел картину Брюллова и не мог довольно восхититься ею. Это, конечно, лучшее произведение нашего века, а он, бесспорно, лучший живописец. Куда нам ее описывать! Пусть это сделает какой-нибудь живописец или знаток, а наше дело – любоваться. В воскресенье опять поеду смотреть. Она теперь в Эрмитаже, а когда государь ее осмотрел, то, говорят, поставил в Академии для публики. Прелестная, очаровательная!

Константин. С.-Петербург, 6 августа 1834 года

На днях дерзкий Кленди в пакетах в собственные руки государю послал пакет бог знает на чье имя. Хорошо, что государь столь милостив, что возвратил, просто надписав, что по

ошибке к нему доставлено; но было бы за что прогневаться. Не менее того мне эта неисправность и невнимание чиновника к вернейшей своей обязанности весьма прискорбны; а он – только и извинения, что сделал не нарочно, что не знает, как могло случиться, что это несчастие и проч. Еще бы нарочно! Плохо они меня берегут, эти господа, а кажется, можно было бы, да и должно бы, ибо я довольно об них пекусь и забочусь. После этого поди пей воды: много помогут при беспрестанно возобновляющейся желчи!

Вчера мы очень приятно день провели. Утром рано я гулял, работал, во втором часу повез жену, княгиню и Сашку смотреть Брюллова картину, и часа полтора не могли мы от нее отойти. Подлинно восхитительна.

Обедали у нас князь Петр Михайлович, который остановил нас на улице, чтобы спросить, дома ли обедаем, Киселев, граф Панин, Манычар, Булыгин, Стратипович, Путята. После обеда болтали, курили, князь поехал на Елагин, а прочие все сели в нашу большую шлюпку и поехали завозить гуляльщиков. Воротились домой, пили чай на вольном воздухе, а там жена с Норовым, Бутягиным и Путятою села в вист, а все дети ну петь хором «Боже, царя храни» и др. песни. Легли почти в час, что очень поздно для дачи; встал я позже обыкновенного, благо сегодня позже могу ехать в город. Князь Волконский очень был весел, Киселев любезен, как всегда, Панин тоже мил; много мы смеялись за обедом и после обеда.

Константин. С.-Петербург, 7 августа 1834 года

Вчера я заехал утром к графу Нессельроде; он было меня звал обедать к себе, но боюсь славных обедов и на себя не надеюсь, отказался, хотя и очень было привлекательно: там обедают наш князь и Воронцов. Славные у Нессельроде цветы, особливо далии. Погуляв с ним, пошел к его соседу Ванише, которого в это лето не видал. С ним я отправился в город, где, хоть и в праздник, множество нашел бумаг. Вечером были у нас понедельничные гости. Сегодня еду с докладом, если князь не отменит, чего, однако же, не полагаю, ибо он всегда накануне уведомляет об отмене.

Константин. С.-Петербург, 10 августа 1834 года

Бедный Вяземский очень грустен. Кроме горести видеть дочь в опасном положении, я полагаю, что отправление семейства в чужие края, и бог знает на сколько времени, и по финансовым отношениям очень для него тяжело. Они были у нас, и мать уже не хохочет. Здешние доктора, так же, как и московские,

советовали больную тотчас отсюда отправить. Завтра отправляются на пароходе в Любек, а куда дальше – и сама еще не знает. Это там решиться должно, ибо доктора здесь не согласились насчет вод или пребывания: кто советует Италию, кто Швейцарию. Между тем бедный Вяземский получил отпуск на 4 месяца и сам едет их проводить, и останется с ними, пока их там где-нибудь пристроит. Он был вчера у нас, и очень грустен. Вхожу в его положение и разделяю его от всего сердца. Сын его остается здесь в Петропавловской школе, в пансионе.

Константин. С.-Петербург, 13 августа 1834 года

Ну вот, наконец ты увидел своего старого начальника [Д.П.Татищева] в Москве, как я некогда своего встретил там же, Разумовского; но твой милее, и тебе нет от него хлопот, а от моего у меня их порядочно, и теперь все должен устраивать, да все предвидеть, справить и проч., а ему только деньги высылать. Его роль легка, а мне каково! Хлопочи за них, а они и спасибо не скажут: думают, что так и должно быть. Чудаки!

Константин. С.-Петербург, 14 августа 1834 года

Я совсем не знал даже о болезни князя Долгорукова. Недавно еще я его встретил и долго с ним говорил, сделалась горячка, приставили пиявки, было лучше, а там удар все кончил. То-то смерть-то не за горами, а за плечами! Царство ему небесное!

Хотел бы я Клендо выгнать, но князь же удержал меня; теперь отделается арестом на месяц. Как они мне иногда досаждают! Чем бы поберечь начальника, а они и в ус не дуют.

Начинают в С.-Петербург наезжать гости для колонны. На площади сделаны места, где поместится тысяч двадцать зрителей. Мы будем смотреть из дома иностранного министерства.

Константин. С.-Петербург, 15 августа 1834 года

Ну вот и радостно-хлопотливый день настал. С утра пошли поздравления, а там вопросы от Сони, от умного Степана, от повара. На ту беду, наш повар занемог, – беда да и только! Князь Александр Николаевич назвался обедать, – милости просим, пусть же жене будет приятный сюрприз. Генерал Микулин просил позволения прислать музыку Преображенскую, – милости просим, и она славная; одним словом, званого никого нет, прошенного ничего не будет, а кто и что явится, тому рад буду – и людям, и сюрпризам. Надобно будет ранее в городе отделаться, а то без меня здесь ничего не будут уметь уладить.

Константин. С.-Петербург, 16 августа 1834 года

К четырем часам стали съезжаться гости незваные. Наш князь, также князь Петр Михайлович и многие, как увидишь из записки[80]. Стол был накрыт на заднем балконе, другой – в столовой, сидело человек до пятидесяти, и шло все порядочно. Музыка Преображенская славно играла славные пьесы, все были веселы, и наш князь восхищал всех своей любезностью. Я, по несчастью, был за другим столом в столовой. После обеда на балконе, то есть на галерее, которая сделана была прошлого года вместо лестницы, князь с нами курил и просидел почти до девяти часов. Тут к старым гостям стали наезжать новые, музыку перевели к Неве, множество набралось на берегу экипажей, пешеходов, шлюпок, и стало походить на праздник; кто сел в вист играть, а там захотелось молодежи плясать, да до часу почти и провеселились. Спасибо Микулину за музыку, а Бехтееву – что, партируя в бильярд, проиграл мне, чем музыкантов наградить; стало, все довольны, даже он сам, оставшись при уверении, что славно играет, но несчастлив. Демидов поднес свою картину [то есть картину «Последний день Помпеи», писанную Брюлловым по заказу А.Н.Демидова] государю для Академии. Его величество принял благосклонно, и я рад, что славное произведение Брюллова останется навсегда теперь не в частных руках.

Константин. С.-Петербург, 17 августа 1834 года

Сегодня открываются Триумфальные ворота; в них первые проходят солдаты, служившие в 12-м году. Как их мало осталось, медалей почти не видать на них, так что велено также вести туда солдат, которые имеют Георгиевские кресты.

Уф! Расплатился за обед, рубликов триста стоил, а ничего не было чрезвычайного. Провизия ужасно дорога была. Но не жалею этих денег: в такой день и промотать простительно.

Константин. С.-Петербург, 20 августа 1834 года

Воронцов наконец приехал третьего дня в ночь, то есть с субботы на воскресенье. Я у него вчера утром был; нашел, что он несколько похудел и постарел, в прочем все так же мил, весел и приятен, как был. Он велел тебе кланяться, много про всех вас спрашивал. Он здесь намерен прожить только до 7-го числа будущего месяца: ему нужно возвратиться домой, где много дела. Вечером опять у него был. С ним не видишь, как время летит. Теперь опять заеду. Он зашиб ногу, сходя с брига в Одессе, и доселе еще не мог сапога надеть. Куда как я ему рад: душа отдохнет с таким человеком.

Ну, проводили вы прусского принца, повеселили его. Загоскин прав, что не хотел дать спектакля в пост. Довольно

принцу было веселий и без этого, а это бы сделало неприятное влияние в городе, хотя, конечно, есть много таких в числе жителей, которые не дорожат соблюдением постов.

Константин. С.-Петербург, 27 августа 1834 года

Наши острова опять оживотворились со вчерашнего дня; жаль, что погода несколько переменилась, но надеюсь, 30-го будет хороша, а что не будет жарко, так тем лучше. Последний пароход привез Блоома, который после колонны опять отправится к себе на некоторое время; только для колонны приехал, каков! Я его очень люблю за любовь к русским; правда и то, что он везде с нами был.

Если узнаешь точно, что князь Дмитрий Владимирович не будет сюда, то уведомь меня: у меня есть к нему из Парижа посылка; я хотел ему было отдать здесь, но, видно, придется послать к тебе для доставления.

Лагрене, назначенный министром в Дармштадт, женится, говорят, на фрейлине Дубенской, и это, кажется, верно. Она мила и умна, но ничего не имеет, а у него всего тысяч 40 дохода.

Все готовятся для колонны: кто хлопочет об окошке, кто о билете на места. Мы будем смотреть у Нессельроде, а я пущусь во дворец, вероятно. После императрица изволит отправиться 5-го в Пруссию, а государь – к вам около того же времени. Князь Дмитрий Владимирович если и приехал сюда, то на несколько дней, и тотчас воротится к приезду государя.

Константин. С.-Петербург, 28 августа 1834 года

Киселев едет в Москву 4-го числа, чтобы быть там во время пребывания государя. Сегодня пошлю по всему тракту предписания о высочайшем путешествии. После пошлю чиновника, который должен все устроить, но запрещу ему показываться. Если кто-нибудь у вас будет послан, то строго запрети, чтобы нигде государю не показывался; впрочем, я не полагаю нужным вам посылать. Инспектор также не должен показываться утром на дорогах. Дай Бог нам управиться так, чтобы нигде не было остановки ни малейшей и чтобы все было порядочно.

Князь Витгенштейн-вдовец женится на Барятинской, прелестной фрейлине [сестре фельдмаршала].

Государь будет:

от 7-го до 15 сентября в Москве;

« 16-го « 17-го – в Ярославле;

« 18-го « 20-го – в Костроме;

« 21-го « 22-го и 23-го – в Н.Новгороде;

« 24-го « 27-го – в Казани;
« 28-го « 29-го – в Симбирске;
« 30-го « 1-го октября – в Пензе;
« 2-го « 3-го – в Тамбове;
« 4-го « 9-го – в Орле;
« 10-го « 11-го – в Калуге;
« 12-го « 13-го – в Москве;
« 15-го – в Петербурге.

Константин. С.-Петербург, 29 августа 1834 года

Все хлопочут о местах. Убри, приехавший с последним пароходом, со своим семейством, не может найти места, чтобы видеть церемонию. Мои, слава Богу, все пристроены: жена с женским полом будет у графа Нессельроде смотреть, а Сашка с Совестром и Пфеллером – на галерее возле экзерциргауза, где будет видно прекрасно; только всем надобно будет быть рано на местах, иначе не продерутся. Завтра у меня еще и именинник Сашка; только бог знает, будет ли кто обедать, ибо мудрено будет, за войсками, попасть даже к шести часам на наши острова.

Константин. С.-Петербург, 30 августа 1834 года

Сейчас с церемонии единственной, которой все были восхищены. Хотя половина пятого, но хочется тебе сказать о новостях: еще успею послать письмо в город для отправления с почтою. Князь Волконский сделан светлейшим, граф Литта получил бриллиантовые знаки Св. Андрея, Дмитрий Васильевич Васильчиков – орден Св. Александра Невского, граф Кутайсов – бриллиантовую табакерку с портретом, Опочинин – Белого Орла, Карбоньер – орден Св. Александра Невского, граф Михаил Семенович Воронцов – бриллиантовые знаки Св. Андрея.

Константин. С.-Петербург, 31 августа 1834 года

Войска собрались около Дворцовой площади; двор, все предводители дворянства и все, имеющие приезд ко Двору, кроме Александровских кавалеров, были у обедни в Невском. По возвращении государя оттуда, по данному сигналу, более 100 000 войск в четверть часа, без шума, без суматохи, в величайшем порядке выстроились на площади и всю ее заняли до самого Сената. Императрица между тем изволила шествовать в церковь, откуда возвратилась с духовенством, и начался молебен на галерее, выстроенной над воротами дворца. Когда дьякон провозгласил многие лета и митрополит начал читать молитву, все встали на колени, начиная с государя, который слез с лошади; была картина! Без сердечного умиления и слез нельзя было

смотреть на нее.

После вечной памяти покойному государю вдруг драпировка, окружавшая пьедестал колонны, исчезла, и столбы с арками, на которых была она повешена, наклонились к колонне, упали и исчезли при звуках пушек, музыки, и «ура» закричали все войска. Ты можешь понять, какое это сделало впечатление над нами всеми. Потом императрица со всем двором, духовенство, члены Совета, сенаторы, предводители сошли по одной стороне с лестницы и обошли монумент, который митрополит окропил святой водою, и изволили опять по другой стороне лестницы войти на балкон, после чего началось шествие всех войск мимо колонны и мимо государя. На ступенях колонны стояли роты дворцовых гренадер под командою князя Волконского, которого государь, подъехав к нему, два раза обнял, также и великого князя. Ну, право, без всякого стыда все плакали. Шествие войск также было восхитительно, молодцы! В половине четвертого все кончилось, но память незабвенного этого дня останется навсегда в сердцах всех присутствовавших. Все галереи, балконы, крыши, весь бульвар были наполнены людьми, что также украшало величественную эту картину. Государь был очень доволен; погода способствовала очень, день был прекрасный. Вообрази, что, когда императрица и все, с нею бывшие, после окропления колонны святой водою, возвратились на галерею, только что взошли на оную, небо само окропило монумент несколькими каплями дождя, который тотчас перестал, точно благословение, посланное свыше. Я в это время стоял на дворцовом балконе и видел все прекрасно.

Наш обед немного расстроился, ибо за проходом войск не всем можно было проехать, но все было человек с двадцать, а вечером приехали граф Литта и многие другие; но все так устали, что рано разъезжались. Дети ходили смотреть иллюминацию на Дворцовой площади и на Неве, где фрегаты были освещены. Ну уж подлинно торжество!

Константин. С.-Петербург, 1 сентября 1834 года

Лагрене еще не женился, женится 4-го и в тот же день отправляется к своему месту в Дармштадт. Не мог еще хорошенько узнать, были ли манифесты, о коих говорят. Да бишь, одна фрейлина – дочь графа Орлова-Денисова, а другая – Петрищева. Сегодня начинаются маневры, а завтра кончаются в Царском Селе, на которых будут действовать все 100 000 войск.

Константин. С.-Петербург, 3 сентября 1834 года

Скажи Трубецкому, что инспекторам не писано о

путешествии, ибо князь не желал, чтобы они попались государю на дороге, делая приготовления для проезда. Я уже и чиновнику Нечаю, посланному для устройств, строго приказал не показываться нигде, а если что нужно, то чтобы спрашивал графа Бенкендорфа, но чтобы государь его не видел нигде: ибо его величество не любит приготовлений. Стало, своего Цуцкина верхом никуда не посылай, разве будет какая перемена, о чем можешь узнать от графа Александра Христофоровича. Под рукою не худо и князю Трубецкому взять меры, чтобы все было исправно по его округу, хотя перевод лошадей возложен на губернаторов. Он, как человек умный, будет уметь это уладить. Впрочем, все, и надеюсь, будет хорошо; предписания посланы, Нечай к этому делу привычен, лишь бы Бог дал хорошую погоду и хорошие дороги.

Воронцов хочет ехать отсюда 12-го, после свадьбы Ваниши, которая в тот день должна быть.

Константин. С.-Петербург, 4 сентября 1834 года

Скажи ты Тургеневу, что я получил из чужих краев несколько гипсовых силуэтов его и Жуковского, пару взял себе, пару отдал Жуковскому, а с остальными не знаю, что делать; не знаю, от кого присланы, и потому полагаю, что они его. Что прикажет он с остальными делать, пока я их еще не роздал? Я не виноват, что многие, видящие их, желали иметь.

Константин. С.-Петербург, 6 сентября 1834 года

Штабс-капитан Языков, некогда служивший в Измайловском полку и командовавший ротою государя, известный очень его величеству, принимающему в нем особое участие, по высочайшему повелению причислен к Департаменту и прикомандирован теперь в ваш почтамт, до открытия вакансий почтмейстера в одной из губерний, куда он просился. Ты получишь о нем официальную бумагу; кроме того, я дам ему письмо к тебе. Ты найдешь в нем человека весьма хорошего, скромного, приятного и претерпевшего много несчастий. Он лишился в течение краткого времени жены, с которой жил благополучно, и, кажется, троих детей. Ужасно! Обласкай его и дай средства научиться почтовому делу, сколько оно нужно для почтмейстера. Я полагаю, что он недолго у нас будет; просился же он в Москву, имея там еще детей.

Константин. С.-Петербург, 12 сентября 1834 года

Воронцов едет завтра, обедает у великого князя в Павловске и пускается чрез Чернигов и Киев сперва в Белую Церковь.

Ванишина свадьба сегодня. Кроме родных, никто не будет.

Константин. С.-Петербург, 14 сентября 1834 года

Ваниша ко мне на другой день после свадьбы писал предружескую записку. Лагрене в тот же день женился и уехал в Париж. Была еще третья свадьба, но не помню, чья.

Константин. С.-Петербург, 18 сентября 1834 года

Сегодня князь Александр Николаевич получил от графа Чернышева извещение об изменениях в маршруте государя, кои, впрочем, полагаю, тебе уже известны. Выезд из Москвы был назначен 17-го или 18-го через Калугу в Орел, оттуда в Казань; если погода и дорога будут благоприятствовать, то через Тамбов, Пензу и Симбирск; в противном же случае через Москву.

Константин. С.-Петербург, 19 сентября 1834 года

Перемена путешествия не без затруднения; но я надеюсь, что вы управитесь тут же: если что-нибудь и не совсем будет как должно, то граф Бенкендорф объяснит, что в скорости нельзя было все устроить. Мне жаль, что не имеем мы чисел, где государь когда будет и сколько пробудет. Я полагаю, что ты пришлешь, если не получим прямо от графа. После твоего письма от 15-го оставалось вам еще 3 дня на устройство, а если государь пробудет в Орле 5 или 6 дней, как предполагать изволил прежде, так довольно будет времени порядочно все сделать. Извольте-ка и вы по-нашему похлопотать.

Молодые Воронцовы едут на несколько дней к Нарышкину на дачу близ Ораниенбаума.

Константин. С.-Петербург, 21 сентября 1834 года

Ну, были же у тебя хлопоты; но, слава Богу, все не только обошлось хорошо, но еще они доставили тебе случай несколько раз видеть государя, всегда к тебе милостивого. Если известны тебе числа, где, когда быть и сколько пробыть изволит, пропиши, ибо нам они неизвестны доселе. Это пребывание его величества в Москве много оставляет вам всем приятных воспоминаний. Теперь надобно ждать, как поедет из Орла в Казань: через Пензу и Симбирск или опять через Москву.

Молодой Витгенштейн третьего дня, спавши, ударился больной ногою и истек было кровью, которую с большим трудом могли остановить. Теперь ему опять хорошо, но отец его и мать совершенно убиты.

Константин. С.-Петербург, 22 сентября 1834 года

Ну, слава Богу, государь хорошо доехал до границы Московской губернии. Начало хорошо, даст Бог, и весь вояж довершит благополучно. Граф Бенкендорф нам только писал, что государь проедет 20-го или 21-го в Калугу, и оттуда обещал уведомить о дальнейших предположениях.

Видно, Даценко у вас молодец. Если когда будет отправляться сюда с почтой, то скажи, чтоб ко мне зашел показаться. Жаль, что его не прямо к вам отправил Волконский с ответом императрицы; но тот ни за что не поступит против предписаний, а ему велено чрез С.-Петербург посылать, да иначе и нельзя, ибо эстафеты эти привозят и сюда письма к наследнику и великим князьям; вот и сегодня ночью были также эстафеты. Фикельмон прежде твоего письма был уже здесь. Гритти видел его вчера утром. Он в восхищении от поездки своей в Москву.

Ты мне не сказывал разговор государя о свадьбе Лагрене, но я знаю, что он не был доволен выбором Дубенской; да и подлинно, охота ей, будто бы не нашла мужа дома.

Константин. С.-Петербург, 24 сентября 1834 года

Мы ничего еще не получили от Бенкендорфа из Орла. Дальнейшее путешествие будет зависеть от погоды и дорог. Весьма быть может, вы будете обрадованы присутствием государя при проезде в Казань.

Не хвастайте: и у нас начались репетиции «Роберадья-вола», или, впрочем, можете похвастаться тем, что у вас все дается прежде; однако «Фенеллы» вы еще не видели, а я и третьего дня любовался первым актом и танцами мадам Пессар. Я обыкновенно долго не остаюсь, сберегая глаза.

Старик Витгенштейн уехал. Другой фельдмаршал купил у Румянцева славное его имение Гомель. Это весьма кстати.

Константин. С.-Петербург, 27 сентября 1834 года

Князь получил известие от государя из Орла от 22-го. Его величество был весьма доволен всем, что видел, но только не погодой, а потому не изволил еще решить, как и куда ехать.

Ну, вчера я дебютировал подлинно. Обедал у Демидова. Я после ездил на немецкий бенефис, смотрел «Невесту» Обера и слушал мадам Сикар, которая между актами пела. Некогда была славная певица, но спала с голосу. Театр был набит, было жарко; но мы с Сашкою и с Совестром выдержали до конца.

Константин. С.-Петербург, 28 сентября 1834 года

Вчера утром рано нашли на Сенной площади мертвое тело (в почтовом сюртуке, голова пробита, лицо избито так, что с трудом

экзекутор мог узнать) младшего разборщика у раздачи посылок Кашеварова. Он всегда вел себя хорошо; видно, зашел в недоброе место, выпил или поспорил, подрался; может быть, нечаянно убили да и бросили на площадь. Что-то откроется впоследствии?

Константин. С.-Петербург, 26 октября 1834 года

Вчера утром весь двор переехал в Санкт-Петербург. Государь в Аничковом дворце. Я никого еще не видел, уж заеду к графу Бенкендорфу часу в двенадцатом, он будет посвободнее, и, вероятно, услышу от него повторение того, что от тебя. У Нечая, знаю уже, все было благополучно. С приездом нашего ангела и погода прояснилась, сегодня ясно, солнце и погода хоть куда. Государь ехал сюда 42 часа, несмотря на весьма грязную дорогу. Ваша почта пришла вчера поздно вечером, так что я ее не велел и разбирать. Ехала на обывательских лошадях; я и не знал, что есть обывательские, они же, в свою очередь, вероятно, делаются почтовыми.

Константин. С.-Петербург, 29 октября 1834 года

В субботу я тебе писал, что вместо трех часов обед во дворце был назначен в два. Как раз отобедали. В 4 часа наш князь поехал в Аничков дворец, простился с государем, и тотчас после его величество изволил отправиться в Берлин. Перед обедом узнал я от Бенкендорфа о скором отъезде, чуть еще никто не знал, а многие и на другой день еще не знали. Тотчас послал я сюда на станцию, приказал заготовить лошадей, а по дороге был уже послан фельдъегерь. Да что я бы тут мог сделать? Если бы я кого и послал, то государь бы его нагнал, верно, на второй станции. Дай Бог, чтобы все обошлось благополучно и безостановочно.

Дороги очень дурны, вчера целый день шел мокрый снег; сегодня немного подмерзло. Я полагал, что государь поедет, но не думал, что так скоро. Мы здесь только успели на него взглянуть.

Нет, брат, я с тобою насчет оклада никак не согласен. Ты полагаешь, что 5000 не много за службу 30 лет, тогда как ты не одни 5000 считать должен, а все, что получаешь по месту. При этом гоняться за столовыми – непременно бы дало повод всем кричать; да я уверен, что и князь бы не одобрил такой просьбы. Нам остается только благодарить Бога, а не делать новых претензий и просить Его продолжать к нам Свои милости. О службе нечего и говорить: не мы одни так служим, у иных и больше трудов, но не так отличены, как мы. Ты думаешь, что нет завистников; а я так тебе скажу, что их много и что не один донос на нас подавали, то есть подкидывали то в Сенат, то к

Бенкендорфу, мало ли к кому! Конечно, они безымянные и совершенно неосновательны, но не забывают в них говорить о доходах и проч. Тогда еще более бы мы стали возиться, если бы слышали, что ты получил еще столовые деньги, не ставя в счет, что отказался от деревни. Я тебе сказал откровенно мое мнение, а впрочем делай, как сам лучше знаешь.

Константин. С.-Петербург, 30 октября 1834 года

Обед вчера у его высочества был очень приятный. Были только князь Ливен, Чичерин, Полетика и дежурный адъютант. Великий князь был очень весел, много шутил, рассказывал анекдоты, смеялся; после обеда курили, разговаривали, так что я уже в девятом часу домой приехал. Сказал мне, что получил от тебя письмо, очень милостиво говорил о Сашке, о Косте, по обыкновению, хвалил Москву. От него первого я узнал, что государь, выехавший в шестом часу вечера, на другой день в 9 часов утра был уже за 240 верст отсюда. В эту погоду очень скоро. Через фельдъегеря велел сказать князю нашему, что лошади не так-то хороши. Немудрено, что в ненастное время и по тяжелой дороге они несколько и изнурены, а так как не знали о проезде его величества, то не могли и дать им отдохнуть наперед.

Я за Брокера рад хлопотать, но очень боюсь, чтобы не было уже кого-нибудь в виду. На это место множество всегда охотников, которые не дремлют; еще не очистилось, а они уже тут со своими искательствами. Я бы очень советовал просить графиню, она даже и верно будет ходатайствовать за доброго человека. На место Багреева – Кушелев-Безбородко директором, нужно и его согласие, и, я чаю, и представление, а если ему графиня скажет слово, то он все сделает: тогда и графу будет легче, ибо останется только согласиться на представление. По всему этому я советую тотчас к ней писать, а если Брокер ее знает, – и самому Брокеру. Также Фавст может попросить камергера, своего знакомого, дабы он напомнил графине (забыл, как его зовут). Между тем я, с своей стороны, также хлопотать буду и душевно буду рад, если Брокеру достанется это место. Не зевайте вы сами.

Константин. С.-Петербург, 2 ноября 1834 года

Воронцов мне пишет, что он почти сладил в Крыму покупку для Марицы [то есть жены К.Я.Булгакова Марии Константиновны]. У нее был капитал маленький, на который он ей покупает там место, принадлежащее барону Беркгейму, где виноградные сады, с которых он получает изрядный доход, между тем как здесь она только 4 процента получала из банка. Это

место, или, лучше сказать, сад, на южном берегу, коим все восхищаются. Цена 60 000, именно столько, сколько у нее было; да надобно будет еще на разные устройства прибавить тысяч пять, вина же Беркгейм продал в сем году тысяч на десять. Я говорил с Башмаковым и с другими крымскими жителями; они не понимают, как может Беркгейм так дешево продать. Воронцов пишет, что и там все удивляются. Дай Бог хоть раз в жизни сделать хорошее дело!

Константин. С.-Петербург, 7 ноября 1834 года

Ну уж братья Эйхгорны; старшему, я думаю, лет четырнадцать, не больше, а младшему десять. Они давали вчера концерт, играют оба на скрипке. Особливо старший подлинно феномен. Дайте ему более силы, которой он, по молодым летам своим, еще иметь не может, так будет он второй Паганини. Мы ездили его слушать и были, как и вся публика, восхищены. Театр был набит. Я уверен, что всякий раз, что они будут играть, будет то же. В Лондоне он давал 40 концертов, в Париже, кажется, 30, и с величайшим успехом, да и заслуживает того в полной мере.

Я был сегодня с докладом, сейчас от своего князя приехал. Он имеет известие о государе. Его величество прибыл благополучно в Берлин в четверг, 1 ноября, менее нежели в 5 суток. Это чрезвычайно скоро по теперешним дорогам. Слава Богу! Его там никак не ожидали, ты можешь себе представить всеобщую радость и восхищение.

Константин. С.-Петербург, 10 ноября 1834 года

Я был вчера на балу у контролера Хитрова, бал был славный. Ожидали великого князя, но его высочество еще нездоров; у него чирей на спине, от которого он очень страдает; вчера, однако же, прорвался, и ему уже было гораздо лучше. Я играл в карты и приехал домой в половине первого. Тут надобно было изготовить еще разные бумаги по путешествию императрицы, послать их сегодня пораньше к князю подписать, отчего я и лег поздно.

Князь Волконский сообщил нам расписание экипажей императрицы и свиты, а также ночлегов. 20 ноября – близ Кельна, 21-го – в Митаве, 22-го – в Ленфенгофе, 23-го – в Дерпте, 24-го – в Чудлее и 25-го – в С.-Петербурге. Государь поедет по другому тракту. Максимов мой три дня как уехал, потому принужден я был послать еще другого на тракт и надеюсь, что все будет исправно.

Константин. С.-Петербург, 12 ноября 1834 года

Очень поговаривают, что государь возвратится 17-го, и

говорят люди, которые могут это знать; но я все жду верить, пока мой князь мне не скажет, а он тотчас меня уведомит. Дороги очень дурны, особливо по Белоруссии. Впрочем, может быть, государь из Ковно выедет в Ригу. Долгоруков [князь Николай Васильевич, дипломат, тогда обер-гофмаршал] мне сказывал, что и кучер его величества там оставлен. Дай Бог, чтобы сделался путь и все обошлось благополучно; мне и то уже больно, что, ехав в Таурогген, государь не всегда был доволен лошадьми; но правда, что тогда время и дороги были прескверные.

Константин. С.-Петербург, 22 ноября 1834 года

Нашего старого архивского товарища князя Козловского посетило несчастье. Он возвращался в Россию; где-то в Польше ему попался на станции кучер, этот кучер вдруг дорогою сошел с ума и с крутизны близ дороги бросился с лошадьми и экипажем в пропасть, где и дух испустил, то есть просто сломал себе шею. Бедный Козловский переломал себе несколько ребер, но остался жив. Говорят, что ему лучше и что недели через две можно ему ехать будет далее. Ведь надобно же быть такой беде с ним!

Константин. С.-Петербург, 26 ноября 1834 года

Одним кавалером Белого Орла менее: генерал Гогель, бывший некогда директором Пажеского корпуса, умер. Я знал его, как всех, но особенно не был с ним знаком.

Наследник приехал третьего дня благополучно. С ним граф Бенкендорф и Кавелин. Государя с императрицею ожидаем сегодня, ибо изволили ночевать в Чудлее или Вайваре за Нарвою; однако же пакет с иностранной почтою я послал навстречу.

Константин. С.-Петербург, 27 ноября 1834 года

Государь с императрицею вчера в семь часов вечера благополучно к нам возвратились. Прямо проехали в Казанский собор. Слава Богу, все обошлось хорошо. Максимов ко мне явился с сим радостным известием. В Риге, несмотря на шедший лед, государь с императорской фамилией переехал Двину.

Константин. С.-Петербург, 29 ноября 1834 года

Вчера был я у князя Петра Михайловича, нашел его молодцом, – пополнел и совсем не устал от путешествия. Ему король [то есть король Пруссии] пожаловал шпагу, богато украшенную бриллиантами, со своим вензелем, что ему очень приятно.

Константин. С.-Петербург, 6 декабря 1834 года

Четыре новые члена Совета: Киселев, Кирилл Ал. Нарышкин, князь Репнин и Марченко. На место Марченко в должность государственного секретаря – барон Корф, что правителем дел в Комитете министров. Он еще поздравлений хотя и не принимал, но нет сомнения, что он будет. Кто же на его место, еще не знаем. Сестра Пушкиной, жены автора, – фрейлиною [это была средняя из Гончаровых, Александра Николаевна, позднее баронесса Фризенгоф]; говорят, также и дочь У бри. Два камергера – имен не помню, служат в Министерстве финансов. Товарищ Блудова, граф Строганов, – генерал-адъютант. Говорят также, что граф Протасов сделан помощником Уварова, но оно еще требует подтверждения. Киселева султан пожаловал в *беи* и прислал еще свой портрет, украшенный бриллиантами.

Сашка вчера со своими товарищами имел счастие представляться государю с великим князем. Государь спросил: «Кто?» – «Булгаков». – «Сын нашего Булгакова?» – «Сын Константина Яковлевича», – отвечал великий князь. «Доволен им?» Его высочество Сашку очень похвалил по всем отношениям. Ну слава Богу! Сегодня великий князь, увидев меня, подошел и повел с собою к окошку. «Ну вот, у вашего кирасира все отлично, он представлен, – опять его очень хвалил и кончил: – Ему недостает только живости (allegresse)». Видя, что я не понимаю, повторил: «Aller graisse – похудеть». Шлипенбах также повторил мне, что очень им доволен.

Константин. С.-Петербург, 24 декабря 1834 года

Старуха статс-дама княгиня Волконская скончалась вчера в 8 часов утра. Накануне еще императрица была у нее, и старуха, тронутая сим милостивым посещением, сказала государыне, что как скоро оправится, то приедет ее благодарить.

Граф Панин, товарищ Дашкова, женился на дочери сенатора графа Тизенгаузена. Княгиня Ливен, говорят, отложила свой отъезд в чужие края до половины мая.

Вчера было у нас собрание в Обществе поощрения искусств. Между прочим избирали троих в директоры вместо выбывших, и я чуть не попал, но отделался. Завтра, говорят, мне 52 года, ибо 25-е число; но если верить тетушке, то 27-го, а по батюшкиной записке – 29-го, стало, не много бы я выиграл; лучше завтра отделаться.

Константин. С.-Петербург, 27 декабря 1834 года

Вчера, кончив доклад свой у князя, поехал я в Невский, где только что началось отпевание. Государь, императрица, наследник и Михаил Павлович изволили быть на похоронах, весь

дипломатический корпус, весь двор и множество знати также приехали отдать свой последний долг почтенной старушке. Князь Петр Михайлович был очень тронут и трогателен. Видно, что ему ее душевно жаль.

Тело поставлено покуда в погреб, до приезда Репнина, которому одному известна воля покойницы, где ее положить. Мне кажется, что я угадывал ее желание быть в Донском монастыре, возле отца.

Смотря на это тело, вспомнил о Воронцове, о всех, там бывших. Из стариков один князь Дмитрий Иванович [Лобанов-Ростовский] остался, а кто тогда молоды были и почти детьми, и те теперь уже состарились.

Княгиня Софья больна, не была на погребении. Дурнова очень плакала, да и у меня, глядя на нее, навернулись слезы на глазах. Провожая тело до погреба в одном мундире, я перезяб, так что, приехав домой, должен был выпить рюмку водки. Царство небесное старушке, которая всегда ко мне очень была добра и ласкова. Прошлого года, я помню, ежеминутно ожидали ее кончины, – она оправилась; а теперь, когда ей стало гораздо лучше, в несколько часов отправилась. Тогда был я в Орденской думе во дворце; вдруг прибежал за мною и Васильчиковым, Дмитрием Васильевичем, придворный лакей – звать к княгине. Мы нашли ее очень плохою и засвидетельствовали ее духовную. Год ровно после того жила.

Константин. С.-Петербург, 29 декабря 1834 года

Дом Молво здесь объявил себя несостоятельным, миллиона на четыре. Тут братья Крамеры сидели в 350 тысяч, Пономарев также, Штиглиц в 250 тысяч и многие другие, из коих некоторые совершенно разорились. Отца Молво я знал, был человек хороший, он умер. Впрочем, давно уже говорят, что дела этого дома плохо идут. У него был большой завод сахарный.

Константин. С.-Петербург, 31 декабря 1834 года

И я незнаком был с Шереметевым [Сергеем Васильевичем, директором Странноприимного дома], но искренне о нем сожалею. Он был не стар и оставляет большое семейство без состояния. Если он чувствовал свою смерть, то насколько тяжелая была для него минута разлуки со своими, для коих он уже здесь ничего сделать не мог. Там будет за них молиться, и Бог не оставит осиротевших. У кого семейство обеспечено, тому легко умирать. Это настоящее наше успокоение и наша цель, но горько оставлять после себя нужду, бедность. Его смерть меня истинно опечалила. Дай Бог ему царство небесное, и да призрит

Всемогущий семью его!

Иллюстрации

Герцог Александр Фридрих Карл Вюртембергский

Светлейший князь Александр Сергеевич Меншиков

Митрополит Филарет
(Василий Михайлович Дроздов)

Граф Николай Сергеевич Мордвинов

Граф Алексей Андреевич Аракчеев

Граф Юлий Помпеевич Литта

Графиня Екатерина Васильевна Литта

Князь Борис Антонович Четвертинский

Княгиня Надежда Федоровна Четвертинская

Граф Петр Александрович Толстой

Князь Алексей Алексеевич Долгоруков

Иван Николаевич Римский-Корсаков

Графиня Мария Алексеевна Орлова-Денисова

Иван Александрович Нарышкин

Петр Христофорович Обольянинов

Наталия Кирилловна Загряжская

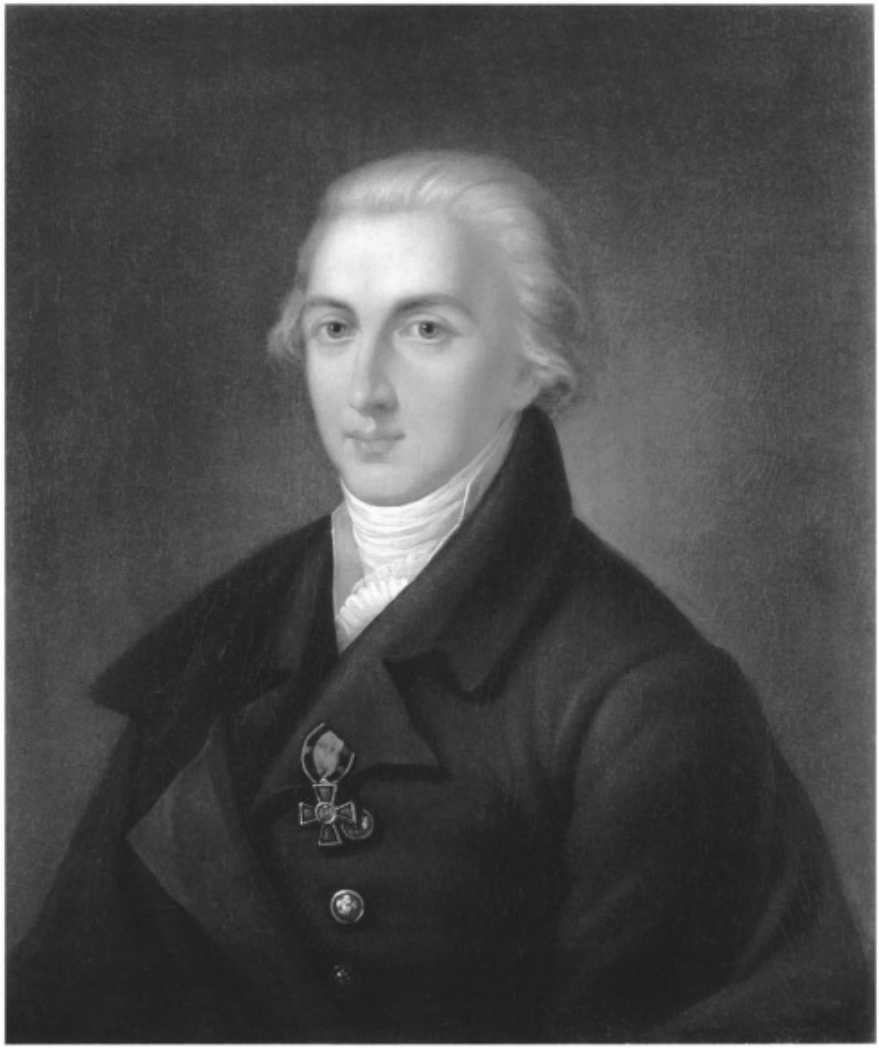
Княгина Мария Васильевна Кочубей

Княгиня Зинаида Александровна Волконская

Александр Николаевич Оленин

Петр Андреевич Вяземский

Княгиня Екатерина Алексеевна Долгорукова



Василий Федорович Малиновский

notes

Примечания

1

Князя Александра Никитича Волконского.

2

Александра Григорьевна, урожденная графиня Чернышева, поехала в Читу к своему ссыльному супругу Никите Михайловичу Муравьеву и повезла туда стихи Пушкина «Во глубине сибирских руд».

3

Дом этот в Плетешковском переулке принадлежал позднее Дмитрию Фавстовичу Макеровскому.

4

Это был Уваров, женатый на сестре декабриста Лунина и затеявший тяжбу о незаконности его завещания, написанного раньше заговора.

5

Это дом на Мясницкой (некогда графа П.И.Панина, который из него отправился на Пугачева), позднее Липгарда. Анна Петровна – супруга А.Ф.Малиновского, урожденная Исленьева, родственница и воспитанница княгини Дашковой.

6

Племянница графа Каменского, которого Закревский считал своим благодетелем.

7

Этот Кривошапкин позднее управлял витебским имением братьев Булгаковых.

8

Врач Константин Анастасьевич Попандопуло перед тем женился на двоюродной сестре Булгаковых Любови Андреевне Мартыновой.

9

Этого приложения у нас не имеется. – Дмитриевы-Мамоновы действительно происходят от Рюрика, о чем, конечно, знал несчастный граф Матвей Александрович, в голове которого действовала и мысль о близости его родителя к царскому престолу. Он рано осиротел. И.И.Дмитриев (одного с ним родословия), будучи министром юстиции, назначил его, еще совсем юношу, в Московский Сенат прокурором, чем и возбуждено было его славолюбие. Затем 1812 год и полк, набранный и содержимый на собственные средства.

10

Впоследствии, в «Записках» своих, Вигель отзывался о К.Я.Булгакове совсем иначе.

11

То есть сестры графа Мамонова.

12

Когда пишущий эти строки служил в Архиве, директор оного князь М.А.Оболенский (племянник графа Маркова по матери) поручил ему заняться бумагами этого деятеля. Отсюда вышла биография графа А.И.Маркова, напечатанная в «Русской Беседе» 1857 года, то есть через 30 лет после статьи о нем князя П.А.Вяземского.

13

А.А. Волков был в Москве первым начальником незадолго перед тем учрежденного жандармского управления.

14

А.Я.Булгаков собирался к брату своему в Петербург, где и прожил довольно долго.

15

Н.В.Сушков убил на поединке Константина (Костаку) Варлама, брата жены К.Я.Булгакова.

16

Женское предчувствие!

17

Кто этот Лико? Не брат ли убиенного Варлама и Марии Константиновны Булгаковой?

18

Первые помещенные здесь письма написаны на обратном пути из Петербурга, где А.Я.Булгаков гостил у своего брата более полугода.

19

Александр Николаевич Мордвинов (сын адмирала и впоследствии граф) женился тогда на дочери миллионера Настасье Алексеевне Яковлевой.

И притом на веки вечные, так что потомки его и после делили между собой эту беспримерную пенсию.

21

Это двоюродный брат графа Ростопчина, женатый на княжне Черкасской. На дочери Крюкова, Марье Александровне, был женат Николай Михайлович Лонгинов.

Вместо того А.П.Ермолов купил себе под Москвою, за Кунцевым, село Осоргино, где и проводил летние месяцы.

23

Федор Петрович Гааз прожил еще много лет и кончил свою добродетельную жизнь в Москве в августе 1853 года. Кстати сказать, ему было из чего помогать бедным людям: есть известие, что ему принадлежал большой дом на Кузнецком мосту.

Сестра Булгаковых от второго брака их матери, Шумлянская.

25

Князь П.С.Мещерский был тогда обер-прокурором Св. Синода.

26

Александра Дмитриевича Улыбышева, сочинителя известной французской книги о Моцарте.

27

Это будущий (при Александре II) министр внутренних дел Сергей Степанович и его супруга Варвара Ивановна.

Траверсе, Канкрин, князь Ливен и граф Нессельроде.

29

Дмитрий Васильевич Дашков (сестра которого была за Титовым) состоял тогда при графе Нессельроде, который отправился, как и государь, к армии на юг.

30

Что через три года женился на Александре Осиповне Россет.

31

Племянник И.И.Дмитриева был исключен из Английского клуба за то, что не только преследовал князя Шаликова насмешками, но и нанес ему оскорбление действием. Обоих исключили из числа членов клуба. Дядя сам не захотел поэтому оставаться членом клуба и возвратил туда билет; но вскоре старшины поехали к нему на Спиридоновку и упросили переменить гнев на милость.

32

Этот дом на углу одесского Приморского бульвара был тогда только что отстроен. Императрица жила в нем с девятилетней великой княжною Марией Николаевной, которую учила русскому языку племянница Жуковского, супруга одесского карантинного начальника Анна Петровна Зонтаг.

33

Это на Остоженке, где позднее был Катковский лицей. В тамошнем саду имелась не искусственная, а минеральная вода, найденная покойным князем В.Ф.Одоевским.

34

То есть княжна Софья Александровна Урусова, фрейлина императрицы Александры Федоровны, позднее княгиня Радзивилл.

35

А.Н.Голицыну и П.М.Волконскому

Учитель музыки и настройщик фортепьяно, живший у Булгакова.

Константина Христофоровича, умершего от скоротечной болезни легких в августе 1828 года, во время войны с Турцией.

37

Княгиня Анна Александровна Меншикова, урожд. Протасова – двоюродная сестра графини Е.П.Ростопчиной.

38

А.Н.Раевский, с хлыстом в руках, остановил на улице карету графини Е.К.Воронцовой, которая с приморской дачи ехала к императрице, и наговорил ей дерзостей. Его выслали в Полтаву.

39

Так звали Булгаковы бывшего московского коменданта, а в это время жандармского генерала, А.А. Волкова.

40

Николай Мартьянович, герой Отечественной войны, генерал-адъютант, военный губернатор Тифлиса, умер 10 октября 1828 года. От второго своего брака, с Елизаветой Сергеевной Кушниковой (умерла 1 ноября 1828 года), имел он сына.

41

Речь идет о кончине князя Александра Александровича Урусова.

42

Граф Иван Алексеевич Мусин-Пушкин, муж графини М.А.Урусовой. Сестра ее графиня Софья была тогда фрейлиной Александры Федоровны.

43

Князь Д.В.Голицын многократно намеревался покинуть московское генерал-губернаторство.

44

Коронация действительно происходила в Варшаве; на принадлежностях коронования (специально изготовленных и ныне хранящихся в Оружейной палате) стоит буква «М» вместо «Н» (по-польски «Микулай», вместо «Николай»).

45

Софья Прокофьевна, родная племянница жены А.Я.Булгакова, в детстве лишившись родителей, жила под опекою своего дяди Сергея Федоровича Соковнина, который позднее и выдал ее замуж за вдовца, графа Василия Алексеевича Бобринского; а Дмитрий Васильевич Дашков (министр юстиции) женился на Елизавете Васильевне Пашковой.

46

Александр Гумбольдт – немецкий естествоиспытатель, географ и путешественник. В 1829 году совершил большое путешествие по России.

47

Это была славная победа под Кулевчею, обеспечившая дальнейшие успехи русского оружия. Победитель, Дибич, заменивший графа Витгенштейна в главном начальстве над армией, нарочно послал Витгенштейнова зятя, князя Петра Ивановича Трубецкого, вестником победы к государю, тогда находившемуся в Варшаве, где произошло венчание его короною Царства Польского.

48

Граф Ферзен женился на графине Ольге Павловне Строгановой, родной племяннице князя Д.В.Голицына.

49

У Воронцовых, графов и князей, строго соблюдалось правило отвечать на всякое полученное ими письмо, хоть бы в двух словах.

50

Трандафил Чумага – богатый греческий торговец в Москве.

51

То есть Леопольда Кобургского, позднее короля Бельгийского, брата нашей великой княгини Анны Федоровны. Находясь долго в русской службе, он обнаруживал не только любовь к России, но и склонность к греко-российскому исповеданию. Для Греции он был, может быть, лучше католика Оттона, которого вместо него назначили королем в Грецию и которого греки вынуждены были лишить престола.

52

Слух был довольно основательный: в Великий пост того года государь уже привозил в Москву и сообщал (конечно, немногим) предварительное начертание раскрепощения крестьян с земельным наделом. Помеха последовала из Варшавы.

53

Великий князь Михаил Павлович в это лето приезжал в Москву лечиться искусственными минеральными водами, заведение которых было на Остоженке.

54

Грипсолейль – молодой подпасок, действующее лицо «Женитьбы Фигаро».

К этому малому числу принадлежал граф Александр Никитич Панин, заведуя временной больницей на Тверской. Больные опасались идти в ванну: он сам садился в нее, чтобы они видели ее незараженность и последовали его примеру.

Опасение неоправдавшееся: ребенок выздоровел.

Индижестия – несварение желудка.

58

Слух неверный: единственная дочь А.Ф.Малиновского, Екатерина Алексеевна, вышла замуж за князя Ростислава Алексеевича Долгорукова.

Этот слух о С.А.Соболевском был ложный, равно как и о кончине его, воспоследовавшей лишь 4 октября 1870 года.

А.Я.Булгаков жил тогда на Арбате, в приходе Николы Явленного, недалеко от дома Льва Алексеевича Яковлева.

Так звал Булгаков вторую дочь свою Ольгу, которая вскоре вышла замуж за князя Александра Сергеевича Долгорукова.

62

Граф Василий Алексеевич Бобринский, женившийся незадолго перед тем на племяннице жены Булгакова, Софье Прокофьевне Соковниной, делал, вопреки ей, затруднения по наследству после ее деда князя Василия Алексеевича Хованского, коего суконная фабрика под Москвою в селе Горбове перешла потом в собственность Натальи Васильевны Булгаковой.

63

Он и сделался им в Вене. Выше министра в посольстве – только сам посол.

64

Намек на то, что Корсаков был некогда любимцем Екатерины Великой, которая называет его, в письмах к Гримму, Пирром, царем Эпирским и которой он скоро изменил, сблизившись с графиней Строгановой (урожд. Трубецкой).

Лет через тридцать эти письма были приобретены Г.А.Чертковым у сына Булгакова, Павла Александровича. Они напечатаны в «Русском Архиве» 1879 г.

66

Молодые Пушкины, до переезда весною в Царское Село, жили со дня свадьбы во втором ярусе большого дома на Арбате, между церквами Николы в Плотниках и Св.Троицы. Отец позволил Пушкину заложить в Опекунском Совете Нижегородскую деревню. Из полученных денег (до 40 тыс.) он заплатил долги свои и, живучи около трех месяцев в Москве, до того истратился, что пришлось ему заложить у еврея Веера женины бриллианты, которые потом и не были выкуплены (со слов Павла Васильевича Нащокина).

67

В это время князь Петр Андреевич Вяземский уже поступил на службу в Министерство финансов.

68

Петр Степанович Молчанов, некогда (1813—1814) правивший всеми внутренними делами России, будучи начальником канцелярии престарелого князя Николая Ивановича Салтыкова.

69

Покойный М.П.Щербинин передавал мне, что князь М.С.Воронцов не только предоставил ему курское имение после Настасьи Михайловны, но и дал большие деньги на его улучшение, под вексель, по которому никогда не брал процентов; а по кончине его, князь Семен Михайлович, по словам того же Щербинина, не только не взял принесенных ему процентов, но и возвратил самый вексель порванным.

То есть Федору Семеновичу Уварову, отставному кавалергарду, младшему брату того, которому вскоре Бенкендорф доставил место министра народного просвещения.

71

Варвара Петровна, урожд. Алмазова, с дочерью Анною Сергеевной и старшим сыном Василием Сергеевичем.

То есть как Сергей Иванович Тургенев, скончавшийся в Париже в 1827 году в умоповреждении.

73

То есть отца маленькой княжны Александры Александровны князя Александра Сергеевича Долгорукова.

74

Александр Иванович Грессер женился на сестре министра двора, князя Петра Михайловича Волконского, княжне Анне Михайловне.

75

И.И.Дмитриев отказался от членства в Английском клубе за то, что из него был исключен его племянник, нанесший оскорбление действием князю Шаликову.

Это князь Александр. Сергеевич Голицын, сын двоюродной сестры Булгаковых.

77

Эта гостиница Коппа была в Глинищевском переулке близ Тверской.

78

Павел Николаевич Демидов женился на прекрасной финляндке Авроре Карловне Шернваль.

Это был богатый брамин, по каким-то обстоятельствам забравшийся в Петербург.

При многих письмах К.Я.Булгакова сохранились записки, писанные его детьми, с перечислением бывших у него гостей.